

Майн Рид

Майн Рид

Demuz

МАЙН РИД

ТОМ ВТОРОЙ

ОЦЕОЛА,
ВОЖДЬ СЕМИНЛОВ

МОРСКОЙ
ВОЛЧОНОК

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1956

Издание выходит под общей редакцией

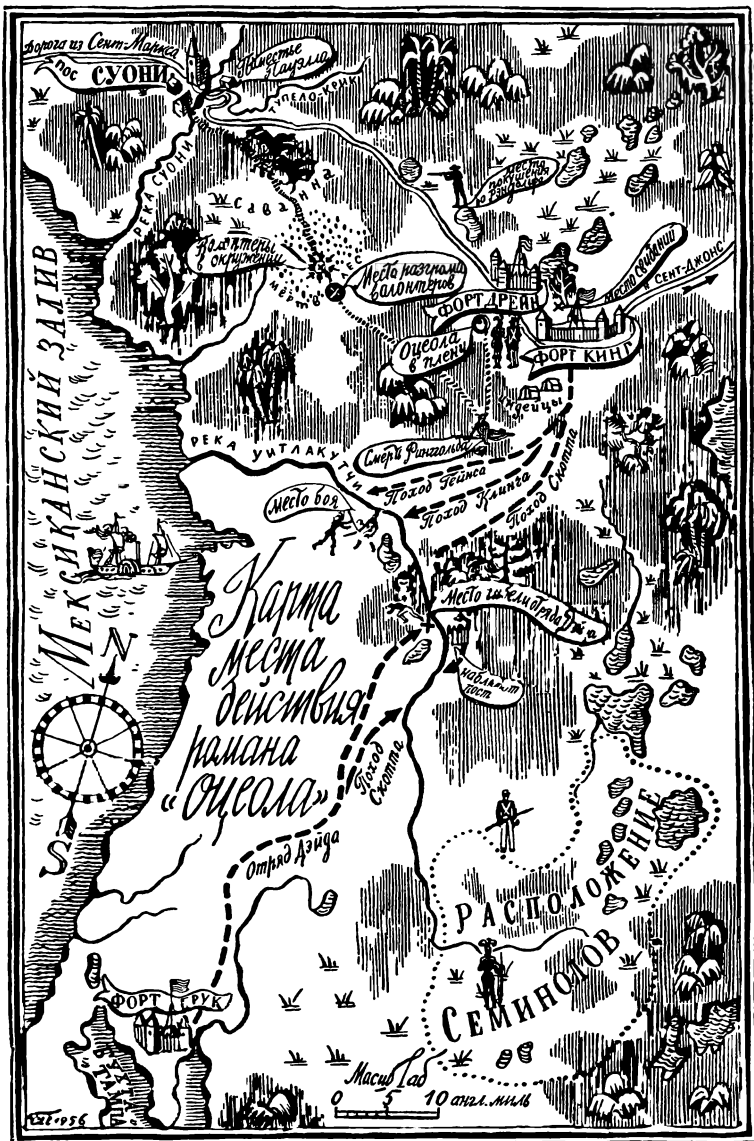
проф Р М САМАРИНА

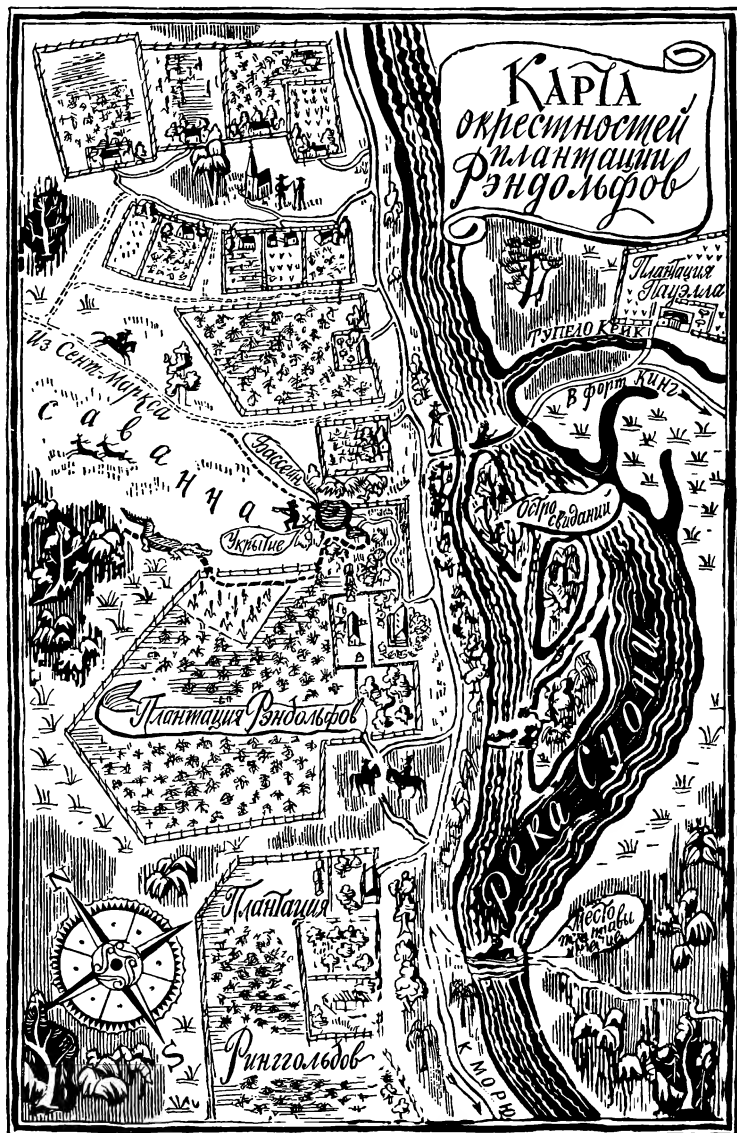

ОЦЕОЛА,
ВОЖДЬ
СЕМИНОЛОВ

✧
Повесть
о Стране
Цветов

Перевод с английского

Б. Б. Томашевского

Редактор *А. И. Миронова*

Глава I

СТРАНА ЦВЕТОВ

INDA FLORIDA! Прекрасная страна цветов! Так приветствовал тебя смелый испанец, искатель приключений, впервые увидевший твои берега с носа своей каравеллы¹.

Было вербное воскресенье, праздник цветов, и благочестивый кастилец усмотрел в этом совпадении доброе предзнаменование. Он нарек тебя Флоридой, и поистине ты достойна этого гордого имени.

¹ Флорида была открыта в 1513 году испанским мореплавателем Хуаном Понсе де Леон.

С тех пор прошло триста лет¹. Миновало целых три столетия, но, как и в первый день открытия, ты достойна носить это нежное имя. Ты так же покрыта цветами, как и три века назад, когда Хуан де Леон впервые ступил на твои берега. Да и сейчас ты так же прекрасна, как в дни сотворения мира!

Твои леса все еще девственны и нетронуты, твои саванны полны зелени, твои рощи благоухают ароматами аниса, апельсинового дерева, мирта и магнолии. Голубая иксия сверкает на твоих равнинах, золотистая нимфея отражается в твоих водах. На твоих болотах возвышаются огромные кипарисы, гигантские кедры, эвкалипты и лавры. Сосны окаймляют твои холмы, покрытые серебристым песком, и смешивают свою хвою с листвой пальм. Странная прихоть природы: в этом мягком, благодатном крае встречаются все виды растительности — деревья севера и юга растут бок о бок, сплетая свои ветви.

Прекрасная Флорида! Кто может смотреть на тебя без волнения, кто может отрицать, что ты благословенная страна, кто может, подобно первым путешественникам, не поверить, что из твоего лона бьют волшебные источники, которые возвращают юность и даруют бессмертие?! Неудивительно, что эта сладостная и пленительная мечта овладела умами многих — в нее уверовали. Эта слава, гораздо больше, чем серебро Мексики или золото Перу, привлекала сюда тысячи искателей приключений, стремившихся вернуть себе молодость в твоих прозрачных водах. Не один смельчак, в погоне за призрачными иллюзиями, нашел в этих опасных путешествиях преждевременную старость и даже гибель. Но можно ли удивляться таким безумным поступкам! Даже и в наше время вряд ли можно назвать это иллюзией, а в тот романтический век поверить в эту мечту было еще легче. Если открыт новый мир, почему же не открыть и новый способ жить? Люди увидели страну, где вечно шелестит листва, где не вянут цветы, где неумолчно по-

¹ Роман «Оцеола, вождь семинолов» написан Майн Ридом в 1858 году.

ют птицы, где никогда не бывает зимы, где ничто не напоминает о смерти. Не эти ли чудеса заставили людей поверить, что, вдыхая ароматы такой благословенной земли, они станут бессмертными?

Эта наивная мечта давно исчезла, но красота, породившая ее, продолжает жить. Прекрасная Флорида, ты осталась все той же страной цветов! Твои рощи по-прежнему зеленеют, твое небо безоблачно, твои воды прозрачны, ты по-прежнему блистаешь красотой! И все же здесь что-то изменилось. Природа осталась все той же. А люди?

Где тот народ с медным цветом лица, который был вскормлен и вспоен тобой? На твоих полях я вижу теперь только белых и негров, но не краснокожих; европейцев и африканцев, но не индейцев. Неужели исчез древний народ, который некогда населял эти земли? Где же индейцы? Их нет! Они больше не бродят по тропам, поросшим цветами, их челны не скользят по твоим прозрачным рекам, их голоса не слышно в твоих лесах, полных ароматной прохлады, тетива их луков не звенит больше среди деревьев. Они ушли — ушли далеко и навсегда.

Но не по доброй воле ушли они. Ибо кто покинет тебя добровольно? Нет, прекрасная Флорида, твои краснокожие дети остались верны тебе, и тяжело им было расставаться с тобой. Долго отстаивали они любимую землю, где прошла их юность; долго вели они отчаянную борьбу, прославившую их навеки. Бледнолицым удалось вытеснить их из пределов родной земли только после жестоких битв и ценой гибели целых армий. Да, они ушли не добровольно. Они были насильно оторваны от тебя, как волчата от матери, и отеснены далеко на Запад. Тоска терзала их сердца, медленны были их шаги, когда они удалялись вслед заходящему солнцу. Молча, со слезами на глазах шли они вперед. Среди них не было ни одного, кто отправился бы в изгнание добровольно.

Неудивительно, что им не хотелось расставаться с тобой. Я прекрасно понимаю всю глубину их горя. Я тоже наслаждался красотой Страны Цветов и расста-

бался с тобой, Флорида, с такой же неохотой. Я гулял в тени твоих величественных лесов и купался в твоих прозрачных потоках не с надеждой на возвращение молодости, а с ясным и радостным ощущением жизни и здоровья. Часто я лежал под широкой листвой твоих пальм и магнолий или отдыхал в зеленых просторах твоих саванн. И, устремив взоры в голубой эфир неба, я повторял про себя слова поэта:

О, если существует рай земной,
То вот он здесь, он здесь перед тобой!

Г л а в а II

ПЛАНТАЦИЯ ИНДИГО

Мой отец был владельцем плантации индиго. Его звали Рэндольф, и меня зовут так же, как и его: Джордж Рэндольф.

В моих жилах есть примесь индейской крови, так как мой отец принадлежал к семье Рэндольф с реки Роанок и вел свое происхождение от принцессы Покахонтас¹. Он гордился своим индейским происхождением — почти кичился этим. Быть может, европейцу это покажется странным, однако известно, что в Америке белые, у которых есть индейские предки, гордятся своим происхождением. Быть метисом² не считается позором, особенно если потомок туземцев имеет приличное состояние. Многие тома, написанные о благородстве и величии индейцев, менее убедительны, чем тот простой факт, что мы не стыдимся признать их своими предка-

¹ Покахонтас (ок. 1595—1617 гг.) — дочь индейского вождя Поухаттана. Ее настоящее имя было Матоака. «Покахонтас» по-индейски значит «веселая», «шутливая». В 1614 году она вышла замуж за англичанина Джона Рольфа. Брак имел политическое значение, так как с ним связывалось улучшение отношений между англичанами и индейцами. В 1616 году Покахонтас прибыла в Англию. Семейство Рэндольф из Роанока (штат Виргиния) действительно происходит от потомков Покахонтас.

² Метисы — потомки от смешанных браков между белыми и индейцами.

ми. Сотни белых семейств утверждают, что они происходят от виргинской принцессы. Если их притязания справедливы, то прекрасная Покахонтас была бесценным кладом для своего мужа.

Я думаю, что мой отец действительно был ее потомком. Во всяком случае, он принадлежал к старой гордой колониальной семье. В молодости он владел сотнями черных рабов, но гостеприимство, граничащее с расточительностью, свело на нет его богатое наследство. Он не мог примириться с таким унижительным для него положением, собрал остатки своего состояния и уехал на юг, чтобы начать там новую жизнь.

Я родился еще до этой перемены в жизни отца и моя родина — Виргиния, но впервые я помню себя на берегах прекрасной реки Суони, во Флориде. Здесь протекало мое детство, здесь я узнал первые радости юности, первый пламень юношеской любви. Мы всегда отчетливо и на всю жизнь запоминаем места, где протекало наше детство.

Я снова вижу перед собой красивый дубовый дом, выкрашенный в белый цвет, с зелеными жалюзи на окнах. Его окружает широкая веранда с крышей, которую поддерживают резные деревянные колонны. Низкая балюстрада с легкими перилами отделяет дом от лужайки с цветником. Направо от дома находится апельсиновая роща, налево раскинулся огромный сад. За лужайкой простирается зеленая поляна, покато спускающаяся почти к самой реке. В этом месте река образует излучину, похожую на большое озеро, с лесистыми берегами и маленькими островками, которые как бы висят в воздухе. Кругом летает и плавает множество птиц. В озере плещутся белые лебеди, а дальше расстилается лес, где также порхают и щебечут самые разнообразные птицы.

На поляне растут большие пальмы с длинными остроконечными листьями и маленькие пальметто с широкими веерообразными листьями. Тут цветут магнолии и благоухающий анис, там — радужная корона юкки. Все это местные растения. На поляне возвышается еще один уроженец этих мест — огромный дуб, с горизонтальными ветками и плотными, как кожа, веч-

нозелеными листьями, бросающими широкую тень на траву.

В тени я вижу прелестную девушку в легком летнем платье. Из-под белой косынки, покрывающей ее голову, выбиваются длинные локоны, сверкающие всеми оттенками золота. Это моя младшая, моя единственная сестра Виргиния. Золотые волосы она получила в наследство от матери, и по ним никак нельзя судить об ее индейском происхождении. Она играет со своими любимцами — с ланью и маленьким пестрым олененком. Она кормит их мякотью сладкого апельсина, и это им очень нравится. Около нее на цепочке сидит еще одна ее любимца — это черная белка с глянцевиной шерсткой и подвижным хвостом. Ее резвые прыжки пугают олененка, заставляя его удирать от белки и прижиматься к матери или искать защиты у моей сестры.

Кругом звенят птичьи голоса. Слышен переливчатый посвист золотистой иволги, гнездо которой находится в апельсиновой роще, а на веранде в клетке ей вторит пересмешник. Веселым эхом откликается он на песни алых кардиналов и голубых соек, порхающих среди магнолий. Он передразнивает болтовню зеленых попугаев, клюющих семена на высоких кипарисах, растущих на берегу реки. Время от времени он повторяет резкие крики испанских кроншнепов, сверкающих серебряными крыльями высоко в небе, или свист ибисов, доносящийся с далеких островков на озере. Лай собак, мяуканье кошек, крик мулов, ржанье лошадей, даже человеческие голоса — самые разнообразные звуки воспроизводит этот несравненный певец.

Позади дома открывается совершенно иное зрелище — может быть, не столь привлекательное, но не менее оживленное. Здесь кипит работа. К дому примыкает обширное пространство, огороженное решеткой. В центре его возвышается огромный навес, занимающий пол-акра земли. Его поддерживают крепкие деревянные столбы. Под навесом виднеются громадные продолговатые чаны, выдолбленные из кипарисовых стволов. Три чана, установленные один над другим, сообщаются между собой посредством кранов. В этих чанах разма-

чивается драгоценное растение — индиго, и из него извлекается краска синего цвета.

Поодаль рядами стоят одинаковые маленькие домики. Это хижины негров. Каждая из них как бы спрятана в роще из апельсиновых деревьев. Спелые плоды и белые восковые цветы наполняют воздух своим ароматом. Здесь, то возвышаясь над крышами домиков, то склоняясь над ними, растут те же самые величественные пальмы, которые украшают лужайку перед домом.

Внутри ограды находятся другие здания. Это постройки, грубо сколоченные из неотесанных бревен, с дощатыми крышами. В них находятся конюшня, зернохранилище и кухня. Последняя сообщается с главным зданием открытой галереей, крыша которой покрыта дражкой и опирается на столбы из ароматного кедра.

За оградой простираются широкие поля, окаймленные темным поясом кипарисовых лесов, скрывающих горизонт. На этих полях и растет индиго. Впрочем, здесь есть и другие культуры: маис, сладкий картофель, рис и сахарный тростник. Но они предназначены не для продажи, а для собственного употребления.

Индиго сеют прямыми рядами с промежутками. Растения развиваются неодновременно: некоторые только что распустились, и их листочки похожи на молодые трилистники; другие уже в полном цвету, более двух футов высотой, и напоминают папоротники. Они отличаются светло-зелеными перистыми листьями, характерными для всех стручковых, — индиго принадлежит к этому семейству. Иногда распускаются цветы, похожие на бабочку, но им редко дают достигнуть полного расцвета. Их ожидает иная судьба: пурпурные цветы* безжалостно срезают.

Внутри ограды и на полях индиго движутся сотни людей. Кроме одного — двух, все они африканцы, все рабы. Большая часть их — негры, хотя они и не все чернокожие. Здесь есть и мулаты¹, и самбо², и квар-

¹ Мулаты — потомки от смешанных браков между неграми и белыми.

² Самбо — потомки от смешанных браков между неграми и индейцами или мулатами.

тероны¹. Даже у тех, в ком течет чистая африканская кровь, кожа не черного, а бронзового цвета. Некоторые из них довольно уродливы — у них толстые губы, низкие лбы, плоские носы, и они отнюдь не отличаются стройностью. Другие сложены хорошо, иные даже привлекательны. Есть там и почти белые женщины — квартеронки. Многие из них миловидны, а некоторые просто красивы.

Все одеты в рабочее платье. На мужчинах легкие полотняные штаны, ярко окрашенные рубашки и шляпы из пальмовых листьев. Немногие могут похвастаться своим нарядом. Некоторые обнажены до пояса, и их черная кожа сверкает под солнцем, как эбеновое дерево. Женщины одеты более пестро — в полосатые ситцевые платья, на головах у них мадрасские платки из яркой клетчатой ткани. У некоторых платья сшиты со вкусом и очень красивы. Прическа, похожая на тюрбан, придает женщинам особую живописность.

И мужчины и женщины работают на плантации индиго. Некоторые срезают растения и связывают их в снопы; другие тащат эти снопы с полей под навес; там их бросают в верхнее корыто — «бучильный чан», третьи отводят воду и «выжимают». Остальные работники лопатами сгребают осадок в спускные каналы, а несколько человек заняты просушкой и формовкой краски. Все выполняют определенную работу и, надо сказать, довольно весело. Люди смеются, болтают, поют, перекидываются шутками, и веселые голоса все время звенят у вас в ушах.

Однако все они рабы — рабы моего отца. Он обращается с ними хорошо, здесь редко взвизывается плеть. и, может быть, поэтому у рабочих веселое настроение и бодрый вид.

Вот какие приятные картины запечатлелись в моей памяти.

Здесь прошло мое детство, здесь началась моя сознательная жизнь.

¹ Квартероны — дети, родившиеся от смешанных браков белых с терцернами — детьми белых и мулатов.

Глава III

ДВА ДЖЕКА

На каждой плантации есть свой «злой демон», иногда их даже несколько, но один из них всегда самый страшный злодей. Таким демоном у нас был Желтый Джек.

Это был молодой мулат, не очень уродливый, но отличающийся мрачным и сварливым нравом. Иногда он проявлял самую свирепую злобу и жестокость.

Люди с таким характером чаще встречаются среди мулатов, чем среди негров. Эта психологическая особенность объясняется тем, что мулаты гордятся своей желтой кожей и ставят себя «выше» негров как в умственном, так и в физическом отношении, а потому более остро ощущают несправедливость своего униженного положения.

Что касается чистокровных негров, то они редко бывают бесчувственными дикарями. В трагедии человеческой жизни они жертвы, а не злодеи. Где бы то ни было — в своей родной стране или в чужой, — везде им приходится страдать, но в их душах нет мстительности и жестокости. Во всем мире не найти сердца добрее, чем то, которое бьется в груди у африканского негра.

Желтый Джек всегда отличался жестокостью. Опа была врожденной чертой его характера — без сомнения, наследственной. Он был испанским мулатом, то есть испанцем по отцу и негром по матери. Его собственный отец продал его моему отцу!

Если мать рабыня, сын ее тоже раб. Если отец свободный человек, это не имеет никакого значения для его потомства. В Америке, среди краснокожих и черных, ребенок разделяет судьбу матери. Только белая женщина может быть матерью белых детей!

На плантации жил и другой Джек, которого, в отличие от первого, звали Черным Джеком. Между ними не было ни малейшего сходства, кроме того, что они были одних лет и одинакового роста. Характером они отличались друг от друга еще больше, чем наружностью и цветом лица. У Желтого Джека кожа была свет-

лее, но зато Черный Джек обладал добрым сердцем. Даже в выражении их лиц бросалась в глаза существенная разница: у одного был веселый, довольный вид, а другой смотрел исподлобья. Белые зубы негра всегда сверкали в улыбке, а Желтый Джек улыбался только тогда, когда замышлял какую-нибудь злую проделку.

Черный Джек был уроженцем Виргинии. Он жил у нас еще на старой плантации и приехал оттуда вместе с нами. Он был очень привязан к моему отцу; так нередко складываются отношения между господином и рабом. Он считал себя членом нашей семьи и гордился тем, что носит наше имя. Подобно всем неграм, родившимся в «старой колонии», он гордился и своим местом рождения. Среди наших негров «виргинские» пользовались уважением.

Черный Джек был недурен собой, чертами лица он скорее походил на мулата, чем на негра. Для негров характерны толстые губы, плоский нос, покатый лоб. Никаких этих признаков у Джека не было. Я встречал чистокровных негров с правильными чертами лица. Таков был и Черный Джек. По телосложению он мог вполне сойти за эфиопского Аполлона.

Кроме меня, еще кое-кто у нас считал, что Джек гораздо привлекательнее, чем его желтый тезка. Это была квартиронка Виола, первая красавица на нашей плантации. Оба Джека давно соперничали из-за Виолы. Оба усердно добивались ее улыбок, а завоевать их было не так-то легко, потому что Виола была капризной и ветреной девчонкой. Нечего и говорить, что оба ревновали ее. Наконец она стала оказывать явное предпочтение негру. За это мулат возненавидел своего соперника лютой ненавистью. Не раз обоим Джекам приходилось мериться силой, и всегда негр выходил победителем. Быть может, именно поэтому, а не из-за его наружности Виола награждала его своими улыбками. Во всем мире, во все времена красота преклоняется перед мужеством и силой.

Желтый Джек был нашим дровосеком, а Черный Джек выполнял обязанности конюха и кучера.

В жизни нашей плантации история любви и ревности двух Джеков была самым обыкновенным явлением. Она не представляет особого интереса, и я упомянул о ней только потому, что она повлекла за собой целый ряд событий, оказавших важное влияние на мою последующую жизнь.

Вот первое из них. Желтый Джек, видя, каким успехом пользуется его соперник, начал открыто преследовать Виолу. Встретив ее как-то случайно в лесу, вдали от дома, он осмелился сделать ей гнусное предложение. Презрительный отказ Виолы заставил его решиться на отчаянный поступок. Только неожиданное появление моей сестры помешало мулату. Его наказали главным образом по настоянию моей сестры.

Желтый Джек был наказан впервые, хотя и не в первый раз заслуживал кары. Мой отец был очень снисходителен к нему; все говорили, что даже слишком. Он часто прощал ему не только проступки, но и преступления. Отец был человеком по природе очень добрым и с большой неохотой прибегал к плети, но на этот раз моя сестра решительно настояла на наказании. Виола была ее служанкой, и гнусное поведение мулата нельзя было оставить безнаказанным.

Заслуженная кара не излечила его от склонности к злым проделкам.

Вскоре произошло еще одно событие, показавшее, что Желтый Джек был мстителен.

Любимицу сестры, хорошенькую лань, нашли мертвой на берегу озера. Она не могла погибнуть естественной смертью: еще час назад видели, как она прыгала на лужайке. Ни волк, ни аллигатор ее не трогали. На ней не оказалось ни царапин, ни ран — никаких признаков крови!

Как выяснилось вскоре, она была задушена. Ее задушил мулат, а Черный Джек видел это. Он работал в апельсиновой роще и был свидетелем преступления. Желтого Джека второй раз наказали плетью.

Затем случилось и третье событие — ссора между негром и мулатом, перешедшая в настоящее побоище. Желтый Джек решил воспользоваться удобным случа-

ем и сразу отомстить негру и как сопернику в любви и как свидетелю его недавнего преступления.

Столкновение не ограничилось простой дракой. Мулат, руководясь инстинктом, унаследованным от испанских предков, вытащил нож и нанес им опасную рану своему невооруженному противнику.

На этот раз его наказали еще строже. Я просто расвиришел — ведь Черный Джек был моим «телохранителем» и любимцем.

Благодаря своему веселому нраву и жизнерадостности негр был очень приятным товарищем. В дни моего детства он неотлучно сопровождал меня повсюду — и на реке и в лесу.

Справедливость требовала наказания, и Желтый Джек получил его в полной мере. Но это оказалось бесполезным: мулат был неисправим. В него словно вселился злой дух.

Глава IV

ФЛОРИДСКИЙ КОЛОДЕЦ

За апельсиновой рощей в почве было своеобразное углубление — эта особенность присуща, как я полагаю, только Флориде.

Круглый водоем, имевший форму опрокинутой сахарной головы диаметром ярдов в сорок, уходил на много футов в глубину земли. На две этого водоема было несколько углублений, или колодцев, правильной цилиндрической формы, отделенных друг от друга скалистыми перегородками. Это было очень похоже на улей с разломанными сотами.

Такие колодцы иногда бывают сухими, но чаще всего там на дне стоит вода, которая порой заполняет всю впадину.

Подобные естественные водохранилища хотя и расположены на равнинах, но всегда окружены холмами или обломками скал, покрытыми вечнозелеными зарослями магнолий, розового лавра, дуба, шелковицы и пальметто. Такие колодцы часто попадаются среди сос-

новых лесов, а иногда, как маленькие островки в океане, они возникают среди зеленых саванн.

Это и есть «хоммоки» — флоридские колодцы, знаменитые в истории индейских войн.

Один из них был расположен как раз за апельсиновой рощей. Рядом полукругом возвышались бурого цвета скалы, покрытые темной листвой вечнозеленых деревьев. Вода в нем была чиста и прозрачна, и в ее кристальной глубине резвились стаи золотых и красных рыбок, лещей и пестрых окуней. Бассейн снабжал нас рыбой, и здесь же мы все купались. В жарком климате Флориды купание не только удовольствие, но попросту необходимость.

Из дома к водоему через апельсиновую рощу была проложена песчаная дорожка и устроено несколько каменных ступенек, по которым было удобно спускаться в воду. Конечно, наслаждаться купанием разрешалось только белым.

За бассейном простирались возделанные поля, окаймленные вдаль высокими кипарисовыми и кедровыми лесами. Вокруг на многие и многие мили тянулась непроходимая трясина.

С одной стороны плантации лежала широкая равнина, поросшая густой травой. Это была саванна — естественный луг, где паслись лошади и домашний скот. Здесь часто появлялись олени и стаи диких индеек.

Я был как раз в таком возрасте, когда юноши увлекаются охотой. Как и у большинства молодежи из Южных штатов, не очень занятой делом, охота была моим главным развлечением. Отец подарил мне свору великолепных гончих.

Моей самой любимой забавой было спрятаться в колодце и ждать приближения оленя или индейки, а затем гнаться за ними по зеленой равнине. Мне уже удалось поймать много оленей и индеек; собаки отлично берут и тех и других. За дикими индейками легко можно охотиться с гончими.

Я обычно уходил из дому рано утром, когда все еще спали. Это самое лучшее время для охоты.

Однажды утром я отправился в свое укрытие у ко-

лодда и залез на скалу, где для меня и собак было достаточно места. С этой вышки передо мной открывалась вся равнина, и я мог наблюдать за всем, что там происходило, тогда как меня никто не видел. Широкие листья магнолии образовали над моей головой подобие беседки, а сквозь просветы между листьями я мог вести наблюдения.

В этот день я пришел туда до восхода солнца. Лошади стояли еще в конюшнях, а скот в хлеву. Саванна была совершенно пустынна. На ее широком просторе не виднелось ни одного оленя.

Я несколько огорчился. Сегодня мать ждала гостей и просила принести ей к обеду дичи. Я, конечно, обещал и теперь, глядя на пустынную саванну, был сильно разочарован.

Признаться, я очень удивился — настолько это было необычно. Каждое утро на широкой равнине появлялись олени. Но, может быть, здесь охотились раньше меня? Вполне вероятно. Может быть, это молодой Ринггольд с соседней плантации или кто-нибудь из охотников-индейцев, которые, кажется, вообще никогда не спят. Ясно только, что кто-то уже побывал здесь и распугал дичь.

Саванна не считалась частным владением и не составляла собственности ни одной из плантаций: каждый мог свободно охотиться на ее просторах. Эта земля принадлежала государству и еще никому не была продана.

Итак, я не принесу к обеду оленины. Правда, я мог еще подстрелить индейку, они обычно появлялись позднее. Я слышал, как они курлыкали на вершинах деревьев. Громкие звуки отчетливо разносились в тихом утреннем воздухе. Но накануне мне удалось убить целый выводок, и наша кладовая была уже забита ими. Теперь мне пужна была оленина.

У меня была при себе винтовка, и я мог отправиться за оленем в лес. Или лучше всего зайти в хижину старого Хикмана, он мог бы помочь мне. Если он уже охотился сегодня, то у него есть оленина, и я возьму у него немного.

Солнечный диск только что показался над горизонтом, его лучи золотили вершины далеких кипарисов, а их светло-зеленые листья сверкали всеми оттенками золота.

Прежде чем спуститься со своей вышки, я еще раз оглядел саванну и увидел нечто, заставившее меня изменить мое намерение и остаться на скале.

Стадо оленей показалось на опушке кипарисового леса, там, где изгородь отделяет саванну от возделанных полей.

«Ага! — подумал я. — Они сумели пробраться через маисовое поле».

Я взглянул на то место, откуда, как мне казалось, вышли олени. Я знал, что там в углу изгороди был пролом, обычно закрытый досками. Я ясно видел этот пролом, но все доски были на своих местах. Значит, олени пришли не с этой стороны. Вряд ли они могли перепрыгнуть через изгородь. Это был высокий забор со столбами и подпорками; доски закрывали пролом на всю высоту забора. Следовательно, олени появились из лесу?

Я заметил и кое-что другое. Олени не шли, а быстро бежали, как будто потревоженные присутствием врага.

Вероятно, кто-нибудь гонится за ними. Но кто же? Старый Хикмэн или Ринггольд? Я не сводил глаз с лесной опушки, но никого не было видно.

А что, если оленей спугнул медведь или рысь? Тогда они далеко не уйдут, и я с собаками еще смогу их догнать. Быть может...

Мои размышления были прерваны появлением того, кто испугал оленей. Оказалось, что это человек, а вовсе не медведь и не рысь.

Он выступил из густой тени кипарисов. Лучи солнца пока еще озаряли лишь вершины деревьев, но было уже достаточно светло, чтобы рассмотреть человека. Это был не Ринггольд, не Хикмэн и не индеец. На нем были синие холщовые штаны, полосатая рубашка и шляпа из листьев пальметто. По одежде я сразу узнал нашего дровосека. Это был Желтый Джек.

МУЛАТ И ЕГО СПУТНИК

Это открытие несколько удивило меня. Что делал мулат в лесу в такой ранний час? Запасливость и бережливость не были свойственны ему; наоборот, стоило большого труда заставить его приняться за обычную дневную работу. По природе он не был охотником. Я никогда не видел, чтобы он гонялся за дичью, хотя, постоянно бывая в лесу, он хорошо знал все укромные места и лазейки, а также повадки и привычки животных. Что же привлекло его сегодня утром в лес?

Я остался на вышке и продолжал наблюдать за ним, в то же время не теряя из виду оленей. Скоро выяснилось, что мулат их не преследовал. Выйдя из лесу, он не пошел за стадом, а повернул совсем в другую сторону, на дорожку, ведущую к майсовому полю.

Я заметил, что он шел медленно, пригнувшись к земле. Мне показалось, что у его ног вертится какое-то животное — по-видимому, маленькая собака или опоссум. Оно было светлое, как опоссум, но на таком расстоянии я не мог отличить опоссума от щенка. Я подумал, что Желтый Джек поймал в лесу зверьку и тащит его за собой на веревке.

Ничего странного в его поведении не было. Мулат мог еще вчера найти нору опоссума и поставить там ловушку. Ночью опоссум попался, и теперь он тащил его домой. Меня удивило только, что мулат вдруг стал охотником, но и этому я нашел объяснение. Я вспомнил, что негры очень любят мясо опоссума, и Желтый Джек не был исключением. Сообразив, что зверьку можно легко поймать, он решил раздобыть себе жаркое.

Но почему он не нес свою добычу, а вел ее или, скорее, тащил за собой? Время от времени он нагибался к зверьку, как бы для того, чтобы его погладить. Я недоумевал: значит, это был не опоссум!

Я следил за мулатом, пока он не подошел к пролому в изгороди. Я думал, что он просто перепрыгнет через нее, так как ближайший путь к дому лежал через майсовое поле. Конечно, он пойдет полем. Но, к моему

удивлению, мулат начал снимать одну жердь за другой. Затем он отшвырнул их в сторону и оставил пролом открытым.

Он вошел в пролом, согнувшись пробрался через поле и скрылся за широкими листьями маиса. На некоторое время я совсем потерял его из виду вместе с белым зверьком, которого он волок за собой таким странным образом. Я снова стал следить за оленями, которые уже успокоились и мирно паслись посреди саванны.

Но мысль о странном поведении мулата не оставляла меня, и я снова посмотрел вслед ему. Он все еще не показывался из зарослей маиса. Но тут я заметил нечто такое, что весьма меня удивило. Как раз там, где Желтый Джек вышел из лесу, появилось существо, двигавшееся прямо к саванне. Это была какая-то темная фигура, похожая на человека, ползущего на руках и волокащего ноги по земле.

В первую минуту мне показалось, что это человек, но не белый, а негр или индеец. По ухваткам он напоминал индейца, но с индейцами мы были в мире. С какой же стати мирному индейцу нужно было выслеживать мулата? Я говорю «выслеживать», потому что и поза и движения странного существа ясно говорили о том, что оно идет по следу Желтого Джека.

«Может быть, это Черный Джек?» — подумал я. Я вспомнил вендетту¹, которая существовала между негром и мулатом, и драку, в которой Желтый Джек пустил в ход нож. Конечно, он был наказан, но ведь не самим Черным Джеком. Не пытался ли обиженный сам отомстить обидчику?

Так можно было бы объяснить зрелище, которое приводило меня в недоумение. Но трудно представить себе, что негр способен на это, — он был слишком благороден. Как ни пылал гневом Черный Джек против своего низкого врага, я был убежден, что он не способен на коварную и гнусную месть из-за угла. Это не в его характере. Нет, это не мог быть он.

Не он, и никто другой!

¹ Вендетта — обычай кровной мести (итал.).

В эту минуту золотое солнце озарило саванну. Его лучи скользнули по зелени, освещая деревья от макушки до самых корней. Темное тело выползло из тени и двинулось к маисовому полю. Под солнцем оно сверкало чешуей, похожей на броню. Теперь уже ясно было видно, что это не негр, не индеец и вообще не человек. Это был аллигатор.

Глава VI

АЛЛИГАТОР

Для уроженца Флориды аллигатор не представляет ничего замечательного и ничего особенно ужасного. Дело в том, что при всем своем безобразии, — а из всех животных аллигатор самый отвратительный, — он не внушает особенного страха тем, кто его хорошо изучил. Тем не менее к нему все же приближаются с опаской. Человек, незнакомый с повадками и привычками аллигатора, весь дрожа от страха, убегает от него. И даже местные жители — краснокожие, белые или черные, — живущие вблизи от болот и лагун, с осторожностью приближаются к этой гигантской ящерице.

Некоторые кабинетные ученые-натуралисты утверждают, что аллигатор не нападает на человека. Однако они признают, что он уничтожает лошадей и рогатый скот. То же самое они утверждают и относительно ягуара и летучей мыши — «вампира». Станные утверждения, особенно когда имеются тысячи доказательств, свидетельствующих о противоположном.

Действительно, аллигатор не всегда нападает на человека, когда ему представляется случай. Впрочем, так же поступают и лев и тигр. Но даже и Бюффон¹, который и вообще-то ошибается, едва ли осмелился бы заявить, что аллигатор — безобидное животное. Если сосчитать всех людей, ставших жертвами прожорли-

¹ Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории» в 36 томах.

вости аллигаторов со времен Колумба, то число получилось бы огромное. Оно было бы не меньше, чем количество жертв индийского тигра или африканского льва за тот же период. Гумбольдту¹, во время его короткого пребывания в Южной Америке, рассказали много таких случаев; что же касается меня, то мне известен не один случай гибели от зубов аллигатора, и я видел немало людей, искалеченных этим чудовищем.

В водах тропической Америки встречается много разновидностей кайманов, аллигаторов и настоящих крокодилов. Одни из них более свирепы, другие менее, отсюда и проистекают разногласия в рассказах путешественников. Даже одинаковые виды в двух разных реках не всегда абсолютно похожи друг на друга. На аллигаторов, как и на других животных, воздействуют внешние причины. Климат, близость людей, величина животного — все оказывает свое влияние, и, что может показаться еще более странным, на свойствах аллигаторов отражается характер той расы людей, которая обитает вблизи них.

На берегах некоторых рек Южной Америки живут плохо вооруженные, апатичные индейцы, и здесь кайманы чрезвычайно смелы, к ним опасно подходить близко. Такими же были и их сородичи, северные аллигаторы, пока отважные жители лесов, у которых всегда в одной руке топор, а в другой — винтовка, не научили их бояться человека — доказательство того, что эти пресмыкающиеся все же обладают известной долей разума. Даже и теперь во многих болотах и потоках Флориды водятся крупные аллигаторы, к которым приближаться далеко не безопасно, особенно в период весенних игр и в местах, отдаленных от человеческого жилья. Во Флориде есть такие реки и лагуны, где у пловца столько же шансов остаться в живых, как если бы он нырнул в море, кишущее акулами.

Можно легко относиться даже к действительной

¹ Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — знаменитый немецкий естествоиспытатель и путешественник. В 1799—1804 годах путешествовал по Центральной и Южной Америке.

опасности, особенно когда эта опасность становится почти постоянной. Жители болот, поросших кипарисами и белыми кедрами, не слишком тревожатся, когда видят безобразного аллигатора. Его появление не вызывает интереса у обитателей Флориды, он привлекает внимание только негров, которые употребляют в пищу хвост животного, да охотников, для которых его кожа является источником дохода.

Появление аллигатора на краю саванны не возбудило бы во мне никаких подозрений, если бы не его необычные движения, напоминавшие движения мулата. Я не мог отделаться от мысли, что между аллигатором и мулатом существует какая-то связь. Во всяком случае, было несомненно, что отвратительное пресмыкающееся следовало за человеком.

Видело ли оно мулата или следовало за ним, влекомое чутьем, — я не мог сказать. Последнее представлялось мне более вероятным, так как аллигатор появился из леса гораздо позже мулата и вряд ли мог видеть его в маисовом поле.

Аллигатор, пересекая луг, полз вперед прямо по следу к тому месту, где Джек разобрал изгородь. По временам он останавливался, ложился плашмя, прижимаясь к земле, и оставался в таком положении несколько секунд, как бы отдыхая. Затем он приподнимал свое тело приблизительно на ярд от земли и снова начинал ползти, как будто повинуюсь силе, влекущей его вперед. По суше аллигатор движется очень медленно — не быстрее, чем утка или гусь. Его настоящая стихия — вода, где он скользит почти с быстротой рыбы.

Наконец он приблизился к изгороди, остановился ненадолго и затем втащил свое длинное темное тело в отверстие. Я увидел, что он появился на маисовом поле как раз в том месте, где исчез мулат.

Я больше не сомневался, что чудовище следовало за человеком и что человек это знал. И то и другое было очевидно. Первое я видел сам, а для второго у меня были убедительные доказательства. Странное поведение и поступки мулата, то, что он снял жерди и оставил свободный пролом, и то, что он постоянно оглядывался

назад, — вот доказательства того, что он знал, кто следует за ним. Несомненно, он это знал!

Но моя уверенность ни в какой степени не помогала мне разгадать тайну. Было ясно, что мулат заманивал пресмыкающееся чем-то таким, против чего оно не могло устоять. Что это могло быть? Уж не колдовство ли какое-нибудь?

Суеверная дрожь пробежала по моему телу, когда я задал себе этот вопрос. Я был воспитан среди негров и вскормлен негритянкой — неудивительно, что мой юный ум был полон всяческих суеверий. Я знал, что в болоте, окруженном кипарисами, в самых отдаленных его уголках, водились аллигаторы — иногда огромных размеров. Но как Желтый Джек ухитрился выманить одного из них из болота и заставил его следовать за собой по суше — вот загадка, которую я был не в силах разгадать. Я не мог найти никакой естественной причины, поэтому мой ум невольно устремился в область таинственного и сверхъестественного.

Я долго стоял, недоумевая, позабыв об оленях. Они продолжали спокойно пастись на лугу. Я был слишком поглощен таинственными действиями мулата и его земноводного спутника.

Глава VII

ЧЕРЕПАШИЙ САДОК

Пока мулат и аллигатор оставались на маисовом поле, я не видел ни того, ни другого. Маис достиг полной высоты, и его высокие стебли и широкие копьевидные листья могли бы скрыть и всадника. Даже чаща вечнозеленых деревьев не была бы столь непроницаемой для взора. Подвинувшись немного вправо, я сумел бы обозреть большее пространство, но тогда вышел бы из укрытия и мулат мог заметить меня. По некоторым причинам мне не хотелось этого, и я продолжал оставаться в своем убежище.

Я был уверен, что мулат идет по маисовому полю и

что скоро я увижу его — как только он появится на открытом месте.

Между бассейном и мансовым полем простирался участок, засеянный индиго. Чтобы приблизиться к дому, необходимо было пройти через индиговое поле, где растения возвышались на два фута. Я не мог прозевать мулата и с нетерпением ждал, когда он покажется. Мои мысли все еще блуждали на грани таинственного и сверхъестественного.

Он шел медленно, очень медленно, но я знал, что он движется вперед. Я мог следить за его движениями по колыханию листьев и початков маиса. Утро было тихое, в воздухе — ни дуновения. Колышущиеся листья позади мулата свидетельствовали, что аллигатор не отставал от него.

Я напряженно следил за листьями маиса. Было очевидно, что мулат шел не по рядам, а пересекал их по диагонали. С какой целью? Я никак не мог догадаться. Идя вдоль любой борозды, он попал бы прямо к дому. Зачем же ему идти более трудным путем, пересекая борозды? Но вскоре я понял, в чем заключалась цель этого зигзагообразного движения.

Он подошел теперь почти к краю поля. Участок индиго был не очень широкий, и мулат находился так близко от меня, что я мог слышать даже шелест раздвигаемых стеблей.

Но теперь до меня донесся и другой звук, напоминавший собачий вой. Я прислушался — это была не взрослая собака; скорее — слабо завывал щенок.

Сперва мне показалось, что такой звук издает аллигатор. Но эти пресмыкающиеся визжат, как щенки, только в младенческом возрасте, а тот, который полз за мулатом, был уже вполне взрослый. Он не мог так визжать. Кроме того, вскоре я выяснил, что визг доносился оттуда, где шел человек. Я вспомнил белое животное, которое Джек тащил за собой. Значит, это был не опоссум, а собака.

Я снова услышал тот же звук — несомненно, скулил щенок. Если слух меня и обманывал, то глаза подтвердили, что я прав. Я увидел, как мулат вышел из маиса.

Он тащил за собой на веревке маленького белого щенка. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что это был наш слуга, Желтый Джек.

Прежде чем выйти из майса, он на минуту остановился, как бы для того, чтобы осмотреться кругом. Он стоял, выпрямившись во весь рост. В майсе ему было нетрудно спрятаться, но индиго не представляло такого хорошего укрытия, и мулат, очевидно, соображал, как ему двигаться дальше незамеченным. Вероятно, он не желал, чтобы его видели. Но почему? Я не мог догадаться.

Этот сорт индиго назывался «ложная Гватемала». На плантации разводили несколько его видов, но этот был самый высокий. Некоторые растения, находившиеся сейчас в полном цвету, возвышались почти на три фута от земли. Когда человек идет по такому полю, его видно. Но если согнуться, то можно проползти незамеченным. Эта же мысль, по-видимому, мелькнула и у мулата. После некоторого раздумья он стал на четвереньки и пополз через индиговое поле. Ему не нужно было перебираться через какую-нибудь изгородь — все возделанное поле было окружено одной оградой, и только небольшое открытое пространство служило границей между двумя рядами индиго. Если бы я находился на одном уровне с полем, то крадущийся вороватый мулат был бы совсем скрыт от меня, но я стоял на вышке и мог следить за всеми его движениями. По временам он останавливался и притягивал к себе щенка, который начинал тогда отчаянно визжать, как от сильной боли. Когда мулат подполз ближе, я увидел, что он дергал щенка за уши.

В пятидесяти шагах от мулата из майса показалась огромная ящерица и поползла по плантации индиго. В эту минуту меня как будто озарило, и я понял все. Я больше не думал о злых демонах и духах. Тайна была раскрыта: мулат просто приманивал аллигатора щенком!

Я удивился, как эта мысль не пришла мне в голову раньше. Ведь я уже слышал об этом от людей, которым можно было верить, — от самих охотников за аллигато-

рампи. Они часто ловили их с помощью такой приманки и рассказывали, что пресмыкающиеся готовы следовать за визжащей собакой по лесу целыми милями, особенно старые самцы. Хикмэн полагал, что они принимают визг собаки за крик собственного детеныша, которого эти безжалостные родители обычно с удовольствием пожирают.

Но, помимо этой чудовищной особенности аллигаторов, хорошо известно, что их излюбленной добычей являются собаки. У несчастной гончей, которая в пылу погони за дичью отважится поплыть через поток или лагуну, есть все шансы угодить в пасть этого безобразного зверя.

Тайна раскрылась — по крайней мере, стала ясна причина, которая заставляла аллигатора следовать за мулатом. Но одно оставалось неясным: с какой целью мулат проделывал этот странный маневр?

Когда я увидел, как он пополз на четвереньках, я решил, что он хочет добраться до дому незаметно. Но затем у меня мелькнула другая мысль. Я обратил внимание на то, что он часто и с беспокойством оглядывался назад, как будто хотел скрыться от аллигатора.

Я заметил также, что мулат часто менял направление, как будто желая создать преграду из растений между собой и аллигатором.

Ну что ж, просто-напросто ему взбрела в голову какая-то дикая фантазия. Он узнал о забавном способе приманивать аллигаторов — может быть, старый Хикмэн показал ему, как это делается. Или он сам додумался до этого, наблюдая за аллигаторами во время рубки леса вблизи болот. Он вел за собой к дому аллигатора с какой-то странной целью — может быть, он хотел показать его своим товарищам, или просто сыграть с ними шутку, или устроить бой между аллигатором и собаками, или вообще что-нибудь в этом роде.

Я не мог разгадать его намерения и, вероятно, не стал бы об этом и думать, если бы два — три незначительных обстоятельства не привлекли моего внимания. Меня поразила та особенная настойчивость, с которой мулат стремился к успешному достижению сво-

ей цели. Он не щадил ни сил, ни времени. Правда, день был не рабочий, а праздничный, и Желтый Джек мог свободно располагать собой. Но не в обычае мулата было вставать так рано, и к тому же затраченные им усилия отнюдь не соответствовали его обычной беззаботной лени. Что-то важное побуждало его действовать. Но что именно? Я просто терялся в догадках.

Наблюдая за ним, я чувствовал, что мне как-то не по себе. Это ощущение невозможно передать, и я могу объяснить его разве только тем, что мулат был злым, нехорошим человеком. Я знал, что он способен на любую подлость. Но какой вред собирался он причинить с помощью аллигатора? Ведь на суше никто не боится аллигаторов, здесь они никому не опасны.

Если бы не это чувство, я бросил бы наблюдать за ним и снова занялся бы оленями, которые тем временем подошли почти к самому моему укрытию. Но я преодолел искушение и снова стал следить за мулатом.

Вскоре мое недоумение разрешилось. Желтый Джек приблизился к краю бассейна, но не вошел в него. Обогнув заросли, он направился к апельсиновой роще. В этом месте была калитка; мулат вошел в нее и оставил открытой. Время от времени он снова заставлял щенка визжать, хотя в этом не было особой нужды, так как аллигатор теперь находился совсем близко.

Я мог хорошо рассмотреть чудовищного зверя. Он не принадлежал к разновидности крупных аллигаторов, хотя от морды до конца хвоста было футов двенадцать. Продвигаясь, аллигатор цеплялся за землю когтями широких перепончатых лап. Его шероховатая синевато-коричневая кожа была покрыта скользкой слизью, поблескивавшей на солнце, а между ромбовидными чешуйками налипли большие комья болотной тины. Аллигатор был, по-видимому, очень возбужден и при каждом движении собаки обнаруживал явные признаки ярости. Он приподнимался на своих мощных лапах, вскидывал вверх голову, как бы желая разглядеть добычу, рассекал хвостом воздух и раздувался почти вдвое по сравнению со своей обычной толщиной. В то же время он издавал звуки, напоминавшие отдаленный

Подойдя к ступенькам, Желтый Джек

гром, а запах мускуса, исходивший от него, наполнял воздух душными испарениями. Трудно представить себе что-нибудь более отвратительное, чем это чудовище! Даже легендарный дракон не мог бы выглядеть ужаснее.

Аллигатор, не останавливаясь, проволоч свое длинное тело через калитку, но дальше зеленые листья скрыли от меня омерзительное пресмыкающееся.

Я обернулся в сторону дома, продолжая наблюдать за мулатом. Отсюда я мог видеть почти весь бассейн. Между апельсиновой рощей и большим бассейном находился искусственный пруд, всего несколько ярдов в длину. Дно его покрывала вода, которую накачивали насосом из главного бассейна. Это был так называемый «черепаший садок», где специально откармливали черепах для стола. Мой отец сохранил свое виргинское го-

остановился и оглянулся назад.

степриимство, а во Флориде такое редкое лакомство раздобыть нетрудно.

Черепаший садок непосредственно сообщался с бассейном. Я видел, как Желтый Джек приближается к пруду. Он держал щенка в руках и все время заставлял его визжать.

Подойдя к ступенькам, ведущим в бассейн, он остановился и оглянулся назад. Я заметил, что он посмотрел сначала в сторону дома, а затем, с видимым удовольствием, в ту сторону, откуда пришел. Несомненно, аллигатор был очень близко от него, так как мулат без колебания швырнул щенка в воду. Затем, пройдя по краю черепашьего садка, он вошел в апельсиновую рощу и скрылся из виду.

Щенок, попав в холодную воду, все время продолжал визжать и отчаянно барахтаться, взбивая воду ла-

пами. Но ему недолго пришлось бороться за жизнь. Аллигатор, привлеченный всплеском воды и собачьим визгом, быстро приближался к пруду. Не колеблясь ни минуты, он бросился в воду, с молниеносной быстротой ринулся на середину и, схватив жертву своими страшными зубами, мгновенно скрылся под водой.

Несколько минут я следил за движениями чудовища в прозрачной воде. Но скоро, руководясь инстинктом, аллигатор нырнул в одну из глубоких ям и исчез.

Глава VIII

КОРОЛЕВСКИЕ КОРШУНЫ

«Так вот что ты придумал, мой желтый дружок! Это все-таки в конце концов месть. Но ты за это заплатишь-ся, презренный негодяй! Ты не знаешь, что за тобой наблюдают! Ты пожалеешь об этой дьявольской затее раньше, чем наступит ночь!»

Так рассуждал я, разгадав, как мне казалось, намерение мулата. В пруду плавало много красивых рыбок — золотых и серебряных — и красных форелей. Это были любимцы моей сестры. Обычно она ежедневно навещала их, кормила и смотрела, как они резвятся. Она забавлялась их танцами и прыжками в воде. Они хорошо знали ее, стайкой плыли за ней вокруг всего бассейна и даже брали корм из ее рук. Сестра очень любила сама кормить рыбок.

В этом-то и заключалась месть мулата! Он прекрасно знал, что аллигатор питается рыбой, — это его естественная пища. Он знал, что вскоре все население пруда станет добычей аллигатора. Такое страшное чудовище опустошит весь заповедный пруд и уничтожит сотни бедных созданий. Это доставит большое огорчение владелице рыбок, а Желтому Джеку — радость.

Я знал, что мулат ненавидел мою сестру. Особенно сильно разжигало его ненависть воспоминание о ее вмешательстве в историю с Виолой, после которой он был наказан плетью. Были и другие причины. Виргиния

благосклонно относилась к его сопернику, который ухаживал за квартеронкой, а Желтому Джеку она запретила даже приближаться к Виоле.

И хотя мулат внешне не выказывал своих чувств — он не осмеливался на это, — я все же знал, что он ненавидит сестру. Убийство лани уже говорило об этом, а то, что произошло сегодня, служило лишним доказательством неукротимой ярости мулата.

Он рассчитывал, что аллигатор изрядно опустошит рыбный садок. Конечно, он понимал, что со временем страшного зверя обнаружат и убьют, но до этого будет уничтожено много красивых рыбок.

Никому и в голову не могло прийти, чтобы кто-нибудь вздумал заманить сюда аллигатора. Уже не раз они заходили в пруд из реки или из соседних лагун, вероятно привлекаемые сюда необъяснимым инстинктом, который заставляет их направляться прямо к воде.

Таковы были, по моему мнению, замыслы и расчеты Желтого Джека. Впоследствии оказалось, что я угадал только наполовину. Я был еще настолько молод и неопытен, что не мог представить себе, до каких пределов способна дойти человеческая злоба.

Первым моим побуждением было последовать за мулатом домой, объявить там о том, что он совершил, и наказать его, а затем вернуться с людьми к пруду, чтобы уничтожить аллигатора, прежде чем тот успеет произвестить опустошение среди рыб.

Но в эту минуту мое внимание отвлекли олени. Стадо, состоявшее из оленя с ветвистыми рогами и нескольких самок, паслось невдалеке от бассейна. Олени находились в двухстах ярдах от меня. Искушение было слишком велико. К тому же я вспомнил, что обещал матери доставить жаркое к обеду. Обещание надо выполнить. Я должен добыть оленину!

Теперь можно было рискнуть. Аллигатор уже позавтракал, проглотив целого щенка. В течение нескольких часов он вряд ли будет тревожить весело плавающих обитателей пруда. А Джек, как я видел, вернулся домой — стало быть, его в любой момент можно будет найти, и он не избегнет наказания.

Эти соображения заставили меня отказаться от первоначального плана, и все мое внимание сосредоточилось на оленях. Тем временем они опять несколько удалились, так что я уже не мог стрелять в них. И я терпеливо ждал, надеясь, что олени снова подойдут.

Но я ждал напрасно. Олени боятся прудов. Они считают вечнозеленый островок опасным местом и обычно держатся от него поодаль. И это вполне понятно: именно оттуда оленей чаще всего приветствует звенящий звук индейского лука или похожий на удар бича треск винтовки охотника. Именно оттуда настигает их смертельная стрела или пуля. Видя, что олени не приближаются, а, наоборот, отходят дальше, я решил натравить на них гончих собак и спустился со скалы через рощу в равнину.

Там, очутившись на открытом месте, я сразу спустил с привязи собак и с криком помчался вперед.

Это была великолепная охота! Никогда еще олени не бежали с такой быстротой, как это стадо под предводительством старого вожака. Собаки почти настигали их. Саванну в милую шириной они пересекли чуть ли не в несколько секунд. Все это я прекрасно видел, так как трава на этом участке прерии была съедена скотом и на всем пространстве не росло ни одного куста. Это было бешеное состязание на скорость между собаками и оленями. Олени мчались так стремительно, что я уже начинал сомневаться в том, что добуду желанную дичь. Мои сомнения, однако, быстро разрешились. На краю саванны охота наконец закончилась. Одна из собак вдруг сделала скачок и впилась в горло самке, другие собаки подоспели и окружили ее. Я поспешил к собакам, и через десять минут самка была прикончена и освежевана. Довольный собаками, охотой и своими собственными подвигами, взвалив убитую самку оленя на спину, я с триумфом поспешил домой, радуясь, что сумел выполнить свое обещание.

Внезапно я увидел на залитой солнцем саванне тень от движущихся крыльев. Я поднял голову. Над мной носились две большие птицы. Они летели не особенно высоко и не стремились подняться выше. Наобо-

рот, они описывали широкие спирали, опускаясь все ниже и ниже с каждым кругом. Сначала солнечные лучи ослепляли меня, и я не мог различить, какие это птицы шумели крыльями надо мной. Повернувшись, я стал против солнца и теперь уже мог ясно рассмотреть ярко освещенное желтовато-белое оперение птиц. По нему я определил, что это были грифы, или так называемые «королевские коршуны», — самые красивые птицы из породы коршунов. Я даже склонен считать, что это красивейшие птицы в мире. Во всяком случае, грифы занимают одно из самых почетных мест в мире орнитологии.

Эти птицы — уроженцы Страны Цветов — не улетают далеко на север. Они обитают в зеленых болотистых низменностях, поросших высокой травой, так называемых «эверглейдз», в диких саваннах Флориды, в льяносах¹ реки Ориноко и в равнинах Апуре. В некоторых местах Флориды они встречаются довольно редко. Появление их вблизи плантаций всегда возбуждает интерес, так же как появление орла; между тем на другую породу коршунов — катартов, столь же обыкновенную, как вороны, — никто не обращает никакого внимания.

В доказательство того, что грифы редкость, могу сказать, что моя сестра никогда не видела вблизи ни одного из них, хотя ей было уже двенадцать лет и она родилась во Флориде. Правда, она еще никогда не уезжала далеко от дома и даже редко покидала пределы плантации. Я вспомнил, что сестра не раз выражала желание посмотреть на этих прекрасных птиц вблизи, и решил доставить ей это удовольствие.

Птицы спустились так низко, что ясно были видны их желтые шеи, кораллово-красный гребень на голове и оранжевые складки под клювом. Они находились достаточно близко от меня, на расстоянии прицела моей винтовки. Но они летели так быстро, что нужен был гораздо более меткий стрелок, чем я, чтобы сбить их пульей. Я не решался выстрелить, боясь промахнуться. Тут у меня блеснула другая мысль, и я немедленно вы-

¹ Льяносы — равнины, покрытые травой, с отдельными группами деревьев и кустарников.

полнил задуманное. Я заметил, что грифов привлекает туша самки, лежавшая у меня на плечах. Вот почему они и кружили надо мной. План мой был весьма прост. Я положил тушу на землю, а сам отбежал к группе деревьев, ярдах в пятидесяти оттуда. Долго ждать мне не пришлось. Ничего не подозревая, грифы стали снижаться. Как только один из них коснулся земли, я выстрелил, и великолепная птица мертвой упала на траву. Другой гриф, испуганный выстрелом, взвился над вершинами кипарисов и скрылся у меня из глаз.

Я снова взвалил самку на плечи и, неся птицу в руках, направился к дому. Сердце мое было полно тайного ликования. Я предвкушал двойное удовольствие — от двойной радости, которую должен был доставить. Я обрадую двоих — тех, кто был мне дороже всех на свете: любимую мать и милую сестру.

Скоро я миновал саванну и очутился в апельсиновой роще. Я не пошел через калитку, а перелез через забор. Я был так счастлив, что мой груз казался мне легким, как перышко. Я радостно шел напрямик, раздвигая сгибающиеся под тяжестью плодов ветви и сбивая по пути золотые шары. Кто же заботится во Флориде о нескольких сбитых апельсинах!

Когда я подошел к клумбам, мать была на веранде и приветствовала меня радостным восклицанием. Я бросил добычу к ее ногам.

— Что это за птица? — спросила она.

— Это королевский коршун — подарок для Виргинии. Где она?.. Еще не вставала? Ах, маленькая лентяйка! Я пойду и разбужу ее. Стыдно спать в такое прекрасное утро!

— Нет, Джордж, она уже больше часу как встала, немного поиграла в саду и ушла.

— Но где она? В гостиной?

— Нет, она пошла купаться.

— Купаться?

— Да, вместе с Вполой. А что?

— О мама, мама!..

— Что такое, Джордж?

— Боже мой! Аллигатор!!!

— Желтый Джек! Аллигатор!

Вот и все, что я мог произнести. Мать умоляла меня объяснить ей, что случилось, но я не в силах был вымолвить ни слова. Охваченный безумным страхом, я бросился бежать, оставив мать в таком же ужасе, в каком находился сам.

Я мчался к бассейну не по извилистой тропинке, а самой краткой дорогой, перепрыгивая через все препятствия, встречавшиеся на пути. Я перемахнул через изгородь и как вихрь понесся через апельсиновую рощу. Слышался только хруст ветвей, да на землю летели спибаемые мною апельсины. Мои уши чутко ловили каждый звук.

Шум позади меня все усиливался. Я слышал голос матери, полный отчаяния. Ее крики всполошили весь дом, сбежались слуги и служанки. Собаки, встревоженные внезапной суматохой, начали лаять. Домашние и певчие птицы подняли пронзительный крик.

Все эти звуки доносились с плантации. Но не это меня беспокоило, я прислушивался к звукам у бассейна. И вот я услышал всплеск воды и ясный серебристый голосок сестры! «Ха-ха-ха!» — звонко смеялась она. Слава богу, сестра была еще невредима!

Я остановился и громко закричал:

— Виргиния! Виргиния!

Я нетерпеливо ждал ответа. Но ответа не было: может быть, плеск воды заглушал мой голос?

Я позвал еще раз, уже громче:

— Виргиния! Сестра! Виргиния!

На этот раз меня услышали:

— Кто зовет меня? Это ты, Джордж?

— Да, это я, Виргиния.

— Что тебе надо, братец?

— Сестра, выходи скорей из воды!

— А зачем? Разве приехали гости?.. Так рано? Ну, пусть подождут, милый Джордж. Пойди к ним и займи их чем-нибудь. А я еще поплаваю — утро прекрасное

и вода просто прелесть!.. Правда, Виола? А ну-ка, поплывем еще раз вокруг пруда!

Снова раздался всплеск и веселый смех сестры и ее служанки.

Я закричал изо всех сил:

— Виргиния, дорогая! Ради бога, выходи скорей!

Вдруг веселые голоса смолкли, послышалось короткое, отрывистое восклицание, а затем, почти мгновенно, отчаянный крик. Я понял, что это не ответ на мой призыв.

Моя просьба могла встревожить сестру, но теперь в ее голосе слышался ужас. Я расслышал слова Виргинии:

— Виола, смотри! Какое чудовище! Боже мой, оно плывет сюда! На помощь! Джордж, на помощь! Спаси, спаси меня!

Я очень хорошо понял смысл этих бессвязных слов и отчаянных воплей и закричал:

— Иду, сестра, иду!

С быстротой молнии я бросился через кусты, отделившие меня от бассейна. Но не поздно ли? Может быть, это крик агонии и сестра уже в пасти аллигатора?

Десять прыжков, и я выскочил из рощи. Скатившись с берега черепашьего садка, я очутился на краю бассейна. Моим глазам представилась ужасная картина.

Сестра плыла от середины бассейна к берегу, возле которого по колени в воде стояла квартиронка, визжа от ужаса и в отчаянии ломая руки. Позади сестры виднелась гигантская ящерица; ее тело, передние лапы и когти ясно обозначались в прозрачных волнах, из воды выступали чешуйчатая спина и плечи, еще выше торчали морда и хвост. Хвостом аллигатор взбивал на поверхности бассейна белую пену. До намеченной жертвы ему оставалось не более десяти футов. Ужасные челюсти почти касались зеленой шерстяной юбки, которая, как шлейф, тянулась за сестрой по воде. Каждую секунду аллигатор мог рвануться вперед и схватить ее.

Сестра плыла изо всех сил. Она хорошо плавала, но вряд ли это могло ей помочь. Купальный костюм только мешал ей. Аллигатор мог схватить сестру в любой момент — стоило ему только сделать самое незначительное усилие. Но пока он ее не трогал.

Это до сих пор удивляет меня. Поведение аллигатора так и осталось загадочным. Быть может, он был уверен, что жертва целиком в его власти, и, как кошка, играющая с мышью, наслаждался сознанием своей силы.

Все это я сообразил в одно мгновение — пока взводил курок.

Я прицелился и выстрелил. На теле аллигатора есть только два места, где пуля может оказаться смертельной, — глаз и место около сердца, под передней лапой. Я метил в глаз, но попал в плечо. От жесткой чешуйчатой кожи пуля отскочила, как от гранитной скалы. В ромбовидных чешуйках она оставила только беловатую царапину — вот и все!

Игра надоела чудовищу. Выстрел, по-видимому, причинил ему боль. Во всяком случае, он побудил его к более решительным действиям и заставил сделать последний прыжок.

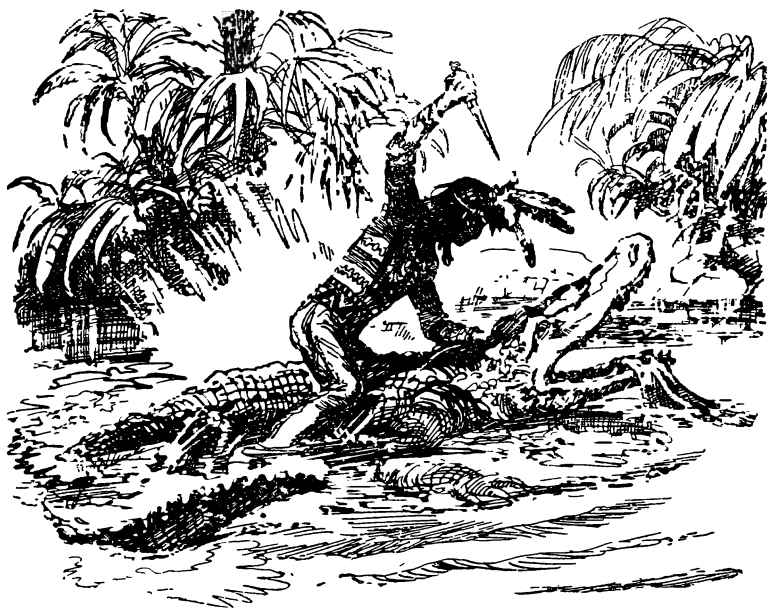
Ударив по воде широким хвостом, аллигатор ринулся вперед. Его огромная челюсть вертикально поднялась кверху, так что открылась огромная красная глотка, и в следующее мгновение юбка сестры оказалась в его ужасной пасти.

Я кинулся в воду и поплыл с винтовкой в руке. Но она мне мешала. Я отшвырнул ее прочь, и она пошла ко дну.

Я схватил Виргинию как раз вовремя — в тот момент, когда аллигатор готов был утащить ее под воду.

Я изо всех сил старался удержаться вместе с сестрой на поверхности воды. Оружия у меня не было. А если бы и было, я не мог бы пустить его в ход: ведь обе руки у меня были заняты.

Я кричал изо всех сил, надеясь напугать аллигатора и заставить его выпустить добычу. Но все было бесполезно: он крепко держал свою жертву.

Незнакомый юноша внезапно прыгнул на спину

О боже! Аллигатор утащит нас обоих под воду, утопит и растерзает!

Но вдруг послышался всплеск. Кто-то с большой высоты смело прыгнул в пруд — смуглое лицо с длинными черными волосами, грудь, сверкающая яркими блестками, расшитая бусами одежда. Мужчина? Мальчик?

Кто же был этот незнакомый юноша, кинувшийся к нам на помощь?

Он плыл уже около нас и нашего страшного врага. Взор юноши был полон энергии и решимости. Он не произнес ни слова. Одной рукой он уперся в плечо огромной ящерицы и внезапно прыгнул ей на спину. Он сделал это более ловко, чем всадник, вскакивающий в седло.

аллигатору. В его руке сверкнул нож...

В его руке сверкнул нож, лезвие которого вонзилось в глаз аллигатора.

Чудовище взревело от боли. Вода всенилась под ударами его хвоста, и целый фонтан брызг взметнулся над нами. Аллигатор выпустил свою добычу, и я поплыл с сестрой к берегу.

Обернувшись, я увидел невероятное зрелище: аллигатор нырнул на дно вместе с отважным всадником на спине. Этот юноша погиб! Погиб!

С такими горькими мыслями я продолжал плыть. Выбравшись на берег, я положил на землю сестру, находившуюся в глубоком обмороке. Затем... снова оглянулся.

О радость! Незнакомый юноша вынырнул из воды и направился к берегу. На противоположной стороне

пруда появилось отвратительное тело чудовища. Аллигатор яростно и неистово бился в предсмертной агонии.

К счастью, сестра оказалась невредимой. Вздущаяся на воде юбка спасла ее. Лишь незначительные царапины виднелись на нежной коже Virginии. Теперь она была в заботливых руках, на нее смотрели любящие глаза, ей говорили ласковые слова; ее осторожно подняли и унесли с того места, где она чуть было не погибла.

Глава X

МЕТИС

Аллигатора вскоре доби́ли и, к величайшему удовольствию всех негров плантации, вытащили на берег.

Никто не мог понять, каким образом он попал в пруд, так как я не сказал никому ни слова. Все думали, что аллигатор забрел в пруд из реки или из лагуны, как это иногда случалось и раньше. И Желтый Джек, принявший самое деятельное участие в уничтожении страшного зверя, несколько раз высказал это предположение. Негодяй и не подозревал, что его тайна раскрыта! Я считал себя единственным человеком, знавшим ее. Однако я ошибался.

Слуги вернулись домой, волоча на веревках огромное тело аллигатора и оглашая воздух победными криками. Я остался наедине с нашим храбрым избавителем, желая выразить ему свою благодарность.

Мать, отец — все благодарили его и восхищались его мужеством. Даже сестра, придя в сознание, сказала ему несколько теплых слов, выражая свою признательность.

Он молчал. Лишь улыбкой и легким поклоном отвечал он на благодарность и поздравления. По возрасту он был еще мальчик, но держал себя серьезно, как мужчина.

Он был примерно моего возраста и роста, прекрасен сложен и очень красив. По цвету лица его нельзя

было принять за чистокровного индейца, хотя он носил индейскую одежду. Кожа у него была скорее смуглая, нежели бронзовая, — очевидно, это был метис.

Орлиный нос придавал ему сходство с этой птицей — такова отличительная особенность некоторых североамериканских племен. Его глаза, обычно мягкие и кроткие, быстро загорались. Когда он был возбужден, они, как я уже заметил, пылали грозным огнем.

Примесь крови белой расы смягчила его резкие, но совершенно правильные черты индейского типа, хранившие выражение героического величия. Его черные волосы были красивее, чем у индейца, но такие же блестящие и густые. Короче говоря, весь облик странного незнакомца свидетельствовал о том, что этот благородный и обаятельный юноша года через два превратится в мужчину замечательной красоты. Даже сейчас он отличался таким неповторимым своеобразием, что, раз увидев, его уже нельзя было забыть.

Я сказал, что одет он был как настоящий индеец. Но его костюм был сделан не из шкур, добытых на охоте. Штаны из оленьей кожи уже давно исчезли во Флориде. На нем были штаны из красного сукна и рубашка из пестрой хлопчатобумажной материи. Только мокасины были сделаны из дубленой оленьей кожи. Все это было богато украшено вышивками и бисером. Еще на нем выделялся шитый пояс — вампум, а на голове повязка, украшенная тремя перьями грифа, который пользуется у индейцев таким же почетом, как орел. Шею метиса обвивало ожерелье из разноцветных бус, а на груди сверкали один над другим три серебряных полумесяца.

Вот и весь наряд юноши. Несмотря на то что индеец промок насквозь, вид у него был благородный и живописный.

— Вы уверены, что не ранены? — спросил я его еще раз.

— Конечно, уверен. Ни единой царапины.

— Но вы насквозь промокли. Позвольте предложить вам переодеться. Мне кажется, что мое платье придется вам впору.

— Благодарю. Я не привык к такой одежде. Солнце сильно печет, и я скоро обсохну.

— Зайдите к нам подкрепиться!

— Я недавно ел.

— Может быть, вы выпьете вина?

— Нет, благодарю. Я пью только воду.

Я не знал, что и сказать своему новому знакомому. Он отказывался от гостеприимства, но все еще стоял возле меня. Он не хотел посетить наш дом и в то же время не обнаруживал желания уйти от меня.

Так чего же он ждал? Награды за свою услугу? Чего-нибудь более существенного, чем похвалы и любезности?

Мне это показалось весьма вероятным. Как ни обаятелен юноша, он все же индеец. Он уже достаточно наслушался похвал. Индейцы не любят праздных слов. Может быть, он ждал чего-то еще — вполне естественно. Так же естественно было, что и я подумал об этом.

Я быстро вынул из кармана кошелек и положил ему в руку. Но в следующее мгновение кошелек оказался на дне пруда.

— Я не просил у вас денег! — сказал он, с негодованием швырнув доллары в воду.

Мне было обидно и совестно — главным образом совестно. Я бросился в пруд и нырнул. Но не за кошельком, а за винтовкой, которая, как я видел, лежала на каменистом дне. Я достал ее и, выбравшись на берег, подал метису.

Он как-то особенно улыбнулся, и я понял, что исправил свою ошибку и сломил его своевольную гордость.

— Теперь очередь за мной, — сказал он. — Позвольте мне достать ваш кошелек и попросить прощения за грубость.

И прежде чем я успел помешать ему, он кинулся в воду и нырнул. Вскоре он появился с кошельком и подал его мне.

— Это великолепный подарок, — промолвил он, рассматривая винтовку. — Для того чтобы предложить

вам ответный дар, мне надо побывать дома. У нас, индейцев, не много теперь найдется того, что ценят белые люди, кроме нашей земли! (Эти слова он произнес с особым ударением.) Наши изделия, — продолжал он, — по сравнению с вашими ничего не стоят. Для вас это в лучшем случае любопытные безделушки. Но постойте... ведь вы охотник? Может быть, вы возьмете мокасины и патронташ? Маюми делает их очень хорошо.

— Маюми?

— Моя сестра. Вы увидите, что в мокасилах гораздо удобнее охотиться, чем в тяжелых сапогах, которые вы носите. В мокалинах можно двигаться бесшумно.

— Важнее всего то, что я получу мокасины в подарок от вас!

— Я очень рад, что это доставит вам удовольствие. Маюми сделает вам и мокасины и патронташ.

«Маюми! — повторил я про себя. — Прелестное, незнакомое имя! Неужели это она?»

Я вспомнил о прекрасной девушке, которую однажды встретил на тропинке в лесу. Это была мечта, небесное видение — она казалась слишком красивой, чтобы быть земным созданием.

Это видение явилось мне в облике девушки-индианки, когда я бродил в лесах и ароматных, благоухающих рощах. Я увидел ее на цветущей зеленой лужайке. Это было одно из тех мест южного леса, которые природа украсила с особенной щедростью. Девушка казалась неотъемлемой частью этой великолепной картины.

Не успел я взглянуть на нее, как она уже исчезла. Я помчался за ней, но напрасно старался отыскать ее. Как легкий призрак, ускользнула она по запутанному лабиринту тропинок в роще, и больше я ее не видел. Но, скрытый от моего взора, образ ее не изгладился в моей памяти, и с тех пор я все время мечтал о прелестном видении. Не была ли это Маюми?

— Как вас зовут? — спросил я юношу, который уже собрался уходить.

— Белые зовут меня Пауэлл, по имени моего покойного отца. Он был белый. Мать моя жива. Нет нужды говорить, что она индианка... Мне пора идти, — доба-

вил он, помолчав. — Но прежде позвольте мне задать вам один вопрос. Он может показаться вам дерзким, но у меня есть свои причины. Нет ли среди ваших рабов такого, который очень зол и враждебно относится к вашей семье?

— Пожалуй, да. По крайней мере, у меня есть основания подозревать его.

— Сумеете ли вы узнать его следы?

— Думаю, что узнаю.

— Тогда пойдемте со мной!

— Не надо. Я догадываюсь, куда вы хотите вести меня. Я знаю все: он заманил сюда аллигатора, чтобы погубить мою сестру.

— Уф! — воскликнул молодой индеец с некоторым удивлением. — Откуда вы могли узнать это?

— Я видел все вон из-за той скалы. А вы как узнали?

— Я шел по следу — человека, собаки и аллигатора. Я охотился на болоте и увидел следы. Я заподозрил что-то неладное и пошел через поле. Добрался до зарослей и услышал крики. И вот подоспел как раз вовремя. Уф!

— Да, в самый последний момент, иначе негодяю удался бы его гнусный замысел. Но не беспокойтесь, друг мой, он будет наказан!

— Хорошо. Он должен быть наказан. Надеюсь, что мы еще встретимся с вами!

Мы обменялись еще несколькими словами и простились, крепко пожав друг другу руки.

Глава XI

ОХОТА

Я уже больше не сомневался в виновности мулата. Уничтожение рыбы не могло быть его единственным намерением. Ради такого пустяка он не стал бы прилагать столько усилий. Нет, он замышлял нечто более ужасное, это был глубоко продуманный план мести: он

стремился уничтожить мою сестру или Виолу, а может быть, и обеих сразу!

Подобное предположение казалось чудовищным, но сомнений не было: все подтверждало это. И молодой индеец сразу разгадал намерение мулата. В это время года сестра купалась почти каждый день, и все на плантации знали ее привычки. Я забыл об этом, когда увлекся погоней за оленями, иначе, конечно, действовал бы совершенно по-иному. Но кто мог думать о таком ужасном злодеянии? Коварство мулата соответствовало его злобному нраву. Если бы не нашлось случайных свидетелей, замысел мог бы осуществиться, и сестра стала бы его жертвой. Кто мог бы назвать виновника преступления? Все считали бы, что аллигатор — единственная причина гибели сестры. Никому бы и в голову не пришло подозревать мулата. Ведь желтый негодяй придумал все с дьявольской ловкостью.

Я пылал негодованием. Моя бедная, невинная сестра! Она и не ведала о гнусном замысле, из-за которого ее жизнь подвергалась такой смертельной опасности. Виргиния знала, что мулат недолгобливает ее, но она и не подозревала, что он питает к ней такую сатанинскую ненависть. Я был уже не в состоянии дольше сдерживать свои чувства. Преступника следует покарать, немедленно! Его надо лишить возможности повторить подобное покушение в дальнейшем. Как нужно его наказать — об этом я сейчас не думал. Этот вопрос пусть решат старшие. Плетей не помогли; может быть, сго исправят кандалы... во всяком случае, он должен быть изгнан с плантации. Мысль о смертной казни не приходила мне в голову, хотя негодяй и заслужил ее. Воспитанный гуманным отцом, я не мог дойти до такой крайности, хотя был вне себя от ярости. Я считал, что достаточно наказать преступника плетями, заковать его в кандалы и отправить в тюрьму, в форт святого Марка или святого Августина.

Я знал, что этот вопрос будет решать не только мой отец, что в нем примут участие все окрестные плантаторы и что необходимо скорее собрать их на совет. Рассмотрением этого преступления, безусловно, займутся

более строгие судьи, чем снисходительный хозяин мулата. Я больше не раздумывал и решил, что суд должен состояться немедленно. Поэтому я, прямо через чащу, поспешил домой, чтобы все рассказать отцу.

Не успел я сделать и нескольких шагов, как услышал около себя какой-то шелест. Кругом не было ни души, но, очевидно, кто-то пробирался между деревьями. Может быть, кто-нибудь из рабов, пользуясь общим смятением, вздумал полакомиться апельсинами.

Все это показалось мне сущим пустяком по сравнению с тем, что меня заботило, и я не считал даже нужным остановиться. Я только окликнул незнакомца и, не получив ответа, пошел дальше.

Подойдя к дому, я увидел отца и надсмотрщика над рабами под большим навесом. Тут же был и охотник за аллигаторами старик Хикмэн и несколько соседей, случайно заехавших к отцу по делам. Я подробно рассказал об утреннем происшествии. Все стояли как пораженные громом. Хикмэн сразу же объявил, что, вероятно, все так и было, хотя никто и не сомневался в справедливости моих слов. Единственное сомнение могло быть относительно намерений мулата. Неужели он хотел погубить человеческую жизнь? Трудно было поверить в такую неслыханную жестокость. Однако в тот же миг все сомнения были разрешены. Нашелся свидетель, подтвердивший и дополнивший мои показания. Этот свидетель был Черный Джек.

В это утро — всего полчаса назад — он заметил, как Желтый Джек взбирался на один из высоких дубов, откуда хорошо виден пруд. Это было как раз в тот момент, когда «белая мисс» и Виола пошли купаться. Желтый Джек видел, как они вошли в воду.

Возмущенный таким недостойным поведением, негр крикнул мулату, чтобы тот слез с дерева, и пригрозил, что пожалуется на него. Но мулат ответил, что собирает желуды — любимое лакомство всех обитателей плантации. И только после того, как негр повторил свою угрозу, Желтый Джек наконец спустился на землю, но в руках у него не было ни одного желудка.

— Он не за желудями полез туда, масса Рэндольф:

этот желтый бездельник замышлял плохое дело, — так закончил свои показания Черный Джек.

Теперь уже нельзя было сомневаться в преступном намерении мулата. Он влез на дерево, желая убедиться, что злодеяние, задуманное им, совершилось; он видел, как девушки вошли в бассейн; он знал об опасности, таящейся в воде, и он даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь им или поднять тревогу. Наоборот, он одним из последних прибежал к пруду, когда девушки призывали на помощь. Это подтверждали многие свидетели. Все улики против него были налицо.

Рассказ Черного Джека взволновал всех. Белые и черные, хозяева и рабы — все были одинаково возмущены ужасным преступлением. Со всех сторон раздавались крики: «Где Желтый Джек?»

Негры, белые, мулаты — все бросились на поиски, все жаждали поймать Желтого Джека, чтобы наказать это чудовище.

Но куда же он скрылся? Его громко звали, ему приказывали, ему угрожали. Но все напрасно: ответа не было. Где же он? Обыскали всё: конюшни, пристройки, кухню, хижины негров, даже амбар для зерна, но мулата нигде не оказалось. Куда же он скрылся? Его видели совсем недавно, когда он помогал тащить аллигатора. Люди принесли убитого зверя к загону и бросили на съедение свиньям. Желтый Джек вертелся тут же и усердно помогал в работе, но где он был теперь — никто не знал.

В эту минуту я вспомнил, что слышал шорох в апельсиновой роще. Не там ли прятался Желтый Джек? В таком случае, он, вероятно, подслушал мой разговор с молодым индейцем или, по крайней мере, последнюю часть его и теперь был уже где-нибудь далеко.

Начали искать его в апельсиновой роще и в зарослях вокруг бассейна, но напрасно: мулат как сквозь землю провалился. Тогда мне пришла мысль взобраться на вершину скалы, на мой наблюдательный пункт; и я сразу увидел беглеца, пробиравшегося ползком через плантацию индиго по направлению к маисовому полю. Дальше я не стал следить за ним, спрыгнул со скалы и

помчался в погоню. Мой отец, Хикмэн и другие последовали за мной.

Погоня велась отнюдь не втихомолку, и по нашим крикам Желтый Джек скоро понял, что его преследуют. Скрываться дальше уже не было никакой возможности, и, вскочив, он пустился бежать со всех ног. Вскоре он достиг майсового поля; крики преследователей раздавались у него за спиной.

Хотя я был еще мальчишкой, но бежал быстрее всех. Я знал, что обязательно догоню его, если только ему не удастся скрыться из виду. По-видимому, он надеялся добежать до болота и там нырнуть в заросли пальметто, где ему уже легко было бы спрятаться так, чтобы его не нашли.

Чтобы помешать этому, я пустился бежать во весь дух и пересек беглецу дорогу как раз у края леса. Мне удалось схватить его за полу куртки.

Это была, конечно, безрассудная попытка. Мной владела только одна мысль: схватить его! Я и не подумал о том, что он будет сопротивляться, хотя от человека, доведенного до отчаяния, этого вполне можно было ожидать. Привыкший к тому, чтобы мне повиновались, я в ослеплении полагал, что, как только схвачу его, он покорно остановится. Но я ошибался. От быстрого бега я совершенно запыхался и настолько ослабел, что был бы не в состоянии удержать даже кошку. Желтый Джек без труда вырвался у меня из рук. Я думал, что он удерет, но вместо этого он обернулся и, выхватив нож, вонзил его в мою руку. Он метил в сердце, но в этот момент я случайно поднял руку и тем отвратил от себя роковой удар.

Муллат снова занес нож и вторично вонзил бы его в меня, если бы в борьбу не вмешался третий участник. Прежде чем смертоносное лезвие коснулось меня, сильные руки Черного Джека обхватили мулата. Мерзавец яростно отбивался, стараясь вырваться на свободу, но железные объятия его старого соперника не разжимались, пока не подоспели Хикмэн и все другие. Вскоре мулат был опутан крепкими ремнями и теперь лежал перед нами — беспомощный и безвредный.

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР

Все эти события, само собой разумеется, вызвали большое волнение и за пределами нашего дома. Вдоль реки тянулся ряд плантаций, составлявших один поселок. Весть о том, что произошло у нас, разнеслась с невероятной быстротой, и примерно через час к нам со всех сторон стали съезжаться белые соседи. Некоторые из них — бедные охотники, жившие на окраинах больших плантаций, — пришли пешком, а другие — сами плантаторы и их надсмотрщики — прискакали верхом. Все они были вооружены винтовками и пистолетами. Посторонний наблюдатель принял бы их за отряды милиции, съехавшиеся на сбор, хотя по серьезному выражению их лиц можно было скорее подумать, что они собрались отражать нападение индейцев на границе.

В течение часа прибыло около пятидесяти человек — почти все жители поселка. Для разбора дела Желтого Джека был назначен суд. Судебный процесс проводился не в соответствии со строгими положениями закона, хотя некоторые юридические формальности в очень грубой форме все же соблюдались. Эти люди пользовались здесь полной властью, они были владельцами земли и в случаях, подобных этому, могли без труда организовать своеобразный судебный трибунал. Из своей среды они избрали присяжных и судью — нашего ближайшего соседа, Ринггольда. Мой отец отказался принять участие в суде.

На предварительное следствие много времени не понадобилось — факты говорили сами за себя. Я стоял перед судьями с повязкой на раненой руке. Все было ясно — вина была доказана. Мулат покушался на жизнь белых. Значит, он заслуживал смертной казни.

Но какой смертью его казнить? Одни предлагали повесить; другие находили этот приговор слишком мягким. Большинство одобрили предложение *сжечь* преступника живым. К этому зверскому приговору присоединился и судья.

Отец мой просил смягчить приговор — по крайней

мере, не мучить преступника. Но жестокие судьи его не слушали. У всех плантаторов было много случаев бегства рабов, что объяснялось близостью индейцев. И вот рабовладельцы, обвиняя отца в излишней мягкости, решили, что беглые рабы должны получить жестокий урок. Первой жертвой будет Желтый Джек, которого сожгут живым.

Так они рассуждали, таков был произнесенный ими приговор!

Обычно думают, что североамериканские индейцы всегда пытаются своих пленников. Это явно заблуждение! В большинстве достоверно засвидетельствованных случаев жестокость индейцев была ответом на какую-нибудь вопиющую несправедливость, ранее совершенную по отношению к ним, и пытка пленников являлась лишь возмездием. В любые эпохи человеческая природа поддавалась искушению мести. Белых можно с таким же основанием обвинять в жестокости, как и краснокожих. Если бы индейцы сами писали историю пограничных войн и захватов их территории, то весь мир, вероятно, изменил бы свое мнение об их так называемом «жестокосердии».

Сомнительно, чтобы во всей истории войн между белыми и индейцами можно было найти примеры жестокости, равные тем, с которыми белые относились к неграм. Многие из негров-рабов были искалечены, подвергались пытке, приговаривались к смерти даже за простую обиду, нанесенную словом, и, уж конечно, за оскорбление действием — например, пощечину или удар. Ибо таков был закон, начертанный белыми людьми.

Жестокость индейцев почти всегда была только возмездием. Но когда цивилизованные тираны пытали людей, то месть вовсе не являлась поводом, которым можно оправдать их действия. Если же это даже была месть, то не естественная жажда отмщения, которая находит себе приют в человеческом сердце в ответ на несправедливость, а просто низменная злоба, которую часто проявляют подлые и трусливые тираны по отношению к слабым созданиям, находящимся в их власти.

Желтый Джек совершил тяжкие преступления и безусловно заслуживал смерти. Но судьи решили еще и пытать его. Мой отец и несколько других соседей протестовали против этого, но большинство голосов одержало верх, и ужасный приговор был утвержден. И те, кто вынес его, сразу же начали готовиться привести его в исполнение.

Владения джентльмена — неподобающее место для казни. Поэтому решили отойти подальше от дома, к озеру. В двухстах ярдах от берега нашли подходящее дерево, и вся толпа направилась туда вслед за осужденным. Желтого Джека привязали к дереву и начали разводить костер.

Отец отказался присутствовать при казни. Из всего нашего семейства один я последовал за толпой. Мулат увидел меня и осыпал градом ругательств, торжествуя, что нанес мне рану. Видимо, он считал меня своим злейшим врагом. Правда, я оказался невольным свидетелем преступления Желтого Джека и его осудили главным образом благодаря моим показаниям, но я не был мстителем и готов был извинить его от ужасной участи, которая ему угрожала, по крайней мере от пыток.

Мы подошли к месту казни. Люди уже суетились там: одни собирали хворост и складывали его вокруг дерева, другие разводили огонь. В толпе раздавались смех и шутки, но слышались и возгласы, в которых ясно сквозила ненависть ко всей расе цветных людей. Особенно усердствовал в этом отношении молодой Ринггольд, необузданный, жестокий юноша, унаследовавший худшие черты своего семейства.

Я знал, что ему нравится моя сестра. Я часто замечал, что он оказывал ей особые знаки внимания и не скрывал своей ревности к ее молодым друзьям. Его отец был самым богатым плантатором во всем поселке, и надменный сынок считал себя повсюду желанным гостем. Я не думаю, чтобы он нравился Виргинии. Впрочем, наверное не могу сказать — вопрос был слишком деликатный, чтобы задать его девочке-подростку, которая только воображала себя взрослой девушкой.

Ринггольд не отличался ни красотой, ни благородством. Он был, пожалуй, неглуп, но заносчив по отношению к людям, стоявшим ниже его, — обычная черта сыновей богатых родителей. Про него говорили, что характер у него мстительный. Вдобавок он был расточителем, слонялся по кабачкам самого низшего пошиба, устраивал петушинные бои.

Я не любил его и никогда не искал его общества. Он был немного старше меня, но дело не только в этом — мне не нравились его характер и склонности. Но совсем не так относились к нему мои родители. Они приветливо принимали Ринггольда в доме, по-видимому считая его своим будущим зятем. Они не замечали его недостатков — блеск золота часто ослепляет наши взоры.

Этот молодой человек был в числе тех, кто настойчиво требовал смерти мулата. Он принимал самое деятельное участие в приготовлениях к казни. Это объяснялось отчасти и природной бесчеловечностью — молодого Ринггольда и его отца считали жестокими плантаторами, и для всех рабов нашей колонии самой страшной угрозой было обещание продать их «массе Ринггольду».

Однако поведение молодого Ринггольда объяснялось и другой причиной: он воображал, что поступает по-рыцарски, проявляя дружеские чувства к нашей семье — а главное, к Виргинии. Но он ошибался: такая жестокость не могла вызвать у нас одобрения. Да и вряд ли моя добрая сестра наградила бы его за это приветливой улыбкой.

Молодой метис Пауэлл также был здесь. Услышав шум погони, он вернулся и теперь стоял в толпе, но ни в чем не участвовал.

Ринггольд увидел индейца, и странное выражение промелькнуло в его глазах. Он уже знал, что смуглый юноша спас Виргинию, но благодарности к нему отнюдь не испытывал.

Наоборот, в его груди вспыхнуло другое чувство: это было ясно видно по презрительной улыбке, игравшей на его губах.

Это стало еще заметнее, когда он грубо обратился к Пауэллу.

— Эй! Краснокожий! — крикнул он. — А ты не приложил руки к этому делу? Слышишь, ты, краснокожий!

— Это я краснокожий? — с негодованием воскликнул метис, бросив гордый взгляд на обидчика. — Однако цвет моей кожи лучше, чем вашей, трусливый болван!

У Ринггольда цвет лица был несколько желтоватый. Удар был нанесен метко. Оскорбление дошло до сознания Ринггольда молниеносно, но он был так изумлен подобным обращением со стороны индейца и пришел в такую ярость, что на несколько мгновений утратил дар речи. Прежде чем он мог что-нибудь промолвить, послышались восклицания:

— Черт возьми! Что там болтает этот индеец?

— Повтори, что ты сказал! — закричал, опомнившись, Ринггольд.

— Если угодно, пожалуйста: трусливый болван! — крикнул метис, особенно подчеркнув последние слова.

Едва он успел вымолвить это, как Ринггольд выстрелил, но пуля пролетела мимо метиса. В следующую минуту противники ринулись вперед и вцепились друг другу в горло.

Оба упали на землю, но преимущество оказалось на стороне метиса. Он очутился наверху, нож сверкнул у него в руке, и Ринггольду, наверно, пришлось бы отправиться на тот свет, если бы кому-то из толпы не удалось вышибить нож из рук метиса. Несколько человек бросились к ним и розняли противников.

Некоторые возмущались поведением индейца и требовали для него смертной казни. Но нашлись люди с более благородными представлениями о справедливости, они были свидетелями того, как вызывающе вел себя Ринггольд, и, несмотря на влияние и силу семейства Ринггольдов, стали возражать против этого убийства. Я был исполнен решимости защищать метиса до последней возможности.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось... Но вдруг кто-то крикнул:

— Желтый Джек бежал!

Я оглянулся. Действительно, мулат бежал!

Люди были поглощены схваткой Рпингольда с индейцем и забыли про мулата. Нож, который кто-то выбил из рук Пауэлла, упал к ногам Желтого Джека. Воспользовавшись суматохой, он поднял его, разрезал веревки, которыми был привязан к дереву, и бросился бежать.

Кое-кто пытался схватить мулата, но он выскользнул из рук. В несколько прыжков он обогнал толпу людей и помчался к озеру.

Это была безумная попытка. Его или застрелят, или догонят. Да, но пытаться спастись от верной смерти — и какой смерти! — разве это безумие?

Вслед беглецу загревели выстрелы, сначала из пистолетов, потом из ружей. Винтовки лежали в стороне или стояли, прислоненные к деревьям и заборам. Все помчались за ними. Стрелки прицеливались один за другим — слышался сухой треск, похожий на учебную стрельбу отряда пехотинцев. Среди белых было много метких стрелков, но трудно попасть в человека, спасающего свою жизнь и мечущегося из стороны в сторону между пнями и кустами. Ни один выстрел, по-видимому, не попал в цель. По крайней мере, когда дым рассеялся, мы увидели, что мулат бросился в озеро и поплыл.

Некоторые снова принялись заряжать винтовки, другие же, видя, что времени терять нельзя, бросали оружие; поспешно сбрасывали с себя шляпы, куртки, сапоги и прыгали в воду вслед за беглецом.

Через три минуты картина совершенно изменилась. Место казни опустело. Одни толпились на берегу, крича и жестикулируя, а другие — человек двадцать — молча плыли, и только их головы торчали из воды. Далеко впереди — футах в пятидесяти от них — виднелись черные курчавые волосы, желтые плечи и шея одинокого пловца, прилагавшего отчаянные усилия, чтобы спастись от преследователей.

Это была странная сцена! Как будто идет охота за оленем — окруженный со всех сторон, он бросается в воду, а собаки с лаем смело ныряют за ним. Только здесь царило еще большее возбуждение, и люди и собаки охотились не за дичью, а за человеком. Борзые и легавые вместе со своими хозяевами бросились в яростную погоню. Право же, это была очень странная сцена!

С берега продолжали греметь выстрелы: те, кто оставался там, снова зарядили свои ружья. Пули то и дело шлепали по воде недалеко от пловца, но ни одна не настигла его. Он уже находился за пределами попадания.

Все это казалось мне каким-то сном. События сменялись так быстро, что я почти не доверял собственным чувствам и сомневался в действительности всего происходящего. За миг перед этим преступник, связанный и беспомощный, лежал перед грудой хвороста, который собирались поджечь. Теперь же он был свободен и плыл вперед, а его палачи безнадежно отстали от него. Перемена произошла настолько быстро, что в нее трудно было поверить. А между тем все это совершилось у меня на глазах.

Прошло немало времени. Погоня на воде во многом отличается от погони на суше. Несмотря на то что это был вопрос жизни и смерти, беглец и его преследователи двигались вперед очень медленно. В течение приблизительно получаса мы, оставшиеся на берегу, были зрителями этого необычайного состязания. Ярость первых минут улеглась, но тем не менее интерес зрителей не ослабевал; люди еще продолжали стрелять и волноваться, хотя ни стрельба, ни крики, конечно, не могли привести к желаемым результатам. Никакие поощрительные возгласы не помогали преследователям. Никакие угрозы не нужны были, чтобы беглец плыл скорее...

Пока мы стояли на берегу, у нас было достаточно времени для размышлений. Нам было ясно, почему мулат бросился в воду. Попробуй он бежать по полю, он стал бы добычей собак или его догнали бы те, кто бежал быстрее. В воде же не многие могли состязаться с ним. Поэтому он решил переплыть озеро и добраться до леса.

Однако совершенно скрыться он не мог. Остров, к которому он плыл, находился на расстоянии полумили от берега, но за ним простиралась полоса воды более мили в ширину. Мулат мог спрятаться от преследователей на острове. Но что дальше? Не мог же он рассчитывать на спасение, спрятавшись в чаще! Там всего на нескольких акрах густо росли высокие деревья. Некоторые стояли у самого берега, ветви их были украшены серебристой тилландсией и свисали над водой. Но что из этого? Здесь мог найти укрытие и спасение медведь или загнанный волк, но не преследуемый человек, не раб, который осмелился поднять нож на своего хозяина. Нет, нет! На острове обыщут каждый куст, и скрыться нет никакой возможности.

Может быть, мулат только собирался отдохнуть на острове и, переведя дух, снова пуститься вплавь к противоположному берегу? Хороший пловец мог бы рискнуть на это, но для мулата этот путь был отрезан. На реке было много лодок и пирог, люди уже пошли за ними, и, прежде чем мулату удалось бы отплыть от берега, за ним уже погналось бы несколько челноков. Нет, нет, ему не спастись! Куда бы он ни бросился, в воде или на острове, — его схватят везде! Так рассуждали зрители на берегу, наблюдавшие за погоней.

По мере того как пловец приближался к острову, возбуждение все больше усиливалось. Развязка была недалека, но она оказалась совершенно иной, нежели мы предполагали. Все думали, что беглец, достигнув острова, выйдет на берег и скроется среди деревьев, а за ним по пятам пойдут преследователи и, может быть, изловят его даже раньше, чем ему удастся добраться до леса. Люди были уверены, что все произойдет именно так, — ведь мулат находился уже около самого острова: еще несколько сильных взмахов, и он был бы у берега. Он уже плыл под темной тенью деревьев, ветви как бы склонялись над его головой; казалось, ему достаточно было поднять руки и схватить их. Большинство пловцов все еще отставали от него ярдов на пятьдесят, но некоторые, опередив других, были уже в двадцати пяти ярдах от него. С берега казалось, что они плывут

чуть ли не рядом с беглецом и в любой момент могут его схватить.

Развязка приближалась, но не такая, какой мы ожидали. Ни зрители, ни преследователи и не догадывались, чем кончится погоня. Даже сам мулат не подозревал, какая новая страшная опасность ему грозила. Тень деревьев на берегу острова уже падала на пловца, и каждую минуту мы ждали, что он скроется в ней. Но вдруг он круто повернул и поплыл вдоль берега.

Мы с удивлением смотрели на этот маневр, не понимая, к чему он может привести, ибо преследователи как раз плыли по диагонали к беглецу и могли вот-вот настигнуть его. Какова была его цель? Может быть, ему не удалось найти удобное место, чтобы выйти на берег? Даже если это было так, он мог уцепиться за ветви и выбраться на сушу. Но недоумевать нам пришлось недолго: мы заметили, что темный предмет, плававший в воде, оказался вовсе не стволом сухого дерева; бревно было живое и двигалось и скоро приняло очертания огромной ящерицы — отвратительного аллигатора.

Его страшные челюсти были широко раскрыты, чешуйчатый хвост поднялся, только туловище находилось в воде. Он повертывался то в одну, то в другую сторону, время от времени бил хвостом, и брызги летели фонтаном. Его рев отдавался эхом на противоположном берегу, все озеро как бы колебалось от его хриплого голоса. Лесные птицы с криком порхали кругом, а белый журавль с испуганным курлыканьем взвился в воздух.

Зрители застыли от ужаса, пловцы перестали плыть. Только один мулат прилагал все усилия, чтобы спасти свою жизнь. Аллигатор так и впился в него глазами. Почему он уставился на него, а не на других? Все пловцы были одинаково близко. Может быть, это рука бога поднялась для мщения? Еще одно движение, еще удар мощного хвоста — и громадный аллигатор ринется на свою жертву...

Я забыл о преступлениях мулата — я почти сочувствовал ему: неужели для него нет надежды на спасение? Вот он ухватился за ветку дерева, пытаясь под-

няться из воды и избавиться от грозной опасности. Боже, укрепи его руку! Слишком поздно! Уже аллигатор разинул пасть... Вдруг раздался треск — сук обломился! Мулат упал, скрылся под водой и пошел ко дну, а за ним, так и не сомкнув челюстей, нырнула гигантская ящерица. Оба скрылись из виду. Волны вспенились, захлестывая листья обломанного сука.

Затаив дыхание, мы следили за этой сценой. Ни малейшая зыбь на волне не ускользала от нашего взора. Но на поверхности воды не было заметно никакого движения. Из ее глубин не показывались очертания ни человека, ни чудовища, и вскоре озеро снова стало спокойным и гладким. Аллигатор, несомненно, закончил свое дело. Не послужил ли он орудием божьей мести? Так говорили окружавшие меня люди.

Наши пловцы повернули обратно. Никто не рискнул подплыть к берегу острова, под темную тень деревьев. Люди долго находились в воде, и силы оставляли их. Некоторые едва ли могли бы добраться до берега, но на помощь им спешили лодки и пироги. Некоторые пловцы увидели лодки и поплыли медленнее, другие остановились и ждали их приближения. Всех их поспешно подобрала одного за другим. Теперь и люди и собаки были благополучно доставлены на берег.

Решено было продолжать поиски с помощью собак, так как судьба беглеца все еще оставалась неясной. Преследователи высадились, собаки начали рыскать по кустам, а люди пошли вдоль берега к месту, где все это случилось.

Однако на острове не оказалось ни малейших следов мулата. Но зато кое-что обнаружилось в воде: нашли красную пену и решили, что это кровь мулата.

— Все в порядке, ребята! — раздался чей-то грубый голос. — Держу пари, что это кровь чернокожего. Он пошел ко дну, в этом нет сомнения. Черт побери эту гадину! Она испортила нам всю забаву.

Эта шутка была встречена взрывом оглушительного хохота. Продолжая беседу в том же духе, охотники за людьми постепенно разошлись по домам.

Раздался треск — сук обломился, и мулат упал...

Глава XIV

МЕСТЬ РИНГГОЛЬДА

Только самые черствые люди среди белых говорили об этом происшествии с неподобающим легкомыслием; другие, более тонкие и благородные, отнеслись к нему с должной серьезностью, а в некоторых оно даже пробудило какой-то страх. Как будто десница божья вмешалась и наказала преступника той самой смертью, которую он готовил другим.

Ужасная смерть, но казнь, назначенная мулату людьми, была еще ужаснее. Небо, смягчив наказание преступнику, оказалось к нему милосерднее, чем земные судьи.

* * * * *

Я оглянулся, ища индейца, и был доволен, что его нет в толпе. Его стычка с Ринггольдом внезапно закончилась, но я боялся, что так просто это не обойдется. Слова метиса разозлили плантаторов, отвлекли их внимание от Джека, и благодаря этому преступник бежал. Если бы мулату действительно удалось спастись, это наверняка повело бы к дальнейшим неприятностям. Но и теперь я не был вполне уверен в том, что индейцу не угрожает опасность. Он находился не на своей земле — владения индейцев простирались по ту сторону реки, и поэтому местные жители могли рассматривать его приход как вторжение. Правда, мы были в мире с индейцами, но, несмотря на это, в глубине души обе стороны относились друг к другу крайне враждебно. Старые раны, полученные в войне 1818 года¹, еще не зажили.

¹ Война 1818 года — захватническая война Соединенных Штатов с Испанией, предпринятая ради присоединения Флориды, принадлежавшей в то время Испании. Предлогом было то, что индейские племена криков и семинолов давали приют бежавшим с плантаций рабам. В 1818 году американские войска вторглись во Флориду и захватили ее. В 1819 году Испания вынуждена была уступить Соединенным Штатам Флориду за денежную компенсацию.

Я знал, что Ринггольд мстителен. Он был унижен в глазах приятелей — в короткой схватке метис одержал верх. Ринггольд не простит этого и, конечно, будет искать случая отомстить ему.

Вот почему я обрадовался, что метис ушел. Быть может, он сам почувствовал опасность и вернулся за реку, где ему уже ничто не могло грозить. Даже Ринггольд не рискнул бы последовать туда за ним, так как договор нельзя было нарушать безнаказанно, и самые отчаянные из скваттеров¹ это знали. Могла снова вспыхнуть война с индейцами, а правительство, вообще не отличавшееся чрезмерной щепетильностью, в настоящее время имело другие планы.

Я собрался было идти домой, как вдруг мне пришла в голову мысль подойти к Ринггольду и сказать ему, что я не одобряю его поведения. Я был так возмущен, что решил выложить ему все, что о нем думал. Ринггольд был старше меня и выше ростом, но я не боялся его. Напротив, я знал, что внушаю ему страх. Ринггольд оскорбил того, кто час назад рисковал ради нас своей жизнью, и я хотел упрекнуть его за это. Я стал искать Ринггольда в толпе, но его нигде не было.

— Вы не видели Аренса Ринггольда? — спросил я старого Хикмэна.

— Он только что уехал, — ответил старик.

— В каком направлении?

— Вверх по реке. Он ускакал с Биллем Уильямсом и Недом Спенсом. У них был такой вид, как будто там их ждет какое-то неотложное дело.

У меня мелькнуло страшное подозрение.

— Хикмэн, — обратился я к охотнику, — не одолжите ли вы мне на часок свою лошадь?

— Мою старушку? С удовольствием! Хоть на целый день, если нужно. Но как же вы поедете с пораненной рукой?

— Ничего! Только помогите мне сесть в седло.

Старый охотник исполнил мою просьбу, и, обменяв-

¹ Скв ат те ры — поселенцы, обрабатывавшие участки государственной земли с целью ее приобретения.

шись с ним еще несколькими словами, я поехал вверх по берегу реки. Немного выше через реку ходил паром, и там же, вероятно, молодой индеец оставил свой челнок. Следовательно, чтобы вернуться домой, ему надо было идти в этом направлении, между тем как Ринггольду не следовало ехать туда — его плантация лежала в противоположной стороне. Поэтому-то мне и показалось подозрительным, что Ринггольд поехал вверх по реке, да еще в такой компании. Во всех окрестных плантациях не было молодчиков хуже тех приятелей Ринггольда, которых упомянул Хикмэн. Я знал также, что они полностью находились под влиянием своего вожака.

Я подозревал, что они поскакали вдогонку за индейцем и, конечно, не с добрыми намерениями. Подъехав к реке, я убедился в основательности своих предположений. На сыром песке ясно виднелись отпечатки лошадиных копыт и след индейских мокасин, ведущий к переправе. Я знал, что одежда метиса еще не высохла и что его мокасины были пропитаны водой. Я пришпорил лошадь.

Однако, подъехав к переправе, я ничего не увидел, так как от воды меня отделяли деревья. Но я услышал сердитые голоса. Это доказывало справедливость моего предположения.

Я не стал терять времени и прислушиваться, а поехал прямо на звук голосов. На повороте дороги я увидел трех лошадей, привязанных к дереву. Я проскакал мимо и действительно, как и следовало ожидать, увидел у воды трех белых и метиса между ними. Он был у них во власти! Они оставили лошадей у дерева, подкрались к нему незаметно и схватили его как раз в тот момент, когда он собирался прыгнуть в челнок.

Метис оказался безоружным. Винтовка, которую я подарил ему, была еще влажная, а мулат утащил с собой его нож. Вот почему метис не мог оказать им сопротивления и его сразу удалось связать по рукам и ногам.

Не теряя времени, они сняли с индейца охотничью рубашку и привязали его к дереву. Улучив момент из-

лить наконец свою накопившуюся ярость, они собирались исхлестать бичами его обнаженную спину. Если бы я не подоспел вовремя, ему пришлось бы плохо.

— Стыдитесь, Аренс Ринггольд! — крикнул я, подъезжая к ним. — Стыдитесь! Так поступать подло и недостойно труса, и я расскажу об этом всем в поселке.

Я появился так внезапно, что Ринггольд был ошеломлен. Он пробормотал какое-то извинение.

— Проклятый индеец заслуживает этого! — проворчал Уильямс.

— За что, мистер Уильямс? — спросил я.

— За то, что он так нагло разевает пасть на белых людей!

— Ему тут нечего делать! — вмешался Спенс. — По какому праву он разгуливает на этом берегу реки?

— А вы не имеете права истязать его ни на этом, ни на том берегу, точно так же как не имеете права трогать меня.

— Хо, хо, хо! Мы и с вами справимся! — насмешливо воскликнул Спенс.

Кровь во мне так и закипела.

— Ну, это не так-то легко! — вскричал я, спрыгнув с коня и подбегая к ним.

Моя правая рука была невредима. Заранее предвидя неприятные осложнения, я взял у Хикмэна пистолет и теперь поднял его и прицелился.

— Ну, джентльмены, — сказал я, став рядом с пленником, — теперь вы можете истязать его! Только предупреждаю вас, что пущу пулю в лоб первому, кто посмеет его ударить.

Хотя все трое были почти мальчишки, но, по обычаю того времени, они носили при себе оружие — ножи и пистолеты. Спенс, казалось, больше всех был расположен выполнить свою угрозу. Но, видя, что Ринггольд, их вожак, отступил, он и Уильямс также последовали его примеру. Ринггольд отступил, так как, ссорясь с нашей семьей, он мог потерять то, чего не могли потерять его приятели. Кроме того, что он боялся за свою собственную шкуру, у него были и другие планы. Все трое в конце концов ушли, недовольные моим непрошенным

— Ну, джентльмены, предупреждаю вас, что пушу

вмешательством в ссору, которая, как они полагали, меня совершенно не касалась. пылая злобой, они постыдно оставили поле битвы.

Я немедленно освободил индейца. Он сказал мне всего несколько слов, но его взгляд выразил всю его признательность, когда он на прощанье пожал мне руку:

— Приходите на ту сторону реки, когда вам вздумается. Ни один индеец не тронет вас. Вы всегда будете желанным гостем в наших владениях!

Глава XV МАЮМИ

Такое знакомство не могло просто прекратиться. Чем же оно должно было закончиться, как не дружбой! Метис был благородный юноша, со всеми задатками

пулю в лоб первому, кто посмеет его ударить.

джентльмена. Я решил принять его приглашение и побывать в его лесном домике. Хижина его матери, как он объяснил мне, стояла недалеко отсюда, по ту сторону озера, на берегу небольшой речушки, впадающей в широкую реку Суони.

Я слушал эти указания с затаенной радостью. Я хорошо знал речку, о которой он говорил. Еще недавно я плыл по ней в лодке, и именно на ее берегах я впервые увидел прелестное существо — лесную нимфу, красота которой произвела на меня такое сильное впечатление.

Но была ли это Маюми? Мне хотелось поскорее увериться в этом. Если бы моя рука зажила настолько, чтобы я мог владеть веслами! Эта задержка мучительно томил меня. Но время шло, и я наконец выздоровел.

Для своей поездки я выбрал чудесное, ясное утро и собрался в путь, захватив собак и ружье. Усев

шись в лодку. я уже приготовился отчалить, как вдруг кто-то меня окликнул. Обернувшись, я увидел сестру.

Бедная маленькая Виргиния! В последнее время она очень изменилась, потеряла свою прежнюю веселость и стала гораздо задумчивее. Она еще полностью не оправилась от страшного потрясения после истории с аллигатором.

— Куда ты едешь, Джордж? — спросила она, подходя ко мне.

— Тебе хочется знать, Виргиния?

— Да, скажи мне или возьми меня с собой!

— Как? Взять тебя в лес?

— А почему бы и нет? Я давно не была в лесу. Какой ты нехороший, братец, ты никогда не берешь меня с собой!

— Но раньше, сестричка, ты никогда не просила меня об этом.

— Ну и что же, ты мог бы и сам догадаться, как мне это приятно. А мне так хотелось бы погулять в лесу! Как хорошо было бы стать вольной птицей, или бабочкой, или каким-нибудь другим крылатым существом! Тогда я путешествовала бы одна по этим чудным лесам и не упрашивала бы эгоистичного брата взять меня с собой.

— В другой раз, Виргиния, только не сегодня!

— Отчего же не сегодня? Смотри, какое прекрасное утро!

— По правде говоря, сегодня я держу курс не совсем в лес.

— А куда ты держишь курс, Джорджи? «Держать курс» — так, кажется, говорят о кораблях?

— Я еду к молодому Пауэллу. Я обещал навестить его.

— Ах, вот что! — воскликнула сестра, вдруг меняясь в лице и задумавшись.

Имя Пауэлла напомнило ей об ужасной сцене, и я раскаивался уже, что назвал его.

— Вот что я скажу тебе, братец! — начала она, помолчав. — Больше всего на свете я хотела бы посмо-

треть индейскую хижину. Милый Джордж, возьми меня с собой!

Просьба была высказана так горячо, что я был не в силах устоять, хотя, конечно, предпочел бы поехать один. У меня была тайна, которой я не мог поделиться даже с любимой сестрой. Кроме того, смутное чувство подсказывало мне, что не следовало бы брать сестру с собой так далеко от дома, в место, с которым я сам был знаком очень мало.

Она снова принялась упрашивать меня.

— Ну ладно, если мама позволит...

— Ничего, Джордж, мама не рассердится. Зачем возвращаться домой? Ты видишь, я готова, даже шляпу надела. Мы успеем вернуться прежде, чем нас хватятся. Ведь это недалеко...

— Ну хорошо, сестренка, садись на корме, у руля. Хэйхо! Мы отваливаем!

Течение было не сильным, и через полчаса мы доехали до устья речки и продолжали плыть по ней вверх. Это была неширокая речка, но достаточно глубокая для лодки или индейского челнока. Солнце стояло высоко, но его лучи не палили нас — им преграждали путь густые деревья, ветви которых как бы сплетались в зеленый свод над волнами реки. В полумиле от устья деревья расступились. Мы увидели возделанные поля, засеянные маисом и засаженные бататом — сладким картофелем, — стручковым перцем, дынями и тыквами. Невдалеке от берега возвышался довольно большой дом, окруженный оградой и группой домиков поменьше. Это было деревянное здание с портиком, колонны которого покрывала примитивная резьба. На полях трудились рабы — негры и индейцы.

Это не могла быть плантация белого — на этой стороне реки белые не жили. Мы решили, что поместье принадлежит какому-нибудь богатому индейцу, владельцу земли и рабов.

Но где же хижина нашего друга? Он сказал, что она стоит на берегу реки, не дальше чем в полумиле от ее устья. Может быть, мы прошли, не заметив хижины, или ее надо было искать где-то дальше?

— Давай-ка пристанем к берегу, Виргиния, и спросим.

— А кто это там стоит на крыльце?

— Ого, ты видишь лучше меня! Ведь это он сам — молодой индеец! Но не может быть, чтобы он жил здесь... Разве это хижина? А знаешь что? Он, наверно, пришел сюда в гости. Смотри-ка, он идет к нам на встречу!

Пока я говорил, индеец вышел из дому и поспешно направился к нам. Через несколько секунд он уже очутился на берегу и показал нам, где пристать. Как и в день нашего знакомства, он был в ярком, богато вышитом платье и с убором из перьев на голове. Его стройная фигура четко вырисовывалась на берегу на фоне неба, он походил на миниатюрную статуэтку воина; метис был еще почти мальчиком и выглядел очень живописно. Я почти завидовал его дикому великолепию.

Сестра смотрела на него, как мне показалось, с восхищением, хотя иногда в ее взгляде проскальзывало что-то вроде страха. Она то краснела, то бледнела; я решил, что облик индейца напоминает ей ту страшную сцену в бассейне. И я снова пожалел, что взял ее с собой.

Наше появление, по-видимому, вовсе не смутило молодого индейца. Он держал себя спокойно и сдержанно, словно ожидал нас. Но он, конечно, не мог предполагать, что мы приедем вдвоем. В его обращении отнюдь не чувствовалось холодности. Как только мы причалили, он схватил нос лодки, подвел ее вплотную к берегу и с вежливостью образцового джентльмена помог нам высадиться.

— Добро пожаловать! — сказал он и, взглянув на Виргинию, добавил: — Надеюсь, что сеньорита поправилась?.. А о вас, сеньор, нечего и говорить: раз вы сумели грести против течения, значит, вы вполне здоровы!

Слова «сеньор» и «сеньорита» указывали на следы испанского влияния, еще сохранившиеся от тех отношений, которые издавна существовали между семинолами и испанцами. И на нашем новом знакомом были надежды вещи, которые носят в Андалузии, — серебряный

крест на шее, ярко-алый шелковый пояс и длинный треугольный клинок за поясом. Даже самый ландшафт напоминал испанский: здесь были экзотические растения — китайские апельсины, великолепные тыквы-папайи, стручковый перец и томаты. Все это характерно для усадеб испанских колонистов. Архитектура дома носила отпечаток кастильского стиля. И резьба на нем была не индейская.

— Это ваш дом? — спросил я, слегка смутившись.

Дело в том, что он приветствовал нас как хозяин, но я не видел никакой хижины. Его ответ успокоил меня. Он сказал, что это его дом, вернее — дом его матери. Отец его уже давно умер, и они жили втроем — мать, сестра и он.

— А это кто же? — спросил я, указывая на работников.

— Это наши рабы, — отвечал он с улыбкой. — Вы видите, что мы, индейцы, тоже постепенно начинаем приобщаться к цивилизации.

— Но ведь не все они негры! Я заметил здесь и индейцев. Неужели они тоже рабы?

— Да, так же как и все остальные. Я вижу, вы удивлены? Это индейцы не из нашего племени. Наш народ когда-то покорил племя ямасси, и многие из пленников остались у нас рабами.

Мы подошли к дому. Мать юноши, чистокровная индианка, встретила нас в дверях. Она была в национальном индейском костюме. В молодости она, по-видимому, была замечательной красавицей и произвела на нас самое приятное впечатление. Особенно привлекало в ней сочетание тонкости ума с нежной материнской заботой.

Мы вошли в дом. Во всем — в обстановке, охотничьих трофеях, конской сбруе — чувствовалось испанское влияние. Мы увидели даже гитару и книги. Эти признаки цивилизации под индейской крышей поразили нас с сестрой.

— Как я рад, что вы приехали! — воскликнул юноша, как бы вспомнив что-то. — Ваши мокасины уже готовы... Где они, мама?.. А где Маюми?

Он как бы облек мои мысли в слова, отразившие эти мысли, как эхо.

— Кто это Маюми? — шепотом спросила меня Виргиния.

— Девушка-индианка. Кажется, это его сестра.

А вот и она сама!

Крохотная ножка в вышитом мокасине, стройный стан необычайной гибкости, бронзовое лицо с прозрачной кожей, румяные щеки, алые губы, черные глаза, оттененные длинными, загнутыми вверх ресницами, густые брови и прекрасные черные волосы...

Представьте себе девушку, одетую со всем изяществом и изысканностью, на которые способна индейская изобретательность, представьте себе ее походку, соперничающую с неуловимой грацией арабской лошадки, — и вы только в отдаленной степени получите представление о Маюми.

Бедное мое сердце! Это была она — моя лесная нимфа!

* * * * *

Мне не хотелось уходить из этого гостеприимного дома, но сестре было как будто не по себе. Ее словно преследовало воспоминание о злополучном происшествии.

Мы пробыли в гостях около часа. За это короткое время я превратился в мужчину. Когда я взмахнул веслами на обратном пути, я почувствовал, что мое сердце осталось там, позади...

Глава XVI

ОСТРОВ

Мне очень хотелось еще раз побывать у индейцев, и я не замедлил удовлетворить свое желание. Вообще я жил как хотел, пользуясь неограниченной свободой. Ни отец, ни мать не вмешивались в мои дела, и никто не интересовался моими длительными отлучками. Все

считали, что я отправляюсь на охоту. Подтверждением этому служили винтовка и собаки, всегда сопровождавшие меня, и дичь, которую я приносил домой.

Мои охотничьи походы всегда увлекали меня только в одном направлении — легко догадаться, в каком! Я переправлялся через большую реку, снова и снова киль моей лодки резал воды маленькой речки — ее притока. Скоро я знал каждое дерево на их берегах.

Наше знакомство с молодым Пауэллом постепенно перешло в тесную дружбу. Мы встречались почти каждый день на озере или в лесу, вместе охотились и подстрелили немало оленей и диких индеек. Мой друг был уже опытным охотником, и я узнал от него много лесных тайн.

Впрочем, охота теперь не так уж привлекала меня. Я предпочитал тот час, когда она кончалась. На обратном пути я заходил к индейцам и выпивал у них из резной тыквы несколько глотков подслащенного медом «конте». Этот напиток казался мне еще слаще от улыбки той, которая мне его подносила, — от улыбки Маюми!

Несколько недель — как быстро они промелькнули! — я провел будто во сне. Никакая радость в дальнейшей жизни не могла сравниться с этим блаженным временем. Слава и власть дают лишь удовлетворение, одна любовь дарует блаженство — самое чистое и сладостное в ее первом расцвете.

Виргиния часто сопровождала меня в этих прогулках по диким лесам. Она полюбила леса и говорила мне, что с наслаждением блуждает в зеленых чащах. Иногда я предпочел бы пойти один, но не хватало духу ей отказать. Она привязалась к Маюми, и в этом не было ничего удивительного.

Маюми тоже полюбила сестру, хотя между девушками не было ни малейшего сходства ни по характеру, ни по наружности. Виргиния была блондинка с золотистыми волосами, Маюми — смуглянка с черными косами. Сестра была робка, как голубка; индианка — смела, как сокол. Впрочем, такой контраст, быть может, еще

больше укреплял их дружбу. Это часто встречается в жизни.

В моем отношении к обеим девушкам не было никакой логической последовательности: я любил сестру за ее мягкость и нежность, а Маюми, наоборот, привлекала меня своей дерзкой отвагой. Конечно, эти чувства были совершенно различны, как не похожи были и те, кто их вызывал.

Пока мы с Пауэллом охотились, наши сестры оставались дома или гуляли в поле, в роще или в саду. Они играли, пели и читали. Маюми, несмотря на свою одежду, вовсе не была дикаркой. У нее были книги и гитара (вернее, нечто вроде мандолины), оставшаяся после ухода испанцев. Маюми умела читать и играла на гитаре. По своему умственному развитию она была достойной подругой даже для дочери гордого Рэндольфа. Молодой Пауэлл получил такое же, как и я, если даже не лучшее, образование. Их отец не пренебрегал своим родительским долгом.

Ни мне, ни Виргинии и в голову не приходила мысль о каком-нибудь неравенстве. Мы жаждали, мы стремились к дружбе с молодыми индейцами. Мы оба были слишком юны, чтобы иметь хоть какое-нибудь представление о кастовых предрассудках, и следовали только побуждениям своей неиспорченной натуры. Мы и не думали о том, что делаем что-то непозволительное.

Девушки часто ходили с нами в лес, и мы, охотники, не возражали. Не всегда мы гонялись за быстрыми оленями, часто мы охотились на белок и других мелких зверьков. И тогда наши сестры, конечно, могли сопровождать нас. Что касается Маюми, то она была прирожденной охотницей и смелой наездницей. Она любила мчаться на коне сломя голову. Зато моя сестра только еще робко начинала учиться верховой езде.

Увлечшись охотой на белок, я стал часто оставлять собак дома и редко приносил домой дичь. В своих походах мы не ограничивались только лесом: часто и водяная птица на озере — ибисы, цапли и белые журавли становились жертвами нашего охотничьего пыла.

На озере был чудесный островок — не тот, который стал ареной недавней трагедии, а другой, подальше, недалеко от устья реки. Он был довольно большой, холмистый посередине и весь порос вечнозелеными деревьями — дубами, магнолиями, звездчатым анисом и дикими апельсиновыми деревьями. Все это были уроженцы Флориды. Там можно было встретить кусты желтодревника с яркими желтыми цветами, ароматный ярко-красный дёрн и много других благоухающих растений.

Величественные пальмы высоко поднимались над всеми деревьями, и их широкие зонтикообразные кроны как бы создавали второй ярус густой зелени.

Однако, как тесно ни росли деревья, здесь не было непроходимой чащи. Правда, кое-где ползучие лианы и чужеродные растения — эпифиты, или паразиты, — преграждали путь, а между ними вились огромные изгородные лозы дикого винограда, переплетались кусты хинина и сарсапариллы, цвели бегонии, бромелии и пахучие орхидеи. Но самые большие деревья стояли поодиночке, а между ними расстилались красивые лужайки, усыпанные цветами и покрытые травой.

Чудесный островок лежал как раз на полпути между нашими домами, и мы с Пауэллом часто встречались и охотились именно здесь. В ветвях мелькали белки, взлетали дикие индейки, иногда через прогалины пробегали олени, а с берегов озера мы охотились на водоплавающую дичь, которая беззаботно резвилась на озере. Несколько раз мы встречались на этой нейтральной земле, и наши сестры всегда сопровождали нас. Они полюбили этот восхитительный уголок. Обыкновенно, взобравшись на пригорок, они скрывались в тени какой-нибудь высокой пальмы, тогда как мы, охотники, бродили внизу, где было больше дичи, и тогда в лесу гремело эхо наших выстрелов. Обычно, когда нам надоедало охотиться, мы тоже поднимались на холм, чтобы похвастать перед девушками своей добычей, особенно если нам удавалось подстрелить какую-нибудь редкую птицу, вызывавшую у них любопытство и восторг.

Эта охота — успешная или неудачная — надоедала мне раньше, чем моему другу. Мне больше нравилось отдыхать на мягкой траве возле наших девушек. Голос Маюми звучал для меня слаще винтовочных выстрелов, а любоваться ее глазами было куда приятнее, чем высматривать дичь.

Сидеть возле нее, слушать ее, смотреть на нее — только в этом и проявлялась моя любовь. Мы не обменялись с Маюми ни одним нежным словом, и я даже не знал, любим ли я. Не всегда суждены мне были часы блаженства, не всегда небо любви было окрашено в розовые цвета. Сомнение в любви Маюми было облаком на этом небе и часто тревожило меня.

Вскоре я был огорчен и еще одним обстоятельством. Я заметил, или это мне так показалось, что Виргиния увлеклась братом Маюми и что он отвечает ей взаимностью. Я был удивлен и опечален. Почему все это заставляло меня удивляться и страдать, я и сам не могу объяснить.

Я уже говорил, что мы с сестрой были еще слишком молоды, чтобы разделять предубеждения привилегированных слоев и рас. Однако это было не совсем верно. Хотя и смутно, но я уже, по-видимому, чувствовал, что, дружа с молодыми индейцами, мы поступаем нехорошо. Иначе что бы еще могло омрачать мое настроение? Мне казалось, что это чувство разделяет со мной и Виргиния. Нам обоим было как-то не по себе, а между тем мы ничего не говорили друг другу. Я опасался, что мои мысли станут известны хотя бы даже моей сестре, а она, без сомнения, также неохотно согласилась бы поведать мне свои тайны.

К чему могла бы привести эта юная любовь, если бы ей предоставили свободно развиваться? Погасла ли бы она сама собой, или пережила бы момент пресыщения и измены, или, наконец, перешла бы в вечную привязанность? Кто знает, как дальше расцветало бы это чувство, если бы ничто не прервало его? Но ему не суждено было расцвести беспрепятственно.

Наша дружба сборвалась совершенно внезапно.

Ни сестра, ни я ни разу не проговорились о нашем

знакомстве ни отцу, ни матери, хотя мы не прибегали ни к каким уловкам, чтобы скрыть нашу тайну. Обычно мы во всем советовались с ними. Если бы они спросили нас, куда мы так часто уходим, мы сказали бы правду. Но никому и в голову не приходило удивляться нашим отлучкам, и мы сами не отдавали себе ясного отчета в их значении. Я уходил охотиться, и это было вполне естественно. Немного удивляло родителей то, что Виргиния очень полюбила прогулки в лесу и часто сопровождала меня. Но скоро они к этому привыкли, и мы свободно уходили из дому, пропадали надолго и возвращались, и никто ни о чем нас не спрашивал. Я уже сказал, что мы и не думали скрывать тех, кто были нашими спутниками в странствованиях по диким лесам, но это не совсем верно. Самое наше молчание было своеобразной хитростью. Мы втайне чувствовали, что поступаем нехорошо и что наше поведение не может быть одобрено родителями. Иначе зачем бы мы старались сохранить это в тайне?

Итак, нашему безмятежному блаженству не суждено было вечно продолжаться, ему совершенно неожиданно пришел конец.

Однажды мы все четверо были на острове. После охоты Пауэлл и я вернулись к сестрам и болтали с ними. Одновременно мы разговаривали и взглядами на немом языке любви. Кроме глаз Маюми, я не замечал ничего, что делалось вокруг. Я не замечал, что сестра и молодой индеец обмениваются такими же взглядами. В эту минуту для меня, кроме улыбки Маюми, не существовало ничего на свете...

Но нашлись глаза, которые следили за нами, которые подметили наши взгляды, слова и движения. Внезапно наши собаки вскочили и с рычаньем бросились в чащу. Хруст ветвей возвестил нам о том, что близко люди. Собаки перестали рычать и, виляя хвостами, повернули обратно. Значит, это были знакомые, друзья... Кто же это?

Из-за деревьев показались отец и мать. При их появлении Виргиния и я вскочили, объятые страхом. Мы предчувствовали что-то злое. Несомненно, мы со-

Собаки, виляя хвостами, повернули обратно.

зпавали, что поступаем неправильно. И отец и мать — оба нахмурились и казались раздраженными и сердитыми. Мать первая подошла к нам, ее губы были презрительно сжаты. Она гордилась своим происхождением еще больше, чем потомки Рэндольфов.

— Что это такое? — воскликнула она. — Мои дети в обществе индейцев!

Пауэлл встал, но ничего не ответил. В его взгляде отразились его чувства. Он безошибочно понял намек.

Гордо взглянув на моих родителей, он кивком приказал сестре следовать за собой и удалился вместе с нею.

Виргиния и я словно лишились дара речи и не посмели даже сказать друзьям ни одного слова на прощанье. Мы пошли за родителями к их лодке. В ней,

Из-за деревьев показались отец и мать.

кроме негров-гребцов, оказались и оба Ринггольда — отец и сын.

Виргиния поехала вместе с родителями. Я возвращался домой один в своей лодке. Когда челнок метиса входил в устье маленькой речки, я оглянулся и увидел, что индеец и его сестра тоже смотрят на меня. Они не спускали с меня глаз, но я не осмелился послать им прощальный привет, хотя на сердце у меня было тяжело от предчувствия, что мы расстаемся надолго... может быть, навсегда.

Угы! Предчувствие не обмануло меня. Через три дня я уже ехал на далекий север, в военное училище в Уэст-Пойнте. А Виргинию отправили в одну из женских школ, какие есть почти в каждом городе Северных штатов. Много, много времени прошло, прежде чем мы снова увидели родную Страну Цветов...

Военное училище в Уэст-Пойнте — одно из лучших учебных заведений в Соединенных Штатах. Ни руководители государства, ни отцы церкви не властны над ним. Там преподаются подлинные знания, и они должны быть усвоены, иначе грозит исключение. Окончивший это училище выходит оттуда образованным человеком, однако отнюдь не похожим на оксфордского или кембриджского попугая, бойко болтающего на мертвых языках. знающего все стихотворные ритмы и размеры, механического виршеплета цидиллических строф. Нет, окончивший Уэст-Пойнт основательно знает живые иностранные языки. Овладев основами науки, он не пренебрегает искусством, и в то же время он — ботаник, чертежник, геолог, астроном, инженер, солдат — все, что хотите! Короче говоря, он — человек, способный занимать высшие должности в государстве, способный руководить и командовать и при этом способный к повиновению и точному выполнению порученного дела.

Если бы я даже и не имел особой склонности к наукам, то в этом училище я не мог бы позволить себе отлынивать от ученья. В Уэст-Пойнте нет отстающих и «тупиц», и там не благоволят к знатым или богатым. Даже сын президента был бы исключен из училища, если бы он плохо учился. Под страхом исключения, под угрозой позора я поневоле сделался усердным учеником и со временем выдвинулся в первые ряды кадетов.

Подробности жизни кадетов не представляют особого интереса. Это обычное ежедневное выполнение однообразных военных обязанностей, только в Уэст-Пойнте царит более суровая дисциплина. Все это мало отличается от рабской жизни обычного солдата. Я не могу сказать, чтобы мной владело желание сделать военную карьеру. Нет, это было скорее стремление к соревнованию с товарищами, мне не хотелось быть в числе отстающих. Правда, бывали минуты, когда эта жизнь, так резко отличавшаяся от свободы, которой я пользовался дома, казалась мне тяжелой. Я тосковал о род-

ных лесах и саваннах, а еще больше о покинутых друзьях.

В моем сердце еще продолжала жить любовь к Маюми, и разлука не угасила ее. Мне казалось, что ничто не могло заполнить душевную пустоту, порожденную этой разлукой. Ничто не могло заменить в моем сердце или изгладить из памяти воспоминание о моей юношеской любви. Днем и ночью прелестный образ этой девушки стоял у меня перед глазами: днем — в мечтах, ночью — во сне. Так продолжалось долгое время — мне казалось, что это будет длиться вечно. Никакая радость не принесет мне больше блаженства. Даже Лета¹ не принесет мне забвения. Если бы мне сказал об этом крылатый вестник небес, я не поверил бы ему, я не мог бы ему поверить.

Однако я плохо знал человеческую природу. В этом отношении я был похож на остальных людей. В известный период жизни большинство допускают подобную ошибку. Увы, это верно! Время и разлука часто уничтожают любовь. Она не живет одними воспоминаниями. Непостоянство человека сказывается и в том, что он, восторгаясь идеалом, все же обычно предпочитает реальное и вещественное. Красивых женщин в мире немного, но нет такой, которая была бы прекраснее их всех. Нет мужчины, который был бы красивее всех остальных мужчин. Но из двух одинаково прекрасных картин все-таки лучше та, на которую вы смотрите в данный момент. Не случайно влюбленные с ужасом думают о разлуке.

То ли учебники, где речь шла только о геометрических линиях, углах, бастионах и амбразурах, то ли вечная муштра днем да мучительно жесткая койка и еще более мучительный караульный наряд ночью, — то ли все это вместе начало постепенно вторгаться в мои воспоминания о Маюми и по временам изгонять их из моих мыслей. Или это были хорошенькие личики девушек

¹ Лета — в древнегреческой мифологии река забвения в подземном царстве. Ее вода заставляла души умерших забывать перенесенные земные страдания.

из Саратоги и Балльстона, которые иногда появлялись в Уэст-Пойнте с визитом?... Или это белокурые дочери наших офицеров — ближайшие соседки, которые часто посещали нас и в каждом слушателе, одетом в мундир, видели как бы личинку будущего героя, эмбрион будущего генерала? Может быть, кто-нибудь вытеснил образ Маюми из моей памяти? Не важно кто — важно, что это случилось. Образ юной возлюбленной начал тускнеть в моей памяти. С каждым днем он становился все бледнее и бледнее, пока, наконец, не превратился в туманный призрак прошлого.

Ах, Маюми! По правде говоря, на это потребовалось очень много времени. Эти веселые, улыбающиеся лица долго мелькали перед моими глазами, прежде чем затмилось твое лицо. Долго сопротивлялся я обольстительным напевам этих сирен, но я был простым смертным, и мое сердце легко поддавалось соблазну сладостных чар.

Я не хочу сказать, что моя первая любовь совсем исчезла: она застыла, но не умерла. Несмотря на светский флирт в часы досуга, она по временам возвращалась ко мне. Часто воспоминание о доме и прежде всего о Маюми просыпалось во мне, когда я дежурил, среди ночной тишины. Моя любовь к ней оледенела, но не умерла. И будь Маюми здесь, моя любовь, я уверен, вспыхнула бы с прежней силой. Даже если бы я узнал, что Маюми забыла обо мне, отдала свое сердце другому, я уверен, что моя юношеская любовь ожила бы со всем своим пылом и цельностью. Одна мелодия вытесняет другую, но прекрасные дочери Севера так никогда и не изгладили в моем сердце образ смуглой красавицы Юга.

А я не только не видел Маюми, но за все время своего пребывания в училище даже ни разу не слышал о ней.

Пять лет мы прожили с сестрой вдали от дома. Время от времени нас навещали отец и мать. Каждый год летом они ездили на дачу, на многолюдные северные курорты — в Балльстон, Спа, Саратогу или Ньюпорт. Они брали нас туда на каникулы, но, несмотря на

все просьбы позволить нам провести лето дома, родители оставались непреклонны: мать была сталь, а отец — камень!

Я догадывался о причине их отказа. Наши гордые родители боялись неравного брака: они не могли забыть сцену на острове.

На курорте мы встретились с Ринггольдами. Аренс, как и раньше, ухаживал за Виргинией. Он стал заядлым фатом и широко сорил деньгами, не уступая в этом бывшим портным и маклерам, ныне представителям «первой десятки» финансовых дельцов Нью-Йорка. У меня по-прежнему не лежало к нему сердце, но симпатии матери были явно на его стороне.

Как относилась к нему Виргиния, я не знаю. Сестра стала взрослой девушкой, настоящей светской красавицей, и в совершенстве научилась владеть собой и скрывать свои чувства — один из отличительных признаков хороших манер в наши дни. Иногда она бывала очень веселой, хотя ее оживление казалось мне несколько искусственным и внезапно исчезало. Временами она становилась задумчивой, даже холодной и надменной. Я опасался, что, став такой обаятельной внешне, она утратила то, что казалось мне самым ценным в человеке, — доброе и отзывчивое сердце. Впрочем, может быть, я был неправ.

Мне хотелось расспросить ее о многом, но наша детская доверчивость пропала, а деликатность не позволяла мне грубо вторгаться в ее сердечные дела. О прошлом — то есть об этих вольных прогулках по лесам, о катанье на озере, о встречах на островке под тенью пальм — мы никогда не говорили.

Я часто спрашивал себя: вспоминает ли сестра о прошлом и чувствует ли она то же, что и я? В этом я никогда не был вполне убежден. И хотя мне была свойственна наряду с недоверчивостью некоторая пронипательность, я все-таки оказался невнимательным стражем и беспечным опекуном.

Конечно, мои предположения были справедливыми, иначе почему бы ей молчать о том, чем мы оба так наслаждались? Может быть, ей сковало уста запоздав-

шее чувство вины перед родителями? Или, кружась в вихре светских удовольствий, она с презрением вспоминала скромных друзей своих детских лет?

Я часто думал: жила ли в ее сердце любовь? И если да, то продолжала ли она жить до сих пор? Вот чего я никогда не мог окончательно понять. Время для взаимных признаний безвозвратно ушло.

«Маловероятно, — рассуждал я, — чтобы чувство нежности к юному индейцу, если оно и было вообще, сохранилось. Оно уже забылось, изгладилось из ее сердца и, может быть, из памяти. Маловероятно, чтобы оно сохранилось в ней теперь, когда ее окружают новые друзья — эти напыщенные и надушенные кавалеры, которые ежечасно ей льстят. Она должна забыть скорее, чем я. А разве я не забыл?»

Нас было четверо, и странно, что я знал только о своей любви. Я не замечал, смотрел ли молодой индеец восторженным взглядом на мою сестру и отвечала ли она ему тем же. Я только предполагал, подозревал это, догадывался. И, что еще удивительнее, я никогда не знал, какое чувство таилось в том сердце, которое интересовало меня больше всех. Правда, в мечтах я представлял себе, что я любим. Доверяясь мимолетным взглядам и жестам, незначительным поступкам, а не словам, я таил в груди сладостную надежду... Но в то же время меня часто одолевали сомнения. В конце концов, Маюми, может быть, вовсе и не любила меня!

Эти горькие мысли заставляли меня немало страдать. Но, как ни странно, именно они чаще всего будили во мне воспоминания о Маюми, и моя любовь вновь вспыхивала с прежней силой.

Уязвленное самолюбие! Оно так же могущественно, как сама любовь. И ранит так же сильно, как муки любви.

Сияние свечей в канделябрах становилось тусклым, хорошенькие лица, мелькавшие передо мною в вихре бала, бледнели... Мои мысли снова уносились в Страну Цветов, к озеру, на остров, к Маюми!

* * * * *

Прошло пять лет, и срок моего обучения в училище Уэст-Пойнт закончился. Я с честью выдержал последние трудные экзамены и получил высокие отметки и диплом с отличием. Это позволило мне выбрать род оружия для дальнейшей службы. Я всегда отдавал предпочтение винтовке, хотя имел возможность выбирать между пехотой, артиллерией, кавалерией и инженерными войсками. Итак, я выбрал пехоту и был зачислен в стрелковый полк. В газетах было опубликовано, что мне присвоено звание лейтенанта. Вскоре я получил отпуск, чтобы навестить родных.

Сестра тоже окончила курс в женской школе с отличием. Мы поехали домой вместе.

Отец уже не встретил нас, только овдовевшая мать со слезами приветствовала наш приезд.

Глава XVIII

СЕМИНОЛЫ

Когда я вернулся во Флориду, над моей родиной нависли грозовые тучи. Моим первым военным испытанием оказалась защита родного крова. Я уже отчасти был подготовлен к этому. В стенах военного училища война — самая интересная тема, и мы во всех подробностях обсуждали возможности и перспективы будущей войны.

В течение десяти лет Соединенные Штаты жили в мире со всеми остальными странами. Железная рука «старика Хикори»¹ внушала ужас индейцам на границах. Уже более десяти лет, как они перестали мстить, и все было тихо и спокойно. Но в конце концов мирное status quo² пришло к концу.

¹ «Старик Хикори» — Эндрю Джексон (1767—1845), президент США в 1829—1837 годах. Проводил некоторые прогрессивные мероприятия в интересах мелких фермеров, ремесленников и рабочих. В то же время был ожесточенным врагом индейцев. «Хикори» — сорт американского орешника, отличающийся особой прочностью.

² Существующее положение (лат.).

Индейцы еще раз поднялись для защиты своих прав, и притом там, где этого не ожидали, — не на далекой границе Запада, а в самом центре Страны Цветов. Да, Флорпде отныне суждено было стать театром военных действий, сценой, на которой разыгралась новая военная драма.

Надо сказать несколько слов о прошлом Флориды, ибо эта повесть основана на подлинных исторических фактах.

В 1821 году испанский флаг перестал развеиваться на бастionaх фортaв святого Августина и святого Марка. Испания отказалась от притязаний на эту прекрасную область — одно из своих последних владений в Америке. Правда, у испанцев во Флориде был лишь плацдарм, за который они продолжали цепляться. Индейцы постепенно вытеснили испанцев из широких просторов страны в крепости. Испанские асиенды¹ превратились в руины. Лошади и коровы одичали и бродили по саваннам; некогда процветавшие плантации поросли сорными травами. В продолжение столетий испанцы владели страной и за это время построили много великолепных зданий. Развалины этих зданий, гораздо более внушительных, чем те, которые пытались строить англосаксы, пришедшие им на смену, и поныне свидетельствуют о прежней славе и силе Испании.

Но индейцам не суждено было долго владеть землей, которую они отвоевали. Другое племя белых людей, равное им по храбрости и силе, наступало с севера. Краснокожие видели, что рано или поздно им придется уступить свои владения.

Уже раз им пришлось столкнуться с бледнолицыми захватчиками, которые шли вперед под предводительством сурового солдата, теперь занимавшего президентское кресло². Тогда они потерпели поражение и принуждены были отступить дальше на юг, в центр полуострова. Здесь, однако, их неприкосновенность была

¹ Аспенда — крупное поместье.

² Имеется в виду Э. Джексон (см. примеч. на стр. 89).

обеспечена договором. Соглашение, заключенное в торжественной обстановке и скрепленное торжественными клятвами, гарантировало им права на землю, и семинолы были удовлетворены.

Увы! Договоры между сильными и слабыми — всегда вещь условная, и нарушаются они по желанию первых. И в этом случае условие было постыдно нарушено.

Белые искатели приключений пришли и поселились около индейской границы. Они бродили по земле индейцев — и неспроста. Они осматривали земли и видели, что земли превосходны, что на них можно выращивать рис и хлопок, сахарный тростник и индиго, оливки и апельсины. В них зажглось непреодолимое желание овладеть этой землей. Более того: они твердо решились, что она будет принадлежать им.

Правда, существовал договор, но какое им было дело до договоров! Рыцари легкой наживы, голодные плантаторы из Джорджии и Каролины, торговцы неграми со всех концов Южных штатов — что значил договор в их глазах, особенно договор, заключенный с краснокожими? Договор должен быть расторгнут! От него надо избавиться!

«Великий Отец»¹, едва ли более щепетильный, чем ови, одобрил этот план.

«Да, — сказал он, — прекрасно! Землю у семинолов надо отобрать. Они должны уйти в другие места. Мы найдем им новую родину на Западе, на огромных равнинах. Там у них будут широкие просторы для охоты. Эти места останутся за ними навсегда».

«Нет, — отвечали семинолы, — мы не хотим переселиться. Мы довольны своей землей, мы любим нашу родину и не хотим покидать ее. Мы не уйдем!»

«Значит, вы не согласны уйти добровольно? Пусть будет так! Но мы сильны, а вы слабы. Мы заставим вас уйти силой!»

Если это были и не буквальные слова ответа Джексона семинолам, то смысл их был именно таков.

¹ Одно из прозвищ Э. Джексона.

Но в мире существует общественное мнение, и оно должно быть удовлетворено. Даже тираны не любят открыто нарушать договоры. В данном случае интересы политической партии играли даже более важную роль, чем мировое общественное мнение, и необходимо было придать действиям этой партии хотя бы видимость законности.

Индейцы продолжали упорствовать — они любили свою родную землю. Они отказывались покинуть ее — что ж тут удивительного?

Надо было найти повод, чтобы вытеснить индейцев из их страны. Старое оправдание, что индейцы были только праздными лентяями-охотниками и не возделывали свои земли, не годилось. Это была просто ложь. Семинолы были не только охотниками, но и земледельцами. Их способы обработки земли, может быть, и считались грубыми и примитивными, но разве это достаточный повод для того, чтобы изгнать их?

Этот предлог не годился, зато легко нашлись другие. Хитрый уполномоченный, который был послан к индейцам «Великим Отцом», вскоре придумал разные уловки. Это был один из тех людей, которые в совершенстве изучили искусство «мутить воду», и он применил это искусство самым блестящим образом.

Скоро повсюду пошли слухи о бесчинствах индейцев: о краже скота, лошадей, о разгроме плантаций, об убийствах и ограблении путешественников — все это якобы была работа «диких семинолов».

Продажная пограничная пресса, всегда готовая вызывать всеобщее чувство ярости и ненависти, не упустила случая и сочла своим долгом преувеличить эти слухи. Но кто именно писал в газетах о провокациях, мстительности, несправедливостях и жестокостях, чинимых другой стороной, то есть индейцами? Все эти темные личности тщательно скрывались.

Вскоре в стране были вызваны враждебные чувства к семинолам.

«Уничтожить дикарей!.. Затравить их!.. Выгнать их прочь из страны! Прогнать их на Запад!» — в таких словах выражалось это чувство, так кричали повсюду.

Когда граждане Соединенных Штатов выражают какое-нибудь желание, оно имеет шансы быть быстро выполненным, особенно если это совпадает с точкой зрения правительства. Так было и в данном случае. Само правительство принялось за это дело.

Все полагали, что выполнить общее желание — лишить индейцев права на землю, затравить их, изгнать их — не так уж сложно. Но ведь существовал договор. На Америку были обращены взоры всего мира. А кроме того, существовало еще и мыслящее меньшинство, которым нельзя было пренебречь и которое противостояло этим крикам и воплям. Нельзя же было нарушить договор среди бела дня, на глазах у всех! Так как же все-таки избавиться от этого соглашения?

А вот как! Соберите вместе старейшин племен и постарайтесь уговорить их расторгнуть договор. Вожди племени — тоже люди, они бедны, некоторые из них склонны к пьянству. Тут поможет и подкуп, а еще больше поможет «огненная вода». Составьте им новый договор с двусмысленной аргументацией, и невежественные дикари не сумеют разобраться во всех этих тонкостях. Останется заполучить их подписи — и дело сделано!

Ловкий агент президента, ты создал этот хитроумный план, ты и осуществишь его!

Так и поступили. 9 мая 1832 года вожди семинолов в полном составе собрались на совет на берегу реки Оклаваха и отдали землю своих отцов!

Так возвестили всему миру газеты. Но это была ложь. Это был не полный совет вождей, а собрание предателей, подкупленных и вероломных, собрание слабых людей, запуганных или подавленных хитрой лести. Неудивительно, что семинолы отказались признать этот заключенный тайком договор. Неудивительно, что они не приняли его условий. Надо было собирать еще один совет — для более свободного и полного подтверждения желания народа.

Скоро стало очевидно, что огромное большинство семинолов отвергли договор. Многие из вождей отрицали, что они подписали его. Отрицал это и главный

вождь, Онопа. Некоторые вожди признались в том, что подписали акт, но заявили, что они сделали это под влиянием других вождей. Только самые могущественные предводители племен — братья Оматла, Черная Глина и Большой Воин открыто заявили, что действительно подписали этот документ.

Все племена отнеслись к ним с недоверием, считали их изменниками, и вполне справедливо. Жизнь этих вождей была в опасности: даже их собственные приспешники не одобряли того, что они совершили.

Чтобы понять положение дел, необходимо сказать несколько слов о политическом строе семинолов. Их форма правления была чисто республиканской, подлинно демократической.

Быть может, ни в каком другом государстве на свете не существовало лучших условий для создания свободного общества. Я мог бы добавить: и счастливого общества, ибо счастье — лишь естественное следствие свободы.

Политическое устройство семинолов сравнивали с шотландскими горными кланами. Эта параллель верна только в одном отношении. Как и галы — шотландцы, — семинолы не имели общей государственной организации. Они жили отдельными племенами, далеко друг от друга, политически независимые от своих соседей. И хотя отношения между племенами были вполне дружественными, общей власти, обладающей силой повелевать, у них не существовало. У семинолов был «главный вождь», но его нельзя назвать королем, ибо «мико» — его индейский титул — вовсе не означает «король». Гордый дух семинолов никогда не согласился бы унизиться до этого. Они еще не отказались от естественных прав человека. Только после того как понятие об этих правах было извращено и человечество подверглось унижению, идея «монархии» стала властвовать над народами.

Глава семинолов — «мико» — только называется главой. Власть его чисто номинальная, он не имеет права распоряжаться жизнью или имуществом семинолов. Иногда вождь принадлежал не к самой богатой, а,

напротив, к беднейшей части населения. Более отзывчивый, чем другие, к требованиям благотворительности, он всегда готов был щедрой рукой раздавать блага, принадлежавшие не народу, а ему лично. Поэтому он редко бывал богатым. Он не был окружен свитой, варварской роскошью и великолепием, его не сопровождали подобострастные и льстивые придворные, как это бывает у восточных раджей или у еще более расточительных коронованных властителей Запада. Наоборот, его одежда не бросалась в глаза, часто она была даже хуже, чем облачение тех, кто окружал его. Многие простые воины бывали гораздо более пышно одеты, чем вождь.

Так же обстояло дело и с вождями отдельных племен. Они не имели власти над жизнью и собственностью своих подданных, они не могли налагать наказания. Это право принадлежало только суду присяжных.

Я беру на себя смелость утверждать, что наказания у этих людей находились в более справедливом соотношении с преступлениями, чем те приговоры, которые выносятся высшими судебными инстанциями цивилизованного мира.

Это была система чистейшей республиканской свободы, но без одной идеи — а именно, идеи всеобщего равенства. Почет и авторитет приобретались исключительно заслугами. Собственность не считалась общей, хотя труд частично и был таковым. Но эта общность труда была основана на взаимном согласии. Семейные узы считались самым священным и нерушимым из всего того, что существует на земле.

Таковы были в действительности дикари, краснокожие дикари, которых хотели лишить их прав, которых хотели изгнать из их домов, с их родной земли, которых хотели сослать из их прекрасной страны в дикую, бесплодную пустыню, которых хотели затравить и уничтожить, как хищных зверей!

В буквальном смысле — как хищных зверей, ибо за ними гонялись и их преследовали со сворами охотничьих собак.

Глава XIX

ИНДЕЙСКИЙ ГЕРОЙ

По ряду причин договор, заключенный на берегах Оклавахи, не мог считаться для семинолов обязательным. Во-первых, он не был подписан большинством вождей: только шестнадцать старших и младших вождей подписали его. Во всем же племени их было в пять раз больше.

Во-вторых, это, собственно говоря, был вовсе не договор, а условный контракт. Условность его заключалась в том, что от семинолов будет послана делегация на земли, отведенные на Западе (на Уайт Ривер), которая осмотрит эти земли и вернется с отчетом к народу.

Самый характер такого условия показывает, что никакое соглашение об уходе семинолов не могло считаться вступившим в силу, пока не будут осмотрены земли.

Итак, обследование началось. Семь вождей в сопровождении правительственного агента отправились на далекий Запад осматривать земли.

Теперь обратите внимание на хитрость агента. Эти семь вождей были избраны из числа тех, кто стоял за переселение семинолов. Среди них были братья Омата и Черная Глина. Правда, там был еще и Хойтл-мэтти (Прыгун) из числа патриотов, но над этим храбрым воином тяготело проклятие многих индейцев — он любил «огненную воду», и эту слабость его хорошо знал Фэгэн, агент, который сопровождал их.

Эта уловка была обдумана и приведена в исполнение. Выборных гостеприимно встретили и угостили в форте Гибсон, на реке Арканзас. Хойтл-мэтти был навеселе. Договор о переселении развернули перед семью вождями, и все они подписали его. Фокус удался!

Но даже и это еще не означало, что договор, заключенный на берегах Оклавахи, полностью вступил в силу. Делегация должна была вернуться с отчетом и узнать волю народа. А для того чтобы народ мог высказаться, надо было еще раз собрать вождей и воинов. Конечно,

это была пустая формальность, так как все хорошо знали, что народ не одобряет этих семерых покладастных вождей и не поддержит их. Народ вовсе и не думал переселяться.

Это было тем более ясно, что другие пункты условия ежедневно нарушались. Например, статья о возврате беглых рабов, которых вожди, подписавшие Оклавакский договор, обязались выдавать их владельцам. Теперь семинолы перестали выдавать их белым. Наоборот, негры находили самое надежное убежище среди индейцев. Агент все это знал. Он созвал новый совет, хотя и считал его лишь пустой формальностью. Может быть, ему удастся убедить индейцев подписать договор; если же нет, то он намерен был запугать их или принудить их к этому с помощью штыков. Так он и заявил. Тем временем правительственные войска стягивались со всех сторон к месту жительства агента — форту Кинг¹, а другие подкрепления ежедневно прибывали в бухту Тампа. Правительство приняло меры, и решено было в случае необходимости применить насилие.

Я знал настоящее положение вещей. Мои товарищи, кадеты военного училища, прекрасно разбирались в делах индейцев. Эти вопросы вызывали у всех живейший интерес, особенно у тех, кто стремился скорее удрать из стен училища. «Война Черного Ястреба»², только что закончившаяся на Западе, уже дала возможность многим отличиться в сражениях, и жаждавшие подвигов юноши обращали свои взоры на Флориду.

¹ Форт Кинг назван так в честь одного из офицеров американской армии, отличившегося в боях. Таков был обычай при наименовании пограничных фортов. (*Примеч. автора.*)

² «Война Черного Ястреба». — В 1830 году при президенте Джексоне был издан закон об изгнании индейцев. Многие индейские племена вынуждены были оставить родные места и направиться на Запад. Но американцы-колонисты, решив захватить территорию, которая еще оставалась у племени саков, воспользовались отсутствием индейских воинов, которые ушли на ежегодную охоту, и заняли принадлежавшую индейцам землю. Вождь индейцев Черный Ястреб в 1832 году возглавил борьбу с белыми и одержал ряд побед. Но в конце концов он вынужден был вместе со своим племенем уйти на Запад.

Однако мысль добыть себе славу в такой войне почти всем казалась просто смешной. Уж слишком легко достанется победа в этой войне: противник не заслуживает серьезного внимания, утверждали они. Вряд ли горстка дикарей устоит против роты солдат. Индейцы или будут уничтожены, или взяты в плен в первой же стычке — нет ни малейших шансов на то, чтобы они оказали сколько-нибудь длительное сопротивление. К несчастью, на это нет никаких шансов! Таково было убеждение моих товарищей по училищу, и таково же в то время было общее мнение всей страны. В армии разделяли эти взгляды. Один офицер, например, хвастался, что он может пройти через всю индейскую территорию, имея с собой только одного капрала. Другой высказал пожелание, чтобы правительство дало ему право вести войну на свой счет. Он закончит войну, потратив на нее не более десяти тысяч долларов.

Таково было настроение в те дни. Никто не верил, что индейцы захотят или смогут долго воевать с нами. Очень немногие считали, что они вообще окажут сопротивление. Индейцы только надеются выторговать себе лучшие условия и уступят, как только дело дойдет до вооруженного столкновения.

Что касается меня, то я держался другого мнения. Я знал семинолов лучше, чем большинство тех, кто рассуждал о них. Я лучше знал их страну и, несмотря на неравенство сил и явную безнадежность борьбы, считал, что они не согласятся на позорные условия, а одолеть их будет не так-то легко. Все же это было только мое личное предположение — я мог и ошибаться. Вероятно, я заслужил те насмешки, которыми осыпали меня товарищи, когда я принимался спорить с ними.

Все подробности мы узнавали из газет. Мы также постоянно получали письма от товарищей, окончивших Уэст-Пойнт и теперь служивших во Флориде. От нас не ускользала ни одна деталь, и мы знали имена многих индейских вождей, так же как и внутреннюю политику племен. По-видимому, между ними были разногласия. Партия, возглавлявшаяся одним из братьев Оматла,

соглашалась пойти на уступки правительству. Это была партия изменников, и она представляла собой меньшинство. Патриоты были более многочисленны. К ним принадлежал сам главный «мико» и могущественные вожди — Холата, Коа-хаджо и негр Абрам.

Среди патриотов был один, о котором в то время трубила крылатая молва и имя которого стало все чаще и чаще упоминаться в печати и в письмах наших друзей. То было имя молодого воина, одного из младших вождей, который за последние месяцы оказывал сильное влияние на свое племя. Он был одним из самых горячих противников переселения и вскоре стал душой партии сопротивления, увлекаая за собой более старых и могущественных вождей.

Мы, кадеты Уэст-Пойнта, восхищались этим молодым человеком. Ему приписывали все качества, присущие герою, — у него благородный вид, он смелый, красивый, умный... Вообще о его физических и умственных достоинствах были такие восторженные отзывы, что это казалось преувеличением. Говорили, что он сложен, как Аполлон, что он красив, как Адонис¹ или Эндимион². Он был первым во всем — самым метким стрелком, самым опытным пловцом, самым искусным наездником, самым быстрым бегуном, самым удачливым охотником. Он был выдающимся человеком и в мирное и в военное время — короче говоря, подобен Киру³. И чтобы увековечить его славу, нашлось достаточное количество Ксенофонов⁴.

Народ Соединенных Штатов долго жил в мире с индейцами. Романтические дикари были где-то далеко на границах страны. В поселках редко приходилось ви-

¹ Адонис — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный богини любви Афродиты. Погиб на охоте от раны, нанесенной ему кабаном.

² Эндимион — в древнегреческой мифологии юноша, знаменитый своей красотой.

³ Кир — могущественный древнеперсидский царь (царствовал в 558—529 годах до н. э.).

⁴ Ксенофонт (ок. 430—355/4 годов до н. э.) — древнегреческий историк. Среди его сочинений имеется трактат «Киропедия» («Воспитание Кира»).

деть индейцев или слышать о них что-нибудь интересное. Депутации от племен давно уже не появлялись в городах. Теперь эти дети лесов возбудили у всех острое любопытство. Недоставало только индейского героя, и вот явился этот молодой вождь. Его звали Оцеола.

Глава XX

ПРАВОСУДИЕ НА ГРАНИЦЕ

Мне недолго пришлось наслаждаться жизнью в родном доме. Через несколько дней после приезда я получил приказ отправиться в Форт Кинг, где находилось управление по делам семинолов и где помещался главный штаб флоридской армии. Ею командовал генерал Клинч, и меня прикомандировали к его штабу.

Я был крайне огорчен, но пришлось готовиться к отъезду. Грустно было расставаться с теми, кто любил меня так нежно и с кем я так долго был в разлуке. Мать и сестра тоже очень горевали. Они уговаривали меня выйти в отставку и навсегда остаться дома.

Я не прочь был бы послушаться, ибо не сочувствовал делу, которое долг призывал меня выполнять. Но в такой критический момент я не мог последовать их совету: меня заклеили бы как предателя, как труса. Отечество требовало, чтобы я взялся за оружие. За правое дело или за неправое, добровольно или против воли, но я должен был сражаться с оружием в руках. Это называлось патриотизмом.

Я неохотно расставался с домом и по другой причине. Вряд ли надо объяснять ее. С тех пор как я вернулся, я частенько посматривал на противоположный берег озера, задерживаясь взглядом на чудесном зеленом острове. О, я не забыл Маюми!

Едва ли я сам мог правильно разобраться в своих чувствах — настолько они были противоречивы. Любовь моей юности снова вспыхнула во мне, торжествуя над новыми увлечениями, вспыхнула из-под пепла, под которым она столько времени тлела... Любовь, к кото-

рой примешивалось и раскаяние, и угрызения совести, и сомнение, и ревность, и опасения... Все это кипело и боролось в моем сердце.

Со времени приезда я ни разу не осмелился посетить те места, куда меня так влекло. Я видел, что мать постоянно следит за мной, и даже не решился задать ни одного вопроса, чтобы рассеять свои сомнения. Но я не мог отделаться от тяжелого предчувствия, что не все обстоит благополучно.

Жива ли Маюми? Помнит ли она меня? Да имею ли я, собственно, право претендовать на ее верность, если не знаю, любила она меня или нет?

На первый вопрос я мог бы получить ответ. Но я не решался прошептать ее имя даже самым близким мне людям.

Простившись с матерью и сестрой, я собрался в путь. Они жили не одни — наша плантация была под охраной и защитой дяди с материнской стороны. Уверенность, что я скоро вернусь домой, скрашивала мне горечь разлуки. Кроме того, если бы предполагаемая кампания и затянулась, то места военных действий находились так недалеко, что я всегда имел бы возможность побывать дома. Дядя, как и все остальные, полагал, что военных действий вообще не будет. «Индейцы, — говорил он, — сдадутся на условиях, предложенных уполномоченным. А если нет — то поступят очень глупо, пусть пеняют на себя».

Форт Кинг находился недалеко от нас. Он был расположен на индейской территории, в четырнадцати милях от границы и несколько дальше от нашей плантации. До форта было не больше дня пути. В обществе моего веселого Черного Джека дорога не должна была показаться мне долгой. Мы оседлали пару самых лучших лошадей из конюшни и вооружились с головы до ног.

Переправившись через реку, мы вступили в индейские владения, так называемую резервацию¹.

¹ Резервация — часть Флориды, отведенная для семинолов по договору в форте Моултри в 1823 году. Это большое пространство занимало центральную часть полуострова. (*Примеч. автора.*)

Тропинка шла по лесу вдоль речки, хотя и не по самому берегу, недалеко от поместья матери Пауэлла. Доехав до просеки, я взглянул на развилку тропинок. По одной из них я не раз бродил с волнением в груди. Я остановился в нерешимости. Странные мысли нахлынули на меня. Я то принимал решение, то отказывался от него, то опускал поводья, то снова натягивал их. Несколько раз я собирался пришпорить лошадь, но не делал этого.

«Не поехать ли мне туда и еще раз взглянуть на нее? Еще раз пережить радостное волнение нежной любви! Еще раз... Но, может быть, уже поздно? Может быть, теперь я уже не буду желанным гостем? Может быть, меня встретят враждебно? Что ж, возможно!»

— Что с вами, масса Джордж? Ведь мы едем совсем не по той дороге, — прервал Джек моп размышления.

— Знаю, Джек. Но я хотел ненадолго заехать к госпоже Пауэлл.

— К мам Пауэлл? Господи! Да неужто вы ничего не слышали, масса Джордж?

— О чем? — спросил я с замирающим сердцем.

— Да уж два года, как никого из Пауэллов здесь больше нет.

— А где же они?

— Никто не знает. Может быть, уехали в другое имение, а может быть, и еще куда-нибудь.

— А кто же сейчас живет здесь?

— Никто. Весь дом пустой.

— Отчего же госпожа Пауэлл уехала отсюда?

— Да это длинная история... Неужто вы ничего не слышали, масса Джордж?

— Нет, ничего не слышал.

— Тогда я вам расскажу. А теперь поедемте. Уже поздно, и ехать ночью по лесу не годится.

Я повернул лошадь, и мы поехали рядом по большой дороге. С болью в сердце слушал я рассказ негра.

— Видите ли, масса Джордж, все это дело затеял

В эту минуту я увидел старый дом...

старый босс¹ Ринггольд, только я думаю, что и молодой тут приложил руку вместе со стариком. У мэм Пауэлл украли нескольких рабов. Это сделали белые. Говорят, что Ринггольд знал лучше всех, кто тут постарался. Обвиняли еще Неда Спенса и Билля Уильямса. И тогда мэм Пауэлл пошла к адвокату Граббу, который живет немного ниже по реке. А масса Грабб большой друг массы Ринггольда. Вот они вдвоем и сговорились обмануть индейскую женщину.

— Каким образом?

— Не знаю, правда ли это, масса Джордж. Я слышал это только от негров. Белые говорят совсем другое. А я слышал это от негра Помпа, дровосека массы Ринггольда. Вы знаете его, масса Джордж? Он говорил, что они вдвоем решили обмануть бедную индейскую женщину.

— Каким образом, Джек? — нетерпеливо повторил я.

— Видите ли, масса Джордж, адвокат хотел, чтобы она подписала какую-то бумагу. Кажется, «доверенность» или как она там у них называется. Вот Помп и говорил мне, что они заставили ее подписать эту бумагу. Она не умеет читать и подписала. Вуф! А это была вовсе не доверенность, а, как законники говорят, «расписка». Вот и вышло, что мэм Пауэлл продала всех своих негров и всю плантацию массе Граббу.

— Какой мерзавец!

— Масса Грабб потом клялся на суде, что заплатил все наличными долларами, а мэм Пауэлл клялась во все наоборот — но ничего не вышло. Суд решил в пользу массы Грабба, потому что масса Ринггольд был свидетелем на его стороне. Люди говорят, что масса Ринггольд теперь сам владеет этой бумагой. Он-то и построил все это.

— Презренный мерзавец! О, негодяи! Но скажи мне, Джек, что же было дальше с госпожой Пауэлл?

¹ Босс — хозяин или предприниматель. Это слово употребляется во всех Южных штатах. Оно происходит от голландского «baas». (Примеч. автора.)

— Сама мэм Пауэлл, и этот прекрасный молодой человек, которого вы знаете, и молодая индейская девушка, которая слыла здесь такой красавицей, — да, масса Джордж, все они уехали неизвестно куда.

В эту минуту сквозь просвет в лесной чаще я увидел старый дом. По-прежнему великолепный, он стоял среди апельсиновых и оливковых деревьев, но сломанная решетка, густая трава, выросшая у стен, и крыша с кое-где выломанными черепицами — все это говорило об унылом одиночестве и разрушении.

Тоска сжала мне сердце, и я грустно отвернулся.

Глава XXI

РАБЫ-ИНДЕЙЦЫ

Я нисколько не сомневался в том, что рассказал мне Черный Джек. То, что говорили негры, всегда оказывалось правдой. Всего этого вполне можно было ожидать от Ринггольдов и адвоката Грабба. Последний был наполовину плантатор, наполовину официальный юрист с весьма сомнительной репутацией.

Далее Джек рассказал мне, что Спенс и Уильямс во время судебного следствия куда-то исчезли. Когда оно окончилось, они снова появились, но уже не были тех, кто мог бы привлечь их к ответственности.

Что касается украденных рабов, то их больше никогда уже не видели в этой части страны. По-видимому, их отправили на рынок рабов в Мобил или Новый Орлеан и там продали за достаточно высокую цену, чтобы вознаградить Грабба за его услуги, а заодно и Уильямса и Спенса. В этом и заключался смысл продажи рабов. Ринггольд только и ждал, когда индейцев выгонят из Флориды, чтобы завладеть землей.

Подобного рода сделка между двумя белыми считалась бы крупным мошенничеством, преступлением. А тут белые сделали вид, что не верят этому. Несмотря на то что нашлись свидетели, всю эту историю расценили лишь как «хитроумную проделку».

У меня не было причин не верить Джеку. Именно так и поступали белые авантюристы на границах с теми несчастными туземцами, с которыми им приходилось сталкиваться.

Но так поступали не только авантюристы. Правительственные агенты, представители флоридских законодательных органов, генералы, богатые плантаторы, вроде Ринггольда, — все принимали участие в подобных спекуляциях.

Я мог бы назвать их имена. Я пишу правду и не боюсь опровержений. Мое повествование нетрудно подтвердить фактами. Этот случай был одним из двадцати подобных, о которых я сам слышал. Акты о продаже земли, совершённые агентом по индейским делам полковником Гэдом Хемфри, майором Фэгэном, известным похитителем негров Декстером, Флойдом, Дугласом, Робинсоном и Милльбэрном, — все это исторические факты, и все они говорят о насилиях, совершённых над несчастными семинолами. Можно было бы заполнить целый том описанием проделок таких обманщиков, как Грабб и Ринггольд. В конфликте между белыми и индейцами не было надобности прибегать к адвокату, можно было заранее определить, какая сторона останется неотомщенной и вознагражденной за понесенную обиду. Нет никакого сомнения в том, что жертвами всегда оказывались только индейцы.

Нужно ли добавлять, что они стремились отомстить за это? Иначе и быть не могло!

Приведу один примечательный факт из жизни Флориды того времени. Известно, что украденные у индейцев рабы всегда при первой возможности возвращались к своим хозяевам. Чтобы воспрепятствовать этому, разным декстерам и дугласам приходилось отправлять краденый «товар» на дальние берега Миссисипи — в Натчез или Новый Орлеан.

Этот поразительный факт из области социальных отношений можно объяснить только тем, что рабы семинолов, по существу, не были настоящими рабами. Индейцы обращались с ними с мягкостью, которой не знают рабы у белых. Рабы обрабатывали землю, и их

хозяин бывал вполне доволен, если они доставляли ему столько хлеба, овощей и фруктов, сколько требовалось для его скромного стола. Рабы жили отдельно, вдали от домов своих господ. Они работали всего несколько часов в день, и вряд ли эти часы можно было считать принудительными. Весь излишек продуктов принадлежал им. В большинстве случаев они богатели и становились гораздо состоятельнее своих собственных владельцев, менее искусных в ведении хозяйства. Откупиться на волю было нетрудно, и большинство рабов фактически являлись свободными людьми. Впрочем, от таких цепей едва ли стоило бежать. Если это можно назвать рабством, то это была самая мягкая его форма из всех известных на земле. Она резко отличалась от того грубого и жестокого принуждения, в котором сыны Сима и Иафета держат потомков Хама¹.

Возникает вопрос: каким образом приобрели семинолы этих черных рабов? Может быть, это были беглецы из штатов Джорджии, Северной и Южной Каролины, Алабамы и с плантаций Флориды? Несомненно, были и такие, но в небольшом количестве. Не многие из этих негров официально числились «в бегах». Большинство беглых рабов, попав к индейцам, становились свободными. Было время, когда, по жестоким условиям договора в форте Моултри, этих «укрывающихся» рабов следовало возвращать их владельцам. Но, к чести семинолов, надо сказать, что они стремились уклониться от выполнения этого позорного условия. Да и не всегда представлялась возможность выдать беглого негра. В некоторых местах на индейской территории негры создали под начальством собственных вождей свободные и достаточно сильные для самозащиты колонии. Там беглецы обычно находили радужный прием и убежище. Таковы были колонии «Гарри» в болотах Пиз-Крика, «Абрама» в Микосоки, «Чарльза» и «короля мулатов».

¹ Сим, Иафет и Хам — по библейской легенде, сыновья патриарха Ноя. По библии, Сим и Иафет являются родоначальниками «белых» народов, а Хам — хамитов, к которым библия причисляет и негров.

Таким образом, рабы семинолов не были беглыми неграми с плантаций, хотя белые всегда старались доказать, что это именно так. Настоящих беглых рабов было очень немного. Большинство рабов семинолов являлись «подлинною собственностью» индейцев, если только раба вообще можно назвать собственностью. Во всяком случае, они были либо юридически законно приобретены ими, либо перешли к индейцам вместе с землей от первых поселенцев — испанцев, либо куплены у американских плантаторов. Каким образом куплены? — спросите вы. Что могло дать дикое племя в обмен на такой ценный товар? Ответить на это очень легко: лошадей и рогатый скот. Семинолы владели большими стадами. После ухода испанцев в саваннах остались табуны одичавших лошадей и стада быков андалузской породы. Индейцы ловили их и снова приручали. Получалось своеобразное *qui pro quo*¹: четвероногих обменивали на двуногих.

Главным преступлением, в котором обвиняли индейцев, являлась кража скота, так как белые имели свои стада.

Семинолы не отрицали, что и среди них были плохие люди — отщепенцы, которых нелегко обезвредить. Но где вы найдете такое общество, в котором нет бездельников?

Одно было несомненно: когда к индейским вождям обращались с жалобой на похищение скота, они всегда старались сделать все возможное, чтобы возместить утрату, и карали нарушителя закона со строгостью, неслыханной у их соседей по ту сторону границы.

Однако белые вовсе не считались с этим. Уж если собаку решили повесить, значит, надо было признать ее бешеной. Любой грабеж на границе приписывался индейцам. Стоило только белым грабителям вымазать себе лицо коричневой краской, и правосудие не могло разглядеть, кто скрывается под этой краской.

¹ Путаница, недоразумение; буквально: один вместо другого (лат.).

ХИТРАЯ ПРОДЕЛКА

Таковы были мои размышления, пока я ехал. Их вызвал печальный рассказ негра. И как будто нарочно, чтобы подтвердить мои выводы, с нами произошел следующий случай.

Невдалеке от покинутого дома мы напали на следы рогатого скота. Здесь прошло голов двадцать — по-видимому, в том же направлении, в котором ехали и мы, то есть к индейской резервации. Следы казались почти свежими. Как опытный охотник, я определил, что с того времени, когда здесь прогнали скот, не прошло еще и часа. Хотя я и долго был заперт в стенах военного училища, но все же не забыл науку лесной жизни, которой научил меня молодой Пауэлл.

След домашнего скота, будь он свежий или старый, не произвел бы на меня особого впечатления, в этом не было ничего замечательного. Просто какие-нибудь индейские пастухи гнали домой свое стадо; по отпечаткам мокасин в грязи я видел, что это действительно были индейцы. Правда, и некоторые белые, жившие около границы, носили мокасины, но это были не их следы. Косолапые стуни¹, высокий подъем и другие едва заметные признаки, которые я безошибочно различал и умел объяснить благодаря своей тренировке в ранней юности, — все доказывало, что это были следы индейцев.

И Джек согласился со мной. А в лесу он отнюдь не был разиней и увальнем. Всю жизнь он был искусным охотником на енотов, болотных зайцев, опоссумов и диких индеек. Вместе с ним я охотился на оленей, на серебристых лисиц и диких полосатых кошек. За время моего отсутствия он стал гораздо опытнее. Теперь он был дровосеком вместо своего бывшего соперника, и ему приходилось ежедневно работать в лесу и постоянно наблюдать за привычками и повадками обитателей лесов; благодаря этому он стал еще более искус-

¹ Эта особенность не врожденная, а развитая искусственно, начиная с колыбели. (Примеч. автора.)

ным охотником. Глубоко ошибаются те, кто думает, что мозг негра не способен мыслить с той остротой, которая необходима для хорошего охотника. Я знал негров, которые могли ориентироваться в лесу по различным признакам и идти по следу, проявляя такое же чутье и сообразительность, как любой индеец или белый. И Черный Джек обладал этой способностью.

Вскоре я понял, что по этой части он теперь значительно превосходил меня. И почти сразу же мне пришлось удивиться его проницательности.

Я уже сказал, что мы не обратили бы внимания на следы, если бы не одно обстоятельство. Едва мы отъехали в сторону, как вдруг мой спутник придержал коня и вскрикнул каким-то особенным образом — это восклицание свойственно только неграм: что-то похожее на звук «вуф», который можно услышать от испуганного кабана.

Я взглянул на Джека и по выражению его лица понял, что он сделал какое-то открытие.

— Что такое, Джек?

— Господи! Да неужели вы не видите, масса Джордж?

— Да что именно?

— А вот здесь, на земле?

— Я вижу, что прошло стадо, и больше ничего.

— А вот этот большой след?

— Да, правда, один след немного больше остальных.

— Вот те на! Ведь это же след нашего большого быка Болдфэйса. Я узнаю его среди тысячи других. Сколько кипарисовых бревен перетаскал этот бык для старого хозяина!

— Да, я теперь вспоминаю Болдфэйса. Ты думаешь, Джек, что здесь прошло наше стадо?

— Нет, масса Джордж. Я думаю, что это скот адвоката Грабба. Старый масса продал Болдфэйса массе Граббу. Уж я-то знаю следы своей скотины!

— Каким же образом быки мистера Грабба могли забрести на индейскую территорию, так далеко от его плантации, да еще с погонщиками-индейцами?

— Вот этого-то я и не могу в толк взять, масса Джордж.

Обстоятельство действительно странное. Тут было над чем задуматься. Сам по себе скот не мог пойти так далеко, к тому же надо было переплыть реку. По-видимому, он не шел куда глаза глядят, а его, очевидно, гнали, и притом в определенном направлении. Его гнали индейцы. Может быть, это набег? Или быки украдены?

Подозрение возникало само собой, но достаточных улик все же не было. Быков гнали по проезжей дороге, где стадо вскоре могли бы нагнать его владельцы, и грабители — если они были таковыми — не приняли, как видно, никаких предосторожностей, чтобы замести свои следы.

Это было и похоже и не похоже на кражу и так разожгло наше любопытство, что мы решили поехать по следу и выяснить наконец, в чем тут дело.

Примерно на протяжении мили след совпадал с нашей дорогой, но затем, вдруг круто свернув влево, он повернул прямо в лесную чащу.

Мы решили не отказываться от своего намерения. Стадо, по-видимому, прошло так недавно, что догнать его можно было очень быстро. Поразмыслив, мы решили продолжать погоню.

Вскоре после того, как мы въехали в чащу, до нас отчетливо донеслись голоса людей и мычанье быков.

Сойдя с лошадей и привязав их к дереву, мы отправились дальше пешком. Мы шли крадучись и молча в том направлении, откуда доносились голоса и рев стада, сливавшиеся в непрерывный гул. Было ясно, что мычали те же самые быки, которые только что прошли по дороге. Но разговаривали не те люди, которые пригнали их сюда.

Речь индейца очень легко отличить от речи белого. Люди, голоса которых доносились до меня, были несомненно белые. Они говорили по-английски, уснащая свою речь непристойными выражениями. Мой спутник узнал даже, кто это такие.

— Господи, масса Джордж, ведь это два проклятых негодяя — Спенс и Билль Уильямс!

Джек был совершенно прав. Мы подошли ближе. Вечнозеленые деревья скрывали нас, но мы ясно видели все происходящее. На небольшой поляне толпилось стадо, а рядом стояли два индейца, угнавшие его, и вышеупомянутые достойные личности.

Мы стояли в тени, наблюдая и прислушиваясь. И уже через несколько минут благодаря некоторым намекам, брошенным вскользь Джеком, я полностью уяснил себе, в чем дело.

Когда мы прибыли на место происшествия, сделка была уже закончена и индейцы как раз передавали свою добычу в руки белых. А их хозяева, которые дальше должны были сами гнать стадо, как раз вручали индейцам (безусловно презренным отщепенцам своего племени) их награду — несколько бутылок виски и горсточку безделушек. Это была плата за ночную работу — угон скота с пастбища адвоката Грабба.

Индейцы, выполнив свое дело, могли удалиться и вволю предаться пьянству у себя дома. Они больше не были нужны. А Спенс и Уильямс теперь могли угнать скот куда-нибудь подальше и продать его за кругленькую сумму. Или, что еще более вероятно, они могли пригнать стадо обратно к Граббу, прихвастнув, что храбро отбили его у шайки индейцев-грабителей. Превосходный рассказ у пылающего камина где-нибудь на плантации!

Это было бы как раз на руку полиции и правительству.

О, эти дикие разбойники семинолы — с ними давно пора разделаться, давно пора вышвырнуть их прочь из Флориды!

Так как стадо принадлежало адвокату Граббу, я не стал вмешиваться в эту историю. Я мог рассказать обо всем этом в другом месте и при других условиях. Поэтому, ничем не обнаружив себя, мы с Джеком вернулись к лошадям и продолжали свой путь, углубившись в размышления. Я ничуть не сомневался в том, что пьяные индейцы были наняты Уильямсом и Спенсом.

А те, в свою очередь, служили Граббу в этой гнусной проделке. Словом, была круговая порука.

Надо было как-то замутить воду, надо было довести несчастных индейцев до отчаяния...

Глава XXIII

О ЧЕМ Я ДУМАЛ ПО ДОРОГЕ

В училище, да и за его пределами надо мной часто насмехались за то, что я защищаю индейцев, и попрекали меня, замечая, что кровь древней Покахонтас, после того как она двести лет смешивалась с кровью белых и должна была бы едва струиться в моих жилах, внезапно вновь вскипела и забурилась. Утверждали, что я не патриот, поскольку не присоединялся к крику и вою толпы, столь характерному для наций, когда речь заходит об их врагах.

Нации подобны отдельным людям. Чтобы угодить им, вы должны быть такими же порочными, как они сами, испытывать те же чувства или высказывать их, что, в сущности, одно и то же, разделять их любовь и ненависть, — короче говоря, отказаться от независимости взглядов и убеждений и вопить «Распи!» вместе с большинством.

Таков человек, живущий в современном обществе, и он считается патриотом! А тот, кто черпает свои суждения из источника истины и пытается преградить путь бессмысленному потоку человеческих предрассудков, — тот не получит признания в течение всей своей жизни. После смерти, может быть, но не в этой жизни! Такой человек не должен стремиться к «прижизненной славе», которой жаждал завоеватель Перу¹, он не обретет ее. Если подлинный патриот желает получить в награду славу, он должен ждать ее лишь от потомства, когда его скелет превратится в пыль и прах в гробнице.

¹ Завоеватель Перу — Франсиско Писарро (1471—1541), знаменитый испанский завоеватель, подчинивший Перу испанской короне.

К счастью, есть и другая награда. Чистая совесть человека — это не пустая фраза. Есть люди, которые высоко ценят ее и которым ее сладостный шепот дарует новые силы и утешение.

Хотя выводы, к которым я вынужден был прийти не только после эпизода, который случайно наблюдал, но и после того, как недавно наслушался многих других историй, были довольно безотрадны, я все же поздравил себя с тем, что избрал такой путь. Ни одним словом, ни одним поступком не добавил я даже перышка на весах несправедливости. У меня не было причин винить себя. Совесть моя была совершенно чиста перед несчастным народом, с которым мне вскоре предстояло встретиться как с противником в войне.

Я недолго раздумывал над этим главным вопросом — скоро на меня нахлынули еще более мрачные мысли, навеянные воспоминаниями о дружбе и любви. Я думал о разоренной вдове, о ее детях, о Маюми. По правде говоря, больше всего о ней, хотя я был привязан ко всей семье. Все ее родные были мне дороги, но дороже всех была она сама. Я сочувствовал всем, печалился обо всех, но еще более жгучей была печаль об утрате моих самых светлых надежд.

Где теперь эта семья? Куда она уехала? Догадки, опасения, страх все сильнее овладевали моим воображением. Оно рисовало мне самые мрачные картины. Люди, совершившие это преступление, были способны и на любое другое — на самое страшное преступление, когда-либо занесенное в анналы правосудия. Какая судьба выпала на долю друзей моей юности?

Мой спутник ничего не знал об их участи, после того как на них обрушились эти удары судьбы. Он полагал, что они уехали в «какое-нибудь другое индейское поселение, потому что никто из соседей ничего о них потом не слышал». Но это было только предположение.

Быстро меняющиеся картины природы отвлекали меня от тяжелых мыслей и как бы приносили мне некоторое облегчение. Сначала наша дорога шла по сосновому лесу. Около полудня мы выехали на широкое пространство, где справа и слева встречались хоммо-

ки — флоридские колодцы. Дорога шла как раз посередине между ними. Весь ландшафт, как бы по волшебству, совершенно изменился. Все стало совсем иным — и земля под ногами и листва над головой. Сосны сменились зарослями вечнозеленых деревьев с широкими, твердыми, как кожа, глянцевыми, блестящими листьями. Таковы были, например, магнолии, достигавшие здесь полного роста. Вокруг нас толпились дубы, шелковицы, лавры, железные деревья, а над ними возвышались тыквенные пальмы, гордо покачиваясь и как будто свысока приветствуя своих скромных друзей, шелестящих внизу.

Некоторое время мы ехали в густой тени, которую отбрасывали деревья и паразитические растения, вившиеся вокруг них; огромные виноградные лозы, отягощенные листьями, ползучие лианы, серебряные кустики тилландсии — все это скрывало небо от наших взоров. Извилистая тропинка петляла по лесу; ее преграждали рухнувшие стволы и переплетающиеся шпалеры виноградных лоз. Их ветви перекидывались через дорожку с дерева на дерево, как корабельные тросы.

Ландшафт носил несколько мрачный характер, но зато он производил величественное впечатление. Он как-то удивительно подходил к моему настроению и действовал на меня более успокоительно, чем открытый, полный воздуха сосновый лес.

Выехав из темного леса, мы очутились на дороге, ведущей к одному из описанных мной выше флоридских колодцев — круглому бассейну, окруженному холмиками и скалами кирпичного цвета. По-видимому, это был кратер когда-то потухшего вулкана. На варварском жаргоне англосаксонских поселенцев они называются «клоаками». Название это абсолютно неподходящее, ибо если в них есть вода, то она всегда кристально прозрачна и чиста. Бассейн, к которому мы подъехали, также был полон прозрачной влаги. И мы сами и наши лошади хотели пить, так как это было самое жаркое время дня. Леса за нами казались теперь не такими густыми и тенистыми. Мы решили сделать привал, чтобы отдохнуть и немного закусить.

У меня с собой был объемистый мешок для провизии, раздувшиеся бока которого — с горлышками двух — трех бутылок, выглядывавших из него, — свидетельствовали о нежной заботливости, которой мы были окружены дома. От верховой езды у меня разыгрался аппетит, а жара вызвала невыносимую жажду. Содержимое мешка быстро насытило нас, а стакан красного вина, смешанного с водой из холодного источника, великолепно утолил жажду. Все это пиршество на открытом воздухе завершила сигара. Закурив ее, я улегся под ветвями тенистой магнолии. Я наблюдал, как синий дымок вьется вверх между глянцевыми листьями и заставляет мошкору разлетаться прочь. Волнение мое утихло, мысли стали расплываться. Сильный запах, струящийся от коралловых шишек и больших белых цветов магнолии, подействовал на меня одуряюще, и я уснул.

Глава XXIV

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Я пробыл, по-видимому, несколько минут в таком бессознательном состоянии. Но вдруг меня разбудил всплеск воды, как будто кто-то кинулся в бассейн. Я не очень испугался и не только не оглянулся, но даже не открыл глаза.

«Наверно, это Джек нырнул в воду, — решил я. — Превосходная мысль! Я тоже потом выкупаюсь».

Но я ошибался. Негр и не думал прыгать в воду, он стоял на берегу, недалеко от того места, где улегся спать. Его также разбудил шум, и он вскочил. Я услышал голос Джека:

— Смотрите, масса Джордж, вот так громадина! Вуф!

Я приподнялся и посмотрел в сторону бассейна. Оказалось, что Джек тут ни при чем: это вынырнул огромный аллигатор. Он подплыл к тому месту, где мы лежали, и, выставив вперед свою огромную грудь с мощными лапами, с явным любопытством разглядывал нас. Го-

лова его возвышалась над поверхностью воды, а хвост был лихо задран вверх. Аллигатор производил одновременно и комическое и отвратительное впечатление.

— Дай-ка сюда ружье, Джек, — сказал я шепотом. — Только ступай потише, а то мы спугнем его.

Джек тихонько двинулся вперед, чтобы принести ружье. Но аллигатор как будто разгадал наше намерение. Прежде чем я успел протянуть руку к оружию, он внезапно перевернулся в воде и с быстротой молнии нырнул на дно. Некоторое время с ружьем в руке я ожидал, что он появится еще раз, но напрасно. Видимо, он уже раньше подвергался нападению и распознал в нас опасных врагов. Так как бассейн находился близко от проезжей дороги, то это предположение было весьма правдоподобно.

Конечно, ни мой спутник, ни я не обратили бы внимания на этот эпизод, если бы нам не вспомнилась ужасная сцена, которая произошла в бассейне на нашей плантации. Вся обстановка: бассейн, скалы, деревья вокруг, даже размер, очертания и свирепый, отвратительный вид пресмыкающегося — все напоминало нам того аллигатора, о котором теперь на нашей плантации сложились целые легенды. Я отчетливо вспомнил все дикие и страшные происшествя того знаменательного дня; все подробности возникали у меня в памяти, как будто это было вчера: приманка мулатом чудовищного аллигатора, смертельная схватка в бассейне, погоня, захват мулата в плен, суд и приговор к сожжению на костре, побег, долгое преследование в озере и внезапная страшная развязка. Мне даже почудилось, что я снова слышу отчаянный крик жертвы, когда она скрывалась под водой. Воспоминание было для нас обоих не очень приятным, и вскоре мы совсем прекратили разговор на эту тему. И как бы для того, чтобы отвлечь наши мысли, вблизи послышалось курлыканье дикой индейки. Джек попросил разрешения поохотиться за ней, взял мое ружье и ушел.

Я снова зажег свою «гавану», растянулся на мягкой траве, наблюдая за круглыми кольцами синеватого дыма, и, поддавшись опьяняющему аромату магнолий,

опять заснул. На этот раз я увидел сон, в котором передо мной вновь прошли все события того страшного дня. Однако этот сон отличался от действительности: мне снилось, что мулат снова карабкается из воды на берег острова, что ему удалось удрать невредимым, что он вернулся отомстить за себя, что я попал к нему в руки и он готов убить меня!

В этот критический момент меня вновь разбудил уже не всплеск воды, а выстрел, прогремевший где-то поблизости.

«Ага, значит, Джек вспугнул индейку, — подумал я. — Надеюсь, что он не промахнулся. Я не прочь был бы захватить с собой в форт хотя бы одну индейку. Она очень пригодилась бы нам к столу. Я слышал, что там не слишком-то жирно кормят. Джек — стрелок хороший и вряд ли промахнется. А если...»

Мои размышления были внезапно прерваны вторым выстрелом. По резкому звуку я определил, что он был произведен из винтовки.

«Что же это может быть? — спросил я сам себя с тревогой. — У Джека мое одноствольное ружье, он не мог успеть зарядить его вторично».

Неужели первый выстрел я услышал во сне? Да нет же, я его явственно слышал наяву. Он-то меня и разбудил. Несомненно, прозвучали два выстрела, я не мог ошибиться.

В изумлении я вскочил на ноги. Я беспокоился за своего товарища. Не было никакого сомнения, что выстрелы были сделаны из двух ружей. Кто же этот второй стрелок? Может быть, враг? Мы находились в опасной зоне.

Я окликнул Джека и несколько успокоился, когда он откуда-то отозвался мне. Но в следующее мгновение меня снова охватила тревога, потому что в голосе Джека ясно чувствовался ужас.

Недоумевая и волнуясь, я схватил пистолет и бросился в чащу. Голос негра был отчетливо слышен вблизи, но за густой зеленью я не мог рассмотреть его темное тело. Он продолжал кричать, и теперь я различил слова.

— Маса Джордж! Я видел дьявола!

— Боже милостивый, — вопил он с выражением крайнего ужаса, — масса Джордж, вы не ранены?

— Да какой же дьявол мог ранить меня?

Не будь двух выстрелов, я подумал бы, что он стрелял в ту сторону, где я лежал, и ему показалось, что он случайно попал в меня.

— Вы не убиты? Слава богу, что вы не убиты, масса Джордж!

— Послушай, Джек, что все это значит?

В эту минуту он показался из-за деревьев, и я хорошо разглядел его. Я понял, что случилось что-то страшное. Джек представлял собой воплощение ужаса. Он ди-ко вращал глазами, и белки их сверкали так, что почти не видно было ни зрачка, ни радужной оболочки. Губы его стали бледными и бескровными. Темное лицо посерело, зубы стучали. По его жестам видно было, что он обьят паническим страхом.

Увидев меня, Джек побежал ко мне навстречу и схватил за руку, тревожно поглядывая в ту сторону, откуда только что примчался, как будто сзади его подстерегала смертельная опасность.

Я знал, что Джек, вообще говоря, не трус — совсем наоборот! Значит, была какая-то опасность... Какая же? Я напряженно всматривался, но в темной глубине леса мог разглядеть только коричневые стволы деревьев. Тогда я снова начал расспрашивать Джека.

— Господи! Это был... это был *он*! Я уверен, что *он*!

— Да кто это он?

— Ах, масса Джордж, значит, вы в самом деле не ранены? Он стрелял в вас. Я видел, как он прице...це...целивался... Я выстрелил в него, но промахнулся, и... он убежал...

— Да кто стрелял? Кто убежал? Объясни ты, ради бога, кто он такой!

— При...привидение убежало.

— Какое привидение? Уж не самого ли дьявола ты увидел?

— Верно, масса Джордж, верно! Я видел дьявола. Это был *Желтый Джек*!

— Желтый Джек?!

КТО СТРЕЛЯЛ?

— Желтый Джек? — машинально повторил я, конечно отнюдь не веря заявлению моего спутника. — Ты говоришь, что видел Желтого Джека?

— Да, масса Джордж, — ответил мой оруженосец, понемногу оправляясь от страха. — Вот так же ясно, как солнце на небе, я видел его самого или его привидение.

— Какая чужь! Привидений не бывает. Тень дс-ревьев застлала твои глаза. Это все тебе попросту почудилось.

— Боже ты мой, масса Джордж! — возразил негр с горячей убежденностью. — Клянусь, что я видел его, это мне не почудилось... Я видел — это был Желтый Джек или его дух...

— Да это невозможно!

— Ну и пусть невозможно, только все равно правда. Клянусь евангелием! Желтый Джек стрелял в вас из-за этого экалипта. Потом и я пальнул в него. Вы ведь слышали *два* выстрела?

— Да, я слышал два выстрела, но, может быть, мне это показалось.

— Нет, вам не показалось. Вуф! Проклятый мерзавец! Это он, конечно, стрелял!.. Посмотрите-ка сюда!

Мы подошли к бассейну и остановились возле магнолии, под тенью которой я спал. Джек нагнулся и показал мне на стволе место, где кора, по-видимому, была содрана пулей. Пуля прошла сквозь дерево. Рана была зеленая и свежая, и сок еще струился из нее. Несомненно, кто-то стрелял в меня и промахнулся лишь на какой-нибудь дюйм. Пуля прожужжала как раз над моей головой, когда я отдыхал, подложив под голову свой дорожный мешок. Она пролетела почти у самого уха, потому что я вспомнил теперь, что почти одновременно с первым выстрелом я услышал жужжанье пули.

— Теперь вы верите мне, масса Джордж? — спро-

сил негр, весьма довольный собственной сообразительностью. — Вы видите, что это вам не почудилось?

— Да, теперь я понимаю, что в меня кто-то стрелял.

— Желтый Джек, масса Джордж, Желтый Джек! Клянусь богом! — с волнением воскликнул мой спутник. — Я видел желтого негодяя так же ясно, как вижу вот это дерево.

— Ну, кто бы ни стрелял, краснокожий или желтокожий, чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. Давай-ка мне винтовку. Я покараулю, пока ты оседлаешь лошадей.

Пока негр седлал лошадей и укладывал наши вещи, я быстро зарядил ружье и встал за ствол дерева, пристально вглядываясь в ту сторону, откуда могли стрелять. Нечего и говорить, что я ждал с волнением и страхом. Покушение на мою жизнь говорило о том, что против меня ведет борьбу смертельный враг, кто бы он ни был. Предположение негра, что стрелял Желтый Джек, казалось мне просто нелепым, и я посмеялся над ним. Ведь я своими глазами видел, как мулат погиб ужасной смертью. Чтобы поверить в появление его призрака или его самого, мне нужны были более веские доказательства, нежели свидетельство Джека. Когда негр увидел неизвестного врага в этой угрюмой лесной чаще, едва освещенной солнцем, фантазия у него разыгралась, и ему почудилось, что стреляет Желтый Джек. Но выстрел-то не был фантазией! И почему именно в эту минуту я видел во сне мулата? И почему такой сон? Мне пригрезилось то же самое, что почудилось негру.

Мороз пробежал у меня по коже и кровь застыла в жилах, когда я подумал об этом странном совпадении. В нем таилось нечто ужасное и столь дьявольски вероятное, что я начал склоняться к мысли, что в торжественных уверениях негра действительно была какая-то доля правды. Чем больше размышлял я обо всем этом, тем скорее готов был поверить в то, что сначала показалось мне абсолютно неправдоподобным.

Почему, например, индейцу без всякого видимого

повода вздумалось бы избрать меня своей мишенью? Правда, между индейцами и белыми отношения были враждебные, но война-то все-таки не началась. До этого дело пока не дошло. Совет старейшин еще не соби-рался, он был назначен на следующий день. Пока ре-шения его не станут известны, вряд ли с какой-нибудь стороны начнутся враждебные действия. Это могло бы серьезно повлиять на будущие решения совета. Индей-цы были так же заинтересованы в сохранении мира, как и их противники, и даже в гораздо большей степени. Они не могли не знать, что неуместная и несвоевремен-ная демонстрация такого рода отнюдь не пойдет им на пользу. Наоборот, это могло бы оказаться подходящим предложением для партии сторонников переселения. Мо-гли индеец при таких условиях посягать на мою жизнь?

А если целился не индеец, то кто же тогда пытался убить меня и почему? Я не припоминал ни одного слу-чая, когда бы я кого-нибудь обидел настолько, что это могло бы вызвать ко мне смертельную ненависть. Вдруг мне пришлось на память пьяные погонщики быков. Ка-кое было им дело до договоров или решений совещания? Лошадь, седло, ружье, любая безделушка могли иметь для них большее значение, чем судьба целого племени. По-видимому, оба они были настоящими бандитами. Грабители встречаются и среди индейцев, так же как среди белых.

Но нет, это не погонщики. Они не видели нас, когда мы проезжали мимо, а если даже и видели, то вряд ли могли так быстро добраться сюда. Мы скакали на лоша-дях, а они шли пешком и, значит, не могли догнать нас.

Что касается Спенса и Уильямса, которые ехали верхом и, судя по рассказам Джека, были негодяями, то ведь они тоже не видели нас. Кроме того, они не мо-гли отлучиться от стада.

Ага! Наконец мне показалось, что я нашел объясне-ние. Наверно, в меня выстрелил какой-нибудь беглый раб, поклявшийся вечно мстить белым и изливший свою ненависть на первого, кто попался ему на пути. Может быть, это был мулат, имевший некоторое сходство с Желтым Джеком (все люди с желтым цветом кожи, как

и негры, очень похожи друг на друга). Вероятно, это и ввело в заблуждение моего спутника. На том я пока и успокоился.

Между тем у Джека уже все было готово. Оставив попытки разгадать эту тайну, мы вскочили на лошадей и поскакали. Некоторое время мы неслись во весь опор. Дорога шла редким лесом, где все было хорошо видно впереди и позади нас, но ни белый, ни черный, ни красный, ни желтый враг не появлялся ни перед нами, ни с тыла. Мы не встретили ни одного живого существа, пока не добрались до форта Кинг. Мы въехали в форт как раз в ту минуту, когда солнце скрылось за темными вершинами леса на горизонте.

Глава XXVI

ПОГРАНИЧНЫЙ ФОРТ

Слово «форт» вызывает у нас представление о массивной постройке с выступами и амбразурами¹, бастиянами и зубчатыми стенами, валами, казематами и гласисом² — одним словом, о мощном укреплении. Испанцы действительно строили такие форты во Флориде и в других местах. Многие из этих фортов еще существуют, а развалины остальных свидетельствуют о величии и славе тех времен, когда флаг с изображением леопарда гордо развевался над их стенами. Но между колониальной архитектурой испанцев и других европейских народов есть большое различие. В Америке испанцы строили свои укрепления, не обращая внимания на труды и денежные затраты, как будто они думали, что их владычество будет продолжаться вечно. Им и в голову не приходило, что во Флориде их господство будет столь кратковременным и что им скоро предстоит изгнание.

В конце концов, эти огромные крепости сослужили

¹ Амбразура — отверстие для стрельбы в оборонительных сооружениях: крепостных стенах, башнях и казематах.

² Гласис — насыпь впереди наружного рва укрепления. Возводилась для маскировки и для облегчения обстрела местности, лежащей впереди укрепления.

им хорошую службу. Без них смуглые ямасси, а потом победоносные семинолы уже давно вытеснили бы испанцев с цветущего полуострова, задолго до того, как индейцев передали под власть другой страны¹

У Соединенных Штатов во Флориде есть свои большие каменные крепости, но упоминаемые в истории пограничных войн «форты» совсем не похожи на них. Эти постройки как бы гигантской цепью опоясывают всю территорию Соединенных Штатов. Здесь мы не увидим зубчатых стен, высеченных в скалах, дорогостоящих казематов и ненужных архитектурных украшений. Это большей частью грубые временные деревянные постройки, которые стоят дешево и которые не жаль покинуть, когда в период стремительного отступления линии границы все время изменяется.

Чтобы создать надежную защиту против враждебно настроенных индейцев, надлежит действовать следующим образом: найдите несколько сотен деревьев, срубите их и распилите на балки в восемнадцать футов длиной, расщепите их посередине, установите четырехугольниками вплотную одна к другой, плоской стороной внутрь. сколотите их поперечными досками вместе, заострите их верхние концы, устройте бойницы на высоте восьми футов от земли, под бойницами установите леса и подмости, снаружи выройте ров, постройте на противоположных углах бастиионы и на них разместите ваши пушки, навесьте крепкие ворота — и вы постройте пограничный форт!

Это может быть треугольник, или четырехугольник, или любой другой многоугольник, который наилучшим образом будет соответствовать условиям данной местности.

Далее вам нужны помещения для солдат и запасов провианта. Внутри ограды постройте крепкие блокаузы; если угодно, на углах у них тоже возведите бойницы — на тот случай, если наружная ограда будет взята приступом. Когда все это будет закончено, можете считать, что форт готов.

¹ Здесь имеется в виду захват Флориды Соединенными Штатами у Испании (см. примеч. к стр. 66).

Сосны — наилучший строительный материал. Их высокие стволы без ветвей легко срубить и распилить на балки нужной длины. Но во Флориде есть порода деревьев, еще более пригодная для постройки форта, — это тыквенная пальма. Плотная древесина ее не так легко раскалывается от обстрела, и пули попросту застревают в ней. Из таких деревьев и был построен форт Кинг.

Представьте себе подобный укрепленный форт и населите его несколькими сотнями солдат; одни из них в полинялых голубых мундирах с грязными белыми отворотами (пехота), другие — в темно-синих мундирах с красными кантами (артиллерия), третьи — в темно-зеленых мундирах (карабинеры), некоторые облечены в более эффектные мундиры желтых оттенков (драгуны). Представьте себе, как эти неряшливо одетые солдаты слоняются по форту или стоят группами в неуклюжих позах; и лишь у немногих опрятный вид: ремни начищены белой глиной, штюки примкнуты — это часовые на посту. Среди них бродят неряшливо одетые женщины — их жены и прачки, в их числе несколько смуглых скво¹; тут же пронзительно визжат младенцы. Иногда торопливо проходят офицеры, которых легко узнать по темно-синим тужуркам. А рядом джентльмены в штатском — это приезжие или вольнонаемные служащие форта. Далее следует менее благородная публика — маркитанты², торговцы быками, погонщики, мясники, проводники, охотники, игроки или просто бродяги и бездельники. Кое-где мелькают слуги — негры и друженственно настроенные индейцы. Наконец, вы можете натолкнуться на важного правительственного агента... Вообразите, что над всем этим развевается американский флаг — белые звезды на голубом поле, — и перед вами предстанет картина, которую я увидел, когда въехал в ворота форта Кинг.

* * * * *

¹ Скво — вошедшее в английский язык название индейских женщин.

² Маркитанты — продавцы съестных припасов и предметов солдатского обихода, сопровождавшие армию в походе.

За последнее время я отвык от верховой езды, и поездка очень утомила меня. Хотя я и слышал сигнал побудки, но так как еще не приступил к своим служебным обязанностям, то не обратил на него никакого внимания и проспал. Вторично меня разбудили доносившиеся в открытое окно звуки труб и барабанный бой. Я узнал мелодию парадного марша и сразу вскочил с постели. В это время вошел Джек помочь мне одеться.

— Смотрите-ка, масса Джордж! — воскликнул он, показывая на окно. — Кажется, собрались семиналы со всей Флориды! Вуф, сколько их тут!

Я выглянул в окно. Зрелище было живописное и внушительное. Внутри ограды форта со всех сторон сбегались солдаты и строились в роты, готовясь к параду. Теперь все они были аккуратно одеты и в своих наглухо застегнутых мундирах, лихо сдвинутых набок шапках, с начищенными до снежной белизны ремнями, с винтовками, штыками и пуговицами, сверкавшими на солнце, представляли собой великолепное зрелище военной мощи. Среди солдат расхаживали офицеры в роскошных мундирах и блистающих эполетах. Поодаль стоял генерал, окруженный офицерами штаба. Их можно было отличить по черным шляпам с красными и белыми петушиными перьями. Тут же находился и уполномоченный в чине генерала, одетый в полную парадную форму.

Весь этот парад был рассчитан на то, чтобы произвести впечатление на индейцев. Кроме военных, здесь присутствовало и несколько штатских в хороших костюмах. Это были окрестные плантаторы; среди них я увидел Ринггольдов — отца и сына. Но за оградой форта зрелище было куда живописнее.

На обширной равнине, которая простиралась на несколько сот ярдов перед фортом, небольшими группами расположились индейские воины в своем великолепном военном одеянии. Все они были в головных уборах из перьев и украшены татуировкой. Хотя в их военном облачении и чувствовался некий общий стиль, но все они были одеты по-разному. На одних — охотничьи рубашки, штаны и мокасины из оленьей кожи, богато

расшитые бахромой, бусами и блестками. На других — одеяния из пестрого ситца, полосатого или цветного, и суконные штаны — синие, зеленые или красные, застегнутые ниже колена; концы украшенных бусами гетр, вышитых блестками и мишурой, свисали с ног. Вампумы¹ самой яркой расцветки охватывали талии, за них были заткнуты длинные по-жи, томагавки, а у некоторых и пистолеты, сверкавшие богатой серебряной оправой, — все это предметы, доставшиеся индейцам в наследство от испанцев. Иные вместо пояса обмотали испанский шарф из алого шелка, и его обшитые бахромой концы спускались спереди, придавая особое изящество костюму. Не меньшее разнообразие представляли и головные уборы: на некоторых были диадемы из пестрых перьев, на других — похожие на каски шапки из меха черной белки, рыси или енота. При этом морда зверя часто самым фантастическим образом красовалась над лицом индейца. У многих головы были украшены широкими лентами из вышитой ткани, из которых торчали перья грифа или тончайшая паутина журавлиных перьев. Кое-кто из воинов был украшен перьями самой большой птицы Африки — страуса.

Все индейцы были вооружены длинными охотничьими ружьями; у каждого на ремне, перекинута через плечо, висели рог с порохом и патронташ. Лук и стрелы были только у юношей, которые пришли сюда вместе со взрослыми.

Дальше виднелись палатки, раскиданные по опушке леса, — там индейцы разбили свой лагерь. Развешивавшиеся над палатками флаги обозначали различные племена, которым принадлежали эти палатки. Женщины в длинных платьях бродили между палатками, а их темнокожие младенцы возились в траве.

Я увидел индейцев, когда они уже собрались перед оградой форта. Одни стояли небольшими группами и раз-

¹ Вампум — мелкие бусы, вытаскивавшиеся из раковин. Употреблялись в качестве украшения, а также служили вместо монеты в торговых сношениях. Из вампума, переплетая его поперец витями, делали пояса и перевязи.

говаривали, другие переходили от группы к группе и, видимо, советовались. Мне бросилась в глаза горделивая осанка этих людей. Я любовался их свободными и смелыми движениями, столь не похожими на скованную поступь вымуштрованного солдата. Сравнение было явно в пользу индейцев. Когда я смотрел на стоявших плечом к плечу, нога к ноге солдат, как бы застывших в строю, а затем на украшенных перьями индейских воинов, гордо шагавших по своей родной земле, я не мог отделаться от мысли, что мы сумеем победить их только благодаря своему численному превосходству.

Меня подняли бы на смех, если бы я вздумал высказывать подобные мысли. Это противоречило опыту, основанному, впрочем, главным образом на хвастливых легендах о подвигах белых на границе. До сих пор индейцы всегда уступали белым, но разве они уступали потому, что белые превосходили их силой и храбростью? Нет, неравенство заключалось в численности и еще чаще в оружии. В этом таился секрет нашего превосходства. В самом деле, как можно защищаться стрелами, пущенными из лука, от смертоносных пуль, вылетающих из винтовки? Но теперь это неравенство исчезло, теперь у индейцев было огнестрельное оружие, и они владели им так же искусно, как и белые.

Индейцы расположились полукругом перед фортом. Вожди уселись впереди на траву, за ними заняли места младшие вожди и наиболее прославленные воины, а еще дальше рядами стояли все остальные представители племен. Даже женщины и дети подошли поближе, столпились и молча, но со жгучим интересом следили за движениями мужчин.

Индейцы были необычно серьезны и молчаливы. Вообще говоря, это не соответствовало их характеру, так как семинолы любят и посмеяться и поболтать. Даже беззаботные негры вряд ли могут по веселости сравниться с ними. Но теперь они держали себя иначе. Вожди, воины и женщины, даже ребята, забывшие свои игры, — все выглядели необыкновенно торжественно. Да это и понятно: предстояло не обычное собрание, где обсуждались повседневные дела, а совет, на котором решалась

их судьба, решалось то, что было для них дороже всего на свете, — совет, который мог навеки разлучить их с родной землей. Неудивительно, что сегодня они не были такими жизнерадостными, как обычно.

Однако нельзя сказать, что у всех был мрачный вид. Некоторые вожди смотрели на дело иначе и не возражали против переселения. Это были подкупленные и развращенные белыми вожди, изменники своему племени и своей нации. Их оказалось немало, и они представляли собой определенную силу. Некоторых из могущественных вождей удалось уговорить, и они согласились предать права своего народа. Но семинолы подозревали их в измене, поэтому-то и были так озабочены представители противоположной партии. Не будь раскола среди вождей, партия патриотов легко могла бы восторжествовать и добиться решения вопроса в интересах народа. Но теперь патриоты опасались отступничества предателей.

Оркестр заиграл марш, и войска парадным строем прошли через ворота. Я быстро надел мундир и поспешил присоединиться к штабу генерала. Через несколько минут мы уже стояли лицом к лицу с вождями индейцев. Войска построились. Впереди них около знамени стоял генерал, а рядом с ним — правительственный агент. Далее толпились офицеры штаба, письмоводители, переводчики, а также некоторые плантаторы покрупнее. Тут же были оба Ринггольда. Их из любезности пригласили принять участие в совете.

Офицеры обменялись рукопожатием с вождями, трубка мира обошла все ряды, и наконец совет был торжественно объявлен открытым.

Глава XXVII

СОВЕТ

Первым выступил с речью правительственный агент. Она была слишком длинна, чтобы приводить ее во всех подробностях. Прежде всего он призывал индейцев

мирно подчиниться условиям Оклавахского договора, уступить белым свои земли во Флориде, переселиться на Запад, в Арканзас, в местность, отведенную им на Уайт Ривер, — одним словом, согласиться на все требования, которые он предъявлял индейцам по поручению правительства. Он прилагал все усилия, убеждая индейцев в том, что переселение принесет им только пользу, расписывал их новое местожительство, как настоящий земной рай: в прериях полно дичи, там водятся лоси, антилопы и буйволы, там реки, изобилующие рыбой, прозрачные, как хрусталь, источники, вечно безоблачное небо!

Если бы семинолы поверили ему, то могли и вправду вообразить, что те благословенные места для охоты, которые, по их религиозным представлениям, находятся на небе, в действительности можно найти и на земле.

Затем он указал индейцам на те последствия, какие повлечет их отказ: белые быстро заселят все пограничные зоны, худшие из них будут вторгаться во владения индейцев. Начнутся стычки, и польется кровь. Краснокожие будут отвечать перед судом белых людей, где, согласно закону, клятва индейца не признается, и поэтому им придется терпеть всякие несправедливости.

Таковы были соображения господина правительственного агента Уайли Томпсона, изложенные им на совете в форте Кинг в апреле 1835 года ¹. Я приведу его подлинные слова, их стоит процитировать как образец «честной» и «прямой» политики белых по отношению к индейцам. Вот что он сказал:

— Допустим невозможное, а именно, что вам будет разрешено остаться здесь еще на несколько лет. В какое положение вы попадете? Земля будет вскоре размежевана, продана и заселена белыми. Уже теперь туда посланы землемеры. Вскоре вы подпадете под власть правительственных законов. Ваши законы будут отменены, ваши вожди перестанут быть вождями. Нехорошие белые люди будут предъявлять к вам денежные иски и свои права на ваших негров, и дело может дойти

¹ Соответствует историческим фактам. (Примеч. автора.)

даже до обвинений в убийстве. Вам придется предстать перед судом белых людей. Судебные процессы будут решаться по законам белых. Свидетелями против вас будут выступать белые. А индейцам не будет разрешено выступать в качестве свидетелей. Через несколько лет вы начнете бедствовать и окажетесь в безвыходном положении. Вы будете доведены до ужасающей нищеты. А когда голод заставит вас выпрашивать корку хлеба — может быть, у того, кто разорил вас, — вас обзовут «индейским псом» и выгонят, вышвырнут вон. Вот почему ваш Великий Отец (!), чтобы спасти вас от всех этих страшных бедствий, желает вашего переселения на Запад!..

И такого рода речи произносились вскоре после договора, заключенного в форте Моултри, который гарантировал семинолам их право оставаться во Флориде! Третья статья этого договора гласила: «Соединенные Штаты возьмут флоридских индейцев под свою защиту и покровительство и будут ограждать их от любых посягательств любых лиц».

О tempora! О mores! ¹

Вся речь представляла собой смесь запутанных ухищрений и скрытых угроз, высказанных то просительным тоном, то высокомерно и дерзко. Это никоим образом не было умно — и в том и в другом случае агент хватал через край.

Сам он не питал вражды к семинолам. Он негодовал только на тех вождей, которые уже высказались против его планов. Одного из них он просто ненавидел. Но главной целью, которая вдохновляла его, было желание как можно лучше выполнить поручение, возложенное на него правительством, и таким способом завоевать себе авторитет и славу опытного дипломата. На этот алтарь он был готов, как и большинство других государственных чиновников, принести в жертву свою личную независимость, свободу убеждений и честь. Дело не в том, чтобы обязательно служить королю. Поставьте вместо «короля» слово «конгресс», и вот перед вами девуз нашего агента!

¹ О времена! О нравы! (лат.)

Хотя его речь не отличалась особой глубиной, но все-таки она произвела некоторый эффект и оказала влияние на слабых и колеблющихся. Условия жизни на новых землях показались им заманчивыми, особенно по сравнению с устрашающей перспективой, которая предстояла им здесь, так что картина, нарисованная агентом, на некоторых произвела впечатление.

Когда раздался призыв к войне, семинолы посеяли очень мало зерна, пропустив удобное для сева время. Значит, не будет хорошего урожая — не будет ни маиса, ни риса, ни батата. И последствия подобной небрежности начинали сказываться. Уже теперь семинолы собирали корни китайского шиповника¹ и желуди. А что же будет зимой? Неудивительно, что многие были озабочены; на их лицах я заметил страх. Даже вожди-патриоты как будто опасались за исход совета.

Однако они не теряли присутствия духа. После короткой паузы слово взял Хойтл-мэтти, один из самых решительных противников переселения. У индейцев в таких случаях не соблюдается никакой очередности выступлений по старшинству. У каждого племени есть свои признанные ораторы, которым обычно позволено выразить мысли и чувства всех остальных. Здесь находился и верховный вождь Онопа. Он сидел в центре круга, и на голове его красовалась британская корона — память об американской революции². Но Онопа не был красноречив и отказался от своего права, предоставив говорить своему зятю Хойтл-мэтти, который считался не только мудрым советником и храбрым воином, но и славился как лучший оратор среди семинолов. Он был

¹ Из корней китайского шиповника семинолы готовят «конте» — нечто вроде желе, вкусное и питательное блюдо. (Примеч. автора.)

² Американская революция — война за независимость английских колоний в Северной Америке в 1775—1783 годах, закончившаяся подписанием 3 сентября 1783 года мирного договора, по которому Англия признала независимость Соединенных Штатов. Во время войны за независимость часть индейцев соблюдала нейтралитет, часть выступала на стороне восставших, но большинство сражалось на стороне англичан.

«премьер-министром» у Онопы, а заимствуя сравнение из античной эпохи, его можно было бы назвать Одиссеем¹ своего народа. Это был высокий, худощавый смуглый человек с резкими, орлиными чертами и несколько зловеющим выражением лица.

Он происходил не из племени семинолов и сам считал себя потомком одного из тех древних племен, которые населяли Флориду еще в раннюю эпоху испанского владычества. Возможно, что он принадлежал к племени ямасси; его смуглая кожа вполне подтверждала такое предположение.

Об ораторском таланте Хойтл-мэтти можно судить по его речи. Он заявил:

— Договор в Моултри установил, что мы будем мирно жить на земле, которая признана нашей собственностью двадцать лет назад. Все спорные вопросы были улажены, и нас уверили, что мы будем умирать естественной смертью, а не от насилия, чинимого белыми людьми. Не молния должна расколоть и погубить дерево, а холод старости должен высушить в нем жизненные соки, и тогда листья увянут и облетят, а ветки отпадут от мертвого, полусгнившего ствола.

Совет в Оклавахе послал наших выборных затем, чтобы только *посмотреть* землю, куда нас хотят переселить, и потом рассказать о ней народу. Мы дали согласие и прошли по этой земле. Она приносит ароматные и вкусные плоды и воздух в ней здоровый, но она окружена злыми и враждебными соседями, а плоды плохого соседства — это война и пожары. Кровь оскверняет землю, а огонь иссушает источники. Индейцы из племени поуни украли у нас несколько лошадей, и нашим всадникам пришлось тащить свои выюки на спине. Вы хотите поселить нас среди плохих индейцев, которые никогда не дадут нам покоя.

Когда мы осмотрели земли, мы ничего не сказали,

¹ Одиссей (Улисс) — герой древнегреческого эпоса, мифический царь острова Итака, участник похода греков на Трою. В «Одиссее» Гомера описаны приключения Одиссея на его пути на родину после Троянской войны. Одиссей прославился своей отвагой, умом и особенно хитростью.

но агенты Соединенных Штатов заставили нас подписать бумагу, и теперь вы говорите, что в ней выражено наше желание переселиться! А мы только заявили, что земля правится нам, но решить должен народ. На большее мы не были уполномочены.

Ваша речь прекрасна, но мой народ не может сейчас сказать, что он будет переселяться. Одни думают так, а другие иначе, и надо дать людям время, чтобы поразмыслить. Наш народ не может уйти, он не хочет уходить! Если их уста говорят «да», то их сердца восклицают «нет» и называют их лжецами. Нам не нужно чужих земель. Зачем они нам? Мы любим нашу родную землю, мы счастливы здесь! Если мы внезапно оторвем наши сердца от земли, с которой мы сроднились, то оборвутся струны нашего сердца. Мы не можем согласиться на переселение, мы не уйдем!

После Хойтл-мэтти выступил один из вождей партии, стоявшей за переселение. Это был Оматла, один из самых могущественных вождей племени, которого подозревали в том, что он вступил в тайный союз с агентом. Речь его носила умиротворительный характер, и он советовал своим краснокожим братьям не чинить никаких препятствий, а поступить честно и согласиться с условиями Оклавахского договора.

Было ясно, что этот вождь находился под чужим влиянием. Вместе с тем он, видимо, боялся открыто стать на сторону правительственного агента, опасаясь мести патриотов. Когда он встал и начал говорить, воины-патриоты смотрели на него неодобрительно, а их вожди — Арпиуки, Коа-хаджо и другие — часто прерывали его. В том же духе, но более смело говорил Луста Хаджо (Черная Глина). Он привел мало новых доводов в своей необычайно дерзкой речи, но несколько ободрил партию изменников и успокоил агента, который уже начал проявлять нетерпение и волноваться.

Вслед за ним поднялся Холата-мико, индеец с мягкими манерами джентльмена, один из самых уважаемых вождей. Он был нездоров, и поэтому его речь, против ожидания, носила более мирный характер — ведь он слыл решительным противником переселения.

— Мы собрались сюда сегодня, чтобы посоветоваться друг с другом, — сказал он. — Все мы сотворены Великим Духом, все мы его дети, все произошли от одной матери и вскормлены одной и той же грудью. Значит, мы все братья, а братья не должны враждовать между собой и проливать кровь друг друга. Если кровь одного из нас прольется на землю от удара его брата, то окровавленная земля будет громко взывать о мщении и на нас падет гнев Великого Духа. Я болен. Пусть друзья, кто крепче меня, выскажут свои мысли.

Затем один за другим поднялись несколько вождей и высказали свое мнение. Сторонники переселения говорили в таком же духе, как Оматла и Черная Глина. Это были Охала (Большой Воин), братья Итолассе, Чарльз Оматла и еще несколько менее значительных вождей.

В противовес им выступили патриоты: Акола, Яха Хаджо (Безумный Волк), Эха Матта (Водяная Змея), Пошалла (Карлик) и негр Абрам. Последний когда-то бежал из Пенсаколы, а теперь был вождем негров, живших с племенем микосоки, и одним из советников Онопы, на которого он имел неограниченное влияние. Он свободно говорил по-английски и на совете, как и на совещании в Оклавахе, выступал главным переводчиком с индейской стороны. Он был чистокровным негром. Об этом свидетельствовали толстые губы, выдающиеся скулы и другие физические особенности, присущие его расе. Он был храбр, хладнокровен и проницателен и оказался до конца верным другом народа, который удостоил его своим доверием. Он говорил сдержанно и скромно, но тем не менее проявил твердую решимость сказать сопротивление планам агента.

Главный вождь пока еще не высказался, и наконец агент обратился к нему.

Онопа, грузный мужчина высокого роста, казалось, не блистал особым умом, но при этом и не был лишен чувства собственного достоинства. Он не отличался ораторским талантом и хотя был главным «мико» народа, однако пользовался меньшим влиянием среди воинов, чем некоторые младшие вожди. Его мнение поэтому никоим образом не могло рассматриваться как

решающее или обязывающее остальных, но, именуясь «мико-мико» (вождем вождей) и будучи, по существу, главой крупнейшего племени микосоки, он все-таки мог перетянуть чашу весов на ту или другую сторону. Если бы он высказался за переселение, патриоты могли бы считать свое дело проигранным.

Все затаили дыхание. И белые и краснокожие устремили взгляды на главного вождя. Образ мыслей его был известен очень немногим, и большинство не знали, какое мнение он выскажет. Поэтому понятно, с какой тревогой все ожидали его речи.

Но в этот критический момент среди воинов, стоявших за Онопой, началось какое-то движение, и они раступились, дав дорогу новому вождю, по-видимому пользовавшемуся большим уважением.

Через минуту он оказался впереди. Это был молодой воин в богато украшенном одеянии и с благородными чертами лица. Он носил отличительные знаки вождя. Но и без них, по одному виду его, чувствовалось, что он рожден для того, чтобы вести за собой людей.

Он был в богатой, но не яркой и не пестрой одежде. Рубашка, схваченная у талии разноцветным поясом ватпум, ниспадала красивыми складками, а стройные ноги были обтянуты гетрами из красного сукна. Он был прекрасно сложен, его фигура казалась удивительно пропорциональной. На голове у него была пестрая повязка с тремя черными страусовыми перьями, спускавшимися почти до плеч. На шее висели различные украшения. Одно из них привлекало особое внимание: круглая золотая пластинка, висевшая у него на груди. На пластинке были выгравированы лучи, радиусами идущие из одного центра. Это было изображение восходящего солнца.

Лицо его было раскрашено красной краской, но, несмотря на это, все черты выступали совершенно отчетливо: красиво очерченный рот и подбородок, тонкие губы, нижняя часть лица, свидетельствующая о твердости характера, орлиный нос, высокий широкий лоб и глаза, как у орла, способные смотреть, не жмурясь, на ослепительное солнце.

Словно электрический ток пронизал всех, когда появился этот замечательный человек. Так бывает в театре, когда на сцене появляется трагический актер, выхода которого все ожидали с нетерпением.

Сам молодой вождь держался очень скромно. Не по его манерам, а по волнению других я решил, что вижу настоящего героя.

Действующие лица, которые выступали до сих пор, оказались лишь второстепенными актерами. А этот молодой вождь и был тот, кого ожидали все семинолы!

По рядам индейцев прошло движение, пронесся шепот, затем гул голосов; толпа вздрогнула в едином порыве, и затем одновременно, как бы вырвавшись из одной груди, прозвучало имя: «Оцеола!»

Глава XXVIII ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Да, это был Оцеола, что означает на языке семинолов «Восходящее Солнце», тот самый Оцеола, слава которого достигла самых отдаленных уголков страны, тот самый Оцеола, который возбуждал такое жгучее любопытство и у нас в училище, и на улицах городов, и в аристократических салонах. Это он так внезапно появился в кругу вождей.

Скажем несколько слов об этом необыкновенном юноше.

Сначала он был простым воином, потом — младшим вождем, почти не имея приверженцев, и вдруг, как бы по волшебству, приобрел доверие целого народа. Теперь патриоты возлагали на него все свои надежды. Его мужество воодушевляло их, и его влияние с каждым днем возрастало. Как нельзя лучше подходило к нему и его имя. Можно было бы подумать, что он избрал его умышленно, а не случайно, если бы это не было его настоящим именем. В нем было нечто пророческое, символическое, ибо сейчас он действительно был «восходящим солнцем» для семинолов.

Оцеола стоял позади короля и шептал ему что-то.

Чувствовалось, что Оцеола произвел большое впечатление на воинов. Вероятно, он уже был здесь давно, но до сих пор не выходил в первые ряды вождей. Робкие и колеблющиеся с его приходом ободрились и вздохнули свободнее, а вожди-изменники съежились от страха под его взором. Я заметил, что братья Оматла и даже свирепый Луста Хаджо поглядывали на него с нескрываемой тревогой.

Приход Оцеолы поразил не только индейцев, но и еще кое-кого. Со своего места я видел лицо агента. Он побледнел и смутился. Было ясно, что появление Восходящего Солнца его совсем не устраивало. Я стоял рядом с генералом Клинчем и не мог не услышать того, что агент торопливо шептал генералу.

— Вот не повезло! — говорил он раздраженным тоном. — Если бы не он, мы безусловно одержали бы победу! Я надеялся прибрать их к рукам до его прихода. Нарочно сказал ему не тот час — так вот не помогло же! Черт бы его побрал! Теперь он испортит нам все дело... Вот он нашептывает что-то Онопе, а старый дурень устоялся на него, как ребенок... Ба, теперь он и будет повиноваться ему во всем, словно младенец! Да он и есть не что иное, как взрослое дитя. Теперь все кончено, генерал! Нам не избежать войны!

Услышав этот разговор, я еще раз внимательно взглянул на Оцеолу. Он стоял позади Онопы, слегка нагнувшись к нему, и я слышал, как он шептал ему что-то на своем родном языке. Только переводчики могли бы понять, что он говорил, но они стояли слишком далеко, чтобы разобрать его слова. По серьезному и изволнованному виду Оцеолы, по гневным взглядам, которые он бросал на агента, можно было понять, что он отнюдь не намерен уступать и то же самое советует своему вождю.

На несколько секунд водворилась тишина. Только шепот агента, с одной стороны, и шепот Оцеолы — с другой, нарушали ее. Но скоро оба умолкли. Наступила минута напряженного ожидания. Решение Онопы было важно для всех, от этого решения зависели мир или война, жизнь или смерть. Даже солдаты в строю, при-

слушиваясь, вытянули шею. Индейские мальчики и женщины с младенцами на руках толпились за кругом воинов. Чувствовалось, что они с большой тревогой ожидают решения главного вождя.

Агент начал терять терпение, его лицо побагровело. Я видел, что он взволнован и сердит, хотя всеми силами старается сохранить спокойствие. Он делал вид, будто не замечает Оцеолу, хотя не было сомнений, что в этот момент он только о нем и думает. Продолжая беседовать с генералом, он искоса поглядывал на молодого вождя.

Это продолжалось недолго. Агент окончательно потерял терпение и обратился к переводчику:

— Скажите Онопе, что совет ждет его решения.

Переводчик выполнил приказание.

— Скажу только одно, — ответил молчаливый вождь вождей, не соизволив даже подняться с места. — Я доволен местом, где живу, и не покину родные края.

В ответ на это заявление раздался взрыв одобрительных восклицаний со стороны патриотов. Быть может, это была самая зажигательная речь, когда-либо произнесенная старым Онопой. С этой минуты он действительно стал королем и мог неограниченно повелевать своим народом.

Я взглянул на вождей. Улыбка осветила мягкие черты Холата-мико, угрюмое лицо Хойтл-мэтти сияло радостью, Аллигатор, Облако и Арпиуки пришли в неистовый восторг, и даже толстые губы негра Абрама поднялись над деснами, открыв двойной ряд белых, как слоновая кость, зубов в торжествующей усмешке. Братья Оматла и их партия стали чернее ночи. Мрачные взоры выдавали их недовольство, было очевидно, что все они сильно встревожились. И не без основания: до сих пор их только подозревали в измене, теперь же их предательство стало очевидно. Счастье их, что форт Кинг находился рядом, что все это произошло на глазах вооруженных солдат. Американские штыки могли понадобиться изменникам для защиты от разгневанного народа!

Агент окончательно вышел из себя. Он утратил вся-

кое достоинство официального представителя и разразился яростными восклицаниями, угрозами и язвительными насмешками. Он называл вождей по именам и обвинял их во лжи и коварстве. Онопу он обвинял в том, что тот подписал Оклавахский договор. Когда же Онопа стал отрицать это, агент заявил, что он лжет. Даже дикарь не счел нужным отвечать на столь грубое обвинение, а отнесся к нему с молчаливым презрением. Излив изрядное количество желчи на многих вождей, агент обратился к одному из воинов, стоявших впереди, и пронзительно, яростно заорал:

— Это все вы натворили, *вы*, Пауэлл!

Я вздрогнул и огляделся кругом, чтобы узнать, к кому относились эти слова, кого агент назвал этим именем.

Взгляд и жест агента помогли мне. Угрожающе вытянув руку, он указывал на молодого вождя Оцеолу. Меня как будто осенило. Смутные воспоминания уже всплывали в моем сознании. Мне показалось, что через слой ярко-красной краски я различил черты, которые видел когда-то раньше.

Теперь я припомнил все. В молодом индейце-герое я узнал друга детства, спасителя сестры, брата Маюми!

Глава XXIX

УЛЬТИМАТУМ

Да, Пауэлл и Оцеола — это одно и то же лицо. Как и следовало ожидать, мальчик превратился в цветущего мужчину, в героя! Под влиянием нахлынувших чувств — дружбы в прошлом и восхищения в настоящем — я готов был броситься к нему в объятия, но удержался, сознавая, что сейчас не место и не время для излияния дружеских чувств. Этикет и чувство долга не позволяли сделать это. Я изо всех сил старался не показать вида и сохранить хладнокровие, хотя не мог оторвать глаз от того, кем восхищался теперь еще больше.

Размышлять было некогда. Тишина, наступившая после окрика агента, была нарушена, и нарушил ее сам Оцеола. Видя, что все взгляды устремлены на него, молодой вождь выступил шага на два вперед и встал перед агентом. Испытующий взор его был не суров, но тверд.

— Вы, кажется, обратились ко мне? — спросил он тоном, в котором не чувствовалось ни волнения, ни гнева.

— А к кому же еще? — резко возразил агент. — Я назвал вас по имени — Пауэлл.

— Но меня зовут *не* Пауэлл.

— Как — не Пауэлл?

— Нет! — ответил индеец, возвышая голос и вызывающе глядя на агента. — Вы можете называть меня Пауэллом, если вам это нравится, *вы*, генерал Уайли Томпсон, — продолжал он, медленно и с насмешкой произнося полное военное звание агента. — Но знайте, сэр, что я презираю имя, данное мне белыми. Я — сын своей матери ¹, и мое имя Оцеола.

Агенту потребовалось большое усилие воли, чтобы сдержать свою ярость. Насмешка над его плебейской фамилией задела его за живое: Оцеола достаточно хорошо знал английский язык, чтобы понять, что «Томпсон» имя отнюдь не аристократическое. Его сарказм попал прямо в цель.

Агент был настолько взбешен, что, будь это в его власти, он приказал бы тут же на месте казнить Оцеолу. Но такой властью он не обладал. Кроме того, рядом стояли триста вооруженных индейцев — целый отряд, и каждый из них держал в руках винтовку. Агент понимал, что американское правительство не очень-то похвалит его за такую неуместную раздражительность. Даже Ринггольды — хотя они и были его близкими друзьями и советчиками и лелеяли в глубине души злобные планы погубить Восходящее Солнце — оказались достаточно разумными для того, чтобы не поощрять подобного

¹ Ребенок разделяет судьбу своей матери. Этот обычай существует не только у семинолов, но вообще у всех американских индейцев. (*Примеч. автора.*)

образа действий. Не отвечая Оцеоле, Томпсон снова обратился к вождям.

— Хватит разговоров! — сказал он тоном начальника, умиряющего подчиненных. — Мы уже достаточно все обсудили. Вы рассуждаете, как дети или как глупцы. Я больше не желаю вас слушать! А теперь узнайте, что говорит ваш Великий Отец и что он поручил мне передать вам. Он велел положить перед вами эту бумагу. — Тут агент вынул свернутый в трубку пергамент и развернул его. — Это Оклавахский договор. Многие из вас уже подписали его. Я прошу их подойти сюда и снова подтвердить свою подпись.

— Я не подписывал договора и не подпишу его! — заявил Онопа, которого незаметно подтолкнул Оцеола, стоявший позади. — Пусть другие делают как хотят. Я не оставляю своего дома! Я не уйду из Флориды!

— И я не уйду! — решительно заявил Хойтл-мэти. — У меня пятьдесят бочонков пороха. Пока в них останется хоть одна не вспыхнувшая пламенем крупинка, я не расстанусь со своей родной землей!

— Он высказал и мое мнение! — промолвил Холата.

— И мое! — воскликнул Арпиуки.

— И мое! — откликнулись Пошалла, Коа-хаджо, Облако и негр Абрам.

Говорили одни патриоты; изменники не сказали ни слова. Подписать договор еще раз было бы для них слишком тяжким испытанием. Они не смели подтвердить то, на что дали свое согласие в Оклавахе, и теперь, когда здесь находились все семинолы, боялись защищать договор. И они молчали.

— Довольно! — воскликнул Оцеола. Он еще не высказал своего мнения, но его речь ожидалась всеми. Взоры всех устремились на него. — Вожди сказали, что они думают, они не хотят подписать договор! Они разразили волю всей нации, и народ поддерживает их. Агент назвал нас детьми и глупцами. Ругаться не так уж трудно. Мы знаем, что среди нас есть и глупцы и дети. А что еще хуже: среди нас есть *изменники*! Но зато есть и мужчины, которые по своей храбрости и преданности не уступают самому агенту. Он больше не хо-

чет говорить с нами — пусть будет так! Да и нам нечего больше сказать ему, он уже получил наш ответ. Он может оставаться или уходить... Братья! — продолжал Оцеола, повернувшись к вождям и воинам и как бы не обращая внимания на белых. — Вы поступили правильно. Вы высказали волю нации, и народ одобряет это. Это ложь, что мы хотим оставить нашу родину и уйти на Запад! Те, кто говорит так, — обманщики! Они повторяют чужие слова. Мы вовсе не стремимся в ту *обетованную* землю, куда нас собираются отправить. Она далеко не так прекрасна, как наша земля. Это дикая, бесплодная пустыня. Летом там пересыхают ручьи, трудно найти воду, и охотники умирают от жажды. Зимой листья опадают с деревьев, снег покрывает землю, и она промерзает насквозь. Холод пронизывает тела людей — они дрожат и погибают в страданиях. В этой стране вся земля как будто мертвая. Братья! Мы не хотим жить на этой ледяной земле, мы любим нашу родину. Когда нас опалает зноем, мы находим прохладу в тени дуба, высокого лавра или благородной пальмы. Неужели мы покинем страну пальм? Нет! Мы жили под защитой ее тени, под ее тенью мы и умрем!

С первой минуты появления Оцеолы и до этих заключительных слов волнение среди слушателей все возрастало. Действительно, вся сцена производила такое сильное впечатление, что трудно передать его словами. Только художник мог бы воспроизвести эту картину.

Поистине это было волнующее зрелище: взбешенный агент, с одной стороны, и спокойные вожди — с другой. Это был яркий контраст чувств. Женщины предоставили своим голым младенцам прыгать на траве и забавляться цветами, а сами вместе с воинами столпились вокруг совета, прислушиваясь с напряженным, хотя и скрытым, интересом. Они ловили каждый взгляд, каждое слово Оцеолы. Он смотрел на них спокойно и серьезно — мужественный, гибкий, статный воин. Его тонкие, крепко сжатые губы свидетельствовали о непреклонной решимости. Его осанка была уверенной и благородной, но не надменной. Держался он спокойно и с достоинством. Говорил он кратко и выразительно и,

окончив речь, стоял в молчаливом спокойствии, высоко подняв голову и сложив руки на груди. Но он сразу загорался, как от удара электрического тока, когда агент высказывал какую-нибудь мысль, которую Оцеола считал лживой или сознательно извращающей правду. В такие моменты словно молния сверкала в его гневном взоре, презрительная улыбка кривила губы, он яростно топал ногой, жестикулировал, сжимал кулаки. Грудь его тяжело вздымалась, словно бурные волны океана, когда бушует ураган. А затем он снова погружался в меланхолическое безмолвие и застывал в той позе спокойствия и безмятежности, которую античные скульпторы любили придавать богам и героям Греции.

После речи Оцеолы положение стало критическим. Терпение агента истощилось. Пришло время предъявить ультиматум, на который его уполномочил президент. Не смягчая своего грубого тона, он перешел к угрозам:

— Вы не хотите подписать договор, вы не желаете уйти? Прекрасно! В таком случае, я заявляю, что вы *должны* будете уйти! Иначе вам будет объявлена война! На вашу землю вторгнутся войска! Штыки заставят вас покинуть ее!

— Вот как! — воскликнул Оцеола с презрительным смехом. — Тогда пусть будет по-вашему. Пусть нам объявят войну! Мы любим мир, но не боимся войны! Мы знаем, что вы сильны, что вы превосходите нас численностью на целые миллионы! Но даже будь вас еще больше, вы все равно не заставите нас примириться с несправедливостью. Мы решили лучше умереть, чем вынести этот позор! Пусть нам будет объявлена война! Пошлите свои войска в нашу страну, но не думайте, что вам удастся вытеснить нас отсюда так легко, как вы воображаете. Против ваших винтовок у нас есть ружья, от ваших штыков мы будем защищаться томагавками, вашим накрахмаленным солдатам придется лицом к лицу встретиться с воинами семинолов! Пусть будет объявлена война! Мы готовы к ее бурям! Град сбивает со стеблей цветы, а крепкий дуб поднимает свою крону к небу, навстречу буре, несокрушимый и неодолимый!

При этих пламенных словах из груди пидейцев вырвался крик, в нем ясно чувствовался вызов. Совет пришел в смятение — все было на грани катастрофы. Некоторые вожди, возбужденные призывом Оцеолы, вскочили и стояли опустив глаза, гневно и угрожающе подняв руки.

Офицеры заняли свои места и тихо отдали солдатам приказ приготовиться. Между тем видно было, как артиллеристы встали у орудий и на бастионах уже показался голубой дымок зажженных фитилей.

Однако подлинной опасности еще не было. Ни та, ни другая сторона не приготовилась к вооруженному столкновению. Индейцы явились на совет без враждебных намерений, иначе они оставили бы дома жен и детей. Пока семьи были с ними, они не напали бы на белых, а белые не решились бы напасть первые без серьезного повода. То, что происходило сейчас, было лишь результатом мгновенно вспыхнувшего волнения, которое, однако, быстро улеглось, и вновь наступило спокойствие.

Агент сделал все, что было в его силах, но ни угрозы, ни лести не оказали никакого воздействия. Он видел, что планы его рушились.

Но не все еще было потеряно. Нашлись умные головы, которые понимали это: то были проникательный, старый воин Клинч и хитрые Ринггольды. Они подошли к агенту и посоветовали ему прибегнуть к иной тактике.

— Дайте индейцам время подумать, — предложили они. — Назначьте еще одно совещание на завтра. Пусть вожди тайно соберутся и обсудят все дела между собой, а не так, как сейчас, в присутствии всего племени. После более спокойного обсуждения они, не опасаясь воинов, может быть, и примут иное решение. Особенно теперь, когда они знают, что их ждет.

— А может быть, — добавил Аренс Ринггольд, который, при всех своих отрицательных качествах, обладал способностями ловкого дипломата, — враждебные нам вожди и не останутся на завтрашнее совещание. Но вам ведь и не нужны *все* подписи!

— Правильно, — сказал агент, ухватившись за эту мысль. — Правильно. Так и следует поступить.

После этого краткого заключения он снова обратился к совету вождей.

— Братья! — заговорил он прежним льстивым тоном. — Ибо, как сказал храбрый Холата, все мы братья. Зачем же нам ссориться и расставаться врагами? Ваш Великий Отец огорчится, узнав, что мы так расстались. Я вовсе не хочу, чтобы вы поспешно решали этот важнейший вопрос. Вернитесь в свои палатки, соберите собственный совет и обсудите дело между собой, свободно и дружелюбно. Давайте снова встретимся завтра — один лишний день для обеих сторон ничего не значит. Тогда вы мне и сообщите ваше решение, а пока мы останемся друзьями и братьями!

На это предложение некоторые из вождей ответили, что это «хорошие слова» и что они согласны. Затем все начали расходиться. Однако я заметил, что единоподушие у них не было. Согласились главным образом вожди из партии Оматлы. Патриоты же во всеуслышание заявляли, что они уйдут и больше не вернутся.

Глава XXX

РАЗГОВОР ЗА СТОЛОМ

За офицерским столом во время обеда я узнал много нового. Когда льется вино, языки развязываются, а под влиянием шампанского самый благоразумный человек превращается в болтуна.

Агент не скрывал ни собственных планов, ни намерений президента. Впрочем, большинство уже догадывались о них.

Неудачи сегодняшнего дня несколько омрачали его настроение. Больше всего агента огорчала мысль, что померкнет его слава дипломата. Прослыть искусным дипломатом — вот чего страстно домогаются все агенты правительства Соединенных Штатов! Кроме того, агент был уязвлен пренебрежительным отношением к нему

Оцеолы и других вождей. Ибо хладнокровные, сдержанные индейцы презирают вспыльчивых и необдуманно действующих людей, а он как раз и проявил эти качества на сегодняшнем совете и дал индейцам повод презирать его за эту слабость. Он чувствовал себя побежденным, униженным, и в груди у него кипела ненависть ко всем краснокожим. Но он льстил себя надеждой, что завтра заставит их почувствовать силу своего гнева. Он покажет им, что может быть твердым и смелым даже в порыве ярости. Все это он заявил нам хвастливым тоном, когда вино подняло его настроение и он развеселился.

Что касается офицеров, то они мало интересовались подробностями этого дела и почти не принимали участия в обсуждении. В своих догадках они касались только возможности вооруженного столкновения. Будет или не будет война? Этот вопрос вызывал жгучий интерес у рыцарей меча. Я слышал, как многие хвалились нашим превосходством, пытаясь при этом умалить мужество и храбрость своего будущего противника. Им возражали ветераны войн с индейцами, но их было мало за нашим столом.

Нечего и говорить, что предметом оживленных споров являлся и сам Оцеола. Мнения, высказанные о молодом вожде, были столь же противоположны, как порок и добродетель. Некоторые называли его «благородным дикарем», но большинство держались другого взгляда, что меня удивило. Слышались такие эпитеты, как: «пьяный дикарь», «вор», «обманщик».

Я рассердился, ибо не мог поверить этим обвинениям. Тем более что многие из тех, кто обвинял Оцеолу, сравнительно недавно прибыли в наши края. Они-то уж, во всяком случае, не могли знать прошлое человека, которого так чернили.

Рипггольды, конечно, присоединились к клеветникам. Они хорошо знали молодого вождя, но я понял их тайные побуждения. Я чувствовал, что должен сказать что-нибудь в защиту того, о ком шел разговор, по двум причинам: во-первых, его здесь не было, а во-вторых, он спас мне жизнь. Несмотря на то что за столом собра-

лось высокопоставленное общество, я не в силах был промолчать.

— Господа! — начал я достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие. — Есть ли у вас какие-нибудь доказательства, которые подтвердили бы справедливость ваших обвинений против Оцеолы?

Наступило неловкое молчание. Доказать, что Оцеола занимался пьянством, кражей скота и обманом, никто не мог.

— Ага! — наконец воскликнул Аренс Ринггольд своим резким, скрипучим голосом. — Значит, вы, лейтенант Рэндольф, защищаете его?

— Пока вы не приведете мне более веских доказательств, чем голословное утверждение, что он недостоин защиты, я буду стоять за него.

— Их нетрудно найти! — крикнул один из офицеров. — Всем известно, что он занимается кражей скота.

— Вы заблуждаетесь, — возразил я самоуверенному оратору. — Мне, например, об этом ничего не известно. А вам?

— Да нет, я лично, признаюсь, тоже этого не наблюдал, — ответил офицер, несколько сконфуженный моим внезапным допросом.

— Если уж речь зашла о краже скота, господа, то я могу рассказать вам забавный случай, имеющий непосредственное отношение к теме нашего разговора. Если разрешите, я расскажу вам.

— О, конечно, безусловно мы готовы послушать!

Я кратко изложил эпизод с кражей скота адвоката Грабба, опустив, конечно, все имена.

Мой рассказ вызвал некоторую сенсацию. Я видел, что он произвел впечатление на генерала; агент же был явно раздражен. Я чувствовал, что его гораздо больше устроило бы, если бы я держал язык за зубами.

Самое большое впечатление мой рассказ произвел на Ринггольдов — отца и сына. Оба побледнели и встревожились. Кроме меня, пожалуй, никто не заметил этого, но мне стало ясно, что они знают больше, чем я.

Затем все начали говорить о том, сколько беглых негров может скрываться между индейцами и может ли

их помощь оказаться существенной в случае вооруженного столкновения. Это был серьезный вопрос. Все знали, что в резервации обосновалось много негров и мулатов: одни в качестве земледельцев, другие в качестве скотоводов. Немало их бродило по саваннам и лесам с винтовкой в руке, целиком отдавшись настоящей жизни вольного индейского охотника. Были высказаны различные мнения: одни предполагали, что их наберется около пятисот человек, а другие считали, что не меньше тысячи. Негры все до единого человека будут против нас — с этим все согласились единодушно. Здесь не могло быть двух мнений!

Некоторые считали, что негры будут драться плохо, другие — что храбро. Последнее предположение было гораздо ближе к истине. Все соглашались, что негры окажут большую помощь противнику и доставят нам уйму хлопот. А некоторые даже утверждали, что мы должны больше опасаться «беглецов» черных, чем красных. Это был своеобразный каламбур¹.

Не могло быть сомнения, что в предстоящей борьбе негры возьмутся за оружие и что они будут решительно действовать против нас. Знание «обычаев» белых делало их опасными противниками. Кроме того, негры не трусы, им часто представлялся случай доказать свою храбрость. Поставьте негра лицом к лицу с настоящим врагом — из плоти, кости и крови, вооруженным винтовкой и штыком, — и он не будет увиливать от опасности. Другое дело, если враг бестелесный и принадлежит к миру злого бога Обеа. В душе необразованных детей Африки очень сильны суеверия. Они живут в мире призраков, вампиров и домовых, и их ужас перед этими сверхъестественными существами есть подлинная трусость.

Во время этого разговора о неграх я не мог не обратить внимание на то озлобление, которое проявляли мои

¹ Семинолы принадлежали сначала к огромному племени мускоги (крики). Отделившись от них по неизвестным причинам, семинолы ушли на юг, во Флориду, и получили от своих прежних родичей имя, которое они носят сейчас и которое на их языке означает «беглец». (Примеч. автора.)

собеседники, особенно плантаторы. в штатском облачении. Некоторые выражали свое негодование грубыми ругательствами, угрожая беглецам всеми возможными видами наказания в случае, если захватят их в плен. Они упивались возможностью захватить их в свои лапы и картинами близкой мести. Множество самых изощренных и страшных наказаний угрожало тому несчастному беглецу, которому довелось бы попасться в плен.

Вы, которые живете так далеко от этого мира страстей, не можете понять отношений, существующих в Америке между белыми и цветными. В обычных условиях между ними нет острой враждебности — наоборот! Белый довольно добродушно относится к своему цветному «брату», но только до тех пор, пока последний ни в чем не проявляет своей воли. При малейшем же сопротивлении в белом мгновенно вспыхивают враждебные чувства, правосудие и милосердие перестают существовать, и остается одна неукротимая жажда мести.

Это общее правило. Все рабовладельцы ведут себя именно так. В отдельных же случаях отношения складываются еще хуже. В Южных штатах есть белые, которые довольно дешево ценят жизнь негра — как раз по его рыночной стоимости.

Наглядной иллюстрацией этого положения является случай из биографии молодого Ринггольда, рассказанный мне накануне моим «оруженосцем» Черным Джеком. Этот юноша вместе с несколькими такими же беспутными друзьями охотился в лесу. Собаки умчались неизвестно в каком направлении и так далеко, что их уже не было слышно. Погоня была бесполезна; всадники остановились, соскочили с седел и привязали лошадей к деревьям. Лая гончих долго не было слышно, и охотникам стало скучно. Они начали раздумывать, как бы им повеселее провести время.

Неподалеку от них колол дрова мальчик-негр, один из рабов с соседней плантации. Все они знали мальчика очень хорошо.

— Давайте устроим забаву с этим черномазым, — предложил один из охотников.

— Какую забаву?

— Да возьмем и повесим его ради шутки!

Предложение, конечно, вызвало общий смех.

— Шутки в сторону! — заметил первый. — Я давно хотел узнать, как долго может негр висеть, не умирая. Это очень интересно.

— И я тоже, — присоединился другой.

— Ну и я не прочь! — добавил третий.

Предложение понравилось всем и показалось весьма занятным.

— Давайте только сначала устроим над ним суд! Лучше начать с этого, — предложил кто-то.

Итак, стали судить негра. Я рассказываю подлинное происшествие!

Несчастливого мальчика схватили, накинули ему на шею петлю и вздернули на сук. В этот момент свора гончих выгнала на поляну оленя. Охотники бросились к лошадям и в суматохе забыли перерезать веревку, на которой висела жертва их дьявольской забавы. Один надеялся на другого, и все, в общем, забыли это сделать. Когда охота кончилась и они вернулись назад, негр все еще висел на суку — он был мертв!

Было произведено судебное следствие, скорее настоящая пародия на следствие! Судьи и присяжные были родственниками преступников. И приговор гласил: уплатить стоимость негра. Владелец негра остался вполне доволен ценой, а правосудие было, или, по-видимому, было, удовлетворено. Сам Джек слышал, как сотни белых христиан, узнавших об этом подлинном факте, от души потешались над такой замечательной шуткой. Об этом часто рассказывал и сам Аренс Рингольд.

На другом берегу Атлантического океана вы воздеваете руки к небу и восклицаете: «Какой ужас!» Вы убеждены в том, что у вас нет рабов и нет подобных зверств. Вы жестоко ошибаетесь! Я рассказал вам исключительный случай, где речь шла об одной жертве. Страна работных домов и тюрем!¹ Имя твоим жертвам — легион!

¹ Майн Рид имеет в виду Англию, где 14 августа 1834 года был принят закон о работных (рабочих) домах, в которых с призываемыми безработными обращались как с каторжанами.

Христианин, ты улыбаешься! Тыставляешь на-показ свое сострадание. Но ведь ты сам создал нищету, которая вызывает в тебе это сострадание к ближнему. Ты всецело поддерживаешь и с легким сердцем приемлешь систему общества, которая порождает человеческие страдания. И хотя ты пытаешься успокоить себя, объясняя преступления и нищету естественными законами природы, но против природы нельзя выступать безнаказанно.

Напрасно вы будете пытаться ускользнуть от личной ответственности! Вы ответите перед лицом высшей справедливости за каждую пролитую слезу, за каждую язву на теле ваших жертв!

* * * * *

Разговор о беглых рабах, естественно, заставил меня вспомнить о другом, более таинственном происшествии, случившемся со мной накануне. Я упомянул о нем, и все попросили меня рассказать подробнее. Я выполнил их просьбу, конечно не допуская и мысли, чтобы покушаться на мою жизнь мог Желтый Джек. Многие из участников обеда знали историю мулата и обстоятельства его смерти.

Но меня удивило одно: почему, когда я произнес его имя и при этом рассказал о торжественном заверении моего черного оруженосца, — почему же Аренс Ринггольд вдруг побледнел, вздрогнул и, наклонившись к отцу, шепнул ему что-то на ухо.

Глава XXXI

ВОЖДИ-ИЗМЕННИКИ

Вскоре после этого я вышел из-за стола и отправился прогуляться по форту.

Солнце уже зашло. Был отдан приказ не покидать пределов форта, но это относилось только к солдатам. Поэтому я решил выйти за ворота.

Тайный зов сердца увлекал меня вперед. В индейском лагере были жены вождей и воинов, их сестры и дочери... Почему бы и ей не прийти сюда вместе с остальными?

Внутренний голос говорил мне, что она здесь, хотя я и напрасно искал ее в течение целого дня. Ее не было среди женщин, которые толпились на совете: я внимательно вглядывался во все женские лица и не пропустил ни одного.

Я решил отправиться в лагерь семинолов. Там я найду палатку Оцеолы, там могу встретить и Маюми!

Пойти в индейский лагерь сейчас неопасно, так как даже враждебные вожди еще были с нами в мире, а Пауэлл, разумеется, по-прежнему оставался моим другом. Он защитил бы меня от всех опасностей и оскорблений. Я испытывал страстное желание пожать руку молодому воину — причина сама по себе достаточная, чтобы искать с ним встречи. Мне хотелось пробудить в нем дружеское доверие прошлых лет, поговорить о милых сердцу временах, вспомнить счастливые дни безмятежной юности. Я надеялся, что суровый долг вождя и полководца еще не ожесточил его мягкое и отзывчивое сердце. Несправедливости, причиняемые белыми, несомненно озлобили и восстановили его против нас (и совершенно заслуженно!), но все же я не боялся, что гнев его обрушится на меня. Как бы то ни было, я решил отыскать его и еще раз протянуть ему руку дружбы.

Я собирался уже тронуться в путь, как вдруг вестовой передал мне приказание генерала немедленно явиться в штаб.

Я был огорчен, но делать нечего — приказу надо повиноваться!

В штабе находились агент и высшие офицеры, а также Ринггольды и еще несколько штатских, которые считались важными лицами.

Войдя, я увидел, что у них происходило совещание, на котором обсуждался разработанный ими план действий.

— Плап превосходный, — сказал генерал Клинч, обращаясь к остальным, — но как нам встретиться с Оматлой и Черной Глиной? Если мы пригласим их сюда, то это вызовет подозрение: они не могут проникнуть в форт незамеченными.

— Генерал Клинч, — сказал Ринггольд старший, самый хитрый дипломат из присутствующих, — а что, если бы вы и генерал Томпсон встретились бы с дружественными вождями за пределами форта...

— Совершенно верно, — прервал его агент, — и я уже позаботился об этом. Я послал человека к Оматле, чтобы узнать, где мы можем встретиться с ним тайно. Конечно, удобнее всего встретиться на нейтральной почве... Но вот он вернулся, я слышу его шаги.

В этот момент вошел один из переводчиков, участвовавших в совещании. Он прошептал на ухо агенту несколько слов и удалился.

— Все в порядке, господа! — объявил агент. — Оматла встретит нас через час вместе с Черной Глиной. Местом свидания они назначили Болотистый овраг, к северу от форта. Мы можем пройти туда незаметно. Итак, идем, генерал?

— Я готов, — ответил Клинч, накидывая на плечи плащ. — Но как быть с переводчиками, генерал Томпсон? Можно ли доверять им такую важную военную тайну?

Агент, видимо, колебался.

— Это, может быть, и неразумно, — ответил он как бы в раздумье.

— Ничего, ничего, — успокоил его Клинч. — Я думаю, что мы обойдемся и без них... Лейтенант Рэндольф, — обратился он ко мне, — вы свободно владеете языком семинолов?

— Не вполне свободно, генерал, но объяснить могу.

— Переводить сможете?

— Думаю, что да, генерал.

— Отлично. Тогда вы отправитесь с нами.

Это нарушало все мои планы. Однако, подавив чувство досады, я молча повиновался и последовал за

Вожди уже ожидали нас.

агентом и генералом, который скрыл свои знаки различия под плащом и надел простую офицерскую фуражку.

Мы вышли из ворот и, минуя форт, повернули к северу. Лагерь индейцев находился на юго-западе. Их палатки были разбросаны вдоль края широкой полосы леса, простиравшейся на север. Другой лес был отделен от него саванной и прогалинами, поросшими высокими соснами. Здесь-то и находился Болотистый овраг. Он был в полумиле от форта. Благодаря темноте мы дошли туда никем не замеченные. Когда мы прибыли, вожди уже ожидали нас. Они стояли под тенью деревьев у края пруда.

Я приступил к своим обязанностям, даже и не подозревая, что они окажутся столь неприятными.

— Спросите Оматлу о численности его племенн, племени Черной Глины и других вождей, стоящих на нашей стороне.

Я перевел этот вопрос.

— Эти племена составляют одну треть всех семи-нолов, — последовал ответ.

— Скажите, что дружелюбно настроенным вождям будет выдано десять тысяч долларов по прибытии на Запад. Эту сумму они могут разделить между собой как пожелают. Она будет уплачена независимо от денежного пособия, которое получит все племя.

— Хорошо, — одновременно проворчали вожди, когда им разъяснили сущность этого предложения.

— Как думают Оматла и его друзья: будут ли завтра на совещании все вожди?

— Нет, не все.

— А кого же не будет?

— Мико-мико не придет.

— Вот как! Уверен ли Оматла в этом?

— Да, уверен. Онопа свернул свои палатки и уже покинул лагерь.

— Куда он ушел?

— Назад, в свое поселение.

— А его люди?

— Большинство из них ушли с ним.

Несколько минут оба генерала шепотом перегово-

ривались между собой, но я не слышал их разговора. По-видимому, они были весьма удовлетворены этими важными сведениями.

— А какие еще вожди могут завтра не явиться?

— Только вожди племени Красные Палки.

— А Хойтл-мэtti?

— Нет, он здесь, и он останется.

— Спросите их, как они думают: будет ли завтра на совещании Оцеола?

По тому, с каким напряжением оба генерала ожидали ответа, я понял, что это интересовало их больше всего.

— Что? Оцеола? — воскликнули вожди. — Конечно, Восходящее Солнце придет непременно. Он хочет знать, чем все это кончится.

— Отлично! — невольно вырвалось у агента, и он снова принялся шептаться с генералом.

На этот раз я расслышал, о чем они говорили.

— По-видимому, само провидение помогает нам. Я почти уверен, что мой план осуществится. Одно слово может довести неосторожного индейца до вспышки гнева, а может быть, и похуже... И я легко найду предлог арестовать Оцеолу. Теперь, когда Онопа со своими приверженцами удалился, мы можем смело глядеть в глаза любым неожиданностям. Примерно половина вождей стоит за нас, так что остальные мерзавцы вряд ли окажут сопротивление.

— О, этого нечего бояться! — заявил генерал Клишч.

— Ну и прекрасно! Раз он окажется в наших руках, всякое сопротивление будет сломлено. Остальные сразу уступят. Ведь именно он запугивает их и не дает подписать договор.

— Верно, — задумчиво произнес Клишч. — Но как правительство? Как вы думаете, одобрит ли оно подобный образ действий?

— Полагаю, что да. Должно одобрить, во всяком случае. В последней инструкции президента есть намеки в этом роде. Если вы согласны действовать, я принимаю весь риск на себя.

— Тогда я готов подчиниться вашим распоряжениям, — отвечал командующий, который, по-видимому, был склонен одобрить план агента, но отнюдь не склонен был разделить с ним ответственность. — Мой долг — выполнять волю правительства! Я готов сотрудничать с вами.

— Значит, все ясно. Все будет, как мы хотим... Спросите вождей, — обратился Томпсон ко мне: — не побоятся ли они подписать договор завтра?

— Подписать они не боятся, но боятся того, что последует дальше.

— А что последует дальше?

— Они боятся нападения со стороны враждебной партии. Они опасаются за свою жизнь.

— Что же мы можем сделать для их защиты?

— Оматла говорит, что они спасутся, если вы дадите им возможность уехать к их друзьям в Таллахасси¹. Там они пробудут до самого переселения. Они дадут слово явиться к вам в Тампу² или туда, куда вы их вызовете.

Два генерала снова начали шепотом совещаться. Это неожиданное предложение необходимо было обсудить.

Оматла тем временем добавил:

— Если нам нельзя будет отправиться в Таллахасси, мы не можем... мы не смеем оставаться здесь, среди своих. Тогда мы должны искать убежища в форте.

— Что касается вашего отбытия в Таллахасси, — ответил агент, — то мы рассмотрим этот вопрос и дадим вам ответ завтра. А пока что вам нечего опасаться. Это главный военный вождь белых, он защитит вас!

— Да, — сказал Клинч, приосанившись. — Мои воины многочисленны и сильны. Их много в форте и еще больше в пути сюда. Вам нечего бояться.

— Это хорошо, — ответили вожди. — Если нам придется плохо, мы будем искать у вас защиты. Вы обещали ее нам, — это хорошо!

¹ Таллахасси — город во Флориде, столица штата. Первое поселение белых на этом месте было основано в 1818 году.

² Тампа — порт на западном побережье Флориды.

— Спросите вождей, — обратился ко мне агент, которого осенила новая мысль: — не знают ли они, явится завтра на собрание Холата-мико?

— Сейчас мы этого не знаем. Холата-мико не открыл своих намерений. Но скоро мы это узнаем. Если он собирается остаться, то до восхода солнца его палатки не будут свернуты. Если нет — то они будут убраны до заката луны. Луна заходит, и мы скоро узнаем, уйдет он или останется.

— Палатки вождей видны из форта?

— Нет. Они скрыты за деревьями.

— Вы сможете сообщить нам о Холата-мико?

— Да, но только на этом же месте. В форте паш посланец будет замечен. Мы можем вернуться сюда сами и встретить одного из вас.

— Правильно, так будет лучше, — ответил агент, довольный ходом событий.

Прошло несколько минут. Оба генерала продолжали шепотом совещаться. Вожди стояли в стороне, неподвижные и молчаливые, как статуи. Наконец генерал Клинч обратился ко мне:

— Лейтенант! Вы подождете здесь возвращения вождей. С ответом явитесь прямо ко мне в штаб.

Последовал обмен поклонами. Два американских генерала отправились к себе в форт, а индейские вожди исчезли в противоположном направлении.

Я остался один.

Глава XXXII

ТЕНИ НА ВОДЕ

Я остался наедине со своими мыслями. Мысли эти были окрашены чувством горечи. Виною тому было несколько причин. Мои радужные планы были разрушены, мое сердце жаждало вернуться к светлым и тихим радостям дружбы, но меня раздирали сомнения, меня мучили неопределенность и неизвестность.

Смятение мое усугублялось и другими чувствами. Роль, которую мне надо было играть, казалась мне от-

вратительной. Я сделался орудием коварства и зла, мне пришлось начинать свою военную карьеру с участия в заговоре, основанном на подкупе и измене. И хотя я действовал не по своей воле, я чувствовал всю постыдность своих обязанностей и выполнял их с непреодолимым отвращением.

Даже прелесть тихой ночи не успокаивала меня. Мне казалось, что к моему настроению больше подошла бы буря.

И все-таки это была удивительная ночь! Земля и воздух застыли в безмолвном покое. Порой по небу проносились белые перистые облачка, но они были так прозрачны, что закрывали лунный диск лишь легкой серебристой дымкой, и он лил на лес свой яркий свет, не теряя ни одного ослепительного луча. Блистательное великолепие лунного света, отражаясь от глянцевитых листьев лавров, преображало весь лес, в нем как будто сверкали миллионы зеркал. Особый эффект этой картине придавали светляки. Они целыми тучами летали под тенью деревьев и освещали темные своды леса разноцветными искрами — алыми, синими, золотыми... Они носились то вверх, то вниз, то прямо, то кружась, как бы двигаясь в лабиринте какого-то сложного танца.

Среди этого сверкающего великолепия лежало маленькое озеро, тоже блиставшее, как зеркало, в резной прямоугольной оправе.

Воздух был напоен сладчайшими благоуханиями. Ночь была довольно свежая, но не холодная. Многие цветы не закрыли свои венчики — не все они были помолвлены с солнцем, некоторые из них дарили свои ароматы луне. Кругом цвели сассафрас и лавры, и их запах, смешиваясь с запахом аниса и апельсина, наполнял воздух восхитительным ароматом.

Всюду царил тишина, но это не было безмолвие. Южные леса ночью никогда не бывают безмолвны. Древесные лягушки и цикады начинают свой пронзительный концерт вскоре после захода солнца, а прославленный певец американских лесов — пересмешник лучше всего поет при лунном свете. Один из них сидел на высоком дереве у края озера и как будто старался

развеять мою грусть самыми разнообразными мелодиями.

Я слышал и другие звуки: гул солдатских голосов из форта, сливавшийся с отдаленным шумом в индейском лагере. Иногда кто-то громко нарушал монотонную тишину бранью, восклицанием или смехом.

Не знаю, сколько времени прождал я возвращения индейцев — час, два или больше. Я определял время по движению луны. Индейцы сказали, что Холата либо покинет лагерь раньше, чем зайдет сияющий диск луны, либо останется. Часа через два все выяснится, и я буду свободен. Мне пришлось весь день пробыть на ногах, и я устал до полусмерти. Среди обломков скалы у самого озера я отыскал камень поудобнее и опустился на него.

Я устремил взгляд на озеро. Половина его лежала в тени, а на другую падали серебряные лунные лучи и, пронизывая прозрачную воду, освещали ее так, что видны были белые раковины и светлая галька на дне. Вдоль линии, где встречались свет и тьма, вырисовывались силуэты благородных пальм. Их высокие стволы и пышные кроны, казалось, уходили далеко вниз, к самым глубинам земли, как будто они принадлежали к другому, более блистательному небосводу, лежащему у моих ног. Пальмы, отраженные в воде, росли на холмистом гребне, который простирался вдоль западного берега озера и заслонял лунный свет.

Некоторое время я сидел, глядя на это подобие небосвода, и глаза мои машинально следили за огромными веерообразными верхушками пальм. Вдруг я вздрогнул, заметив на поверхности воды чье-то отражение. Этот образ, или, скорее, тень, внезапно появился среди стволов пальм. Это была, очевидно, человеческая фигура, хотя и увеличенная в размерах... да, без сомнения, человеческая, но не мужская.

Маленькая, ничем не покрытая голова, изящная покатоность плеч, мягкие, округлые очертания стана и длинная широкая одежда, складками ниспадавшая на землю, — все это убедило меня, что передо мной женщина. Когда я впервые заметил ее, она шла между рядами

пальм. Вскоре она остановилась и несколько секунд стояла неподвижно. Тогда-то я и заметил, что это женщина. Моим первым побуждением было повернуться и взглянуть на ту, чье отражение было так привлекательно. Я находился на западной стороне озера, и холмы простирались позади меня, так что я не мог видеть ни их вершин, ни пальм. Даже поднявшись с места, я все равно ничего не мог заметить, потому что огромный дуб, под которым я сидел, заслонял мне весь вид. Я быстро сделал несколько шагов в сторону и увидел вершины холмов и пальмы. Но женщина скрылась. Я пристально оглядывал холмы, но там никого не было. Я видел только веерообразные кроны пальм. Затем я снова вернулся на свое место и стал глядеть на воду. Пальмы так же отражались в воде, но отражение женщины исчезло.

В этом не было ничего удивительного. Я решил, что это не галлюцинация. Просто кто-то был на холме — очевидно, женщина — и сошел вниз, под тень деревьев. Это было естественное объяснение, и я им удовлетворился.

В то же время безмолвный призрак не мог не возбудить во мне любопытства, и вместо того чтобы сидеть, отдаваясь мечтательным размышлениям, я встал, озираясь кругом и напряженно прислушиваясь.

Кто могла быть эта женщина? Конечно, индианка. Белая женщина не могла очутиться в таком месте в такое время. Да и по одежде это, несомненно, была индианка. Что же делала она здесь одна, в этом уединенном месте?

На этот вопрос нелегко было ответить. Впрочем, тут не было ничего странного. У детей лесов время движется по-иному, не так, как у нас. Ночь, так же как и день, может быть заполнена делами и развлечениями. Ночная прогулка индианки могла иметь свою цель. Может быть, она просто вздумала выкупаться... А может быть, это влюбленная девушка, которая под сенью уединенной рощи назначила свидание своему возлюбленному...

Внезапно боль пронзила мое сердце, как отравленная стрела: «А вдруг это Маюми?»

Трудно передать словами, как неприятно подействовала на меня эта мысль. Уже весь день я находился под впечатлением тяжелого подозрения, возникшего у меня после нескольких слов, брошенных в моем присутствии одним молодым офицером. Они относились к красивой девушке-индианке, по-видимому хорошо известной в форте. В тоне молодого человека я уловил хвастливость и торжество. Я внимательно слушал каждое слово и наблюдал не только за выражением лица говорившего, но и его слушателей. Я должен был решить, к какой из двух категорий — хвастунов или победителей — я должен его отнести. Судя по собственным словам офицера, его тщеславию был нанесен удар, а его слушатели, или, во всяком случае, большинство из них, допускали, что он достиг полного счастья.

Имени девушки названо не было. Не было никаких явных намеков, но слов «индианка» и «красавица» уже было достаточно, чтобы сердце мое тревожно забилося. Конечно, я мог бы легко успокоить себя, задав офицеру простой вопрос. Но именно этого-то я и не решился сделать. Поэтому весь день я терзался неизвестностью и подозрениями. Вот почему я был вполне подготовлен к той мучительной догадке, которая промелькнула у меня, когда я увидел отражение в воде.

Но терзания мои продолжались недолго. Облегчение наступило быстро, почти мгновенно. По берегу озера проскользнула темная фигура; она появилась в ярком озарении лунного света, шагах в шести от меня. Я мог ясно рассмотреть ее. Это была женщина-индианка. Но не Маюми!

Г л а в а XXXIII

ХАДЖ-ЕВА

Я увидел перед собой высокую женщину средних лет, которая когда-то была красавицей, а потом подверглась бесчестию и поруганию. Она сохранила следы былой красоты, которые не могли совершенно изгладиться. Так статую греческой богини, разбитая руками

вандалов, даже в осколках сохраняет свою величайшую ценность.

Она еще не совсем утратила свое обаяние. Есть люди, которые восхищаются зрелой красотой, для них она еще могла казаться привлекательной. Время пощадило благородные очертания ее груди, ее полных, округлых рук. Я мог судить об этом, ибо весь ее стан, обнаженный до пояса, как в пору ее детства, предстал передо мной, облитый ярким лунным светом. Только черные волосы, в диком беспорядке рассыпавшиеся по плечам, немного прикрывали ее тело. Время пощадило и их: в роскошных косах, черных, как вороново крыло, не виднелось ни одной серебряной нити. Время не тронуло и ее лица. Все сохранилось — и округлость подбородка, и овал губ, и орлиный нос, с тонким, изящным изгибом ноздрей, и высокий, гладкий лоб, но глаза... Что это? Почему в них такой неземной блеск? Почему в них такое дикое, бессмысленное выражение? Ах, этот взор! Милосердное небо! Эта женщина безумна!

Увы, это было верно! Передо мной стояла сумасшедшая. Ее взгляд мог убедить даже случайного наблюдателя, что разум здесь был низвергнут с трона. Но мне не надо было смотреть ей в глаза — я знал историю всех ее несчастий. Не раз мне приходилось встречаться с Хадж-Евой¹, сумасшедшей королевой племени микосоков.

При всей ее красоте нетрудно было испугаться, да же больше того — прийти в ужас: вместо ожерелья у нее на шее была зеленая змея, а пояс вокруг талии, ярко блиставший в лунном свете, тоже оказался телом огромной извивающейся гремучей змеи.

Да, оба пресмыкающихся были живые существа: голова маленькой змеи опустилась на грудь женщине, а более опасная змея обвилась вокруг ее талии; ее хвост с погремушками висел сбоку, а между пальцами безумная держала голову змеи, глаза которой сверкали, как бриллианты.

¹ Буквально: безумная женщина; от *Найо* — безумный и *Ева*, или *Авах*, — женщина. Филологи обратили внимание на сходство этого слова племени микосоков с еврейским именем, означающим «мать человечества». (*Примеч. автора.*)

Голова Хадж-Евы не была ничем покрыта, но густые черные волосы защищали ее от солнца и ливня. На ногах у нее были мокасины, скрытые длинной «хунной», спускавшейся до земли. Это была ее единственная одежда, богато вышитая бисером, украшенная перьями зеленого попугая и отороченная перьями дикой утки и мехом хищных животных.

Я мог испугаться, если бы встретил ее первый раз в жизни. Но я видел все это раньше: зеленую змею и гремучую змею — кроталус, и длинные пряди волос, и дикий блеск безумных глаз. Все это было безопасно, безвредно — по крайней мере, для меня.

— Хадж-Ева! — позвал я, когда она подошла.

— Ие-ела! ¹ — воскликнула она с изумлением. — Молодой Рэндольф! Вождь бледнолицых! Ты не забыл бедную Хадж-Еву?

— Нет, Ева, не забыл. Кого вы здесь ищете?

— Тебя, мой маленький мико.

— Меня?

— Да, тебя. Не ищу, а нашла.

— А что вам от меня надо?

— Только спасти твою жизнь, твою молодую жизнь, милый мико! Твою прекрасную жизнь, твою драгоценную жизнь... Ах, драгоценную для нее, бедной лесной птички! Ах, кто-то был драгоценным и для меня давно, давно! Хо, хо, хо! ²

Зачем я поверила нежным словам

И с белым бродила по темным лесам?

Хо, хо, хо!

Зачем обманул меня лживый язык

И ядом в невинное сердце проник?

Хо, хо, хо!

Тише, читта-мико! ³ — воскликнула она, прерывая

¹ Восклицание удивления, обычно произносящееся протяжно. (Примеч. автора.)

² Буквально: «Да, да, да!» (Примеч. автора.)

³ Ч и т т а - м и к о — «король змей»; так семинолы называют гремучую змею, самую удивительную змею в их стране. Они испытывают суеверный страх перед этим пресмыкающимся. (Примеч. автора.)

песню и обращаясь к змее, которая, завидев меня, вытянула шею и начала проявлять явные признаки ярости. — Тише, король змей! Это друг, хотя и в одежде врага! Тише, а не то я разможу тебе голову!.. Ие-ела! — снова воскликнула она, как бы пораженная новой мыслью. — Я теряю время на старые песни! Он исчез, он исчез, и его не вернешь! А зачем я пришла сюда, молодой мико? Зачем пришла?

Она провела рукой по лбу, как будто стараясь что-то вспомнить.

— А, вспомнила! Халвук! ¹ Я напрасно теряю время! Тебя могут убить, молодой мико, тебя могут убить, и тогда... Иди, беги, беги назад в форт и запишись там, оставаясь со своими людьми, не уходи от своих синих солдат... Не разгуливай по лесам! Тебе грозит опасность.

Серьезность ее тона поразила меня, и, вспоминая вчерашнее покушение на мою жизнь, я почувствовал смутную тревогу. Я знал, что у безумной бывали моменты просветления, когда она рассуждала и действовала вполне разумно и даже с удивительной ясностью сознания. Вероятно, сейчас и был один из таких моментов. Узнав о готовящемся на меня покушении, она пришла предупредить меня.

Но кто мог быть моим смертельным врагом и как могла она узнать о его замыслах?

Решив выяснить это, я сказал ей:

— У меня нет врагов. Кто может желать моей смерти?

— Говорю тебе, мой маленький мико, что у тебя есть враги. Ие-ела! Разве ты не знаешь этого?

— Но я ни разу в жизни не причинил зла ни одному индейцу!

— Индейцу? Разве я сказала — индейцу? Нет, милый Рэндольф. Ни один краснокожий во всей стране семинолов не тронет и волоска на твоей голове. А если бы такой и нашелся, то что сделал бы Восходящее Солнце? Он сжег бы его, как сжигает лесной пожар. Не бойся краснокожих. Твои враги — люди другого цвета.

¹ Халвук — плохо.

— Ах, вот что! Не красные? Так кто же это?
— Есть белые, а есть и желтые.
— Что за чушь, Ева! Я не причинил вреда ни одному белому!

— Дитя! Ты ведь только маленький олененок. Видно, мать не рассказала тебе о хищных зверях, которые рыскают по лесу. Бывают такие злые люди, они становятся твоими врагами без всякой причины. Тебя хотят убить те, кому ты никогда в жизни не сделал зла.

— Но кто они? И за что?..

— Не спрашивай, дитя! Сейчас на это нет времени. Скажу тебе только одно: ты владелец богатой плантации, где негры делают для тебя синюю краску. У тебя красивая сестра, очень красивая. Разве она не похожа на лунный луч? И я когда-то была красива... так говорил он. Ах, как плохо быть красивой! Хо, хо, хо!

Зачем я поверила нежным словам,

Хо, хо, хо!

И с белым бродила...

Халвук! — воскликнула она и опять внезапно перестала петь. — Я сумасшедшая, но помню... Иди, уходи! Говорю тебе, уходи! Ты ведь олень, и охотники гонятся за тобой. Ступай в форт, беги, беги!

— Я не могу, Ева. У меня здесь есть дело. Я должен ждать, пока кто-нибудь не придет сюда.

— Пока кто-нибудь не придет сюда? Плохо! Скоро сюда придут *они*!

— Кто?

— Твои враги, те, которые хотят убить тебя. А бедная лань умрет, ее сердце изойдет кровью. Она сойдет с ума и станет такой же, как Хадж-Ева!

— О ком ты говоришь?

— Тише, тише! Поздно! Они идут! Они идут! Видишь их тени на воде?

Я взглянул в том направлении, куда указывала Ева. Действительно, над озером, там, где я раньше увидел Еву, показались какие-то тени. Это оказались мужчины, их было четверо. Они шли между пальмами вдоль хол-

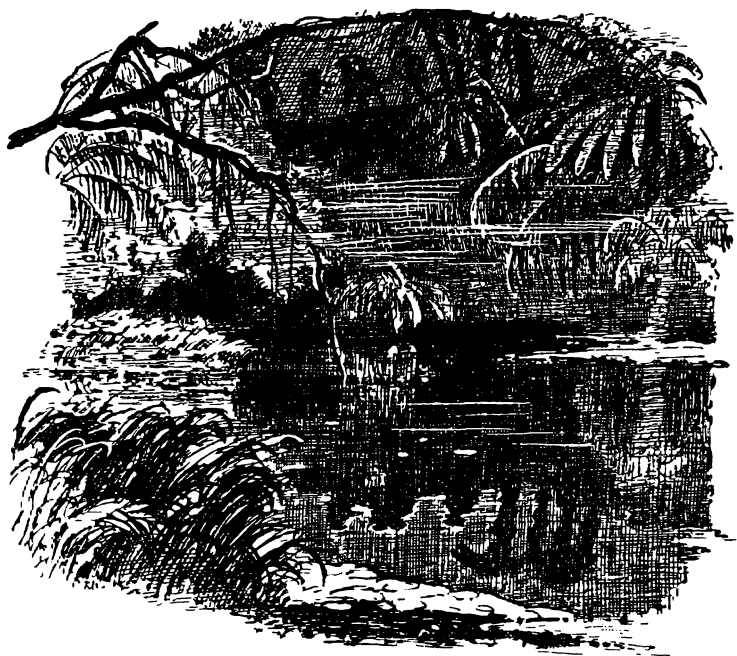
Я взглянул, куда указывала Ева.

мов. Через несколько секунд тени исчезли. Видимо, люди спустились по склону и вошли в лес.

— Слишком поздно! — прошептала сумасшедшая, сознание которой в этот миг как будто окончательно прояснилось. — Тебе нельзя выходить на прогалину. Они заметят тебя... Ты должен скрыться в чаще... Сюда! — продолжала она, хватая меня за руку. Затем сильным движением она подтолкнула меня к стволу дуба. — Это твоя единственная надежда на спасение. Быстрес вверх! Спрячься там! Ни слова, пока я не вернусь! Хинклас!¹

Сказав это, моя странная советчица отступила в тень деревьев, проскользнула в чащу и скрылась из виду. Я последовал ее указанию, влез на дуб и, примостив-

¹ Хинклас — хорошо.

Под озером показались какие-то тени.

шись на огромном суку, спрятался для безопасности за гирляндами серебристой тилландсии. Свисая с ветвей, они образовали вокруг подобие прозрачного занавеса, который делал меня совершенно невидимым. А сам я сквозь густую листву видел озеро — по крайней мере, ту часть, которая была освещена луной.

Сначала мне показалось, что я играю очень нелепую роль.

Вся эта история с врагами, угрожающими моей жизни, могла быть просто безумной фантазией помраченного сознания. А люди, чьи тени я видел, может быть, и были теми индейцами, которых я ожидал. Не найдя меня на условленном месте, они, пожалуй, **уйдут** обратно. С каким же докладом я явлюсь тогда к генералу? Все это было и смешно и нелепо, но для меня могло

кончиться весьма печально. Поразмыслив, я уже готов был спуститься на землю и рискнуть показаться пришельцам, кто бы они ни были, но вдруг сообразил, что вождей было только двое, а теней четыре! И я решил пока остаться в укрытии.

Конечно, вождей могли сопровождать их всины для охраны, что было не лишним, принимая во внимание предательский характер их миссии. Но, несмотря на то что тени двигались быстро, я успел рассмотреть, что это не индейцы. На них не было ни длинных одежд, ни уборов из перьев на голове. Мне даже показалось, что на них надеты шляпы, которые носят белые. Последнее соображение заставило меня подчиниться приказанию Хадж-Евы. Да и другие обстоятельства укрепляли меня в этом решении: странные утверждения индианки, ее осведомленность в событиях, таинственные намеки на хорошо известных мне лиц и на вчерашнее происшествие. Обдумав все это, я решил остаться на своей наблюдательной вышке еще хотя бы несколько минут.

Меня могли обнаружить скорее, чем я ожидал. Не двигаясь, едва дыша, я зорко следил за тем, что происходило кругом, и чутко ловил каждый звук.

Терпение мое не подверглось долгому испытанию. Я увидел и услышал нечто такое, отчего мороз прошел у меня по коже, а кровь застыла в жилах. Через пять минут мне пришлось убедиться, что в человеческом сердце может таиться такое безграничное зло, о котором я никогда в жизни не слышал и даже не читал в книгах.

Предо мной один за другим прошли четыре демона. Без сомнения, это были демоны, потому что их взгляды, слова, движения и намерения — все, что я видел и слышал, полностью оправдывало это название. Они обошли вокруг озера. Я рассмотрел их лица, озаренные лунным светом: бледное, худое лицо Аренса Ринггольда, злое, орлиные черты Спенса, круглую зверскую рожу забияки Уильямса...

Но кто же был четвертый?

Неужели я брежу? Или мои глаза обманывают меня? Неужели все это происходит в действительности?

Или чувства изменили мне? Или это только случайное сходство? Нет! Нет! Нет! Это не призрак — это живой человек. Эти черные курчавые волосы, эта желто-коричневая кожа, эта фигура и походка — все, все его! Милосердный боже! Это он — Желтый Джек!

Глава XXXIV

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЗАГОВОР

Оспаривать это — значило сомневаться в достоверности собственных чувств. Передо мной стоял мулат, такой, каким я его помнил, только он был в другом платье и, пожалуй, немного потолстел. Но черты лица и общий облик были те же — передо мной стоял Желтый Джек, бывший дровосек с нашей плантации.

Но неужели это был он? Да еще в обществе Ринггольда, одного из своих самых активных и жестоких преследователей и мучителей. Нет, это невероятно, невозможно! Или я заблуждался и мои глаза обманывали меня?

Но нет! Ибо как достоверно то, что я видел человека, так же неоспоримо было и то, что этот человек — мулат Джек. Он стоял не более чем в двадцати футах от того места, где я притаился в ветвях, луна освещала его почти как днем. Я мог уловить давно знакомое мне злобное выражение его глаз, его омерзительные гримасы. Да, это был Желтый Джек!

Вдобавок я вспомнил, как вчера Черный Джек, не смотря на все мои убеждения и насмешки, не хотел сдаваться и признать, что это был человек, только похожий на мулата. Негр стоял на своем: он видел самого Желтого Джека или его призрак и был так твердо убежден в этом, что я не мог его поколебать.

Я вспомнил и о другом обстоятельстве — о странном поведении Ринггольдов во время послеобеденного разговора. Уже тогда оно привлекло мое внимание. А сейчас я совсем был сбит с толку. Здесь передо мною

стоял человек, которого все считали мертвым, и с ним трое деятельных пособников его гибели, причем один из них был его самым жестоким палачом. Теперь же все четверо, по-видимому, стали закадычными друзьями. Как объяснить это чудесное воскрешение из мертвых и примирение с врагами?

Я терялся в догадках. Тайна была слишком сложна, чтобы разрешить ее в течение одной минуты. И мне так и не удалось бы разгадать ее, если бы сами заговорщики не помогли мне в этом.

Мне удалось подслушать их беседу. И то, что я услышал, убедило меня не только в том, что Желтый Джек все еще живет на этом свете, но и что Хадж-Ева сказала правду, утверждая, что жизнь моя в опасности.

— Ах, черт побери! Его здесь нет. Куда же он мог провалиться? — воскликнул Ринггольд. По тону его голоса чувствовалось, что он и раздражен и удивлен.

Как выяснилось из слов его собеседника, этот вопрос касался меня. Уильямс, голос которого я сразу узнал, спросил:

— Вы уверены, Аренс, что он не вернулся в форт вместе с генералами?

— Совершенно уверен. Я стоял у ворот, когда они вернулись. Их было только двое — генерал и агент. Но вопрос вот в чем: не ушел ли он от озера вместе с ними? Какого дурака мы свалияли! Напрасно мы не последовали за ними, когда они шли сюда. Поспей мы вовремя, мы узнали бы, где они расстались. Но кто же мог подумать, что он отстанет от них? Если бы я только знал... Ты говоришь, Джек, что идешь прямо из индейского лагеря. Он не мог заметить тебя?

— Карахо! ¹ Конечно, нет, сеньор Аренс!

Этот голос, это старое испанское богохульство были мне знакомы с детских лет. Если у меня еще оставались какие-то сомнения, теперь они исчезли. Слух подтвердил то, чему не верили глаза. Это был Желтый Джек! Он продолжал:

¹ Карахо — испанское ругательство.

— Я иду прямо из лагеря семинолов. Я встретил только двух вождей. Я спрятался под пальмами, и они меня не заметили. Уверен, что не заметили.

— Черт его дери, куда он провалился? И след его простыл. Я знаю, что у него могли быть основания отправиться в индейский лагерь, — да, это я знаю. Но как он сумел ускользнуть и не попался на глаза Джеку?

— А может быть, он пошел в обход другой дорогой? — предположил Уильямс.

— Через открытую равнину?

— Нет, это маловероятно, — ответил Ринггольд. — Одно только и остается теперь думать: что он расстался с генералами, не дойдя до ворот форта, и пошел вдоль ограды к дому маркитанта.

Все это Ринггольд произнес, как бы разговаривая сам с собой.

— Дьявол! — воскликнул он нетерпеливо. — Второго такого случая и не дождешься.

— Не бойтесь, мистер Аренс, — успокоил его Уильямс. — Не бойтесь. Скоро начнется война, и такие удобные случаи нам еще подвернутся.

— Мы постараемся их найти! — энергично вмешался Спенс, который заговорил впервые.

— Но решающую роль здесь должен сыграть Джек, господа! Нам ввязываться в это дело нельзя. Это может выплыть наружу, и тогда нам придется туго. А для Джека нет никакой опасности. Ведь он умер — и закон его не изловит!.. Ведь так, Джек, мой желтый мальчик?

— Да, сеньор! Не беспокойтесь, масса Аренс! Я скоро найду подходящий случай. Джек уберет его прочь с дороги, и вы никогда больше о нем не услышите. Я его заманю в ловушку. Вчера я промахнулся. Ружье плохое, дон Аренс. Нельзя с таким ружьем выходить на охоту!

— В форт он не вернулся, я это знаю, — пробормотал про себя Ринггольд. — Стало быть, он где-то в лагере. Но должен же он когда-нибудь возвратиться домой! Наверно, появится, когда зайдет луна. Он захочет прокрасться домой в темноте... Ты слышишь, Джек, что я говорю?

— Да, сеньор! Джек слышит.
— Ты сумеешь воспользоваться случаем?
— Да, сеньор! Джек понимает.
— Ну прекрасно! Теперь нам пора отправляться.
Слушай меня внимательно, Джек... Если...

Тут голос Ринггольда перешел в шепот, и я мог слышать только отдельные слова. Часто упоминались имена моей сестры и квартиронки Виолы. До меня доносились такие обрывки фраз: «один только он стоит нам поперек дороги», «мамашу будет легко уломать», «когда я стану хозяином на их плантации», «заплачу тебе двести долларов...»

Такого рода высказывания убедили меня, что эти два мерзавца еще раньше сговорились убить меня. И этот невнятный разговор был только повторением условий гнусной сделки. Шла торговля о цене за мою жизнь. Неудивительно, что на висках у меня выступил холодный пот и каплями покатился по лбу. Неудивительно, что я сидел на своей вышке, дрожа, как осиновый лист. Я дрожал не столько за свою жизнь, сколько от ужаса и отвращения, которые внушало мне это чудовищное злодеяние. Я дрожал бы еще сильнее, но страшным усилием воли мне удалось сдержать негодование, закипавшее у меня в груди.

У меня хватило самообладания пританцовывать и замереть. И я поступил весьма благоразумно: если бы в этот момент я обнаружил себя, я не вернулся бы домой живым. Я знал это наверняка и поэтому старался не производить ни малейшего шума, чтобы не выдать тем самым своего присутствия.

А как омерзительно было слушать разговор четырех пегодяев, хладнокровно обсуждавших вопрос об убийстве человека! Как будто речь шла о какой-нибудь торговой сделке. И при этом каждый из них предвкушал, какую именно он извлечет прибыль из предстоящей спекуляции.

Не знаю, какое чувство бушевало во мне сильнее — гнев или страх. Но врагов было четверо, и все они вооружены. Я располагал шпагой и пистолетами, но этого оружия недостаточно для борьбы в одиночку с че-

тырьмя отъявленными негодьями. Будь их только двое — скажем, мулат и Ринггольд, — я, вероятно, не стал бы сдерживать своего негодования и рискнул бы на открытую встречу с ними, лицом к лицу, а там уж будь что будет! Но я сдержал себя и продолжал тихо сидеть на дереве, пока они не ушли. Я заметил, что Ринггольд и его приспешники отправились в форт, а мулат побрел по направлению к индейскому лагерю.

Глава XXXV

СВЕТ ПОСЛЕ ТЬМЫ

После того как они скрылись, я долго еще сидел не шевелясь. Хаос и смятение царили в моей голове. Я не знал, что думать, как поступить, и сидел как прикованный к дереву. Наконец я попытался спокойно обдумать все, что видел и слышал. Неужели это был фарс, разграниченный, чтобы напугать меня? Нет, ни один из четырех не походил на персонаж из фарса. А дикое и сверхъестественное появление Желтого Джека из загробного мира было слишком драматично, слишком серьезно, чтобы стать эпизодом в комедии.

Пожалуй, скорее, я только что слышал пролог к предполагаемой постановке трагедии, в которой должен был сыграть роль жертвы. Эти люди бесспорно готовили покушение на мою жизнь. Их было четверо, и ни одного из них я никогда ничем серьезно не обидел. Я знал, что все четверо никогда не любили меня. Впрочем, у Спенса и Уильямса не было причин для обиды, разве что давнишняя мальчишеская ссора, давно забытая мной. Но они действовали под влиянием Ринггольда. Что касается мулата, то я понимал причину его вражды ко мне — это была вражда не на жизнь, а на смерть!

Но каков Аренс Ринггольд! Он явно был главой заговора и замышлял убить меня. Образованный человек, равный мне по положению в обществе, джентльмен!

Я знал, что он всегда недолгоблivelyл меня, а за последнее время возненавидел еще больше. Мне известна

была и причина. Я стоял преградой на пути к его браку с моей сестрой. По крайней мере, так думал он сам. И он был прав: с тех пор как умер отец, я стал принимать гораздо большее участие в семейных делах. Я открыто заявил, что с моего согласия Ринггольд никогда не будет мужем моей сестры. Я понимал, что он разозлен, но не мог даже представить себе, что гнев способен толкнуть человека на такой дьявольский замысел.

Выражения: «он стоит нам поперек дороги», «мамашу будет легко уломать», «когда я стану хозяином их плантации» — ясно говорили о намерении заговорщиков устранить меня, убить из-за угла.

— Хо! Хо! Молодой мико теперь может сойти, — вдруг раздался голос. — Плохие люди ушли. Хорошо! Скорей спускайся вниз, хорошенький мико, скорей!

Я поспешно повиновался и снова очутился перед безумной королевой.

— Теперь ты веришь Хадж-Еве, молодой мико? Видишь, что у тебя есть враги, целых четыре врага, что твоя жизнь в опасности?

— Ты спасла мне жизнь, Хадж-Ева! Как мне отблагодарить тебя?

— Будь верен ей... верен... верен...

— Кому?

— Великий Дух! Он уже забыл ее! Вероломный молодой мико! Вероломный бледнолицый! Зачем я спасла тебя? Зачем я не позволила твоей крови пролиться на землю?

— Ева!

— Плохо! Плохо! Бедная лесная птичка! Самая красивая из всех птичек! Ее сердце изойдет кровью и умрет, а разум покинет ее!

— Ева, объясни же, в чем дело?

— Плохо! Пусть он лучше умрет, чем бросит ее! Хо, хо! Неверный бледнолицый, о, если бы он умер, прежде чем разбил сердце бедной Евы! Тогда Ева потеряла бы только свое сердце. А голова, голова — это хуже! Хо, хо, хо!

Зачем я поверила нежным словам

И с белым бродила...

— Ева! — воскликнул я с таким жаром, что это заставило ее прервать свою безумную песню. — Скажи, о ком ты говоришь?

— Великий Дух, послушай, что он говорит! О ком? О ком? Здесь больше, чем одна. Хо, хо, хо! Больше, чем одна, а верный друг забыт. Что может сказать Ева? Какую историю может она рассказать? Бедная птичка! Ее сердце изойдет кровью, а разум помешается. Хо, хо, хо! Будут две Хадж-Евы, две безумные королевы микосков!

— Ради всего святого, не томи ты меня! Милая, добрая Ева, скажи, о ком ты говоришь? Неужели о...

Заветное имя было готово слететь у меня с языка, но я все не решался произнести его.

Я страшился задать вопрос, страшился получить отрицательный ответ.

Но долго колебаться я не мог: я зашел слишком далеко, чтобы отступать, и я слишком долго терзал свое тоскующее сердце. Дольше ждать я был не в силах. А Ева могла рассеять мои сомнения, и я решил спросить ее:

— Не говоришь ли ты о Маюми?

Несколько мгновений безумная молча глядела на меня.

Я не мог проникнуть в тайну ее глаз: последние пять минут в них блистали упрек и презрение. Когда я произнес эти слова, ее лицо выразило крайнее изумление, а затем глаза ее пристально устремились на меня, будто пытаюсь угадать мои мысли.

— Если это Маюми, — продолжал я, не ожидая ее ответа, увлеченный вновь вспыхнувшим чувством, — то знай, что я люблю ее — люблю Маюми!

— Ты любишь Маюми? Все еще любишь ее? — быстро спросила Хадж-Ева.

— Клянусь жизнью...

— Нет! Нет! Не клянись! Это его клятва. А он изменил! Скажи еще раз, мой молодой мико, скажи, что ты говоришь правду, но не клянись...

— Я говорю правду, чистую правду!

— Хорошо! — радостно воскликнула безумная. —

Мико сказал правду. Бледнолицый мико правдив, и красавица будет счастлива...

Мы юной любви вспоминаем дни
Под пальмами вдвоем...
Ты вновь на свою голубку взгляни,
На дикую птичку взгляни,
На нежную птичку взгляни!
Она вместе с другом в прохладной тени,
И нежно лепечут в чаще они,
И нет никого кругом!!!

Тише, читта-мико! — воскликнула она, снова обращаясь к гремучей змее. — И ты, окола-читта¹. Успокойтесь вы обе. Это не враг. Спокойно, или я разможжу вам головы...

— Добрая Ева!

— А, ты называешь меня доброй Евой! Но, может быть, наступит день, когда ты назовешь меня злой. — Затем, возвысив голос, она продолжала очень серьезно: — Выслушай меня, Джордж Рэндольф! Если и ты когда-нибудь окажешься злым, если ты изменишь, как он, то знай, что Хадж-Ева станет твоим врагом и читта-мико уничтожит тебя!.. Ты сделаешь это, мой змеиный король, не правда ли? Хо, хо, хо!

Змея как будто поняла ее. Она вдруг подняла голову, ее блестящие глаза василиска замерцали, как будто излучая огненные искры, ее раздвоенный язык высунулся из пасти и чешуйчатые кольца загремели, издавая звук, похожий на «ски-ррр».

— Тихо, тихо! — сказала Ева, успокаивая змею и ловким движением пальцев заставляя ее снова свернуться клубком. — Это не он, читта, не он! Слышишь, ты, король ползучих гадов! Тише, говорю я!

— Почему ты угрожаешь мне, Ева? Ведь нет причин...

— Хорошо! Я верю тебе, милый мико, мой храбрый мико!

— Но, добрая Ева, объясни, скажи мне...

— Нет! Не теперь, не сегодня вечером. Сейчас нет

¹ Окола-читта — зеленая змея.

времени. Взгляни туда, на запад! Нетле-хассе¹ собирается улечься спать. Ты должен уйти. Тебе нельзя бродить в темноте. Ты должен добраться назад в форт, прежде чем зайдет луна. Иди, иди, иди!

— Но я уже сказал тебе, что не могу уйти, пока не закончу своего дела...

— Тогда это опасно... Какое дело? А! Я догадываюсь! Вот идут те, кого ты ждешь.

— Да, я думаю, что это они, — прошептал я.

На противоположном берегу озера появились высокие тени двух вождей.

— Тогда скорей делай свое дело и не теряй времени! — торопила меня Хадж-Ева. — В темноте тебе грозит опасность. Хадж-Ева должна уйти. Доброй ночи, молодой мико, спокойной ночи!

Я тоже пожелал ей спокойной ночи и обернулся к приближавшимся вождям. Тем временем моя странная собеседница скрылась.

Индейцы вскоре вышли на берег и коротко сообщили мне ответ для генерала. Оказалось, что Холатамико снял свои палатки и покинул лагерь!

Два изменника были настолько противны и омерзительны, что мне не хотелось ни одной лишней минуты оставаться в их компании. Получив необходимые сведения, я тут же поспешил избавиться от них.

Предупрежденный Хадж-Евой и учитывая сказанное Аренсом Ринггольдом, я, не тратя времени, направился к форту. Луна стояла все еще над горизонтом, и в ее ярком свете я был огражден от опасности внезапного нападения.

Я шел быстро, из предосторожности выбирая открытые поляны, стараясь держаться подальше от таких мест, где в засаде мог скрываться убийца.

Я никого не увидел ни по пути, ни около форта. Но у самых ворот, недалеко от лавки маркитанта, я заметил человека, притаившегося за сложенными бревнами. Мне показалось, что я узнал мулата.

Я хотел было кинуться на него и разделаться с ним.

¹ Нетле-хассе — «ночное солнце», то есть луна. (Примеч. автора.)

Но часовой уже отозвался на мой оклик, а мне не следовало поднимать тревогу главным образом потому, что я получил приказ действовать, соблюдая военную тайну. Я решил, что этот «воскресший из мертвых» встретится мне в другой раз, когда я буду не так занят, и тогда мне легче и удобнее будет свести счеты и с ним и с его дьявольскими сообщниками. С этой мыслью я вошел в ворота и отправился с докладом в штаб к генералу.

Глава XXXVI

НУЖЕН ВЕРНЫЙ ДРУГ!

Нельзя назвать особенно приятной перспективу провести ночь под одной крышей с человеком, который собирается вас укокошить. Об отдыхе тут нечего было и думать. Я спал очень мало, да и эти жалкие обрывки сна были полны беспокойных кошмаров.

Я не видел Ринггольдов — ни отца, ни сына. Правда, я знал, что оба они в форте, так как они собирались погостить здесь еще денек-другой. Они или легли спать до моего возвращения, или развлекались у какого-нибудь знакомого офицера.

Не пришлось мне увидеть также ни Спенса, ни Уильямса. Эти достойные молодые люди если даже и торчали где-то в пределах форта, то, вероятно, помещались вместе с солдатами, и я не стал их разыскивать.

Я пролежал без сна большую часть ночи, раздумывая о странных событиях, или, вернее, о встрече со своими смертельными врагами. В течение целой ночи я ломал себе голову над тем, как мне следует поступить. И когда утренний свет стал проникать через ставни, я все еще не пришел ни к какому решению.

Первой моей мыслью было рассказать обо всем в штабе и потребовать назначения следствия и наказания преступников. Но по зрелом размышлении я решил, что этот план никуда не годится. Какие доказательства мог я привести в подтверждение таких серьезных обвинений? Только мои собственные утверждения, ничем не

подкрепленные и даже маловероятные. Кто поверил бы в такое неслыханное злодейство? Хотя я не сомневался, что задумали убить именно меня, но утверждать этого не мог, так как даже имя мое не называлось. Меня подняли бы на смех, а то и еще хуже. Ринггольды были могущественными людьми, личными друзьями генерала и правительственного агента, и хотя все знали об их тайных, темных делишках, тем не менее они считались джентльменами. Для обвинения Аренса Ринггольда в убийстве надо было найти более веские доказательства. Я предвидел все трудности, связанные с этим, и решил пока сохранить тайну.

Другой план казался мне гораздо более осуществимым: открыто, при всех, бросить Ринггольду в лицо обвинение и вызвать его на смертный бой. Это, по крайней мере, доказало бы правоту моих обвинений.

Но дуэль была запрещена законом. Если начальству станет известно, что я намерен драться, то мне не миновать ареста, и тогда рухнут все мои планы. У меня было свое мнение об Аренсе Ринггольде. Я знал, что мужество этого человека весьма сомнительно. Скорее всего, он струсит. Но, так или иначе, обвинение и вызов на дуэль сыграют свою роль в его разоблачении.

Я склонялся к тому, чтобы избрать именно этот второй путь, но прежде чем я пришел к какому-либо решению, наступило утро. В эту минуту для меня особенно тяжело было не иметь друга — не просто секунданта (такого я мог бы легко найти среди офицеров гарнизона), но закадычного, верного друга, с которым можно было бы говорить обо всем откровенно и который помог бы мне дельным советом. К несчастью, все офицеры форта были мне совсем незнакомы. Одних только Ринггольдов я знал раньше.

Положение было затруднительное, и тут я вспомнил об одном человеке, который мог дать мне полезный совет. Я решил обратиться к моему старому другу, Черному Джеку.

Утром я вызвал его к себе и рассказал ему всю историю. Джек совсем не удивился. У него самого уже зародились кое-какие подозрения, и он собирался на рас-

свете поделиться ими со мной. Меньше всего его удивило появление Желтого Джека. Негр даже объяснил, как именно произошло его чудесное спасение. Все это было довольно просто. В тот момент, когда аллигатор схватил мулата, он успел ловко всадить ему нож в глаз, и аллигатор выпустил свою жертву. Желтый Джек последовал примеру молодого индейца и даже воспользовался тем же самым оружием. Все это произошло под водой, так как мулат превосходно нырял. Аллигатор укусил его за ногу, и от этого вода окрасилась в красный цвет, но рана была не страшная и не очень задержала побег мулата. Он плыл некоторое время под водой, стараясь не показываться на поверхности, пока не достиг берега, а затем выбрался на сушу и вскарабкался на дуб, где густая листва скрыла его от взоров мстительных преследователей. Так как он был совершенно голый, обрывки одежды не могли послужить обличающей приметой для охотников за живой дичью. А кровь на воде оказалась ему даже дружескую услугу — она окончательно убедила его преследователей, что он сделался жертвой аллигатора, и они прекратили дальнейшие розыски. Таков был рассказ Черного Джека. Он услышал эту историю накануне вечером от одного дружественного индейца в форте, а тот клялся, что слышал это от самого мулата.

Во всей этой истории не было ничего неправдоподобного. И сразу же тайна, тревожившая мой ум, рассеялась. Кроме того, мой верный негр сообщил мне еще и другие интересные сведения. Оказывается, беглый мулат нашел себе пристанище среди одного племени полу-негров, обитавшего в болотах у истока реки Амазуры. Он постепенно завоевал у негров популярность и стал пользоваться большим влиянием. Они избрали его вождем, и теперь он именовался у них «Мулатто-мико».

Одно только оставалось неясным: каким образом сумел он войти в соглашение с Аренсом Ринггольдом?

Впрочем, и тут не скрывалось никакой тайны. У плантатора не было особых оснований ненавидеть беглого мулата. Бурная деятельность Ринггольда во время несостоявшейся казни Желтого Джека оказалась искус-

ным притворством. У мулата было гораздо больше оснований для недовольства. Но любовь и ненависть у людей подобного сорта отбрасываются прочь, когда дело идет о шкурных интересах. Эти чувства в любое время могут быть обменены на золото. Без сомнения, белый негодяй пользовался услугами желтого в разных темных делах и, в свою очередь, сам оказывал услуги. Во всяком случае, было очевидно, что оба они, как говорится, «закопали свои томагавки в землю» и теперешние их отношения были самыми дружескими.

— Как ты думаешь, Джек, — спросил я, — не следует ли мне вызвать Аренса Ринггольда?

— Вызвать? А зачем его вызывать, он уже давно шатается по улице. Видно, совесть не дает спать.

— Да я говорю совсем не об этом.

— А что хочет масса сказать?

— Я хочу заставить его драться со мной.

— Вуф! Масса Джордж хочет драться на дуэли... пистолетом или шпагой?

— Шпаги, пистолеты, винтовки — оружие для меня безразлично.

— Боже милостивый! Не говорите таких страшных вещей, масса Джордж. У вас мать, сестра... Господи! А вдруг вас пуля убьет? Бык иногда убивает мясника. Кто защитит Виргинию, Виолу, всех нас от злых людей? Нет, масса, бросьте это! Не надо его вызывать!

В эту минуту меня самого вызвали. Снаружи раздались звуки горна и бой барабана. Они возвещали сбор на совет. Спорить с Джеком у меня теперь не было времени. Я поспешил туда, куда меня призывал мой долг.

Глава XXXVII

ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕЩАНИЕ

Перед нами снова предстала вчерашняя картина: с одной стороны — войска, стоявшие сомкнутыми рядами в синих мундирах, со сверкающим оружием, офицеры в полной форме, с блистающими эполетами; в цен-

тре -- офицеры штаба, сгруппировавшиеся вокруг генерала, застегнутые на все пуговицы, в полном блеске военной формы; с другой стороны — полукруг индейских вождей, а за ним толпа воинов, в уборах из перьев, татуированных и живописных. Невдалеке от них ржали уже оседланные кони, другие были привязаны к колышкам и мирно щипали травку. Тут же бродили женщины в длинных хуннах.

Подростки и малыши играли в траве. Флаги, знамена и вымпелы развевались над нашими солдатами, вождями и воинами краснокожих. Били барабаны, трубили трубы. Это была яркая, красочная картина!

Однако, несмотря на все это великолепие, картина была далеко не столь внушительна, как накануне; сразу бросалось в глаза, что многих вождей здесь нет; не хватало примерно и половины всех воинов. Это была уже не вчерашняя несметная толпа, а просто довольно большое скопление людей. Теперь все могли вплотную придвинуться к участникам совета.

Онопы не было. Британская медная корона — блистающий символ королевской власти, — еще вчера красовавшаяся в центре, теперь исчезла. Не было и Холата-мико. Ушли и некоторые другие, менее значительные вожди. Поредевшие ряды воинов показывали, что эти вожди увели с собой людей своего клана.

Большинство оставшихся были из кланов Оматла, Черной Глины и Охала. Среди них я увидел также Хойтл-мэтти, Арпиуки, негра Абрама и Карлика-Пощалла с их воинами. Но эти, конечно, остались совсем не для того, чтобы подписать договор.

Я искал глазами Оцеолу. Найти его было нетрудно: лицом и осанкой он заметно выделялся среди прочих. Оцеола стоял с краю, на левой стороне теперь уже небольшого полукруга — может быть, он встал там из скромности — это качество признавалось за ним единодушно. Действительно, среди вождей он был одним из младших и по рождению не имел таких прав, как они. Но, глядя на него, — хотя он стоял последним в ряду, — невольно думалось, что именно он должен главенствовать над всеми.

Как и накануне, в его манерах не было ничего вызывающего. Его осанка была полна величия, хотя держался он свободно. Оцеола скрестил руки на груди в позе отдыхающего человека. Лицо его было спокойно, иногда оно становилось даже мягким и добродушным. Он походил на благовоспитанного человека, ожидающего начала церемонии, в которой он играет только роль зрителя. Пока еще не произошло ничего такого, что могло бы взволновать его; не было произнесено слова, способного разбудить его ум, который только казался дремлющим.

Но этому покою не суждено продолжаться долго. Скоро эта мягкая улыбка превратится в саркастическую усмешку. Глядя на это лицо, трудно было представить себе, что такое превращение возможно. И, однако, внимательный наблюдатель мог бы это уловить. Молодой вождь напоминал мирное небо перед грозой, спокойный океан, на котором вот-вот разыграется шторм, спящего льва, который, если его тронуть, поднимется в порыве неукротимой ярости.

В последние минуты перед началом совещания я не сводил глаз с молодого вождя. Впрочем, не я один — он был центром, на котором сосредоточилось всеобщее внимание. Но я смотрел на него с особым интересом.

Я смотрел на Оцеолу, ожидая, что он сделает мне какой-нибудь знак, показывающий, что он узнал меня. Но этого не случилось: он не кивнул мне, не бросил даже мимолетного взгляда. Раз или два его взор безучастно скользнул по мне, но сейчас же обратился на кого-то другого, как будто я был лишь одним из толпы его бледнолицых врагов. Он, видимо, не помнил меня. Или был так занят какими-то глубокими мыслями, что не обращал ни на что другое внимания.

Я взглянул на равнину, туда, где виднелись палатки, возле которых группами бесцельно бродили женщины. Я внимательно вглядывался в них. Мне показалось, что в центре одной из групп я заметил безумную Хадж-Еву. Я надеялся, что та, чьи интересы она отстаивала так горячо, окажется рядом с нею, но ошибся. Ее не было!

Даже под длинной хунной я узнал бы ее прелестный облик... если она не изменилась.

Если... Это предположение вызывает у вас естественное любопытство. Почему она могла измениться? — спросите вы. Она стала взрослой, развилась, превратилась в зрелую женщину. Ведь в южных странах девушки рано развиваются.

Чего же я боялся, какие были к тому причины? Может быть, ее изменили болезни, истощение или горе? Нет, совсем не то.

Трудно передать все те сомнения, которые терзали меня, хотя они возникли вследствие случайного разговора. Глупый болтун-офицер, который так весело пел вчера о своих «победах», влил яд в мое сердце. Но нет, это не могла быть Маюми! Она была слишком чиста и невинна. Но почему я так сильно волнуюсь? Ведь любовь — не преступление!

Но если все это верно... если она... Но нет, все равно она не виновата! Он один виной тому, что произошло!

Целый день я терзал себя. И все только потому, что я так неудачно подслушал чужой разговор. Этот разговор явился для меня источником жестоких страданий в течение всего предшествующего дня. Я чувствовал себя в роли человека, который слышал слишком многое, но знает слишком мало. Неудивительно, что после встречи с Хадж-Евой я воспрянул духом, ее слова рассеяли недостойные подозрения и оживили мои надежды. Безумная, правда, не произнесла заветного имени, пока я сам не сказал его, но к кому же иначе могли относиться слова «бедная лесная птичка» и «ее сердце изойдет кровью»?

Она говорила о Восходящем Солнце — это был Оцеола. Но кто мог быть красавицей — кто, кроме Маюми?

Но, с другой стороны, это могло быть только отблеском давно прошедших дней, воспоминанием, еще не вполне угасшим в безумном мозгу. Хадж-Ева знала нас в дни юности, не раз встречала во время прогулок в лесу и даже бывала с нами на острове. Безумная коро-

лева прекрасно гребла, искусно управляла своим челноком, могла бешено мчаться на диком коне — могла отправиться куда угодно, проникнуть повсюду. И, может быть, только воспоминание об этих счастливых днях побудило ее заговорить со мной. Ведь в ее помраченном рассудке настоящее слилось с прошедшим и все понятия о времени перепутались. Да будет небо милосердно к ней!

Эта мысль огорчила меня, но ненадолго. Я все-таки продолжал таить в душе светлую надежду. Сладостные слова Хадж-Евы были целительным противоядием от страха, который чуть не охватил меня, когда я узнал, что против моей жизни существует заговор. Зная, что Маюми когда-то любила и все еще любит меня, я не боялся бы выступить против опасностей в сто раз более грозных, чем эта. Только малодушные не становятся храбрыми под влиянием любви. Даже трус, вдохновленный улыбкой любимой девушки, может проявить чудеса храбрости.

Аренс Ринггольд стоял рядом со мной. Мы столкнулись с ним в толпе и даже перемолвились несколькими словами. Он говорил со мной не только вежливо, но чуть ли не дружески. В его словах почти не ощущалось собственного ему цинизма; но стоило мне только пристально посмотреть на него, как глаза его начинали бегать, и он опускал их.

А ведь Ринггольд не имел ни малейшего представления о том, что я знаю все его планы, знаю, что он лелеет мысль убить меня!

Глава XXXVIII

НИЗЛОЖЕНИЕ ВОЖДЕЙ

В этот день агент действовал гораздо решительнее. Он вел рискованную игру, но твердо был убежден в успехе и смотрел на вождей взором повелителя, заранее уверенного в их полном повиновении.

По временам его взгляд с каким-то особенным вы-

ражением останавливался на Оцеоле. В глазах агента таилось зловещее торжество. Я знал, что значили эти взгляды, и понимал, что они не предвещают для молодого вождя ничего доброго. Если бы в эту минуту я мог незаметно подойти к Оцеоле, я шепнул бы ему несколько предостерегающих слов.

Я укорял себя, что раньше не подумал об этом. Хадж-Ева могла бы передать ему вчера ночью мое письмо. Почему я не послал его? Я был озабочен своими бедами и не подумал об опасности, которая грозила моему другу. Я все еще продолжал считать Пауэлла своим другом.

Я не имел точного представления о том, что замыслил агент, хотя из разговора, который мне удалось подслушать, я догадывался о его дальнейших целях. По тому или иному поводу Оцеола должен быть арестован!

Но ведь это грубое нарушение законности, его нельзя осуществить без подходящего предлога. Даже опрометчивый агент не мог решиться на такой смелый шаг — превысить свою власть без серьезных оснований. Какой же найти предлог?

Уход Онопы и «враждебных» вождей, в то время как Оматла и «дружественные» вожди оставались, — вот что создавало благоприятные возможности для агента. Он решил, что повод к аресту должен дать *сам Оцеола*.

О, если бы я мог шепнуть хоть одно слово на ухо моему другу! Но было уже поздно. Сети расставлены, ловушка готова, и редкостная дичь должна вот-вот попасться. Нет, предупреждать его было уже поздно! Мне оставалось теперь только играть роль безмолвного свидетеля при совершении акта величайшей несправедливости, при вопиющем нарушении законных прав индейцев.

Там, где находился генерал и его штаб, поставили стол с чернильницей и перьями. Агент встал сзади. На столе расстелили огромный лист пергамента, сложенный в несколько раз. Это и был договор в Оклавахе.

— Вчера, — начал агент без дальнейших предисловий, — мы только занимались разговорами. Сегодня наступило время перейти к действиям. Вот... — продол-

жал он, указывая на пергамент, — вот договор о переселении по плану Пэйна. Надеюсь, что вы как следует обсудили все, что я говорил вам вчера, и теперь готовы подписать?

— Да, мы обсудили. — сказал Оматла за себя и за свою партию, — и готовы подписать.

— Онопа, главный вождь, — заявил агент, — должен подписать первым... Где же он? — добавил хитрец, глядя вокруг с притворным удивлением.

— Вождя вождей здесь нет.

— Почему его нет? Он должен быть здесь. Почему он отсутствует?

— Он болен и не может быть на совете, — ответил зять вождя, Хойтл-мэтти.

— Это ложь, Прыгун! Онопа только притворяется больным. И вы прекрасно знаете это.

При этом оскорблении угрюмое лицо Хойтл-мэтти стало еще угрюмее, и он весь задрожал от ярости. Но вождь сдержал свой гнев и, с презрительным восклицанием скрестив руки на груди, принял прежнюю спокойную позу.

— Абрам, ты был советником Онопы и должен знать его намерения. Почему его нет сегодня?

— Ах, масса генерал, — ответил негр на ломаном английском языке, не выказывая особого уважения к допрашивающему, — откуда старый Эйб может знать, что хочет сделать король Онопа? Он не говорит мне, куда и зачем уходит. Он великий вождь и никому не сообщает своих планов.

— Но он подпишет договор? Говори: да или нет?

— Нет! — ответил негр твердо, как будто ему было поручено так ответить. — Это я хорошо знаю. Он не подпишет договор. Не подпишет. Нет!

— Довольно! — закричал агент. — Довольно! Так слушайте же меня, вожди и воины семинолов! Я имею полномочия от вашего Великого Отца, президента Соединенных Штатов, который является вождем всех нас. Эти полномочия дают мне право наказывать за неповиновение и измену. Я применяю их сейчас по отно-

шению к Онопе. Отныне он больше не вождь семинолов!

Это неожиданное заявление произвело на всех потрясающее впечатление, подобное действию электрического тока. Вожди и воины — все привстали, тревожно впившись глазами в агента. Одни разгневались, другие изумились. Некоторые, по-видимому, были довольны, но большинство встретили это сообщение явно недоверчиво.

Конечно, агент шутит. Какое право имел он низлагать вождя семинолов? Как сам Великий Отец мог отважиться на это? Семинолы — свободный народ, они даже не платят белым дани, у них нет никаких политических обязательств. Одни они могут свободно избрать главного вождя или свергнуть его.

Но нет! Скоро всем пришлось убедиться, что он говорил серьезно. Как ни нелеп был план низложения короля Онопы, агент решил выполнить его во что бы то ни стало, и раз уж он сделал такое заявление, то дальше надо было действовать, не теряя времени. Он обратился к Оматле:

— Оматла! Ты был верен своему слову и своей чести. Ты заслужил право стать повелителем храброго народа. Отныне *ты* будешь королем семинолов! Великий Отец и весь народ Соединенных Штатов приветствуют тебя и не признают никого другого! Итак, приступим к подписанию договора!

По знаку агента Оматла выступил вперед, подошел к столу, взял перо и написал на пергаменте свое имя.

Глубокое молчание царило среди зрителей. Внезапно его нарушило одно слово, произнесенное гневным, задышающимся голосом. Это слово было: «Изменник!»

Я оглянулся, чтобы узнать, кто это сказал, и увидел, что губы Оцеолы еще не успели сомкнуться, а глаза его были устремлены на Оматлу с невыразимым презрением.

После Оматлы взял перо Черная Глина и поставил под договором свою подпись. Один за другим подходили Охала, Итоласе и другие вожди — сторонники переселения.

Вожди патриотов случайно или намеренно стояли отдельной группой на левом крыле полукруга. Теперь наступил их черед. Первым должен был подойти Хойтл-мэтти. Агент не знал, подпишет ли он договор. Наступила пауза, полная напряженного ожидания.

— Твоя очередь подписывать, Скакун! — обратился к нему агент, переводя его индейское прозвище на английский язык.

— Вы, того гляди, и обскачете меня! — отвечал находчивый и остроумный индеец. В его шутке скрывался серьезный ответ.

— Как, ты отказываешься подписать?

— Хойтл-мэтти не умеет писать.

— В этом нет надобности — твое имя уже обозначено здесь. Тебе достаточно приложить к договору свой палец.

— А вдруг я приложу палец не на то место?

— Ты можешь подписать, поставив крест, — продолжал агент, все еще надеясь уломать вождя.

— Мы, семинолы, не любим креста. Он уже достаточно надоел нам во времена владычества испанцев.

— Значит, ты наотрез отказываешься подписать?

— Да! Господин агент, разве это вас удивляет?

— Пусть будет так. Теперь слушай, что я скажу тебе!

— Уши Хойтл-мэтти открыты, так же как и рот агента, — последовал язвительный ответ.

— Прекрасно! Тогда я лишаю Хойтл-мэтти сана вождя семинолов.

— Ха-ха-ха! — засмеялся в ответ Хойтл-мэтти. — Вот как! Вот как! А скажи мне. — саркастически спросил он, продолжая хохотать и явно издеваясь над торжественным заявлением агента, — чьим же я буду вождем, генерал Томпсон?

— Я уже объявил свое решение, — сказал агент, видимо задетый насмешливым тоном индейца. — Ты больше не вождь. Мы не признаем тебя вождем.

— Но мой народ! Как же он? — продолжал Хойтл-мэтти с тонкой иронией. — Разве моим людям нечего сказать по этому поводу?

— Твой народ будет действовать благоразумно. Он послушается совета Великого Отца. Он не будет больше повиноваться вождю, который поступает как изменник.

— Вы не ошиблись, господин агент! — воскликнул вождь, на этот раз уже серьезно. — Мой народ будет действовать разумно, он останется верен своему долгу. Не обольщайтесь могуществом совета Великого Отца! Если это будет действительно совет отца, они выслушают его и примут; если нет — они заткнут себе уши. Что же касается вашего приказа о моем низложении, то я могу только улыбнуться, видя, как нелепо вы поступаете. Я презираю и этот приказ и агента! Я не боюсь вашего могущества. Я не боюсь, что утрачу преданность моего народа. Сейте между нами раздоры как вам угодно! Кое-где в других племенах вам удалось найти изменников... — Здесь оратор метнул яростный взгляд на Оматлу и его воинов. — Но я презираю ваши козни! Во всем племени не найдется ни одного человека, который отрекся бы от Хойтл-мэтти, — слышите, ни одного!

Хойтл-мэтти умолк и скрестил на груди руки, снова приняв позу молчаливого протеста. Он видел, что разговор окончен.

Затем агент обратился к негру Абраму. Но и тот отказался подписать договор. Он просто сказал: «Нет!» Когда же агент стал настаивать, негр добавил:

— Нет, черт возьми! Я никогда не подпишу эту проклятую бумагу, никогда! Этого достаточно, не так ли, босс Томпсон?

Уговоры кончились. Абрам был вычеркнут из списка вождей.

Арпиуки, Облако, Аллигатор и Карлик-Пошалла — все они один за другим отказались подписаться и были, в свою очередь, низложены. Так же поступили с Холата-мико и другими неявившимися вождями.

Большинство вождей только смеялись, когда шла речь о таком массовом низложении. Смешно было смотреть, как незначительный офицер, получивший временные полномочия, объявлял свои указы с та-

ким видом, как будто он по меньшей мере был императором¹.

Пошалла, последний из лишенных своего сана, смеялся вместе с другими.

— Скажи-ка толстому агенту, — крикнул он переводчику, — что я все еще буду вождем семинолов, когда его долговязый скелет уже зарастет зловонными сорными травами! Ха, ха, ха!

Переводчик не передал эту шутку, она не дошла до ушей агента. Он даже не слышал презрительного смеха, который сопровождал ее, ибо все его внимание было поглощено последним из оставшихся вождей — Оцеолой.

Глава XXXIX ПОДПИСЬ ОЦЕОЛЫ

До этого момента юный вождь молчал, и только когда Чарльз Омата взял перо, у него вырвалось слово «изменник».

Оцеола не оставался безучастным зрителем того, что происходило вокруг. В его взглядах и жестах не было скованности, он не прикидывался равнодушным стойком. О нет, это было не в его характере! Он искренне смеялся остроумным шуткам Прыгуна, одобрительно приветствовал патриотизм Абрама и других вождей и грозно хмурился, когда видел, как подло вели себя изменники.

Теперь наступила его очередь высказать свое мнение. Он стоял, скромно ожидая, пока назовут его имя. Всех вождей называли по имени, все имена были хорошо известны агенту и его переводчикам.

Царила напряженная тишина. И вот наступило мгновение, когда в рядах американских солдат и в тол-

¹ Правительство Соединенных Штатов впоследствии неодобрительно отнеслось к этому необдуманному изложению вождей. Однако не подлежит сомнению, что Томпсон действовал в соответствии с тайными указаниями президента. (Примеч. автора.)

пе индейских воинов все затаили дыхание, как будто каждый был полон ощущения надвигающейся грозы.

Я тоже чувствовал, что готовится взрыв, и, как все остальные, неподвижно замер на месте, ожидая дальнейшего развития событий.

Наконец агент прервал молчание:

— Теперь ваша очередь, Пауэлл! Но прежде всего отвечайте мне: признаны ли вы вождем?

Топ, манеры, слова — все здесь было крайне оскорбительно. Выражение лица агента явно доказывало, что это все было заранее обдуманно и намечено, как прямой разящий удар. В глазах его проскальзывали злоба и предвкушение предстоящего триумфа. Вопрос был совершенно излишний, не относящийся к делу, он безусловно был задан с провокационной целью. Томисон прекрасно знал, что Пауэлл был вождем — правда, младшим, но все же военным вождем самого воинственного из племен семинолов — племени Красные Палки. Агент хотел вызвать вспышку гнева у пылкого, горячего юноши.

Но этой цели достигнуть ему не удалось: казалось, что оскорбление не задело вождя. Оцеола ничего не ответил; странная улыбка промелькнула на его лице, не гневная и не презрительная. Это была улыбка молчаливого, величественного пренебрежения, взгляд, который порядочный человек бросает на негодяя, когда тот оскорбляет его. Казалось, молодой вождь считает агента недостойным ответа, а оскорбление слишком грубым (так оно в действительности и было), чтобы возмущаться им. Такое же впечатление было и у меня и у большинства присутствующих.

Если бы агент был чутким человеком, взгляд Оцеолы мог бы заставить его замолчать или, по крайней мере, изменить тактику. Но грубой душе чиновника было чуждо чувство деликатности и справедливости, и, не обращая внимания на отпор, данный ему Оцеолой, он продолжал еще более оскорбительным тоном:

— Я вас спрашиваю: вождь ли вы? Имеете ли вы право подписать?

Тут же сразу десяток голосов ответил за Оцеолу. Вожди в кругу и воины, стоящие за ними, закричали:

— Вождь ли Восходящее Солнце? Конечно, он вождь! Он имеет полное право подписать!

— Почему его право подвергается сомнению? — спросил Прыгун. — Когда наступит время, — добавил он с усмешкой, — Оцеола сумеет доказать свои права. А сейчас он, может быть, и не собирается этого делать.

— Нет, собираюсь! — воскликнул Оцеола, обращаясь к оратору и подчеркивая каждое слово. — Я имею право подписать, и я подпишу!

Трудно передать впечатление, произведенное на всех этим неожиданным ответом. И белые и индейцы были одинаково изумлены; все они задвигались, зашумели; недоуменные возгласы слились в один сплошной гул.

Каждый выражал удивление по-своему — в зависимости от своих политических убеждений. В голосе одних слышались радость и ликование, в тоне других звучали горечь и гнев. Неужели это сказал Оцеола? Не ослышались ли они? Неужели Восходящее Солнце так быстро скроется за облаками? После всего того, что он совершил, после всего того, что он обещал, — неужели он окажется изменником?!

Такие вопросы занимали умы всех вождей и воинов — противников переселения. В то же время партия изменников едва могла скрыть свой восторг. Все знали, что подпись Оцеолы решает дело, что отныне они обречены на переселение. Братьям Оматла теперь нечего опасаться. Пусть теперь продолжают сопротивляться враждебные белым воины, все те, кто поклялся не уходить. У них больше нет вождя, который мог бы сплотить патриотов, как Оцеола. После его отступничества дух сопротивления неизбежно ослабеет, и дело патриотов можно считать безнадежно проигранным.

Прыгун, Облако, Коа-хаджо, Абрам, Арппуки и Карлик-Пошалла — все были ошеломлены. Оцеола, которого они облекли полным доверием, смелый инициатор и вдохновитель сопротивления, непримиримый враг всех тех, кто до сих пор ратовал за переселение, истинный

патриот, в которого все так верили, на которого все возлагали надежды, — теперь собирался уйти от них, покинуть их в последнюю, решающую минуту, когда его предательство окажется роковым для их общего дела!

— Он продался за деньги! — слышались голоса. — Его патриотизм — притворство!.. Его борьба, его сопротивление — обман!.. Он подкуплен агентом, он все время действует по его указке!.. Негодяй!.. Эта измена еще чернее измены Оматлы!

Так бормотали вожди, бросая на Оцеолу яростные взгляды. Я и сам не знал, что подумать об отступничестве Оцеолы. Он объявил свое решение подписать договор — что могло быть яснее?

Молодой вождь, по-видимому, был готов подтвердить делом свое слово и только ждал знака агента, для которого заявление Оцеолы было, очевидно, столь же неожиданным, как и для всех остальных. Любому, кто взглянул бы в этот момент на лицо агента, сразу стало бы ясно, что он совершенно непричастен к тому, что произошло. Он явно был так же ошеломлен заявлением Оцеолы, как и все остальные, а может быть, даже еще больше. Он так растерялся, что не сразу смог прийти в себя и обрести дар речи. Наконец он промямлил:

— Отлично, Оцеола! Подойдите сюда и подпишите.

Теперь Томпсон изменил свой тон — он говорил елеинно и вкрадчиво. Он рисовал себе радужную картину: Оцеола подпишет и, таким образом, даст согласие на переселение. Дело, которое поручено ему, Томпсону, правительством, будет выполнено с блеском, и это значительно укрепит его положение в дипломатических кругах. «Старый Хикори» будет доволен! А что дальше? Дальше последует не скромное назначение во Флориду, к жалкому племени индейцев, а дипломатическая миссия в каком-нибудь крупном, цивилизованном государстве. Может статься, он будет назначен послом — например, в Испанию...

Ах, генерал Уайли Томпсон, твои воздушные замки мгновенно развеялись, как дым! Они рухнули так же внезапно, как возникли, — рухнули, как шаткие картонные домики.

Оцеола пробежал глазами подписи.

Оцеола подошел к столу и нагнулся над документом, как бы для того, чтобы лучше разобрать слова. Он пробежал глазами подписи, словно отыскивая чье-то имя.

Наконец он нашел его и прочел вслух: «Чарльз Оматла!» Затем он выпрямился и, пристально взглянув на агента, иронически спросил, все ли еще агент желает, чтобы он, Оцеола, подписал договор.

— Вы дали обещание, Оцеола!

— Тогда я сдержу свое обещание!

При этих словах он вытащил свой большой испанский нож и, высоко подняв его над головой, воткнул в пергамент с такой силой, что лезвие глубоко вонзилось в дерево стола.

— Вот моя подпись! — воскликнул он, извлекая нож. — Ты видишь, Оматла, я пронзил твое имя. Берегись, изменник! Откажись от своих слов, или это лезвие так же пронзит и твое сердце!

— А, так вот что он задумал! — завопил агент, поднимаясь с места и весь дрожа от ярости. — Хорошо! Я был готов к этой наглости, к этому надругательству над законом. Генерал Клинч, я обращаюсь к вам и вашим солдатам! Немедленно схватите его и арестуйте!

Эта отрывистая речь долетела до меня среди невообразимого шума, который поднялся кругом. Клинч быстро сказал несколько слов стоящему рядом офицеру. Я видел, как полдюжины солдат вышли из рядов, кинулись на Оцеолу и окружили его.

Оцеола сдался не сразу. Несколько солдат в синих мундирах были опрокинуты на землю, и ружья выбиты у них из рук. Но десяток дюжих парней вцепились в Оцеолу мертвой хваткой. Только тогда молодой вождь прекратил отчаянное сопротивление. И, уступив силе, он стоял суровый и неподвижный, как статуя, отлитая из бронзы.

Это была развязка неожиданная и для белых и для индейцев, совершенно неоправданный акт насилия. Это был не суд, где судья имел право арестовать виновного за неуважение к власти. Это был совет, и даже оскорбительное поведение отдельного лица не могло караться без согласия обеих сторон. Генерал Томпсон превысил

свои полномочия, он деспотически и незаконно воспользовался своей властью.

Трудно описать сцену, которая последовала за этим, — возникло невероятное смятение. Воздух огласили громкие крики солдат и женщин, плач и визг детей, боевой клич индейских воинов — все слилось в один общий гул. Никто не попытался освободить Оцеолу — это было невозможно при наличии стольких солдат и стольких предателей. Но вожди-патриоты, поспешно удаляясь, издали свой дикий клич: «Йо-хо-эхи!» — призывный военный клич семинолов, который предвещал расплату и месть. Солдаты потащили Оцеолу в форт.

— Тиран! — воскликнул он, устремив на агента сверкающий взор. — Ты одержал победу, поступив вероломно. Но не думай, что это конец! Ты можешь швырнуть Оцеолу в тюрьму, даже повесить его, если хочешь, но не надейся, что его дух умрет! Нет, он будет жить и взывать к мести! Его голос звучит уже сейчас! Ты слышишь эти звуки? Знаешь ли ты боевой клич Красных Палок? Запомни его получше! Не последний раз он звучит в твоих ушах! Слушай его, тиран! Это твой похоронный звон!

Таковы были угрозы молодого вождя, пока его уводили в форт. Когда я шел за толпой, кто-то дотронулся до моего плеча. Это была Хадж-Ева.

— Сегодня вечером у ви-ва¹, — шепнула она. — На воде будут тени... несколько теней. Может быть...

Толпа разъединила нас. Когда я пробился через нее, безумная королева уже исчезла.

Глава XL

ЗАБИЯКА ГАЛЛАХЕР

Пленника заключили в крепкий каземат без окон. Доступ к нему получить было легко, особенно офицеру. Я собирался навестить его, но по некоторым причинам

¹ Ви-ва — источник, пруд или вода. (Примеч. автора.)

решил не делать этого днем. Мне хотелось увидаться с ним, но по возможности тайно, и я решил подождать наступления ночи.

У меня были и другие причины: я стремился закончить свое дело с Аренсом Ринггольдом. Я не мог сообразить, как мне действовать. Противоречивые чувства боролись во мне, мешались в каком-то хаосе: ненависть к заговорщикам, возмущение несправедливостью агента к Оцеоле, любовь к Маюми — полная нежности и доверия и в то же время полная сомнений и ревности. Как мог я ясно мыслить в таком смятении чувств?

Одно чувство преобладало над всеми остальными — гнев на того негодяя, который собирался отнять у меня жизнь в тот момент, когда страстная любовь пылала в моей груди. Такое бессердечие, такая беспричинная смертельная ненависть ко мне со стороны Ринггольда наполнили меня острой жаждой мести, и я решился во что бы то ни стало наказать его.

Только тот, на чью жизнь покушался убийца, может понять, как возненавидел я Аренса Ринггольда. Можно уважать противника, который, чувствуя себя оскорбленным или под влиянием гнева и ревности, открыто действует против вас. Даже на двух белых негодяев и желтого беглеца я глядел только с презрением, как на орудия, слепо действующие в чужих руках. Но самого дьявольского заговорщика я и ненавидел и презирал. Я чувствовал себя настолько оскорбленным, что не мог успокоиться, пока не попытаюсь наказать врага, пока не отомщу ему. Но как? Вот в этом и заключалась задача. Дуэль! Ничего другого я не мог придумать. Преступник был все еще под защитой закона, и я мог отомстить ему только с помощью собственного оружия.

Я хорошо взвесил слова Черного Джека, однако мой верный слуга тщетно увещевал меня. Я решил действовать наперекор его советам. Будь что будет! Я пошлю Ринггольду вызов на дуэль.

Только одно удерживало меня: ведь я должен еще найти повод для вызова. Это заставляло меня колебаться. Если мне удастся ранить Ринггольда или он ранит меня, то что же дальше? Я открою ему свои карты, и он

воспользуется этим. А сейчас я могу легко расстроить его планы, потому что знаю их, а он моих планов пока не знает.

Эти соображения вихрем проносились в моем мозгу, хотя я и рассуждал с хладнокровием, которое впоследствии удивляло меня самого. Злобная ненависть этого негодяя и все, что случилось со мной за последнее время, прямо-таки ожесточили меня.

Мне необходим был друг, с которым я мог бы посоветоваться. Но кому мог я открыть эту страшную тайну?..

Что это? Неужели мой слух обманывает меня? Нет, это действительно голос Чарльза Галлахера, моего старого товарища по училищу. Я узнал его веселый, звонкий смех. Отряд стрелков под его командованием вступил в форт, и через минуту мы уже обнимали друг друга.

Может ли выпасть более удачный случай? В училище Чарльз был моим закадычным другом, он вполне заслуживал доверия, и я тут же рассказал ему обо всем. Пришлось многое объяснить ему, прежде чем он мне поверил. Чарльз склонен был считать все это шуткой, он никак не думал, что кто-то действительно мог покушаться на мою жизнь. Но свидетель Черный Джек подтвердил все, что я рассказал, и Чарльзу наконец пришлось взглянуть на дело серьезно.

— Не везет мне! — сказал он с ирландским акцентом. — Это самый страшный случай в жизни, с которым я, бедняга, когда-либо встречался. Матерь божия! Этот парень, должно быть, воплощенный дьявол! Джордж, мальчик мой, ты не заметил у него раздвоенных копыт?

Несмотря на свое имя и диалект, Чарльз был ирландцем только по отцу. Он родился в Нью-Йорке и, если хотел, мог прекрасно говорить по-английски. Но ему была свойственна некоторая манерность, стремление прослыть оригиналом, у него вошло в привычку, беседуя с друзьями, прибегать к диалекту и уснащать свою речь чисто ирландскими выражениями. Он был немножко чудаковатый парень, но с благородной и чистой душой, с беззаветно преданным сердцем. К тому же Чарльз был далеко не глуп и не позволил бы так

легко «наступить себе на ногу». За ним уже числились две или три дуэли, в которых он выступал и в качестве основного участника и в качестве секунданта. За его воинственность ему дали прозвище «забияка Галлахер». Я заранее знал, что он мне посоветует: «Вызови мерзавца на дуэль во что бы то ни стало!» Я объяснил ему, по каким причинам мне трудно вызвать Ринггольда на дуэль.

— Верно, мой мальчик! Ты прав. Но дело это не такое уж трудное.

— Как так?

— Заставь его вызвать тебя. Так будет лучше. Кроме того, ты получишь возможность сам выбрать оружие.

— Но как это сделать?

— О мой невинный цыпленок, это так же легко, как выбить пробку из бутылки. Назови его лжецом, а если он не очень обидится, щелкни его по носу или выплюнь табачную жвачку в его противную рожу. Ручаюсь, что он выйдет из себя. А я буду твоим секундантом... Ну пойдем, мой мальчик, — продолжал мой приятель, направляясь к двери. — Где его искать, этого мистера Ринггольда? Найди мне этого мерзавца, а я уж научу тебя, как поцарапать ему пуговицы. Ну, пошли вместе!

Этот план мне не особенно нравился, но у меня не хватило духу сопротивляться ему и я поплелся за неистовым сыном кельтской расы.

Глава XLI

ПОВОД К ДУЭЛИ

Не успели мы выйти из дверей, как сразу наткнулись на того, кого искали. Ринггольд стоял недалеко от порога и разговаривал с группой офицеров. Среди них находился один франт, о котором я уже говорил, по прозвищу Красавчик Скотт. Он состоял адъютантом при главнокомандующем и к тому же приходился ему родственником.

Я указал моему товарищу на Ринггольда.

— Вот этот, в штатском, — сказал я.

— Тебе не надо даже и указывать на него. Его змеиные глаза сами говорят за себя. Клянусь душой, не очень приятный взгляд! Ну, ему нечего бояться воды: кому суждено быть повешенным, тот не утонет! Послушай, Джордж, мой мальчик, — продолжал Галлахер серьезным тоном, — последуй в точности моему совету: наступи ему на ногу, и посмотрим, что он запоет. У него, наверно, мозоли — видишь, какие тесные сапоги он носит... Да ты с ним не деликатничай! Он, конечно, потребует, чтобы ты извинился, иначе ведь нельзя. А ты не захочешь, вот и все, никаких церемоний. Ну, а коли так не выйдет, тогда, черт побери, дай ему пинка.

Мне не понравился этот план.

— Нет, Галлахер, — сказал я, — это никуда не годится.

— Ну вот еще, пустяки! А почему же нет? Неужели ты собираешься так просто уйти отсюда? Подумай, мальчик мой, ведь это же негодяй, который хочет убить тебя! И в один прекрасный день, если ты дашь ему ускользнуть, он тебя укокошит!

— Это верно... но...

— Ба! Какие там «но»? Марш вперед! Послушаем, о чем они там чирикают. Уж я-то найду, к чему прицепиться, не будь я Галлахер!

Не зная, на что решиться, я последовал за своим товарищем, и мы подошли к группе офицеров. Конечно, я не собирался поступить по совету Галлахера и не терял надежды, что мне не придется прибегнуть к грубой уловке, предложенной им. И я не обманулся в своих надеждах. По-видимому, Аренс Ринггольд испытывал свою судьбу. Едва мы приблизились, как повод к дуэли уже нашелся.

— Ну, коли речь зашла об индейских красавицах, — сказал Ринггольд, — то никто не добился такого успеха, как Скотт. Он тут все время разыгрывает Дон-Жуана с того самого момента, как появился в форте.

— Да что ж тут удивительного! — заметил один из только что подошедших офицеров. — Насколько мне

известно, он неотразим и всегда покорял сердца всех красавиц в Саратогe. Как же индейская девушка может устоять перед ним?

— Не говорите этого, капитан Робертс. Лесные нимфы очень боятся нас, бледнолицых мужчин. Наверно, теперешняя возлюбленная стояла лейтенанту долгой осады, прежде чем он добился победы... Не так ли, лейтенант?

— Чепуха! — возразил франт, самодовольно ухмыляясь.

— Но ведь она наконец уступила? — спросил Робертс, обращаясь к Скотту.

Лейтенант не ответил, но его дурацкая улыбка, очевидно, должна была означать утвердительный ответ.

— О да! — вставил Ринггольд. — Теперь она его «фаворитка», как принято говорить.

— А имя? Как ее имя?

— Пауэлл. Мисс Пауэлл.

— Как! У нее не индейское имя?

— Нет, джентльмены, эта юная леди не дикарка, уверяю вас. Она играет на лютне, поет, читает и пишет такие миленькие любовные записочки... Не так ли, лейтенант?

Прежде чем лейтенант успел ответить, другой офицер спросил:

— Да ведь так же зовут и того молодого вождя, которого только что арестовали?

— Верно, — ответил Ринггольд. — Его тоже так зовут. Я забыл сказать, что это его сестра.

— Как! Сестра Оцеолы?

— Ни больше ни меньше. Они метисы. Среди белых они известны как Пауэллы. Так звали почтенного, старого джентльмена — их отца. Оцеола значит «Восходящее Солнце» — это имя, под которым он известен у семинолов. А ее настоящее имя... ах, это очень красивое имя!

— Какое же? Скажите нам, мы рассудим сами.

— Ее зовут Маюми.

— Действительно, прелестное имя.

— Очень красивое! Если сама девица так же хороша, как ее имя, то Скотт просто счастливец.

— О, она настоящее чудо красоты! Глаза влажные и блистающие пламенем любви, длинные ресницы, полные и сладкие, как мед, губы, высокий рост, стройна, как сама богиня Киприда¹, ножки крошечные, как у Золушки. Одним словом, она совершенство!

— Чудеса, да и только! Скотт — счастливейший из смертных! Но скажите, Ринггольд, неужели вы говорите серьезно? Действительно ли он покори́л это индейское божество? По чести, удалось ли ему победить? Вы понимаете, что я имею в виду?

— Безусловно! — был мгновенный ответ.

До сих пор я не вмешивался. С самого начала этого разговора я стоял как вкопанный, словно меня заколдовали. Голова у меня кружилась, кровь прилиwała к сердцу, как расплавленный свинец. Столь дерзкое утверждение так ошеломило меня, что прошло некоторое время, прежде чем я мог собраться с силами. Некоторые из офицеров заметили, что этот разговор произвел на меня сильное впечатление. Но уже через несколько минут я успокоился. Отчаяние, овладевшее мной, заставило меня собрать всю свою волю, и как раз в тот момент, когда Ринггольд произнес эти дерзкие слова, я подошел к нему вплотную.

— Лжец! — крикнул я, и не успел он покраснеть от стыда, как я ударил его по щеке тыльной стороной руки.

— Чистая работа! — воскликнул Галлахер. — В значении этого жеста не может быть никакого сомнения!

Так оно и вышло. Мой противник воспринял пощечину, как полагалось, то есть как смертельное оскорбление. В таком обществе он не мог поступить иначе. Пробормотав несколько нечленораздельных угроз, он удалился в сопровождении своего друга — «покорителя женских сердец» и еще двух или трех офицеров.

После этого не только не собралась толпа любопытных, а, напротив, рассеялась и та небольшая группа

¹ К и п р и д а — в древнегреческой мифологии богиня любви Афродита. Слово «Киприда» означает «родившаяся на Кипре». Остров Кипр был центром культа Афродиты.

офицеров, которые были свидетелями происшествия. Офицеры разошлись по домам, обсуждая между собой причины дуэли и строя предположения о том, когда и где «дело чести» может состояться.

Мы с Галлахером тоже отправились ко мне на квартиру и стали готовиться к поединку.

Глава XLII

ВЫЗОВ НА ДУЭЛЬ

В ту пору, к которой относится мой рассказ, дуэли в армии Соединенных Штатов не были редким явлением даже в военное время, как показывает опыт, хотя это явное нарушение устава американской армии, — да, я полагаю, и каждой армии цивилизованного мира, — тем не менее на них смотрели сквозь пальцы и не наказывали виновных, а относились к ним снисходительно. Я могу утверждать, что любой офицер американской армии, который получил вызов, считает для себя более почетным нарушить устав, нежели соблюсти его.

После всего того, что было сказано и написано о дуэлях, протест против них — просто жалкое притворство, образец настоящего лицемерия, по крайней мере в Соединенных Штатах Америки. И хотя дуэли осуждаются всеми, я не хотел под этим предлогом уклоняться от нее. Я хорошо знаю, что никакой довод не защитил бы меня от омерзительной клички «трус». Я не раз замечал, что газеты, выступая с громовыми статьями против дуэлей, тем не менее первые готовы швырнуть позорное слово «трус» в лицо тому, кто отказывается сражаться.

Именно так и обстоит дело. В Америке стойкость убеждений хотя и вызывает похвалу, но не пользуется всеобщим признанием. Если вас вызвали на дуэль и вы отказались, то будут говорить, что вы уваливаете, что вы боитесь. И тот, кто отклонил вызов, пусть лучше не показывается на глаза любимой девушке.

Зная распространенный взгляд на дуэли, я был уверен, что Аренс Ринггольд примет мой вызов, и радовал-

ся, что мне удалось добиться этого, не открывая моей тайны. Но будь он даже величайшим трусом на свете, он не мог бы чувствовать себя таким несчастным, каким чувствовал я себя, когда вернулся домой.

Мой жизнерадостный товарищ не мог развеселить меня, хотя я не боялся предстоящей схватки — не это омрачало мою душу. Наоборот, я почти забыл о дуэли и думал о Маюми — о том, что я только что услышал. Она была неверна, неверна, предала меня, предала себя, погибла, погибла навеки!

Попстине я был несчастен. Еще несчастнее могла бы сделать меня только одна вещь на свете — препятствие к дуэли, помеха моей мести. Теперь я надеялся только на дуэль. Она должна была облегчить мое сердце, охладить мою пылающую кровь. И не только Аренс Ринггольд вызывал во мне такую ненависть, а еще и тот, кто был виновеп в моих страданиях, — соблазнитель Маюми. Если бы я мог найти предлог вызвать на дуэль и его! Почему же тогда я не ударил этого франтика за его глупую улыбку? Я мог бы драться с ними обоими; сначала с одним, потом с другим... Так я неистовствовал, а Галлахер наблюдал за мной. Мой друг не знал всей глубины моей тайны. Он спросил, что я имею против адъютанта.

— Скажи только слово, Джордж, мальчик мой, и мы устроим забаву вчетвером. Клянусь святым Патриком!¹ Мне бы очень хотелось сбить спесь с этого павлина.

— Нет, Галлахер, нет. Это не твое дело. Это не удовлетворяет меня. Подождем, когда узнаем больше. Я не могу поверить! Я не могу поверить!

— Поверить чему?

— Не теперь, мой друг. Когда наступит время, я все объясню.

— Ну ладно, мой мальчик. Чарльз Галлахер не такой человек, чтобы выпытывать чужие тайны. А теперь пойдем посмотрим, здорово ли лают наши бульдоги. Надеюсь, что этот бездельник не разболтает о дуэли в штабе, а то нам придется разочароваться.

¹ Святой Патрик — легендарный покровитель Ирландии.

Именно этого я и боялся. Я знал, что, если бы мой противник пожелал, я мог бы очутиться под арестом. Тогда все дело провалилось бы и я попал бы в еще худшее положение. Отец Ринггольда уехал — это приятное обстоятельство было мне известно, но все-таки... главнокомандующий друг их семьи — достаточно было шепнуть ему хотя бы одно слово. Я боялся, что адъютант Скотт, по наущению Аренса Ринггольда, шепнет генералу Клинчу это слово.

— В конце концов, он не посмеет, — говорил Галлахер. — Ты прямо-таки пригвоздил его к позорному столбу! Он ни за что не посмеет прибегнуть к такому гнусному маневру. Об этом могут узнать, и тогда на него же будут вешать всех собак. Кроме того, моя малютка, ведь он же хочет во что бы то ни стало тебя убить! Зачем же ему упускать такой случай? Говорят, что он неплохой стрелок. Не бойся, он будет драться. На этот раз он не улизнет: он должен драться и будет драться... Ага! Что я говорил? Смотри, сюда идет сам Аполлон Бельведерский!¹ Святой Моисей! Он сияет, как Феб!²

У дверей раздался стук, и адъютант Скотт в полной форме вошел в комнату.

«Вероятно, он сейчас арестует меня», — подумал я, и сердце у меня упало.

Но я ошибался. Записка, принесенная им, заключала в себе нечто иное. Я облегченно вздохнул: это был вызов.

— Лейтенант Рэндольф, если не ошибаюсь? — обратился ко мне адъютант.

Я молча указал на Галлахера.

— Следует ли это понимать так, что капитан Галлахер ваш друг?

В знак подтверждения я слегка поклонился.

Оба офицера взглянули друг на друга и сейчас же любезно и хладнокровно приступили к обсуждению

¹ Аполлон Бельведерский — знаменитая статуя бога Аполлона, изваянная древнегреческим скульптором Леохаром.

² Феб — одно из наименований бога Аполлона.

дуэли. Я сделал следующее наблюдение: учтивость секундантов во много раз превосходит любезность самых учтивых придворных в мире.

Переговоры между секундантами продолжались долго. Галлахер хорошо знал все формальности, да и адъютант тоже, по-видимому, разбирался в этих делах. Через пять минут все было определено — время, место, оружие и расстояние. Я слегка кивнул. Галлахер размашистым жестом отдал честь, и адъютант, в свою очередь отвесив чопорный поклон, удалился.

* * * * *

Не стану утомлять вас ни рассказом о том, что я думал перед дуэлью, ни подробностями самой дуэли. Описания этих грозящих смертью поединков часто попадают в книги, и их однообразие послужит мне извинением за то, что я их не повторяю.

Наша дуэль отличалась только родом оружия. Мы выбрали винтовки, а не шпаги или пистолеты. Это был мой выбор, на который я как вызванный имел право. Но и противник также хорошо владел этим оружием. Я выбрал винтовку как наиболее смертоносное оружие.

Мы решили встретиться за час до заката солнца. Я настоял на такой ранней встрече, боясь, что нам кто-нибудь может помешать. Местом был избран берег озера, где я разговаривал с Хадж-Евой. Расстояние определили в десять шагов.

Мы встретились, встали на места спиной друг к другу и ждали рокового сигнала. Прозвучало: «Раз, два, три!» Мы быстро обернулись и выстрелили.

Я услышал, как пуля просвистела у моего уха, но она не задела меня. Когда дым рассеялся, я увидел, что противник лежит на земле. Ринггольд был жив, он корчился и стонал от боли. Секунданты и несколько офицеров подбежали к нему. Я не двинулся с места.

— Ну что? — спросил я, когда Галлахер вернулся.

— Попал, клянусь Юпитером! Ты лишил его возможности владеть правой рукой — перелом кости выше локтевого сустава.

— И только-то?

Я увидел, что противник лежит на земле.

— Ну, клянусь душой, неужели тебе этого мало? Разве ты не слышишь, как скулит этот пес?

Я чувствовал себя, как тигр, отведавший крови, хотя теперь сам не могу объяснить себе своей жестокости. Ринггольд замыслил убить меня — в отместку я жаждал его крови. Все эти мысли сводили меня с ума. Я, конечно, не стал извиняться перед ним, да и моему противнику было совсем не до того. Он умолял скорее унести его домой, и тем это дело пока и кончилось.

Это была моя первая дуэль в жизни, но не последняя.

Глава XLIII

СВИДАНИЕ

Наши противники и зрители молча удалились, и мы с Галлахером остались вдвоем.

Я собирался подождать у озера Хадж-Еву, которая

Ринггольд был жив, он корчился и стонал от боли.

должна была скоро прийти. Взглянув на запад, я увидел, что солнце зашло за вершины деревьев. Сумерки в это время года продолжаются недолго, и в небе уже показался молодой месяц. Хадж-Ева могла появиться с минуты на минуту. Мне не очень хотелось, чтобы Галлахер присутствовал при нашем свидании, и я попросил оставить меня одного.

Мой товарищ был несколько удивлен и смущен подобной просьбой. Но он был слишком хорошо воспитан, чтобы возражать.

— Право, Джордж, мальчик мой, с тобой происходит что-то неладное, — заявил он, собираясь уходить. — И все это из-за какой-то ерундовой дуэли? Разве ты недоволен ее исходом? Или ты очень огорчен, что не ухлопал его? Клянусь небом, у тебя такой меланхолический и подавленный вид, как будто это он уколошил тебя.

— Оставь меня ненадолго одного, дорогой мой. Когда я вернусь, я расскажу тебе о причинах моей мелан-

холии и объясню, почему сейчас вынужден лишиться твоего приятного общества.

— Ну, об этом-то я догадываюсь, — сказал он, многозначительно улыбаясь. — Там, где мужчины обмениваются выстрелами, всегда замешана юбка. Ну ладно, мой мальчик! Можешь не сообщать мне своей тайны, у меня слишком болтливый язык. Надеюсь, что ты проведешь время веселее с той, кого ждешь, чем со мной. Но смотри не попади в какую-нибудь неприятную историю, а это, клянусь душой, вполне возможно — после того, что я узнал от тебя. Возьми-ка этот свисток, ты ведь знаешь, что я любитель собак.

Он вынул из петлицы и протянул мне серебряный свисток.

— Если произойдет какое-нибудь затруднение или неприятность, то стоит тебе только свистнуть, и Чарльз Галлахер очутится рядом с тобой скорее, чем ты успеешь повернуться. Да поможет тебе Амур! А я пока пойду убивать время за стаканом пунша.

Сказав это, мой задушевный друг предоставил меня моей собственной судьбе.

Не успел он скрыться из виду, как я совершенно забыл о нем и даже о кровавой схватке, в которой только что участвовал. Маюми и ее измена — вот что всецело занимало мои мысли.

Сначала мне и в голову не приходило сомневаться в истине того, что я слышал. Как я мог сомневаться, располагая такими доказательствами — свидетельством тех, кто знал об этом скандальном происшествии, свидетельством главного действующего лица, чья молчаливая улыбка говорила больше, чем любые слова, — улыбка, таившая в себе наглое торжество!.. Почему я позволил уйти ему безнаказанно, почему я тут же не вызвал его на дуэль? Впрочем, еще не поздно. Я заставлю его высказаться откровенно, начистоту. Да или нет? Если да, то последует вторая дуэль, еще более ожесточенная, чем первая, — дуэль не на жизнь, а на смерть!

Я не сомневался более в жестокой истине. Я целиком отдавал себя во власть этой страшной пытки. Я дол-

го терзался, но мало-помалу в моей душе вновь затеплилась надежда. Я вспомнил слова Хадж-Евы, сказанные прошлой ночью. Неужели в этот момент она смеялась надо мной? Но ведь она находилась в полном сознании, это не было игрой ее болезненной фантазии, воспоминанием о минувшем, давно забытом эпизоде. Нет-нет, ее рассказ не был выдумкой, ее мысли не были бредом, ее слова не были насмешкой.

Как утешительно было надеяться на это! Но, с другой стороны, сейчас же на смену этим успокоительным мыслям являлись другие, отгоняли их, затемняли, как облака затемняют солнце. Я вспоминал легкомысленные фразы, сказанные многозначительным тоном: «Он добился успеха!», «Она его возлюбленная!», «Несомненно!» Эти слова были для меня хуже смерти.

Я жаждал ясности, правды и ясности — ничто так не мучает, как неизвестность. Я стремился узнать правду с безрассудной прямолинейностью и опрометчивостью — только бы выяснить все, что случилось с Маюми, и убедиться, что прошлое ее было позором, а будущее — хаосом беспредельного отчаяния.

Я стремился узнать правду и с нетерпением ждал прихода Хадж-Евы. Я не знал, чего хотела от меня эта безумная женщина. Я полагал, что дело идет о пленнике. Начиная с полудня я совсем не думал о нем.

Сумасшедшая королева бывала везде, знала всех. Она должна знать и понимать все, что произошло. Она тоже когда-то испытала, что такое измена. Я направился к тому месту, где мы встретились с ней прошлой ночью. Между пальмами шла тропинка — это была кратчайшая дорога к тенистому берегу озера. Я спустился по откосу и вышел к развесистому дубу. Хадж-Ева уже была там. Яркие лучи луны, пробиваясь сквозь листву, освещали ее величественную фигуру. А змеи, обвившиеся вокруг ее шеи и пояса, сверкали своей металлической чешуей, как драгоценные камни.

— А, маленький мико, ты пришел? Мой храбрый мико! Где же были твои глаза и твоя рука? Почему ты не убил этого негодяя?

За оленем в час ночной
Шел с винтовкой зверобой.
Был он трус, а не герой!
Вдруг из чащи вышел волк,
Злой, худой, голодный волк,
Скалит зубы страшный волк!
Задрожал наш зверолов,
Ну а волк без лишних слов
Прыг в кусты — и был таков!
И теперь он жив-здоров!

Ха-ха-ха! Разве это не так, мой храбрый мико?

— Нет, Ева, не страх помешал мне. А кроме того, ведь волку не удалось убежать невредимым.

— Ах, ты ранил его в лапу! Но он залижет свою рану и будет опять так же крепок, как и раньше. Нехорошо! Тебе нужно было убить его, иначе, мой милый мико, он натравит на тебя целую стаю волков!

— Ну что ж поделаешь! Значит, мне не везет!

— Нет, молодой мико, ты должен быть счастлив, ты будешь счастлив, друг семинолов! Подожди, и ты увидишь...

— Что я увижу?

— Терпение, дитя! Сегодня ночью под этим деревом ты увидишь красоту, ты оценишь прелесть, и, может быть, Хадж-Ева будет отомщена!

Последние слова она произнесла торжественно и гневно. Я не мог понять, на кого она гневалась и кому хотела отомстить.

— Его сын... да... — продолжала безумная, говоря сама с собой. — Это, должно быть, его глаза, его волосы, его облик, его походка, его имя — его сын и ее. О, Хадж-Ева будет отомщена!

Не мне ли она угрожает? Я подошел к ней и спросил.

— Добрая Ева, о ком ты говоришь?

Услышав мой голос, она вздрогнула и взглянула на меня бессмысленным взглядом, а затем затынула свою обычную песню:

Зачем я поверила нежным словам
И с белым бродила по темным лесам?..

Внезапно оборвав песню, она, казалось, снова пришла в себя и попыталась дать разумный ответ на мой вопрос:

— О ком, молодой мико? О нем... о красавце... о злом! Это злой дух! Смотри, он идет... Видишь его отражение в воде? Скорей полезай наверх, спрячься в листе, так же как вчера, и жди, пока Ева вернется. Слушай так, чтобы все услышать, и смотри так, чтобы все увидеть. Но заклинаю тебя собственной жизнью: не шелось, пока я не дам тебе знака. Вверх, вверх, живо!

Подтолкнув меня к дубу, сумасшедшая, как и в прошлую ночь, скользнула в тень деревьев и исчезла. Не теряя времени, я взобрался на дуб и стал молча ждать.

Тень стала короче, но мне удалось рассмотреть, что это был мужчина. Затем тень исчезла. Еще секунда — и над водой показалась вторая тень. Она двигалась по холму, как бы следуя за первой, хотя, по-видимому, эти люди пришли не вместе. Я разглядел и вторую тень. Это была молодая стройная женщина с непринужденной походкой, со свободными движениями. Неужели это Хадж-Ева? Может быть, она прошла через заросли пальм и теперь возвращалась, следуя за мужчиной?

Так мне показалось сначала, но скоро я убедился в своей ошибке.

Мужчина подошел к дереву, и лунный свет озарил его черты. Я узнал адъютанта. Он остановился, вынул часы, поднял циферблат к свету и посмотрел, который час. Но я уже не обращал на него внимания — под серебряными лучами луны появилось другое лицо, обманчивое и ослепительное, как сама луна. Это было лицо, которое казалось мне самым красивым на свете, — лицо Маюми!

Глава XLIV

ВСЕ СТАЛО ЯСНО

Так вот про какие тени говорила Хадж-Ева! Это были черные тени, лежавшие на моем сердце!

Безумная королева микосоков, чем я заслужил эту

пытку? И ты тоже стала моим врагом! И вряд ли для самого смертельного врага ты могла изобрести более страшные муки!

Маюми стояла лицом к лицу со своим возлюбленным, обольщенная — со своим обольстителем. Я не сомневался в том, что это они. Лунный свет озарял обоих, но это был уже не мягкий серебристый свет, а пылающий, наглый и алый. Может быть, мне это только показалось? Может быть, это фантазия, порожденная моим воспаленным мозгом? Я был уверен, что это свидание заранее условлено. Да и как можно было думать иначе? Ни он, ни она не выказали ни малейшего изумления. Они встретились так, как будто сговорились об этом, как будто и прежде часто встречались.

Очевидно, они ожидали друг друга. В их встрече не было ничего необычного.

Я переживал ужасные минуты. Если собрать воедино все страдания, какие могут выпасть на долю человека за целую жизнь, и испытать их за одно мгновение — это было бы менее тяжело. Кровь как будто сжигала мое сердце. Я испытывал такую страшную боль, что едва удерживался, чтобы не застонать. Но, сделав усилие, непомерное усилие, я овладел собой и, ухватившись за ветви, застыл на своем месте, полный решимости узнать все до конца.

Это была счастливая мысль: если бы я теперь дал волю своим нервам и безрассудно попытался мстить, то, вероятно, дело кончилось бы для меня очень печально. Терпение оказалось моим ангелом-хранителем, и развязка получилась совершенно иная. Я замер на своей ветке и затаил дыхание. Что они скажут? Что сделают?

Я чувствовал себя так, как будто надо мной был занесен меч. Хотя если вдуматься, то это сравнение и верное и неверное — меч уже опустился, сильнее он не мог меня поразить. И душа моя и тело как будто застыли, отныне я был нечувствителен к любой боли.

Итак, я сидел неподвижно, затаив дыхание. Что они скажут? Что сделают?

Свет луны падал на Маюми, озаряя ее с головы до ног. Как она выросла! Теперь это была уже вполне сло-

жившаяся женщина, и ее красота не отставала от ее развития. Она была еще красивее, чем раньше. Демон ревности! Неужели ты недоволен тем, что уже натворил? Разве я мало страдал? Почему ты представил мне ее теперь в таком восхитительном облики? О, если бы она была уродливой, страшной ведьмой, это доставило бы мне наслаждение, исцелило бы мою израненную душу!

Однако, как и прежде, выражение ее прекрасного лица было кротким и невинным. Ни одной черточки, изобличавшей вину, нельзя было заметить на этом спокойном лице, ни отблеска зла не мелькало в этих огромных глазах. Небесные ангелы прекрасны, но они добродетельны. Кто бы мог поверить, что под этой ангельской внешностью таилось зло? Я ожидал, что ее лицо отразит всю ее лживость, но мои ожидания не оправдались. И в этом, может быть, скрывался луч надежды.

Все эти мысли вихрем промчались у меня в голове, ибо мысль быстрее, чем молния. Я ждал первого слова, которого, к моему изумлению, мне пришлось прождать несколько секунд. Будь я на месте Скотта, я не мог бы встретиться с ней так хладнокровно. Все, что было у меня на сердце, высказал бы мой язык. Теперь я понял: первый порыв страсти прошел, прилив любви отхлынул, эта встреча больше не представляла для него прелести новизны. Может быть, девушка уже успела надоесть ему? Посмотрите-ка, как сдержанно они оба ведут себя. В их отношениях чувствуется какая-то холодность... может быть, даже произошла любовная ссора.

Как ни горьки были такие мысли, однако я чувствовал некоторое облегчение, наблюдая за влюбленными. В их отношениях мне почудилась какая-то враждебность. Ни одного слова, ни одного жеста, они как бы затаили дыхание. О чем они будут говорить? Что последует дальше?

Но моему тревожному удивлению был положен предел. Наконёц адъютант заговорил:

— Милая Маюми, значит, вы сдержали свое обещание?

— А вот вы не сдержали своего. Нет... я читаю это в вашем взоре. До сих пор вы еще ничего для нас не сделали.

— Маюми, поверьте, что у меня не было подходящего случая. Генерал был так занят, и я не мог его беспокоить. Потерпите немного. Я уверен, что мне удастся убедить его, и ваша собственность будет вам возвращена. Скажите матери, чтобы она не беспокоилась: ради вас, Маюми, я не пожалею никаких усилий. Поверьте, что я так же озабочен этим, как и вы. Но вы ведь знаете, какой крутой нрав у моего дяди. Да к тому же он находится в самых дружеских отношениях с семьей Ринггольдов. Вот в чем самое главное затруднение, но я надеюсь преодолеть и его.

— Ваши речи прекрасны, сэр, но они мало чего стоят. Мы давно ждем, что вы исполните свое обещание помочь нам. Мы хотим только справедливого судебного следствия, и вы легко могли бы это устроить. Теперь мы уже больше не заботимся о своих землях, ибо нам нанесено еще более страшное оскорбление. Оно заставляет забыть другие, меньшие беды. Неужели вы думаете, что я пришла бы сюда ночью, если бы не это несчастье с моим братом? Вы уверяете, что хорошо относитесь к нашей семье. Теперь, когда я обращаюсь к вам с просьбой, вы можете доказать это. Добейтесь освобождения моего брата, и мы поверим вашим сладким речам, которые слышим так часто. Не говорите, что это невозможно. Это даже нетрудно для вас — ведь вы пользуетесь таким влиянием среди белых вождей. Мой брат, может быть, был резок, но он не совершил никакого преступления, за которое его нужно было бы наказать. Одно слово великому военному вождю — и Оцеола будет свободен! Идите и произнесите это слово!

— Милая Маюми! Вы даже не отдаете себе отчета в сложности поручения, которое вы на меня возлагаете. Ваш брат арестован по приказанию правительственного агента и главнокомандующего. У нас не то, что у вас, индейцев. Я только подчиненный, и если бы я обратился к генералу и посоветовал ему исполнить вашу прось-

бу, он мог бы не только сделать мне выговор, но даже, может быть, вздумал бы и наказать меня.

— О, вы боитесь выговора за справедливый поступок! А еще толкуете мне здесь о дружбе! Ну хорошо, сэр! Мне остается только сказать вам вот что: мы больше вам не верим. И вам больше незачем приходить в нашу скромную хижину!

Она отвернулась от него с презрительной улыбкой. Каким восхитительным показалось мне это презрение!

— Пойдите, Маюми! Дорогая Маюми! Не расставайтесь со мной так! Не сомневайтесь, я сделаю все, что от меня зависит.

— Выполните мою просьбу: освободите брата и позвольте мне вернуться домой.

— И если я это сделаю...

— Ну, сэр...

— Знайте, Маюми, что, пытаясь исполнить вашу просьбу, я рискую многим. Меня могут лишить офицерского чина, разжаловать в солдаты, предать позору... Меня могут заключить в тюрьму, даже худшую, чем та, куда они собираются отправить вашего брата. И на все это я готов пойти, если...

Девушка молча ждала, что он скажет дальше.

— И я готов вынести все это, даже рисковать жизнью, если вы... — здесь в голосе его послышалась страстная мольба, — если вы согласитесь...

— На что?

— Милая Маюми, неужели мне надо говорить вам об этом? Неужели вы не понимаете, что я хочу сказать? Неужели вы не видите моей любви, моего преклонения перед вашей красотой...

— На что же я должна согласиться? — спросила она мягким тоном, в котором как будто послышалась снисходительность.

— Только любить меня, прелестная Маюми... Стать моей возлюбленной!

Несколько мгновений царило молчание. Благородная девушка стояла неподвижно, как статуя. Она даже не вздрогнула, услышав это наглое предложение. Она как будто окаменела.

Ее молчание ободрило пылкого влюбленного. По-видимому, он принял его за согласие. Он не мог видеть ее глаз, иначе он уловил бы в них то, что мгновенно заставило бы его замолчать. Он, наверно, не заметил взгляда, брошенного девушкой, иначе он вряд ли совершил бы такую ошибку. Он продолжал:

— Обещайте мне это, Маюми, и ваш брат уже сегодня будет свободен, а вы получите все свои...

— Наглец! Наглец! Ха-ха-ха!

Никогда в жизни не слышал я ничего более восхитительного, чем этот смех. Это были для меня самые сладостные звуки. Ни свадебный звон колокола, никакие лютни, арфы и кларнеты, никакие трубы и фанфары в мире не могли бы прозвучать для меня более пленительной музыкой, чем этот смех.

Казалось, что луна льет серебро с неба, звезды стали крупнее и ярче, ветерок повеял чудесным ароматом, как будто благоухание пролилось с небес, и весь мир для меня внезапно превратился в земной рай.

Глава XLV

ДВЕ ДУЭЛИ В ОДИН ДЕНЬ

Теперь я мог бы спуститься вниз, но меня охватило чувство невыразимого блаженства, и я застыл в каком-то оцепенении. Как будто из моего сердца извлекли отравленную стрелу... Кровь быстрее заструилась в моих жилах, сердце забилось ровнее и свободнее, а душа ликовала. Я готов был кричать от радости и с трудом сдерживал себя, дожидаясь того момента, когда можно будет сойти вниз. Между тем свидание внизу еще продолжалось. Я услышал голос Маюми.

— Возлюбленной... вот оно что! — презрительно воскликнула гордая красавица. — Так вот в чем заключается ваша дружба? Негодяй! За кого вы меня принимаете? За продажную женщину? За доступную всем индианку из племени ямасси? Знайте, сэр, что я не ниже вас по происхождению. Хотя ваши бледнолицые

друзья отняли у меня все состояние, но есть одна вещь на свете, которую никто никогда у меня не может отнять: это мое доброе имя. «Возлюбленной»! Глупец! Я не согласилась бы стать даже вашей женой. Я готова лучше нагой бродить по дебрям диких лесов и питаться желудями, чем продаться вам, отдаться во власть вашей низменной любви! И мой брат скорее согласился бы всю свою жизнь томиться в цепях, чем купить свободу такой ценой! О, если бы он был здесь! Если бы он был свидетелем этого гнусного оскорбления! Негодай, он переломил бы тебя, как тростинку!

Ее глаза, поза, решительная поступь, бесстрашные манеры — все это напоминало мне Оцеолу в момент ареста. Ее неудачливый поклонник смутился и отступил перед этими разящими упреками и в течение нескольких минут стоял жалкий и пристыженный. Еще минуту назад он, может быть, подавил бы свою досаду и позволил бы девушке уйти беспрепятственно. Но презрение, с которым она встретила его домогательства, пробудило в нем дерзость отчаяния и довело до того, что он решил применить силу.

Я думаю, что ничего подобного он не замышлял, когда отправлялся на свидание. Хотя адъютант был человек развращенный, но все же не рискнул бы на такое отчаянное предприятие. Этот напыщенный, тщеславный франт все-таки не мог быть дерзким по отношению к девушке; только упреки индианки вынудили его решиться на такую крайность.

Маюми отвернулась от него и пошла прочь.

— Куда ты спешешь, моя смуглая красавица? — закричал он, бросаясь за ней и хватая ее за руку. — Не думай, что ты так легко от меня отделаешься. Я выслеживал тебя целые месяцы, и теперь, клянусь, настала минута, когда тебе придется расплатиться за все твои коварные улыбки! Твое сопротивление ни к чему не приведет. Мы здесь одни, и, прежде чем мы расстанемся, я...

Дальше я не слушал. Я стал быстро спускаться со своей вышки, спеша к ней на помощь. Но кто-то другой опередил меня.

Хадж-Ева, сверкая глазами и заливаясь безумным смехом, кинулась вперед. В руках ее извивалась гремучая змея. Змея выставила голову; видно было, что она разъярена и готовится к нападению. Я слышал шипенье и резкий звук «скирр-рр» ее погремущек.

Через секунду сумасшедшая стояла уже рядом с незадачливым соблазнителем. Он испугался, выпустил девушку и, отскочив, стоял, задыхаясь, ошеломленно глядя на женщину, которая так внезапно появилась перед ним.

— Хо! хо! — пронзительно завопила безумная. — Его сын! Его сын! И он такой же, как его изменник-отец в тот день, когда погубил доверчивую Еву! Да и случилось это в тот же час, и месяц был в той же четверти, такой же рогатый и злой. Он с усмешкой глядел сверху на преступление. Хо! хо! Час, когда совершился грех, будет часом мести! Преступление отца должно быть искуплено сыном. Великий Дух! Дай мне силу отомстить! Читта-мико, отомстим!

Взывая к духу и произнося заклинания, она бросилась к испуганному офицеру, протянув руку вперед, чтобы змея ужалила его.

Адъютант машинально выхватил свою шпагу, как бы охваченный единственным побуждением защитить себя, и закричал:

— Чертова колдунья! Если ты сделаешь еще хоть один шаг, я проколю тебя насквозь! Прочь! Назад, или, клянусь, я заколю тебя!

По его решительному тону чувствовалось, что он не шутит. Однако Ева не испугалась. Она продолжала наступать, не обращая внимания на сверкающее лезвие, направленное прямо на нее.

В этот момент подоспел и я и также выхватил свою шпагу, чтоб отпарировать роковой удар и спасти Еву, которая безрассудно наступала на адъютанта. Но мне так и не пришлось нанести удар. То ли пораженный диким, странным видом безумной женщины, то ли боясь, что она швырнет в него змею, адъютант в паническом страхе вдруг стал пятиться назад. Сделав два шага, он очутился на самом краю каменистого берега, зацепился ногой за камень, поскользнулся и полетел в воду.

Скотт поскользнулся и легел в воду.

Озеро было глубокое, и он сразу скрылся под водой. Быть может, это падение и спасло ему жизнь. В следующий момент он снова появился на поверхности и быстро стал карабкаться на берег. Теперь он не помнил себя от ярости и, выхватив шпагу, ринулся на Хадж-Еву. Его гневные проклятия свидетельствовали о его решимости убить ее тут же на месте. Но его шпага не вонзилась в нежное тело женщины и не поразила змею. Сталь ударилась о такую же твердую и блестящую сталь.

Я бросился между адъютантом и его жертвой. Мне удалось удержать Хадж-Еву от свершения ее мстительного замысла. До сих пор адъютант не видел меня. Ярость, больше чем вода, ослепила его, и только когда наши клинки встретились, он заметил мое присутствие.

Последовала небольшая пауза. Все молчали.

— Это вы, Рэндольф? — удивленно воскликнул он.

— Да, лейтенант Скотт, это я, Рэндольф. Простите за непрошенное вмешательство, но, услышав, что ваша нежная любовная беседа вдруг перешла в ссору, я счел своим долгом вмешаться...

— Вы подслушивали? А позвольте узнать, сэр, разве это вас касается? Кто дал вам право шпионить за мной и вмешиваться в мои дела?

— Право? Это долг каждого честного человека — защищать слабую невинную девушку от посягательств такого хищника, как вы. Вы еще хуже, чем Синяя Борода!

— Вы раскаетесь в этом! — взвизгнул адъютант.

— Теперь — или когда?

— Когда вам будет угодно!

— Сейчас удобнее всего. Начинайте!

Не говоря ни слова больше, мы скрестили наши шпаги, и началась ожесточенная игра клинков.

Схватка была короткой. Сделав выпад в третий или четвертый раз, я ранил своего противника в плечо, и он больше не мог владеть правой рукой. Его шпага со звоном упала на гальку.

— Вы ранили меня! — закричал он и добавил, указывая на упавшую шпагу: — Я безоружен! Довольно, сэр, я удовлетворен...

— А я буду удовлетворен только тогда, когда вы на коленях попросите прощения у той, которую вы так грубо оскорбили.

— Никогда! — отвечал он. — Никогда! — И, произнеся это слово, которое, по-видимому, должно было выразить его непреклонное мужество, он вдруг обернулся и, к величайшему моему изумлению... бросился бежать.

Я помчался за ним и вскоре догнал его. Я мог бы всадить шпагу ему в спину, но теперь я уже не жаждал его крови и ограничился тем, что дал ему хорошего пинка ногой в то место, которое Галлахер назвал бы «задним фасадом». Удовольствовавшись этим прощальным приветом, я предоставил адъютанту возможность продолжать свое постыдное бегство.

Глава XLVI

МОЛЧАЛИВОЕ ПРИЗНАНИЕ

Мы юной любви вспоминаем дни

Под пальмами вдвоем...

Ты вновь на свою голубку взгляни...

Это Хадж-Ева напевала одну из своих любимых мелодий. Затем я услышал другой, более нежный голос, назвавший меня по имени:

— Джордж Рэндольф!

— Маюми!

— Хо-хо! Оба наконец вспомнили... Это прекрасный остров, но он хорош для вас, а для Хадж-Евы мрачный... Не стану больше думать... нет, нет!

Мы юной любви вспоминаем дни

Под пальмами вдвоем...

Ты вновь на свою голубку взгляни...

Когда-то это был мой остров, теперь он стал твой, мой милый мико, и твой, моя красавица. Дорогие мои! Оставляю вас одних наслаждаться, вам не нужна старая, сумасшедшая королева. Я уйду — не бойтесь ни

пороха ветерка, ни шепота деревьев. Никто не подкрадется к вам, пока Хадж-Ева караулит, и читта-мико тоже будет охранять вас. Хо, читта-мико!

Мы юной любви вспоминаем дни...

Безумная снова запела свою песню и ушла, оставив меня наедине с Маюми. Мы оба несколько смутились.

Ведь мы никогда не обменивались с нею ни одним признанием, ни одним словом любви. Хотя я любил Маюми со всем пылом своего юного сердца и теперь уверился в том, что и она любит меня, но мы еще до сих пор не сказали этого друг другу. У нас обоих точно язык отнялся.

Но в эту минуту слова были бы излишни. Между нами как будто прошел электрический ток, наши души и сердца слились в счастливом единении, мы без слов понимали друг друга. Никакие речи не могли бы убедить меня сильнее в том, что сердце Маюми принадлежит мне.

Очевидно, и она чувствовала то же самое. Нас волновали одни и те же мысли. По всей вероятности, Хадж-Ева уже рассказала ей о том, как я пылко изливал свои чувства. По веселому, спокойному взгляду Маюми я догадался, что и она не сомневается во мне. Я раскрыл объятия. И моя любимая, как бы поняв мой призыв, спрятала личико у меня на груди.

Мы не произнесли ни слова. Тихий, нежный возглас сорвался с ее губ, когда она прильнула к моей груди и самозабвенно обвила мою шею руками.

Несколько мгновений мы простояли молча, только наши сердца как бы шептались между собой. Затем смущение растаяло, как легкое облачко под лучами летнего солнца, и мы наконец признались во взаимной любви. Я не стану пересказывать здесь наши любовные речи. Эти самые священные слова в передаче часто звучат пошло, поэтому я воздержусь от подробностей.

В этот сладостный миг оба мы испытывали невыразимое блаженство. Немного спустя мы опомнились и, отвлекшись от настоящего, заговорили о прошлом и о будущем.

Я расспросил Маюми, и она правдиво рассказала мне все, что произошло в мое отсутствие. Она призналась без всякого кокетства, что с первой же нашей встречи полюбила меня и в течение всех этих долгих лет разлуки ей никто не нравился. Она простодушно удивлялась, что я не догадывался об этом. Я напомнил ей, что она никогда не говорила мне о своей любви. Маюми сказала, что это верно, но добавила, что она и не думала скрывать ее. Она оказалась проницательнее меня и догадалась, что я люблю ее. Маюми говорила так свободно и откровенно, что мои подозрения рассеялись. Она оказалась благороднее меня: никогда Маюми и не подумала бы сомневаться во мне. Только один раз, совсем недавно, она поддалась этому чувству. Выяснилась и причина: оказывается, ее неудачливый поклонник пытался отравить ее слух клеветой на меня. Поэтому и было дано поручение Хадж-Еве.

Увы! История моей любви была не столь безупречной. Я мог открыть Маюми только часть истины. Но я чувствовал угрызения совести, когда мне приходилось, чтобы не огорчить девушку, умалчивать о том или ином эпизоде из моего прошлого.

Но прошлое оставалось прошлым, и в нем уже ничего нельзя было изменить. Зато более светлое будущее открывалось передо мной, и я дал себе клятву искупить свою вину. У этого чудесного создания, которое я теперь держал в своих объятиях, никогда больше не будет повода упрекать меня.

Я испытывал чувство гордости, когда слушал чистосердечное признание Маюми в любви, но, как только мы заговорили о ее семье, во мне снова закипела кровь от гнева. Она рассказала мне о судебных процессах, несправедливостях и оскорблениях, перенесенных ими от белых, и особенно от их соседей — Ринггольдов.

Она рассказала мне все, что я уже прекрасно знал. Но были еще обстоятельства, известные только Маюми. Ринггольд, этот презренный лицемер, пытался ухаживать за нею. Только страх перед ее братом вынудил его оставить ее в покое.

Другой вздыхатель, Скотт, пытался вкрасься в доверие к ней под видом дружбы. Он знал, как и все остальные, в каком положении находилось судебное дело о плантации Пауэллов, и, пользуясь своими родственными связями с влиятельными лицами, обещал добиться возвращения им земли. Это было сплошное притворство, он и не думал сдерживать свое обещание, но его сладкоречивые уверения обманули благородное, доверчивое сердце Оцеолы. Вот почему этот бездушный негодяй получил доступ в семью Пауэллов и сделался там почти близким человеком. Несколько месяцев он уже бывал у них, стараясь улучшить удобный момент и поговорить с Маюми откровенно. Все это время он осаждал ее признаниями в любви. Впрочем, не особенно дерзко, потому что он боялся хмурого взгляда ее грозного брата. Но все его домогательства остались безуспешными. Ринггольду это было хорошо известно, но он преследовал единственную цель — уязвить меня. Трудно было выбрать для этого более подходящий момент. Оставалось еще одно обстоятельство, которое мне хотелось выяснить. Конечно, умная и проницательная Маюми могла мне помочь в этом: ведь она дружила с моей сестрой, и девушки поверяли друг другу свои заветные тайны.

Мне очень хотелось узнать, каковы отношения между моей сестрой и братом Маюми. Но я стеснялся спросить ее об этом, хотя был уверен, что она могла бы сообщить мне много интересного.

И, однако, мы говорили об обоих, особенно о Виргинии... Маюми с нежностью вспоминала о моей сестре и засыпала меня вопросами о ней. Она слышала, что Виргиния стала еще красивее, чем раньше, и затмила своей красотой всех подруг. Маюми спросила, помнит ли Виргиния наши прогулки, счастливые часы, проведенные на острове.

«Может быть, слишком хорошо помнит!» — подумал я, но мне было как-то тяжело говорить об этом.

Наши мысли обратились к будущему. Прошедшее было ясно, как голубое небо, а горизонт будущего закрывали облака.

Прежде всего мы заговорили о том, что нас больше всего волновало и что было самым страшным: об аресте Оцеолы. Скоро ли его выпустят? Что мы должны предпринять, чтобы ускорить его освобождение?

Я обещал сделать все, что в моих силах, и намеревался выполнить свое обещание. Я твердо решил не оставить камня на камне, но добиться для узника свободы. Если нельзя будет достигнуть справедливости законным путем, я готов был даже прибегнуть к хитрости, хотя бы даже ценой увольнения из армии, даже рискуя тем, что мое имя будет покрыто позором. Готов был даже рискнуть жизнью, чтобы освободить молодого вождя. Мне не нужно было ни клясться, ни божиться, мне верили и без того. Поток благодарности струился из этих влажных глаз, а нежное прикосновение пылающих губ было слаще любых слов признательности.

Настало время расставаться. Судя по положению луны, было уже около полуночи. На вершине холма, как бы отлитая из бронзы, на фоне бледного неба вырисовывалась фигура безумной королевы. Она подошла к нам. Я обнял Маюми и горячо поцеловал ее, затем мы расстались. Странная, но верная защитница девушки увела ее по незаметной тропинке, а я остался один и молча стоял несколько минут, вспоминая все, что было пережито на этом священном месте.

Луна опускалась все ниже и ниже к горизонту. Это было предупреждение о том, что пора идти. Спустившись с вершины холма, я быстро пошел обратно в форт.

Глава XLVII

ПЛЕННИК

Несмотря на поздний час, я решил навестить пленника. Я должен был спешить, так как мне самому угрожало лишение свободы. Две дуэли в один день, два раненых противника — и оба друзья генерала. А ведь сам я не имел никаких друзей: вряд ли я мог избежать наказания. Я ожидал ареста... может быть, даже военного

суда, а в перспективе мне могло угрожать увольнение из армии.

Несмотря на свой оптимизм, я все же задумался о том, чем все это кончится. Я не очень беспокоился об увольнении — я мог прожить и без офицерского чина. Но любой человек, будь он прав или виноват, не может равнодушно подвергнуться осуждению своих товарищей и носить клеймо позора. Можно быть отчаянным человеком, но нельзя не считаться с последствиями, когда дело касается родственников и семьи.

Однако Галлахер придерживался на этот счет иного мнения.

— Ну и пусть они тебя арестуют и даже велят подать в отставку. Черт с ними! Наплевать тебе на все это! Не обращай никакого внимания. Будь я в твоей шкуре и владей я такой великолепной плантацией и целым полком негров, я плюнул бы на эту военную службу и стал бы разводить сахар да табак. Клянусь святым Патриком, я так бы и поступил!

Однако утешительные речи друга не совсем успокоили меня, и я не в слишком веселом настроении отправился разыскивать пленника.

Я нашел молодого вождя в камере. Как только что пойманный орел, как пантера в ловушке, Оцеола в бешенстве метался по камере и время от времени выкрикивал дикие угрозы.

В помещении без окон было совсем темно. Сопровождавший меня капрал не взял ни свечи, ни факела; он пошел за ними и оставил меня одного в темноте.

Я услышал шаги, легкие, как поступь тигра — наверно, шаги человека, обутого в мокасины, — и резкий звон цепей. Затем слух мой уловил бурное дыхание и гневные возгласы. В полумраке я различил фигуру пленника, ходившего взад и вперед большими шагами. Значит, ноги у него не были скованы.

Убедившись, что пленник один, я тихо вошел к нему и встал у двери. Мне казалось, что, погруженный в свои мысли, он не замечает меня. Но я ошибся. Внезапно Оцеола остановился и, к моему удивлению, назвал меня по имени. Он, должно быть, прекрасно видел во мраке.

— И вы, Рэндольф, оказались среди моих врагов! — произнес он тоном упрека. — Вы вооружены, в военной форме, при полном снаряжении — и готовы помочь им выгнать нас из наших домов!

— Пауэлл!

— Не Пауэлл, сэр. Мое имя Оцеола!

— Для меня вы всегда останетесь Эдуардом Пауэллом, другом детства, человеком, который спас мне жизнь. Я помню вас только под этим именем...

Наступила короткая пауза. Мои слова, по-видимому, как-то примирили его со мной. Может быть, они вызвали в нем воспоминания о давно ушедших временах. Оцеола сказал:

— Зачем вы здесь? Вы пришли сюда как друг или, подобно всем остальным, для того, чтобы терзать меня пустыми разговорами? Здесь перебивало много народу — лицемерных болтунов, которые старались склонить меня к бесчестным поступкам. Неужели и вас прислали с подобным поручением?

Из этих слов я заключил, что Скотт уже побывал у пленника — по-видимому, с каким-то поручением.

— Нет, я пришел по собственной воле, пришел как друг, — сказал я.

— Я верю вам, Джордж Рэндольф! Еще в ранней юности у вас было честное сердце. А прямые побеги редко вырастают в искривленное дерево. Я не думаю, чтобы вы изменились, хотя враги уверяли меня в этом. Нет! Дайте руку, Рэндольф! Простите, что я усомнился в вас.

Впотьмах я схватил пленника за руку и понял, что обе его руки скованы, и все же рукопожатие наше было крепким и искренним.

Я не стал расспрашивать Оцеолу о врагах, очернивших меня. Главное, чтобы пленник поверил в мои дружеские чувства, — это было так важно, чтобы план его освобождения увенчался успехом. Я рассказал ему только часть того, что произошло у озера, остальное я не рискнул бы доверить даже родному брату.

Я ожидал яростного взрыва гнева, но был приятно разочарован: молодой индеец привык к неожиданным

ударам судьбы и научился сдерживать свои порывы. Я почувствовал, что мой рассказ произвел на него глубокое впечатление. В темноте я не мог видеть его лица, он только заскрежетал зубами и что-то прошипел, стараясь подавить гнев.

— О глупец! — наконец воскликнул он. — Каким слепым дураком я был! Ведь с самого начала я подозревал этого сладкоречивого мерзавца. Спасибо, благородный Рэндольф! Я в неоплатном долгу перед вами за вашу преданную дружбу. Теперь вы можете требовать от Оцеолы все на свете!

— Ни слова больше, Пауэлл! Вам незачем думать об этом — наоборот, я ваш должник, но сейчас нам нельзя терять ни минуты. Я пришел сюда, чтобы дать вам совет. Это план, с помощью которого вам удастся освободиться. Но нам надо спешить, иначе меня могут застать здесь.

— В чем же заключается ваш план?

— Вы должны подписать Оклавахский договор!

Глава XLVIII

ВОЕННЫЙ КЛИЧ

Одно только восклицание «вуф», в котором звучало удивление и презрение, было ответом на мои слова. Далее наступило глубокое молчание.

Я повторил свое предложение:

— Вы должны подписать этот договор!

— Никогда! — ответил он самым решительным тоном. — Никогда! Пусть лучше я заживо сгнию в этих стенах! Лучше я брошусь грудью на штыки моих тюремщиков и погибну, чем стану изменником своему народу! Никогда!

— Терпение, Пауэлл, терпение! Вы не поняли меня. По-моему, вы, вместе с другими вождями, не уяснили себе точного смысла этого договора. Вспомните, что он связывает вас только условным обещанием: уступить ваши земли белым и переселиться на Запад лишь

в том случае, если *большинство народа* согласится на это. Сегодня стало известно, что большинство народа *не согласно*. Ваше согласие не изменит этого решения большинства!

— Это верно, — согласился пленник, начиная улавливать мою мысль.

— В таком случае, вы можете подписаться и не считать себя связанным этим, раз главные условия не выполнены. Почему бы вам не пойти на эту хитрость? Никто не назовет ваших действий бесчестными. Мне думается, что любой человек оправдывает ваш поступок, а вы вернете себе свободу.

Может быть, мои доводы плохо согласовались с правилами поведения честного человека, но в тот момент они были продиктованы искренним волнением, а взоры дружбы и любви порой не замечают погрешностей против морали.

Оцеола молчал. Я понял, что он задумался над моими словами.

— Ну, вот что, Рэндольф, — наконец сказал он. — Вы, должно быть, жили в Филадельфии, знаменитом городе юристов. Ничего подобного никогда не приходило мне в голову. Вы правы — эта подпись, конечно, не свяжет меня. Но не думаю, чтобы агент остался доволен, если я подпишу договор. Он ненавидит меня — я знаю это и знаю причины его ненависти. Я тоже ненавижу его и тоже по многим причинам. Уже не в первый раз он оскорбляет меня! Удовлетворится ли он моей подписью?

— Полагаю, что да. *Если можете*, сделайте вид, что вы смирились. Подпишите, и вас немедленно освободят.

Я не сомневался в этом. Из всего того, что я слышал после ареста Оцеолы, я пришел к заключению, что Томпсон уже раскаивался в своем поступке. Все считали, что он действовал слишком опрометчиво и что эта опрометчивость могла привести к пагубным последствиям. Эти толки дошли до агента, и, услышав от узника о посещении адъютанта, я решил, что Скотт приходил по его поручению. Было ясно, что агенту самому

хотелось как можно скорее развязаться со своим пленником и он был бы рад освободить его даже на самых приемлемых для Оцеолы условиях.

— Мой друг! Я последую вашему совету и подпишу договор. Можете сообщить агенту о моем намерении.

— Я скажу ему об этом, как только увижу его. А теперь уже поздно, прощайте!

— Ах, Рэндольф! Как тяжело расставаться с другом, единственным другом, оставшимся у меня среди белых! Как мне хотелось бы поговорить с вами о давно минувших днях! Но здесь не место и не время для этого.

Молодой вождь оставил свой сдержанный тон, и его голос зазвучал мягко, как в былые времена.

— Да, единственный друг среди белых, которого я ценю и уважаю, — задумчиво повторил он, — единственный, кроме...

Он вдруг замолк, словно опомнившись, что чуть не выдал тайны, которую не считал благоразумным открывать. С некоторым беспокойством я ожидал признания, но так и не услышал его. Оцеола снова заговорил, но уже совершенно иным тоном.

— Много зла причинили нам белые! — сказал он с гневом. — Столько несправедливостей, что даже трудно их перечислить... но, клянусь Великим Духом, я отомщу! До сих пор я не давал такой клятвы, но события последних дней превратили мою кровь в пламя. Еще до вашего прихода я поклялся убить двух своих злейших врагов. Вы не заставили меня изменить мое намерение — напротив, укрепили меня в нем, и я прибавил к числу моих недругов третьего врага. Теперь я еще раз клянусь Великим Духом, что не буду знать покоя, пока листья в лесу не обагрятся кровью этих трех белых негодяев и одного краснокожего предателя! Недолго тебе торжествовать, изменник Оматла! Скоро тебя настигнет месть патриота, скоро тебя поразит меч Оцеолы!

Я молчал, ожидая, пока уляжется его гнев. Через несколько секунд молодой вождь успокоился и снова заговорил дружеским тоном:

— Еще одно слово, прежде чем мы расстанемся. Кто знает, когда еще нам придется встретиться! Разные обстоятельства могут помешать нам. А если и встретимся, то, как враги, на поле битвы. Я не скрываю от вас, что вовсе не собираюсь помышлять о мире. Нет, никогда! У меня есть к вам просьба, Рэндольф. Дайте мне слово, что вы исполните ее, не требуя объяснений. Примите от меня этот дар и, если вы цените мою дружбу, не таясь всегда носите его на груди. Вот и все!

Говоря это, он снял с шеи цепочку с изображением восходящего солнца, о котором я уже упоминал. Он надел его на меня, и заветный символ заблестал на моей груди. Я принял его дар, не отказываясь, обещал выполнить его просьбу, а взамен подарил ему свои часы. Затем, сердечно пожав друг другу руки, мы расстались.

* * * * *

Как я и предполагал, добиться освобождения вождя синополов не представляло особого труда. Хотя агент и ненавидел молодого вождя по причинам, мне неизвестным, но он не осмелился перенести свои личные отношения на официальные дела. Он уже и так поставил себя в затруднительное положение. И когда я сообщил ему о решении пленника, я убедился, что Томпсон очень рад так легко от него отделаться. Не теряя времени, он отправился на свидание с пленником.

Оцеола держал себя весьма тактично. Если вчера он дал волю своему гневу, то сегодня был уступчив и сдержан. Ночь, проведенная в заключении, как будто укротила этот гордый дух. Голодный и закованный в цепи, он теперь готов принять любое условие, которое возвратит ему свободу. Так представлял себе положение агент.

Принесли договор. Оцеола подписал его, не проговорив ни слова. С него сняли цепи, дверь тюрьмы распахнулась, и ему позволено было беспрепятственно удалиться. Томпсон торжествовал, но это был лишь самообман. Если бы он, как и я, заметил ироническую усмешку на губах Оцеолы, вряд ли он так безоговорочно

уверовал бы в свой триумф. Но Томпсону недолго пришлось пребывать в приятном заблуждении.

На глазах у всех молодой вождь гордой поступью направился к лесу. Но, дойдя до опушки, он обернулся к форту, вынул из-за пояса сверкающий клинок, взмахнул им над головой и вызывающе крикнул: «Йо-хо-эхи!» Этот военный клич трижды донесся до нашего слуха, а затем Оцеола повернулся и одним прыжком скрылся в лесной чаще.

Было совершенно ясно, что это значит. Даже сам торжествующий агент сообразил, что этот клич означает призыв к войне не на жизнь, а на смерть. Немедленно в погоню по следам пленника были отправлены вооруженные солдаты. Но погоня оказалась бесплодной, и после целого часа напрасных поисков усталые солдаты вернулись назад в форт.

* * * * *

Мы с Галлахером все утро провели дома, ожидая приказа об аресте. Но, к нашему великому удивлению, такового не последовало.

Позднее выяснилось, что Ринггольд не вернулся в форт. После ранения он был отправлен к знакомому, жившему в нескольких милях от форта. Это отчасти сгладило скандальное происшествие. Второй противник, адъютант Скотт, вернувшись с рукой на перевязи, заявил, что его сбросила лошадь и он ударился о дерево. Вполне понятно, что раненый щеголь не рассказывал об истинных причинах своего ранения. А я мог только одобрить его молчание и, со своей стороны, не сказал никому ни слова о случившемся — никому, кроме своего друга. Вся эта история стала известна только гораздо позже. Впоследствии мы часто встречались с адъютантом Скоттом по делам службы, но, само собой разумеется, наши беседы носили чисто официальный характер и мы оба вели себя крайне сдержанно.

Вскоре, однако, обстоятельства разлучили нас. И я был рад больше не встречаться с человеком, которого глубоко презирал.

В течение нескольких недель, протекших после совета в форте Кинг, в стране, по-видимому, царило полное спокойствие. Переговоры закончились, и начало военных действий было уже не за горами. Белые беседовали между собой главным образом о том, как поступят индейцы. Будут ли они сражаться или пойдут на уступки? Большинство считали, что они покорятся.

Семинолам был дан некоторый срок, для того чтобы подготовиться к переселению. Ко всем племенам были посланы гонцы, чтобы объявить день, когда индейцы должны пригнать весь скот и лошадей в форт. Был назначен аукцион под наблюдением агента. Вырученную сумму предполагали раздать владельцам скота, когда они прибудут на новое местожительство на Западе. Так же собирались поступить и с их плантациями и усадьбами.

Наступил день аукциона, но, к великому огорчению правительственного агента, стада не прибыли. Аукцион пришлось отложить.

Индейцы не пригнали скот — значит, дальше можно было ожидать и худшего. Вскоре их намерения обнаружались еще более явно.

Спокойствие, царившее в последние недели, оказалось только зловещим затишьем перед бурей. Подобно глухим раскатам отдаленного грома, стали возникать мелкие конфликты — безусловные предвестники вооруженного столкновения.

Как обычно, зачинщиками были белые. Трех индейцев поймали на охоте за пределами их территории. Группа белых связала их веревками и заперла в хлев, в усадьбе одного из белых. Пленных продержали там три дня и три ночи, пока другие воины племени, узнав об этом, не пришли их освободить. Произошла схватка, несколько индейцев были ранены, но белые бежали, и пленники получили свободу. Когда их вывели из заточения, глазам их друзей предстало страшное зрелище. Веревки, которыми бедняги были связаны, врезались в

тело и не давали им возможности двинуть ни рукой, ни ногой. Они потеряли много крови, и за все время плена их ничем не кормили. Можно себе представить, какое это произвело впечатление! Заметьте, что я привожу только достоверные факты.

Еще один случай. Шесть индейцев находились в своем лагере около Канафа-Понд, когда партия белых напала на них, отобрала у них ружья, обыскала мешки и начала хлестать их бичами. В это время подоспели еще двое индейцев; они увидели, что происходит, и начали стрелять в белых. Белые стали отстреливаться, причем убили одного индейца и тяжело ранили другого.

Естественно, что среди индейцев вспыхнули волнения и они начали мстить. Газеты сообщали:

«11 августа, Дальтон. Почтальон по дороге из форта Кинг в форт Брук натолкнулся на группу индейцев. Они схватили лошадь за поводья, стащили всадника с седла и убили. Изуродованное тело почтальона через несколько дней было найдено в лесу».

«Группа в 14 человек верховых ехала на разведку в направлении Вакахонта, к плантации капитана Габриэля Приста. Они подъехали к маленькому водоему, находившемуся за милю от места назначения. Некоторые решили не переходить этот водоем вброд. Четверо, однако, рискнули на переправу. В это время внезапно из засады выскочили индейцы и открыли огонь. Двое, оказавшиеся впереди других, были ранены. Одному из них, мистеру Фольку, пуля попала в шею; его подобрал и увезли домой. У другого, сына капитана Приста, была сломана рука, а его лошадь убита. Он пустился бежать, бросился в болото, и только таким образом ему удалось скрыться от преследования индейцев».

«Примерно в это же время партия индейцев атаковала несколько человек, которые рубили деревья в дубовой роще на островке озера Джордж. Белым удалось спастись в лодках, но двое из них были ранены».

«В Нью Ривер, в юго-восточной части Флориды, индейцы напали на дом мистера Кули, убили его жену, детей и домашнего учителя. Они угнали тридцать сви-

ней, три лошади, захватили двенадцать ящиков с провизией, боченок с порохом, свыше двухсот фунтов свинца, семьсот долларов серебром и двух негров. Самого мистера Кули не было дома. Вернувшись, он увидел, что жена его лежит мертвая с младенцем на руках — ее убили выстрелом в сердце; двое старших детей также убиты. Девочка еще держала книгу в руках, мальчик лежал рядом с нею. Весь дом был охвачен пламенем».

«В Спринг-Гардене, около Сент-Джонса, обширная плантация полковника Риса была разгромлена и все здания сожжены дотла. Запас сахарного тростника, достаточный для того, чтобы наполнить сахаром девяносто бочек, был уничтожен, сто шестьдесят два негра, все мулы и лошади были уведены».

«Те же индейцы разгромили плантации мистера Деппейстера, с неграми которого они оказались в союзе. Раздобыв лодку, они переплыли реку и сожгли усадьбу капитана Дэммета. Плантация майора Хэриота была разгромлена, и восемьдесят его негров ушли с индейцами. Затем индейцы двинулись вперед по направлению к Сан-Августино, где огромные плантации генерала Эрнандеса были обращены в руины. Такая же участь постигла и усадьбы Бюлова, Дюпона в Буэн-Ретиро, Денхема, Мак-Рея в Томока Крик, плантации Бейеса, генерала Хэрринга, Барталоне Солано и так далее — почти все плантации к югу от Сан-Августино».

Таковы простые исторические факты. Я привожу их как иллюстрацию событий, предшествовавших войне с семинолами.

Хотя действия индейцев и были варварскими, но они явились лишь актами возмездия, дикими вспышками долгожданной мести, ответом на несправедливость и притеснения, столь терпеливо переносившиеся в течение многих лет...

Пока еще настоящие военные действия не начинались, но группы индейцев, опустошавшие владения белых, одновременно появлялись в разных местах. Для многих, кто чинил насилия над индейцами, настал час расплаты; другим едва удалось ускользнуть и спасти

свою жизнь. Вспышка следовала за вспышкой, пока вся страна не была объята пламенем.

Все, кто жил внутри страны и на границе с индейской резервацией, покидали свои поля, бросали имущество, сельскохозяйственные орудия, мебель, ценные вещи и искали убежища в фортах и окрестных селениях, которые теперь для большей безопасности были специально укреплены.

Оматла и другие вожди с четырьмя сотнями приспешников покинули свои поселения и бежали в форт Брук искать защиты.

Теперь больше не приходилось гадать, будет ли война. Она началась, и воинственный клич «Йо-хо-ахи!» день и ночь гремел в окрестных лесах.

Глава L

ПОГОНЯ ЗА СТРАННЫМ ВСАДНИКОМ

Пока что во Флориду прибыло сравнительно мало американских войск. Но отряды уже двигались из Нового Орлеана, из форта Моултри, Саванны, Мобила и других военных лагерей, где обычно размещались войска Соединенных Штатов. В больших городах штатов Джорджия и Каролина, а также в самой Флориде поспешно набирались отряды добровольцев. На каждый поселок была дана разверстка для участия в военной кампании. В моем родном поселке Суони было также решено сформировать отряд. С этой целью туда был командирован мой друг Галлахер, а я, в звании лейтенанта, был назначен его помощником.

Я очень обрадовался, получив этот приказ. Однообразная жизнь в гарнизоне форта мне надоела. Кроме того, меня прельщала возможность провести несколько дней дома.

Галлахер ликовал не меньше меня. Он был завзятый охотник. Мой друг жил главным образом в городе или в фортах на атлантическом побережье, и ему редко выпадал случай насладиться охотой на лису или оленя.

Я обещал доставить ему удовольствие поохотиться и за зверем и за дичью, так как леса Суони изобиловали всякой живностью.

Итак, мы оба, получив полномочия вербовать добровольцев, попрощались с товарищами по форту и с легким сердцем пустились в путь, предвкушая приятное развлечение. Нас сопровождал верный Черный Джек, который тоже радовался возвращению на старую плантацию.

Индейцы еще не совершали набегов на округ Суони. Он находился вдали от поселений, где жили наиболее враждебные нам племена. Чувствуя себя в безопасности, жители спокойно оставались в своих домах. Однако отряды добровольцев были уже сформированы, и кругом постоянно разъезжали патрули.

Я часто получал письма от матери и Виргинии, но в них не чувствовалось особенной тревоги. Сестра, например, считала, что индейцы вообще не тронут их. Несмотря на это, у меня было беспокойно на душе, и я с величайшей готовностью встретил приказ отправиться в родные края.

Мы мчались галопом по лесной дороге и вскоре приблизились к местам, где протекало мое детство. На этот раз я не опасался засады, ибо мы путешествовали, приняв меры предосторожности. Нам был дан приказ собраться в течение часа. И мы сразу же пустились в путь, так что мои враги-убийцы не успели бы узнать о моей поездке. Впрочем, рядом со мной был храбрый Галлахер, а позади меня ехал мой верный оруженосец, и я не боялся открытого нападения со стороны белых.

Я опасался только, что дорогой мы можем наткнуться на группу индейцев — теперь уже наших врагов! Это была реальная опасность, и поэтому мы приняли все меры предосторожности.

В нескольких местах нам попадались свежие следы мокасин и лошадиных копыт. А однажды мы наткнулись на догорающий костер, вокруг которого были следы индейцев. Здесь находился их лагерь. Ни одного белого или цветного мы не встретили, пока не подъеха-

ли к одной из заброшенных плантаций на берегу реки. Здесь мы в первый раз наткнулись на человека.

Это был всадник — по-видимому, индеец. Он находился слишком далеко от нас, чтобы мы могли рассмотреть цвет и черты его лица. Но по его одежде, посадке, красному поясу и штанам и особенно по страусовым перьям на голове мы узнали в нем семинола. Он ехал на черном коне и только что показался на просеке в лесу, куда мы направлялись. Он, очевидно, увидел нас в то же мгновение, как мы заметили его, и, наверно, хотел избежать встречи с нами. Взглянув на нас, он повернул коня и снова скрылся в лесу.

Пылкий Галлахер прищипорил своего коня и пустился в погоню за всадником. Я хотел удержать его, но мне показалось, что этот всадник Оцеола. Тогда никакой опасности не было. Мне хотелось встретиться с молодым вождем и дружески поговорить с ним, поэтому я поскакал за Галлахером, а Джек последовал за нами.

Я был почти уверен, что этот страшный всадник — Оцеола. Мне показалось, что я узнал страусовые перья, а Джек рассказывал мне, что молодой вождь ездит на великолепном черном коне. По всей видимости, это был он. Чтобы окликнуть его и заставить остановиться, я прищипорил своего коня и обогнал Галлахера.

Вскоре мы въехали в лес, где скрылся всадник, но здесь, кроме свежих следов, мы ничего не увидели. Я окликнул Оцеолу, громко назвал себя, но ответом мне было только лесное эхо. Некоторое время я ехал по следу, продолжая звать Оцеолу, но не добился никакого ответа. Всадник или не хотел отозваться на мой призыв, или отъехал слишком далеко, чтобы услышать меня. Конечно, было бессмысленно догонять его, если он сам, по доброй воле, не остановился. Мы могли бы гнаться за ним по следу целую неделю и все-таки не догнать его. Видя бесполезность наших усилий, мы с Галлахером отказались от намерения мчаться за всадником и вернулись на дорогу, чтобы скорее закончить наше путешествие.

Я хорошо помнил боковую тропинку, которая сильно сокращала дорогу, и мы повернули на нее. Мы про-

ехали довольно далеко и затем снова папали на свежий лошадиный след, который вел от реки, куда мы направлялись. Мы осмотрели след и увидели, что он еще влажный. Рядом на сухих листьях деревьев блистали капли воды. Значит, всадник переправлялся через реку вплавь!

Это открытие заставило меня задуматься над целым рядом вопросов. Зачем индейцу понадобилось ехать на ту сторону? Если это Оцеола, то что ему там было нужно? При таком напряженном положении в стране индеец, подъехавший к поселку белых, рисковал жизнью. Если бы его заметили и взяли в плен, ему угрожала бы неминуемая гибель. Чтобы решиться на такой отважный шаг, надо было иметь серьезные причины. Если это Оцеола, то какие у него причины? Единственным приемлемым объяснением было то, что Оцеола отправился туда в качестве разведчика. Что ж тут зазорного со стороны индейца?

Хотя в этом предположении не было ничего невероятного, но оно почему-то не убеждало меня. Как будто какое-то облако внезапно окутало мою душу, неясное предчувствие томило меня, и какой-то демон, казалось, напентывал мне: «Это не так!» Всадник, безусловно, переплыл реку. А ну-ка, проверим!

Мы подъехали к реке и убедились в справедливости нашего предположения: след действительно выходил из самой воды. Значит, всадник переплыл реку. Мы сделали то же самое и на другом берегу снова увидели следы черного коня.

Не останавливаясь, я поехал по следу. Галлахер и Джек не отставали от меня. Ирландец был очень удивлен моей настойчивостью. Но я не в силах был даже отвечать на его расспросы. Мрачное предчувствие с каждой минутой все сильнее томило меня. Сердце так и трепетало в груди, сжимаясь от боли.

След привел нас к небольшой поляне в роще магнолий. Дальше ехать было незачем: мы оказались у цели. Я машинально взглянул на землю и замер в седле. Мрачное предчувствие исчезло, но зато появились еще более мрачные мысли. На всей поляне виднелись следы лошадиных копыт, как будто здесь была стоянка.

Большие следы принадлежали черному коню. Но рядом виднелись другие, поменьше. Это были легкие следы подков маленького пони.

— Господи! Масса Джордж! — пробормотал Джек, опередив Галлахера и впившись взглядом в землю. — Взгляните, ведь это следы маленькой Белой Лисички. Мисс Виргиния была здесь! В этом нет никакого сомнения!

Глава LI

КТО БЫЛ ВСАДНИК?

Мне стало нехорошо, и я чуть не свалился с седла. Но необходимость скрыть свои чувства заставила меня держать себя в руках. Иногда появляется подозрение, которое неохотно выскажешь даже лучшему другу. Именно так было со мной, если это вообще можно назвать «подозрением». К несчастью, оно уже почти перешло в уверенность.

Я понял, что не столько следы на земле, сколько мое поведение заинтересовало Галлахера. Он заметил, с каким волнением я отыскивал след. Он не мог не заметить этого волнения. И теперь, выехав на поляну, он увидел, как я побледнел и как дрожали мои губы от непонятного ему смятения.

— Что с тобой, Джордж, мой мальчик? Ты полагаешь, что индеец замышляет какую-то подлость? Ты думаешь, что он приехал на твою плантацию шпионить?

Этот вопрос помог мне найти ответ, который, как я полагал, был довольно далек от истины.

— Весьма возможно, — ответил я, стараясь не выдать своего смущения. — Вероятно, шпион-индеец вступил в сношения с кем-нибудь из негров. Это следы одного из пони с нашей плантации... Очевидно, негры ездили сюда и встречались с индейцем, но для какой цели, сказать трудно...

— Нет, масса Джордж, — вмешался мой черный оруженосец, — у нас никто не ездит на Белой Лисичке, кроме...

— Джек, — резко перебил я его, — мчись домой и скажи, что мы сейчас будем. Скорее, мой милый!

Приказ был отдан так решительно, что Джеку пришлось быстро подчиниться. Не закончив фразы, он прищипорил свою лошадь и поскакал. Такую уловку я применил из предосторожности. За минуту до того у меня и в мыслях не было посылать курьера вперед, чтобы известить о нашем прибытии. Я знал, что простодушный негр хотел сказать: «У нас никто не ездит на Белой Лисичке, кроме мисс Виргинии». И я придумал эту хитрость, чтобы не дать ему возможности договорить. Когда негр уехал, я взглянул на своего товарища. Галлахер был человек открытой души, говоривший всегда прямо и не способный ничего утаивать. Глядя на его приятное, цветущее лицо, я ясно видел, что Галлахер озадачен, и мне стало как-то не по себе. Однако мы оба промолчали и свернули на тропинку, по которой уехал Черный Джек.

Это была узкая дорожка для скота, по которой рядом ехать было нельзя, и мы ехали молча: я впереди, а Галлахер за мной.

Мне не надо было направлять свою лошадь, она и без меня хорошо знала, куда ей идти, — это была все та же дорога. Теперь я уже не высматривал следов на земле. Раза два мне попались следы маленького пони, но я не обращал на них внимания: я знал, откуда и куда они вели.

Я был слишком поглощен своими мыслями, чтобы замечать что-нибудь вокруг себя. Кто же мог ехать на пони, кроме Виргинии? Да, мне было ясно, чье имя хотел назвать Черный Джек: на Белой Лисичке ездила только сестра, никому другому на плантации не позволялось садиться на ее любимую маленькую лошадку. Впрочем, было одно исключение. Я видел на пони и Виолу. Не ее ли имя назвал бы Джек, если бы я дал ему договорить? Может быть, это была Виола?

Но зачем же квартеронке встречаться с Оцеолой? Совершенно незачем. Меня долго не было, и многое изменилось в мое отсутствие. Кто знает... может быть,

Виоле надоел ее черный поклонник и она обратила благосклонное внимание на блистательного вождя. Вероятно, она часто видела его здесь. Ведь после моего отъезда на север прошло несколько лет, прежде чем у семьи Пауэллов отобрали их плантацию. И тут мне вспомнился один случай из времен нашего первого знакомства с Пауэллом — правда, не слишком существенный. Виола стала восхищаться красивым юношей, и Черный Джек очень рассердился. Сестра начала бранить Виолу за то, что она терзает своего верного поклонника. Виола была красавицей и, как большинство красивых девушек, кокеткой. Мои предположения могли оказаться правильными... Эта мысль меня утешала, но зато, увы, бедный Джек!..

Еще одно незначительное обстоятельство подкрепляло мою догадку. За последнее время я заметил в своем слуге большую перемену: он не казался мне таким веселым, как раньше, он был задумчив, серьезен и рассеян.

Скоро у меня мелькнуло еще одно предположение. Хотя на Белой Лисичке никому не разрешалось ездить, но кто-нибудь из слуг мог тайком нарушить этот запрет и, взяв пони с лужайки, отправиться на свидание с индейцем. Все это было весьма вероятно. На нашей плантации, как и на всякой другой, могли быть недовольные рабы, которые поддерживали связь с враждебными индейцами. Место свидания находилось примерно в одной миле от дома. Ехать было приятнее, чем идти пешком, а взять пони с пастбища можно совершенно спокойно, не боясь, что тебя заметят. Дай-то бог, чтобы это было так...

Едва успел я мысленно помолиться, как заметил предмет, сразу рассеявший все мои предположения, и снова острая боль пронзила мне сердце.

У дороги рос куст белой акации, и на одном из его шипов болтался обрывок ленты, колеблемый ветерком. Это была лента из тонкого шелка, которой отделывают женское платье; очевидно, она зацепилась за шип и оторвалась. Для меня это был печальный знак: все мои фантастические надежды сразу рухнули при виде этой

Галлахер с любопытством стал рассматривать ленту.

ленты. Ни один негр, даже Виола, не мог оставить после себя такого следа. Я вздрогнул и быстро проехал мимо.

Я надеялся, что мой спутник не заметит этого обрывка, но напрасно. Лента слишком бросалась в глаза. Обернувшись, я увидел, что он протянул руку, схватил ленту и с любопытством стал ее рассматривать.

Боясь, что он подъедет ко мне и начнет задавать вопросы, я прищепил коня и поскакал галопом, крикнув Галлахеру, чтобы он не отставал от меня.

Через десять минут мы въехали в аллею, которая вела к дому. Мать и сестра вышли на веранду встречать нас и радостно приветствовали наш приезд. Но я почти не слушал их. Я так и впился глазами в Виргинию, разглядывая ее костюм. Она была в амазонке и еще не успела снять свою шляпу с перьями.

Моя сестра никогда еще не казалась мне такой красивой, как в этот миг. Золотые локоны обрамляли ее раздумавшееся от ветра лицо. Но я не радовался, глядя на ее красоту. Виргиния казалась мне падшим ангелом...

Сходя с лошади, я взглянул на Галлахера и догадался, что он понял все. Больше того! На его лице отражалось душевное страдание, почти такое же острое, как мое. Мой верный, испытанный друг заметил мое горе еще раньше. Теперь он знал причину, и в его взгляде я прочел глубокое сочувствие.

Глава LI

ХОЛОДНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Как и полагалось сыну, я сердечно обнял мать. Приветствие же сестры принял молча, почти холодно. Мать удивилась, заметив это. Галлахер также очень сдержанно поздоровался с Виргинией. И это обстоятельство тоже было замечено матерью. Но сестра не проявляла никаких признаков смущения. Она непринужденно болтала, и глаза ее весело блестели, как будто она действительно была рада нашему приезду.

— Ты ездила на лошади, сестра? — спросил я ее как бы невзначай.

— На лошади? Нет, на пони. Моя маленькая Белая Лисичка вряд ли заслуживает, чтобы ее величали лошадью. Да, я проехала немного подышать свежим воздухом.

— Одна?

— Совершенно одна! Одна-одинешенька!

— Благоразумно ли это, сестра?

— А почему бы и нет? Я часто езжу одна. Чего мне бояться? Волков и пантер вы уже всех застрелили, а от медведя или аллигатора Белая Лисичка всегда меня умчит.

— В лесу могут встретиться существа более опасные, чем дикие звери.

Говоря это, я наблюдал за ней, но не заметил на ее лице ни малейшего волнения.

— Какие же это существа, Джордж? — с расстановкой продолжала она, видно передразнивая меня.

— Индейцы, краснокожие! — резко ответил я.

— Пустяки, братец. У нас по соседству нет индейцев, по крайней мере таких, которых нам пришлось бы опасаться... (Это она добавила уже несколько нерешительно.) Разве я не писала тебе об этом? Ты приехал из таких мест, где за каждым кустом притаился индеец. Но помни, Джордж, что ты проделал длинный путь, и если ты не привез индейцев с собой, то здесь их не найдешь. Поэтому, джентльмены, здесь вы оба можете спать совершенно спокойно, не боясь услышать военный клич «ио-хо-эхи».

— Вы так уверены в этом, мисс Рэндольф? — спросил Галлахер, на этот раз без своего ирландского акцента. — Я и ваш брат полагаем — и на это есть причины, — что некоторые индейцы, издающие военный клич, находятся не так уж далеко от Суони.

— Мисс Рэндольф? — засмеялась сестра. — Где это вы научились такому почтительному тону, *мистер* Галлахер? Это обращение длинное — сразу видно, что вы привезли его издалека. Раньше я была для вас «Виргинией» или даже просто «Джини», за что я могла да-

же на вас рассердиться, «мистер» Галлахер. И рассердилась бы, если бы вы не перестали меня так называть. Что же случилось? Ведь с вами, «мистер» Галлахер, мы не виделись только три месяца, а с Джорджем всего два. И вот вы оба снова здесь — и один произносит фразы торжественно, как Солон¹, а другой выражается рассудительно, как Сократ². Чего доброго, и Джордж, после новой отлучки, станет называть меня «мисс Рэндольф». Вероятно, так принято у вас в форте? Ну-с, ребятки, — добавила она, ударив хлыстом по перилам веранды, — говорите откровенно! Извольте-ка объяснить причины этого удивительного «превращения». А до тех пор, даю честное слово, вы не получите ни крошки еды!

Надо сказать несколько слов об отношениях между Виргинией и Галлахером. Он давно был знаком с матерью и сестрой. Они встречались с ним во время путешествия на север. Виргиния и мой товарищ так подружились, что стали даже называть друг друга по имени. Понятно было, почему сестра считает, что «мисс Рэндольф» звучит слишком официально. Однако я догадывался, почему Галлахер обратился к ней таким образом.

Одно время, в начале их знакомства, мне казалось, что Галлахер влюблен в Виргинию, но потом я отказался от этой мысли. По их поведению незаметно было, что они влюблены друг в друга. Отношения их были слишком дружескими, чтобы в них можно было заподозрить любовь. Обычно они болтали о разных пустяках, смеялись, читали веселые книжки, давали друг другу смешные прозвища, придумывали разные шалости; они редко бывали серьезны, когда встречались. Все это так расходилось с моим представлением о том, как ведут себя влюбленные, — сам-то я вел бы себя иначе, — что я отказался от своих подозрений и стал смотреть на них не как на влюбленных, а просто как на друзей.

¹ Солон (ок. 638—559 гг. до н. э.) — политический деятель древних Афин, крупный законодатель.

² Сократ (469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

Еще одно обстоятельство укрепляло меня в этом убеждении. Я заметил, что моя сестра в отсутствие Галлахера утрачивала ту легкомысленную веселость, которой она отличалась в детстве. Но стоило ему появиться, как с ней происходила внезапная перемена, и она мгновенно настраивалась снова на беспечный лад.

«Любовь, — думал я, — так себя не проявляет. Если сестра и влюблена, то не в Галлахера. Нет, не он избранник ее сердца! А игра, которую они ведут, — просто дружеские отношения. В их привязанности нет ни малейшей искры настоящей любви».

Смутное подозрение, зародившееся в душе Галлахера, очевидно, огорчило его. Но он страдал не от ревности, а как верный и преданный друг из сочувствия ко мне. Обращение его с сестрой, хотя он и держался в границах строгого приличия, совершенно изменилось. Неудивительно, что она заметила это и потребовала объяснений.

— Ну, живей! — говорила она, сбивая хлыстиком виноградные листья. — Вы шутите или серьезно? Говорите всё без утайки — или, клянусь, оба останетесь без обеда! Я сама сбегаю на кухню и отменю его.

Ее манера выражаться и забавные угрозы заставили Галлахера засмеяться, хотя настроение у него было мрачное. Но на этот раз он смеялся не так весело и искренне, как бывало. Я тоже невольно улыбнулся и, считая, что не следует выказывать свое недовольство, пробормотал что-то вроде объяснения — сейчас было не время для откровенного разговора.

— Право же, сестренка, — сказал я, — мы слишком устали и слишком голодны, чтобы веселиться. Подумай только, какой долгий путь мы совершили под жгучим солнцем! У нас не было и маковой росинки во рту с тех пор, как мы выехали из форта. А позавтракали мы не бог весть как роскошно — кукурузные лепешки, кусок свинины да жидкий кофе. О Виргиния, как мне хочется полакомиться цыплятами и пирожными, которые готовит наша старая кухарка, тетушка Шеба! Прошу тебя, позволь нам пообедать, и затем ты увидишь, что мы

станем совсем другими. Мы оба будем веселыми, как два зайчика.

Удовлетворенная этим объяснением или сделав вид, что она удовлетворена, Виргиния обещала покормить нас и, весело смеясь, пошла переодеваться к обеду. А мы с Галлахером тоже пошли к себе.

За обедом и после него я приложил все усилия, чтобы казаться веселым и довольным. Я видел, что Галлахер тоже пытается развеселиться. Быть может, нам удалось обмануть мать, но Виргиния не поддавалась обману. Я заметил, что она в чем-то подозревает и меня и Галлахера. Она решила, что мы от нее что-то скрываем, и, желая досадить нам, в свою очередь стала разговаривать с нами обиженным тоном.

Глава LIII

НАСТРОЕНИЕ СЕСТРЫ

Так продолжалось весь этот и следующий день, и все трое — Галлахер, сестра и я — обращались друг с другом сдержанно-вежливо. Я ни о чем не рассказал Галлахеру и предоставил ему самому строить всевозможные догадки. Он был истинным джентльменом и даже не намекнул, что разделяет мои опасения. Я думал излить перед ним душу и просить его дружеского совета, но только тогда, когда Виргиния сама мне во всем признается.

Я ждал удобного случая, чтоб потребовать у сестры объяснений. Несколько раз мне удавалось остаться с ней наедине, но я все как-то не решался вызвать ее на откровенность. Однако я сознавал, что как брат и единственный мужчина в доме я обязан хранить честь семьи.

Пока же я уклонялся от выполнения этого, в сущности, отцовского долга отчасти из чувства деликатности, отчасти потому, что боялся узнать правду. Я отлично понимал, что между сестрой и индейским вождем установились особые отношения, что, по всей вероятно-

сти, они продолжались, что у них бывали тайные встречи — и не один раз. Но до чего все это могло дойти? Насколько моя бедная сестра уже могла скомпрометировать себя? Вот на эти проклятые вопросы я и боялся получить ответ.

Я надеялся, что сестра скажет мне всю правду, если я буду умолять ее признаться. При ее гордом характере принуждением от нее ничего нельзя было добиться. Если оказать на нее давление, то она могла заупрямиться и стать непреклонной. Вообще Виргиния мало что унаследовала от отца, она все заимствовала у матери. Между ними существовало и внешнее и внутреннее сходство. Виргиния была одной из тех женщин, которые, не испытав никогда в жизни строгой дисциплины, вырастают в уверенности, что выше их нет никого на свете. Поэтому она и чувствовала себя совершенно независимой, как это присуще большинству американок. В других же странах независимость является достоянием только женщин из привилегированных классов. Ни родители, ни опекуны, ни наставники — так как последним ни в коем случае не разрешалось прибегать к строгим мерам — не имели влияния на сестру, и она с малых лет вела себя как королева на троне.

Она была независима еще и в другом отношении. У нее имелось собственное состояние, которое ей завещал отец, и это обстоятельство еще больше усиливало непреклонность ее характера.

Мой отец в свое время последовал велению сердца и разделил свое состояние между детьми поровну. Поэтому моя сестра была так же богата, как и я. Конечно, отец позаботился и о матери, но основная часть отцовского наследства — плантация — принадлежала сестре и мне. Моя сестра была богатой наследницей и обязана была подчиняться матери или мне только в той мере, в какой ей это подсказывало родственное чувство.

Я остановился так подробно на этом вопросе, чтобы объяснить, какой сложной и деликатной задачей было потребовать от сестры отчета в ее действиях. Как это ни странно, но мне совершенно не приходило в голову,

что и мое положение не совсем обычно. Я был обручен с сестрой Оцеолы и искренне желал, чтобы она стала моей женой. В союзе с индианкой я не видел для себя ничего унижительного, зная, что общество не будет отрицательно относиться к этому браку. Такие случаи уже бывали. Например, Рольф женился на девушке более темнокожей и менее красивой и культурной, чем Маюми. Позднее сотни других мужчин последовали его примеру и сохранили и прежнее положение в обществе и были по-прежнему уважаемы. Почему бы и мне не поступить так? По правде говоря, этот вопрос даже и не приходил мне тогда в голову. Я считал, что мои намерения в отношении индианки были в совершенном соответствии с правилами хорошего тона.

Совсем другое дело, если бы в жилах моей избранницы текла хоть небольшая примесь африканской крови. Тогда я действительно мог бы опасаться осуждения общества, ибо в Америке человек подвергается унижению не столько за цвет кожи, сколько за расу. Белый джентльмен может жениться на индианке, и она без особых возражений получает доступ в общество; а если она при этом еще и хороша собой, то может даже рассчитывать на успех.

Все это я знал и тем не менее сам был рабом чудовищного и дикого предрассудка: если смешение рас происходило другим путем, то есть если белая женщина выходила замуж за индейца, то тогда это считалось неравенством и позором. Друзья ее рассматривали такой брак как несчастье, как падение. А если эта леди вдобавок принадлежала к высокопоставленным кругам — ну, тогда уж, леди... пеняйте на себя!

Несмотря на расхождение своих взглядов с господствовавшими воззрениями на различие рас и цвета кожи, я сам не был свободен от влияния этого предрассудка.

Если моя сестра любит индейца, значит, она потерянная, падшая женщина! Независимо от того, какое положение занимает этот индеец среди своего народа, независимо от его храбрости, от его достоинств. Даже если бы это был сам Оцеола!

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Неизвестность мучила меня, и я решил поговорить с сестрой, как только застану ее одну.

Такой случай скоро представился. Я увидел ее на лужайке у озера и подошел к ней. Я заметил, что она необычайно весела.

«Увы! — подумал я. — Ты улыбаешься! Скоро твоя улыбка сменится слезами».

— Сестра!

Она что-то говорила своим любимцам — золотым рыбкам — и не слышала меня или притворилась, что не слышит.

— Сестра! — повторил я громче.

— Ну, что такое? — сухо спросила Виргиния, не глядя на меня.

— Послушай, Виргиния, брось свои игрушки! Мне надо поговорить с тобой.

— Вот как! Значит, это принуждение! В последнее время ты так редко раскрывал рот при мне, что я должна быть особенно благодарна за твою любезность. А почему с тобой нет твоего друга? Пусть бы и он побеседовал со мной в том же духе! Я думаю, что вам обоим уже надоело изображать бессловесных близнецов. Ну, ты можешь продолжать игру, если тебе нравится. Уверю тебя, что меня это не волнует! — И она стала напевать:

У янки — фрегат, и янки — моряк!
Мы в бой по волнам летим!
И видит враг наш звездный флаг
Под небом голубым.

Затем она обратилась к своей любимице — маленькой лани:

— Ну, иди сюда, мой маленький! Ты смотри не подходи слишком близко к берегу, а то можешь кувырнуться в воду. Слышишь?

— Прошу тебя, Виргиния, оставь эти шутки! Мне надо поговорить с тобой о важном деле.

— О важном деле? Уж не думаешь ли ты жениться? Нет, что-то не похоже. У тебя слишком торжественное и мрачное выражение... точно тебя собираются погнать... ха-ха-ха!

— Послушай, сестра, я говорю с тобой серьезно.

— О, конечно серьезно! Я тебе верю, дорогой.

— Послушай, Виргиния, у меня важное дело — очень важное! Я хотел поговорить с тобой уже с самого дня приезда.

— Зачем же дело стало? У тебя было много удобных случаев. Разве я от тебя пряталась?

— Нет... но... дело в том, что...

— Ну, выкладывай, братец, сейчас удобный момент. По твоему лицу я вижу, что у тебя ко мне есть какая-то просьба. Если это так, то я разрешаю тебе изложить ее.

— Нет, Виргиния, не то! Вопрос, о котором я хочу поговорить...

— Ну, какой же это вопрос, выкладывай!

Мне надоели уклончивые речи, я даже немного обиделся и решил положить этому конец, сказав то слово, которое могло заставить сестру сразу сбавить тон и вести разговор серьезно:

— Оцеола!

Я ожидал, что она изменится в лице, вспыхнет и побледнеет, но ошибся. К моему изумлению, в ней не произошло никакой перемены: ни во взгляде ее, ни в поведении не было ни малейших признаков волнения! Она ответила почти сразу, без колебаний:

— Что? Молодой вождь семинолов? Пауэлл, наш товарищ детства? Ты хочешь говорить о нем? Что ж, самая интересная для меня тема. Я готова целый день говорить об этом храбром человеке.

Я был так поражен, что даже не знал, как вести себя дальше.

— Ну, что же ты хотел мне сказать о нем, братец Джордж? — продолжала сестра, спокойно глядя мне в глаза. — Надеюсь, что с ним ничего худого не случилось?

— С ним-то ничего. Но кое-что случилось с кем-то другим, кто мне еще ближе и дороже, чем он.

— Я не понимаю твоих загадок, брат.

— Сейчас поймешь. Я задам тебе один вопрос и попрошу тебя ответить на него прямо. Этим ты докажешь, что ценишь мою любовь и дружбу.

— Задавайте свой вопрос, сэр, без этих хитросплетений! Я полагаю, что могу говорить правду без запугиваний и угроз.

— Тогда скажи мне правду, Виргиния. Признайся, ты любишь молодого Пауэлла — Оцеолу?

В ответ Виргиния залилась звонким смехом.

— Но, Виргиния, в моем вопросе нет ничего смешного.

— Да это просто шутка... Забавная шутка. Ха-ха-ха!

— Мне не до шуток, Виргиния. Отвечай.

— Не будет тебе никакого ответа на такой нелепый вопрос!

— Он вовсе не такой нелепый, Виргиния. У меня есть основания...

— Какие еще там основания?

— Но ты не станешь отрицать, что между вами что-то происходит? Ты не можешь отрицать, что назначила ему свидание в лесу? Но смотри подумай, прежде чем отвечать, потому что у меня есть доказательства. Мы встретили его, когда он возвращался. Он, конечно, постарался скрыться от нас, но мы заметили его след и рядом с отпечатком копыт его коня увидели след пони. Вы встречались, это ясно!

— Ха-ха-ха! Вот так искусные следопыты — ты и твой друг. Ловкие ребята! Вы неоценимое приобретение для армии в военное время, и скоро вас назначат главными разведчиками! Ха-ха-ха! Так вот в чем заключался ваш великий секрет! Теперь понятны ваши потупленные взоры и старомодные манеры. А я-то недоумевала! Значит, вы изволили тревожиться за мою честь? Вот о чем вы заботились! Как мне благодарить судьбу за то, что она послала мне двух таких благородных рыцарей!

В Британии сад красоты стережет
Дракон добродетели, грозный дракон!
Но часто бывает, что сторож заснет,
И сад оставляет в опасности он!

Итак, раз у меня нет дракона, охраняющего мою добродетель, то я должна довольствоваться двумя драконами — в лице твоём и твоего друга. Ха-ха-ха!

— Виргиния, ты выводишь меня из терпения! Это не ответ. Ты встречалась с Оцеолой?

— Ну что ж, перед таким искусным шпионом отпираться бесполезно. Да, я виделась с ним.

— А зачем? Это было любовное свидание?

— Что за дерзкий вопрос! Я не буду отвечать на него.

— Виргиния, умоляю тебя!

— Неужели два человека не могут встретиться в лесу без того, чтобы их не обвинили, будто они назначили любовное свидание? Да разве мы не могли встретиться случайно? Разве у меня не могло быть какого-нибудь дела к вождю семинолов? Ты не знаешь всех моих тайн и не узнаешь их...

— Это была не случайная встреча, а любовное свидание. Никаких других дел у тебя с ним нет.

— Вполне естественно, что ты так думаешь — ведь ты сам потихоньку распеваешь любовные дуэты. А позволь спросить: давно ли ты виделся со своей возлюбленной, прелестной Маюми? Ну-ка, признавайся, милый братец!

Я вздрогнул, как будто меня ужалили. Откуда сестра могла узнать о нашей встрече? Или она сказала это просто так, наугад, и попала прямо в цель? На мгновение я настолько растерялся, что не мог найти ответа. А затем еще настоятельнее стал допрашивать сестру:

— Я должен получить объяснение! Я настаиваю на этом! Я требую!

— Требуешь? Ах, вот каким тоном ты заговорил со мной! Ну так ты от меня ничего не добьешься! Минуту назад, когда ты начал умолять меня, я уже почти сжалась над тобой и решила рассказать тебе все. Но ты требуешь! На требования я не отвечаю и сейчас же докажу тебе это. Я уйду и запрусь у себя в комнате. Итак, дорогой мой, ты меня больше не увидишь ни сегодня, ни завтра, пока ты не одумаешься. Прощай,

Джордж! Или до свидания — но только при том условии, что ты будешь вести себя как джентльмен

И она снова запела:

У янки — фрегат, и янки — моряк!
Мы в бой по волнам летим!
И видит враг наш звездный флаг
Под небом голубым...

Она прошла через цветник, поднялась на веранду и исчезла за дверью.

Я стоял разочарованный, оскорбленный, огорченный. Я застыл на месте в полной растерянности, не зная, что мне делать дальше.

Глава LV

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Сестра сдержала слово. В течение всего дня и до полудня следующего я ее не видел. Затем она вышла из своей комнаты в амазонке, приказала оседлать Белую Лисичку и уехала одна.

Я чувствовал, что не имею никакого влияния на своенравную девушку и что нечего и пытаться наставлять ее. Она не считается с авторитетом брата, сама себе хозяйка и всегда будет поступать по-своему. После вчерашнего разговора у меня пропала охота вмешиваться в дела Виргинии. Она знала мою тайну, и поэтому любой мой совет будет ею отвергнут. Я решил держаться в стороне, пока не наступит решительный момент.

В течение нескольких дней наши отношения были весьма прохладными, что очень удивило мать, но она ни о чем не спрашивала. Мне показалось, что мать стала относиться ко мне не так сердечно, как прежде. Она рассердилась на меня за дуэль с Ринггольдом. Узнав о ней, она очень огорчилась и, когда я вернулся домой, упрекала меня за это, считая, что я один виноват в

этой истории. Почему я так грубо поступил с Аренсом Ринггольдом? Из-за какой-то чепухи! Из-за негодницы индианки! Почему я так близко принял к сердцу все, что говорилось об этой девушке? Ведь то, что сказал о ней Ринггольд, может быть и правдой. Мне следовало вести себя более благоразумно.

Очевидно, мать что-то слышала краем уха обо всем этом деле, но не знала, кто была красавица-индианка. Ей не приходилось раньше слышать имя Маюми. Поэтому я довольно спокойно выслушал ее язвительные замечания. Раздраженный упреками матери, я несколько раз собирался рассказать ей о причинах дуэли, но пока воздерживался. Она все равно бы мне не поверила.

Я узнал, что в положении Ринггольда за последнее время произошли большие перемены. Отец его умер в ту самую минуту, когда в приступе ярости наказывал одного из рабов. У старика произошло кровоизлияние, и он упал на месте, как будто над ним свершился божий суд. Аренс был теперь единственным наследником большого состояния, несправедливо нажитого: это была плантация с тремястами рабов. Тем не менее говорили, что теперь он стал еще скупее. Как и старый Ринггольд, он поставил себе целью быть властителем всех и всего в окрестности, стать крупным магнатом.

Некоторое время он притворялся больным и ходил с перевязанной рукой, гордясь тем, что дрался на дуэли. Так, по крайней мере, рассказывали люди. Однако те, кто знал, как окончилось дело, считали, что у него нет особых оснований хвастаться этой дуэлью.

Моя стычка с ним, по-видимому, не изменила его отношения к нашей семье. Мне говорили, что он часто бывал у нас и его даже считали женихом Виргинии. С того времени, как возросли его богатство и влияние, моя тщеславная мать стала относиться к нему еще благосклоннее. Я наблюдал за всем этим с глубоким сожалением.

Вообще в нашей семье чувствовалась какая-то перемена. В отношениях между нами постепенно исчезали прежняя искренность и теплота. Мне очень не хватало моего доброго, благородного отца. Мать держалась со

мной надменно и холодно, как будто считала, что я непослушный и непочтительный сын. Дядя, ее брат, во всем следовал ее примеру, и даже любимая сестра иногда казалась мне чужой.

Я чувствовал себя неловко в собственной семье и старался как можно меньше бывать дома. Большую часть дня я проводил с Галлахером, который, конечно, гостил у меня, пока мы находились в Суони. У нас было довольно много дел в связи с нашей командировкой, а в свободное время мы развлекались охотой на оленей и лисиц. Правда, охота не доставляла мне теперь такого удовольствия, как прежде, да и Галлахер уже, видимо, не так увлекался ею.

Наши служебные обязанности обычно заканчивались к полудню. Нам было поручено не столько набрать добровольцев, сколько наладить занятия с записавшимися и «подготовить их к службе». Отряд добровольцев уже сформировался. Они выбрали себе офицеров из тех лиц, которые раньше служили в армии. На нашей обязанности было обучать их и следить за порядком в отряде.

Маленькая церковь в центре поселка была превращена в штаб. Там и происходило обучение.

Большинство добровольцев принадлежали к беднейшей части населения — мелким плантаторам и скваттерам, которые жили на окраинах болот и едва сводили концы с концами, существуя на скромный заработок, добываемый ими с помощью топоров и винтовок. Среди них был и старый Хикмэн. Я удивился, узнав, что в отряд записались такие «достойные личности», как Спенс и Уильямс. Последних двух я решил взять под особое наблюдение, но держаться от них подальше.

Многие из рядовых принадлежали к аристократическим кругам. Угроза войны нависла над всеми и объединила всех. Офицерами были обычно богатые и влиятельные плантаторы. Впрочем, в результате столь демократических выборов среди офицеров оказались и такие, которые были слабо подготовлены к тому, чтобы носить эполеты. Некоторые из этих джентльменов были в более высоких чинах, чем я и Галлахер. Полков-

нпков и майоров оказалось почти столько же, сколько и простых солдат. Но все они были обязаны подчиняться нам. В военное время часто случается, что лейтенант регулярной армии или даже младший офицер оказывается начальником полковника народного ополчения. Среди них встречались очень своеобразные люди, которые раньше «тянули лямку» в Уэст-Пойнте или имели за плечами месяцы военной службы под начальством «старого Хикори». Они считали себя специалистами в военном искусстве. И с ними было не так-то легко иметь дело. По временам Галлахеру приходилось призывать на помощь всю свою волю, чтобы доказать, что командует в Суони именно он. Репутация моего друга — отчаянного рубаки и дуэлиста — так же утверждала его авторитет, как и поручение, которое он привез с собой из главного штаба.

А в остальном мы жили с нашими добровольцами довольно мирно. Большинство из них стремились изучить военное дело и охотно подчинялись нашим указаниям. В шампанском, виски и сигарах недостатка не было, многие окрестные плантаторы оказались очень гостеприимными хозяевами. И если бы мы с Галлахером были склонны к развлечениям и выпивке, то, пожалуй, нигде бы не нашли лучших условий. Но мы не слишком поддавались таким соблазнам и благодаря этому пользовались уважением, что значительно облегчало нам исполнение наших обязанностей. Вообще нашу новую жизнь нельзя было бы назвать неприятной, если бы... не мои домашние нелады. Мой дом теперь — тут-то и была вся беда! — уже больше не был для меня родным домом.

Глава LVI

ТАИНСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Прошло несколько дней, и я заметил внезапную перемену в поведении Галлахера; это относилось не ко мне и не к матери, а к Виргинии.

Я впервые обратил на это внимание через день после

объяснения с ней; ее отношение к нему тоже изменилось.

Ледяная вежливость между ними словно растаяла, и прежняя душевная дружба воскресла. Они снова вместе играли, пели, смеялись, читали книжки и болтали о пустяках, как и раньше.

«Ему-то легко все это забыть, — думал я, — он только друг и, конечно, не может испытывать такие же чувства, как брат. Что ему за дело до того, с кем она тайно встречается? Какое ему дело до того, что Виргиния поступает вразрез с нормами общепринятого поведения? Ему приятно ее общество, ее милое обращение заставило его отбросить все подозрения, и поэтому он забыл, простил или нашел какое-нибудь подходящее объяснение ее поведению». Мне казалось, что он стал более холоден со мной, тогда как ей полностью вернул свое доверие и дружбу.

Сначала я был удивлен этой новой фазой отношений в нашем семейном кругу, а потом просто стал в тупик.

Я был слишком горд и слишком уязвлен, чтобы потребовать у Галлахера объяснений, а сам он не считал нужным объясниться со мной, и я вынужден был оставаться в неведении. Я заметил, что и мать удивлена такой переменной и относится к ней несколько подозрительно. Я понимал ее. Она боялась, как бы блестящий военный, который, впрочем, не имел никакого состояния, кроме своего офицерского жалованья, не увлек Виргинию. А вдруг она изберет его себе в мужа!

Конечно, мать мечтала о совсем другом муже для Виргинии. Она не могла спокойно примириться с тем, что ее дочь избрала себе такую судьбу, и ревнивым оком взирала на близость молодых людей.

Я был бы рад, если бы ее подозрения оказались основательными, и счастлив, если бы сестра остановила свой выбор на моем друге. Я был бы рад, если бы мой друг назвал меня братом, и не возражал бы против их брака, хотя у Галлахера и не было состояния.

Но мне и в голову не приходило, что между ними могло быть нечто большее, чем старая дружба. Любовь проявляется совсем иначе. Если речь шла о капитане

Галлахере, то я мог заверить мать, что ей не о чем беспокоиться.

Однако посторонние могли принять их за влюбленных. Галлахер почти не расставался с сестрой: они вместе проводили половину дня и засиживались до поздней ночи, вместе ездили в лес и надолго куда-то исчезали из дому. Я заметил, что мой товарищ все больше стал тяготиться моим обществом. Удивительнее всего то, что и охота больше не увлекала его. Он стал пренебрегать службой, и если бы «лейтенант» не лез из кожи, то вряд ли наш отряд чему-нибудь бы научился.

Дни шли, и я заметил, что Галлахер помрачнел. Когда сестры не было, он становился задумчивым. Все теперь было по-иному. Он действительно походил на влюбленного. Он вздрагивал, когда слышал ее голос. Он жадно ловил каждое ее слово, и его глаза блистали восторгом, когда она входила в комнату. Раз или два я заметил, что он смотрел на нее такими глазами, в которых светилась не только дружба. Во мне пробудились прежние подозрения. Конечно, Виргиния была достаточно красива, чтобы произвести впечатление на твердое, как алмаз, сердце солдата. Но, вообще говоря, Галлахер не был дамским кавалером. О его победах над женщинами что-то не было слышно; наоборот, в их обществе он чувствовал себя неловко. Сестра была единственная женщина, с которой он разговаривал открыто и непринужденно. Но, в конце концов, мог же он все-таки влюбиться в Виргинию!

Я был доволен этим, но только мог ли я обещать ему взаимность Виргинии? Увы, это было не в моих силах.

Мне очень хотелось знать, любит ли она его. Но нет, этого быть не могло, если она мечтала о...

И все же она иногда вела себя с Галлахером так, что человек, незнакомый с ее дикими выходками, мог бы и вправду подумать, будто она влюблена в него. Даже я, наблюдая за ней, стал в тупик. Или она действительно питала к нему чувство более серьезное, чем дружба, или попросту притворялась. Если она знала, что он ее любит, то поступала очень жестоко.

Я часто предавался этим размышлениям и никак не мог от них отделаться. Они были неприятны, порой прямо тягостны.

Смущенный и ошеломленный тем, что происходило вокруг меня, я запутался в своих сомнениях... Но в это время в нашей семейной жизни произошло событие, затмившее по своей таинственности все остальное. Собственно говоря, это было даже не событие, а новая глава в истории нашей семьи. До меня дошли странные слухи, и если они были верны, то нужно отбросить прочь все мои предположения.

Я узнал, что моя сестра влюбилась в Аренса Ринггольда или, во всяком случае, благосклонно относится к его ухаживаниям!

Глава LVII

КТО ОТКРЫЛ МНЕ ТАИНУ

Все это я узнал от своего верного Черного Джека. Я мог бы усомниться в словах кого-нибудь другого, но его свидетельство было непогрешимо. Черный Джек был необычайно проницателен, и все его сообщения основывались на подлинных фактах.

У него были серьезные доводы, и он изложил их. Вот как это произошло. Однажды я сидел один на берегу водоема и читал книгу. Вдруг меня окликнул Джек:

— Масса Джордж!

— Ну, что тебе? — спросил я, не отрываясь от книги.

— Масса Джордж, все утро я стараюсь застать вас одного. Хочу поговорить с вами, масса Джордж!

Я обратил внимание, что Джек сказал это необычайно торжественно. Машинально я закрыл книгу и взглянул на Джека; выражение лица его было таким же торжественным, как его речь.

— Поговорить со мной, Джек?

— Да, масса Джордж, если вы не заняты.

— Я не занят, Джек. Говори, я слушаю.

«Бедняга, — думал я, — и у него есть свои горести. Должно быть, он хочет пожаловаться мне на Виолу.

Злая девчонка всегда заставляет его мучиться ревностью. Но чем же я могу помочь ему? Не могу же я заставить ее полюбить его. Нет! Привести лошадь на водопой может один человек, но и сорок человек не смогут заставить ее пить! Взалмошная девчонка будет поступать так, как ей взбредет в голову, и никакие увещевания тут не помогут...»

— Так в чем же дело, Джек?

— Вы сами знаете, масса Джордж, что я не люблю вмешиваться в семейные дела, но, видите ли, тут совсем не ладно...

— В каком смысле?

— Да наша барышня... молодая леди...

«Как это вежливо со стороны Джека называть Виолу «барышней»!» — подумал я.

— А что, тебе кажется — она обманывает тебя?

— Не меня одного, масса Джордж.

— Ах, вот какая злая девчонка! Но, Джек, может быть, ты все это только воображаешь? Разве у тебя есть доказательства ее неверности? Разве кто-нибудь за ней ухаживает?

— Да, сейчас особенно, и больше, чем раньше.

— И это белый?

— Ах, боже мой! — воскликнул Джек. — Удивительные вы вещи говорите! Конечно, белый! Кто же, как не белый, смеет ухаживать за молодой леди?

Я не мог не улыбнуться при мысли о том, что Джек считает свою красавицу неприступной для кавалеров его племени. Я как-то раз даже слышал его хвастливые слова, что он единственный негр, который осмеливается ухаживать за Виолой.

«Ага, — подумал я, — значит, виновник его бедствий белый!»

— Кто же это, Джек? — спросил я.

— Ах, масса, этот дьявол, Аренс Ринггольд!

— Что? Аренс Ринггольд ухаживает за Виолой?

— За Виолой? Господи, масса Джордж! — воскликнул негр, закатив глаза. — Я и не думал говорить о Виоле!

— О ком же ты говоришь?

— Да разве вы не слыхали, что я сказал «барышня»? Я говорю о барышне, о молодой леди, о мисс Виргинии.

— О сестре? Ну, Джек, это старая история. Аренс Ринггольд уже много лет ухаживает за сестрой. Да только она не любит его. В этом отношении можешь быть спокоен, мой преданный друг. Она за него не пойдет. Он ей противен, Джек, да и всем на свете тоже. А если бы даже он ей и нравился, то уж я ни за что не допустил бы этого брака. Можешь быть совершенно спокоен.

Мои слова, по-видимому, не удовлетворили негра. Он стоял, почесывая затылок, как будто хотел еще что-то сообщить мне. Я ждал, пока он заговорит.

— Простите меня, масса Джордж, за смелость, но вы ошибаетесь. Правда, было время, когда мисс Виргиния не обращала внимания на эту змею в траве. Но теперь все по-иному: отец его, старый мошенник и вор, умер, и молодой хозяин разбогател. Он теперь крупный плантатор, самый богатый из всех разбойников. Старая леди довольна его ухаживаниями за мисс Виргинией и приглашает в гости, потому что он богатый.

— Я знаю, Джек. Матушка всегда желала этого брака, но это ничего не значит: сестра — девушка своевольная и сделает обязательно по-своему. Она ни за что не согласится выйти за Аренса Ринггольда.

— Извините, но вы ошибаетесь. Она согласна.

— Кто вбил тебе это в голову, мой милый?

— Виола, квартеронка. Она рассказала мне все.

— Значит, вы опять друзья с Виолой?

— Да, масса Джордж, мы с ней теперь дружим. Это я был виноват перед нею. Теперь я уж больше не ревную ее. Она хорошая девушка, ей можно верить. Я ее больше не подозреваю ни в чем.

— Рад слышать это. Но скажи, что она говорила об Аренсе Ринггольде и моей сестре?

— Виола сказала мне, что мисс Виргиния видится с ним каждый день.

— Каждый день! Да ведь Аренс Ринггольд уже давно не бывает у нас.

— Вот вы и опять ошибаетесь, масса Джордж. Масса Аренс приезжает почти каждый день. Но тогда, когда вы и масса Галлахер уходите на охоту или учите добровольцев...

— Ты удивляешь меня, Джек!

— Еще не все, масса. Виола говорит, что мисс Виргиния стала совсем другая. Она уже не сердится на него, а внимательно слушает, когда он говорит. Виола думает, что она согласится выйти за него. Это будет ужасно! Очень, очень ужасно!

— Послушай, Джек, — сказал я, — когда я буду уезжать, всегда оставайся дома и наблюдай за теми, кто придет. Как только появится Ринггольд, немедленно скажи за мной.

— Хорошо, масса Джордж. Не беспокойтесь, домчусь стрелой! Как зигзаг молнии, смазанный салом!

И, дав такое обещание, негр удалился.

* * * * *

Несмотря на свою недоверчивость, я не мог пренебречь сообщением негра. В нем, несомненно, была какая-то доля истины. Негр был весьма преданный слуга и вряд ли обманул бы меня. И он слишком проникателен, чтобы его самого можно было обмануть.

Виола имела возможность наблюдать за всем, что происходило в нашей семье. Что же могло заставить ее выдумать подобную историю? Сам Джек видел Ринггольда у нас в доме, а мне об этом никто не говорил. Что же делать? Теперь у Виргинии оказалось сразу три поклонника: индейский вождь, Галлахер и Аренс Ринггольд! Неужели она кокетничает со всеми без разбора? Неужели она имеет виды на Ринггольда? Нет, это невозможно! Я готов был допустить любовь к солдату, романтическое увлечение храбрым и красивым вождем, но Аренс Ринггольд, пискливый, напыщенный сноб¹, у которого не было никаких иных достоинств, кроме богатства, — неужели это возможно? Конечно, тут не обо-

¹ С н о б — прозвище людей, которые раболепствуют перед высшими, презирают низших и слепо преклоняются перед всем модным.

шлось без влияния матери. Но мне никогда не приходило в голову, чтобы Виргиния могла уступить. А если Виола говорила правду, то Виргиния уступила или готова уступить! «Ах, матушка, матушка! Ты и не догадываешься, кого хочешь ввести в свой дом и любить, как родного сына!»

Глава LVIII

СТАРЫЙ ХИКМЭН

На следующее утро я, как обычно, отправился в лагерь добровольцев. На этот раз Галлахер поехал со мной, так как нужно было привести отряд к присяге¹ и наше присутствие было совершенно необходимо.

В отряде собралась довольно приятная компания, хотя он производил более внушительное впечатление своим количеством, нежели внешним видом. Отряд был кснный, но так как каждый экипировался как мог, то оружие и лошади у всех были разные. Почти у всех имелись винтовки, но у некоторых еще сохранились старинные фамильные мушкеты — память о войнах времен американской революции. У иных были простые охотничьи двустволки. Заряженные тяжелой дробью, они, конечно, не могли представлять собой грозное оружие в схватках с индейцами. Были и пистолеты всех видов, начиная от огромных, оправленных в медь, до маленьких карманных — одноствольных и двуствольных. Револьверов ни у кого не было, так как знаменитые кольты² еще не появились в пограничных с индейской резервацией районах.

¹ В Соединенных Штатах Америки отряды добровольцев формируются самостоятельно. Когда состав отряда укомплектован и офицеры избраны, правительство должно дать согласие принять отряд на военную службу. Тогда офицеры и солдаты приносят присягу служить в течение определенного времени на точно таких же условиях, как и регулярные войска.

² Впервые револьвером Кольта был вооружен полк техасских стрелков. Первым испытанием колта в военных действиях явилась стычка с партизанским отрядом (герилья) падре Харанта. 125 герильясов были выведены из строя этим эффективным оружием примерно в течение 15 минут. (*Примеч. автора.*)

У каждого добровольца был нож, обычно большой, с широким острым лезвием, вроде тех, какие посят мясники. У иных были кинжалы со старинными орнаментами. У многих за поясом торчали небольшие секиры, наподобие индейских томагавков. Эти секиры могли сослужить владельцу двойную службу: прорубить дорогу в лесу или раскроить врагу череп.

Амуниция состояла из мешочков с порохом, патрон-ташей с пулями и дробью. Короче говоря, это было обычное боевое снаряжение жителя пограничной местности или охотника-любителя, мирно охотившегося за оленями.

Кавалерия нашего отряда была столь же разнообразна, как оружие и снаряжение.

Здесь были и высокие костлявые клячи, и коренастые верховые лошадки, пригодные для дальних поездок, и крепкие, быносливые туземные кони андалузской породы¹, и худые, заезженные кобылы, верхом на которых ехал какой-нибудь оборванный скваттер, бок о бок с великолепным арабским боевым конем — мечтой лихих юнцов, плантаторских сынков, которые любили гордо красоваться на этих замечательных скакунах. Многие были верхом на мулах. Американские и испанские мулы, привыкшие к седлу, хотя и не могут сравниться с конями в атаке, но могут смело потягаться с ними в военном походе против индейцев. В зарослях, в непроходимых лесных дебрях, где земля представляет собой болото или завалена рухнувшими стволами и буреломом и устлана сплетающимися и извивающимися растениями-паразитами, мул легко прокладывает себе путь там, где лошадь на каждом шагу спотыкается или проваливается в трясину. Многие опытные охотники, преследуя зверя, предпочитают мула породистому арабскому скакуну.

Не менее пестрым было и обмундирование отряда. Офицеры были полностью или частично все же облачены в военную форму, а солдаты одеты как попало:

¹ Лошади впервые были привезены во Флориду испанцами; отсюда возникло название этой породы. (Примеч. автора.)

красные, синие и зеленые шерстяные куртки, грубошерстные свитеры, серые и коричневые; красные фланелевые рубашки, коричневые, белые, желтые полотняные или панковые пиджаки. У некоторых пиджаки были даже небесно-голубого цвета! Охотничьи куртки из выделанной оленьей кожи, такие же мокасины и гетры, высокие и низкие сапоги из лошадиной кожи или шкуры аллигатора — короче говоря, все виды обуви, которую носят в Штатах. Головные уборы были также разнообразны и фантастичны. Высоких и твердых касок и кепи не встречалось, зато было много фуражек и шляп из шерсти и войлока, а также шляп, сделанных из соломы и пальмовых листьев, с широкими полями, обтрепанных и надвинутых на самый лоб. На некоторых были форменные фуражки из синего сукна. Только они и придавали военный вид их владельцу.

Но было нечто общее у всех добровольцев этого отряда — это неукротимая жажда схватки с противником, желание помериться силами с ненавистными дикарями, которые устраивали такие бесчинства во всей стране. «Когда же нас поведут в бой?» — вот вопрос, который постоянно задавали добровольцы.

Старый Хикман оказался весьма деятельным. Благодаря своему возрасту и опыту он получил звание сержанта, единодушно присужденное ему на выборах. Мне пришлось несколько раз разговаривать с ним. Охотник за аллигаторами по-прежнему оставался моим верным другом и был очень предан всей нашей семье. В этот день он еще раз доказал свою преданность, начав со мной разговор, которого я никак от него не ожидал.

— Пусть индейцы скальпируют меня, лейтенант, — сказал он, — но я даже и мысли не допускаю о том, что этот осел женится на вашей сестре.

— Кто женится? — спросил я с удивлением, полагая, что старик имеет в виду Галлахера.

— Да тот, что постоянно шляется к вам. Эта тварь, проклятый хорек — Аренс Ринггольд!

— А, вот вы о ком! Разве об этом идут разговоры?

— Да во всей округе только об этом и толкуют. Черт меня побери, Джордж Рэндольф, если бы я это ему по-

зволил! Ваша сестра — милая девушка, самая что ни на есть красавица в наших краях, и отдать ее замуж за такого мерзкого негодяя, как он!.. Да я и слышать об этом не хочу, несмотря на все его доллары! Запомните мои слова, Джордж: он сделает бедняжку несчастной на всю жизнь. Это уж как пить дать, черт бы его побрал!

— Я очень благодарен вам за совет, Хикмэн, только я думаю, что ваши опасения напрасны. Ничего из этого не выйдет.

— Ну, а почему же все кругом только об этом и болтают? Не будь я старым другом вашего отца, я не позволил бы себе такую вольность. Но я был его другом, а теперь я ваш друг и потому решил поговорить с вами. Мы все кричим тут об индейцах и называем их ворами. Да во всей Флориде, среди всех индейских племен не найти таких воров и мошенников, как Ринггольды! И отец такой был, и сын, и вся ихняя проклятая порода. Старик убрался отсюда, а куда попал, неизвестно. Наверно, дьявол держит его в лапах, и думаю, что будет держать долго за все те пакости, которые он творил с людьми на этом свете. Ему сторицей отплатится и за то, как он обращался с бедными метисами, что живут по ту сторону реки.

— Вы говорите о семье Пауэллов?

— Да, это была величайшая несправедливость на свете. Я никогда и не слыхивал такого в своей жизни. Клянусь дьяволом!

— Стало быть, вы знаете, что там произошло?

— Конечно, я знаю все их подлые плутни. Это было самое гнусное дело, когда-либо совершённое человеком, и притом белым, который к тому же называет себя джептльменом. Клянусь сатаной, так оно и есть!

По моей просьбе Хикмэн подробно рассказал мне, как была ограблена несчастная семья. Я узнал, что Пауэллы покинули свою плантацию отнюдь не добровольно. Наоборот, для бедной вдовы переселение в чужие места было самым тяжелым испытанием в ее жизни. Дело не только в том, что эта усадьба считалась лучшей во всей округе и высоко ценилась, но с ней

были связаны все светлые воспоминания о счастливой жизни, о добром муже... И только неумолимый закоп в лице шерифа с дубинкой мог заставить ее покинуть родные места.

Хикмэну пришлось присутствовать при сцене расставания. Он описал ее простыми, но проникновенными словами. Он рассказал мне, как неохотно и с какой грустью вся семья разлучалась со своим родным домом. Он слышал негодующие упреки сына, видел слезы и мольбы матери и дочери, слышал, как несчастная вдова предлагала все, что у нее осталось, — свои личные вещи, даже драгоценности — подарки ее покойного мужа, лишь бы негодяи позволили ей остаться под священным кровом дома, где прошло столько счастливых лет. Но мольбы ее были напрасны. Безжалостные преследователи не ведали сострадания, и вдову выгнали из ее дома.

Обо всем этом старый охотник говорил взволнованно. Хотя внешность его была неприглядной, а речь простонародной, зато сердце у него было отзывчивое и он не выносил несправедливости.

Он неприязненно относился ко всем, кто участвовал в этом преступном деле, и от всей души ненавидел Ринггольдов. Его рассказ о бедствиях, постигших семью Оцеолы, вызвал во мне сильнейшее возмущение этой чудовищной жестокостью и пробудил прежнее теплое чувство к Оцеоле, которое несколько померкло, когда сомнения одолели меня.

Глава LIX

СПЕШНЫЙ ГОНЕЦ

Мы с Хикмэном отъехали немного в сторону, чтобы побеседовать на свободе. Старый охотник разгорячился и начал говорить более откровенно. Я ожидал, что он сообщит мне новые интересные подробности. Будучи твердо уверен в том, что он предан нашей семье, а лично ко мне питает самые дружеские чувства, я уже совсем было решился довериться ему и рассказать о своих не-

счастьях. Хикмэн был человек простой, но умудренный житейским опытом, и вряд ли кто мог дать мне лучший совет, чем он: ведь охотник не всегда жил среди аллигаторов. Наоборот, ему пришлось многое испытать в жизни. Я смело мог рассчитывать на его преданность и вполне довериться его опыту и мудрости.

Убежденный в этом, я охотно поделился бы с ним тайной, тяжелым камнем лежавшей у меня на сердце, или, по крайней мере, открыл бы ему хотя бы часть этой тайны, если бы не думал, что он уже кое-что знает об этом. Я был уверен, что Хикмэну известно о воскрешении из мертвых Желтого Джека. Он еще раньше намекал мне, что сомневается в гибели мулата. Но я думал не о мулате, а о замыслах Аренса Ринггольда. Может быть, Хикмэн что-нибудь знает и о них? Я обратил внимание на то, что, когда имя мулата было упомянуто в связи с именами Спенса и Уильямса, старый охотник так многозначительно взглянул на меня, как будто хотел сообщить мне что-то об этих негодях.

Я уже собирался открыть Хикмэну свою тайну, как вдруг услышал конский топот.

Вглядевшись, я увидел всадника, который мчался по берегу реки с такой быстротой, как будто участвовал в гонке на приз. Конь был белый, а всадник черный; я сразу догадался, что это Джек.

Я вышел из-за деревьев, чтобы он увидел меня и не помчался к церкви, которая находилась немного поодаль. Когда Джек приблизился, я окликнул его; он услышал и, резко повернув коня, направился к нам. Очевидно, Джек приехал с каким-то поручением, но в присутствии Хикмэна он стеснялся говорить и шепнул мне то, что я и ожидал услышать: приехал Аренс Ринггольд!

«Этот проклятый черномазый тут как тут, масса Джордж!» — вот буквальные слова, которые прошептал мне на ухо Джек.

Выслушав это известие, я постарался сохранить полное спокойствие. Мне совсем не хотелось, чтобы Хикмэн узнал или даже мог заподозрить, будто у нас в до-

ме произошло что-то необычайное. Отпустив негра домой, я вернулся с охотником к отряду добровольцев, затем постарался незаметно отстать от Хикмэна и затеряться в толпе.

Вскоре после этого я отвязал коня и, не сказав ни слова никому, даже Галлахеру, вскочил в седло и поспешно уехал. Я направился не по прямой дороге, которая вела к нашей плантации, а решил сделать небольшой крюк через лес, примыкавший к церкви. Я сделал это для того, чтобы ввести в заблуждение старого Хикмэна и всех других, кто мог бы заметить прибытие гонца. Если бы я уехал с Джеком, они могли бы догадаться, что дома у меня не все в порядке. Я показался в отряде для отвода глаз, чтобы любопытные думали, что я уехал не домой, а совсем в другом направлении. Пробравшись через кусты, я выехал на главную дорогу, идущую вдоль реки, а затем, пришпорив коня, поскакал таким галопом, как будто бы решался вопрос о моей жизни или смерти. Я мчался с такой быстротой потому, что хотел добраться до дому прежде, чем тайный посетитель — желанный гость матери и сестры — успеет распрощаться и уехать.

У меня были серьезные причины ненавидеть Ринггольда, но я не тайл никаких кровожадных замыслов. Я не собирался убивать его, хотя это был бы самый верный способ избавиться от подлого и опасного негодяя. В эту минуту, возбужденный рассказом Хикмэна о жестокости Ринггольда, я мог бы уничтожить его без всякого страха и угрызений совести. Но хотя я весь кипел от ярости, я все же не был ни сумасшедшим, ни безрассудным человеком. Благоразумие — обычный инстинкт самосохранения — еще не покинуло меня, и я вовсе не собирался разыграть последний акт трагедии о жизни Самсона¹. План действий, который я себе наметил, был гораздо практичнее.

Он состоял в том, чтобы по возможности незаметно добраться до дома, неожиданно войти в гостиную, где

¹ Согласно библейскому преданию, богатырь Самсон, взятый в плен филистимлянами, разрушил колонны в храме, где собрались враги, и погиб вместе с ними под обломками здания.

наверняка сидел гость. захватить врасплох и гостя и хозяев, потребовать от всех троих объяснения и окончательно разобраться в этой таинственной путанице наших семейных отношений. Я должен поговорить с глазу на глаз с матерью, сестрой и ее поклонником и заставить всех троих признаться во всем.

«Да! — говорил я сам себе, яростно вонзая шпоры в бока коня. — Да, они должны признаться во всем! Каждый из них и все вместе, или...»

Я не мог решить, что же мне делать с матерью и сестрой. Впрочем, темные замыслы, вспыхнувшие на пепле гаснущей сыновней и братской любви, уже зловеще гнездились в моем сердце.

Если же Рингольд откажется сказать мне правду, я отхлещу его арапником, а затем вышвырну вон и навсегда запрещу ему появляться в том доме, где отныне я буду хозяином. Что касается приличий, то об этом не могло быть и речи. Сейчас мне было совсем не до того. С человеком, который пытался убить меня, никакое обращение не могло быть слишком грубым.

Глава LX

ДАР ВЛЮБЛЕННОГО

Я уже говорил, что намеревался войти в дом незамеченным. Поэтому, из осторожности, подъезжая к плантации, я свернул с дороги на тропинку, идущую вдоль водоема и апельсиновой рощи. Я надеялся, что если подъеду к дому сзади, то меня никто не заметит. Рабы, работавшие внутри ограды, могли увидеть меня, когда я ехал по полю, но это были полевые рабочие. Я больше всего опасался, чтобы меня не заметил кто-нибудь из домашней прислуги.

Черный Джек домой не поехал; я велел ему ждать меня в условленном месте, там я его и нашел. Приказав ему следовать за собой, я помчался дальше. Миновав поля, мы въехали в лес и здесь спешились. Отсюда я отправился один.

Как охотник, подстерегающий дичь, или как дикарь, который крадется к спящему врагу, — так подкрадывался я к дому, к моему дому, к дому моего отца, к дому моей матери и сестры. Странное поведение для сына и брата!

Ноги у меня дрожали, колени подгибались, грудь вздымалась от волнения и от неистового гнева. На одно мгновение я остановился. Мне вдруг ясно представилась неприятная, недостойная сцена, в которой я собирался принять участие. С минуту я колебался. Может быть, я даже вернулся бы и подождал другого подходящего случая, чтобы выполнить свое намерение не столь насильственным образом, но как раз в эту минуту до меня донеслись голоса, сразу укрепившие мою решимость. Я услышал веселый, звонкий смех сестры и... другой голос. Я сразу узнал скрипучий тенорок ее презренного вздыхателя. Эти голоса привели меня в ярость, словно они ужалили меня. Мне показалось, что в них звучит какая-то насмешка надо мной. Как могла сестра так вести себя? Смеяться, когда я изнемогал под гнетом самых мрачных подозрений?

И тут все мысли об ином, более достойном образе действий сразу исчезли. Я решил привести свой план в исполнение, но прежде всего выяснить, о чем они там говорят.

Я подошел ближе и прислушался. Они были не в доме, а прогуливались по опушке апельсиновой рощи. Невслышно ступая, осторожно раздвигая кусты, то сгибаясь, то выпрямляясь, я вдруг оказался в каких-нибудь шести шагах от них. Сквозь листву я ясно видел платье сестры и отчетливо слышал каждое их слово.

Очень скоро я убедился, что их разговор как раз подошел к решительному моменту. По-видимому, Ринггольд только что впервые сделал официальное предложение сестре, и именно это и вызвало у нее смех.

— Так, значит, вы в самом деле желаете назвать меня своей женой? Вы говорите это серьезно?

— Да, мисс Рэндольф. Не смейтесь надо мной! Вы знаете, сколько лет уже я люблю вас самой преданной любовью.

Сквозь листву я ясно видел платье сестры

— Нет, не знаю. Откуда мне это знать?

— Ведь я говорил вам об этом. Разве я не повторял вам это сотни раз?

— Слова! Я не очень ценю слова в делах такого рода. Десятки мужчин уже говорили мне то же самое, хотя, как я полагаю, они мало интересовались мной. Язык — великий обманщик, мистер Аренс!

— Но мое отношение к вам свидетельствует об искренности моих чувств. Я предлагаю вам свою руку и все состояние. Разве это не достаточное доказательство моей преданности?

— Конечно, нет, глупец вы этакий! Да если б я вышла за вас, состояние все-таки осталось бы вашим. А кроме того, у меня самой есть небольшое состояние, и оно перешло бы под ваш контроль. Вот видите, все складывается, несомненно, в вашу пользу.

и отчетливо слышал каждое их слово.

И она снова расхохоталась.

— Нет, мисс Рэндольф, что вы! Я и не подумал бы притронуться к вашему состоянию. Если вы примете мою руку...

— Вашу руку, сэр? Когда хотят добиться от женщины согласия, ей предлагают не руку, а сердце! Да, сердце!

— Что ж, вам известно, что и сердце мое уже давно принадлежит вам. Об этом знает весь свет.

— Ах, значит, вы всем об этом рассказали? Вот это уж мне совсем не нравится!

— Вы слишком жестоки ко мне! У вас было довольно доказательств моей долгой и преданной любви. Я давно объяснился бы с вами и попросил стать моей женой, если бы... — Тут он вдруг запнулся.

— Если бы не что?

— По правде сказать, я не мог полностью распоряжаться собой, пока был жив мой отец.

— Ах, вот как?

— Но теперь я сам себе хозяин, и, если, дорогая мисс Рэндольф, вы соблаговолите принять мою руку...

— Опять руку! Кстати, говорят, что эта рука не особенно-то щедра. Если бы я приняла ваше предложение, то вряд ли я имела бы даже деньги на карманные расходы — на шпильки да булавки, ха-ха-ха!

— На меня клеветают враги, мисс Рэндольф. Но клянусь, что в этом отношении вам никогда не придется на меня жаловаться.

— А я в этом не вполне уверена, несмотря на ваши клятвы. Обещания, данные до свадьбы, часто потом забываются. Я не могу доверять вам, любезный друг, нет, нет!

— Уверю вас, что я заслуживаю доверия!

— Не уверяйте! У меня нет никакого доказательства вашей щедрости. Послушайте, мистер Ринггольд, вы еще ни разу в жизни не сделали мне ни одного подарка.

Тут она снова расхохоталась.

— О, если бы я знал, что вы его примете! Я отдал бы вам все, что у меня есть!

— Ну хорошо. Я испытаю вас. Вы должны сделать мне подарок.

— Назовите только, что вы хотите, и любое ваше желание будет исполнено!

— Вы думаете, что я попрошу у вас какой-нибудь пустячок — лошадь, пуделя или какую-нибудь блестящую безделушку? Уверю вас, ничего такого не будет.

— Мне все равно — ведь я предложил вам все свое состояние. Стоит ли говорить о какой-нибудь его части! Вам достаточно только высказать свое желание, и оно будет исполнено.

— Ах, какая щедрость! Ну хорошо. У вас есть одна вещь, которую мне очень бы хотелось иметь, очень! Вы знаете, я даже собиралась попросить вас, чтобы вы мне ее продали.

— Что же вы имеете в виду, мисс Рэндольф?

— Плантацию.

— Плантацию?

— Совершенно верно. Но не вашу, а одну из тех, которыми вы владеете. Это плантация, некогда принадлежавшая семье метисов на Тупело-Крик. Кажется, ваш отец купил ее у них?

Я обратил внимание на особое ударение, которое Виргиния сделала на слове «купил». Я заметил также, что Аренс явно смутился, когда отвечал ей.

— Да, да... Это верно... Но вы удивляете меня, мисс Рэндольф. Почему вам захотелось сейчас получить эту плантацию, раз вы можете стать хозяйкой всего моего состояния?

— Это уж мое дело. Мне так хочется. На это у меня есть особые причины. Я люблю это место... Оно очень красиво, и я часто гуляю там. Не забывайте, что наш старый дом переходит к брату. Не всегда же он будет жить холостяком! А мама захочет жить только в собственном доме... Но нет, я не стану объяснять вам причины. Делайте подарок или нет — как вам угодно.

— Ну хорошо. А если я подарю вам эту плантацию, тогда вы...

— Никаких условий, слышите? Иначе я совсем не приму от вас никакого подарка, хоть на коленях просите.

При этом последовал новый взрыв смеха.

— В таком случае, я не буду ставить никаких условий, если вы согласны принять от меня плантацию. Она ваша!

— Но это еще не все, мистер Аренс. Ведь вы можете так же легко отнять ее у меня, как и подарили. Как я могу быть уверена, что вы этого не сделаете? Мне необходимы официальные документы.

— Вы их получите.

— Когда?

— Когда вам будет угодно. Хоть через час.

— Да, да, пожалуйста. Идите и привезите их, но помните, что я не признаю никаких условий... Помните это!

— О, я и не думаю их предлагать! — воскликнул Ринггольд в полном восторге. — У меня нет никаких опасений. Я во всем полагаюсь на вас. Через час вы получите все документы. До свидания!

И, сказав это, он тут же удалился.

Этот разговор и особенно его странная заключительная часть так ошеломили меня, что я прямо окаменел. Я опомнился, только когда Ринггольд уже ушел далеко. Теперь я вовсе не знал, что мне делать: то ли догонять Ринггольда, то ли предоставить ему уехать безнаказанно.

Между тем Виргиния тихо направилась к дому. Я был возмущен ею еще больше, чем Ринггольдом. Поэтому я и дал ему возможность уйти, а сам решил немедленно поговорить с сестрой. Произошла бурная сцена. Я застал сестру и мать в гостиной и напрямик, без всяких обиняков, не слушая ни опровержений, ни уговоров, обрисовал им характер человека, который только что покинул наш дом и который собирался убить меня.

— Виргиния, сестра моя, неужели ты и теперь согласишься выйти за него замуж?

— Никогда, Джордж! Я и не думала об этом. Никогда! — в волнении воскликнула она, опускаясь на диван и закрывая лицо руками.

Однако мать слушала меня недоверчиво. Я уже собирался привести ей дальнейшие доказательства своей правоты, как вдруг услышал, что за окном кто-то громко окликнул меня. Я выбежал на веранду. Оказалось, что к дому подскочил всадник в голубом мундире с желтыми отворотами. Это был драгун, посланный из форта. Он был весь в пыли, а лошадь его — в пене. Видно было, что он долго мчался без отдыха. Драгун протянул мне лист бумаги. Это был наскоро написанный приказ мне и Галлахеру. Я развернул бумагу и прочел:

«Немедленно направьте своих людей в форт Кинг. Гопите лошадей во весь опор. Многочисленный неприятель окружает нас. Нам дорога каждая винтовка. Не теряйте ни одной минуты!

Клинка

ПОХОД

Приказ надо было выполнять немедленно. К счастью, моя лошадь еще была не расседлана, и через пять минут я уже скакал в лагерь добровольцев. Среди наших бойцов, жаждавших военных подвигов, весть о походе вызвала радостное волнение и была встречена громким «ура». Энтузиазм возместил недостаток дисциплины, и менее чем в полчаса отряд в полном боевом порядке был готов к выступлению. Никаких причин для задержки не оказалось. Была подана команда двигаться вперед, фанфары протрубили сигнал, и добровольцы, выстроившись по двое, длинной, несколько нестройной линией выступили к форту Кинг.

Я поскакал обратно, чтобы проститься с матерью и сестрой. Времени на прощанье было мало, но уезжал я с более спокойным сердцем. Я знал, что сестра предупреждена, и теперь не боялся, что она выйдет за Ринггольда.

Драгун, который привез приказ, поехал с нами. По дороге мы узнали все новости из форта. Произошло много событий. Оказывается, индейцы ушли из своих поселений, забрав с собой жен, детей, скот и все домашнее имущество. Несколько своих деревень они сожгли сами, так что их бледнолицым врагам уже нечего было уничтожать. Это говорило об их решимости начать войну по-настоящему. Куда они ушли, не могли выяснить даже наши лазутчики. Одни полагали, что индейцы направились на юг, в более отдаленную часть полуострова. Другие думали, что они скрылись в болотах, тянувшихся на много миль в верховьях реки Амазуры, известных под названием «болота Уитлакутчи».

Это было наиболее вероятной догадкой. Но индейцы так искусно замаскировали свое передвижение, что нельзя было обнаружить ни малейшего следа. Лазутчики дружественных индейцев — даже самые пропихательные из них — не могли определить путь их отступления. Многие считали, что индейцы ограничатся оборонительной войной и станут нападать только на те се-

ления, где не окажется американских войск, а затем будут укрываться с добычей в болотных дебрях. Это казалось весьма вероятным. В таком случае, войну нелегко будет закончить. Другими словами, «регулярной» войны вовсе не будет, будут только бесплодные походы и преследования. Ясно, что, если индейцы не захотят вступить с нами в открытый бой, у нас будет мало шансов догнать отступающего врага.

Солдаты боялись, что противник скроется в чаще леса, где найти его будет трудно и даже невозможно. Однако такое положение не могло продолжаться долго. Индейцы не смогут вечно жить грабежом. Их добыча с каждым днем будет все уменьшаться. Притом их слишком много для простой разбойничьей шайки. Впрочем, об их точном количестве белые имели весьма смутное представление. Одни говорили, что их от одной до пяти тысяч, включая и беглых негров, но даже наиболее осведомленные жители пограничных районов могли назвать только приблизительную цифру. По моим расчетам, у индейцев было более тысячи воинов, даже без тех кланов, которые отпали. Так же думал и старый Хикмэн, хорошо знавший индейцев. Как же могли индейцы найти средства к существованию среди болот? Неужели они были настолько предусмотрительны, что смогли сделать там большие запасы еды? Нет, на этот вопрос можно было смело дать отрицательный ответ.

Все знали, что именно в этом году у семинолов не было даже их обычных запасов. Вопрос о переселении был решен еще весной, и так как будущее представлялось неопределенным, многие семьи засеяли очень мало, а некоторые почти ничего. Урожай был поэтому меньше, чем в прежние годы, и перед последним советом в форте Кинг некоторые уже покупали еду или просили милостыню у пограничных жителей. Какова же была вероятность того, что они смогут продержаться в течение длительной кампании? Голод заставит их выйти из своих укреплений. Им придется или вступить в бой, или просить мира. Так думали все.

Эта тема оживленно обсуждалась и во время похода. Она представляла особый интерес для многих молодых

воинов, жаждущих славы. Если противник выберет такую бесславную систему военных действий, кому же достанутся лавры? Участники похода в убийственном климате болот, кишящих миазмами, скорее могли бы быть «увенчаны кппарисами», то есть остаться там на веки. Но большинство надеялись, что индейцы вскоре начнут голодать и вынуждены будут принять открытый бой. Относительно того, смогут ли индейцы продержаться длительное время, мнения разделились. Те, кто лучше всего знал местные условия, считали, что смогут. Так же думал старый охотник за аллигаторами.

— У них есть, — говорил он, — этот проклятый куст с большими корнями, который они называют «конти». Он растет по всему болоту. В некоторых местах он толст, как сахарный тростник. Он годится для еды, а кроме того, индейцы делают из него напиток «конте». Дубовые желуди — тоже не плохая пища, особенно если их хорошо поджарить в золе. Их можно собрать очень много — сотни бушелей¹. А потом есть еще пальмовая капуста, которая заменяет им зелень. А насчет мяса — тут к их услугам олени, медведи-гризли... А в болотах есть аллигаторы и много всякой прочей мерзкой живности, не говоря уже о черепахах, индейках, белках, змеях и крысах! Черт побери этих краснокожих! Они могут жрать что хотите — от птицы до хоряка. Что, не верите, ребята? Эти индейцы не так-то легко помрут с голоду, как вы думаете. Они будут держаться зубами и когтями, пока в этом проклятом болоте есть хоть что-нибудь съедобное. Вот что они будут делать!

Эта мудрая речь произвела сильное впечатление на слушателей. В конце концов, презренный враг не так беспомощен, как думали сначала.

Добровольцев нельзя было вести в строгом военном порядке. Вначале такие попытки делались, но скоро офицерам пришлось отказаться от этой идеи. Участники отряда, особенно молодежь, поминутно отбивались от строя, скакали в глубь леса в надежде подстрелить оленя или индейку, мелькнувшую в кустах, или в тишине и уединении приложиться к заветной фляжке.

¹ Бушель — мера объема, равная 36,35 литра.

Убеждать их было потерей времени, а строгое замечание часто вызывало лишь дерзкий ответ.

Сержант Хикмэн был страшно возмущен поведением добровольцев.

— Мальчишки! — восклицал он. — Проклятые молокососы, пусть они только попробуют! Пусть меня сожрет аллигатор, если они не научатся потом вести себя по-другому! Я готов прозакладывать свою кобылу против любого жеребца в роте, что некоторых ребят скальпируют еще до заката солнца! Клянусь честью!

Никто не рискнул побиться с ним об заклад, но так и вышло: его слова оказались пророческими.

Один молодой плантатор, воображая, что находится в полной безопасности, как на своей сахарной плантации, вздумал погнаться за оленем и отбилсЯ от огряда. Не прошло и пяти минут после того, как он исчез из виду, как в лесу раздались два выстрела, и в следующий момент из кустов выбежала лошадь без всадника.

Отряд остановился.

Группа добровольцев направилась в ту сторону, откуда слышались выстрелы, но никаких следов врага обнаружить не удалось, нашли только тело молодого плантатора, простреленное двумя пулями. Это послужило уроком — хотя и тяжелым — для всех его товарищей, и теперь никто уже больше не пытался охотиться на оленей.

Убитого похоронили на том месте, где его нашли, а затем отряд, к великому облегчению офицеров, в полном порядке продолжал поход и без особых приключений прибыл в форт Кинг перед заходом солнца.

Г л а в а L X I I

УДАР ПО ГОЛОВЕ

За исключением одного короткого часа, у меня не было связано с фортом Кинг никаких приятных воспоминаний. Пока я отсутствовал, сюда прибыло несколько новых офицеров, но между ними не нашлось ни сд-

ного, с кем стоило бы познакомиться. В форте стало еще теснее. Устроиться было нелегко; маркитант и торговцы быстро наживались. Они вместе с квартирмейстером, комиссаром¹ и торговцем скотом одни только, по-видимому, и преуспевали.

«Красавец» Скотт все еще числился адъютантом и был, как всегда, щегольски одет. Но я почти перестал думать о нем. Как только я приехал, мне сразу же пришлось приступить к своим обязанностям — обычно не очень приятным. Мне не дали даже отдохнуть после долгой поездки, не дали смахнуть дорожную пыль, а тут же вызвали к генералу. Зачем я ему так спешно понадобился? Может быть, открылись какие-либо подробности, относящиеся к дуэли? Может быть, мне припомнили какие-нибудь старые грехи?

Когда я шел к генералу, на душе у меня было далеко не спокойно. Но оказалось, что мне нечего тревожиться за прошлое. Когда я узнал, по какому делу меня вызвал генерал, то даже пожалел, что это не выговор.

Генерал беседовал с агентом. Оказывается, намечалась еще одна встреча с Оматлой и Черной Глиной, и я понадобился как переводчик. Все происходило в моем присутствии. На совещании обсуждался план совместных действий правительственных войск и дружественных индейцев. Последние, как союзники, должны были выступать против своих же соплеменников, засевших в болотах реки Амазуры. Точное их местонахождение было неизвестно, но его надеялись установить с помощью мирных вождей и их разведчиков, которые уже принялись за розыски.

Встреча была заранее условлена. Вожди, обосновавшиеся со своими племенами в форте Брук, должны были тайком прибыть на обычное место свидания у озера в лесу и встретить агента и генерала. Свидание было

¹ В армии Соединенных Штатов эти две офицерские должности совершенно различны. Комиссару поручено наблюдение за моральным состоянием войск, а на обязанности квартирмейстера лежит забота о жилище, обмундировании, оружии и снаряжении. (*Примеч. автора*)

назначено на тот же вечер, после наступления темноты, чтобы скрыть от любопытных глаз как искусителей, так и изменников. Когда солнце зашло, уже достаточно стемнело. Луна была на ущербе, в третьей четверти, и сразу после заката ее не было видно на небе.

Едва наступили сумерки, генерал, агент и переводчик вышли из форта, так же как и в прошлый раз. Вождей на месте свидания не оказалось, и это нас несколько удивило. Мы знали, что индейцы обычно были очень аккуратны.

— Что могло задержать их? — спрашивали друг у друга генерал и агент.

Ответ не заставил себя долго ждать. Издали с ночным ветерком к нам донесся звук выстрелов — резкий треск винтовок и пистолетов. Мы услышали пронзительный военный клич: «Йо-хо-эхи!» Он доносился из глубины леса. Ясно было, что там идет ожесточенный бой. Это не был маневр для отвлечения внимания противника или ложная тревога, чтобы выманить солдат из форта или запугать часового. По резким и диким выкрикам чувствовалось, что в лесу летится человеческая кровь.

Мои спутники не знали, что и подумать. Я заметил, что оба они не отличались особым мужеством. Впрочем, оно вовсе и не требуется для того, чтобы стать генералом. Во время военных действий мне часто приходилось наблюдать, как американские офицеры и генералы трусливо прятались за дерево или обломок стены. Один из них, который потом был избран вождем двадцатимиллионного народа, как-то в одной из стычек спрятался в придорожной канаве, спасаясь от случайных выстрелов, тогда как покинутая им бригада в полумиле от него доблестно сражалась под начальством младшего лейтенанта. Но почему я говорю здесь об этом? Мир полон таких героев.

— Это они, черт возьми! — воскликнул агент. — Их подстерегли, на них напали. Вероятно, это мерзавец Пауэлл!

— Похоже на то, — ответил генерал, у которого, видимо, нервы были крепче и говорил он более хлад-

покровно. — Да, это, должно быть, они. В том направлении нет наших войск — ни одного белого солдата. Это дерутся между собой индейцы. На дружественных нам вождей совершенно нападение. Вы правы, Томпсон, это ясно.

— А если так, генерал, то нам незачем здесь оставаться. Если они подстерегли Оматлу, то, конечно, на их стороне численный перевес. Они должны победить. Мы не можем больше ждать его.

— Да, по-видимому, ни Оматла, ни Луста Хаджо не придут. Я думаю, что мы можем вернуться в форт.

Они как будто колебались, не зная, как им поступить. Я понял, что оба генерала решали в уме вопрос, удобно ли им вдруг бросить начатое дело и удалиться.

— А если они придут... — заговорил достойный воин.

Тут я взял на себя смелость вмешаться.

— Генерал, — предложил я, — с вашего позволения, я могу остаться здесь. Если они придут, я немедленно вернусь в форт и дам вам знать об этом.

Трудно было придумать что-нибудь более приятное для обоих генералов. Мое предложение было немедленно принято, и два героя удалились. Я остался один.

Но вскоре мне пришлось пожалеть о своем опрометчивом благородстве. Генералы, наверно, не успели еще дойти до форта, как шум битвы смолк и раздался возглас: «Каха-куине!» — победный клич семинолов. Я еще прислушивался к этим резким крикам, как вдруг несколько индейцев выскочили из кустов и окружили меня.

Даже при слабом свете звезд я мог различить блистающие лезвия, винтовки, пистолеты и томагавки. Оружие было слишком близко от моих глаз, чтобы я мог ошибиться и принять его за светлячков, мерцающих над моей головой. Кроме того, я слышал звон стальных клинков. Индейцы напали на меня молча, вероятно, потому, что поблизости находился форт. А когда я закричал, меня оглушили ударом, от которого я потерял сознание и рухнул на землю.

Глава LXIII

ВОЗМЕЗДИЕ ИНДЕЙЦА

Через некоторое время я очнулся и увидел, что меня окружают индейцы. Но теперь они не угрожали мне, а, наоборот, старались выказать мне участие. Голова моя лежала на коленях у одного из них, а другой пытался остановить кровь, сочившуюся из раны на виске. Кругом стояли воины, сочувственно смотревшие на меня. По-видимому, им хотелось, чтобы я пришел в сознание. Я удивился, так как был уверен, что они собираются меня убить. Когда меня ударили томагавком, я вообразил, что смертельно ранен. Такое ощущение часто бывает у тех, кого внезапно оглушают ударом.

Приятно было сознавать, что я еще жив и только легко ранен и что люди, окружающие меня, не стараются причинить мне зло.

Индейцы тихо переговаривались между собой, рассуждая о том, смертельна ли моя рана, и, видимо, радуясь, что я не убит.

— Мы пролили твою кровь, но рана не опасна, — сказал один из них, обращаясь ко мне на своем родном языке. — Это я нанес тебе удар. Было темно. Друг Восходящего Солнца, мы не узнали тебя! Мы думали, что ты ятикаклукко¹. Мы думали, что застанем его здесь, и хотели пролить его кровь. Он был здесь. Куда он ушел?

Я указал на форт.

— Хулвак! — воскликнули несколько индейцев одновременно.

Было ясно, что они разочарованы. Некоторое время они, видимо встревоженные, совещались между собой, а затем индеец, который первым заговорил со мной, снова обратился ко мне:

— Друг Восходящего Солнца, не бойся ничего. Мы не тронем тебя, но ты должен отправиться с нами к вождям. Это недалеко. Пойдем!

¹ Я тикаклукко — красноречивый оратор. Здесь имеется в виду правительственный агент. (Примеч. автора.)

Я вскочил на ноги. Если бы я сделал отчаянное усилие, может быть, мне и удалось бы ускользнуть от них. Однако эта попытка могла мне дорого обойтись — меня еще раз стукнули бы по голове, а может быть, и убили бы. Кроме того, вежливость моих противников успокоила меня. Я чувствовал, что мне нечего их бояться, и потому без колебания последовал за ними.

Индейцы построились линией, один за другим, и, поместив меня в середину, сразу же отправились в лес. Насколько я мог определить, мы шли в том направлении, где происходила битва. Теперь все было тихо, воины перестали издавать свой победный клич. При свете луны я узнал лица индейцев, которых видел раньше на совете. Это были воины племени микосоков, приверженцев Оцеолы. Из этого я заключил, что он и был одним из вождей, к которым меня вели. Мои предположения оказались правильными. Вскоре мы вышли на поляну, где расположились индейские воины; их было примерно около сотни. Я увидел нескольких вождей, среди них был и Оцеола.

Все кругом было залито кровью — зрелище поистине необычайное. В беспорядке лежали трупы, покрытые ранами; свежая кровь заpekлась на них, выражение ужаса застыло в глазах, обращенных к луне. Люди падали в тех позах, в которых их застигла смерть. Скальпировальный нож уже закончил свою страшную работу: на висках виднелись малиново-красные рубцы, венцом окаймлявшие черепа, лишенные волосяного покрова. Возле убитых бродили индейцы со свежими скальпами в руках. У некоторых скальпы болтались на дулах винтовок.

Ничего сверхъестественного тут не произошло. Все было понятно. Павшие воины принадлежали к племенам изменников — сторонников Луста Хаджо и Оматлы. По соглашению с агентом вожди-изменники вышли из форта Брук в сопровождении избранной свиты. Их план стал известен патриотам. Изменников выследили, напали на них по пути и после короткой стычки одолели. Большинство пали в сражении, лишь немногим, во главе с вождем Луста Хаджо, удалось спастись. Некоторые

вместе с самим Оматлой попали в плен и были еще живы. Их не убили сразу только для того, чтобы предать смерти в более торжественной обстановке.

Я увидел пленников, крепко привязанных к деревьям. Среди них находился и тот, кто милостью агента Томпсона был возведен в сан короля семинолов. Однако его подданные не оказывали ему ни малейшего почтения. Около него толпились воины, стремившиеся выступить в роли цареубийцы. Но вожди удерживали их от насилия, желая, согласно обычаю и законам своего народа, предать Оматлу суду. Когда мы прибыли, они как раз вершили этот суд и совещались между собой. Один из воинов, захвативших меня в плен, сообщил о нашем прибытии. Я заметил, что вожди разочарованы. Как видно, я оказался не тем пленником, который был им нужен. Поэтому на меня не обратили внимания, и я мог свободно располагать собой и наблюдать, как они вершили правосудие.

Судьи выполнили свой долг. Много спорить не приходилось, все слишком хорошо знали, что Оматла — изменник. Конечно, его признали виновным, и он должен был заплатить жизнью за свои преступления. Приговор объявили во всеуслышание: изменник должен умереть! Возник вопрос: кто будет его казнить? Желающих нашлось много, ибо, по принципам индейской морали, покарать изменника считается делом чести. Таким образом, найти палача было бы нетрудно. Многие выражали готовность, но совет вождей отклонил их услуги. Такое дело надо было решать голосованием.

Все знали клятву, данную Оцеолой. Его сторонники хотели, чтобы он ее выполнил, поэтому его избрали единодушно, и Оцеола принял это как должное.

С ножом в руке подошел он к связанному пленнику. Все столпились вокруг них, чтобы увидеть роковой удар. Побуждаемый каким-то смутным чувством, я невольно приблизился. Мы стояли затаив дыхание, ожидая, что вот-вот нож вонзится в сердце изменника.

Мы видели, как поднялась рука Оцеолы, чтобы нанести удар, но не видели ни ран, ни крови. Лезвие

ножа перерезало только ремни, которыми был связан пленник. Оматла стоял освобожденный от пут. Среди индейцев послышался ропот неодобрения. Зачем же Оцеола это сделал? Неужели он хотел дать Оматле возможность бежать?

— Оматла! — проговорил Оцеола, сурово глядя в лицо своему врагу. — Когда-то тебя считали храбрым человеком. Тебя уважали все племена, весь народ семинолов. Белые подкупили тебя и заставили изменить родине и нашему общему делу. И все-таки ты не умрешь собачьей смертью! Я уничтожу тебя, но не хочу быть убийцей. Я не могу поднять руку на беспомощного и безоружного человека и вызываю тебя на честный поединок. Тогда все увидят, что правда победила... Отдайте ему оружие! Пусть он защищается, если может.

Этот неожиданный вызов был встречен криками неодобрения. Среди индейцев нашлись такие, которые, негодуя на измену Оматлы и еще пылая яростью после недавней схватки, закололи бы его тут же на месте, связанного по рукам и ногам. Но все видели, что Оцеола полон решимости сдержать свое слово, и поэтому никто не возражал. Один из воинов подал Оматле томагавк и нож. Так же был вооружен и Оцеола. Затем люди молчаливо расступились, и противники остались в центре круга.

Схватка была короткая и кровопролитная. Почти сразу же Оцеола выбил томагавк из рук противника, а затем мгновенным ударом поверг его на землю. Победитель склонился над побежденным, в его руках сверкнул нож.

Когда он выпрямился, лезвие ножа уже не сверкало в лунном свете: оно потускнело от крови.

Оцеола сдержал клятву — он пронзил сердце изменника. С Оматлой было покончено.

* * * * *

Впоследствии белые называли этот поступок Оцеолы убийством. Но это неверно. Такой же смертью

погибли Карл I, Калигула и Тарквиний¹ и сотни других тиранов, которые угнетали свой народ или изменили своей стране.

Общественное мнение, обсуждая такие деяния, не всегда бывает справедливым. Оно подобно хамелеону, меняющему окраску: меняется согласно лицемерному духу своего времени.

Это чистое ханжество, позорная и постыдная беспринципность! Только того можно назвать убийцей, кто убивает из низменных, корыстных целей. Оцеола же был человек иного склада.

* * * * *

Я оказался в странном положении. Вожди не обращали на меня внимания, и все же, несмотря на вежливость индейцев, взявших меня в плен, я не мог отделаться от беспокойства за свою дальнейшую судьбу. Индейцам, которые были возбуждены всем тем, что произошло, и находились фактически в состоянии войны с моей страной, могла прийти в голову мысль уготовить и для меня участь, выпавшую на долю Оматлы. Таким образом, ожидание было не из приятных.

Но вскоре у меня отлегло от сердца. Как только с изменником Оматлой было покончено, Оцеола подошел ко мне и дружески протянул мне руку. Я был счастлив вновь обрести его дружбу. Он выразил сожаление, сказав, что я был ранен и взят в плен по ошибке. Затем поздравил одного из воинов и приказал ему проводить меня в форт.

¹ Карл I — английский король в 1625—1649 годах. Проводил реакционную феодально-абсолютистскую политику, вызвавшую недовольство буржуазии и протест широких масс населения. Во время английской буржуазной революции XVII века был свергнут и казнен 30 января 1649 года. Калигула Гай Цезарь, римский император в 37—41 гг. н. э. — сумасбродный деспот, жестокий тиран. Был убит заговорщиками. Тарквиний — имя двух легендарных царей древнего Рима. Майн Рид, вероятно, имеет в виду Тарквиния Гордого — последнего царя Рима (534—509 гг. до н. э.), который после тиранического правления был изгнан, а власть царей сменилась республикой.

Оцеола поверг Оматлу на землю.

У меня не было никакого желания оставаться на месте трагедии. Простившись с Оцеолой, я последовал за своим проводником. У озера мы расстались, и я без дальнейших приключений вернулся в форт.

Глава LXIV

НЕУДАВШИЙСЯ БАНКЕТ

По долгу службы я написал рапорт обо всем, чему был невольным свидетелем. Мой рассказ вызвал в форте возмущение. Немедленно отрядили солдат в погоню за врагом, а проводником назначили меня.

Это была явная нелепость. Преследование, как и можно было ожидать, оказалось беспредельным. Мы, конечно, нашли место сражения и тела убитых, вокруг которых уже рыскали волки. Но мы не обнаружили ни одного живого индейца, не могли даже отыскать тропинку, по которой они скрылись. Наш отряд состоял из нескольких сот человек — фактически это был почти весь гарнизон форта. Будь нас меньше, я уверен, что неприятель, так или иначе, дал бы о себе знать.

* * * * *

Смерть Оматлы была значительным событием. Во всяком случае, весьма важным по своим последствиям. Белые назначили Оматлу главным вождем, «королем» племени. Поэтому, казнив его, индейцы открыто объявили о своем презрении к власти, давшей Оматле этот сан, а также о своем твердом решении и впредь оказывать сопротивление, когда белые будут вмешиваться в их дела. Оматла находился под покровительством белых. Они гарантировали ему безопасность, а такое обещание равносильно договору. Поэтому его убийство было ударом по его покровителям. Теперь правительство вынуждено было отомстить за его смерть.

Особенно важные последствия этот случай имел для подданных Оматлы. Напуганные его смертью и боясь подобного же возмездия, многие из младших вождей и

воинов покинули ряды изменников и присоединились к патриотам. Многие племена, которые до сих пор еще не приняли окончательного решения, теперь объявили, что они будут бороться вместе со всем народом, и, не колеблясь, взялись за оружие.

Смерть Оматлы была не только актом сурового правосудия, но также и тонким политическим маневром со стороны индейцев, враждебно настроенных к белым. Все это убедительно свидетельствовало о высоком уме того, кто задумал и осуществил этот маневр.

Оцеола поклялся мстить, и Оматла был первой жертвой его мести. Вскоре последовала и вторая. Трагедию смерти изменника вскоре затмила новая трагедия, еще более волнующая, страшная и значительная. Одно из главных действующих лиц этого повествования отныне сошло со сцены.

После того как мы прибыли в форт, продовольствие стало быстро исчезать. Заранее не запасли провианта в количестве, достаточном для такого большого отряда войск, а доставить его в форт Кинг в скором времени было нельзя. Мы должны были стать жертвой обычной непредусмотрительности правительств, не привыкших вести военные действия. Пришлось урезать пайки до последних пределов. Нам предстояла чуть ли не голодная смерть.

Положение создалось критическое, и тут наш главнокомандующий совершил акт высокого патриотизма. Генерал Клинч, уроженец Флориды, помимо того, что занимал высокий военный пост, был еще владельцем прекрасной, обширной плантации, расположенной неподалеку от форта Кинг. Его маисовые поля занимали сотни акров, и как раз в это время на них поспевал урожай. Генерал безоговорочно отдал зерно для снабжения войска. Но вместо того чтобы подвезти урожай в армию, поступили наоборот: направили войска на поля, чтобы они сами собрали зерно для своего пропитания. Таким образом, четыре пятых состава маленькой армии покинуло форт, и на месте остался довольно слабый гарнизон. На плантации же возникло новое укрепление, названное фортом Дрейл

Нашлись клеветники, которые стали распространять слухи, что в этом необычайном деле добродушный старый генерал руководствовался отнюдь не чувством патриотизма. Пошли толки о том, что «Дядюшка Сэм»¹ хорошо известен как платежеспособный и щедрый покупатель и что он даст генералу хорошую цену за его зерно. Кроме того, пока армия стояла на плантации, можно было не бояться нападения индейцев. Впрочем, возможно, все это было просто выдумкой лагерных острословов.

Меня не назначили на плантацию. Я не принадлежал к числу любимцев генерала и не был офицером его штаба. Мы с агентом остались в форте Кинг.

Дни за днями протекали однообразно. Проходили целые недели. Редким развлечением для нас были поездки в форт Дрейн. Часто отлучаться не приходилось — в форте Кинг оставалось слишком мало войск. Нам хорошо было известно, что индейцы вооружены. Их следы все время обнаруживались около укрепления. И выезды на охоту или даже романтические прогулки в окрестных лесах — обычные походы для пополнения припасов — все это теперь было опасно.

Я заметил, что агент стал очень осторожен. Он редко выходил за ограду форта, а за линией караулов не появлялся никогда. Каждый раз, когда он смотрел на леса и далекие саванны, на его лице появлялось озабоченное выражение, как будто его томило предчувствие опасности. Это было после смерти изменника-вождя. Агент слышал угрозу Оцеолы убить Оматлу и, быть может, даже понимал, что клятва вождя касалась и его самого. Вероятно, он предчувствовал свою судьбу.

Наступило рождество. В это время всюду — среди ледяных айсбергов севера, в жарких, тропических равнинах, на борту корабля, в крепости, даже в тюрьме — людям хочется провести праздник как можно веселее. И в нашей крепости, как и всюду, справляли праздник. Солдаты были освобождены от учебных занятий, и только часовые несли дозорную службу. В эти дни ежеднев-

¹ «Дядюшка Сэм» — ироническое прозвище США.

ный рацион питания был увеличен, и меню старались сделать как можно более разнообразным. Рождественская неделя, таким образом, проходила весело.

В американской армии маркитантом обычно бывает какой-нибудь удачливый искатель приключений, щедро оказывающий кредит офицерам и дающий им в долг деньги. В празднествах и пирах он становится их товарищем и собутыльником. Таков был и маркитант форта Кинг.

В один из этих рождественских дней маркитант решил угостить нас роскошным обедом — в форте никто не мог бы устроить такой банкет. Были приглашены все офицеры, среди них самым почетным гостем являлся агент.

Банкет устроили в доме маркитанта. Этот дом стоял за оградой форта, ярдах в ста от него, на краю леса. Когда кончили обедать, уже почти стемнело. Большинство офицеров решили вернуться в форт и там продолжать кутеж.

Агент и человек десять гостей — офицеров и штатских — задержались ненадолго распить бутылочку-другую под гостеприимной крышей маркитанта. Я же вместе с другими офицерами вернулся в форт.

Едва мы сели за стол, как вдруг с удивлением услышали шум и хорошо знакомый звук — резкую пальбу винтовок. Вслед за выстрелами до нас донеслись дикие выкрики. Это был военный клич индейцев. Мы сразу поняли, что означают эти звуки, и вообразили, что неприятель напал на форт. Наскоро вооружившись кто чем мог, мы все немедленно выскочили из казармы.

Только тут мы догадались, что это нападение не на форт, а на дом маркитанта. Его окружила толпа индейцев в полной боевой раскраске, с перьями в волосах и воинских нарядах. Они метались во все стороны и потрясали оружием с пронзительным криком: «Ио-хо-эхи!» Время от времени раздавались отдельные выстрелы, и роковая пуля настигала жертву, тщетно пытавшуюся спастись. Ворота форта были широко распахнуты, и солдаты, гулявшие за частоколом, с воплями ужаса бежали в крепость. Часовые пытались открыть огонь, но

расстояние до дома маркитанта было слишком велико, и ни одна пуля в индейцев не попала.

Артиллеристы бросились было к орудиям. Но выяснилось, что прочные бревенчатые конюшни, находившиеся между фортом и домом маркитанта, служили надежным укрытием для врага.

Внезапно крики смолкли, и толпа смуглых воинов бросилась к лесу. Через несколько секунд они скрылись в чаще, исчезнув из наших глаз, как по волшебству.

Комендант форта оказался нераспорядительным офицером. Только теперь он собрал свой гарнизон и отважился на вылазку. Когда мы подошли к дому маркитанта, нам представилось страшное зрелище. Сам хозяин, два молодых офицера, несколько солдат и штатских лежали на полу мертвые, их тела были покрыты многочисленными ранами. Мы сразу увидели труп агента. Он лежал навзничь, мундир его был разорван и окровавлен, кровь запеклась на его лице. Шестнадцать пуль пробили его тело, а самая страшная рана зияла на груди слева. Как видно, ему вонзили нож в сердце. Я догадался бы, кто нанес эту рану, даже если бы в доме не нашлось живого свидетеля. Но свидетель был — негритянка-кухарка; она спряталась за шкаф и только теперь вышла из своего укрытия. Она видела всю эту резню, знала Оцеолу и видела, как он нанес последний удар агенту. Так Оцеола выполнил и эту клятву.

После краткого совещания было решено начать погоню, приняв все меры предосторожности. Но, как и в прошлый раз, это ни к чему не привело: мы не обнаружили даже следов врага.

Глава LXV

РАЗГРОМ ДЭЙДА

Как ни печален был финал рождественских праздников, но вскоре еще более печальные вести дошли до форта Кинг. Мы услышали о событии, которое впоследствии стали называть «Разгром Дэйда».

Это известие нам принес посланец от дружественных нам индейских племен. Оно так ошеломило нас, что вначале никто не хотел ему верить.

Затем пришли другие индейцы и полностью подтвердили свидетельство первого посланца. Происшествие было настолько трагично, что казалось маловероятным и почти неправдоподобным. При всей своей романтической окраске эта история оказалась истинной — истинной по своим кровавым последствиям, истинной во всех подробностях. Теперь война началась всерьез. Ее преддверием послужило столкновение совершенно необычайное — и по своему характеру и по результатам.

Отчет об этом сражении, пожалуй, представляет некоторый интерес.

В своем повествовании я уже говорил, что один из офицеров армии Соединенных Штатов Америки хвастливо заявил, будто он «пройдет через всю землю семиолов с одним лишь сержантом вместо конвоя». Этот офицер был майор Дэйд.

Вышло так, что майору Дэйду представился случай показать свою воинскую доблесть, хотя под его командой находился не только один сержант. Однако на деле вышло совсем не то, что сулили его необдуманные, хвастливые речи.

Чтобы понять, как случилось это злополучное происшествие, надо немного познакомиться с картой местности.

На западном берегу полуострова Флорида есть бухта, которую индейцы называют «Тампа», а испанцы — «Эспириту Санто». Возле этой бухты англичанами был когда-то построен форт Брук. Эта крепость похожа на форт Кинг и расположена на девяносто миль южнее последнего.

Форт Брук был вторым из военных укреплений, построенных вблизи индейской резервации; в нем сосредоточивались войска и боеприпасы. Он также служил пересыльным пунктом для тех войск, которые прибывали из портов Мексиканского залива. В форте Брук к моменту начала военных действий находилось

около двухсот солдат, главным образом артиллеристов. Пехоты там было очень немного.

Вскоре после бесплодного совещания в форте Кинг эти войска, или, вернее, часть их по приказу генерала Клинча должна была присоединиться к главному корпусу.

Выполняя этот приказ, сто солдат с соответственным количеством офицеров двинулись к форту Кинг. Отрядом командовал майор Дэйд.

В сочельник перед рождеством 1835 года отряд выступил из форта Брук в приподнятом настроении, воодушевленный надеждой стяжать победные лавры в битвах с противником. Солдаты надеялись, что это будет первая боевая схватка в этой войне и поэтому победа принесет им большую славу. О поражении они и не думали.

Развевались знамена, лихо били барабаны, гремели фанфары и трубы, возвещая наступление. Сопровождаемый салютом из орудий и одобрительными возгласами товарищей, отряд выступил в поход — в роковой поход, из которого ему не суждено было вернуться.

Ровно через неделю после этого, 31 декабря, к воротам форта Брук на четвереньках еле подполз человек. Одежда его была изодрана в клочья, промокла в ручьях, запачкалась грязью болот, покрылась пылью и кровью, и с трудом удалось определить, что это мундир рядового из отряда Дэйда. У солдата было пять ран — на правом бедре, на голове, возле виска, на левой руке и спине. Он был бледен, истощен, изнурен и похож на скелет. Его старые товарищи с трудом узнали его, когда он слабым и дрожащим голосом назвал себя: «рядовой Кларк, 2-го артиллерийского полка». Вскоре после этого два других солдата, рядовые Спрэг и Томас, появились в таком же плачевном виде. Они рассказали то же самое, что и Кларк. Отряд Дэйда был атакован индейцами, разгромлен и уничтожен почти до последнего человека. Только трое остались в живых из всех тех, кто выступил в поход, гордясь собственной мощью и надеясь на победу и славу. Их рассказ был верен до последнего слова. Из всего отряда уцелели только эти

люди. Остальные сто шесть человек нашли себе могилу на берегах Амазуры. Вместо лавров они получили в награду могильный крест.

Трое уцелевших упали под ударами томагавков, и им удалось притвориться мертвыми. Благодаря этому после боя им удалось уползти и добраться до форта. Кларк прополз на четвереньках более шестидесяти миль, делая по миле в час.

Глава LXVI

ПОЛЕ БИТВЫ

Разгром отряда Дэйда не имеет себе равного во всей истории войн с индейцами. Никогда ни одно столкновение не оказывалось столь роковым для белых, участвовавших в нем. Отряд Дэйда был уничтожен целиком — даже из трех солдат, доползших до форта, впоследствии двое умерли от ран.

И, однако, индейцы вовсе не имели решающего превосходства в силах над своим противником. Но они оказались гораздо хитрее и искуснее в военной тактике.

Отряд майора Дэйда подвергся нападению при переходе через реку Амазуру¹. Это была открытая местность, где росли тонкие и редкие сосны, так что индейцы не имели большого преимущества в позиции или в укрытиях. По количеству их было не больше, чем два на одного белого, а среди участников войн против индейцев это считалось «нормальным соотношением сил». К незначительному превосходству индейцев белые всегда относились пренебрежительно.

Многие из индейцев примчались верхом, но всадники держались вдали от оружейного огня, и только пехота принимала участие в битве. Победа индейцев была столь мгновенной, что помощь всадников даже не понадобилась.

Первый залп был настолько убийственным, что

¹ Река Амазура у семинолов называется Уитлакучти. (Примеч. автора.)

отряд Дэйда пришел в полное расстройство. Солдаты не могли отступить — конные индейцы обошли их с фланга и отрезали им путь к отступлению.

Сам Дэйд и большинство его офицеров были убиты первым залпом, а оставшимся в живых не оставалось ничего другого, как отстреливаться. Они попытались построить бруствер в виде треугольника из поваленных стволов, но жестокий огонь индейцев вскоре прекратил начатую работу, и укрепление удалось возвести лишь до половины. В это ненадежное укрытие отступили уцелевшие от первой атаки, но и они один за другим быстро пали под меткими выстрелами врагов. Скоро был убит последний солдат, и побоище закончилось.

Когда немного позже войска прибыли к этому месту, треугольное укрепление было сплошь завалено мертвыми телами. Солдаты лежали один на другом, вдоль и поперек, застывшие в страшных позах.

Впоследствии много кричали о том, что индейцы бесчеловечно пытали раненых и увечили убитых. Это неверно. Раненых не пытали, потому что их не было. Кроме трех бежавших, никто не остался в живых. А несколько трупов изувечили беглые негры, которыми руководило чувство личной мести.

Правда, некоторые трупы оказались скальпированными, но таков уж военный обычай у индейцев. А белые потом переняли у них этот обычай и часто делали то же самое, особенно в минуты яростного ожесточения.

По приказанию генерала я вместе с несколькими офицерами посетил место сражения. Официальный отчет об этом посещении будет лучшим свидетельством поведения победителей:

«Отряд майора Дэйда был уничтожен утром 28 декабря в четырех милях от лагеря, где он провел ночь. Он следовал походной колонной по дороге, когда был внезапно атакован многочисленными силами противника. Индейцы поднялись из пальметто и высокой травы и мгновенно оказались в непосредственной близости от отряда. В ход были пущены мушкеты, ножи и штыки, и завязался смертельный бой. При вторичной атаке индейцы уже пользовались мушкетами наших раненых и

убитых солдат. Все артиллеристы погибли под перекрестным огнем врага, орудия были захвачены, лафеты сломаны и сожжены, а сами орудия сброшены в пруд. В схватке принимало участие много негров. Индейцы не сняли ни одного скальпа. Негры же, напротив, с дьявольской жестокостью перерезали горло тем, чьи крики и стоны показывали, что жизнь еще теплится в них».

А вот другое официальное донесение:

«Мы подошли к месту сражения с тыла. Наш авангард уже было миновал его, как вдруг командир и офицеры штаба увидели самую страшную картину, какую только можно себе представить. Сначала мы заметили несколько сломанных и разбросанных ящиков, затем повозку и двух мертвых волов, которые как будто спали под ярмом. Правее, в стороне, лежали две—три лошади. Через несколько шагов мы увидели нечто вроде треугольного бруствера. Внутри этого треугольника — с северной и западной стороны — находилось около тридцати трупов. Это были уже почти скелеты, хотя на них еще болтались мундиры. Они лежали в тех позах, в каких их застигла смерть во время сражения. Умирая, некоторые падали на тела убитых товарищей, но большинство лежали возле самых бревен, головой к брустверу, из-за которого они вели огонь; их распростертые тела с ужасающей правильностью образовывали параллельные прямые. Индейцы, по-видимому, не трогали убитых, лишь с нескольких человек были сняты скальпы. Как указывалось, это было делом рук союзников индейцев — негров. Офицеров легко можно было различить: дорогие булавки в галстуках, золотые кольца на пальцах и деньги в карманах остались в целости. Мы похоронили восемь офицеров и девяносто восемь солдат.

Следует отметить, что нападение было совершено не из-за скал, но на местности, поросшей редким лесом, где индейцы скрывались в пальметто и высокой траве».

Из этих донесений видно, что индейцы напали на отряд Дэйда не с целью грабежа или коварной мести.

Нет, ими руководило более возвышенное и бескорыстное побуждение — защита своей земли, своих очагов и домов.

Преимущество, которое у них было перед отрядом Дэйда, заключалось лишь в том, что они скрывались в засаде и сумели напасть неожиданно. Майор был, несомненно, храбрый офицер, но ему недоставало качеств, необходимых хорошему командиру, особенно в борьбе против такого неприятеля. Он знал войну только теоретически, по книгам, как и большинство американских офицеров. Майор был лишен способности, которой обладают великие военные полководцы, — быстро применяться к обстоятельствам боя. Он вел свой отряд как будто на парад. Тем самым он подверг отряд страшной опасности и в конце концов привел его к гибели.

Но если у командира белых в этом роковом бою недоставало качеств, необходимых полководцу, то вождь индейцев обладал ими в полной мере. Вскоре стало известно, что засада, план атаки и успешное выполнение ее — все это было делом молодого вождя племени Красные Палки — Оцеолы.

Он не мог долго оставаться на месте сражения, наслаждаясь своим торжеством. В тот же самый вечер в форте Кинг, в сорока милях от места разгрома отряда Дэйда, правительственный агент Томпсон пал жертвой мести Оцеолы.

Глава LXVII

БИТВА ПРИ УИТЛАКУТЧИ

Убийство правительственного агента требовало немедленного отмщения. Сразу же несколько гонцов были отправлены в форт Дрейн. Некоторые из них попали в руки врагов, но остальным удалось благополучно достичь места назначения. На следующее утро на рассвете войско, насчитывающее более тысячи человек, выступило в поход по направлению к реке Амазуре. Было решено напасть на семейства индейцев — на их отцов,

матерей, жен, сестер, детей... Они ютились па огромных пространствах флоридских лагун и болот, и это стало известно генералу. Он хотел захватить их в плен и держать заложниками до тех пор, пока индейцы не покорятся.

Все войска, какие только можно было освободить от защиты форта, были отправлены в поход. Я получил приказ сопровождать экспедицию. Из разговоров, которые я слышал, я вскоре понял настроение солдат. Их ожесточили события в форте Кинг, а разгром отряда Дэйда вызвал еще большую ярость. Я понимал, что они не собираются брать пленников: старики и молодые, женщины и дети — все должны быть убиты. Никакой пощады ни одному индейцу!

С тяжелым чувством думал я о возможности массового истребления невинных. Места, где скрывались несчастные семьи, были теперь точно установлены, наши проводники прекрасно знали, как попасть туда; казалось, неудачи быть не могло. Однако нас ожидало разочарование. Разведчики донесли нам, что большинство индейских воинов ушли далеко, в неизвестном направлении, во всяком случае туда, где мы никак не могли с ними встретиться. Нам предстояло напасть на гнездо, когда орлов там не было. Поэтому войска получили распоряжение двигаться в глубоком молчании по тайным тропинкам.

За день до этого наша экспедиция могла бы показаться многим просто развлекательной прогулкой, где нам не грозила ни малейшая опасность. Но весть о разгроме отряда Дэйда произвела на солдат чуть ли не магическое впечатление. С одной стороны, она разъярила их, с другой — заставила насторожиться. В первый раз в жизни они начали смотреть на индейцев с чувством уважения и даже страха. Значит, индейцы умели сражаться и уничтожать врага. Это чувство укрепилось, когда еще прибыли вестники с места гибели Дэйда, рассказавшие нам новые подробности этого кровавого события. И поэтому теперь солдаты не без опасения вступали в самое сердце страны, занятой неприятелем. Даже отчаянные добровольцы не наруша-

ли строевого порядка, и солдаты молча двигались вперед.

К полудню мы достигли берегов Амазуры. Чтобы проникнуть в район обширной сети лагун и болот, надо было перебраться через реку. Проводники пытались найти брод, но никак не могли его отыскать. Река текла перед нами широкая, черная и глубокая. Переправиться через нее вплавь, даже на лошадях, не было никакой возможности.

Не изменили ли нам проводники? Нет, этого не могло быть! Хотя проводники были индейцами, но они доказали свою преданность белым. Кроме того, они уже были опорочены в глазах своих соплеменников и обречены на смерть устами собственного народа. Наше поражение для них было бы равносильно гибели.

Как выяснилось впоследствии, наши подозрения не имели оснований: измены тут не было. Проводники сами сбились с пути. И это оказалось счастьем для нас. Не будь этой ошибки, с войском генерала Клинча могла бы повториться та же трагедия, которая произошла с отрядом майора Дэйда, только в более широких масштабах.

Если бы мы нашли брод, который был в двух милях ниже по течению, то мы как раз наткнулись бы на засаду, искусно устроенную молодым вождем. Он превосходно знал тактику лесного боя. Слух о том, что индейцы отправились в дальний поход, был просто военной хитростью, прелюдией к ряду стратегических маневров, задуманных Оцеолой.

В это время индейцы находились там, куда мы должны были бы прийти, если бы проводники не сбились с дороги. Индейцы заняли обе стороны брода. Воины притаились в траве, как змеи, и были готовы ринуться на нас в тот момент, когда мы подошли бы к переправе. Большое счастье для войск генерала Клинча, что у него оказались такие негодные проводники!

Генерал не знал этих обстоятельств. Если бы он получил сообщение об опасной близости врага, то, вероятно, стал бы действовать иначе. Теперь последовал при-

каз остановиться. Было решено переправиться через реку в этом месте.

В тростниках нашлось несколько старых лодок и индейских челноков. На них легко могли переправиться пехотинцы, а кавалеристы должны были переплыть реку на лошадях.

Были сколочены плоты из бревен, и началась переправа. Этот маневр мы провели довольно ловко, так что менее чем через час половина солдат была уже на том берегу. Я находился в их числе, но не радовался нашим удачам. Мне было тяжело принимать участие в избиении незащитных женщин и детей. И я почувствовал настоящее облегчение, чуть ли не радость, когда услышал из глубины леса военный клич семинолов: «Йо-хо-эхи!» Вслед за тем загремели ружейные залпы, пули засвистели в воздухе, ломая ветки на ближних деревьях. Мы увидели, что нас осаждают многочисленные войска индейцев.

Часть отряда, успевшая переправиться, укрылась между большими деревьями на берегу реки, и поэтому первый залп индейцев не причинил нам особого вреда. Все же некоторые солдаты упали, а остальным угрожала серьезная опасность.

Наши войска дали ответный залп, индейцы снова ответили нам, и солдаты не остались в долгу, то ведя непрерывный огонь, то давая беспорядочные залпы или отдельные выстрелы. Иногда мы совсем прекращали стрельбу.

В течение некоторого времени ни одна из сторон не понесла серьезного ущерба. Однако было ясно, что индейцы, укрывшиеся в перелеске, заняли более выгодную позицию и окружают нас. Мы не могли тронуться с места, пока не переправится как можно больше наших солдат, и только тогда собирались перейти в штыковую атаку, чтобы заставить противника принять открытый бой.

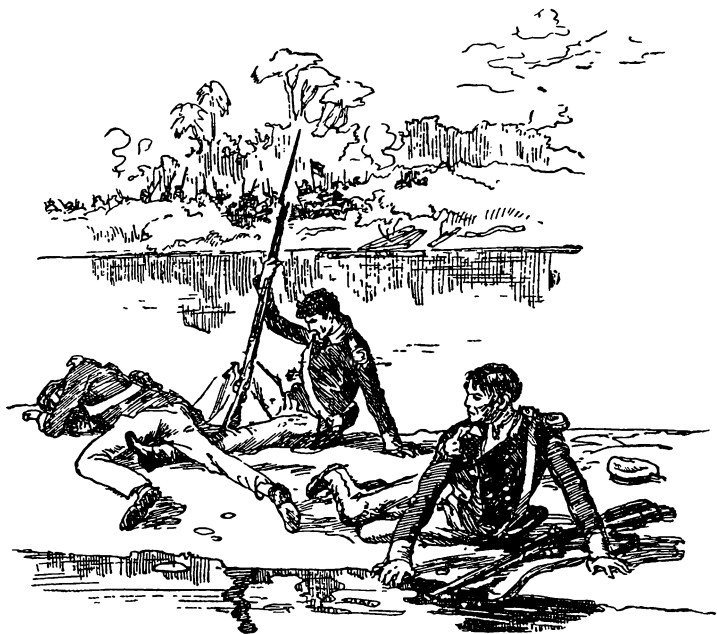
Итак, переправа продолжалась под защитой нашего огня. Но скоро положение ухудшилось. Как раз против нашей позиции в реку врезалась узкая отмель, образуя небольшой полуостров. Он находился ниже береговой

Над головой у меня просвистели пули.

отмели, кроме той своей оконечности, где образовался маленький островок. Этот островок густо порос вечно-зелеными деревьями — пальмами, дубами и магнолиями.

С нашей стороны было бы весьма благоразумно захватить его во время переправы, но генерал упустил из виду такую возможность. Индейцы сразу это сообразили, и, прежде чем мы спохватились, они уже перемахнули через перешеек и заняли островок. Последствия этого искусного маневра сказались незамедлительно. Индейцы начали обстреливать лодки, переправлявшиеся через реку. Лодки сносило течением вниз, как раз напротив лесистого островка. Из зеленой тени деревьев непрерывно струился синеватый огненный дымок, а свинцовые пули делали свою разрушительную работу. Люди

Позади раздались крики и стоны.

падали с плотов или тяжело опрокидывались через борта лодок в воду, раненные и мертвые. А частый огонь наших мушкетов, направленный на островок, никак не мог выбить дерзких врагов, которые притаились в густой листве.

Там было не очень много индейцев. Когда они перебирались туда по перешейку, мы могли их всех пересчитать. Но, по-видимому, это были лучшие воины и самые меткие стрелки: ни один их выстрел не пропадал даром. Это был момент наивысшего напряжения боя. В других местах схватка шла с более равным соотношением сил. Обе стороны дрались под прикрытием деревьев и не несли больших потерь. Но засевшие на острове несколько индейцев причиняли нам бóльший урон, чем все остальные силы неприятеля.

Единственным средством заставить индейцев отступить с островка была штыковая атака.

Таков был замысел генерала. Это казалось безнадежным предприятием. Тот, кто решился бы двинуться вперед под убийственным огнем скрытого противника, безусловно подверг бы свою жизнь серьезному риску.

К моему удивлению, выполнить этот долг предназначалось мне. Признаюсь, я никогда не проявлял особой храбрости или пыла во время сражения. Но приказ исходил непосредственно от генерала, и действовать надо было немедленно. Я приготовился выполнить его, хотя и без особого энтузиазма.

При мне находилось несколько человек, вооруженных винтовками. Их было не больше, чем индейцев. Вместе с ними я направился к полуострову.

Я сознавал, что иду на верную смерть. Вероятно, то же самое чувствовали и солдаты, которые шли со мной. Но, даже зная это, мы не могли отступить. Глаза всех были устремлены на нас: мы должны идти вперед и победить или умереть!

Через несколько секунд мы были уже на перешейке и стремительно двинулись к острову.

Мы надеялись, что индейцы не заметят нас и нам удастся обойти их.

Напрасная надежда! Враги с самого начала внимательно следили за нашим маневром и, зарядив винтовки, были готовы встретить нас.

Едва сознавая всю опасность своего положения, мы продолжали идти вперед и наконец оказались на расстоянии двадцати ярдов от роши.

Вдруг из-за деревьев взвился голубой дымок и мелькнуло красное пламя. Над головой у меня просвистели пули. Позади раздались крики и стоны. Я оглянулся и увидел, что все мои товарищи упали — мертвые или умирающие.

В это время из чащи леса до меня донесся голос:

— Вернитесь, Рэндольф! Вернитесь! Символ, который вы носите на груди, спас вас. Но мои воины в ярости, кровь в них так и кипит! Не искушайте их! Вернитесь! Назад! Назад!

ПОБЕДА, ЗАКОНЧИВШАЯСЯ ОТСТУПЛЕНИЕМ

Я не видел человека, который говорил это, густая листва полностью скрывала его. Но я сразу узнал голос: это был Оцеола.

Не могу даже передать, что я почувствовал в эту минуту, и не помню, как я поступил. В моем уме царили хаос и смятение, удивление было смешано со страхом. Я помню только, что еще раз оглянулся на своих товарищей и заметил, что не все они убиты. Одни лежали неподвижно, но другие шевелились и стонали. Значит, они еще были живы!

С великой радостью я увидел, что некоторые поднялись и спешили скрыться, а другие пытались ползти на четвереньках.

Из рощи продолжали стрелять, и я, застыв в нерешительности на месте, видел, как двое или трое упали на траву, сраженные роковой пулей.

Среди раненых, лежавших у моих ног, был один юноша, которого я хорошо знал. Пуля пробила ему обе ноги, и он был не в силах двинуться. Он умолял меня помочь ему, и это вывело меня из оцепенения. Я вспомнил, что когда-то этот юноша оказал мне большую услугу. Почти машинально я наклонился, схватил его и потащил. Стараясь выбраться с перешейка, я полз со своей ношей так быстро, как мне позволяли силы. Я остановился передохнуть только тогда, когда огонь индейских ружей уже не был опасен для меня.

Меня встретил взвод солдат, высланный для того, чтобы прикрыть наше отступление. Я оставил раненого товарища на руках солдат, а сам поспешил с печальным донесением к генералу.

Мне не пришлось ничего докладывать. За нашим продвижением наблюдали, и весь отряд знал о постигшей нас неудаче. Генерал не сказал ни слова и без всяких объяснений отправил меня на другой фланг.

Все порицали генерала за его необдуманный приказ

захватить остров столь ничтожными силами. За мной же укрепилась репутация храброго офицера.

Перестрелка продолжалась еще около часа. Это были отдельные стычки в болотах и между деревьями. Ни нам, ни индейцам не удалось добиться здесь реального преимущества. Обе стороны по-прежнему занимали захваченные вначале позиции. Однако впереди весь лес удерживали за собой индейцы. Отступить — значило погубить весь отряд, ибо был только один путь к отступлению: обратная переправа через реку. Но нам пришлось бы переправляться под неприятельским огнем. Остаться дальше на нашей позиции было тоже опасно. Мы не могли ничего предпринять, ибо, по существу, были осаждены на берегу реки. Мы тщетно пытались выбить индейцев из рощи. Потерпев неудачу один раз, мы не могли рискнуть на вторую подобную же попытку. Это было бы губительно, но оставаться на том же месте было не менее рискованно. У войск было с собой очень мало провианта, он подходил к концу, и голод уже давал себя знать. С каждым часом наше положение ухудшалось.

Мы убедились, что враг окружил нас. Около нас полукругом толпились индейцы, причем каждый воин стоял за деревом, которое его защищало. Мы образовали оборонительную линию, такую же мощную, как линия укрепленных траншей. Прорваться через эту линию без большой потери людей не представлялось возможным.

Теперь было видно, что число наших врагов заметно увеличилось. Особый клич, знакомый старым солдатам, возвещал о прибытии всё новых и новых отрядов индейцев. Мы начинали опасаться, что теряем превосходство в силах, что нас вскоре одолеют. Всех охватило мрачное отчаяние.

Во время перестрелки мы увидели, что многие из индейцев были вооружены винтовками и мушкетами. На некоторых были военные мундиры. Особенно бросался в глаза наряд одного из главных вождей. С его плеч ниспадал большой шелковый флаг, наподобие тех плащей, которые носили испанцы времен конки-

стадоров¹. Были ясно видны красные и белые полосы с голубым звездным полем в углу. Взоры всех солдат устремились на флаг. В этом фантастическом одеянии, столь вызывающе подчеркнутым, все узнали любимый флаг нашей родины.

Это была выразительная примета. Однако она не смутила нас. Откуда у индейцев взялись винтовки, мушкеты и флаг, было легко объяснить — это трофеи битвы с Дэйдом. Все мы смотрели на эти вещи с горьким, но бессильным негодованием. Однако час отмщения за ужасную судьбу товарищей еще не пробил.

Весьма вероятно, что и нас постигла бы та же участь, если бы мы еще задержались на этом месте. Но вдруг одному из офицеров, старому участнику войн под предводительством Хикори, хорошо знакомому с тактикой индейского боя, пришла в голову блестящая идея. Он предложил план отступления, и генерал принял этот план.

По совету офицера, добровольцы, еще не переправившиеся через реку, должны были сделать вид, что собираются совершить переправу несколько выше по течению реки. Это был превосходный стратегический маневр. Если бы подобный план осуществился, враги очутились бы между двух огней, а нам удалось бы прорвать их ряды и положить конец окружению.

Этот замысел удался. Индейцы, введенные нами в заблуждение, кинулись вверх по реке, чтобы помешать переправе. Наши осажденные войска умело воспользовались этим и быстро переправились на безопасный берег. Коварный враг был слишком осторожен, чтобы пуститься за нами в погоню. Так окончилась битва при Уитлакутчи.

Немедленно был создан совет, и все пришли к единодушному решению: не теряя времени, вернуться в форт Кинг. Мы выступили в поход и вскоре без дальнейших приключений возвратились в форт.

¹ Конкистадоры — испанские завоеватели Центральной и Южной Америки в XVI столетии.

ЕЩЕ ОДНО СРАЖЕНИЕ НА БОЛОТЕ

После этой битвы в пастроении отряда произошла перемена. Безудержное хвастовство исчезло, и стало не так уж трудно сдерживать порывы солдат, рвавшихся в бой. Никто теперь не изъявлял особого желания повторить попытку перебраться на другой берег Уитлакучти. Таким образом, индейское «гнездо» решили не тревожить до прибытия новых подкреплений. Добровольцы были обескуражены, лагерная жизнь их уже утомила. А неожиданное сопротивление индейцев охладило их пыл. Никто не думал, что оно может оказаться таким беззаветно дерзким и сопровождаться кровопролитием. Неприятеля же, на которого до сих пор смотрели с пренебрежением, хотя его тактика возбуждала сильную ярость и желание отомстить, — этого неприятеля теперь стали уважать и бояться.

В битве при Уитлакучти армия Соединенных Штатов потеряла около ста человек. Полагали, что семинолы потеряли гораздо больше. Но это были только предположения. Никто никогда не видал убитых семинолов. Впрочем, уверяли, что индейцы во время боя уносили своих раненых и мертвецов.

Нет сомнения, что в битве при Уитлакучти и некоторым из наших врагов пришлось «грызть землю». Но, во всяком случае, их потери были куда менее значительны, чем наши. Несмотря на это, историки объявили это сражение великой «победой». Донесение главного командующего все еще хранится в архивах — любопытный образец военной литературы. В этом документе поименно перечислены все офицеры и каждый охарактеризован как несравненный герой. Редкий памятник тщеславия и хвастовства!

Если честно говорить правду, то краснокожие нас основательно потрепали. Уныние армии смешивалось с чувством подавленной ярости. Клинч, старый, добрый генерал, которого военные историки величали «другом солдат», теперь уже не считался великим полководцем. Его слава померкла. Если Оцеола и затаил против него

злобу, то отныне он мог считать себя вполне удовлетворенным и оставить старого ветерана в покое. Клипч был еще жив, но его военная слава умерла.

* * * * *

Когда был назначен новый главнокомандующий, надежды на победу возродились. Это был генерал Гейнс, также один из ветеранов, получивший этот чин в порядке старшинства. Собственно говоря, он даже не был назначен правительством. Но так как Флорида представляла собой часть подчиненного ему округа, он решил добровольно принять командование над расположенными там войсками. Подобно своему предшественнику, Гейнс надеялся увенчать себя лаврами. Но, так же как и Клипчу, ему пришлось испытать горькое разочарование.

Наш корпус, укрепленный новыми войсками из Луизианы и других штатов, был немедленно отправлен в поход. Было решено произвести новое нападение на индейское «гнездо».

Мы достигли берегов Амазуры, но форсировать эту заколдованную реку нам опять не удалось. Она оказалась роковой и для нашей славы и для наших жизней. На этот раз ее *перешли индейцы*.

Почти на том же самом месте, где и в первый раз — с той только разницей, что теперь это произошло ниже по течению реки, — мы подверглись атаке краснокожих воинов. После нескольких часов ожесточенной схватки мы вынуждены были отвести наши гордые батальоны под защиту специального укрепления. Мы просидели в осаде девять дней, едва осмеливаясь высунуть нос из-за ограды. Голодная смерть уже не издали смотрела нам в глаза, она подошла к нам вплотную. Если бы не лошади, мясом которых мы питались все это время, то половина армии из лагеря «Изард» погибла бы от голода.

Нам принес спасение большой отряд, своевременно посланный генералом Клипчем, который все еще командовал бригадой. Наш бывший генерал выступил из форта Кинг, и ему удалось приблизиться к неприят-

телю с тыла. Застав его врасплох, он выручил нас из опасного положения.

День нашего освобождения ознаменовался еще одним событием — перемирием весьма оригинального свойства.

Ранним утром, когда еще чуть светало, нас издали окликнул чей-то голос:

— Эй вы там! Хэлло!

Голос раздавался из лагеря врага. Поскольку мы были окружены, иначе и быть не могло.

Призыв повторился, и мы ответили. Мы узнали громовой голос негра Абрама, черного вождя, некогда исполнявшего обязанности переводчика на совете.

— Что вам нужно? — приказал спросить наш командир.

— Мы хотим разговаривать, — последовал ответ.

— О чем?

— Мы хотим прекратить битву.

Предложение было столь же неожиданное, сколь и приятное. Но что оно могло означать? Неужели индейцы голодали так же, как и мы? Или они устали от военных действий? Это было весьма вероятно, ибо по какой другой причине могли они так внезапно предложить перемирие? Индейцы еще до сих пор не потерпели ни одного поражения — наоборот, они оказались победителями во всех предыдущих боях.

Правда, была еще одна причина. С минуты на минуту мы ожидали прибытия бригады Клипча. До нас уже доходили слухи, что Клипч близко. С его помощью мы могли не только прорвать осаду, но и перейти в атаку против индейцев и, вероятно, даже нанести им поражение. Может быть, они узнали о приближении Клипча и спешили заключить перемирие до того момента, когда мы станем достаточно сильны, чтобы разбить их в открытом бою?

Предложение начать переговоры было принято нашим командующим, который теперь надеялся нанести решающий удар. Он опасался только одного: что противник отступит, прежде чем Клипч сумеет добраться до места сражения. А перемирие заставит индейцев за-

держаться на поле боя. Таким образом, мы без всяких колебаний ответили Абраму, что не возражаем против переговоров.

Встреча парламентаров была назначена сразу после рассвета. Обе стороны выслали по три представителя.

Перед укреплением простиралась небольшая поляна, поросшая травой и прилегавшая к лесу. На рассвете три человека вышли из леса на поляну. Это были вожди в полном национальном наряде. Мы узнали Абрама, Коа-хаджо и Оцеолу.

Они остановились на расстоянии ружейного выстрела и стали плечом к плечу прямо против укрепления. Навстречу им выслали трех офицеров — двое из них владели языком семинолов. Я был в числе этой делегации.

Еще через минуту мы уже стояли лицом к лицу с враждебными вождями.

Глава LXX

ПЕРЕГОВОРЫ

Прежде чем начать переговоры, мы все шестеро обменялись дружеским рукопожатием. Оцеола крепко сжал мне руку и сказал с какой-то особой, ему одному свойственной, улыбкой:

— Ах, Рэндольф! Друзья иногда встречаются во время войны, так же как и в мирное время.

Я понял, что он имеет в виду, и ответил ему только взором, полным благодарности.

В это время мы увидели, что к нам из укрепления идет вестовой, посланный командующим. В ту же минуту из лесу вышел индейский воин и подошел к нам одновременно с солдатом. Индейцы тщательно следили за тем, чтобы нас на поляне было не больше, чем их.

Как только ординарец шепотом передал нам приказ генерала, немедленно начались переговоры.

Негр Абрам говорил от имени своих товарищей на ломаном английском языке. А двое других подтвержда-

ли его слова: в случае согласия — восклицанием «Хо», а отрицательный ответ выражался возгласом «Куури».

— Желают ли белые заключить перемирие? — отрывисто спросил негр.

— На каких условиях? — спросил офицер, возглавлявший нашу делегацию.

— Условия вот какие: вы должны сложить оружие и кончить войну. Ваши солдаты должны уйти отсюда и оставаться в своих фортах. А мы, индейцы, отступим через Уитлакутчи. И пусть впредь и навсегда большая река будет между нами границей. Мы обещаем жить в мире и не ссориться с белыми соседями. Вот все, что я должен был сказать!

— Братья, — ответил наш офицер, — я боюсь, что ни белый генерал, ни Великий Отец — президент — не примут этих условий. Я уполномочен передать вам, что главнокомандующий может вести с вами переговоры только в том случае, если вы полностью подчинитесь и дадите согласие на переселение.

— Куури! Куури! *Никогда!* — в едином порыве гордо воскликнули Коа-хаджо и Оцеола. Их решительный топ подтверждал, что они и не думали сдаваться.

— Почему мы должны покориться? — с удивлением спросил негр. — Мы не побеждены. Мы побеждаем вас в каждой битве. Мы разбили ваших солдат — один, два, три раза. Мы разбили вас. Черт возьми, мы тоже умеем хорошо убивать вас! Почему же мы должны покориться? Мы пришли предложить свои условия, а не выслушивать ваши.

— То, что произошло до сих пор, еще не репает дело, — ответил офицер. — Мы, во всяком случае, сильнее вас, и в конце концов мы вас одолеем.

И снова два вождя одновременно воскликнули:

— Куури!

— Не ошибаетесь ли вы, белые, насчет наших сил? Мы не так слабы, как вы думаете. Нет, черт возьми!

Негр вопросительно взглянул на своих товарищей, и те кивком изъявили согласие. Тогда Оцеола, взявший теперь на себя главную роль, обернулся к лесу и издал какой-то особый пронзительный звук.

Не успело эхо от его голоса замереть в воздухе, как вечнозеленые кусты зашелестели и задрожали. Из лесу выступили ряды смуглых индейских воинов. Они выступили вперед и построились в боевой порядок, так что мы легко могли их сосчитать.

— Считите наших воинов, — воскликнул Оцеола торжественным тоном, — и вы узнаете, сколько у вас врагов!

При этом ироническая усмешка мелькнула у него на губах. Несколько секунд он стоял молча и смотрел на нас.

— Ну, как вам кажется? Эти молодые воины — а их здесь полторы тысячи, — разве они выглядят изможденными и покорными? — продолжал молодой вождь. — Нет, они готовы воевать до тех пор, пока кровь последнего из них не впитается в родную землю! Если им суждено погибнуть, то они хотят погибнуть здесь, во Флориде, где они родились, где похоронены их отцы. Мы взяли за оружие потому, что вы надругались над нами и замыслили изгнать нас отсюда. За ваши притеснения мы уже отомстили. Мы убили многих ваших солдат и считаем, что мы этим удовлетворены. Мы не хотим больше убивать, но и переселиться тоже не хотим. Мы никогда не изменим своего решения! Мы сделали вам честное предложение. Примите его, и война сейчас же окончится. Отвергните его — и снова польется кровь. Кляпуть Великим Духом, прольются реки крови! Красные столбы войны у наших жилищ снова и снова будут окрашены кровью бледнолицых врагов. Мир или война — выбирайте сами!

Окончив свою речь, Оцеола сделал знак рукой смуглым воинам, стоявшим у леса. И они исчезли молча, почти таинственно, так же мгновенно, как и появились.

Мы уже собирались выдвинуть некоторые возражения на пламенную речь молодого вождя, как вдруг издали раздались выстрелы и крики. Они доносились с той стороны, где расположились индейцы, и, хотя были едва слышны из-за дальности расстояния, ясно говорили о том, что началось наступление.

— Ага! Нечестная игра! Измена! — воскликнули

вожди. — Бледнолицые лжецы! Вы пожалейте об этом предательстве! — И все трое, не теряя времени на дальнейшие разговоры, бросились в лес к своим воинам.

Мы вернулись в лагерь, где все тоже слышали выстрелы и решили, что бригада Клипча напала на передовые посты индейцев. Солдаты уже построились в боевой порядок и были готовы выступить. Через несколько минут был дан сигнал, и отряд двинулся вдоль берега реки.

Солдаты с нетерпением ожидали битвы. Проведя столько дней в позорном бездействии, изнуренные голодом и удрученные бесславным поражением, они видели перед собой удобный случай восстановить свою воинскую честь и жаждали наказать свирепого врага. Теперь, когда один наш отряд находился в тылу у индейцев (так заранее было условлено между генералами), а другой двигался на них прямо, как же могли индейцы избежать гибели? Они вынуждены сражаться и будут разбиты.

Так думали все — и офицеры и солдаты. Сам главнокомандующий был в отменном настроении. Его стратегический план удался полностью: неприятель был окружен, его заманили в ловушку. Генералу предстоит великая победа. Его ждут целые горы лавровых венков.

Мы шли вперед. До нас доносились звуки выстрелов, теперь уже одиночных. Знакомого индейского военного клича не было слышно. Мы бросились в атаку и ворвались на холмы, окружавшие водоем, но и в тенистых чащах мы не обнаружили противника. По-видимому, индейцы всё еще находились между нами и прибывшим подкреплением. Неужели им удалось ускользнуть?

Нет... Вот они на другой стороне луга... Показались из леса и идут к нам навстречу. Они хотят сражаться с нами... Вот...

Однако эти синие мундиры и белые пояса, эти каски и сабли — это не индейцы! Это не враги — это солдаты из бригады Клипча!

К счастью, мы вовремя узнали их. А иначе мы могли бы в схватке уничтожить друг друга.

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АРМИИ

Два отряда сошлись вместе и после короткого совещания между генералами приступили к попскам неприятеля.

На это были потеряны долгие часы, но мы не нашли ни одного индейца.

Оцеола совершил неслыханный в анналах военной истории стратегический маневр: он провел полторы тысячи воинов между двумя отрядами, численный состав которых был равен его войскам и которые обстреливали его продольным огнем, и не оставил ни одного убитого. Да что там! Не оставил даже никакого следа своего отступления! Индейское войско, так недавно стоявшее перед нами в полном боевом порядке, сразу разбилось на тысячу частей и растаяло как бы по волшебству.

Враг исчез неизвестно куда, и разочарованным генералам снова пришлось увести свои войска в форт Кинг.

* * * * *

Исчезновение индейского войска было, само собой разумеется, объявлено «победой». Эта победа, однако, прикончила бедного старого Гейпса — по крайней мере, его военную славу. После этого он с радостью отказался от поста, которого раньше так добивался.

* * * * *

Теперь главнокомандующим был назначен уже третий генерал.

Этот офицер — фамилия его была Скотт — пользовался большей известностью, чем его предшественники. Удачная рана, полученная в прежних войнах с Англией, высокий чин, изрядная доза политического фиглярства, а главным образом весьма вольный перевод французской «Системы тактики», за автора которого он выдавал себя, — все это создало генералу Скотту извест-

ность в глазах американского общественного мнения на протяжении двадцати лет¹.

Творец такой системы военного маневрирования не мог не быть великим полководцем — так рассуждали его соотечественники.

От нового генерала ждали чудес, и он дал народу щедрые и торжественные обещания. Он поступит с индейцами иначе, чем его предшественники, и скоро закончит эту ненавистную войну — так полагали военные.

Все радовались этому назначению, причем приготовления к походу осуществлялись в гораздо более широких масштабах, чем при двух предшественниках Скотта. Число солдат было удвоено, даже утроено, заготовлены были огромные запасы провианта. Все ожидали того момента, когда великий полководец соизволит принять на себя командование.

Наконец он прибыл, и армия выступила в поход.

Я не буду останавливаться на подробностях этой кампании, они не представляют особого интереса. Вся кампания состояла лишь из утомительных переходов, которые производились с пышностью и правильностью военного парада. Армия была разделена на три отряда, торжественно именуемые: «правое крыло», «левое крыло» и «центр». Все три отряда из фортов Кипг, Брук и Сент-Джонс должны были одновременно направиться к Уитлакутчи — всё к тому же «роковому гнезду» — и подойти к окраине болот и лагун. Предполагалось, что каждое подразделение даст по одному выстрелу из

¹ Вся политическая и военная карьера Скотта была рядом сплошных ошибок. Кампания, проведенная им в Мексике, не выдерживает никакой критики. Многочисленные промахи, которые он тогда совершил, привели бы к самым роковым последствиям, если бы они не были в какой-то мере исправлены офицерами, находящимися у него в подчинении, а также неукротимой доблестью солдат. Битва при Молина дель Рей и перемирие при Санта-Анне были военными ошибками, недостойными даже воспитанника, только что выпущенного из училища. Я беру на себя смелость утверждать, что каждый бой был сражением двух неорганизованных масс, причем результат зависел от чистой случайности, или, скорее, от отчаянной храбрости войск с одной стороны, и позорной трусости — с другой. (*Примеч. автора.*)

небольших орудий как условный сигнал другим отрядам. Затем все три соединения по радиусам должны были двинуться в наступление к центру укрепленных позиций семинолов.

Этот нелепый маневр был выполнен и, как и следовало ожидать, закончился полной неудачей. Никто даже и в глаза не видел индейцев. Были найдены следы их стоянок, и больше ничего. Хитрые войны слышали сигналы и прекрасно поняли их значение. Имея такие сведения о расположении врага, они могли без особых затруднений отступить, проскользнув между правым и левым крылом.

Может быть, самым необычайным и вместе с тем самым важным событием кампании Скотта был случай, чуть не стоивший мне жизни. О нем, может быть, и не следует рассказывать подробно, но он заслуживает упоминания, как любопытный пример «покинутого отряда».

Наш великий полководец, наступая на «гнездо» семинолов, вздумал оставить «наблюдательный пост» на берегу реки Амазуры. Он состоял из сорока добровольцев из поселка Суони и нескольких офицеров. В их числе находился и я.

Нам было приказано закрепиться на месте и не трогаться до тех пор, пока нас не сменят. Когда это произойдет, весьма смутно представлял себе даже наш начальник. Отдав этот приказ, генерал во главе центрального отряда удалился, предоставив нас своей собственной судьбе.

Мы очень хорошо понимали всю опасность своего положения, поэтому мы постарались прежде всего устроиться наилучшим образом. Нарубили деревьев, построили укрепления, выкопали колодец и окружили все это оградой.

К счастью для нас, прошла целая неделя, прежде чем неприятель обнаружил наши укрепления. Иначе ни один из нас не остался бы в живых. Индейцы, вероятно, следовали за центральным отрядом и таким образом на некоторое время ушли из этой местности. Однако на шестой день противник вновь появился и предложил

нам сдаться. Мы отказались и беспрерывно отбивали атаки в продолжение пятидесяти дней. Многие из наших солдат были убиты и ранены. Убит был доблестный начальник нашего смелого отряда Холломэн. Он был сражен пулей, пролетевшей через щель в ограде.

Запасов продовольствия нам было оставлено на две недели, а пришлось продержаться целых семь! Тридцать дней мы питались сырыми зернами, водой и желудями, которые нам удавалось собрать с деревьев, росших внутри нашего укрепления.

Таким образом, мы выстояли пятьдесят дней, и никто не явился сменить нас. За все время этой страшной осады наши глаза, зорко всматривавшиеся в даль, не увидели за оградой ни одного белого, мы не услышали ни одного английского слова. Мы решили, что нас бросили — забыли! Так оно в действительности и было. Генерал Скотт, торопясь убраться прочь из Флориды, забыл сменить людей, стоявших на «наблюдательном посту». А другие решили, что нечего и пытаться спасти нас, ибо мы наверняка давно погибли.

Нам грозила голодная смерть. Но наконец храброму старому охотнику Хикмэну удалось прорваться сквозь линию осады и сообщить о нашем положении «друзьям». Его рассказ вызвал большое волнение, и, чтобы вызволить нас, направили воинскую часть, которой удалось рассеять противника и освободить нас из нашей тюрьмы.

Так окончилась кампания Скотта, а вместе с тем и его военная карьера во Флориде. Все его действия были крайне нелепы. Скотт избежал насмешек и позора лишь благодаря тому, что его быстро отозвали. Это была для него счастливая случайность. Как раз в это время вспыхнула другая война с индейцами — на юго-западе, и генерал получил приказание принять начальство над тамошними войсками. Это позволило ему вовремя убраться из Флориды. Обескураженный и пристыженный, генерал рад был такому удобному предлогу, чтобы покинуть Страну Цветов.

Таким образом, у американских генералов осталось самое мрачное воспоминание о Флориде. Не менее

семи генералов были разбиты поочередно в ходе индейской войны семинолами и их хитрыми вождями. Но я не стану рассказывать об их неудачах и ошибках. После отъезда генерала Скотта я расстался с главным отрядом войск и отныне принимал участие только в небольших сражениях второстепенных отрядов. Это были более романтические эпизоды военной жизни. Здесь я расстаюсь с ролью летописца больших исторических событий.

Глава LXXII

ЧТО СТАЛОСЬ С ЧЕРНЫМ ДЖЕКОМ

Мы спаслись из укрепления на лодках, проехав вниз по реке до ее устья, а оттуда морем в Сент-Маркс. После этого добровольцы разбрелись по домам, так как срок их службы истек. Они уходили так же, как вербовались: поодиночке или группами. Одна из таких групп состояла из старого охотника Хикмана, его товарищей, меня и моего верного оруженосца.

Черный Джек был уже не такой, как раньше. С ним произошла разительная перемена: скулы обозначились резче, щеки впали, глаза ввалились, а спутанные курчавые волосы торчали у висков густыми лохматыми клочьями. Кожа его утратила свой великолепный черный блеск, на ней появились морщины.

Бедняга питался все это время очень плохо. Три недели голодовки изменили его внешность до неузнаваемости.

Однако голод почти не повлиял на его настроение. Он по-прежнему был весел и жизнерадостен, а иногда ему даже удавалось развеселить и меня. Грызая кукурузные початки или запивая водой из тыквы сухой маис, он часто вслух мечтал о тех вкусных блюдах — маисовой каше и свинине, — которыми станет лакомиться, когда судьбе угодно будет вернуть его на родную плантацию. Эта утешительная перспектива будущего блаженства помогала ему легче переносить страшные минуты настоящего, ибо в предвкушении

счастья есть своя радость. Когда же мы оказались на свободе и пустились в обратный путь, Джек уже не мог сдержать свое ликование. Он без устали болтал, с его лица не сходила радостная улыбка, а белые зубы ослепительно сверкали. Даже кожа его, казалось, снова обрела свой прежний маслянистый блеск.

В течение всего утомительного пути пегр поистине был душой нашего отряда. Его веселые шутки расшевелили даже сдержанного старого охотника, который по временам разражался взрывами громкого смеха. Что касается меня, то я только делал вид, что я так же весел, как и мои спутники. Душу мою томилла печаль, которую даже сам я не мог понять.

Все должно было быть совершенно иначе. Мне надо бы радоваться возвращению домой, возможности увидеть тех, кто мне дорог, но все складывалось как-то по-другому...

После освобождения из осады я почувствовал себя веселее, но это была лишь естественная реакция на спасение от почти верной гибели. Радость моя быстро угасла, и теперь, когда я приближался к родному дому, душу мою окутали темные тени. Меня мучило предчувствие, что дома не все благополучно. Я не мог отдать себе отчета в этих чувствах, ибо не получал еще никаких дурных известий. Вообще уже почти два месяца я ничего не слышал о доме. Во время долгой осады мы были полностью отрезаны от внешнего мира. До нас дошли лишь неясные слухи о событиях в селении Суо-пи. Мы возвращались домой, ничего не зная о том, что случилось в наше отсутствие.

Сама по себе неизвестность могла вызвать неуверенность, сомнения, даже опасения. Но не только поэтому мной овладели мрачные предчувствия. Нашлась и другая причина. Может быть, это было воспоминание о моем внезапном отъезде, о том неопределенном состоянии неустроенности, в котором я оставил дела семьи. Сцена прощания, запечатлевшаяся в моей памяти, воспоминания о Ринггольде, о злобном замысле этого коварного негодяя — все это, вместе взятое, порождало предчувствия, терзавшие меня.

Два месяца — большой срок. Много событий может произойти за это время, даже в узком семейном кругу. Уже давно было официально сообщено, что я погиб от руки индейцев, и, насколько мне было известно, мои домашние поверили, что меня нет на свете. Это известие могло повлечь за собой страшные последствия. Была ли сестра верна данному слову, так торжественно произнесенному в час разлуки? Найду ли я, вернувшись домой, по-прежнему любящую сестру, все еще одинокую и свободную? Или она уступила материнским увещаниям и стала женой этого подлого негодяя? Неудивительно, что мне было не до веселья.

Товарищи обратили внимание на мое мрачное настроение и хоть грубовато, но добродушно старались меня развеселить. Однако это им не удалось. Свинцовая тяжесть лежала у меня на сердце. Мне почему-то казалось, что дома не все благополучно.

Увы, предчувствие не обмануло меня. Случилось нечто худшее, чем все то, чего я опасался. Новость, которую я услышал, не была известием о свадьбе сестры. Я узнал о смерти матери и, что еще страшнее, ничего не мог узнать о дальнейшей судьбе Виргинии.

На пути домой меня встретил посланец из дому, который и сообщил мне эту ужасную весть.

Индейцы напали на поселок, или, скорее, на мою собственную плантацию, ибо они ограничились только ею. Мать и дядя пали под ударами их ножей. А сестра, сестра? Ее похитили!

Дальше я не стал слушать; я вонзил шпоры в бока измученной лошади и галопом помчался вперед, как человек, внезапно охваченный безумием.

Глава LXXIII

СТРАШНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Мой бешено мчавшийся конь вскоре вынес меня к границе нашей плантации; не останавливаясь и не давая ему передохнуть, я поскакал по лесной тропинке

прямо к дому. Иногда на моем пути встречались загородки для скота, но умный конь легко преодолевал их, и мы мчались дальше.

Я встретил соседа, белого, идущего от дома. Он хотел было заговорить со мной — конечно, о катастрофе, — но я не остановился. Я уже слышал достаточно, мне оставалось теперь только увидеть все своими собственными глазами. Мне был знаком каждый поворот тропинки, и я знал, откуда можно увидеть дом.

Я доскакал до этого места и взглянул. Боже милосердный! Дома не было! Ошеломленный, я остановил лошадь и напряженно всматривался в раскинувшийся передо мной ландшафт. Напрасно — дома не было! Неужели я сбился с дороги? Но нет, вот огромное тюльпановое дерево в конце тропинки. Дальше саванна, маисовые и индиговые плантации, еще дальше — поросшие лесом холмы вокруг бассейна, а дальше... дальше я уже не различал знакомых предметов.

Вся природа, казалось, изменилась. Приветливый дом с белыми стенами и зелеными ставнями исчез. Веранда, служебные постройки, хижины негров, даже изгородь — все исчезло! С того места, где они когда-то пахотились, поднимались густые клубы дыма и окутывали солнце, превращая его в багровый диск. Небо как бы нахмурилось при моем появлении.

После всего слышанного мне нетрудно было понять, что это значило. Сердце мое сжалось от боли и горестного изумления. Больше страдать я уже был не в силах.

Пришпорив коня, я поскакал через поля к месту разрушения.

Я увидел бродивших среди дыма людей — мне показалось, что их было около сотни. В их движениях не чувствовалось особого волнения: они или спокойно расхаживали, или сидели, развалясь, как равнодушные зрители. Никто и не пытался тушить пожар. Подъехав, я увидел языки пламени, смешавшиеся с дымом. Вокруг гарцевали всадники, стараясь поймать лошадей и коров, вырвавшихся из пылающей ограды. Вначале я не мог различить, кто были эти всадники.

Мы подскакали к дымящимся развалинам.

Посланный сообщил, что разгром усадьбы произошел только что — сегодня на рассвете. Это все, что я успел услышать, когда ринулся вперед.

Было еще рано, со времени восхода солнца прошло не больше часа. Мы двигались вперед ночью, чтобы избежать дневной жары. Неужели варвары еще там? Неужели это индейцы? В зловещем огненном свете, в клубах дыма они гонялись за лошадьми и коровами, вероятно желая угнать их с собой.

Но нам было сообщено, что они ушли. Как иначе можно было бы узнать все подробности страшного происшествия — убийство моей матери, похищение моей бедной сестры? Как могли бы узнать обо всем этом, если бы индейцы были еще здесь?

Может быть, они удалились на время, а потом вернулись, чтобы забрать добычу и поджечь дом? На мгновение эта мысль мелькнула в моей голове.

Но она не заставила меня замедлить бег коня, я и не думал о том, чтобы натянуть поводья. Правая рука была у меня тоже занята — я крепко сжимал обеими руками заряженное ружье.

Меня охватила жажда мести. Я готов был ринуться в толпу дикарей и погибнуть в борьбе с ними. Я был не одинок: мой чернокожий слуга мчался за мной по пятам. За моей спиной раздавался топот его коня.

Мы подскакали к дымящимся развалинам. Здесь я убедился в своей ошибке. Меня окружили не индейцы, не враги, а друзья. Они встретили нас зловещим, сочувственным молчанием.

Я сошел с лошади. Все собрались вокруг меня, обмениваясь многозначительными взглядами. Никто не произнес ни слова. Всем было ясно, что рассказы излишни.

Я заговорил первым. Хриплым, еле слышным голосом я спросил: «Где?»

Вопрос мой сразу был понят — его ожидали. Один из соседей взял меня за руку и осторожно повел за собой мимо затухающего пожара. Я машинально шел с ним рядом. Он молча указал мне на водоем. Здесь собралась еще более густая толпа. Люди стояли полу-

кругом спиной ко мне и смотрели в одну точку. Я понял, что *она* лежала там.

При нашем приближении все молча расступились. Мой проводник провел меня через толпу. Я увидел тело матери. Рядом с ней лежали трупы дяди и нескольких негров — преданных слуг, отдавших жизнь за своих господина и госпожу.

Несчастную мать застрелили... Искололи ножом... Скальпировали... Обезобразили ее лицо...

Хотя я и был подготовлен к самому страшному, но я не мог вынести этого ужасного зрелища.

Бедная мама! Никогда больше эти остекленевшие глаза не улыбнутся мне... Никогда больше не услышу я слов нежности или упрека из этих бледных уст...

Я больше не мог сдерживать свои чувства. Рыдания душили меня. Я бросился на землю, обнял мать и целовал холодные, немые губы той, которая дала мне жизнь.

Глава LXXIV

ПОГОНЯ ПО СЛЕДУ

Горе мое не знало пределов. Воспоминание о холодности матери и особенно о том, как мы с ней расстались, еще больше увеличивало мои страдания. Если бы мы простились так же, как в прошлые годы, мне было бы легче переносить свое горе. Но нет, ее последние слова, обращенные ко мне, дышали упреком, почти гневом, и эти воспоминания наполняли мое сердце неизъяснимой горечью. Я отдал бы все на свете, лишь бы она могла узнать, что я помню о ней одно только светлое, радостное и хорошее. Я отдал бы все на свете, лишь бы она могла услышать одно только слово, знать, с какой радостью я простил бы ее...

Моя несчастная мать! Я не помнил ничего дурного. Ее недостатки были так незначительны. Единственной ее слабостью было тщеславие, что, впрочем, характерно для всех людей ее круга. Но теперь я не помнил этого. Я помнил только ее многочисленные достоинства, по-

мнил, что она — моя мать. Только теперь я понял, как я ее любил!

Но было некогда предаваться отчаянию. Где искать сестру? Я вскочил на ноги и в волнении начал расспрашивать всех, кто стоял кругом. Люди знаками указали мне на лес. Я понял: ее похитили индейцы.

До сих пор я не питал враждебных чувств к краснокожим. Напротив, я скорее стоял на их стороне и даже испытывал к ним что-то похожее на дружбу. Я знал, как несправедливо к ним относились белые, и все, что индейцы претерпели от них. Я знал, что в конце концов индейцы будут побеждены и им придется покориться, и, вспоминая об их бедствиях, испытывал к ним жалость.

Но эти чувства сменились теперь совершенно другими. Облик убитой матери вызвал в моей душе мгновенный переворот. Симпатия к индейцам превратилась в острую ненависть. Кровь матери взывала к отмщению, и я поклялся отомстить.

Я был не одинок. Старый Хикмэн, его товарищ Уэзерфорд, также охотник, и человек пятьдесят соседей обещали мне свою помощь и поддержку.

Больше всех мысль о возмездии волновала Черного Джека. Его тоже постигло горе: Виолу не могли нигде найти — очевидно, ее увели вместе с остальными слугами. Многие из них, может быть, ушли даже добровольно. Но, во всяком случае, никого из слуг не осталось. Плантация и ее население были уничтожены. Я превратился в бездомного сироту. У меня не было ни матери, ни крова.

Но не стоило терять время на бесполезные жалобы и сетования, нужно было немедленно приступить к действиям. Явились вооруженные соседи, и уже через несколько минут была организована погоня.

Мне и моим спутникам достали свежих лошадей. Наскоро закусив чем попало, мы пустились отыскивать следы индейцев. Эти следы было нетрудно обнаружить, так как дикари ехали верхом. Они переплыли через реку на индейскую сторону, немного выше по течению. Без колебания мы последовали за ними.

Я прекрасно помнил это место. Именно здесь я переправлялся через реку два месяца назад, выслеживая Оцеолу. Это была та самая тропинка, которую избрал тогда Оцеола... Я с горечью задумался. Было все труднее различать следы, и мы двигались вперед все медленнее и медленнее. Возникали естественные вопросы: видел ли кто-нибудь дикарей? К какому племени они принадлежат? Кто был их вождь?

Двое добровольцев из нашего отряда, спрятавшись около дороги, видели, как индейцы проскакали мимо них, увозя с собой пленниц — мою сестру, Виолу и других девушек с плантации. Индейцы сидели на лошадях и крепко держали пленниц. Негры шли пешком. Они не были связаны и, казалось, шли добровольно. Индейцы принадлежали к племени Красные Палки, и ими предводительствовал Оцеола.

Трудно даже описать впечатление, произведенное на меня этими словами. Они причинили мне острую боль. Я все время сомневался в справедливости этого свидетельства. Я решил не верить ему, пока сам не добуду неопровержимых доказательств. Оцеола! Нет, он не мог совершить подобную гнусность! Не мог! Очевидцы, должно быть, ошиблись. Они видели индейцев еще до рассвета, темнота могла обмануть их. В последнее время все, что совершали индейцы — каждый палет, каждый грабеж, — все приписывалось Оцеоле. Оцеола был везде. Нет, он не мог быть здесь!

Но кто же были эти два свидетеля? Я с удивлением узнал их имена: Спенс и Уильямс. Еще с большим изумлением узнал я, что они также присоединились к тем, кто вместе со мной отправился в погоню за индейцами. Но еще более странным казалось мне отсутствие Аренса Рингольда. Он был на пожаре и, как рассказывали мне, громче всех орал и грозил, что отомстит. Но теперь он скрылся. Во всяком случае, он не примкнул к отряду, преследовавшему индейцев.

Я подозревал Уильямса и Спенса и стал их подробно расспрашивать. Они подтвердили свое показание. Они признались, что видели индейцев, возвращавшихся после кровавой резни, в темноте ночи. Они не могли

утверждать с уверенностью, были ли это воины из племени Красные Палки или из племени Длинное Болото. Им показалось, что это были Красные Палки. Что касается вождя, то сомнений не было: их вел сам Оцеола. Они узнали его по трем страусовым перьям в головном уборе, которые отличали его от других воинов.

Свидетели говорили убедительно. Что за смысл был им обманывать меня? Не все ли им равно, кто был вождем разбойничьей шайки убийц — Оцеола, Коа-хаджо или даже сам Онопа? Их слова привели меня к убеждению, которое подкрепили и другие обстоятельства, к глубокому горестному убеждению: убийца моей матери, который сжег мой дом и увел сестру в жестокий плен, — не кто иной, как Оцеола!

Чувство прежней дружбы мгновенно умерло во мне. Отныне мое сердце пылало враждой и ненавистью к тому, кого я некогда так нежно любил, кем так искренне восхищался...

Глава LXXV

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

Однако, вдумываясь в это кровавое дело, я обратил внимание на некоторые обстоятельства, показавшиеся мне таинственными и странными. В первый момент я был настолько потрясен, что эти обстоятельства как-то ускользнули от моего внимания. Я не находил ничего удивительного в том, что во время жестокого набега мать моя была убита, а сестра увезена в плен. Индейцы не удовлетворились кровопролитием, а сожгли всю плантацию. Это была обычная месть «бледнолицым» за все перенесенные бедствия и несправедливости. Такие вещи происходили везде, почти каждый день. Почему бы им не произойти и на берегах Суони, как и в других местах Флориды? Пожалуй, скорее следовало удивляться, что наша усадьба так долго оставалась нетронутой. Другие плантации, находившиеся гораздо дальше от укрепленных пунктов семинолов, уже подвергались подобным ужасным набегам. Почему же наша плантация

должна была избежать общей участи? Эта «неуязвимость», однако, была замечена жителями нашей плантации, и они успокоились в ложном сознании собственной безопасности.

Объясняли это так: главные силы индейцев были отвлечены в другие районы, где они наблюдали за движением разделенной на три части армии генерала Скотта. А так как наша плантация была укрепленным пунктом, то, конечно, небольшие отряды индейцев не дерзали напасть на нее.

Но Скотт ушел, его войска отступили в форты, на летние квартиры. Обычно во Флориде военные действия ведутся зимой. А индейцы, для которых все времена года равны, были теперь свободны и снова могли начать свои налеты и набеги на пограничные плантации. Должно быть, поэтому индейцы так долго не нападали на поселок Суони.

В первую минуту отчаяния такое объяснение показалось мне вполне вероятным. Я и мои родственники просто оказались жертвами общей волны возмездия со стороны индейцев.

Но когда я пришел в себя, другие обстоятельства приковали мое внимание. Прежде всего, почему именно наша плантация в этом районе подверглась нападению? Почему только наш дом был сожжен? Почему только наша семья была истреблена? Эти вопросы, естественно, поразили меня. Ведь на реке были и другие плантации, также слабо защищенные, и другие семьи, относившиеся к семинолам гораздо более враждебно. Но еще более загадочным было вот что: плантация Ринггольдов лежала как раз на пути индейских банд. Как показали следы, они обогнули ее, чтобы достигнуть нашего дома. Оба Ринггольда — Аренс и его отец — были известны как самые жестокие враги индейцев, как люди, самым грубым образом нарушавшие их права.

Почему же плантация Ринггольдов осталась нетронутой, а наша была уничтожена? Ясно, что наша семья стала жертвой особой, заранее обдуманной мести. Нет никакого сомнения, что это именно так. Только мстью и можно было объяснить эту тайну.

Но Пауэлл? Неужели это был он? Мой друг повинен в таком варварском злодеянии? Возможно ли это? Нет! Никогда!

Несмотря на свидетельство двух отъявленных негодяев, несмотря на то что они видели его собственными глазами, мое сердце отказывалось этому верить.

Какие мотивы могли быть у него для такого необычайного убийства? Правда, моя мать не благоволила к нему, более того — она оказалась неблагодарной. Я помнил это очень хорошо. И он тоже мог помнить. Но его благородный характер, олицетворяющий в моем представлении прекрасный героический идеал, не мог унизиться до подобного злодеяния. Нет, нет и еще раз нет!

С другой стороны, почему же Пауэлл оставил в целости усадьбу Ринггольдов, жилище Аренса Ринггольда — своего заклятого врага, одного из четырех человек, которых он поклялся уничтожить? Это обстоятельство было самым невероятным.

Ринггольд находился дома, его можно было захватить во время сна. Его черные сообщники вряд ли стали бы сопротивляться. Во всяком случае, их сопротивление легко было бы сломить.

Почему же ему была дарована жизнь? Почему его дом не предали огню?

Новое известие, которое я получил в пути, породило новое предположение. Мне сказали, что индейцы быстро отступили, так как неожиданно появился патруль добровольцев, совершавший объезд. Его внимание привлекла пылающая плантация. Полагали, что именно это и спасло другие плантации, в том числе и Ринггольда.

Такое объяснение казалось вероятным. По следам было видно, что шайка разбойников была невелика, не больше пятидесяти человек. Поэтому-то они и отступили.

Тогда все дело снова представало в ином свете. И снова Оцеола оказывался в моих глазах виновником.

Может быть, я не постигал его индейской натуры, может быть, в конце концов, он и был чудовищем, нанесшим столь страшный удар.

Еще и еще раз я спрашивал себя: какая причина могла вызвать такой поступок?

А, вот что! Сестра! Виргиния! Может быть, любовь... страсть...

— Индейцы! Индейцы! Индейцы!

Глава LXXVI

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Это восклицание, полное страшного значения, сразу прервало мои размышления. Решив, что появились индейцы, я помчался вперед. Но вдруг всадники бросили поводья и остановились. Отбившиеся в сторону спешили вновь примкнуть к отряду. А те, кто беспечно заехал вперед, быстро поскакали обратно. Именно они-то и подняли тревогу. Некоторые из них все еще продолжали кричать: «Индейцы, индейцы!»

— Индейцы? — спросил Хикмэн с недоверчивым видом. — Где вы увидели их?

— Там! — ответил один из всадников, прискакавших назад. — Вон в той роще. Весь лес кишит ими...

— Пусть меня черти раздерут на куски, если я этому поверю! — возразил старый охотник, презрительно покачав головой. — Никогда индейцы не станут прятаться, особенно от таких желторотых птепцов, как вы. Их всегда раньше услышишь, чем увидишь.

— Да мы и слышали, как они перекликались друг с другом.

— Ба! — воскликнул охотник. — Вы бы вовсе не то услышали, если бы индейцы действительно были там. Вы слышали бы выстрелы из винтовок. Черт бы побрал ваших индейцев! Вы слышали визг енота или свист пересмешника. Я знал, что вы до смерти перепугаетесь первого попавшегося зверька, который мелькнет перед вами... Ну, теперь стойте на месте, а я посмотрю, в чем дело.

Сказав это, Хикмэн слез с лошади и накинул уздечку на ветку.

— Пойдем-ка, Джим Уэзерфорд, — добавил он, обращаясь к одному из своих товарищей-охотников. — Посмотрим, кого там увидели эти молодцы. Не приняли ли они пеньки за индейцев?

Молодой охотник уже спешил. Он и Хикмэн поставили лошадей в безопасное место и с винтовками в руках молча вошли в кусты. Остальные члены отряда, собравшись вместе и не слезая с седел, ждали. Наше терпение не подверглось долгому испытанию. Едва охотники скрылись из виду, как до нас донесся их громкий хохот. Мы осмелели и приблизились. Там, где царил такое веселье, не могло быть особенно опасно. Вскоре мы увидели их обоих. Уэзерфорд, нагнувшись, рассматривал чьи-то следы, а Хикмэн указывал рукой на качающиеся кусты. Мы взглянули туда и увидели стадо полудикого рогатого скота. Испуганное нашим появлением, оно, продираясь через чащу, обратилось в бегство.

— Вот вам ваши индейцы! — торжествуяще воскликнул охотник. — Хороши дикари! Ха-ха-ха!

Все остальные тоже рассмеялись, за исключением виновников этой ложной тревоги.

— Я знал, что здесь нет никаких индейцев, — продолжал охотник на аллигаторов. — Совсем не так они появляются! Вы их слышите раньше, чем видите. И вот какой совет я дам тем зеленым юнцам, которые не умеют отличить краснокожего от рыжей коровы: те, кто поопытнее, пусть идут впереди. А остальные держитесь вместе, не разбегайтесь, а то кое-кому придется уснуть сегодня без волос на голове.

Все согласились с благоразумным советом Хикмэна. Мы попросили старого охотника и Уэзерфорда возглавить движение отряда. Остальные тесными рядами шли за ними.

Ясно было, что индейцы не могли намного опередить нас. Об этом можно было судить по времени, когда они покинули усадьбу. С момента моего приезда на плантацию мы не теряли времени даром — на наши сборы ушло не более десяти минут, так что, в общей сложности, с момента их ухода и до начала нашей погоны прошло едва ли более часа. Передвигаться очень бы-

стро они не могли, так как за ними пешком шли негры. Это было видно по их широким следам.

Вряд ли кто-нибудь из нас боялся индейцев. Все мы горели жаждой мести, заглушавшей всякий страх. Кроме того, судя по следам, индейцев было не так уж много — человек пятьдесят. Без сомнения, это были искусные и опытные воины, равные нам в борьбе один на один. Но те, кто вызвался добровольно помогать мне, тоже были люди настоящей закалки — с твердым характером и выдержкой. Это были самые лучшие люди в поселке, незаменимые для такой цели. Никому даже и в голову не приходило вернуться: все твердо решили идти вперед и найти убийц даже в самом сердце индейской территории, в их собственном «гнезде».

Преданность этих людей вдохнула в меня новые силы. Я поскакал вперед с более легким сердцем, чувствуя, что час возмездия близок.

Глава LXXVII

СЛЕД ТЕРЯЕТСЯ

Однако моим желаниям не суждено было так скоро осуществиться. Летя с быстротой, на которую только были способны наши кони, мы мчались по следу целых десять миль, хотя сначала предполагали, что настигнем индейцев уже на половине этого пути.

Вероятно, индейцы сообразили, что за ними началась погоня. И, подгоняемые страхом, они во весь опор неслись вперед. После таких ужасных злодейств понятно было, что они ожидали преследования. Но они немалого опередили нас. Хотя солнце сильно жгло, сок еще капал со сломанных ими ветвей, следы копыт их лошадей были еще свежие. Так объяснили нам наши проводники. Примятая трава еще была влажной от росы и стелилась по земле.

— И получаса не прошло, как они тут проехали. Только полчаса, черт их побери! — воскликнул Хикмэн, после того как он уже в двадцатый раз осмотрел следы. — Никогда в жизни я не видел, чтобы индейцы еха-

ли так быстро! Они бегут, как стадо испуганных быков... Вероятно, мерзавцы здорово вспотели. А некоторые бездельники, как я полагаю, уже болтаются в седлах под углом в сорок пять градусов...

Громкий взрыв смеха был ответом на это замечание нашего проводника.

— Не так громко, ребята, не так раскатисто! — сказал он, прерывая смех повелительным жестом. — Клянись Иерусалимом, они услышат вас! А если так, некоторые из вас расстанутся со своими скальпами еще до заката солнца. Ради спасения собственной шкуры ведите себя тихо, как мышки. У них такой же острый слух, как у наших волкодавов. Черт меня побери, если они больше чем на милю впереди нас!

Он еще раз нагнулся к следу и повторил:

— Будьте тихи, как опоссумы, и я обещаю вам, что не пройдет и часа, как мы настигнем этих негодяев.

Повинуясь его приказу, мы ехали, стараясь соблюдать тишину и держаться края дороги, поросшей травой, чтобы заглушить топот копыт. Переговаривались только шепотом, да и то лишь в случае крайней необходимости. Напряженно вглядываясь вперед, мы каждую минуту ожидали увидеть перед собой бронзовые фигуры индейцев.

Так мы проехали около полумили. Враг не показывался, видны были только его следы. Мелькнуло ясное небо, сиявшее голубизной меж стволов. Это означало, что лес начал редеть. Многие из нас обрадовались. Последние часы нам пришлось ехать по мрачному лесу, переплетенному лианами и заваленному буреломом, так что поневоле мы двигались очень медленно. Все надеялись, что теперь дорога станет лучше и мы наконец увидим неприятеля. Но на старых охотников, особенно на наших двух проводников, это произвело совсем иное впечатление. Хикмэн сразу изъяснил свое полное неудовольствие.

— Проклятая равнина! — воскликнул он. — Это саванна, и притом огромная. Черт возьми, дело худо!

— Почему? — спросил я.

— Очень просто! Если они проскочили через саван-

ну, то, наверно, оставили около леса одного или двух часовых. Теперь мы уже не можем подъехать к ним незамеченными: нас будет так же легко различить, как каравап верблюдов. Что же из этого следует? А вот что: если они заметят нас, то им легко будет скрыться. Они рассеются во все стороны, и тогда ищи ветра в поле!

— Что же нам теперь делать?

— Нам лучше держаться ближе к большому болоту. Вы постоитe здесь несколько минут, а мы с Джимом Уэзерфордом подъедем к опушке леса и посмотрим, переехали ли они через саванну. Если да, то и мы переедем через нее, а потом снова отыщем след. У нас нет другого выбора. Если они увидят, как мы пересекаем саванну, мы можем показать им хвост и спокойно поворачивать обратно.

Все согласились с этим и беспрекословно подчинились приказу охотника за аллигаторами. Мы все хорошо знали, насколько он опытен. Хикмэн и Уэзерфорд сошли с лошадей и стали осторожно пробираться к деревьям на опушке леса.

Прошло довольно много времени, прежде чем они вернулись. Кое-кто из нас уже начал выражать нетерпение. Послышались разговоры о том, что, остановившись, мы только зря тратим время и даем индейцам возможность уйти вперед еще дальше. Иные предлагали продолжать погоню и, будь что будет, идти вперед прямо по следу.

Как это ни согласовалось с моими собственными чувствами, как ни горел я желанием вступить в открытый бой с ненавистным врагом, я знал, что при настоящих условиях погоня становилась бессмысленной. Проводники были правы.

Наконец охотники вернулись и сообщили нам, что индейцы действительно пересекли саванну и въехали в лес, который начинался за нею. Они еще не успели скрыться, когда охотники дошли до опушки леса. Хикмэн даже ухитрился заметить хвост лошади, исчезавшей за кустами. Но зоркие следопыты выяснили еще один важный факт: дальше не было никакого следа, по которому мы могли бы идти вперед.

Вступив в саванну, индейцы сжали, очевидно, врассыпную. Об этом свидетельствовало множество следов, оставленных на траве копытами лошадей. По выражению охотников, след «расщепился на пятьдесят частей» и наконец совсем исчез в траве. Охотники установили это, ползком пробираясь к высокой траве и замечая отпечатки копыт. Оставался только один, очень странный, след, который привлек их внимание. Это был след человеческой босой ноги. Поверхностный наблюдатель мог бы счесть его за отпечаток ступни одного человека. Опытные же следопыты мгновенно догадались, что это была уловка. След был широкий и бесформенный, очень глубоко вдавленный в землю; вряд ли это мог быть след одного человека. Длинная пятка, едва заметный подъем, широкие отпечатки пальцев — все это были знаки, которые охотники сразу разгадали. Хикмэн тут же определил, что это был след негра — вернее, негров, которые прибегли к этой хитрости по указанию того, кто их вел.

Эта неожиданная хитрость со стороны отступающих дикарей нас и огорчила и удивила. В первую минуту мы решили, что дикари перехитрили нас, что мы потеряли след врага и что нам не суждено отомстить.

Одни стали говорить о бесполезности дальнейшего преследования. Другие считали, что нужно вернуться. Пришлось опять взывать к чувству ненависти, чтобы вновь разжечь жажду мщения.

В этот критический момент вмешался старый Хикмэн и, оживив наши гаснущие надежды, поднял у всех настроение. Я обрадовался, когда он заговорил.

— Сегодня вечером, ребята, нам их не догнать... (Он взял слово последним, когда все остальные уже высказались.) Засветло нам нельзя перебраться через эту равнину. Она слишком велика. Я бы лучше сделал крюк в двадцать миль, чем пересекать эту проклятую саванну. Но ничего, ребята, не унывайте! Подождем здесь до наступления темноты, а затем мы сможем тихонько прокрасться через саванну. И если мы с Джимом Уэзерфордом не найдем на другой стороне их следа, то, значит, я никогда в жизни не едал мяса аллигаторов. Проклятые индейцы наверняка раскинут свой лагерь где-

побудь под деревьями. Не видя нас, они будут чувствовать себя в безопасности, как медведь у дупла с медом. Вот тут-то мы и нагрянем на них!

Все согласилось с предложением охотника. Оно было принято как дальнейший план действий. Мы сошли с лошадей и стали дожидаться заката солнца.

Глава LXXVIII ЧЕРЕЗ САВАННУ

Мои страдания достигли наивысшего предела. Во время погони волнение не давало мне возможности углубиться в размышления о несчастье, которое обрушилось на меня. Мысль о скором возмездии как бы заглушала скорбь, и самое движение действовало успокоительно на мою взволнованную душу. Теперь же, когда погоня была приостановлена, я мог на досуге предаться воспоминаниям о событиях сегодняшнего утра, и горе с новой силой овладело мной. Я видел вновь тело убитой матери, лежащей с раскинутыми, как бы призывающими к отмщению руками. Я видел свою сестру, бледную, в слезах, с разметавшимися волосами, полную отчаяния.

Неудивительно, что, испытывая столь мучительное нетерпение, я никак не мог дожждаться заката солнца. Мне казалось, что никогда еще огромный огненный шар не спускался к горизонту так медленно. Бездействие терзало меня до безумия. Диск солнца был кроваво-красным от густого тумана, который висел над лесом. Небо казалось низким и грозным. Оно как бы отражало мои собственные мысли и чувства.

Наконец наступили сумерки. Они продолжались недолго, как обычно в южных широтах, хотя в этот вечер они казались мне долгими и медлительными. За ними наступила полная тьма. Мы снова вскочили в седла и поехали. И в движении мне как будто стало легче.

Выбравшись из леса, мы поехали через саванну. Два охотника вели нас по прямой линии. Двигаться по ка-

кому-нибудь из многочисленных следов не было смысла, так как все они расходились в разные стороны. Хикмэн предполагал, что все следы в конце концов сойдутся в одном заранее условленном месте. Поэтому нам годился любой след. Несомненно, он должен был привести нас в индейский лагерь. Самое важное для нас в настоящий момент было проехать равнину незамеченными. Наступившая тьма благоприятствовала нам. Мы двигались вперед по открытому пространству безмолвно, как призраки; ехали шагом, чтобы не слышно было топота лошадей. Наши усталые кони плохо слушались поводыев. Почва тоже благоприятствовала нам: это была мягкая трава, по которой лошади шли бесшумно. Мы боялись только, чтобы они не почуяли индейских коней и не вздумали приветствовать их ржаньем.

К счастью, наши опасения не оправдались. Через полчаса в полном молчании мы въехали под темные своды леса на другой стороне саванны. Нас вряд ли могли заметить. Если индейцы и оставили в арьергарде разведчиков, то темнота скрыла нас от их взоров. Нас можно было бы обнаружить лишь в том случае, если бы часовые стояли как раз в том месте, где мы въезжали в лес. Но никаких следов индейцев не было, и мы решили, что за нами никто не следит.

Мы шепотом поздравили друг друга и так же тихо попытались обсудить дальнейший план действий. Мы собирались ехать дальше. Надо было снова отыскать след индейцев, но раньше рассвета этого нельзя было сделать. Мы, возможно, остались бы на месте до утра, если бы не одно обстоятельство. Лошади очень страдали от жажды, да и всадники были не в лучшем состоянии. Уже с полудня мы не встречали воды, а нескольких часов, проведенных под знойным небом Флориды, вполне достаточно, чтобы сделать жажду невыносимой. В более прохладном климате можно провести даже несколько дней без воды.

И лошади и люди очень страдали. Мы не могли ни заснуть, ни просто отдохнуть. Необходимо было найти воду до того, как будет привал. Мы страдали также и от голода, ибо для столь долгого путешествия не запаслись

провизией. Но муки голода переносить было легче, на эту ночь мы могли обойтись одной водой. Поэтому мы решили ехать вперед и найти воду во что бы то ни стало.

В этом затруднительном положении опыт наших двух проводников оказал нам неоценимую услугу. Им уже приходилось охотиться в саванне. Это было еще тогда, когда индейские племена были в дружбе с нами и белые свободно могли разъезжать по их территории. Охотники помнили, что где-то недалеко был пруд, около которого они отдыхали. Несмотря на темноту, они надеялись найти его.

Мы двинулись вперед цепью по одному в ряд, каждый вел за собой свою лошадь. Только так можно было двигаться в темноте. Наш отряд растянулся в длинную линию, которая, как огромная, чудовищная змея, извивалась по тропинке между деревьями.

Глава LXXIX

В ЛЕСНОЙ ТЕМНОТЕ

По временам наши проводники начинали сомневаться, верно ли мы едем, и тогда все мы останавливались и ждали, пока они тронутся дальше.

Несколько раз Хикмэн и Уэзерфорд сбивались с пути, не зная, куда ехать дальше. Они теряли направление и были в полном недоумении.

Днем в лесу всегда можно определить направление по коре деревьев. Этот прием хорошо известен лесным охотникам. Но сейчас было слишком темно, чтобы производить такие подробные наблюдения. Впрочем, Хикмэн утверждал, что даже и теперь, ночью, он безошибочно может определить, где юг и где север, и я заметил, что он ощупывает древесные стволы. Он переходил от одного дерева к другому, словно для того, чтобы подтвердить свои наблюдения, но через некоторое время вполголоса обратился к своему товарищу, и в тоне его явно звучало изумление:

— Что за чудеса, Джим? Деревья стали совсем другие с тех пор, как мы с тобой здесь были в последний раз. На них нет коры, они как будто совсем ободраны.

— Да и мне они показались странными. Но я думал, что это мне так в темноте почудилось.

— Да нет, это не то! С ними что-то случилось. Я помню эти ели. Деревья все сухие, как трут. Дай-ка я посмотрю на их иглы.

Говоря это, Хикмэн поднял руку и сорвал одну из длинных ветвей, которые нависали над нами.

— Ах, вот оно что! — воскликнул он, обламывая иглы. — Теперь я понимаю, в чем дело. Это все проклятый червяк виноват. Деревья погибли. Что теперь делать? Теперь я так же сумею найти пруд, как и любой из этих зеленых юнцов.

Это признание произвело на нас не очень приятное впечатление. Жажда все сильнее томила нас. Она казалась еще мучительнее потому, что исчезла всякая надежда утолить ее.

— Стойте! — сказал через минуту Хикмэн, ткнув свою лошадку каблукон в ребра. — Еще не все потеряно. Если уж я не могу довести вас до пруда, то нас приведет туда моя умная скотинка... Эй ты, старуха, — обратился он к своей старой кобыле, — найди-ка нам воду! Марш вперед, да постарайся для нас!

Сжав коленями бока своей «скотинке», Хикмэн отпустил поводья, и мы снова тронулись вперед, смутно надеясь на инстинкт бессловесного создания.

Скоро стало ясно, что лошадь почуяла воду. Хикмэн заявил, что она «чует водичку», а он знал это так же хорошо, как будто она была его собакой, напавшей на след оленя. Она вытянула морду и время от времени нюхала воздух. При этом она шла все прямо, как будто к определенной цели.

Все мы оживились, но вдруг Хикмэн остановил свою лошадь. Я подъехал к нему узнать, в чем дело. Он молчал, видимо глубоко задумавшись.

— Почему вы остановились? — спросил я.

— Всем нам надо подождать здесь.

— Зачем? — спрашивали другие добровольцы, подъехавшие к нам.

— Ехать вперед этим путем опасно. Быть может, эти злодеи у колодца. Здесь нет другой воды, а им ведь тоже пить захотелось. Если они услышат, что мы подъехали, то опять махнут в кусты, и поминай как звали! Так вот, вы стойте здесь, а мы с Джимом прокрадемся вперед и посмотрим, что и как. Я теперь знаю, где пруд: до него не очень далеко. Если индейцев там нет, мы сейчас же вернемся, и тогда можете отправляться на водопой.

С этим благоразумным планом все согласились. Оба охотника еще раз сошли с лошадей и осторожно двинулись вперед.

Я выразил желание пойти вместе с Хикмэном и его товарищем. Они не возражали — мои несчастья давали мне неоспоримое право быть во главе похода. Итак, оставив лошадь под присмотром одного товарища, я присоединился к охотникам.

Мы неслышно ступали по земле, густо усыпанной мягкой хвоей, заглушавшей шум шагов. Лес здесь был редким, и это позволяло нам двигаться довольно быстро. Через десять минут мы были уже далеко от наших друзей. Мы все время старались не потерять верного направления. Однако вдруг нам показалось, что мы потеряли его. И в этот момент, к моему удивлению, сквозь густую листву мы увидели мерцающий вдали огонь. Это было пламя костра.

Хикмэн сразу распознал, что это костер на привале индейцев.

Первым нашим движением было вернуться к товарищам и позвать их на помощь. Но, поразмыслив немного, мы решили подойти как можно ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это лагерь неприятеля.

Теперь мы уже не шли, а пробирались ползком, стараясь держаться в тени. На поляне пылал огонь. Охотники помнили, что здесь должен быть пруд. И действительно, мы увидели сверкающую водную поверхность.

Мы подошли так близко, как позволяло наше благоразумие. Теперь мы хорошо видели всю поляну. Лоша-

ди были привязаны к деревьям, а вокруг костра распростерлись человеческие фигуры. Они не шевелились — все убийцы крепко спали.

У самого огня на седле сидел человек. По-видимому, он не спал, хотя его голова была опущена на колени. Огонь костра озарял его бронзовое лицо. Можно было бы различить его черты и цвет лица, если бы они не были скрыты под краской и перьями. Это лицо казалось малиново-красным, три больших черных страусовых пера свисали с головы у висков, так что их концы почти касались его щек. Эти символические перья наполнили мою душу острой болью: я знал, что это был головной убор Оцеолы.

Я стал всматриваться пристальнее. Несколько групп расположились сзади, почти все открытое пространство было заполнено простертыми телами.

Еще одна группа из трех или четырех человек, сидевших и лежавших на траве, привлекла мое внимание. Я смотрел на нее со страхом и волнением. На нее падала тень от деревьев, и я не мог рассмотреть лиц, но по белым платьям я понял, что это были женщины. Две из них сидели несколько поодаль от остальных. Одна из них положила голову на колени к другой.

Сильное волнение охватило меня, когда я смотрел на них. Теперь уже для меня не оставалось никаких сомнений, что это были моя сестра и Виола.

Глава LXXX

СИГНАЛЬНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

Нельзя описать, что я переживал в эту минуту. Перо мое бессильно изобразить эту картину. Вдумайся, читатель, в мое положение и постарайся представить его себе. Позади меня остались убитые и изувеченные мать и дядя, мой родной дом, превращенный в пепел и прах. Передо мной была сестра, вырванная из материнских объятий, безжалостно похищенная дикими разбойниками, может быть обесчещенная их дьяволь-

ским вождем! И он тоже был здесь передо мной, этот лживый, вероломный убийца! Меня охватило неистовое волнение.

Я глядел на того, кому должен был отомстить, и моя ярость возрастала с каждой минутой. Я больше не в силах был сдерживать ее.

Мои мускулы, казалось, вздувались на руках, кровь струилась по жилам, как поток жидкого пламени. Я почти забыл, где мы находимся. Одна мысль пылала в моем мозгу: месть! Враг был передо мной! Он не знал о моем присутствии и как будто спал. Он был почти рядом, на расстоянии выстрела моей винтовки, стоило только протянуть руку.

Я поднял ружье на уровень ниспадающих страусовых герьев и взял на прицел их концы. Я знал, что глаза под ними. Мой палец был уже на курке...

Еще минута — и этот человек, когда-то бывший в моих глазах героем, будет лежать мертвым на траве. Но мои товарищи предотвратили выстрел. Хикмэн схватил замок моей винтовки, покрыв боёк ударника широкой ладонью, а Уэзерфорд схватился за дуло. Я не мог выстрелить.

В первую секунду я почти рассвирепел, но затем понял, что они правы. Старый охотник, нагнувшись к моему уху, шепнул:

— Рано, Джордж, рано! Ради собственной жизни, не поднимай тревогу. Что толку, если ты убьешь его? Эти мерзавцы удерут и утащат женщин с собой. Мы не сможем удержать их и только рискуем потерять свои скальпы. Лучше мы потихоньку вернемся за товарищами и окружим индейцев со всех сторон... Не так ли, Джим?

Уэзерфорд, боясь излишнего шума, только утвердительно кивнул головой.

— Пойдем! — продолжал Хикмэн шепотом. — Нельзя терять ни минуты. Назад как можно быстрее! Ползком, ползком, пониже... И тише! Ради бога, тише!

Почти распластавшись на земле, старик пополз, как аллигатор, и скоро исчез из виду. Мы с Уэзерфордом последовали за ним и поднялись только тогда, когда уже

Враг был передо мной! Я поднял ружье,

были далеко от пламени костра. Здесь мы остановились и прислушались. Мы боялись, что наше отступление встревожит лагерь. Но до нас не донеслось ни единого звука. Мы только слышали, как храпят спящие дикари и как лошади жуют траву. Изредка доносился удар копытом о твердую землю.

Довольные, что нам удалось уйти незамеченными, мы возвращались назад тем же, уже знакомым, путем. Теперь мы почти бежали, но вдруг остановились как вкопанные. До нас донесся ружейный выстрел.

И, что самое удивительное, он раздался не из индейского лагеря, а с противоположной стороны, оттуда, где остались наши товарищи. Странно было, что звук показался слишком громким для того расстояния, которое, по нашим предположениям, отделяло нас от друзей. Может быть, не вытерпев мучительного ожидания,

но мои товарищи предостергли выстрел.

наши друзья двинулись вперед, навстречу нам? Но, разумеется, ни один из них не мог выстрелить. А если и так, то их выстрел был поступком очень неблагоприятным, даже опасным: он мог поднять на ноги весь индейский лагерь. В кого же они стреляли? Может быть, это случайно разрядилось ружье? Да, должно быть, это именно так...

Не успели мы обменяться этими соображениями (каждый обдумывал их про себя), как раздался второй выстрел, в том же направлении, что и первый. По-видимому, выстрелы были сделаны из разных винтовок, так как промежуток между ними был настолько кратким, что даже самый искусный стрелок не успел бы вторично зарядить свое оружие. Мои товарищи были озадачены не меньше, чем я. Эти два выстрела можно было объяснить только тем, что несколько индейцев,

отбившихся от своей шайки, пытались подать о себе весть своим сородичам.

Но раздумывать было некогда. Весь лагерь пришел в движение. Началась тревога. Послышались голоса людей, ржанье и топот. Не раздумывая, мы бросились к нашим друзьям.

Вдруг вдали мы увидели двух всадников. Они уходили от нас все дальше вперед, скользя между деревьями, как привидения. Несомненно, выстрелы были сделаны именно ими. Кто же они — индейцы или белые?

Рискуя выдать нас врагам, старый Хикмэн окликнул их.

Мы остановились и прислушались. Всадники не ответили. Они молча и быстро удалялись в каком-то новом направлении — ни к друзьям, ни к врагам.

В поведении этих двух всадников было что-то загадочное. Зачем они стреляли и теперь удалялись от лагеря, хотя прекрасно знали, где он находится, по шуму тревоги? Их поведение казалось мне необъяснимым. Для Хикмэна, вероятно, это дело было более ясным. Но чувствовалось, что он и удивлен и негодует.

— Пусть дьявол их утопит в болоте! Подлецы негодные, если это только они! А я уверен, что это они... Знаю я их ружья! Что ты скажешь на это, Джим? Ты узнал их?

— Я, кажется, слышал этот звук раньше, но где, не помню, — ответил младший охотник. — Постой-ка, ведь это Нед Спенс!

— Именно, а другой — Билль Уильямс. Что им там, дьяволам, надо? Они ведь остались вместе со всеми. А между тем я уверен, что это они носятся тут по лесу да палят, чтобы нам всю игру испортить. Черт их побери! Это какой-то адский замысел... Проклятые авантюристы! Я их заставлю за это поплатиться! Скорее, ребята! Нам нужно быстро добраться туда вместе со всеми товарищами, а иначе мы опоздаем. Индейцы удерут, прежде чем мы нагрянем на них. Проклятые выстрелы! Испортили нам все дело! Быстро за мной!

Следуя указаниям старого охотника, мы помчались за ним по лесу.

ОПУСТЕВШИЙ ЛАГЕРЬ

Вскоре до нас донесся звук голосов и топот лошадиных копыт. Мы узнали голоса товарищей и окликнули их. Они ехали к нам навстречу. Они тоже слышали выстрелы и, решив, что мы столкнулись с индейцами, поспешили к нам на помощь.

— Эй, ребята! — крикнул Хикмэн, когда они подъехали. — Билль Уильямс и Нед Спенс с вами?.. Где они?

На этот вопрос ответа не последовало. Несколько секунд царило мертвое молчание. Очевидно, их обоих здесь не было, иначе бы они сами отозвались.

— Где они? Где? — заговорили в толпе.

— Теперь ясно где, — сказал Хикмэн. — Клянусь аллигатором, эти молодцы опять затеяли какую-то нечестную игру! Ну, ребята, теперь вперед! Индейцы прямо перед нами. Дальше ползти бесполезно. Индейцы где-то здесь, и нам нужно добраться до них раньше, чем белка успеет трижды вильнуть хвостом, а то они опять удерут! Ура! Вперед за скальпами! Проверьте винтовки. А теперь вперед! И смерть негодьям!

С этим выразительным восклицанием старый охотник поскакал к лагерю индейцев.

Остальные в беспорядке последовали за ним, держась близко один от другого. У нас не было разработанного плана действий. Главное, на что мы рассчитывали, было время. Мы хотели достигнуть лагеря, прежде чем индейцы скроются, мы хотели смело ворваться в самую гущу врагов, дать залп из винтовок, держа ножи и пистолеты наготове, — таков был наспех составленный план.

Мы были уже недалеко, приблизительно в трехстах ярдах от лагеря, и знали, куда надо двигаться. Шум, доносившийся из лагеря, указывал нам направление. Но вдруг этот шум замолк: больше не слышно было ни людских голосов, ни ржанья и топота лошадей. В лагере наступила мертвая тишина. Только свет костра слабо мерцал между деревьями и, как маяк, указывал нам путь.

Это заставило нас удвоить бдительность. Тишина казалась нам подозрительной, в ней было что-то злое. Мы опасались засады, ибо хорошо знали, как искусно вождь Красных Палок умеет проводить подобные маневры.

Ярдов за сто до поляны наш отряд остановился. Несколько человек, сойдя с лошадей, подошли к самой опушке леса, чтобы обследовать местность. Вскоре они возвратились с известием, что на поляне никого нет. Лагерь больше не существовало. Индейцы, лошади, пленники, добыча — все исчезло. Остался только догорающий костер. По нему мы определили, что индейцы отступили в спешке и беспорядке. Красные угли были разбросаны по всей поляне, в них слабо тлели последние искры пламени.

Разведчики продолжали продвигаться среди деревьев, пока не обошли всю опушку леса. Они внимательно обследовали лес ярдов на сто в окружности, но нигде не нашли никаких следов врага или засады. Мы опоздали — дикари ускользнули, уведя у нас из-под носа своих пленниц!

Преследовать индейцев во тьме было невозможно. Расстроенные, мы выехали на поляну и расположились в опустевшем лагере. Мы решили провести здесь остаток ночи, а на заре снова начать преследование.

Сначала нужно было утолить жажду и напоить лошадей. Потом мы погасили костер и почти половину отряда поставили часовыми между деревьями, окружавшими поляну. Коней стреножили и привязали к деревьям. Другая половина отряда легла отдыхать на том самом месте, где еще недавно отдыхали наши враги. Так мы дождались рассвета.

Г л а в а LXXXII

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Мои товарищи, утомленные долгим походом, вскоре уснули. Не спали только часовые, да я не мог найти себе покоя и большую часть ночи провел, блуждая во-

круг пруда, тускло блестевшего в центре поляны. Когда я двигался, мне становилось как-то легче. Это успокаивало меня, отвлекало от мрачных мыслей. Я жалел, что мне не удалось выстрелить в тот момент, когда я увидел предводителя убийц, не удалось уложить его на месте. А сейчас чудовище снова ускользнуло из моих рук. Может быть, теперь уже невозможно будет спасти сестру...

Я негодовал на охотников за то, что они помешали мне. Если бы они могли предвидеть все, что произойдет дальше, быть может, и они поступили бы иначе. Но кто мог этого ожидать?

Двое добровольцев, поднявших тревогу, теперь снова присоединились к отряду. Их таинственное поведение заставило нас усомниться в честности их намерений. Появление Билля и Неда было встречено возгласами негодования и угрозами. Их хотели сбить выстрелами с седла и сделали бы это, если бы они не стали умолять нас дать им возможность оправдаться. Они объяснили, что отбились от отряда еще до привала. Они не знали ни того, что наши пошли в разведку, ни того, что индейцы близко; они заблудились в лесу и выстрелили, надеясь, что мы ответим им. Они признались, что видели трех пешеходов, но приняли их за индейцев и постарались избежать встречи с ними.

Большинство из нас удовлетворились этим объяснением. Рассуждали так: какие мотивы могли побудить их обоих дать сигнал тревоги врагу? Кто мог подозревать их в такой низкой измене? Но не все были того же мнения. Я слышал, как старый Хикмэн многозначительно прошептал своему товарищу, искоса поглядывая на этих приبلудных тварей:

— Смотри в оба, Джим! Не упускай из виду этих негодяев. Они что-то затеяли...

Так как явных улик против них все-таки не было, их снова приняли в отряд, и они вместе с другими улеглись спать.

Негодяи лежали на берегу пруда. Шагая кругом, я несколько раз проходил мимо них. В темноте я мог различить их простертые на земле тела. Я смотрел на них со странным чувством, ибо разделял подозрения

Хикмана и Уэзерфорда. Но я никак не мог поверить, что они сделали это умышленно. Трудно было представить себе, что, подстрекаемые самыми низменными побуждениями, они выстрелами предупредили индейцев о приближении нашего отряда.

Около полуночи взошла луна. Облаков не было. Проплывая над деревьями, луна струила вниз потоки яркого света.

Этот внезапный свет разбудил спящих. Многие повскакали, думая, что наступил день. Только взглянув на небо, они убедились в своей ошибке.

Шум разбудил и всех остальных. Многие предлагали начать погоню немедленно, при свете луны. Это согласовывалось и с моими желаниями. Но Хикман был решительно против. Он объяснил, что в лесу не так светло, как на поляне, и, значит, след нельзя будет найти. Правда, можно было зажечь факелы. Но так мы могли бы попасть в засаду к врагу. Даже просто двигаться вперед при лунном свете — значило подвергать себя опасности. И вообще обстоятельства изменились: дикари уже знали, что мы гонимся за ними. В ночном походе преследуемые находятся в более выгодном положении по отношению к преследователям, даже если их и меньше. Темнота даст им возможность напасть на нас из засады и скрыться. Так рассуждали проводники. Ни один человек не возражал и не высказался против этих доводов. Было решено не трогаться до рассвета.

Наступило время менять часовых. Отдохнувшие сменили усталых караульных, которые улеглись спать, надеясь урвать хоть несколько часов для отдыха.

Уильямс и Спенс должны были дежурить вместе с другими. Они стояли рядом, на одной стороне поляны.

Хикман и Уэзерфорд, отдежурив свои часы, расположились на траве, и я заметил, что они устроились недалеко от двух дружков. При свете луны они должны были ясно видеть Спенса и Уильямса. По-видимому, они вовсе и не собирались спать. Время от времени я поглядывал на них. Их головы почти соприкасались, слегка приподнимаясь над травой. Охотники как будто шептались друг с другом.

Я по-прежнему продолжал бродить кругом. При свете луны я мог шагать быстрее, и мне становилось легче на душе. Трудно сказать, сколько раз обошел я вокруг пруда. Двигался я машинально, не отдавая себе отчета. Через некоторое время физическая усталость взяла верх над нравственными страданиями. Постепенно в моей душе воцарилось спокойствие. На короткое время мои горести и мстительные страсти улеглись. Я знал причину: нервная система, отражающая чувства, от которых я страдал, испытывала утомление, и все ощущения во мне как бы притупились.

Я знал, что это только временное облегчение, затишье между двумя бешеными шквалами. Но по истечении этого промежутка я снова стал восприимчивым к впечатлениям внешнего мира. Я начал внимательно присматриваться к тому, что делалось кругом. Прежде всего при ярком сиянии луны мне бросились в глаза некоторые особенности окружающей местности.

Мы остановились среди леса на поляне, которую охотники обычно называют «глейд» или на местном жаргоне — «глид». Это была маленькая прогалина в лесу, почти не заросшая деревьями или кустарником. Она имела совершенно круглую форму, около пятидесяти ярдов в диаметре. Небольшой пруд, расположенный в середине поляны, был тоже круглый — один из причудливых естественных водоемов, разбросанных по всему полуострову; казалось, что он вырыт людьми. Он был около трех футов глубиной, и вода в нем была свежая и прохладная. Она сверкала при свете луны, как серебро.

Поляна была покрыта травой и благоухала душистыми цветами. Растоптанные людьми и конями, они пахли теперь еще сильнее.

Это был прелестный цветник, и в другом настроении я с удовольствием отдался бы созерцанию этой картины.

Но сейчас меня интересовала не сама картина, а, так сказать, ее рама.

Вокруг поляны деревья высились таким правильным полукругом, как будто кто-то нарочно их здесь посадил. А за ними, насколько взгляд мог проникнуть в глубь чащи, простирался высокий сосновый лес. Ство-

лы деревьев были почти все одной толщины — некоторые из них достигали двух футов в диаметре. Но это были голые стволы — ни ветки, ни листка. Днем в этом лесу можно было видеть на очень далекое расстояние, так как кустов здесь не было.

Стволы деревьев были прямые и почти цилиндрические, как у пальм. Их можно было бы принять за пальмы, если бы их широкие кроны заканчивались коническими верхушками. Но это были не пальмы, а так называемые метелковидные сосны — широко распространенная во Флориде порода деревьев.

По всей вероятности, я не обратил бы на них особенного внимания, если бы меня не поразило в них что-то необычное. Хвоя у них была не ярко-зеленого, а желто-бурого цвета. Сначала я думал, что это обман зрения или особый эффект лунного освещения. Но, подойдя поближе, я увидел, что иглы были действительно не зеленые, а сухие и увядшие, хотя они еще держались на ветках. Кроме того, я заметил, что стволы сосен казались высохшими и кора на них как будто облупилась. Этот серовато-коричневый лес тянулся на большое расстояние. Мне вспомнились слова Хикмэна: действительно, весь лес был мертвый. Это было подмечено метко! Деревья были съедены сосновым шелкопрядом¹.

Глава LXXXIII

БОЙ В КОЛЬЦЕ ВРАГОВ

Может показаться удивительным, что даже в такие тяжелые минуты мое внимание занимали подобные ботанические наблюдения. Но я сделал еще одно открытие, порадовавшее меня: хвоя постепенно меняла свой цвет под влиянием голубого света зари, слившегося с

¹ Огромные тучи шелкопряда, и особенно его личинки, развиваются под корой сосен, разъедают ствол и губят дерево в течение одного года. Во Флориде встречаются огромные пространства, покрытые мертвыми деревьями, погубленными этим насекомым. (*Примеч. автора.*)

желтоватым отблеском луны. Скоро должно было наступить утро.

Заметив, что занимается заря, мои спутники быстро поднялись с влажного ложа, на котором сверкала роса, и стали проверять подпруги у коней.

Мы были голодны, но надеяться на завтрак не приходилось. Мы приготовились обойтись без него.

Заря вспыхнула лишь несколько минут назад, и небо быстро светлело. Все было готово к выступлению.

Созвали часовых, кроме четырех, которых предусмотрительно оставили на посту до последней минуты. Лошади были отвязаны и взнузданы, они стояли под седлами всю ночь; винтовки были тщательно осмотрены и смазаны. Большинство моих товарищей побывали в сражениях и участвовали во многих военных кампаниях. Все меры предосторожности были приняты, чтобы обеспечить нам успех в предстоящей схватке. Мы надеялись еще до полудня настигнуть индейцев и преследовать их до самого логова. И хотя почти наверняка можно было ожидать кровопролития, все еще раз высказали твердую решимость двигаться вперед.

Несколько минут ушло на то, чтобы построиться в походном порядке. Было признано благоразумным отправить вперед несколько человек из наиболее опытных следопытов для осмотра леса, прежде чем в него вступит остальной отряд. Это избавило бы нас от внезапного нападения из засады. И снова, как и раньше, выбор пал на старых охотников.

Все приготовления были закончены, мы уже собирались тронуться. Всадники вскочили в седла, разведчики двинулись к краю леса, как вдруг на опушке послышались выстрелы и тревожные крики наших часовых. Они еще не сменились, и все четверо разрядили свои винтовки одновременно.

Выстрелы отозвались в лесу тысячами отголосков. Но это было не эхо, а настоящие выстрелы винтовок и мушкетов. Одновременно с ними раздался пронзительный воинский клич краснокожих.

Индейцы напали на нас.

Говоря точнее, они окружили нас. Все часовые вы-

стрелили сразу — значит, все четверо видели неприятеля.

В этом нам скоро пришлось убедиться. Со всех сторон гремел свирепый неприятельский клич, и пули уже начали свистеть неподалеку от нас. Без всякого сомнения, индейцы окружали поляну. Первые выстрелы неприятеля не причинили нам большого вреда. Пули задели двух или трех человек и ранили нескольких лошадей. По-видимому, наша позиция находилась пока еще вне досягаемости выстрелов. Большинство пуль падало прямо в пруд. Но если бы индейцы подползли ближе, их огонь мог бы стать для нас смертоносным: сбившиеся в кучу на открытом месте, мы представляли для них удобную мишень.

К счастью, наши зоркие часовые заметили их приближение и своевременно дали сигнал тревоги.

Это спасло нас.

Но все это приходит в голову позже. В самый критический момент невозможно успеть что-нибудь сообразить. Характер нападения был ясен. Нас окружили, и лучшим ответом были внимательные, обдуманные действия.

Неожиданное нападение в первую минуту произвело смятение в наших рядах. Крики воинов смешались с ржаньем лошадей, взвивавшихся на дыбы. Но скоро, заглушая весь этот гул и шум, прозвучал громовой голос Хикмэна:

— Долой с лошадей! Бегите к деревьям! Долой с лошадей, скорее! К деревьям — и прячьтесь за них! Или, клянусь дьявольским землетрясением, много мамашиных сынков сегодня потеряют свои скальпы! К деревьям! К деревьям!

Эта же мысль возникла и у других. Поэтому, прежде чем старый охотник договорил, все мгновенно спешили и разбежались в разные стороны. Каждый встал за дерево, лицом к лесу. Таким образом, возник замкнутый круг. Каждый был защищен сосновым стволом. Мы стояли спиной друг к другу и лицом к врагу.

Наши лошади, предоставленные самим себе, бешено метались по поляне. Их еще больше возбуждали

поводья и стремяна, которые бились об их бока. Многие из лошадей, проскакав мимо нас, ринулись в лес и там попали в руки индейцев или, прорвавшись мимо них, убежали в чащу.

Мы не пытались удержать их. Пули свистели около наших ушей. Выступить из-за стволов, служивших нам защитой, значило обречь себя на верную гибель.

Выгоды нашей позиции были очевидны уже с первого взгляда. Хорошо, что мы не сняли раньше часовых, а то индейцы застали бы нас врасплох: они подошли бы к самой окраине леса без криков и выстрелов, и мы оказались бы в их власти. Под прикрытием леса они были бы недостижимыми для наших винтовок. А мы на открытом месте попали бы под губительный огонь.

Теперь же у них не было перед нами большого преимущества. И нас и индейцев одинаково защищали стволы. Счастье наше, что все мы так быстро выполнили приказ Хикмэна!

В ответ на неприятельские выстрелы мы также не молчали: через несколько секунд наши винтовки вступили в игру. То и дело слышались резкие и сухие потрескивания выстрелов. И время от времени у нас вырывался торжествующий крик, когда кто-нибудь из индейцев, неосторожно выступивший из-за дерева, падал от выстрела.

И снова спокойный, ясный, громкий голос старого охотника прозвучал над поляной:

— Цельтесь наверняка, ребята, и стреляйте без промаха! Не тратьте зря ни крупинки пороха... У нас он кончится раньше, чем мы разделаемся с этими проклятыми! Не спускайте курок, пока не увидите глаза красногожого!

Это предупреждение заключало в себе глубокий смысл: многие из наших юношей отчаянно выпускали заряд за зарядом, увеча только стволы деревьев. Слова Хикмэна произвели желаемое действие и заставили их осторожнее обращаться с запасом пороха. Выстрелы стали слышаться реже, но частые торжествующие крики показывали, что почти каждый из них попадал в цель.

Через несколько минут после начала перестрелки схватка приняла иной характер. Дикий, устрашающий клич индейцев умолк. Только время от времени, сопровождая удачный выстрел, звучало торжествующее «ура», ободряющее наших товарищей, или «ио-хо-эхи», которым какой-нибудь индейский вождь вдохновлял своих воинов на битву. Выстрелы слышались всё реже. Стреляли только тогда, когда можно было прицелиться наверняка. Каждый был занят своей целью и не мог терять время на бесплодную перестрелку и праздную болтовню.

Может быть, во всей истории флоридских войн не найдешь рассказа о схватке, которая проходила бы в такой тишине. В промежутках между выстрелами бывали минуты, когда наступало злоеющее безмолвие.

Едва ли когда-нибудь битва шла при столь странном расположении воюющих сторон. Мы расположились двумя концентрическими кругами. Внешний круг — это был неприятель; внутренний, вокруг поляны, образовали мы. Расстояние между кругами было всего шагов сорок, но тем не менее ни одна сторона не рисковала вступить в рукопашный бой. Мы могли бы разговаривать с нашими противниками, не повышая голоса. Мы буквально могли целиться в белки их глаз! Вот как шел этот бой!

Глава LXXXIV

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ ДЖЕКА

Перестрелка продолжалась часа два, но в положении обеих сторон не произошло значительных перемен. Время от времени кто-нибудь перебегал от одного ствола к другому со скоростью снаряда, выпущенного из гаубицы, ища более надежной защиты или места, откуда можно было бы лучше прицелиться в намеченного противника.

Стволы деревьев не были достаточно толсты, чтобы защитить нас. Некоторые укрылись за ними, стараясь занять как можно меньше места. Приходилось стоять

во весь рост, плотно прижавшись к стволам. Иные лежали плашмя между выступавшими корнями и в таком положении вели стрельбу.

Перестрелка началась на восходе, а теперь солнце стояло уже высоко в небе. В лесу, даже в самой чаще, было светло. Обе стороны отлично видели друг друга, хотя преимущество индейцев заключалось в том, что наш тыл был открыт. Огромные массы высохшей хвои слетели вниз с веток и толстым слоем устлали землю, а оставшиеся наверху иглы образовали над нами как бы прозрачную тюлевую завесу, смягчавшую жгучие солнечные лучи. В лесу было достаточно света, чтобы дать нашим метким стрелкам возможность поразить любую цель величиной с доллар. Рука, нога, высунувшееся из-за ствола плечо, даже край одежды — все немедленно становилось мишенью и обстреливалось с любой стороны. Если бы кто-нибудь вздумал выставить голову хотя бы на десять секунд, он наверняка получил бы пулю в лоб, ибо с обеих сторон стрелки были необычайно меткие.

Так прошло два часа. Были у нас и потери, и дело не обошлось без нескольких «инцидентов», после которых острое чувство вражды вспыхивало еще сильнее. У нас оказалось несколько раненых — два из них тяжело — и один убитый. Это был юноша, любимец всего отряда. Смерть его вызвала новый взрыв ярости.

Потери индейцев были серьезнее. Мы видели, как они один за другим падали под нашими выстрелами. В нашем отряде было несколько лучших стрелков во всей Флориде. Хикмэн говорил, что он «взял на мушку» троих, а кого Хикмэн брал на мушку, в того уж безусловно попадала пуля.

Уэзерфорд уложил одного индейца наповал. В этом не было никакого сомнения: мы видели мертвое тело дикаря между деревьями, там, где он упал. Товарищи боялись оттащить труп, чтобы не попасть под смертоносный огонь этой ужасной винтовки.

Через некоторое время индейцы решили применить новую тактику. И тут выяснилось, что они оказались искуснее нас. Они стали по двое за каждым стволом.

Один из них стрелял, а другой в это время прицеливался. Вполне естественно, что тот из нас, кому предназначался выстрел, полагал, что теперь его врагу нужно время, чтобы снова зарядить ружье. Он ослаблял бдительность и становился жертвой второго стрелка.

Этот расчет оказался верным. Прежде чем мы разгадали эту хитрость, среди нас оказалось несколько раненых, а один был убит.

Такое коварство еще сильнее разъярило наших людей, тем более что мы не могли ответить тем же. Нам было слишком мало, и, если бы мы стали по двое за одно дерево, мы очень уж разрешили бы свою цепь. Поэтому нам пришлось сохранить прежние позиции и только принять еще большие меры предосторожности.

Один раз нам удалось расплатиться с индейцами их собственной монетой. Это сделали Черный Джек и я.

Мы стояли почти рядом за двумя деревьями. Против нас было трое дикарей, стрелявших все утро особенно остроточно. Одна из пуль пробила рукав моего мундира, а у Джека пуля вырвала клоч волос из его косматой головы. Но, к счастью, никто из нас не был ранен.

Одного из этих индейцев моему приятелю очень хотелось «убрать». Это был рослый дикарь в уборе из перьев грифа — по-видимому, вождь. Его лицо, время от времени мелькавшее из-за дерева, имело какой-то особенный ярко-алый оттенок. Оно блистало между деревьями, как второй солнечный диск.

Он возбудил особенную ненависть моего слуги. Видимо, индеец заметил цвет кожи Джека и во время перестрелки все время поддразнивал его. Индеец говорил на своем языке, но Джек знал этот язык достаточно хорошо. Джек был раздражен, разъярен и поклялся отомстить ярко-алому вождю.

Мне удалось помочь Джеку привести в исполнение задуманный план. Укрепив на палке свою фуражку, я немного высунул ее из-за ствола. Это была старая, всем известная хитрость, но индеец, по словам Джека, «попался на удочку». Ярко-красное лицо поднялось над зарослью пальметто, взвился дымок, и в ту же минуту пуля выбила фуражку из моих рук.

Но одновременно раздался другой, более громкий выстрел — это выстрелил Джек.

Я выглянул из-за дерева и увидел, что красное лицо, показавшееся из-за кустов, совсем побагровело. Алый цвет превратился в малиновый. Вслед за этим раскрашенный индеец тяжело рухнул на землю прямо в кусты.

Во время перестрелки индейцы не стремились приблизиться к нам, хотя, без сомнения, их было значительно больше. К группе, которую мы преследовали, присоединилась еще одна, равная ей по численности. На поляне скопилось не меньше ста индейцев — сейчас их было столько же, сколько в начале боя. Но они ограничивались тем, что осаждали нас. Быстро ринувшись вперед, они, конечно, могли бы сразу подавить нас своим численным превосходством. Но они знали, что, прежде чем им удастся подойти к нашей цепи, их ряды значительно поредеют и лучшие их волны падут. В таких случаях индейцы проявляют крайнюю осторожность. Они редко решаются напасть на противника, если тот засел даже в незначительном укреплении. Самый слабый форт, самая непрочная ограда может нередко устоять против краснокожих воинов Запада.

После того как их тактика потерпела неудачу в первой же атаке, они, казалось, не замыслили уже ничего нового и держали нас в осаде, понимая, что позиции нашп сильно ослаблены. Вскоре выстрелы стали раздаваться все реже и наконец почти прекратились. Но мы знали, что это не отступление. Напротив, мы увидели, что индейцы в нескольких местах развели костры. По-видимому, они собирались готовить себе завтрак.

Между нами не было ни одного, кто бы им не позавидовал!

Глава LXXXV

СКУДНЫЙ ОБЕД

Это временное перемирие не принесло нам облегчения: мы не рисковали отойти от своих деревьев. Находясь от воды буквально в двух шагах, мы умирали от

жажды. Лучше бы совсем не видеть нам этого сверкающего бассейна! Он только дразнил нас, причиняя нам муки Тантала¹.

Мы видели, как индейцы завтракали на своих боевых постах. Одни ели, а другие, ожидая своей очереди, пока что подносили им от костров пищу. Видно было, как женщины бродили взад и вперед, почти в черте досягаемости наших выстрелов.

Все мы были голодны, как отощавшие волки. Уже целые сутки, даже больше, у нас не было во рту ни крошки. А вид неприятеля, уплетающего свои запасы, еще больше возбуждал наш аппетит и разжигал нашу злобу.

Индейцы как бы издевались над тем, что мы умирали от голода.

Особенно неистовствовал Хикмэн. Он довел до всеобщего сведения, что «так голоден, что готов съесть целого индейца живьем, если только он попадется ему на зуб». И охотник выглядел достаточно свирепым, чтобы осуществить свою угрозу.

— При виде этих проклятых краснокожих, — ворчал он, — которые жрут мясо целыми тушами, тогда как у белых христиан нет даже и косточки, чтобы погрызть, любой нормальный человек может взбеситься и встать от ярости на дыбы! Клянусь аллигатором самого дьявола, что это именно так!

Нас окружало голое пространство, где даже такие люди, как Хикмэн и Уэзерфорд, не могли, казалось, добыть никакой пищи. И все же не было такого положения, из которого они не нашли бы какого-нибудь выхода. Они призывали на помощь всю свою изобретательность, и вдруг их осенила блестящая мысль. Они начали быстро разгребать сухую хвою, которая толстым слоем лежала на земле. Чего они искали? Червей? Личинок? Ящериц? Но нет, до этого еще дело не дошло. Как бы они ни были голодны, они вовсе не собирались питаться пресмыкающимися. У них возникла более

¹ Тантал — в древнегреческой мифологии преступный царь, осужденный богами на пытку: стоя по горло в воде, он не мог напиться, так как вода уходила от его губ.

светлая мысль, и скоро радостные восклицания возвестили нам, что поиски увенчались успехом.

Хикмэн держал в руке какую-то бурюю массу конической формы, несколько похожую на большой ананас. Оказалось, что это сосновая шишка — ее легко было отличить по размеру и форме. Хикмэн заорал на всю поляну:

— А ну-ка, друзья, соберите-ка эти древесные яйца да раскокайте их! Внутри есть зерна, или ядрышки, — это вполне подходящая закуска. Конечно, это вам не свинина и не кукурузная каша. Но у нас здесь нет поросенка с кашей. Поищите-ка в трухе вокруг себя — вы наверняка найдете целую кучу этих шишек.

Предложение было встречено с энтузиазмом, и все сразу бросились разрывать сухую хвою. Это были шишки сосен, которые нас окружали. Некоторые лежали на поверхности, прямо под рукой, а другие пришлось вырывать из-под земли с помощью шомполов и ружейных дул. Как бы там ни было, у каждого образовался порядочный запас этих «яиц». Мы с жадностью пожирали зерна. Их вкус всем нам понравился, но шишек было слишком мало, чтобы ими можно было насытить пятьдесят голодных желудков.

Некоторые остряки отпускали шуточки по поводу «завтрака всухомятку». Самые беспечные из нас весело смеялись, чистя шишки. Но, вообще говоря, нам было не до смеха — положение сложилось слишком серьезное. Пока стрельба прекратилась, у нас было достаточно времени заняться обсуждением грозящей нам опасности.

До сих пор нам как-то не приходило в голову, что нас в самом деле осаждают. Яростное напряжение боя не давало нам времени опомниться и поразмыслить о своей судьбе. Пока что мы расценивали перестрелку только как схватку, которая скоро должна была завершиться победой одной из сторон.

Но теперь нам стало ясно, что неприятель ведет правильную осаду. Мы были окружены со всех сторон, заперты как бы в крепости, но отнюдь не надежной. Единственным нашим укреплением было кольцо деревьев.

У нас не было даже наскоро сколоченного блокгауза, чтобы укрыть там своих раненых. Каждый стоял часовым на бессменном посту!

Наше положение было крайне опасным. Вырваться из осады не представлялось никакой возможности. Все наши лошади умчались. Только одна валялась мертвой у пруда. Она пала от пули, но эту пулю пустили не враги, а сам Хикмэн. Его поступок удивил меня. Но у охотника были свои особые цели, и только впоследствии я узнал о них.

Мы могли удержать свои позиции против неприятеля в пять раз более сильного, против любого неприятеля. Но чем питаться?

Жажды мы не боялись. Ночью будет легче: под покровом темноты мы сможем пробраться к пруду.

Сосновые шишки лишь отчасти выручили нас, но поблизости их больше не было. Мы должны будем сдать-ся под угрозой голода.

Мы свободно разговаривали, не сходя с мест, как будто стояли лицом к лицу и обсуждали наши перспективы. Они были довольно мрачными.

Чем все это кончится? Как нам выйти из этого опасного положения? Вот вопросы, которые переходили из уст в уста, которыми были заняты все умы.

Нам оставалась только одна надежда на спасение: сделать попытку под покровом ночи прорваться через неприятельскую цепь.

Риск был велик — нам предстояло пройти через строй противника.

Некоторым из нас, быть может даже многим, суждено было пасть, но кое-кто мог и спастись. Оставаться там, где мы были, значило принести себя в жертву. Помощи нам ждать было неоткуда. Да мы и не питали таких несбыточных надежд: мы великолепно понимали, что стоит нам ослабеть от голода — нас перебьют всех до одного.

Не желая подвергаться подобной участи, мы решили, пока есть силы, рискнуть пробиться сквозь ряды осаждающих; темнота будет благоприятствовать нам. Все мы с нетерпением ожидали заката солнца.

Время тянулось для нас очень долго не потому, что нечего было делать.

В течение дня индейцы много раз возобновляли перестрелку и, несмотря на нашу крайнюю бдительность, убили у нас еще одного человека и нескольких легко ранили.

В этих стычках выяснилось, что индейцы стремились подойти ближе к линии нашего фронта, перебегая вперед от дерева к дереву. Нам был понятен их план: они вовсе не желали сойтись с нами вплотную, хотя их численность могла бы оправдать такое стремление. Теперь их было еще больше, чем в начале боя: еще одна группа индейцев подошла к месту сражения. Мы слышали их радостные приветственные возгласы. Но, даже имея превосходство в силах, они не хотели вступать с нами в рукопашный бой. У них была иная цель наступления, и мы разгадали ее. Индейцы заметили, что, подойдя ближе, они смогут взять на мушку и тех из нас, которые находились на противоположной стороне поляны.

Теперь нам важнее всего было предотвратить этот маневр, поэтому мы решили удвоить свою бдительность. Мы стали зорко всматриваться в стволы деревьев, за которыми скрывались дикари, и наблюдали за ними, как охотник на хорьков наблюдает за их норами. Мы всеми силами мешали им подойти ближе. В попытках продвинуться вперед они не добились особого успеха: это стоило им жизни нескольких самых смелых воинов. Как только наши противники делали шаг вперед, раздавалось несколько выстрелов, и почти каждый некому-нибудь из них верную смерть.

Вскоре индейцам надоели попытки осуществить этот опасный маневр. С наступлением вечера они, по-видимому, отказались от своего намерения и решили продолжать осаду.

Мы обрадовались, когда зашло солнце и наступили сумерки. Они сулили нам желанную возможность вско-

ре подойти к пруду. Люди изнемогали, сходили с ума от жажды. Это продолжалось уже целый день.

Еще днем многие из нас собирались отправиться к пруду. Но более опытные предупредили их об опасности, а еще больше нас убедил в этом случай, свидетелями которого стали все. Один из нас, более отчаянный, чем остальные, решил рискнуть. Ему удалось добраться до пруда и вдоволь напиться воды. Но когда он поспешно возвращался назад, один из дикарей уложил его наповал. Это был наш последний убитый. Его мертвое тело лежало у нас перед глазами. Несмотря на мучения, которые мы испытывали от жажды, никто больше не отважился повторить эту рискованную попытку.

Наконец долгожданная тьма опустилась на землю. Только мерцание тусклого света еще не угасло в свинцовом небе. По двое и по трое люди выходили из-за деревьев и пробирались к пруду. Они двигались, как привидения, неслышными шагами, пригнувшись и легко ступая по траве. Мы не могли сделать вылазку все вместе, хотя всем хотелось поскорее утолить жажду. Но предостережение старого охотника сдерживало даже самых нетерпеливых, и они ждали, перенося ужасные мучения, пока другие не вернутся на свои места.

И мы поступали вполне благоразумно, так как индейцы, предвидя то, что должно произойти, начали обстреливать поляну еще сильнее. Гремели ружейные залпы. Индейцы разряжали свои винтовки впустую — темнота мешала им целиться: пули свистели и жужжали вокруг нас, как осы, но летели мимо.

Вдруг кто-то отчаянно закричал, что индейцы наступают. Все мы сейчас же врассыпную бросились от воды к деревьям. Многим так и не удалось глотнуть освежающей влаги.

Я все время неподвижно стоял за своим деревом. Рядом, как верный часовой, находился мой черный слуга. Мы условились, что пойдем пить по очереди. Джек настаивал, чтобы я пошел первым. Я уже почти поддался его уговорам, как вдруг противник снова открыл огонь. Мы опасались, что индейцы возобновят атаку, и нам пришлось остаться на месте.

Я стоял, «одним глазком» выглядывая из-за своего ствола, и держал ружье наготове. Я ждал огненной вспышки из винтовки своего противника. Вдруг руку мою подбросило вверх, и я выронил ружье.

Все было ясно: мою руку навывлет пробил пуля. Я слишком далеко выставил плечо и был ранен — только и всего.

Первым делом я взглянул на рану. Я ощущал довольно сильную боль, и это позволило мне точно определить место ранения. Я увидел, что пуля прошла через верхнюю часть правой руки, чуть пониже плеча, и дальше скользнула вниз по груди, оставив след на мундире. Из раны широкой струей хлынула кровь. Было еще достаточно светло, и я заметил это.

Я начал расстегивать мундир, чтобы перевязать рану.

Черный Джек уже был около меня; он разорвал на бинты свою рубашку.

Вдруг он с удивлением воскликнул:

— Что это такое, масса Джордж? Выстрел сделал сзади.

— Сзади? — переспросил я, осматривая рану.

У меня самого мелькнуло такое же предположение: я действительно почувствовал, что болит плечо сзади.

Внимательный осмотр раны и разорванной одежды убедил нас в справедливости нашей догадки. И я невольно воскликнул:

— Это верно, Джек! Значит, индейцы подошли к опушке леса с той стороны поляны. Теперь мы погибли! Мы оба оглянулись.

И в тот же миг, как будто в подтверждение нашей мысли, вторая пуля, очевидно пущенная с противоположной стороны, с глухим стуком впилась в ствол дерева, за которым мы стояли на коленях. Не оставалось никаких сомнений, откуда она была пущена. Мы видели вспышку и слышали выстрел.

Куда же девались наши товарищи на той стороне? Неужели они оставили свои посты и позволили подойти индейцам? Неужели они, пренебрегая своим долгом, отправились к пруду утолить жажду? Такова была на-

ша первая мысль. Но, всматриваясь в темноту под тенью сосен, мы никого не увидели около пруда. Это нас удивило. Мы громко окликнули товарищей. Ответа не было, его заглушил дикий вой индейцев. И в ту же минуту мы увидели зрелище, от которого кровь застыла у нас в жилах.

Вблизи от расположения индейцев, как раз напротив того места, где стояли мы с Джеком, внезапно, как из-под земли, вырвалось яркое пламя и взметнулось вверх. Оно поднималось рывками все выше и выше, пока не достигло вершин деревьев. Похоже было, что вспыхнуло большое количество пороха, подожженного на земле. Так оно в действительности и оказалось. Индейцы нитались поджечь лес.

Их попытка почти мгновенно увенчалась успехом. Как только язык пламени достигал засохших игл сосен, они вспыхивали, как трут, с быстротой выпущенных ракет.

Пламя разгоралось, ширилось и уже плясало над кронами самых высоких деревьев.

Мы оглянулись — и повсюду наш глаз видел одну и ту же картину. Дикий вой индейцев был сигналом к началу огненной осады. Пламя приближалось к нам со всех сторон. Огонь охватывал деревья, как сухую траву, и длинными языками вздымался к небу. Поляна была охвачена стеной пламени, алого, гигантского, ревущего... Весь лес был в огне!

Нас окружали клубы дыма, с каждой минутой он становился все гуще и гуще. Жара была уже невыносимой, и мы почти задохались.

Мы смотрели прямо в лицо смерти. Отчаянные крики людей заглушались ревом бушующего огня. Невозможно было слышать голос даже ближайшего товарища. Но мысли каждого можно было прочесть на лице, ибо, несмотря на дымовую завесу, поляна была озарена ярким светом и мы могли видеть друг друга с какой-то неестественной отчетливостью. На всех лицах, освещенных пожаром, ясно читались ужас и отчаяние. Но я уже ничего не чувствовал. Совершенно обессилев от потери крови, я хотел было отступить от дерева на открытое место,

видя, что так сделали другие. Но едва я успел отойти на два шага, как ноги подкосились и я без сознания рухнул на землю.

Глава LXXXVII

СУД СРЕДИ ПЛАМЕНИ

Падая, я подумал, что настал мой конец, что через несколько минут меня охватит пламя и я погибну мучительной смертью.

Эта мысль исторгла из моей груди слабый стон, и я потерял сознание. Я не ощущал ничего, словно был уже мертв. Если бы в эту минуту меня охватило пламя, я бы этого даже не ощутил; мог бы сгореть, превратиться в золу, не почувствовав никакой боли.

Я лежал в беспамятстве — ни образы, ни видения не витали передо мной. Мне казалось, что моя душа уже покинула свое земное жилище.

Но мне еще можно было вернуть жизнь. И, к счастью, под рукой нашлось спасительное средство.

Когда я пришел в себя, я прежде всего почувствовал, что лежу по горло в воде, прислонившись головой к берегу. Около меня на коленях, также наполовину погруженный в воду, стоял мой верный Черный Джек. Он щупал мне пульс и с тревогой вглядывался в мое лицо.

Когда же сознание начало возвращаться ко мне и я наконец открыл глаза, он радостно вскрикнул:

— Боже ты мой, масса Джордж, да вы живы! Слава создателю, вы живы! Держитесь бодрее, масса, вы сумеете... ну конечно, вы сумеете справиться с этим делом!

— Надеюсь, Джек, — отвечал я едва слышно.

Но как ни был слаб мой голос, это привело моего верного слугу в несказанный восторг, и он продолжал ликовать, испуская радостные восклицания.

Мне удалось приподнять голову, и я осмотрелся вокруг. Страшная картина представилась моим глазам, а света, чтобы как следует рассмотреть ее, было более чем достаточно.

Пламя, охватившее лес, продолжало бушевать с неистовым ревом; стоял оглушительный грохот, похожий на гром или шум урагана, в который иногда врывались шипящие ноты и резкий треск, напоминавший стрельбу из мушкетов, — как будто стрелял целый взвод. Казалось, что это снова открыли огонь индейцы, но это было невероятно. Они, по-видимому, давно уже отступили перед все расширяющимся кольцом всепожирающего пламени.

Но теперь стало как будто меньше пламени и дыма. Сухая листва и хвоя обратились в золу, а ветки падали на землю и лежали в густом слое тлеющих углей.

Над ними поднимались высокие стволы, лишенные ветвей и охваченные огнем. Хрупкая кора быстро разгоралась, а густая смола пылала ярким пламенем. Многие деревья прогорели почти насквозь и казались огромными железными колоннами, раскаленными до красна. Это походило на сцену в аду.

Жара стояла нестерпимая. Воздух дрожал от движения раскаленных слоев. Даже волосы на голове у меня оказались опаленными. На коже от ожогов вздулись пузыри. Воздух, который я вдыхал, напоминал пар, вылетающий из клапана паровой машины.

Я инстинктивно оглянулся кругом, ища своих товарищей. Человек двенадцать находились возле пруда, но это были далеко не все. Ведь нас было около пятидесяти... Где же остальные? Неужели они погибли в пламени? Где они?

Машинально я задал этот вопрос Джеку.

— Вон там, — отвечал он, указывая на воду. — Живы, здоровы и, кажется, все целы-целехоньки.

Я взглянул на пруд и увидел десятка три каких-то странных шаров. Это были головы моих товарищей. Как и я, они лежали по горло в воде и этим спасались от нестерпимой жары.

Но другие, там, на берегу, — почему они тоже не воспользовались этой остроумной уловкой? Почему они оставались в этой раскаленной атмосфере, задыхаясь от дыма? Тем временем дым начал рассеиваться, и очертания людских фигур стали яснее. Но они, как в тумане,

приняли гигантские размеры, и такими же огромными казались их винтовки.

Казалось, что они о чем-то возбужденно спорили. Среди них я узнал главных участников нашего отряда: Хикмана, Уэзерфорда и других. Хикман и Уэзерфорд — оба яростно жестикулировали, и я не нашел в этом ничего удивительного: несомненно, они обсуждали, как действовать дальше. Так я подумал в первый момент, но, взглядевшись внимательно, я понял, что ошибся.

Это было не обсуждение плана будущих действий. В минуты затишья, между двумя залпами трескавшихся сосен, я мог различить их голоса. И убедился, что у них шел ожесточенный спор. У Хикмана и Уэзерфорда время от времени вырывались негодующие восклицания.

В это мгновение среди дыма, который внезапно рассеялся, я увидел еще одну группу людей, несколько дальше от пруда. В этой группе было шесть человек, разбившихся на две части, по трое. Среднего крепко держали двое. Очевидно, это были пленные.

Неужели это индейцы? Два врага, которые среди хаоса пламени и дыма помчались неведь куда через поляну и были захвачены в плен?

Так я подумал сначала. Но в этот момент язык пламени, метнувшийся ввысь до самых вершин деревьев, озарила поляну потоком ослепительного света. Всю группу можно было видеть ясно как днем. Я больше не сомневался в том, кто были эти пленники. Я видел их бледные, искаженные от ужаса лица. Даже багровое пламя не могло придать им свой алый оттенок. Я сразу узнал этих людей: это были Спенс и Уильямс.

Глава LXXXVIII

БЫСТРАЯ РАСПРАВА

Я обратился к негру за разъяснениями, но, прежде чем он успел ответить, я уже сам сообразил, в чем дело. Мое собственное состояние подсказывало мне правиль-

мый ответ. Я вспомнил, что пуля, ранившая меня, и другая, засевшая в стволе дерева, были выпущены сзади. Я думал, что этим мы обязаны дикарям. Но нет! Худшие злодеи — Спенс и Уильямс — выпустили эти пули!

Ужас охватывал при этой мысли. Что же это за загадка? Тут я вспомнил события предыдущей ночи: поведение этих двух молодцов в лесу, подозрительные намеки старого Хикмэна и его товарища; и другие, более давние события, врезавшиеся в память, ясно встали передо мной.

Опять здесь приложил руку Аренс Ринггольд! Боже ты мой, подумать только, что это архичудовище...

— Они допрашивают двух негодяев, — сказал Джек. — Вот и все!

— Кого? — спросил я машинально, хотя уже знал, о ком шла речь.

— Масса Джордж, разве вы не видите их? Черт побери! Они белые, как облупленная гнилушка. Это ведь Спенс и Уильямс. Это они стреляли в вас, а вовсе не индейцы. Я сразу догадался и сказал массе Хикмэну. А масса Хикмэн сказал, что он и сам это видел. И масса Уэзерфорд тоже видел. Они видели, как те стреляли. Теперь они допрашивают их перед казнью — вот что они делают!

С каким-то странным интересом я снова взглянул на эту группу.

Огонь шумел уже не так сильно, смола почти вся сгорела, и легкие взрывы слышались гораздо реже. Голоса ясно донеслись ко мне с поляны. Я внимательно вслушивался в импровизированный судебный процесс. Там возник спор: судьи не пришли к единогласному решению. Одни требовали немедленной казни, другие возражали против такой быстрой расправы. Они считали, что для дальнейшего расследования пока нужно сохранить преступникам жизнь.

Некоторые даже отказались верить в такое неслыханное преступление: уж слишком чудовищным и неправдоподобным оно казалось. Какие мотивы руководили ими? Как обвиняемые могли решиться на подобное

злодеяние, когда их собственная жизнь была в непосредственной опасности?

— Ничуть не в опасности! — воскликнул Хикмэн, отвечая на вопросы товарищей. — Да они за весь день не выпустили ни одного заряда! Говорю вам, что между ними и индейцами заключено соглашение. Они были шпионами. Их вчерашние предательские выстрелы — лучшее доказательство этому. Это все чушь, обман, будто они заблудились! Это они-то заблудились? Да они знают этот лес лучше, чем любой зверь. Они здесь побывали сотни раз, даже слишком часто. Фу ты, черт! Разве вы когда-нибудь слышали о заблудившемся еноте?

Кто-то стал возражать ему. Я не слышал слов, но голос охотника снова зазвучал ясно и отчетливо:

— Вы тут болтаете об их «мотивах». Я полагаю, вы имеете в виду причины, которые толкнули их на такое кровавое дело. Ладно, я и сам не совсем их понимаю, но кое-что подозреваю. За последние пять лет я много слышал о темных делишках этих молодчиков. Но гсворю вам, ребята, что последний поступок превзошел все, что можно было бы себе представить.

— Уверены ли вы, что действительно видели вспышку огня в этом направлении?

Этот вопрос был задан высоким пожилым человеком сурового и благообразного вида. Я узнал в нем одного из наших соседей, богатого плантатора и хорошего знакомого моего дяди. Как друг нашей семьи он счел необходимым присоединиться к нашему походу.

— Конечно, — ответил Хикмэн. — Разве мы с Джимом не видели всего этого собственными глазами? Мы за этими гадами наблюдали весь день. Мы уверены были, что они замышляют какую-нибудь пакость. Мы видели, как они стреляли через поляну и целились в молодого Рэндольфа. Да и негр видел это. Каких еще доказательств вам нужно?

В эту минуту над моим ухом раздался голос Джека.

— Масса Хикмэн, — закричал он, — если нужно еще доказательство, так негр может его дать! Одна из пуль пролетела мимо массы Джорджа и попала в дерево, в

шелковицу, за которой мы стояли. Оно еще не сгорело. Джентльмены, я думаю, что вы найдете пулю. Тогда можно будет узнать, к какому ружью она подойдет.

Это предложение было немедленно принято. Несколько человек кинулись к дереву, около которого мы стояли с Джеком. Оно почему-то не загорелось, его обугленный, черный ствол все еще высился в самом центре пожара. Джек побежал и указал точное место. Обследовали кору, нашли отверстие от пули, и свинцовый свидетель был осторожно извлечен. Пуля еще сохранила свою круглую форму и лишь слегка была поцарапана нарезками в дуле. Эта пуля годилась только для винтовки большого калибра. Все знали, что такое ружье было у Спенса. Принесли ружья всего отряда и стали поочередно примерять пулю. Она не вошла ни в какую другую винтовку, кроме винтовки Спенса.

Вина была доказана. Приговор вынесли незамедлительно: все единодушно решили, что преступники должны умереть.

— Собаке — собачья смерть! — сурово произнес Хикмэн, негодующе возвысив голос и поднимая ружье. — Джим Уэзерфорд, бери их на прицел!.. А вы, ребята, отойдите прочь. Мы дадим им еще один шанс сохранить их проклятую жизнь. Пусть, если хотят, бегут к тем деревьям, а то очутятся в еще более жарком месте... Да отпустите же их, отпустите, говорю я вам, или, черт вас всех раздери, я буду стрелять в самую середину толпы!

Видя угрожающую позу охотника и боясь, что он и вправду начнет стрелять, те, кто держал преступников, бросили их и подбежали к судьям.

Негодяи, по-видимому, были совершенно ошеломлены. Ужас отражался на их лицах, они не могли произнести ни слова, не могли сделать ни шагу, они как будто были прикованы к месту. Ни один из них не сделал попытки бежать. Вероятно, абсолютная невозможность такой попытки была очевидна им самим и убивала в них всякую волю к действию. Они не могли спастись бегством с поляны. Предложение удрать в чащу леса

Пеготчи как будто были прикованы к месту.

было только язвительной насмешкой со стороны рассви-репевшего охотника. Бежать было нкуда: в десять секунд они изжарились бы среди пылающих стволов и ветвей.

На минуту все затаили дыхание. В тишине был слышен только один голос — голос Хикмэна:

— Джим, Спенса поручаю тебе, а другого беру на себя.

Эти слова были сказаны почти шепотом. Едва охотник произнес их, как одновременно прогремели два выстрела.

Когда дым рассеялся, перед взорами всех предстала картина расстрела. Казнь была совершенна. Презренные изменники прекратили свое земное существование.

Глава LXXXIX НЕОЖИДАННЫЙ ВРАГ

Как в театре после волнующей мелодрамы иногда ставится водевиль, так и за этой трагической сценой последовала сцена в высшей степени целепая и комическая. Она вызвала у всех нас смех, который при данных обстоятельствах скорее всего походил на смех сумасшедших. Действительно, нас можно было принять за маниаков, которые предавались бурному веселью, хотя будущее наше было мрачным и угрюмым — нас ожидала почти верная смерть от руки дикарей или от голода.

Индийцев в этот момент мы, пожалуй, не боялись. Пламя, которое выгнало нас из леса, заставило и их покинуть свои позиции, и мы знали, что теперь они далеко. Опаленные ветки свалились с сосен, хвоя совершенно сгорела, и лес просматривался на огромном расстоянии. Через просветы между алыми тлеющими стволами открывалась перспектива чуть ли не на тысячу ярдов вперед. По шипенью пламени и непрерывному треску ветвей мы могли догадаться, что уже и другие деревья были охвачены пламенем

Этот треск все отдалялся от нас и напоминал слабые раскаты отдаленного грома. Сначала можно было подумать, что пожар прекращается. Но багровый отблеск над лесом, наоборот, свидетельствовал о том, что пламя продолжает распространяться. Шум и треск слышались слабее потому, что доносились к нам издали. Наши враги, вероятно, ушли еще дальше, за пределы зоны пожара. Они скрылись из леса, как только подожгли его, и теперь, должно быть, ожидали в саванне результатов своей деятельности.

С какой целью они подожгли лес — нам было не совсем ясно. Может быть, они надеялись, что пламя охватит весь лес и мы сгорим заживо или задохнемся в дыму. Так оно и случилось бы, если бы поблизости не оказался пруд. Мои товарищи говорили, что дым причинил им страшные мучения. Они задохнулись бы, если бы не бросились в пруд и не высунули головы из воды, уровень которой был на несколько футов ниже уровня земли. Это произошло, когда я лежал без сознания. Мой верный негр притащил меня из леса и опустил в воду, где были все наши товарищи. Он думал, что я уже умер.

Позднее, когда дым немного рассеялся, начался суд над изменниками. Беспощадный приговор был приведен в исполнение, и бывшие судьи снова кинулись в воду, чтобы спастись от невыносимой жары.

Только двое, казалось, не чувствовали жары и остались на берегу. Это были Хикмэн и Уэзерфорд.

Я увидел, как они с ножами в руках нагнулись над каким-то темным предметом. Это была лошадь, которую утром пристрелил Хикмэн. Теперь я понял, почему он ее убил: он еще раз доказал свою инстинктивную предусмотрительность, которая была его отличительной чертой.

Охотники сняли с лошади кожу и вырезали несколько кусков мяса. Затем Уэзерфорд пошел к горящим деревьям, быстро собрал несколько пылающих головней, притащил их к пруду и развел костер. Хикмэн и Уэзерфорд, усевшись на корточках, начали жарить куски конины на вертелах, сделанных из сучьев молодых

деревьев. При этом они беседовали так весело и хладнокровно, как будто сидели у камелька в своих собственных хижинах.

Прочие голодающие немедленно последовали примеру охотников. Муки голода одолели страх перед бушующим пламенем. Через несколько минут десятки людей, как коршуны, набросились на убитую лошадь, рубя и кромсая на куски ее тушу.

Здесь-то и произошел комический эпизод, о котором я упомянул выше. Все мы оставались в пруду, кроме тех, кто был занят варварской стряпней. Мы лежали рядом в воде у берега круглого водоема и никак не думали, что кто-нибудь может нас теперь потревожить. Мы больше не боялись огня, а индейцы были от нас далеко.

Вдруг возле нас появился новый враг. Из самой середины пруда, где было глубже всего, поднялась какая-то чудовищная масса. В тот же момент до нашего слуха донесся громкий рев, как будто на поляну выпустили целое стадо буйволов. Вода мгновенно взволновалась, вспенилась, и целый фонтан брызг обрушился нам на голову.

Хотя это появление было внезапным и фантастическим, в нем все-таки не было ничего таинственного. Огромное, отвратительное туловище, идущий из самой утробы рев, похожий на мычанье быка, — все это было нам хорошо знакомо. Это был всего-навсего аллигатор.

Вероятно, мы не обратили бы на него особенного внимания, если бы он не отличался огромными размерами. Его длина почти равнялась диаметру пруда, а в разинутой пасти виднелись страшные зубы. Он мог проглотить любого из нас одним глотком. Его рев внушал ужас даже самым смелым.

Сначала зверь буквально ошеломил нас. Испуганные взоры тех, кто укрылся от пламени в воде, суматоха, растерянность, неуклюжие попытки выбраться из воды, паника на берегу, где каждый сломя голову бросился бежать куда попало, — это было поистине смешное зрелище.

Не прошло и десяти секунд, как огромный аллигатор стал полным властителем пруда. Он продолжал ре-

веть, колотя по воде хвостом и как бы торжествуя при виде нашего отступления.

Однако торжествовать ему пришлось недолго. Охотники взялись за винтовки, и десяток пуль сразу прикончил страшного зверя. Те, кто был на берегу, уже давились от смеха, глядя на испуганных беглецов. И сами беглецы, оправившись от страха, вместе с остальными хохотали на весь лес. Если бы индейцы слышали нас в этот момент, они вообразили бы, что мы сошли с ума или, что еще более вероятно, мы уже погибли, а наши голоса — это голоса их умерших друзей, которые во главе с великим духом Уикомэ ликуют при виде страшной картины человеческих жертв, обреченных на сожжение.

Глава ХС

СТОЛКНОВЕНИЕ В ТЕМНОТЕ

Лес продолжал гореть всю ночь, весь следующий день и еще одну ночь. Даже на третий день многие деревья все еще горели. Только теперь они уже не пылали, — так как стояла тихая погода и пламя не взвивалось бурными языками, — а тихо тлели. Во многих деревьях огонь тлел где-то внутри, постепенно угасая. Кое-где огонь совсем погас; обугленные стволы уже ничем не напоминали деревья, которые торчали, как высокие остроконечные пики, черные, обожженные, словно обильно смазанные дегтем. Хотя часть леса и выгорела, выбраться из него пока что было довольно трудно. Мы все еще находились в осаде. Огненная стихия, окружавшая поляну, замыкала нас в узкие границы этого пространства, словно враждебная армия, в двадцать раз превышавшая нас числом. Ни о каких подкреплениях не могло быть и речи. Даже враги не могли снять с нас эту осаду.

Дальновидность старого охотника оказала нам большую услугу. Если б у нас не было лошади, мы страшно страдали бы от голода. Четыре дня мы питались только семенами сосновых шишек. Конина пришлась очень

кстати. Но мы все еще были замкнуты в огненном кольце. У нас был только один выход: оставаться на месте до тех пор, «пока лес не остынет», как выразился Хикмэн.

Мы надеялись, что через день уже сможем безопасно пройти по остывшему пеплу между обуглившимися стволами. Но от этого наше будущее не становилось менее мрачным. Если страх перед огнем уменьшался, то соответственно возрастал страх перед жестоким врагом.

Вряд ли мы сможем выбраться из леса, не повстречавшись с индейцами. Они, конечно, так же как и мы, ожидали той минуты, когда можно будет войти в лес. Избежать вооруженного столкновения было невозможно. Мы должны были прорваться через вражеский строй!

Но теперь все мы ожесточились и стали храбрее. Сами робкие вдруг преисполнились отваги, и ни один не подал голоса за то, чтобы скрыться или отступить назад. На жизнь или на смерть, но мы решили идти все вместе, прорваться через неприятельскую цепь и победить или умереть. Это был наш старый план, с весьма незначительными изменениями.

Мы ждали только ночи, чтобы привести его в исполнение. Вряд ли можно было надеяться на то, что лес уже совершенно остынет, но голод снова начинал напоминать о себе. Лошадь мы уже съели — ведь она была не бог весть какая большая. Нелегко ублаготворить пятьдесят голодных желудков. От лошади остались только кости, обглоданные дочиста, а те, в которых нашелся костный мозг, были разломаны на куски и высосаны до последней капли. Даже от омерзительного пресмыкающегося остался только один скелет.

Ужасное зрелище представляли собой тела двух казненных преступников. От жары они раздулись до огромных размеров. Началось разложение. Воздух был насыщен отвратительными миазмами...

Тела наших павших в бою товарищей были преданы земле. Говорили, что то же самое следовало бы сделать и с казненными. Никто не возражал против этого, но

и никто не хотел рыть им могилу. В таких случаях людей обычно охватывает непреодолимая апатия: главным образом поэтому тела двух изменников так и остались непохороненными.

Не сводя взоров с запада, мы с нетерпением ожидали захода солнца. Пока огненный шар еще плыл по небу, мы могли только гадать о размерах пожара. Но мы надеялись, что ночью сумеем определить точнее, какая часть леса горит и куда нам надлежит двигаться: само пламя поможет нам спастись от пожара.

Когда наступили сумерки, нетерпение наше достигло предела, и вместе с тем воскресла надежда. Потрескивание сухих, обугленных стволов почти прекратилось, и дым еле заметно поднимался вверх. Мы надеялись, что пожар заканчивается и наступает время, когда мы сможем пересечь опасную зону.

Скоро еще одно неожиданное обстоятельство превратило нашу надежду почти в уверенность. Пока мы ждали, начал накрапывать дождь. Сначала с неба падали отдельные крупные капли, но через несколько минут пошел такой ливень, как будто разверзлись все хляби небесные. Мы радостно приветствовали этот ливень: он был для нас добрым предзнаменованием. Нам едва удалось удержать нетерпеливых юнцов, которые сразу хотели броситься в лес. Но благоразумие победило, и в непроницаемой тьме мы продолжали ждать.

По-прежнему шел проливной дождь, и тучи, окутавшие небо, как бы ускоряли наступление ночи. Когда совершенно стемнело, ни одна искра света не мерцала между деревьями.

— Уже достаточно темно, — настаивали самые нетерпеливые.

Наконец мы все двинулись вперед, в черное пространство уничтоженного пожаром леса. Мы шли в полном молчании, держа ружья наготове. В одной руке я нес ружье, а другую держал на перевязи.

Не я один был так искалечен — многие из моих товарищей оказались ранеными в руку. Впереди шли самые сильные. Возглавляли отряд два охотника, а раненые плелись сзади.

Дождь не переставал лить, и мы промокли до костей. Над нами уже не было листвы и хвои, чтобы защитить нас от дождя. Когда мы проходили под обгорелыми ветвями, на нас сверху сыпался черный пепел, но потоки воды сейчас же смывали его с наших лиц. Большинство из нас шли с обнаженной головой. Сняв фуражки, мы укрыли ими затворы винтовок, чтобы сохранить их сухими. Некоторые завернули пороховую затравку в подкладку своих курток.

Так мы прошли около полумили. Мы и сами не знали, куда идем. В таком лесу никакой проводник не смог бы отыскать дорогу. Мы только старались идти прямо и не попасть в лапы к противнику.

До сих пор нам сопутствовало счастье, и мы уже начинали надеяться, что все обойдется благополучно. Но, увы, это была недолгая радость. Мы недооценивали силу и хитрость наших врагов — индейцев.

Как выяснилось впоследствии, они все время наблюдали за нами, следили за каждым нашим шагом и шли по обе стороны от нас двумя параллельными рядами. Нам казалось, что мы в полной безопасности от индейцев, а на самом деле мы находились между ними.

Вдруг сквозь потоки ливня блеснул огонь из сотен винтовок и кругом засвистели пули... Это были первые признаки близости врага.

Несколько человек из нашего отряда были убиты на месте, другие начали отстреливаться, кое-кто пытался спасти свою жизнь бегством.

Индейцы с громкими криками окружили нас со всех сторон. В темноте казалось, что их больше, чем деревьев в лесу. Слышались только редкие выстрелы из пистолетов. Никто уже больше не заряжал винтовок. Неприятель окружил нас, прежде чем мы успели вложить заряд. Теперь решить битву должны были ножи и томагавки.

Это была короткая, но кровопролитная схватка. Немало наших храбрецов нашли здесь свою смерть. Но каждый из них, прежде чем пал, уложил хотя бы одного врага, а многие — даже двоих или троих.

Вскоре нас разгромили. Да иначе и быть не могло

при пятикратном превосходстве врагов. Все они были крепкие и свежие, а мы — измучены и истощены голодом. К тому же многие из нас были ранены. Какого же иного исхода можно было ожидать?

Я почти ничего не смог рассмотреть в этой схватке. Да и вряд ли кто-нибудь видел больше меня: борьба шла чуть ли не в полной темноте.

Я мог действовать только левой рукой и был почти беспомощен. Я наугад выстрелил из винтовки, и мне удалось вытащить пистолет. Но в этот момент удар томагавка заставил меня выронить оружие из рук, и я, потеряв сознание, упал на землю.

Удар только ошеломил меня. Когда я пришел в себя, я убедился, что бой кончен. Несмотря на мрак, я разглядел рядом с собой какие-то темные груды — это были тела убитых.

Здесь лежали и мои друзья и мои враги. Многие из них крепко обхватили друг друга в последнем объятии. Индейцы нагибались над ними и разнимали их. Над белыми они совершали свой отвратительный ритуал смерти — снимали с них скальпы.

Невдалеке от меня стояла группа людей. Человек, находившийся в центре, был, по-видимому, начальником. В темноте я разглядел три колеблющихся страусовых пера у него на голове. Опять Оцеола!

Я не мог распоряжаться собой, а то сразу кинулся бы на него, даже сознавая всю бессмысленность этой попытки. Два дикаря стояли около меня на коленях и держали, чтобы я не убежал.

Неподалеку я увидел своего верного негра, еще живого и тоже в руках двух индейцев. Почему же они не убили нас?

От группы, столпившейся вокруг предводителя, отделился человек и подошел ко мне. Оказалось, что это не вождь со страусовыми перьями, а его посланец. В руке он держал пистолет. Я понял, что наступил мой последний час.

Он нагнулся и поднес пистолет к моему уху. Но, к моему удивлению, человек выстрелил в воздух.

Я решил, что он промахнулся и сейчас же снова вы-

стрелит. Но я ошибся: очевидно, ему необходим был свет.

При вспышке выстрела я взглянул ему в лицо. Это был индеец. Мне показалось, что я где-то раньше видел его. Очевидно, и индеец знал меня.

Он быстро отошел и приблизился к месту, где лежал пленный Джек. У пистолета, должно быть, было два дула. Я слышал, как индеец снова выстрелил, склонившись над распростертым телом негра.

Затем индеец поднялся и крикнул:

— Это они! И оба живы!

По-видимому, эта весть предназначалась для вождя в уборе из черных перьев. Услышав слова индейца, вождь что-то воскликнул — я не понял, что именно, — и отошел в сторону.

Его голос произвел на меня странное впечатление, он показался мне не похожим на голос Оцеолы. Мы недолго оставались на этом месте. Привели лошадей, нас с Джеком подняли и крепко привязали к седлам. Затем был дан сигнал к отправлению, и мы тронулись в путь через лес. По обоим сторонам, охраняя нас, ехали всадники-индейцы.

Глава ХСІ

ТРИ ЧЕРНЫХ ПЕРА

Мы ехали всю ночь. Сожженный лес остался далеко позади. Мы пересекли саванну и вступили в другой лес — из гигантских дубов, пальм и магнолий. Я узнал это по запаху цветов магнолии. Их тонкий и освежающий аромат было приятно вдыхать после отравленной атмосферы, которой мы дышали до сих пор.

На рассвете мы выехали на поляну, где наши прогивники сделали привал.

Это была небольшая поляна, всего несколько акров в длину и ширину, окруженная со всех сторон тесными рядами пальм, магнолий и дубов. Их листва склонялась почти до земли, так что поляна казалась огражденной огромной и непроницаемой зеленой стеной.

При тусклом свете утра мне удалось рассмотреть лагерь индейцев. Тут были разбиты две или три палатки, рядом с ними привязаны лошади; вокруг стояли и лежали в траве несколько человек, тесно прижавшись друг к другу — очевидно, для того, чтобы согреться. Посреди поляны пылал большой костер. Вокруг него также толпились мужчины и женщины.

Нас приволокли на край лагеря. Времени для наблюдений у нас было немного, так как сразу же после прибытия нас грубо стащили с лошадей и швырнули в траву. Затем нас, связанных по рукам и ногам, растянули на спине, как две шкуры, разостланные для просушки, и крепко привязали к колышкам, вбитым в землю.

В таком положении мы, разумеется, уже не могли видеть ни лагеря, ни деревьев, ни даже земли. Мы только видели над собой голубое небо.

При любых обстоятельствах такое положение было бы мучительно. Раненая рука делала его просто невыносимым. Вокруг нас собралось почти все население лагеря. Мужчины еще раньше вышли встречать нас, а теперь женщины столпились вокруг наших распростертых тел. Среди них попадались индейские скво, но, к моему удивлению, большинство женщин были родом из Африки — мулатки, самбо и негритянки.

Они теснились вокруг нас, дразнили нас и издевались над нами. Некоторые даже мучили нас: плевали нам в лицо, вырывали волосы и втыкали в тело шипы. При этом они все время вопили в каком-то дьявольском восторге и болтали на непонятном жаргоне, который показался мне смесью испанского и языка ямасси. С Джеком обращались не лучше, чем со мной. Одинаковый цвет кожи не вызывал никакого сочувствия у этих дьяволиц в юбках: и черный и белый равно были жертвами их адской ярости.

Часть слов их жаргона мне удалось разобрать. Благодаря знакомству с испанским языком я наконец уразумел, что они собирались делать с нами.

То, что я узнал было довольно безотрадно: нас привезли в лагерь, чтобы подвергнуть пытке. По-видимому,

те мучения, которые мы перенесли до сих пор, казались им недостаточными и впереди нас ждали еще бóльшие. Нашу казнь собирались превратить в зрелище для свирепой толпы, и эти ведьмы ликовали, предвкушая наслаждение, которое им должны были доставить наши страдания. Поэтому нас не убили тут же на месте, а взяли в плен.

В чьи же страшные лапы мы попали? Неужели это были человеческие существа? Неужели это были индейцы? Неужели это были семиналы, до сих пор никогда не пытавшие своих пленников?

Как бы в ответ на мой вопрос вокруг нас раздались дикие крики. Все голоса слились в один клич, в одни и те же слова:

— Мулатто-мико! Мулатто-мико! Да здравствует Мулатто-мико!

Топот копыт возвестил о прибытии конного отряда. Это были те, кто участвовал в бою, кто одолел нас и взял в плен. В ночном походе с нами находилось только несколько воинов охраны, и они доставили нас в лагерь. Вновь прибывшие оказались воинами главного отряда войск, которые оставались на поле битвы, чтобы завершить сбор трофеев и ограбление павших врагов.

Я не мог видеть их, хотя они были совсем близко; я слышал только топот их лошадей. Я лежал и слушал эти многозначительные слова:

— Мулатто-мико! Да здравствует Мулатто-мико!

Мне было хорошо известно прозвище «Мулатто-мико», и я внимал этим крикам с ужасом и отвращением. Мои опасения достигли теперь высшего предела. Меня ждала ужасная судьба. Если бы рядом со мной очутился сейчас сам дьявол, вряд ли эта мысль могла бы быть более утешительной.

Мой товарищ по плену разделял все мои опасения. Мы лежали рядом и могли переговариваться между собой. Сравнив наши предположения, мы обнаружили, что они полностью совпадают.

Вскоре у нас уже не оставалось никаких сомнений. Над нашими ушами прозвучало приказание, отданное грубым голосом. Оно заставило женщин разбежаться в

разные стороны. Сзади раздались тяжелые шаги, и прямо передо мной остановился человек. В следующее мгновение его тень упала на мое лицо. Я увидел, что передо мною стоит сам Желтый Джек!

Несмотря на краску, скрывавшую естественный цвет его лица, несмотря на вышитую бисером рубашку, пояс и узорчатые штаны, несмотря на три черных пера, качавшихся над его головой, я сразу узнал мулата.

Глава XIII

ЗАКОПАНЫ И СОЖЖЕНЫ

Мы оба уже были готовы к встрече с ним. Общий крик «Мулатто-мико» и затем голос, который мы услышали, предупредили нас об этой встрече. Мне казалось, что при одном взгляде на него я содрогнусь от ужаса. Но, как ни странно, произошло обратное. Я вовсе не испугался, а, напротив, почувствовал нечто похожее на радость при виде этих трех черных перьев над его хмурым лицом.

Я не слыхал его злобных насмешек, не замечал его гневных взглядов. Я не спускал глаз со страусовых перьев. Они были путеводной звездой всех моих мыслей. То, что они находились на уборе короля-мулата, разъясняло многие тайны. Ложные подозрения были вырваны из моей груди. Спаситель и герой, которым я восхищался, не был изменником. Оцеола не был изменником! Думая об этом, я почти забыл об угрожавшей мне опасности. Но голос мулата снова вернул меня в реальный мир.

— Черт вас возьми! — закричал он, и в его голосе послышалось злобное торжество. — Наконец-то я отомщу! И обоим сразу, черному и белому, господину и рабу, моему мучителю и моему сопернику! Ха-ха-ха! Они привязали меня к дереву, — продолжал он с хриплым смехом, — и хотели сжечь, сжечь живьем! Но теперь настала ваша очередь! Деревьев здесь хватит. Но нет, у меня другой план. Черт побери, да! Гораздо лучший

Пас приподняли и посадили лицом к лагерю.

плав. От костра пленники иногда убегают. Ха-ха-ха! Нет, прежде чем сжечь вас, мы вам кое-что покажем... Эй, вы, — обратился он к своим людям, — развяжите им руки, поднимите их обоих и посадите лицом к палаткам... Достаточно, достаточно, так, хорошо... Ну, белый мерзавец и черный мерзавец, смотрите! Что вы там видите?

По его приказанию несколько человек вынули из земли колышки, отвязали наши руки, приподняли нас и посадили лицом к лагерю.

Уже совсем рассвело, и солнце ярко светило. Мы ясно видели весь лагерь, палатки, лошадей и пеструю толпу людей.

Но мы смотрели не туда. Только две фигуры привлекали все наше внимание: это были моя сестра и Виола.

Виргиния вскочила и пыталась броситься ко мне.

Они опять застыли в той же позе, как и тогда, когда я увидел их первый раз ночью. Виола сидела с опущенной головой, а Виргиния положила ей голову на колени.

Волосы у обеих были распущены, и черные косы сплетались с золотыми локонами. Вокруг стояла охрана. Девушки, по-видимому, не замечали, что мы здесь.

Вскоре предводитель послал одного из своих слуг, чтобы сообщить пленницам о нас. Мы видели, как они вздрогнули, когда посланный подошел к ним. Глаза их обратились в нашу сторону. Раздался пронзительный крик: они нас узнали.

Обе девушки закричали вместе. Сестра назвала меня по имени. Я ей ответил. Она вскочила, отчаянно всплес-

нула руками и пыталась броситься ко мне. Но стражи схватили ее и грубо оттащили в сторону. О, это было страшное зрелище! Мне легче было бы, вероятно, умереть!

Дальше нам смотреть не дали. Нас снова опрокинули на спину и привязали к колышкам. Мулат стоял над нами, осыпая нас презрительными прозвищами. Но, что еще хуже, он позволял себе мерзкие намеки на сестру и Виолу. О, как ужасно было мне выслушивать все это! Если бы нам в уши влили расплавленный свинец, мы, вероятно, не испытывали бы таких мучений.

Для нас было почти облегчением, когда он замолчал. Начались приготовления к казни. Нам была уготована какая-то ужасная смерть, но какая именно, мы еще не знали.

Мы недолго оставались в неведении. Туда, где мы лежали, подошли несколько человек с лопатами и кирками в руках. Это были негры — старые работники с плантаций; они знали, как обращаться с этими орудиями. Негры остановились около нас и начали копать яму. О боже, неужели нас закопают живыми? Эта мысль первой мелькнула у нас. Она была ужасна, но оказалась ложной. Чудовище готовило нам еще более страшную смерть.

Молча, с серьезным и торжественным видом могильщиков негры продолжали работать. Мулат стоял рядом и давал указания. Он был полон неудержимого веселья, то издеваясь над нами, то хвастаясь тем, какое искусство он проявит, выступив в роли палача. Женщины и воины, собравшиеся кругом, смеялись над его остротами и сами иногда пытались внести свой вклад в это зловещее остроумие, после чего раздавались взрывы демонического смеха. Мы легко могли представить себе, что находимся в аду, среди гримасничающих дьяволов, которые каждую минуту наклонялись над нами и ухмылялись нам прямо в лицо, как будто находили особое удовольствие в наших мучениях.

Мы заметили, что между ними мало семинолов. Здесь были индейцы с почти черным цветом кожи. Они принадлежали к племени ямасси, некогда покоренному

семинолами и растворившемся среди них. Большинство присутствующих были негры, самбо, мулаты — потомки испанских маронов¹, а также беглые с американских плантаций. Последних было, видимо, очень много, потому что теперь то и дело слышалась английская речь. Несомненно, в этой пестрой толпе были и наши рабы, но они не подходили близко, а я видел только лица тех, кто нагибался ко мне.

Менее чем в полчаса работа могильщиков была окончена. В землю вбили специальные столбы для сожжения на костре, и нас потащили к месту, где они были установлены.

Как только я сумел повернуться, я взглянул туда, где раньше видел сестру и Виолу, но их уже не было. Их увели в палатку или в кусты. Девушек пощадили — им не придется увидеть ужасное зрелище, хотя трудно было предполагать, что злодей удалил их отсюда именно по этой причине.

Перед нами зияли две черные, глубокие ямы. Но это были не могилы. А если это и могилы, то, очевидно, нас собирались похоронить в вертикальном положении. Если необычайной и странной была форма могил, то такой же была и цель, с которой их вырыли. Вскоре все стало ясно.

Нас подвели к краю могилы, схватили за плечи и опустили в землю. Ямы оказались нам как раз по горло. Негры быстро забросали ямы землей и притоптали ее. Теперь на поверхности оставались одни наши головы.

Положение было действительно нелепое. Мы сами могли бы рассмеяться, если бы не знали, что находимся в своих могилах.

Толпа дьяволов с интересом наблюдала за нами, разражаясь по временам взрывами дикого хохота.

¹ Мароны — беглые рабы, сбегавшие с плантаций и жившие в лесах, горах и болотах. Маронов было много на Кубе, Ямайке, Гаити, в Бразилии и в странах Центральной Америки. Они были активными участниками восстаний рабов.

Что же дальше? Пришел ли конец нашим пыткам и нас оставят умирать здесь ужасной, медленной смертью? Голод и жажда вскоре прикончат нас. Но, боже мой, сколько часов будут продолжаться эти страдания? Сколько дней страшных мучений нам суждено еще пережить, прежде чем последняя искра жизни угаснет в нас, — дней ужаса и отчаяния? Но нет, врагам еще и этого было мало.

Такая смерть, какой мы ожидали, казалась еще слишком легкой. Ненависть злодея, который придумал эти пытки, далеко не иссякла — у него были еще для нас в запасе иные, более страшные мучения.

— Отлично! — кричал мулат, восторгаясь собственной изобретательностью. — Это лучше, чем привязывать их к дереву. Великолепная мысль, а? Отсюда они не убегут, черт их побери! Давайте сюда огня!

Огня! Значит, нас еще будут пытать огнем! Мы услышали ужасное, леденящее душу слово. Нам суждено умереть в пламени!

Теперь наш ужас достиг крайних пределов. Что еще могло быть страшнее, когда принесли вязанки хвороста и, как кольцом, окружили ими наши головы, когда принесли факелы и подожгли хворост, когда пламя стало разгораться все ярче и ярче и нестерпимый жар охватил наши головы... Вскоре нашим черепам суждено будет сгореть дотла и превратиться в головешки, как эти разгоревшиеся ветки.

Нет, больше страдать мы уж были не в силах! Мера наших мучений переполнилась, и мы жаждали смерти, которая должна была положить конец нашим мукам. Эти муки усиливались от криков, которые доносились с противоположной стороны лагеря. Даже в этот страшный час мы узнали голоса Виргинии и Виомы. Безжалостное чудовище велело привести их сюда, чтобы они были свидетельницами нашей казни. Мы не видели их, но их дикие и жалобные вопли говорили о том, что ужасная картина предстала перед их глазами.

Все жарче и жарче разгорался огонь, все ближе и ближе подбирались и уже лизали нас языки пламени. Волосы на моей голове начали скручиваться и обгорать.

Все предметы поплыли у меня перед глазами, деревья заколебались и запатались, весь земной шар закружился с бешеной скоростью.

От страшной боли мой череп, казалось, был готов лопнуть. Мозг как бы ссыхался... Я был почти без сознания...

Глава XIII

ДЕМОНЫ ИЛИ АНГЕЛЫ

Неужели я уже умер и терплю муки, уготованные мне в ином мире? Неужели это дьяволы зловеще ухмыляются и лопочут вокруг меня?

Но что это? Они вдруг рассыпались и отступили. Кто-то подошел к нам и отдает им приказания. Неужели это Плутон? ¹ Нет, это женщина. Женщина — здесь! Прозерпина? ² Если это женщина, она сжалится надо мной.

Напрасная надежда — в аду нет милосердия! О, мой мозг! Какой ужас!

Это две женщины, и взгляды их не враждебны. Это ангелы. Быть может, ангелы милосердия? Да, это они. Вот один из них подходит к огню и поспешно разбирает горящий хворост. Кто же она, эта женщина?

Если бы я был жив, я назвал бы ее Хадж-Евой. Но теперь, когда я уже умер, это, должно быть, ее дух.

Рядом с ней еще одна женщина — моложе и красивее. Если существуют ангелы, это самый прекрасный ангел на небесах. Неужели это дух Маюми?

Как попала она в этот ужасный вертеп к дьяволам? Это не место для нее. Она не совершила преступлений, за которые ее могли бы сюда низвергнуть.

Где я? Не сон ли это? Только что я был весь в огне, теперь пылает только мой мозг. Мое тело овеяла прохлада. Где я?

¹ Плутон — в древнегреческой мифологии бог подземного мира.

² Прозерпина — у древних римлян богиня подземного мира, супруга Плутона, символ растительных сил.

Кто ты, склонившаяся надо мной и дарующая мне прохладу? Неужели это ты, Хадж-Ева, безумная королева?

Чьи это нежные пальцы касаются моих висков? О, какое блаженство приносит мне их легкое прикосновение!.. Нагнись, чтобы я мог взглянуть в твое лицо и поблагодарить тебя... Маюми! Маюми!

* * * * *

Я не умер. Я жив. И я спасен. Сама Хадж-Ева, а не дух ее, лила на меня прохладную воду. Сама Маюми смотрела на меня своими прелестными, блестящими глазами. Неудивительно, что я принял этих женщин за ангелов.

— Проклятие! — раздался хриплый от бешенства голос. — Уведите прочь этих женщин! Разожгите снова костер!.. Сумасшедшая королева, прочь отсюда! Ступай к своему племени. Это мои пленники! Твой вождь не имеет права... К черту! Нечего тебе мешаться в мои дела!.. Разожгите костер!

— Ямасси! — воскликнула Хадж-Ева, обращаясь к индейцам. — Не слушайте его! А не то страшитесь места Уикомэ! Его дух разгневается и покарает вас. Куда бы вы ни пошли, читта-мико будет всюду преследовать вас! Шум его хвоста будет вечно звучать у вас в ушах! Он будет кусать вас за пятки, когда вы будете в лесу... Скажи, король змей, правду ли я говорю?

Говоря это, Хадж-Ева взяла гремучую змею в руки и держала так, что все могли ее видеть. Змея зашипела и зашумела хвостом, издавая резкий звук: «скирр».

Кто мог сомневаться в том, что это был утвердительный ответ? Кто хотите, только не ямасси. Скованные ужасом, они застыли под взглядом могущественной колдуньи.

— А вы, черные беглецы и изменники, у которых нет бога и которые не боятся Уикомэ, только посмейте снова разжечь костер!.. Посмейте только подбросить в огонь хоть одну хворостинку, и вы сами очутитесь на месте пленников! Сейчас здесь появится тот, кто силь-

нее вашего желтого чудовища, — ваш вождь!.. Вот он, Восходящее Солнце! Он идет! Он уже близко!

Она умолкла, и в ту же минуту из леса донесся лошадиный топот. Сотни голосов слились в одном крике: — Оцеола! Оцеола!

Этот возглас был целительным бальзамом для моего слуха. Почти спасенный, я снова начал бояться, что это окажется только короткой отсрочкой казни. Наше избавление от смерти было еще далеко не решенным делом: нас защищали лишь слабые женщины. Мулат вместе со своими свирепыми приспешниками вряд ли уступил бы их требованиям. На их угрозы и мольбы не обратили бы даже внимания — снова зажгли бы костры и довели бы казнь до конца. По всей вероятности, так и случилось бы, не подоспей Оцеола вовремя.

Его появление и звук его голоса сразу ободрили меня. Под защитой Оцеолы нам нечего было больше бояться. Внутренний голос подсказал мне, что явился наш избавитель.

Вскоре его намерения стали ясны. Он остановился прямо против нас, сошел со своего великолепного черного коня, так же богато убранного, как и он сам, и, бросив поводья первому попавшемуся воину, подошел ко мне. Его осанка была величественна, его наряд — живописен и красочен. И снова я увидел, на этот раз по праву украшавшие гордую голову, три страусовых пера, которые так часто обманывали мое воображение.

Подойдя к нам, Оцеола остановился и пристально взглянул на нас. Он мог бы улыбнуться, видя нас в таком нелепом положении, но в его лице не было и тени легкомыслия. Наоборот, он был серьезен, и в его глазах светилось сострадание. Мне даже показалось, что он опечален.

Несколько минут он стоял неподвижно и безмолвно. Он переводил взгляд с меня на моего товарища, как бы стараясь различить нас. Это было нелегко: дым, пот и зола сделали нас похожими друг на друга. Нас трудно было узнать.

В эту минуту Маюми тихо приблизилась к Оцеоле и что-то шепнула ему на ухо. Затем она снова вернулась

ко мне, опустилась на колени и коснулась моих висков своими нежными руками.

Никто не слышал слов Маюми, кроме молодого вождя. На него они произвели магическое действие: он весь преобразился. Его глаза гневно сверкнули, и печальный взор уступил место яростному взгляду. Обратившись к желтому вождю, он прошептал одно слово:

— Дьявол!

Затем он несколько секунд молча и в упор смотрел на мулата, как будто желая испепелить его своим взглядом. Мулат старался отвести глаза от этого пристально-го взгляда, дрожал, как лист, и молчал.

— Дьявол и негодяй! — продолжал Оцеола, не меняя ни тона, ни позы. — Вот как ты выполнил мое приказание? Разве этих людей я велел тебе взять в плен? Подлый изменник и раб! Кто разрешил тебе эту огненную пытку? Кто научил тебя? Уж конечно, не семинолы. Ты и твои негодяи действовали, прикрывшись их именем. Ты опозорил имя семинолов! Клянусь духом Уикомэ, мне следовало бы поставить тебя на место тех, кого ты здесь мучил, и сжечь тебя так, чтобы осталась одна зола! Но я дал себе слово никогда никого не пытаться. Убирайся прочь с моих глаз!.. Впрочем, нет, стой! Ты еще можешь мне понадобиться...

И, закончив свою речь этими неожиданными словами, молодой вождь снова повернулся ко мне.

Мулат не произнес ни слова, но в его глазах можно было ясно прочесть желание отомстить. Мне показалось, что он смотрит на своих свирепых приспешников, как будто приглашая их вмешаться. Но они знали, что Оцеола пришел не один: из леса доносился конский топот. Очевидно, там, недалеко, находились воины Оцеолы. Стоило ему крикнуть: «Йо-хо-эхи!» — и они пришли бы к нему на помощь, прежде чем смолкнет эхо.

Вероятно, сообразив все это, желтый вождь молчал. Одно слово, сказанное в это мгновение, могло бы погубить его.

Мрачный, нахмуренный, он оставался безмолвным.

— Освободить их! — приказал Оцеола, обращаясь к бывшим могильщикам. — Да смотрите действуйте лопа-

тами осторожнее! Боюсь, что я прибыл чуть ли не в последний момент!.. Я был далеко, Рэндольф, — обратился он ко мне, — но, когда узнал о том, что произошло, я мчался, как ветер. Вы тяжело ранены?

Я пытался поблагодарить его и уверить, что рана моя неопасна, но голос у меня так ослабел и охрип, что был еле слышен. Чья-то сострадательная рука подала мне прохладительное питье; я почувствовал прилив сил, отдышался и скоро мог начать говорить.

Нас быстро откопали. Наконец-то мы снова были свободны и стояли на земле!

Первым моим движением было броситься к сестре. Но, к моему удивлению, Оцеола удержал меня.

— Потерпите! — сказал он. — Потерпите немного. Маюми пойдет и скажет ей, что вы вне опасности... Смотрите, она уже знает это... Маюми, пойдй к мисс Рэндольф и подтверди, что ее брату уже больше ничто не грозит. Сейчас он придет к ней. Пусть она подождет его еще минуту... Иди же, сестра, и успокой ее! — Затем он обратился ко мне и шепотом добавил: — Ее туда нарочно посадили. Пойдемте, я покажу вам одну вещь, которая вас очень удивит. Нельзя терять ни минуты! Я слышу сигналы моих разведчиков. Еще минута — и будет уже поздно! Идем же! Идем!

Не возражая, я последовал за вождем, который быстро направился к лесу.

Он вошел в лес, но не стал углубляться дальше, а остановился под прикрытием густой листвы, обратившись лицом туда, где мы только что стояли.

Г л а в а X C I V

СМЕРТЬ АРЕНСА РИНГГОЛЬДА

Я не имел ни малейшего представления о намерениях вождя и о том, какое зрелище меня ожидало.

Сгорая от нетерпения, я спросил его об этом.

— Новый способ добывать себе возлюбленную, — ответил он с улыбкой.

— Но кто влюбленный? И кто предмет его страсти?

— Терпение, Рэндольф, и вы все увидите. О, это редкое зрелище, самый забавный и запутанный фарс!.. Он был бы просто смешон, если бы в него не была вплетена трагедия. Вы все увидите. Только благодаря верному другу я узнал об этом и сейчас сам увижу все это собственными глазами. И тем, что я здесь, и тем, что мне удалось спасти вас (теперь это стало ясно!), и, более того, спасением чести вашей сестры вы обязаны Хадж-Еве!

— Благородная женщина!

— Тсс! Они близко. Я слышу топот копыт. Раз, два, три... Да, это, должно быть, они. Взгляните-ка туда!

Я взглянул в указанном направлении. Небольшая группа всадников выехала из лесу и стремительным галопом понеслась к поляне. Пришпорив лошадей, они с громкими криками мчались вскачь прямо в середину лагеря. Домчавшись до него, они разрядили свои пистолеты в воздух и, продолжая кричать, поскакали к противоположной стороне поляны.

Это были белые, что меня крайне удивило. Но еще больше меня удивило то, что я их знал. По крайней мере, мне были знакомы их лица... Эти люди — самые отъявленные негодяи из нашего поселка. Но третий сюрприз ожидал меня, когда я пристальнее взгляделся в их предводителя. Его-то я знал очень хорошо: это был сам Аренс Ринггольд!

Не успел я оправиться от третьей неожиданности, как меня уже ожидала четвертая. Негры и индейцы ямасси, по-видимому испугавшись этого нападения, разбежались и попрятались в кусты. Они громко вопили и, удирая, тоже стреляли из пистолетов в воздух.

Тайна за тайной! Что все это значило?

Я собирался уже снова обратиться с вопросом к своему другу, но заметил, что он занят и, видимо, не хочет, чтобы его отвлекали. Он осматривал ружье, как бы проверяя прицел.

Снова взглянув на поляну, я увидел, что Ринггольд подъехал к моей сестре и остановился. Я слышал, как он назвал ее по имени и произнес несколько любезных

фраз. Он приготовился сойти с лошади, в то время как его спутники продолжали с криками носиться по поляне и стрелять в воздух.

— Его час пробил, — произнес Оцеола и бесшумно двинулся вперед. — Давно уж он заслуживает кары, и наконец она свершится!

С этими словами он вышел на открытое место.

Я видел, как он поднял ружье. Дуло его было направлено прямо на Ринггольда. В следующее мгновение раздался выстрел. Пронзительное восклицание «Каха-куине!» сорвалось с губ Оцеолы. Лошадь Ринггольда бросилась в сторону с пустым седлом, а сам он свалился на траву и начал судорожно биться.

Среди его спутников раздались крики ужаса. Не сказав ни слова ни своему раненому предводителю, ни человеку, стрелявшему в него, они мгновенно скрылись в кустах.

— Прицел был неточен, — холодно заметил Оцеола: — он еще жив. Я слишком многое перенес по вине этого негодяя, но все-таки я пощадил бы его, если бы не данная мною клятва. Клятву я должен сдержать! Он умрет!

С этими словами он бросился к Ринггольду, который уже приподнялся и пытался уползти в кусты, словно еще надеясь спастись. У негодяя вырвался дикий вопль ужаса, когда он увидел, что грозный мститель настигает его. Последний раз в жизни я услышал его голос.

В несколько прыжков Оцеола очутился рядом с ним. Длинный нож сверкнул в воздухе и опустился с такой быстротой, что едва можно было различить удар.

Это был смертельный удар. Ноги Ринггольда подкошились, и он рухнул мертвым на том самом месте, где его настиг Оцеола, — его застывшее тело так и осталось скорченным.

— Это четвертый и последний из моих врагов, — промолвил вождь, возвращаясь ко мне. — Последний, кому я поклялся отомстить!

— А Скотт? — спросил я.

— Это третий, и он был убит вчера вот этой рукой... До сих пор, — продолжал Оцеола после минутного мол-

чания, — я сражался, чтобы отомстить, и я отомстил. Я удовлетворен, и теперь... — Последовала большая пауза.

— И теперь? — машинально переспросил я.

— Теперь мне все равно, когда они убьют меня!

Произнеся эти странные слова, Оцеола опустил на упавшее дерево и закрыл лицо руками. Я понял, что он не ждет возражений.

В голосе Оцеолы звучала грусть, как будто какая-то глубокая, неодолимая скорбь таилась в его сердце. С ней нельзя было совладать, ее нельзя было смягчить словами утешения. Я уже давно заметил это. В такую минуту лучше всего было оставить его одного, и я тихо отошел в сторону.

Через несколько секунд сестра была уже в моих объятиях. А рядом Черный Джек утешал Виолу, прижимая ее к своей черной груди.

Его старого соперника нигде не было видно. Во время ложного нападения Желтый Джек последовал примеру своих подчиненных и скрылся в лесу, и, хотя теперь большая часть их возвратилась в лагерь, желтого вождя и след простыл.

Его отсутствие возбудило у Оцеолы подозрение. Энергия и решимость вернулись к нему. Он созвал своих воинов и отправил нескольких человек на поиски мулата. Но они нигде не нашли его и прискакали обратно. Один из воинов объяснил, в чем дело: у Ринггольда было пять спутников, а внимательно всматриваясь в дорогу, индеец обнаружил следы шести лошадей.

Это известие, по-видимому, произвело на Оцеолу не очень приятное впечатление. Он вновь отправил воинов на поиски и приказал во что бы то ни стало доставить к нему мулата живым или мертвым.

Строгость, с которой был отдан этот приказ, говорила о том, что Оцеола начал сомневаться в верности Желтого Джека. Воины, по-видимому, разделяли подозрения своего вождя.

Партия патриотов, много претерпевшая за последнее время, значительно уменьшилась. Несколько небольших племен, уставших от войны и доведенных голодом до

У негодя вырвался дикий вопль ужаса.

отчаяния, последовали примеру племени Оматлы и прекратили сопротивление. До сих пор индейцы одерживали победы во всех схватках. Но они понимали, что белые имеют решающее превосходство в силах и, рано или поздно, окончательная победа будет за ними. Чувство мести за долгие годы несправедливости и угнетения сначала вдохновляло их, но они отомстили полной мерой и удовлетворились этим. Любовь к родине, привязанность к земле своих предков, чувство патриотизма — все это было брошено на одну чашу весов, а на другой был ужас перед полной и неизбежной гибелью. И вторая чаша перетянула.

Боевой пыл начал понемногу угасать. Уже шли переговоры о мире. Индейцы вынуждены были сложить оружие и согласиться на переселение в другие земли. Сам Оцеола не мог бы удержать свой народ: семинолы все равно приняли бы условия мира. Да и вряд ли он стал бы их удерживать. Одаренный исключительным даром предвидения, он знал силу и особенности своих врагов. Он предвидел все бедствия, которые могли бы обрушиться на его соотечественников и его родину. Выбора не было!

Именно это предчувствие грядущих бед и явилось подлинной причиной грусти, отпечаток которой лежал на всех его поступках, на всех словах... А может быть, к этому примешивалась и глубокая личная скорбь — мучительная и безнадежная любовь к девушке, которую он никогда не мог надеяться назвать своей женой.

Я очень волновался, когда молодой вождь подошел к моей сестре. Даже теперь я все еще был жертвой гнетущих подозрений и следил за обоими с неослабевающим вниманием.

Но мои подозрения безусловно обманули меня. Ни Оцеола, ни сестра не дали мне ни малейшего повода к беспокойству. Молодой вождь держал себя скромно и вежливо. Во взгляде сестры можно было прочесть только горячую благодарность.

— Мисс Рэндольф, я должен просить у вас прощения за сцену, свидетельницей которой вам пришлось быть. Но я не мог позволить уйти этому человеку. Гос-

пожа, он был не только вашим, но и нашим величайшим врагом. С помощью мулата он разыграл это ложное нападение, надеясь заставить вас стать его женой. Но если бы ему это не удалось, он сбросил бы маску, и тогда... Мне не надо говорить о том, что могло бы тогда произойти с вами... Какое счастье, что я успел вовремя!

— Благородный Оцеола! — воскликнула Виргиния. — Вы дважды спасли жизнь и брату и мне. Как нам отблагодарить вас? У меня не хватает слов... Я могу предложить вам только это слабое доказательство нашей признательности.

Сказав это, она подошла к вождю и вручила ему сложенный пергамент, который хранила у себя на груди.

Оцеола сейчас же узнал этот документ: это был акт на право владения поместьем его отца.

— Спасибо! — сказал он с печальной улыбкой. — Это действительно доказательство бескорыстной дружбы. Но, увы! Теперь оно опоздало. Та, которая больше всего на свете хотела получить эти драгоценные бумаги, которая так стремилась вернуться в свой любимый дом, уже больше не существует. Моя мать умерла! Вчера ее душа улетела в вечность...

Это была страшная новость и для Маюми. В неистовом порыве горя, заливаясь слезами, она бросилась на шею к моей сестре. Объятия и слезы обеих смешались. Наступила тишина, прерываемая только рыданиями девушек. Иногда слышался голос Виргинии, шептавшей слова утешения. Сам Оцеола был настолько взволнован, что не мог вымолвить ни слова.

Но прошло несколько минут, и он овладел собой.

— Слушайте меня, Рэндольф! — сказал он. — Нам нельзя терять времени на воспоминания о прошлом, когда будущее так мрачно и неопределенно. Вам надо вернуться к себе и подумать о постройке нового дома. Вы потеряли только дом, но ваши богатые земли сохранились. Негров вам вернут — я об этом распорядился. Они уже в пути к плантации. Здесь не место для нее, — тут он указал на Виргинию, — и вам нельзя медлить с отъездом. Лошади уже готовы. Я сам провожу вас до границы, а дальше вам уже нечего бояться никаких врагов.

При этих словах он многозначительно взглянул на тело Ринггольда, лежавшее на опушке леса. Я появился, но не ответил ни слова.

— А она? — спросил я, указывая на Маюми. — Лес — плохая защита, особенно в такое время. Вы отпустите ее с нами?

Оцеола взял мою руку и крепко пожал ее. Я обрадовался, уловив сверкнувшую в его глазах благодарность.

— Благодарю! — воскликнул он. — Благодарю за дружеское предложение! Я сам хотел просить вас об этом. Вы правы — она не может жить дольше только под защитой деревьев. Рэндольф, доверяю вам ее жизнь и ее честь! Возьмите ее к себе, в свой дом!

Глава ХСV

ПРЕДВЕСТИЕ СМЕРТИ

Солнце уже склонялось к западу, когда мы покинули индейский лагерь. Что касается меня, то я не имел ни малейшего представления о том, куда нам надо было двигаться. Но с таким проводником можно было не бояться сбиться с пути.

Мы находились далеко от поселка Суони, на расстоянии целого дня пути, и предполагали добраться домой только на исходе следующего дня. Ночь обещала быть лунной, если не набегут облака. Мы собирались ехать весь вечер, до поздней ночи, а затем сделать привал. Так мы могли значительно сократить наше завтрашнее путешествие.

Наш проводник хорошо знал эту местность, ему была знакома здесь каждая тропинка.

Долгое время дорога шла по редкому лесу, и мы могли ехать рядом. Но постепенно тропинка становилась все уже, и теперь мы были вынуждены двигаться попарно или по одному. Молодой вождь и я ехали впереди, а наши сестры следовали за нами. Далее ехали Джек и Впола. Кавалькаду замыкали шесть всадников-индейцев, телохранителей Оцеолы.

Меня удивило, что он взял с собой так мало воинов, и я даже выразил ему свое удивление. Но Оцеола относился к опасности как-то очень беззаботно. Солдаты, сказал он, прекрасно знают, что ночью им здесь лучше не показываться. Что же касается той части местности, где мы должны были проехать днем, то никакие войска там и не рисковали появляться. За последнее время там даже не производилась разведка. Мы можем встретить только индейцев. Но их, конечно, нам нечего было опасаться. С тех пор как началась война, Оцеоле часто случалось путешествовать одному по этой дороге. Он был убежден, что опасности никакой нет.

Что до меня, то я далеко не был в этом уверен. Я знал, что дорога, по которой мы ехали, проходит поблизости от форта Кинг. Я вспомнил бегство шайки Ринггольда. Весьма вероятно, что его друзья помчались прямо в форт и сообщили там о гибели плантатора, приукрасив эти сведения рассказом о своей собственной смелой атаке на индейцев. Для властей Ринггольд не был простым человеком. В лагерь могли послать отряд, и мы рисковали с ним встретиться.

Я подумал и о другом обстоятельстве — о таинственном исчезновении мулата. По-видимому, он скрылся вместе с этими людьми. Это показалось мне подозрительным. Я поделился своими соображениями с вождем.

— Бояться нечего, — сказал он в ответ, — мои следопыты идут за ними. Они вовремя сообщат мне все, что нужно. Впрочем, нет... — добавил он, как бы колеблясь и задумавшись на мгновение. — Они могут не догнать их до наступления ночи, и тогда... Вы правы, Рэндольф! Я действовал необдуманно. Я не обращал внимания на этих болванов, но мулат — совсем другое дело. Он знает все тропинки, и если он окажется изменником, если... Но мы уже тронулись в путь и должны ехать дальше. Вам нечего бояться, а что касается меня... Оцеола никогда в жизни не отступал перед опасностью. Он не сделает этого и теперь. Да и поверите ли вы, Рэндольф, я скорее ищу опасности, чем бегу от нее!

— Ищете опасности?

— Да, смерти, смерти!

— Говорите тише! Не нужно, чтобы они слышали ваши слова.

— О да! — добавил он, понижая тон и как бы говоря сам с собой. — Но, право же, я жажду ее!

Он произнес эти слова с таким волнением, что не оставалось никакого сомнения в том, что он говорит серьезно. Глубокая грусть все еще не покидала его. Что могло быть ее причиной?

Я не в силах был больше молчать. Меня побуждало не любопытство, а дружба. Я позволил себе спросить его об этом.

— Вы, значит, заметили? Но не раньше, чем мы тронулись в путь, не раньше, чем я услышал ваше дружеское предложение... Ах, Рэндольф! Теперь я спокоен и счастлив. Из-за нее одной я с ужасом думал о приближении смерти!

— Зачем вы говорите о смерти?

— Потому что она близка.

— Близка... к вам?

— Да, ко мне! У меня есть предчувствие, что я долго не проживу.

— Что за глупости, Пауэлл!

— Друг мой, это правда. Я чувствую, что скоро умру...

— Оцеола, это на вас не похоже! Вы, конечно, выше этих глупых предрассудков. Никогда не поверю, чтобы вы могли оказаться в их власти!

— Вы думаете, что я говорю о каких-то сверхъестественных знамениях? О карканье ворон или об уханье полночной совы? Или о зловещих предзнаменованиях в воздухе, на земле и в воде? Нет, нет, я не придаю значения этим нелепым суевериям. И все-таки я знаю, что скоро должен умереть. Это реальное физическое ощущение, которое возвещает мой приближающийся конец. Оно скрыто здесь!

Говоря это, он поднял руку и указал себе на грудь. Я понял зловещее значение этого жеста.

— Я предпочел бы, — сказал он, помолчав, — умереть на поле боя. Конечно, смерть отвратительна в любом виде, но такой конец все же казался бы мне более

достойным. Я выбрал бы лучше такую смерть, чем владеть жалкое существование и медленно умирать... Да, я выбрал бы ее! Десятки раз я бросал вызов смерти, был уже на полпути к ней. Но, как трус, как робкая невеста, она отказывалась встретиться со мной...

Что-то почти неземное прозвучало в смехе, которым сопровождалось последнее слова. Странное сравнение! Станный человек!

Мне едва удалось ободрить его. Да, впрочем, он и не нуждался в этом: он казался счастливее, чем раньше. Мой жалкий лепет о том, что он выглядит хорошо, был бы просто словами, брошенными на ветер. Он догадался бы, что это лишь притворные слова дружбы. Я и сам это подозревал. Я обратил внимание на бледную кожу, на тонкие, исхудавшие пальцы, на тусклые, впалые глаза. Страшный червь разрушал оболочку благородного духа. А я-то приписывал это совсем иным причинам!

Будущая судьба его сестры тяжким бременем лежала у него на сердце. Он поведал мне об этом, когда мы поехали дальше.

Нет необходимости повторять обещания, которые я дал ему. Не стоило даже скреплять их клятвами. Стремление к собственному счастью не позволило бы мне нарушить их.

Глава XCVI

СУДЬБА ОЦЕОЛЫ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы сидели у края небольшой прогалины, где расположился наш лагерь. Это была красивая лужайка, благоухающая ароматами множества цветов. Луна лила с высоты серебряный свет, и все вокруг было видно ясно как днем. Листья высоких пальм, восковые цветы магнолий и цветы желтодревника — все можно было ясно различить в лунном свете.

Мы сидели вместе вчетвером — братья и сестры, разговаривая непринужденно, как в былые дни. И все вокруг живо напоминало нам прошлое.

Но у нас возникали только печальные мысли, так как мы думали о будущем. Может быть, мы, четверо, больше никогда не встретимся. Глядя на друга, обреченного на смерть, я чувствовал, как в моем сердце постепенно угасают все радостные воспоминания.

Мы миновали форт Кинг благополучно, не встретив белых. Как странно, что я должен был бояться встречи с людьми своей расы! Мы больше не ожидали ни засады, ни открытой атаки. Индейская охрана вместе с Черным Джеком расположилась в центре прогалины. Воины собрались в кружок у огня и готовили себе ужин. Их вождь чувствовал себя настолько уверенно, что даже не поставил часового на тропинке. По-видимому, он был совершенно равнодушен к опасности.

Была уже поздняя ночь, и мы собирались разойтись по палаткам, которые раскинули для нас воины. В это время мы слышали в лесу странный шум. В моих ушах он звучал, как плеск воды, как ливень, как гул отдаленных водопадов.

Оцеола держался иного мнения. Он слышал непрерывный шелест и шорох листьев, вызванный огромной массой людей или животных, пробирающихся через кусты.

Мы мгновенно вскочили и стояли, напруженно прислушиваясь.

Шум продолжался. Но теперь мы уже могли различить хруст сухих ветвей и металлическое позвякивание оружия. Отступать было поздно. Шум слышался отовсюду, кольцо вооруженных людей смыкалось вокруг прогалины.

Я взглянул на Оцеолу. Я ожидал, что он кинется к своей винтовке, лежащей рядом с ним. К моему удивлению, он не двинулся с места.

Несколько его сторонников уже были наготове и поспешили к нему, ожидая приказаний. Их слова и жесты ясно говорили о решимости защищать Оцеолу не на жизнь, а на смерть.

В ответ на их торопливые слова Оцеола сделал знак рукой, который, казалось, удивил их. Дула винтовок внезапно опустились к земле, и воины застыли в позе

равнодушия и безразличия, как будто они раздумали и не желали больше пустить в ход свое оружие.

— Слишком поздно, — спокойно сказал Оцеола, — слишком поздно! Мы окружены со всех сторон. Может пролиться невинная кровь. А им нужна только моя жизнь. Пусть же они приблизятся! Я приветствую их! Прощай, сестра! Рэндольф, прощай! Прощай, Вирг...

Жалобные стоны Маюми и Виргинии и мои, теперь уже громкие, рыдания заглушили голос, который произносил эти страшные прощальные слова.

Столпившись около вождя, мы не замечали, что происходит вокруг нас. Все наше внимание было поглощено им, пока крики солдат и громкие слова команды не напомнили нам, что мы окружены. Мы увидели, что нас оцепили ряды людей в синих мундирах. Их штыки сверкали вокруг нас непреодолимой преградой. Но так как сопротивления не было, то не было и стрельбы. Слышались только голоса и звон стали.

Выстрелы раздались позднее, но это был не смертоносный огонь. Это были радостные салюты: праздновали взятие в плен такого важного противника.

Церемония сдачи в плен вскоре закончилась. Оцеолу держали два солдата. Он стоял среди своих бледнолицых врагов. Оцеола был в плену!

Его сторонники тоже были схвачены, и солдаты отошли немного в сторону, образуя более широкую цепь. Пленники остались в середине.

В этот момент около пленных перед рядами солдат появился какой-то человек. Он говорил о чем-то с офицером. По одежде его можно было принять за индейца, но желтое лицо свидетельствовало о другом. На голове у него была повязка, над которой качались три черных пера. Не оставалось сомнений в том, кто был этот человек!

Это зрелище могло свести с ума кого угодно. Оно возвратило вождю семинолов всю его яростную энергию. Отшвырнув своих стражей прочь, как игрушечных солдатиков, он вырвался из их рук и кинулся на желтолицего человека.

К счастью для мулата, Оцеола не был вооружен: у него не было ни пистолета, ни ножа. Пока он отвинчи-

вал штык от ружья солдата, предатель успел спастись бегством. Из груди Оцеолы вырвался стон ярости, когда он увидел, что негодяй пролез сквозь сомкнутый строй солдат и вот-вот ускользнет от его мести.

Но спасение только померещилось изменнику. Смерть его была предрешена, хотя она пришла к нему не оттуда, откуда он ее ждал.

Пока он стоял, издали глядя на пленников, темная фигура медленно приблизилась к нему сзади. Это была женщина, величественная женщина, чья ослепительная красота была заметна даже при лунном свете. Никто не видел ее, только пленники, стоявшие к ней лицом, заметили ее приближение.

Все дальнейшее произошло в течение нескольких секунд. Женщина подкралась к мулату сзади, и казалось, что ее руки на мгновение коснулись его шеи.

Что-то сверкнуло металлическим блеском в лунном свете. Это было живое оружие — ужасная гремучая змея кроталус!

Можно было ясно расслышать громоханье чешуйчатых колец. Вслед за этим раздался дикий крик ужаса. Злодей почувствовал холодное прикосновение змеи к шее, и ее острые зубы вонзились ему в затылок.

Видно было, как женщина отняла змею от шеи мулата. Держа ее блестящее тело над головой, она громко воскликнула:

— Не горюй, Оцеола! Ты отомщен! Отомщен! Читта-мико отомстил за тебя!

Сказав это, женщина скользнула в сторону, и, прежде чем удивленные солдаты успели преградить ей путь, она юркнула в кусты и исчезла.

Мулат пошатнулся и упал на землю. Он был бледен от страха, глаза его почти вылезли из орбит. Вокруг него собрались люди. Они пытались влить ему в рот лекарство. Испробовали даже порох и табак, но никто не знал лекарственных трав, которые могли бы излечить его. Рана оказалась смертельной, и на следующий день Желтый Джек окончил свое существование.

Оцеола стоял среди своих бледнолицыг врагов.

С захватом в плен Оцеолы война не прекратилась, хотя я уже больше не принимал в ней участия. Она не закончилась и после его смерти, которая последовала через несколько недель. Его не казнили по приговору военно-полевого суда, ибо он не был мятежником и мог претендовать на право считаться военнопленным. Он умер от болезни, которая, как он сам знал, обрекала его на неизбежную гибель. Возможно, что плен ускорил ее наступление. Его гордый дух был сломлен долгим пребыванием в тюрьме, а вместе с ним погибла и та благородная оболочка, в которую он был заключен.

Друзья и враги стояли вокруг него в последний час, внимая его последним словам. И те и другие плакали. В этом царстве смерти не было сухих глаз. У многих солдат катились по щекам слезы, когда они слышали приглушенный звук барабана — похоронный марш над могилой благородного Оцеолы.

* * * * *

В конце концов не кто иной, как веселый и жизнерадостный капитан завоевал сердце моей капризной сестры. Прошло много времени, прежде чем я раскрыл их секрет. Он пролил свет на целый лабиринт тайн. Я так рассердился на них за скрытность, что сначала даже отказался разделить с ними право владения плантацией.

Но потом (после угроз Виргинии, а не ее поверенного в делах!) я все-таки согласился. И тогда я женился на Маюми. Я сохранил за собой старую усадьбу, на месте которой построил новый дом. Это была достойная шкатулка для бесценной жемчужины.

У меня была еще одна плантация — принадлежавший когда-то испанцам прекрасный участок земли на Тупело-Крик. Мне нужен был туда управляющий, или, скорее, «муж и жена с покладистым характером», на которых можно было бы вполне положиться. Кто, как не Черный Джек и Виола, лучше всего подходил для этой цели?

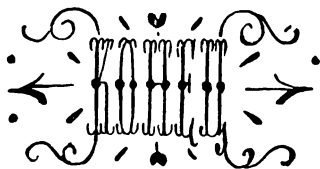
В моем распоряжении был еще один небольшой кусок земли. Он находился на краю болота, и на нем сто-

яла бревенчатая хижина, вокруг которой простирался самый крохотный на свете участок вырубленного леса. Но он был уже занят жильцом, которого я ни за что на свете не выселил бы оттуда, хотя он и не платил мне арендной платы. Это был старый Хякмэн, охотник на аллигаторов.

Другой такой же охотник, Уэзерфорд, жил поблизости, на соседней плантации. Но они почти никогда не разлучались.

В свое время оба сильно пострадали от медвежьих когтей, от челюстей и хвостов аллигаторов, от томагавков индейцев. Когда они сходились вдвоем или проводили время в кругу друзей, они любили рассказывать свои приключения, особенно такие случаи, где им только чудом удавалось ускользнуть от верной смерти. И часто можно было слышать, как они говорили: «Самые страшные испытания нам пришлось перенести в проклятом пылающем сосновом лесу, когда нас со всех сторон окружили десять тысяч краснокожих!»

Однако, как мы знаем, они благополучно выпутались и из этой беды и прожили еще долгую жизнь, с удовольствием повествуя о своих похождениях и приукрашивая их самыми фантастическими выдумками.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К РОМАНУ «ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ»

Чем волнует читателя эта талантливая, хотя и во многом наивная книга Майн Рида, в которой суровая историческая правда искусно переплетена с вымыслом? Очарование «Оцеолы» — в горячем сочувствии делу освободительной борьбы, цели и идеи которой всегда зажигали «капитана Майн Рида». Он страстно ненавидел угнетение в любой его форме — и особенно в форме иноземного ига. Ирландец родом, Майн Рид на примере своего народа, в течение долгого времени сопротивлявшегося английским завоевателям, научился ценить и уважать тех, кто борется за свободу и независимость. Потому так часто обращался он к истории индейских народов Америки, героически отстаивавших свои права на родную землю. Образы свободолюбивых индейцев встают на страницах его романов «Белый вождь», «Золотой браслет», «Охотники за скальпами», «Затерявшаяся гора». Среди этих романов выделяется «Оцеола, вождь семинолов» (1858), едва ли не лучшее из всего, что написано Майн Ридом.

В одной из глав «Оцеолы» Майн Рид называет себя «летописцем больших исторических событий». В данном случае он имеет на это право. Писатель действительно сумел увидеть в последней войне семинолов, завершившейся их окончательным поражением, не просто одну из многих «индейских войн», которые вело правительство США, а важное звено в цепи исторических событий первой половины XIX века. Майн Рид рассматривал историю Америки не как историю колонизаторов, завоевавших ее, а как историю народов, живших в ней ранее, вынужденных обороняться против натиска непрошенных пришельцев.

Начало XIX века отмечено в истории США не только усиливающимся натиском колонизаторов-американцев, захватывавших новые и новые территории, ранее принадлежавшие индейским народам, но и попытками более решительного, более организованного отпора со стороны индейцев. Выдающийся деятель Коммунистической партии США Уильям З. Фостер в своей книге «Очерк политической истории Америки» воссоздал волнующую картину подъема освободительного движения индейских народов в первой половине XIX века. Среди индейских вождей, возглавлявших это движение, У. З. Фостер называет рядом со знаменитым Текумсе, вождем племени алгонкинов, и Оцеолу, вождя семинолов.

Хотя в романе Майн Рида и немало отклонений от исторической истины, немало вымысла, но в целом роман правильно воссоздает исторические события этого периода. Правдиво раскрыта сущность вековой вражды между белыми пришельцами и индейцами, правильно изображено соотношение сил, невыгодное для семинолов — небольшого племени, отважно сопротивлявшегося натиску значительных регулярных военных сил США; правдиво показана и безоговорочно осуждена политика правительства США, направленная на полное вытеснение семинолов из Флориды.

Полуостров Флорида, значительная часть которого была в начале века заселена семинолами и близкими к ним племенами, был окончательно закреплен за США в 1820 году, когда Испания продала его американскому правительству. До того в течение трех веков (Флорида была «открыта» испанцами в 1513 году) испанцы, французы и англичане боролись за право считаться хозяевами этого плодородного и удобного для земледелия края. Флорида к тому же представляла и значительные военно-экономические выгоды для любой морской державы.

За эти триста лет немало было войн и между местным индейским населением и пришельцами-колонизаторами. Индейцам помогали беглые негры, находившие приют у семинолов. Они знакомили своих защитников с ремеслами, с новыми способами возделывания земли. Трехсотлетняя война с колонизаторами закалила индейцев Флориды, способствовала выработке некоторой военной организации, известной сплоченности. На рубеже XVIII—XIX веков экономическое и общественное развитие семинолов заметно продвинулось. Даже американцы вынуждены бы-

ли отнести их к так называемым «цивилизованным» индейским племенам. Тем опаснее были семинолы для американских колонизаторов, которые, в отличие от испанцев и французов, взяли за самое широкое экономическое освоение земель Флориды.

Не раз восставали семинолы против пришельцев, отнимавших их земли и леса. Развязка длительной и упорной борьбы наступила в 30-х годах XIX века, когда правительство США и американские плантаторы, укрепившись на территории Флориды, перешли в решительное наступление.

Правительство США потребовало от семинолов, чтобы они оставили земли Флориды и ушли на «Индийскую территорию» — так называлась довольно значительная часть западной Луизианы, якобы «купленная» правительством США у индейцев, населявших Луизиану. На «Индийскую территорию» американское правительство намеревалось переселить индейские племена, прежде вольно жившие где им вздумается. По существу, «Индийская территория» должна была стать местом ссылки индейских племен, согнанных с земель, которые были нужны колонизаторам. Переселение производилось военным порядком, в самых жестоких условиях; тысячи индейцев погибали в пути, а те, кто выживал, были осуждены на медленное вымирание, на жалкую участь переселенцев, попавших в незнакомые и зачастую непригодные для жизни места. Племя за племенем под конвоем воинских частей пускалось в этот страшный путь, превращавшийся в подлинную дорогу смерти.

В 1832 году несколько семинольских старейшин — представителей родоплеменной знати — тайком от народа заключили кабальный договор с американским правительством. По этому договору, сулившему выгоды изменникам, семинолы должны были в трехлетний срок оставить Флориду и уйти в пустыни и степи «Индийской территории».

Однако подавляющее большинство семинолов возмутились действиями предателей и отказались выполнять договор. Авторитет вождей, пошедших на сговор с американскими чиновниками, рухнул.

Американцы навязали семинолам войну. Тогда во главе индейцев, поднявшихся с оружием в руках на защиту своих прав, встал Оцеола — молодой семинол, известный своими способностями, неподкупностью и мужеством. «Под блестящим руковод-

ством Оцеолы, — пишет Уильям З. Фостер, — индейцы, которым помогали беглые негры, в течение семи лет успешно сопротивлялись войскам США.

Это была самая ожесточенная из всех войн, которые вели индейцы. Семинолы отбивали все атаки войск Соединенных Штатов, вдвое превосходивших численностью весь семинольский народ...»¹

Героическое сопротивление семинолов было сломлено с помощью измены: отчаявшись победить Оцеолу на поле битвы, американцы заманили его для переговоров, пообещав ему неприкосновенность, и предательски схватили. Вскоре Оцеола умер, не вывеса неволи. По некоторым сведениям, он был убит. Воспользовавшись этим, сторонники перемирия с правительством США добились своего: многие семинолы сложили оружие и подчинились требованиям американцев.

И все-таки мужественный пример Оцеолы и его воинов сыграл огромную роль в дальнейшей жизни семинолов. Немало семинолов отказались примириться с американцами и продолжали войну. Индейцы отступили в такие местности Флориды, где особенно затруднены были действия регулярных воинских частей, и закрепили эти районы за собой, в то время как другие индейские народы, покинувшие свою родную землю, вынуждены были погибать на «Индейской территории».

Образ Оцеолы пленил не только Майн Рида. Великий американский поэт Уот Уитмэн (1819—1892) посвятил ему стихотворение. Уитмэна потряс рассказ о смерти Оцеолы, услышанный им от военного моряка, присутствовавшего при последних минутах бесстрашного вождя семинолов.

В полных величия строках повествует Уитмэн о том, как готовится к смерти Оцеола: он умирает в боевой одежде своего племени, в боевой раскраске, с томагавком в руках, не чувствуя себя побежденным. «Пусть эти немощные строки сохраняют его имя и память о том, как он умер», — заканчивает Уитмэн свое стихотворение, как бы подтверждая им, что если были американцы, погубившие Оцеолу, то были среди американского народа и его друзья, подобные хотя бы герою романа Майн Рида — Джорджу Рэндольфу.

¹ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки. ИЛ, 1955, стр. 293.

Уитман хотел, чтобы его стихи сохранили память о том, как умер Оцеола. Майн Рид рассказывает о том, как он боролся. Подвиги Оцеолы и его сподвижников вдохновили писателя на лучшие страницы его книги, полные искренней ненависти к угнетателям и горячей симпатии к индейцам.

Майн Рид сумел показать, что отчаянное сопротивление семинолов было вызвано беспощадным натиском плантаторов, вероломной политикой американских «агентов» — чиновников, преступлениями американской военщины. Царство грубой силы, царство корысти и вопиющей несправедливости приходит на землю семинолов вместе с американцами и торжествует, оскверняя жизнь, неся с собою порабощение или смерть. Ни в одном другом романе Майн Рида не говорится об этом торжестве насилия и стяжательства с таким отвращением, как в «Оцеоле», и ни в одном другом романе Майн Рида не показана так широко и сочувственно борьба за свободу, за человечность, за справедливость.

Создавая свой образ Оцеолы, Майн Рид кое в чем отступил от исторической истины. Но эти нарушения исторической правды касаются чаще всего второстепенных биографических деталей. Вокруг имени Оцеолы в 30—40-х годах сложилось немало легенд, и, видимо, некоторые из них особенно понравились Майн Риду. Иногда Оцеола у Майн Рида больше похож на джентльмена, переряженного индейцем, чем на мудрого и смелого вождя восставших. Но надо помнить, что и в этих случаях писателем руководило стремление подчеркнуть в Оцеоле его благородство, опровергнуть клевету и ложь американской прессы, чернившей индейцев и их вождей.

Самый характер литературного дарования Майн Рида, прежде всего стремившегося писать о необычайных и эффектных событиях, не позволил ему более глубоко раскрыть сложный духовный мир Оцеолы, талантливого руководителя восставших семинолов, грозы американских генералов и плантаторов.

Конечно, рядом с Оцеолой меркнет и теряется Джордж Рэндольф, молодой флоридский помещик, от лица которого ведется повествование. Такой прием — рассказ от первого лица — был довольно распространен в английских приключенческих и исторических романах первой половины XIX века (романы Мариэтта, В. Скотта). Майн Рид нередко обращался к этому приему,

и образ рассказчика повторяется в его романах под разными фамилиями, приобретая черты любимого героя Майн Рида.

Это честный и энергичный юноша, всегда готовый защитить угнетенных и слабых, непримиримо относящийся к проявлениям несправедливости, свободный от расовых предрасудков, против которых часто и страстно выступал Майн Рид.

Образу Рэндольфа нельзя отказать в известном правдоподобии. Были в США в 30—40-х годах XIX века и защитники истребляемых и угнетаемых индейских народов, пытавшиеся улучшить их положение, стойко выносившие преследования и травлю, которыми отвечала буржуазная общественность США на их одинокие попытки восстановить поправную справедливость. Впрочем, попытки эти в огромном большинстве ограничивались громкими фразами, выражением сочувствия, — как это получается и у Рэндольфа.

Есть такие страницы хорошей книги Майн Рида, которым трудно поверить. Например, несмотря на то что в жизни Рэндольфа происходят важные и подчас трагические события, он не изменяется, не становится более зрелым, остается таким же, каким показан в первых эпизодах романа, — и это, конечно, неправдоподобно. Общественный строй семинолов ничем не напоминал античную демократическую республику, как говорит об этом писатель. В 30-х годах общественный строй семинолов переживал мучительный кризис: безвозвратно рушился старый родоплеменной уклад, уже сильно расшатанный; с каждым годом все резче обнаруживались противоречия между родоплеменной аристократией — вождями — и основной массой, составлявшей племенной союз семинолов. Это с очевидной ясностью обнажилось именно после 1832 года, когда племя не поддержало группу вождей, продавшихся американцам, и позже — когда после пленения Оцеолы верхушка племени все же настаивала на перемирии с врагом, но не смогла подчинить этому решению все племя.

Вся жизнь семинолов была более сложной и разнообразной, чем показал ее Майн Рид. Будучи тесно связана со старым укладом жизни индейских племен, она уже начинала выходить за рамки этого уклада. Сказалось это и на многолетнем героическом сопротивлении семинолов, которое в романе изображено очень ярко, но неполно: писатель увлекся только некоторыми наиболее эффектными событиями этой эпопеи и не показал ее

славных и тяжких будней, без которых не было бы и побед над американскими войсками, вроде той, которая описана в романе.

Далеки от исторической правды и те страницы романа, на которых Майн Рид с осуждением говорит о мулатах и неграх — участниках восстания. На самом деле негры и мулаты не только были деятельными помощниками и инструкторами восставших индейцев, но и вносили в их борьбу против американских захватчиков беспощадную ненависть беглого раба к плантатору, не знающую компромисса и потому особенно пугавшую американцев.

Да, яркая и смело написанная книга Майн Рида имеет свои недостатки. Читатель заметит их, но они не мешают ему искренне восхищаться благородным Оцеолой, с увлечением читать сцены героической борьбы семинолов и описания Флориды.

Вышедший в 1858 году, роман Майн Рида, хотя он и был посвящен событиям 30-х годов, имел весьма актуальное значение. Еще вспыхивали новые и новые восстания индейских народов — и в США и на территории Канады, принадлежавшей Англии. Потомки Текумсе и Оцеолы — вожди в орлиных перьях и боевой раскраске, вооруженные и томагавками и винтовками, — еще водили своих всадников против американских и мексиканских летучих отрядов, охотившихся за ними.

Начавшаяся в 1861 году война между Севером и Югом принесла немало надежд индейцам и их белым друзьям, к которым принадлежал и автор «Оцеолы», этой книгой ратовавший за свободу индейцев. Они полагали, что победа Севера над Югом отразится благоприятно и на судьбе индейских народов. Многие индейцы, рассчитывая на это, приняли участие в войне на стороне Севера и вновь были обмануты.

В величественной истории борьбы народов Америки против колонизаторов и захватчиков индейцам Флориды принадлежит славное и почетное место. Майн Рид своим романом «Оцеола» отозвался на их подвиги. Выбранная им благодарная тема помогла ему создать лучший из его романов, читающийся и в наши дни с неослабевающим интересом.

Р. Самарин

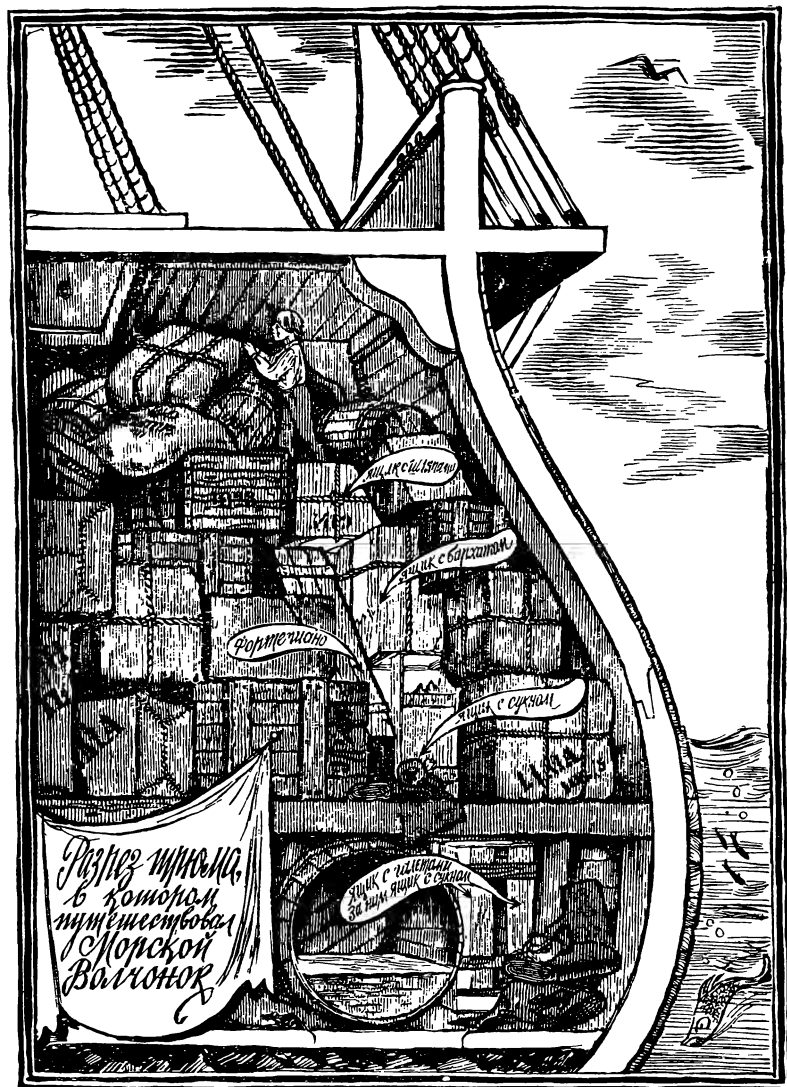
МОРСКОЙ
ВОЛЧОНОК
ИЛИ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ДНЕ
ТРЮМА

Перевод с английского

Л. Рубинштейна

Редактор *Н. Дехтерева*

Глава I

МОИ ЮНЫЕ СЛУШАТЕЛИ

МЕНЯ ЗОВУТ Филиппом Форстером. Я уже старик.

Я живу в тихой, маленькой деревушке, которая стоит на морском берегу, в глубине очень широкой бухты, одной из самых широких на нашем острове.

Я назвал нашу деревню тихой — она и есть тихая, хотя претендует на звание морского порта. Есть у нас пристань, или мол, из тесаного гранита. Здесь вы обычно увидите один — два шлюпа, столько же шхун, иногда бриг¹. Большие суда не могут войти в бухту. Но вы все-

¹ Шлюп, шхуна, бриг — различные виды парусных судов.

гда заметите немалое количество рыбацких лодок. Одни вытащены на песок, другие скользят по бухте, и из этого вы можете вывести заключение, что благосостояние деревни больше зависит от улова, чем от торговли. Так и есть на самом деле.

Это моя родная деревня — здесь я родился и здесь собираюсь умереть.

Несмотря на это, мои земляки очень мало обо мне знают. Они зовут меня «капитаном Форстером» или попросту «капитаном», считая, что я единственный человек в наших краях, заслуживающий этого звания.

Строго говоря, я его недостоин. Я никогда не служил капитаном ни в армии, ни во флоте. Я был только хозяином торгового судна — другими словами, шкипером. Но мои соседи — люди вежливые, и благодаря их вежливости я стал называться «капитаном».

Они знают, что я живу в хорошеньком домике в полумиле от деревни, на берегу моря; знают, что я живу один, потому что моя старая служанка вряд ли может считаться «обществом». Каждый день они видят, как я прохожу по деревне с подозрительной трубкой под мышкой. Они замечают, что я выхожу на мол, внимательно рассматриваю прибрежные воды и затем возвращаюсь домой или брожу еще час-другой по берегу. Вот и все, что моим согражданам известно обо мне — о моих привычках и обо всей моей жизни.

Они убеждены, что я когда-то был великим путешественником. Они знают, что у меня много книг и что я много читаю, и решили, что я необыкновенный ученый.

Я действительно много путешествовал и много читал, но простые деревенские люди ошибаются относительно моей учености. В юности я не имел возможности получить хорошее образование, и все, что я знаю, усвоил самоучкой, занимаясь наспех и с перерывами, в короткие периоды затишья в моей бурной жизни.

Я сказал, что мои земляки мало знают обо мне, и вас это, конечно, удивляет. Ведь среди них я начал свою жизнь и среди них же собираюсь ее закончить. Но это легко объяснить. Двенадцатилетним мальчиком я ушел из дому, и в течение сорока лет нога моя не сту-

пала на родную землю и глаза мои не видели никого из местных жителей.

Нужно быть уж очень знаменитым человеком, чтобы тебя вспомнили после сорока лет отсутствия. Уйдя отсюда мальчиком и вернувшись зрелым человеком, я убедился в том, что меня совершенно забыли. С трудом вспоминали даже моих родителей. Они умерли ещё до того, как я, совсем маленьким, ушел из дому. Вдовцов мой отец был моряком, он редко бывал дома. В моих воспоминаниях о нем осталось только, как я горевал, когда узнал, что его корабль погиб и он утонул вместе с большей частью экипажа. Увы! Моя мать немалого его пережила. И так как они умерли давным-давно, естественно, что их забыли соседи, с которыми они были не слишком близки. Вот чем объясняется то, что я оказался чужим человеком в своих же родных местах.

Но вы не должны думать, что я одинок, что у меня нет товарищей. Я оставил профессию моряка и вернулся домой, чтобы провести остаток дней в покое и мире, но я не избегаю людей и я не угрюмый человек. Наоборот, я очень люблю и всегда любил встречаться с людьми и, будучи стариком, охотно провожу время в обществе молодежи, особенно мальчиков. Могу похвастаться, что со всеми деревенскими мальчуганами я в большой дружбе. Часами я помогаю им запускать змея и гонять кораблики по воде, ибо помню, как много удовольствия получал от всего этого в детстве сам.

Играя со мной, дети вряд ли догадываются, что добрый старик, который умеет так забавлять их и при этом забавляется сам, провел большую часть своей жизни в бурных приключениях, среди смертельных опасностей. Но именно такова история моей жизни.

Кое-кто в деревне знает, однако, отдельные эпизоды моей биографии — происшествия, о которых они слышали из моих уст, потому что я никогда не отказываюсь сообщить об увлекательных приключениях тем, кому интересно меня послушать. И даже в нашей тихой деревушке я нашел аудиторию, которая ценит рассказчика. Мои слушатели — школьники. Невдалеке от

деревни имеется знаменитая школа, которую именуют «учебным заведением для юных джентльменов», — вот откуда взялись мои самые внимательные слушатели.

Мы не раз встречались с этими мальчиками на прогулках вдоль берега, и, судя по моей обветренной, «просоленной» коже, они сообразили, что я могу порассказать им немало о диких странах и необыкновенных происшествиях, которые случались со мной во время далеких странствий. Мы встречались часто, почти ежедневно, и вскоре подружились. По их желанию я начал рассказывать им отдельные случаи из своей жизни. Не раз видели меня на берегу сидящим на траве в кругу опрятно одетых мальчуганов. Их раскрытые рты и горящие глаза свидетельствовали об интересе, с которым они слушали мои истории.

Не стыжусь сказать, что я сам находил удовольствие в этих рассказах, как все старые моряки и военные, которые, вспоминая прошлое, сражаются сызнова в давно минувших боях.

Таким образом, некоторое время я рассказывал им только отдельные эпизоды. Однажды, встретившись со своими юными друзьями как всегда, лишь несколько ранее обычного, я заметил, что они чем-то озабочены. Они сбились в кучу. И я увидел, что один из них, самый старший, держит в руке сложенный листок бумаги, на котором, по-видимому, было что-то написано.

Я подошел поближе. Мальчики, не промолвив ни слова, вручили мне бумагу. Прочитав обращение, я понял, что послание адресовано мне.

Я развернул его и сразу догадался, в чем дело. Это была «просьба», подписанная всеми присутствующими:

«Дорогой капитан!

Сегодня мы свободны целый день. Мы думали, как бы провести его получше, и решили просить вас доставить нам удовольствие и рассказать о каком-нибудь замечательном происшествии, случившемся с вами. Мы хотели бы услышать что-нибудь захватывающее, потому что знаем, что в вашей жизни было много приключений. Выберите то, что вам самому больше всего нра-

вится, а мы обещаем слушать внимательно и уверены, что нам нетрудно будет сдержать такое обещание. Итак, дорогой капитан, сделайте это для нас, и мы всегда будем вам благодарны».

Я не мог ответить отказом на такую вежливую просьбу. Без колебаний я объявил, что расскажу моим юным друзьям целую главу из своей жизни. Я выбрал то, что считал наиболее интересным для них: повесть о моем детстве и о первом путешествии по морю — путешествии, которое произошло в настолько странной обстановке, что я назвал его «Путешествием на дне трюма».

Мы усадились на прибрежной гальке. Перед нами был широкий морской простор. Мальчики собрались вокруг меня. И я начал.

Глава II

СПАСЕННЫЙ ЛЕБЕДЕМ

С самого раннего детства я любил воду. Мне следовало бы родиться уткой или ньюфаундлендом¹. Отец мой был моряком, дед и прадед — также. Должно быть, от них я унаследовал это влечение. Во всяком случае, тяга к воде была у меня так сильна, словно вода была моей родной стихией. Мне рассказывали, хотя сам я этого не помню, что еще маленьким ребенком меня с трудом отгоняли от луж и прудов. И в самом деле, первое приключение в моей жизни произошло на пруду, и я запомнил его хорошо. Правда, оно не было ни столь страшным, ни столь удивительным, как те приключения, которые мне случилось спытать впоследствии. Оно было скорее забавным. Но я расскажу его вам, чтобы показать, как велика была моя страсть к воде.

Я был тогда еще совсем маленьким мальчиком. И это странное происшествие, случившееся в преддверии моей

¹ Ньюфаундленд, или водолаз, — одна из самых крупных пород собак; они прекрасно плавают и любят воду; названы по имени острова Ньюфаундленд в Северной Америке.

жизни, явилось как бы предзнаменованием будущего. Оно как будто предвещало, что мне предстоит пройти через многие испытания судьбы и пережить немало приключений.

Я уже сказал, что был в то время совсем малышом. Меня только что начали пускать одного, без взрослых, и я находился как раз в том возрасте, когда дети любят спускать на воду бумажные кораблики. Я уже умел делать их, вырывая страницы из старых книг и газет, и часто посылал свои «суда» путешествовать через большую лужу, которая заменяла мне океан. Но скоро мне показалось этого мало. Я собрал за шесть месяцев карманные деньги, экономя их специально для этой цели, и приобрел у старого рыбака полностью оснащенный игрушечный корабль, который он смастерил на досуге.

Мой корабль имел всего шесть дюймов¹ в длину и три дюйма в ширину, и если бы его тоннаж был зарегистрирован (а он, конечно, не прошел регистрацию), то он составил бы около полуфунта. «Утлое суденышко», — скажете вы, но в ту пору оно представлялось мне ничем не хуже настоящего трехпалубного корабля.

Я решил, что он слишком велик для лужи, где купались утки, и начал искать место, где он мог бы понастоящему показать свои морские качества.

Скоро я нашел очень большой пруд — вернее, озеро, где вода была чиста, как кристалл, и тихий ветерок рябил ее поверхность. Этого ветра было достаточно, чтобы надувать паруса и нести мой маленький кораблик, как птицу на крыльях. Часто он пересекал весь пруд, прежде чем я успевал оббежать вокруг, чтобы поймать его вновь. Много раз мы с ним состязались в скорости с переменным успехом. Иногда побеждал он, иногда я, в зависимости от того, был ли ветер попутным или дул навстречу кораблику.

Красивый пруд, на берегах которого я забавлялся и провел лучшие часы моего детства, не был общественной собственностью. Он был расположен в парке, принадлежавшем частному лицу. Парк начинался от кон-

¹ Д ю й м — мера длины, равная 2,5 сантиметра.

ца деревни, и, конечно, пруд принадлежал владельцу парка. Это был, однако, доброжелательный и лишенный предрассудков джентльмен. Он разрешал жителям деревни проходить по своим землям и не только не возражал против того, чтобы мальчишки пускали кораблики по его прудам и бассейнам, но даже позволял им играть в крикет на площадках парка, с тем чтобы дети вели себя осторожно и не портили кустов и растений, которыми были обсажены аллеи. С его стороны это было очень любезно. Мы, деревенская детвора, это чувствовали и вели себя так, что мне ни разу не приходилось слышать о каком-либо значительном ущербе, причиненном парку и пруду.

Парк и пруд существуют до сих пор — вы, наверно, знаете их. Но добрый джентльмен, о котором я говорю, давно ушел из этого мира, потому что его уже тогда называли «старым джентльменом», а это было шестьдесят лет назад.

По маленькому озеру плавала стая лебедей — точнее, их было шесть. Водились там и другие довольно редкие птицы. Дети любили кормить эти красивые создания. У нас было принято приносить кусочки хлеба и бросать водяным птицам. Я тоже был в восторге от них и при малейшей возможности являлся к озеру с пабытыми хлебом карманами.

Птицы, особенно лебеди, так приручились, что ели прямо из рук и нисколько не боялись нас.

У нас был один забавный способ кормежки. В одном месте берег пруда был покруче, он образовывал нечто вроде насыпи высотой около трех футов¹. И пруд был здесь поглубже, так что лебеди могли подняться на сушу только с помощью крыльев. Берег был почти отвесный, без выступов или ступенек. Он именно нависал над водой, а не спускался к ней.

Сюда мы и заманивали лебедей. Они настораживались, уже завидев нас издали. Мы насаживали кусок хлеба на расщепленный кончик длинного прута и, поднимая его высоко над головами лебедей, забавлялись,

¹ Фут — мера длины, равная 30,4 сантиметра.

глядя, как они вытягивали длинные шеи и иногда подпрыгивали на воде, стараясь схватить хлеб, — совсем как собаки при виде лакомого куска. Вы сами понимаете, сколько тут было веселья для мальчишек!

Теперь перейдем к происшествию, о котором я хочу рассказать.

Однажды я пришел на пруд, по обыкновению неся свой кораблик. Было рано, и, дойдя до берега, я убедился, что мои товарищи еще не явились. Я спустил кораблик на воду и зашагал вокруг пруда, чтобы встретить свое «судно» на другой стороне.

Ветра почти не было — кораблик двигался медленно. Спешить было нечего, и я брел по берегу. Выходя из дому, я не забыл о лебедях, моих любимцах. Надо признаться, они не раз заставляли меня пускаться на небольшие кражи: куски хлеба, которыми были набиты мои карманы, я добывал тайком из буфета.

Так или иначе, но я принес с собой их обычную порцию и, выйдя на высокий берег, остановился перед птицами.

Все шестеро, гордо выгнув шеи и слегка приподняв крылья, плавно заскользили по направлению ко мне. Вытянув клювы, они не спускали с меня глаз, следя за каждым моим движением. Они знали, что я звал их не зря.

Я достал ветку, расщепил ее на конце, приладил хлеб и стал забавляться уловками птиц, старавшихся схватить добычу.

Кусок за куском исчезал с конца ветки, и я уже почти опустошил карманы, как вдруг край дерна, на котором я стоял, обвалился у меня под ногами, и я бухнулся в воду.

Я упал с шумом, как большой камень, и так как совершенно не умел плавать, то камнем и пошел бы прямо ко дну, если бы мне не случилось попасть в самую середину стаи лебедей, которые испугались не меньше моего.

Не то чтобы я сохранил присутствие духа, но просто, повинувшись инстинкту самосохранения, свойственному каждому живому существу, я попытался спастись,

размахивая руками и стараясь ухватиться за что-нибудь. Утопающие хватаются и за соломинку, но в моих руках оказалось нечто лучшее, чем соломинка, — я ухватился за лапу самого большого и сильного из лебедей и держался за нее изо всех сил, ибо от этого зависела моя жизнь.

При падении мне в глаза и уши набралась вода, и я плохо соображал, что делаю. Сначала я слышал только плеск и крики испуганных лебедей, но в следующую секунду уже сообразил, что птица, которую я держу за ногу, увлекает меня к другому берегу. У меня хватило ума не отпустить лапу — и в одно мгновение я пронесся через половину пруда, что в конечном счете было не так уж много. Лебедь даже не плыл, а, скорее, летел, ударяя крыльями по поверхности воды и помогая себе свободной лапой. Без сомнения, страх удвоил его силы и энергию, а то он не мог бы тащить за собой существо, которое весило столько же, сколько он сам. Затрудняюсь сказать, сколько это продолжалось. Думаю, что не очень много времени. Птица могла еще продержаться на воде, но я бы долго не выдержал. Погружаясь, я набирал воду ртом и носом и уже начал терять сознание.

Но тут, к величайшей своей радости, я почувствовал что-то твердое под ногами. Это были камешки и галька на дне озера — я стоял на мелком месте. Птица, стремясь вырваться, пронеслась над самыми глубокими и опасными частями озера и оттащила меня в другой конец пруда, изобилующий мелями.

Я не мешкал ни минуты. Я был бесконечно рад, что закончил свое путешествие на буксире, и, разжав руку, выпустил лапу лебеда. Птица, почувствовав свободу, немедленно поднялась в воздух и полетела, пронзительно крича.

Что касается меня, то, нащупав наконец дно, шатаясь, чихая и отфыркиваясь, я окончательно встал на ноги, побрел к берегу и вскоре оказался в безопасности, на твердой земле.

Я был до того перепуган всем случившимся, что совершенно забыл о своем кораблике. Не думая о том, как он закончит плавание, я побежал во всю прыть и оста-

новился лишь тогда, когда оказался дома. Вода так и текла с меня ручьями, я вымок насквозь и тут же стал сушить мокрую одежду возле горящего очага.

Глава III

ПОДВОДНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Пожалуй, вы подумаете, что урок, который я получил, отбил у меня охоту подходить близко к воде. Ничуть не бывало! Случай на пруду не научил меня осторожности, но оказался благодетельным для меня в другом отношении: как ни был я мал, я все же понял, как опасно попадать в глубокие места, не умея плавать. Опасность, которой я с таким трудом избежал, заставила меня принять новое решение, а именно — научиться плавать.

Мать одобрила мое намерение. То же самое писал мне отец из дальних стран. Он даже посоветовал наилучший способ обучения. Этого только мне и нужно было, и я с жаром принялся за дело в надежде стать первоклассным пловцом. Раз или два в день, в теплую погоду, после школы я отправлялся на море и плескался в воде, как молодой дельфин.

Старшие мальчики, уже умевшие плавать, дали мне несколько уроков, и скоро я испытал величайшее удовольствие, когда смог впервые плыть на спине без всякой посторонней помощи. Хорошо помню, что я был очень горд, совершив этот свой первый подвиг пловца.

Разрешите, юные слушатели, дать вам хороший совет: учитесь плавать! Это умение пригодится вам скорее, чем кажется. Как знать, может, вам придется его применять, спасая других, а может быть, и самих себя.

В наше время случаев утонуть представляется гораздо больше, чем в старые времена. Многие ездят по морям, океанам и большим рекам, и количество людей, которые ежегодно подвергают опасности свою жизнь, отправляясь в путешествие по делу или ради удоволь-

ствия, даже трудно себе представить. В бурную погоду многие из них, не умея плавать, тонут.

Я не собираюсь, конечно, утверждать, что даже самый лучший пловец, потерпевший кораблекрушение где-нибудь вдали от берега, например в середине Атлантического океана или посреди пролива Ла-Манш, может надеяться, что доплывет до берега. Разумеется, это ему не удастся. Но и вдали от суши можно спастись, если доплыть до шлюпки, до какой-нибудь доски или пустой бочки.

Было немало примеров, когда люди спасали свою жизнь таким простым способом. К месту катастрофы может подойти другой корабль, и хорошему пловцу нужно только продержаться на поверхности воды, пока его не подберут. А не умеющие плавать пойдут ко дну.

К тому же вы знаете, что большинство кораблей терпит крушение не в середине Атлантического океана и вообще не в открытом море. В редких случаях буря достигает такой исключительной силы, чтобы море «разгулялось», как говорят моряки, и разбило корабль в щепки. Большинство крушений происходит вблизи берега. Именно тогда бывают человеческие жертвы, которых не было бы, если бы все на корабле умели плавать. Каждый год мы узнаем, что сотни людей тонут в кабельтове¹ от берега; целые корабли, со всеми, кто находится на борту — переселенцами, солдатами, матросами, — погружаются в воду, — и только несколько хороших пловцов остаются в живых. Такие же несчастия происходят на речках шириной в каких-нибудь двести ярдов². Вы сами, наверно, слышали, как люди каждый год умудряются тонуть даже в неширокой, но студеной речке Серпентайн³.

Все это общеизвестно, и приходится удивляться беспечности людей и их нежеланию учиться плавать.

Приходится также удивляться тому, что правительство не заставляет молодежь учиться этому простому

¹ Каб е л ь т о в — морская мера длины, равная 185,2 метра.

² Я р д — мера длины, равная 91,4 сантиметра.

³ С е р п е н т а й н — небольшая искусственная речка в лондонском Гайд-парке.

делу. Впрочем, основным занятием правительства во все времена было скорее облагать налогами, чем обучать свой народ.

Однако мне кажется, что для правительства было бы уж совсем не трудно заставить всех морских путешественников запастись спасательными поясами. Я берусь доказать, что тысячи жизней каждый год могут быть спасены с помощью этого дешевого и простого приспособления. И никто не станет ворчать ни на стоимость, ни на неудобство спасательного пояса.

Правительство очень заботится о том, чтобы заставить путешественников заплатить за никчемный клочок бумаги, называемый заграничным паспортом. Как только вы заплатили, чиновникам становится безразлично, скоро ли вы и ваш паспорт пойдете на дно моря.

Итак, юные слушатели, хочет или не хочет этого ваше правительство, прислушайтесь к моему совету и сделайте хорошими пловцами! Возьмитесь за это немедленно — только в теплую погоду — и затем уже не пропускайте ни одного дня. Сделайтесь пловцами прежде, чем станете взрослыми. Потом у вас не будет ни времени, ни желания учиться плаванию. А между тем, не умея плавать, вы можете утонуть еще до того, как у вас появится первый пух на верхней губе. Лично я не раз бывал на волосок от смерти в воде. Водная стихия, которую я так любил, как бы задалась целью сделать меня своей жертвой. Я бы мог упрекнуть волны в неблагодарности, но не делал этого потому, что знал, что они веодушевлены и не отвечают за свои поступки. И вот однажды я безрассудно доверился им.

Это случилось через несколько недель после моего вынужденного купанья в пруду, когда я уже немного умел плавать.

Все это произошло не на том пруду, где плавали лебеди, потому что он служил для украшения парка и был частной собственностью. Купаться в нем было запрещено.

Но жители морского побережья и не нуждаются в прудах и озерах для купанья. Они купаются в великом

соленом море. И у нашего поселка, как и у других подобных же деревушек, был свой морской пляж. Конечно, первые уроки плавания я брал в соленой воде.

Место, где купались жители нашего поселка, было выбрано не совсем удачно. Правда, пляж был прекрасный: с желтым песком, белыми ракушками и галькой, но в морской глубине здесь скрывалось подводное течение, опасное для всех, кроме хороших, выносливых пловцов.

Местные жители рассказывали, что кто-то утонул, унесенный этим течением, но это случилось давно, и об этом почти забыли. Позже раза два или три купальщиков уносило в море, но их в конце концов спасали посланные вслед лодки.

Помню, эти факты тогда произвели на меня сильное впечатление. Но самые почтенные жители поселка — старые рыбаки — не любили говорить на эту тему. Они либо пожимали плечами и помалкивали, либо отговаривались ничем не значащими словами. Кое-кто из них даже вовсе отрицал существование подводного течения, другие утверждали, что оно неопасно. Я, однако, замечал, что родители не позволяли мальчикам купаться вблизи опасного места.

Долго я не понимал, почему мои односельчане так упорно не хотят признаться, что подводное течение существует. Когда я вернулся в поселок через сорок лет, я наткнулся на все то же таинственное пожимание плечами, хотя за это время народилось новое поколение, сильно отличающееся от того, с которым я когда-то расстался. Жители не хотят говорить о подводном течении, несмотря на то что в мое отсутствие произошло еще несколько случаев, доказывающих, что оно действительно существует и что оно действительно опасно.

Но теперь я стал старше и лучше понимаю людей. Скоро я понял истинную причину странного поведения моих односельчан. Наш поселок считается морским курортом и получает некоторый доход от приезжих, которые проводят здесь несколько недель летом. Это и так не первосортный курорт, а если бы пошли слухи о подводном течении и о том, как люди тонут из-за него, то к

нам стало бы ездить еще меньше людей или вовсе никто не стал бы ездить. Поэтому, чем меньше вы говорите о подводном течении, тем больше вас уважают местные мудрецы.

Итак, мои юные друзья, я сделал длинное вступление к довольно обыкновенной истории, но дело в том, что я утонул, попав в это прибрежное подводное течение, — именно *утонул!*

Вы скажете, что я, во всяком случае, не захлебнулся *до смерти*. Может быть, но я был в таком состоянии, что ничего не почувствовал бы, даже если бы меня разрезали на куски, и никогда не вернулся бы к жизни, если бы не мой спаситель. Этим спасителем оказался молодой рыбак из нашего поселка, по имени Гарри Блю. Ему я обязан своим вторичным рождением.

История, повторяю, самая обыкновенная, но я ее рассказываю для того, чтобы вы знали, как я познакомился с Гарри Блю, так как он оказал решительное влияние на всю мою последующую жизнь.

Я отправился на пляж купаться, как обычно, но вошел в воду в новой для меня и пустынной части берега. Считалось, что в этом месте подводное течение особенно сильно, и действительно, оно мгновенно подхватило меня и понесло в открытое море. Меня отнесло так далеко, что всякая надежда доплыть до суши пропала. Страх и уверенность в гибели так сковали мне тело, что я не в состоянии был удержаться на поверхности и начал погружаться в глубину, как кусок свинца.

Я не знал тогда, что мне не суждено еще умереть. Не помню, что было потом. Помню только, что передо мной появилась лодка и в ней человек. Вокруг меня как бы спустились сумерки, а в ушах раздавался грохот, похожий на удары грома. Сознание мое померкло, как пламя задудой свечи.

Оно вернулось ко мне благодаря Гарри Блю. Когда я почувствовал, что еще жив, и открыл глаза, то увидел человека, стоящего возле меня на коленях. Он растирал мне руками тело, нажимая на живот под ребрами, и щекотал ноздри пером, всячески стараясь вырвать меня у смерти.

Гарри Блю удалось вновь вдохнуть в меня жизнь. Он тут же взял меня на руки и отнес домой, к матери, которая едва не потеряла рассудка, увидев меня в таком состоянии. Мне влили в рот вина, к ногам приложили горячие кирпичи и бутылки, дали понюхать нашатыря, закутали в теплые одеяла. Было принято еще много мер, и много лекарств пришлось мне проглотить, пока решили, что опасность миновала и что я, вероятно, выживу.

Наконец все успокоились, а через двадцать часов я уже снова был на ногах как ни в чем не бывало.

Казалось бы, такой случай мог научить меня осторожности. Но я не внял голосу рассудка и повел себя совсем иначе, а почему и как, вы узнаете из следующих глав.

Глава IV

ЯЛИК

Нет, все уроки прошли даром! Я побывал на краю гибели, но это не только не отбило у меня тягу к воде, но даже наоборот.

Знакомство с молодым лодочником скоро переросло в прочную дружбу. Его звали, как я сказал, Гарри Блю, и он обладал смелым и добрым сердцем. Нечего и говорить, что я крепко привязался к нему, да и он ко мне. Он вел себя так, как будто я его спас, а не он меня. Он положил много трудов, чтобы сделать из меня образцового пловца, и научил меня пользоваться веслами так, что в короткое время я стал грести вполне уверенно, гораздо лучше, чем другие мальчики моего возраста. Я греб не одним веслом, как дети, а двумя, как взрослые, и управлялся без всякой посторонней помощи. Это было великое достижение. И я всегда гордился, когда Гарри Блю поручал мне взять его шлюпку из заводи, где она стояла, и привести ее в какое-нибудь место на берегу, где он ждал пассажиров, желающих покататься. Проходя мимо судов, стоявших на якоре или вблизи пляжа, я не раз слышал насмешливые

восклицания вроде: «Гляди, какой забавный малыш на веслах!» или «Разрази меня гром! Посмотрите на этого клопа, ребята!»

Я слышал и другие шутки, сопровождаемые раскатами хохота. Но это меня ничуть не смущало. Наоборот, я очень гордился тем, что могу вести лодку куда нужно без всякой помощи и, пожалуй, быстрее, чем те, кто был ростом вдвое выше меня.

Прошло немного времени, и надо мной перестали смеяться, разве только кто-нибудь из приезжих. Односельчане же увидели, что я умею управлять лодкой, и, несмотря на мой юный возраст, стали относиться ко мне даже с уважением — во всяком случае, шутки прекратились. Часто меня называли «морячком» или «матросиком», а еще чаще «морским волчонком». Дома во мне всячески поддерживали мысль о профессии моряка. Отец хотел сделать меня моряком. Если бы он дождал еще до одного плавания, я отправился бы с ним в море. Мать всегда одевала меня в матросское платье излюбленного тогда фасона — синие штаны и куртка с отложным воротником, с черным шелковым платком на шее. Я гордился всем этим. И отчасти мой костюм и породил кличку «морской волчонок». Это прозвище мне нравилось больше других, потому что его придумал Гарри Блю, а с тех пор как он спас меня, я считал его своим верным другом и покровителем.

Его дела в то время процветали. У него была собственная лодка — вернее сказать, две лодки. Одна из них была много больше другой — он называл ее шлюпкой, — и она постоянно была занята, особенно когда на ней хотели покататься трое или четверо пассажиров. Вторую лодку, маленький ялик, Гарри купил недавно, и она предназначалась для одного пассажира, потому что на ней меньше приходилось работать веслами. Во время купального сезона шлюпка, конечно, была в действии чаще. Почти каждый день на ней катались отдыхающие, а ялик спокойно стоял у причала. Мне было позволено брать его и кататься сколько угодно, одному или с товарищами. Обычно после школьных занятий я садился в ялик и катался по бухте.

Редко я бывал один, потому что многие мои одноклассники любили море и все они смотрели на меня с величайшим уважением, как на хозяина лодки. Мне стоило только захотеть, и я тут же находил себе спутника.

Мы катались почти ежедневно, если море было спокойным. Понятно, в бурную погоду ездить на крошечной лодочке было нельзя, сам Гарри Блю запретил такие прогулки.

Наши рейсы совершались лишь на небольшом расстоянии от поселка, обычно в пределах бухты, и я всегда старался держаться берега и никогда не отваживался отойти подальше, потому что в море любой случайный шквал грозил мне опасностями.

Однако со временем я осмелел и чувствовал себя как дома и вдалеке от суши. Я стал уходить на милю от берега, не думая о последствиях. Гарри заметил это и повторил свое предупреждение. Может быть, этот разговор и подействовал бы на меня, не услышь я через минуту, как он говорил обо мне кому-то из своих товарищей:

— Замечательный парень! Верно, Боб? Молодчина! Из него выйдет настоящий моряк, когда он вырастет!

Я решил, что далекие прогулки не под таким уж строгим запретом, и совет Гарри «держаться по берегу» не произвел на меня должного впечатления.

Вскоре я и вовсе ослушался его. Невнимание к советам опытного моряка едва не стоило мне жизни, как вы сейчас в этом убедитесь.

Но прежде позвольте отметить одно обстоятельство, которое перевернуло вверх дном мою жизнь. Случилось большое несчастье: я потерял обоих родителей.

Я уже говорил, что мой отец был моряком. Он командовал судном, которое, помнится мне, ходило в американские колонии. И отца так подолгу не бывало дома, что я вырос, почти не зная его. А это был славный, мужественный моряк с обветренным, почти медного цвета, и при этом красивым и веселым лицом.

Моя мать была сильно к нему привязана, и, когда пришло известие о гибели судна и моего отца, она не

могла совладать с горем. Она стала чахнуть, ей больше не хотелось жить, и для нее осталась лишь надежда присоединиться к отцу в другом мире. Ей недолго пришлось ждать исполнения своих желаний: всего через несколько недель после того, как до нас дошла ужасная весть, мою бедную маму похоронили.

Таковы были обстоятельства, которые изменили всю мою жизнь. Теперь я стал сиротой, без средств к существованию и без дома. Родители мои были люди бедные, семья наша целиком зависела от заработков отца, а он не мог принять никаких мер на случай своей смерти. Мы с матерью остались почти без денег. Может быть, судьба была милостива, что увела ее из этой жизни — жизни, в которой не осталось больше места для радостей. И хотя я долго оплакивал мою дорогую, милую матушку, но впоследствии не мог удержаться от мысли, что, пожалуй, лучше, что она ушла от нас. Долгие-долгие годы прошли бы, прежде чем я смог помочь ей, и холод и мрак нищеты стали бы ее уделом.

Последствия смерти родителей оказались для меня чрезвычайно серьезны. Я не остался, конечно, на улице, но условия моей жизни совершенно изменились. Меня взял к себе дядя, который ничем не походил на мою нежную, мягкосердечную мать, хотя и был ее родным братом. Напротив, это был человек сердитый, с грубыми привычками. И скоро я убедился в том, что он относится ко мне несколько не лучше, чем к своим работникам и служанкам.

Мои школьные занятия кончились. С тех пор как я переступил порог дома дяди, меня больше в школу не посылали. Но мне не позволяли и сидеть без дела. Мой дядя был фермером, и он нашел для меня работу: с утра до вечера я пас свиней и коров, погонял лошадей на пашне, ходил за овцами, носил корм телятам... Я был свободен только в воскресенье — не потому, что дядя мой был религиозен, но таков уж обычай: в этот день никто не работал. Вся деревня строго соблюдала этот обычай, и дядя был вынужден ему подчиняться — в противном случае, мне думается, он заставил бы меня трудиться и в воскресенье.

Поскольку мой дядя не интересовался религией, меня не понуждали ходить по праздникам в церковь, и мне предоставлялось право бродить по полям и вообще делать все, что угодно. Вы сами понимаете: я не мог шататься по деревне и развлекаться лазаньем за птичьими гнездами, когда передо мной лежало лазурное море. Как только у меня появлялась возможность удрать из дому, я отправлялся к воде и либо помогал моему другу Гарри Блю возить пассажиров по бухте, либо забирался в ялик и уходил на нем в море ради собственного удовольствия. Так я проводил воскресенья.

При жизни матери мне внушали, что грешно проводить воскресенье в пустой праздности. Но пример дяди научил меня иному, и я пришел к заключению, что этот день — самый веселый из всех дней недели.

Впрочем, одно из воскресений оказалось для меня далеко не веселым и, больше того, едва ли не *последним* днем моей жизни. И, как всегда, в новом приключении участвовала моя любимая стихия — вода.

Глава V

ОСТРОВ

Было прекрасное воскресное утро. Майское солнце ярко сияло, и птицы наполняли воздух радостным щебетаньем. Резкие голоса дроздов смешивались с нежными трелями жаворонков, а над полями то здесь, то там звучал неумолчный монотонный крик кукушки. Сильное благоухание, похожее на запах миндаля, разливалось в воздухе: цвел боярышник, и легкий ветерок разносил его запах по всему побережью. Зеленые изгороди, поля молодой пшеницы, луга, пестревшие золотыми лютиками и пурпурным ятрышником в полном цвету, птичьи гнезда в живых изгородях — все эти прелести сельской природы манили многих моих сверстников, но меня больше увлекало то, что лежало вдали, — спокойная, блистающая пелена небесно-голубого цвета, искрящаяся под лучами солнца, как поверхность зеркала.

Большая водная равнина — вот где были сосредоточены все мои желания, вот куда я рвался всей душой! Мне казалось, что море красивее, чем волнуемая ветром пшеница или пестревший цветами луг; легкий плеск прибоя музыкальнее, чем трели жаворонка, а йодистый запах волн приятнее аромата лютиков и роз.

Когда я вышел из дому и увидел улыбающееся, сияющее море, мне страстно, почти неудержимо захотелось окунуться в его волны. Я спешил поскорее удовлетворить свое желание и потому не стал ждать завтрака, а ограничился куском хлеба и чашкой молока, которые раздобыл в кладовой. Поспешно проглотив то и другое, я бросился на берег.

Собственно говоря, я покинул ферму украдкой, так как боялся, что смогут возникнуть препятствия. Вдруг дядя позовёт меня и прикажет остаться дома! Хотя он не возражал против прогулок по полям, но я знал, что он не любит моих поездок по воде и уже не раз запрещал их.

Я принял некоторые меры предосторожности. Вместо того чтобы пойти по улице, которая вела к большой береговой дороге, я выбрал боковую тропу — она должна была привести меня к пляжу круглым путем.

Никто не мешал мне, и я достиг берега никем не замеченный — никем из тех, кого могло интересовать, куда я делся.

Подойдя к причалу, где молодой лодочник держал свои суденышки, я увидел, что шлюпка ушла в море, а ялик остался в моем распоряжении. Ничего другого мне и не нужно было: я решил совершить на ялике большую прогулку. Первым делом я забрался в него и вычерпал всю воду со дна. Там накопилось порядочно воды — по-видимому, яликом уже несколько дней не пользовались, а обычно дно его много воды не пропускало. К счастью, я нашел старую жестяную кастрюлю — она служила для вычерпывания воды — и, поработав минут десять — пятнадцать, осушил лодку в достаточной степени. Весла лежали в сарае, за домиком лодочника. Сарай стоял неподалеку. Я, как всегда, взял весла, не спрашивая ни у кого разрешения.

Я вошел в ялик, вставил уключины, вложил в них весла, уселся на скамью и оттолкнулся от берега. Крохотная лодочка послушно повиновалась удару весел и заскользила по воде, легкая и подвижная, как рыба. И с веселым сердцем я устремился в искрящееся голубое море. Оно не только искрилось и голубело, оно было спокойно, как озеро. Не было ни малейшей ряби, вода была так прозрачна, что я мог видеть под лодкой рыб, играющих на большой глубине.

Морское дно в нашей бухте покрыто чистым серебристо-белым песком; я видел, как маленькие крабы, величиной с золотую монету, гонялись там друг за другом и преследовали еще более мелкие создания, рассчитывая позавтракать ими. Стайки сельдей, широкая плоская камбала, крупный палтус, красивая зеленая макрель и громадные морские угри, похожие на удавов, — все резвились или подстерегали добычу.

В это утро море было совершенно спокойно, что редко случается на нашем побережье. Погода как будто была создана специально для меня — ведь я предполагал совершить большую прогулку, как уже говорил вам.

Вы спросите, куда я направлялся. Слушайте, и вы сейчас узнаете.

Примерно в трех милях¹ от берега виднелся маленький островок. Собственно говоря, даже не островок, а группа рифов или скал площадью около тридцати квадратных ярдов. Высота их достигала всего нескольких дюймов над уровнем воды, и то только в часы отлива, потому что в остальное время скалы были покрыты водой, и тогда виднелся лишь небольшой тонкий столб, поднимавшийся из воды на несколько футов и увенчанный бочонком. Столб поставили для того, чтобы небольшие суда во время прилива не разбились о подводный камень.

Островок был виден с суши только во время отлива. Обычно он был блестящего черного цвета, но порой,

¹ Английская сухопутная миля — мера длины, равная 1609,3 метра; здесь: морская миля равна 1852 метрам.

казалось, покрывался снегом в фут вышиной и тогда выглядел гораздо привлекательнее. Я знал, почему он меняет цвет, знал, что белый покров, который появляется на островке, — это большие стаи морских птиц, которые садятся на камни, делая передышку после полета, или же ищут мелкую рыбешку и рачков, выброшенных сюда приливом.

Меня всегда привлекал этот небольшой островок, может быть, потому, что он лежал далеко и не был связан с берегом, но скорее оттого, что на нем густо сидели птицы. Такого количества птиц нельзя было найти нигде в окрестностях бухты. По-видимому, они любили это место, потому что в часы отлива я наблюдал, как они отовсюду тянулись к рифу, летали вокруг столба, а затем садились на черную скалу, покрывая ее своими телами так, что она казалась белой. Эти птицы были чайки, но, кажется, там их насчитывалось несколько пород — покрупнее и помельче. А иногда я замечал там и других птиц — гагар и морских ласточек. Конечно, с берега трудно было их различить, потому что самые крупные из них казались не больше воробья, и если бы они не летали такой массой, их бы вовсе не было видно.

Полагаю, что из-за птиц меня больше всего и тянуло на островок. Когда я был поменьше, я увлекался всем, что относится к естественным наукам, особенно пернатыми созданиями. Да и какой мальчик не увлекается этим! Возможно, существуют науки, более важные для человечества, но ни одна так не приходится по вкусу жизнерадостной молодежи и не близка так их юным сердцам, как наука о природе. Из-за птиц или по какой-либо другой причине, но я всегда мечтал съездить на островок. Когда я смотрел на него — а это случалось всякий раз, когда я оказывался у берега, — во мне пробуждалось желание исследовать его из конца в конец. Я знал его очертания в часы отлива и мог бы нарисовать их, не видя самого островка. По бокам островок был ниже, а в середине образовывал кривую линию, напоминая гигантского кита, лежащего на поверхности воды; а столб на его вершине напоминал гарпун, застрявший в спине кита.

Мне очень хотелось потрогать этот столб, узнать, из какого материала он сделан, высок ли вблизи, потому что с берега казалось, что он высотой не больше ярда. Мне хотелось выяснить, что представляет собой бочонок наверху и как закреплено основание столба в земле. Вероятно, столб был вбит очень прочно. Мне случалось видеть, как в штормовую погоду гребни волн перекашивались через него и пена вздымалась так высоко, что ни скал, ни столба, ни бочонка вовсе не было видно.

Ах, сколько раз и с каким нетерпением ждал я случая съездить на этот островок! Но случая все не представлялось. Островок лежал слишком далеко для моих обычных прогулок, и слишком опасно было отправляться туда одному на утлой лодчонке, а плыть со мной никто не соглашался. Гарри Блю обещал взять меня туда с собой, но в то же время посмеивался над моим желанием посетить островок. Что ему эта скала! Он не раз проплывал мимо нее, даже высаживался там и призывал лодку к столбу, чтобы пострелять морских птиц или половить рыбу по соседству, но мне ни разу не случилось сопровождать его в этих увлекательных поездках. Я все надеялся, что он как-нибудь возьмет меня с собой, но под конец утратил всякую надежду: ведь я был свободен только по воскресеньям, а воскресенье было для моего друга самым трудовым днем, потому что в праздник множество людей едет кататься по морю.

Долго я ждал напрасно и наконец решил больше не ждать. В это утро я принял дерзкое решение взять ялик и одному отправиться на риф. Таков был мой план, когда я отвязал лодочку и ринулся на ней в сверкающий голубой простор моря.

Глава VI

ЧАЙКИ

Я назвал свое решение дерзким. Сама по себе затея не представляла ничего особенного. Она была дерзкой только для мальчика моего возраста. Надо было

пройти три мили на веслах по открытому морю, почти совершенно потеряв из виду берег. Так далеко я еще никогда не ходил. Даже половины этого расстояния я не проделывал. Редко случалось мне одному, без Гарри, выходить из бухты даже на милю от берега, да и то по мелководью; с ним-то я обошел всю бухту, но в таких случаях мне не приходилось управлять лодкой, и, доверяя уменью лодочника, я ничего не боялся. Другое дело — одному: ведь все зависело от меня самого. Если что-нибудь произойдет, никто не окажет мне помощи, не даст совета... Едва я отъехал на милю, как моя затея стала мне казаться не только дерзкой, но и безрассудной, и я уже готов был повернуть обратно.

Но мне пришло в голову, что кто-нибудь, может быть, смотрит на меня с берега. Что, если какой-нибудь мальчик из тех, что мне завидуют — а такие были в деревне, — видел, как я отправился на остров? Он тотчас догадается, почему я повернул назад, и уж наверняка станет называть меня трусом. Отчасти благодаря этой мысли, а отчасти потому, что желание посетить островок все-таки еще не прошло, я приободрился и приналег на весла.

В полумиле от рифа я бросил весла и обернулся, чтобы посмотреть на него, потому что он лежал как раз за моей спиной. Я сразу заметил, что островок весь находится над водой — прилив в это время был на самой низкой точке. Но черных камней не было видно из-за сидевших на них птиц. Казалось, что там находится стая лебедей или гусей. Но я знал, что это чайки, потому что многие из них кружили в воздухе, некоторые то садились, то поднимались снова. Даже на расстоянии полумили отчетливо были слышны их крики. Я мог бы услышать их и на еще более дальнем расстоянии, потому что ветра совсем не было.

Трудно выразить, как мне хотелось попасть на риф и посмотреть на птиц вблизи. Я думал подойти к ним поближе и остановиться, чтобы последить за движениями этих красивых созданий, так как многие из них непрерывно перелетали с места на место и я не мог определить, что они собираются делать.

В надежде, что они меня не заметят и мне удастся подплыть поближе, я старался грести бесшумно, опуская весла в воду так осторожно, как переступает лапами кошка, подстерегающаямышь.

Приблизившись таким образом на расстояние около двухсот ярдов, я поднял весла и оглянулся. Птицы меня не замечали. Чайки — пугливые создания, они хорошо знакомы с охотничьими ружьями и разом снимаются с места, как только подойдешь к ним на расстояние ружейного выстрела. У меня не было ружья, и им нечего было бояться. Даже если бы и было ружье, я не умел им пользоваться. Возможно, что, заметив ружье, они улетели бы, потому что чайки в этом отношении напоминают воров и прекрасно знают разницу между ружьем и рукояткой мотыги. Им хорошо знаком блеск ружейного ствола.

Я долго разглядывал их с большим интересом. Если бы мне пришлось на этом закончить прогулку и тотчас вернуться назад, я все же считал бы себя вознагражденным за потраченные усилия. Птицы, которые теснились около камней, все были чайки, но здесь были две породы, различные по размерам и не совсем одинаковые по цвету: одни были черноголовые, с сероватыми крыльями, другие — покрупнее первых и почти целиком белые. И те и другие выглядели так, словно ни одно пятнышко грязи никогда не касалось их снежно-белого оперения, а их ярко-красные лапки были похожи на ветви чистейшего коралла.

Я видел, что все они были заняты. Одни охотились за пищей, состоявшей из мелкой рыбешки, крабов, креветок, омаров, двустворчатых раковин и других морских животных, выброшенных последним приливом. Другие сидя чистили себе перья и словно гордились их видом.

Однако, несмотря на кажущуюся счастливую беспечность, чайки, как и другие живые существа, не были свободны от забот и дурных страстей. На моих глазах разыгралось несколько свирепых ссор — я так и не мог определить их истинную причину. Особенно забавно было наблюдать, как чайки ловили рыбу: они падали

пулей с высоты больше чем в сто ярдов и почти бесшумно исчезали под водой, а через несколько мгновений появлялись снова, держа в клюве сверкающую добычу.

Из всех птичьих маневров на земле и в воздухе, я думаю, самый интересный — это движение чайки-рыболова, когда она преследует добычу. Даже полет коршуна не так изящен. Крупные виражи чайки, мгновенная пауза в воздухе, когда она нацеливается на жертву, молниеносное падение, кружево взбитой пены при нырянии, внезапное исчезновение этой крылатой белой молнии и появление ее на лазурной поверхности — все это ни с чем нельзя сравнить! Никакое изобретение человека, использующее воздух, воду или огонь, не может дать такого прекрасного эффекта.

Я долго сидел в своей лодочке и любовался движениями птиц. Довольный тем, что моя поездка не прошла даром, я решил до конца выполнить свой план и высадиться на остров.

Красивые птицы оставались на местах почти до того момента, когда я почти вплотную подошел к острову. Казалось, они знали, что я не собираюсь причинить им никакого вреда, и доверяли мне. Во всяком случае, они не опасались ружья и, поднявшись в воздух, летали над моей головой так низко, что я мог бы сбить их веслом.

Одна из чаек, как будто самая крупная из стаи, все время сидела на бочонке, на верху сигнального столба. Возможно, что она показалась мне особенно большой только потому, что сидела неподвижно и я мог лучше разглядеть ее. Но я заметил, что, перед тем как снялись с места другие птицы, эта чайка поднялась первая, с пронзительным криком, похожим на команду. Очевидно, она была вожаком или часовым всей стаи. Такой же порядок я заметил у ворон, когда они отправляются грабить бобы или картофель на огородах.

Отлет птиц меня почему-то опечалил. Самое море как будто потемнело, с рифа пропала его белая одежда, обнажились голые скалы с черными, блестящими, как будто смазанными смолой, камнями. Но это было еще

не все. Поднялся легкий ветерок, облако закрыло солнечный диск, зеркальная поверхность воды замутилась и посерела.

Риф имел теперь довольно унылый вид. Но так как я решил его *исследовать* и приехал именно с этой целью, я налег на весла, и вскоре киль моего суденышка заскрипел, коснувшись камней.

Я увидел маленькую бухточку, которая вполне годилась для моей лодки. Я направил туда нос ялика, высадился на берег и зашагал прямо к столбу, на который столько лет смотрел издали и с которым так сильно хотел познакомиться поближе.

Глава VII

ПОИСКИ МОРСКОГО ЕЖА

Скоро я дотронулся руками до этого куска дерева и почувствовал такой прилив гордости, как будто это был Северный полюс и я его открыл. Я был немало удивлен действительными размерами столба и тем, как я обманывался, глядя на него издали. С берега он казался не толще шеста от граблей или от вил, а бочонок — размером с довольно крупную репу. Как же я был удивлен, когда увидел, что на самом деле столб втрое толще моей ноги, а бочонок больше меня самого! Это была, в сущности, настоящая бочка вместимостью в девять галлонов¹. Она была насажена на конец столба так, что его верхний конец входил в дыру на дне бочки и таким образом надежно ее поддерживал. Бочка была выкрашена в белый цвет; впрочем, об этом я знал и раньше, часто наблюдая с берега, как она блестит на солнце. Столб же был темный когда-то, может быть, даже черный, но волны, которые в бурную погоду хлестали его своей пеной, совершенно обесцветили его.

Я ошибся и в высоте столба. С берега он казался не выше человеческого роста, но на скале он возвышался

¹ Галлон — мера жидкости, равная 4,5 литра.

надо мной подобно корабельной мачте. В нем было не меньше двенадцати футов — да, по крайней мере двенадцать!

Я неверно судил и относительно площади островка. Раньше мне казалось, что в нем около тридцати квадратных ярдов, но я убедился, что на самом деле гораздо больше — около акра¹. Островок был усеян камнями разных размеров, от мелкой гальки до валунов с человека величиной, среди скал, из которых состоял островок, лежали и более крупные глыбы. Все камни были покрыты черной вязкой массой, похожей на смолу. Кое-где росли большие пучки водорослей, в том числе хорошо знакомый мне вид морской травы, на которую я потратил немало трудов, таская ее на дядин огород для удобрения картофеля.

Осмотрев сигнальный столб и подивившись истинным размерам бочки на его вершине, я оставил его и принялся исследовать риф. Я хотел взять с собой на память об этой знаменательной и приятной поездке какую-нибудь диковинную раковину. Но это оказалось вовсе не легким делом, значительно более трудным, чем я предполагал. Я уже говорил, что камни были покрыты вязкой массой, которая делала их скользкими. Они были такими скользкими, как будто их вымазали мылом, и ступать по ним было очень сложным делом. Я сразу упал и получил несколько основательных ушибов.

Я колебался, идти ли мне дальше в этом направлении: мой ялик остался на другой стороне рифа. Но вдруг я увидел на конце узкого полуострова, выдававшегося в море, множество редких раковин и решительно отправился за ними.

Я уже раньше подобрал несколько раковин в расщелинах скал; одни были пустые, в других сидели моллюски. Но это были самые обыкновенные раковины: трубянки, сердцевники, острячки, голубые двустворчатые. Я не раз находил их в морской траве, которой удобряли огороды. Не было ни одной устрицы, о чем я

¹ Акр — мера земельной площади, равная 0,4 гектара.

искренне пожалел, потому что проголодался и с удовольствием съел бы дюжины две. Я находил только маленьких крабов и омаров, но их нельзя есть сырыми.

Продвигаясь к концу полуостровка, я искал морских ежей¹, но пока не нашел ни одного. Мне давно хотелось найти хорошего ежа. Иногда они попадались у нас на взморье, но редко, и очень ценились в качестве украшения для каминной полки. Они могли быть на этом отдаленном рифе, редко посещаемом лодочниками, и я медленно бродил, тщательно обыскивая каждый провал и расселину между скал.

Я надеялся найти здесь что-нибудь редкое. Блестящие раковины, из-за которых я отправился в поход, казались мне еще более яркими по мере приближения. Но я не спешил. Я не боялся, что раковины удерут от меня в воду: их обитатели давно покинули свои дома, и я знал, что они не вернуться. Я продолжал неторопливо продвигаться вперед, когда вдруг, дойдя до конца полуостровка, увидел чудесный предмет — темно-красный, круглый, как апельсин, но гораздо крупнее апельсина. Но, я думаю, нечего описывать вам, как выглядит панцирь морского ежа.

Я взял его в руки и любовался закругленными формами и забавными выступами на спинке панциря. Это был один из самых красивых морских ежей, каких я когда-либо видел. Я поздравлял себя с удачей — для этого стоило съездить на риф.

Я вертел в руках свою находку, рассматривал чистенькую, белую комнатку, в которой когда-то жил еж. Через несколько минут я оторвался от этого зрелища, вспомнил о других раковинах и отправился на новые поиски.

Остальные раковины были мне незнакомы, но так же красивы. Здесь оказались три или четыре разновидности. Я наполнил ими карманы, набрал полные пригоршни и повернул обратно к лодке.

О ужас! Что я увидел! Раковины, морской еж — все посыпалось у меня из рук, словно было сделано

¹ Морской еж — животное из отряда иглокожих; живет на песчаном морском дне, у берегов, под камнями.

Лодка уплыла. Бухточка

из раскаленного железа. Они упали к моим ногам, и я сам едва не свалился на них, потрясенный картиной, которая открылась моим глазам. Что это? *Лодка! Лодка! Где моя лодка?*

Глава VIII

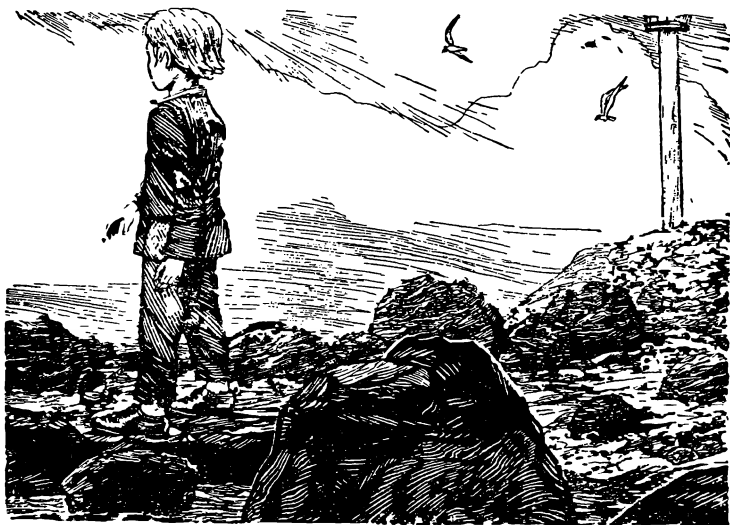
ЯЛИК УПЛЫЛ

Итак, именно лодка была причиной моего крайнего изумления. Вы спросите что же случилось с лодкой. Утонула? Нет, не утонула — она *уплыла*.

Когда я взглянул на то место, где оставил лодку, ее там не было. Бухточка среди скал была пуста!

Тут не было ничего таинственного. Я сразу все понял, потому что сейчас же увидел свою лодку. Она медленно удалялась от рифа.

Я не привязал ее и даже не вытянул конец каната на берег, и бриз, ставший теперь свежее, вывел ее из бухточки и погнал по воде.

среди скал была пуста.

Сначала я был просто поражен, но через секунду или две мое удивление перешло в тревогу. Как мне достать лодку? Как вернуть ее к рифу? А если это не удастся, как добраться до берега? До него было по меньшей мере три мили.

Я не мог бы проплыть такое расстояние даже ценой жизни, и у меня не было никакой надежды, что кто-нибудь явится ко мне на помощь.

Вряд ли кто-либо на берегу видел меня и знал о моем положении. Вряд ли кто заметил и лодку. Ведь на таком расстоянии, как я сам убедился, небольшие предметы теряются вдаль. Казалось, что скалы рифа выступают над водой не больше чем на фут, а на самом деле больше чем на ярд. Таким образом, лодка вряд ли будет замечена, и никто не обратит внимания на мое бедственное положение — разве что посмотрит в подзорную трубу. Но можно ли на это рассчитывать?

Чем больше я думал, тем больше убеждался, что своим несчастьем обязан собственному легкомыслию.

Несколько минут я был в полной растерянности и не мог принять никакого решения. Я принужден был оставаться на рифе, потому что другого выхода не было. Затем мне пришло в голову, что я могу броситься вплавь за лодкой и вернуть ее обратно. Пока что она отошла от островка на какие-нибудь сто ярдов, но с каждой минутой уходила все дальше.

Если догнать лодку, то это надо делать не теряя времени, ни одной секунды!

Что мне еще оставалось делать? Если я не догоню лодку, я попаду в очень тяжелое, даже опасное положение. И я решил попробовать.

Я мгновенно сорвал с себя одежду и запрятал ее между камней. Потом снял башмаки и чулки; рубашка тоже последовала за ними, чтобы она не стесняла движений. Я словно готовился выкупаться. В таком виде я бросился в воду — без разбега, потому что **глубина** была достаточная у самых камней. Я направился к лодке по прямой линии.

Я старался плыть изо всех сил, но все же приближался к ялику очень медленно. Иногда мне казалось, что лодка удаляется от меня с такой же скоростью, с какой я плыл, и эта мысль наполняла меня досадой и страхом.

Если я не догоню ялик, мне придется вернуться на риф или пойти ко дну, потому что, гонясь за ним, я понимал, что добраться вплавь до берега для меня так же трудно, как переплыть Атлантический океан. Я был хорошим пловцом и мог бы, если понадобится, проплыть целую милю, но одолеть три мили было уже выше моих сил. Этого я не мог бы сделать даже для спасения своей жизни. Кроме того, лодка удалялась не по направлению к берегу, а в противоположную сторону, к выходу из бухты, а оттуда, в случае неудачи, мне пришлось бы преодолеть десять миль.

Я начал сомневаться, стоит ли гнаться за яликом, и стал подумывать о возвращении на риф, пока еще не выдохся окончательно, но тут увидел, что ялик слегка изменил курс и повернул в сторону. Это произошло благодаря неожиданному порыву ветра с другой сторо-

ны. Лодка приблизилась ко мне, и я решил сделать еще одну попытку.

Попытка увенчалась успехом. Через несколько минут я радостно ухватился руками за край борта. Это дало мне возможность передохнуть после долгого заплыва.

Отдышавшись, я попытался влезть в лодку, но, к моему ужасу, маленькое суденышко не выдержало моей тяжести и перевернулось вверх дном, как корыто, а я оказался под водой.

Я вынырнул на поверхность и, снова ухватившись руками за лодку, попробовал сесть верхом на киль. Однако из этого ничего не вышло, потому что я потерял равновесие и так накренил лодку, что она перевернулась еще раз и пришла в нормальное положение. В сущности, только это мне было и нужно, но, заглянув в лодку, я убедился, что она зачерпнула много воды. Под весом воды лодка настолько осела, что я перебрался через борт и влез в нее без особого труда. Но через секунду я увидел, что положение ничем не улучшилось, потому что она начала тонуть. Вес моего тела еще больше утяжелил ее, и я понял, что если не прыгну опять в воду, то она быстро пойдет ко дну. Сохрани я хладнокровие и выпрыгни вовремя, лодка осталась бы на поверхности. Но я был сильно напуган и ошеломлен бесконечным нырянием, сообразительность меня покинула, и я торчал в лодке, стоя по колена в воде. Я хотел было вычерпать воду, но чем? Жестяная кастрюля исчезла вместе с веслами. Без всякого сомнения, она потонула, пока лодка переворачивалась, а весла плавали вдалеке.

В полном отчаянии я начал вычерпывать воду пригоршнями, но не успел сделать и нескольких движений, как почувствовал, что ялик погружается. В следующее мгновение он затонул прямо подо мной, а я принужден был поработать руками и ногами, чтобы уйти от водоворота, который образовался на месте его гибели.

Я посмотрел на то место, где он исчез. Я знал, что это уже навсегда. Мне оставалось только одно — плыть обратно к рифу.

СИГНАЛЬНЫЙ СТОЛЕ

Я добрался до рифа не без труда. Рассекая грудью воду, я чувствовал, что иду против течения, — это начался прилив. Именно прилив и ветер угнали у меня лодку. Но я достиг рифа вовремя — каждый лишний фут обошелся бы мне дорого.

Усилие, которое я потратил, чтобы вылезть на берег, могло стать последним, если бы оно не довело меня до скалы. Это было все, на что я был способен, — до такой степени я устал. К счастью, у меня хватило сил на это последнее усилие, но я был совершенно измучен и несколько минут, стараясь отдышаться, лежал на краю рифа, на том месте, где вылез из воды.

Однако я недолго находился в бездействии. Положение было не такое, чтобы тратить время попусту. Зная это, я вскочил на ноги и огляделся.

Не знаю, почему я прежде всего посмотрел в сторону погибшей лодки. Быть может, во мне шевелилась смутная надежда, что она всплывет. Но об этом и думать было нелепо. На море не было ничего, и только бесполезные теперь весла плыли вдали, по волнам, и как будто дразнили меня. С таким же успехом они могли бы пойти ко дну вместе с лодкой.

Затем я обратил свой взгляд в сторону берега, но и там ничего не было видно, кроме низкой и ровной полосы земли, на которой стоял поселок. Людей на берегу я не заметил, даже с трудом различал дома, потому что, как бы в добавление к моему унынию и окружавшим меня опасностям, и самое небо стало заволакиваться, а вместе с облаками появился и свежий бриз.

Волны сделались так высоки, что закрывали от меня берег. Впрочем, даже в хорошую погоду я не мог бы разобрать очертания людей на берегу, потому что от рифа до ближайшей окраины поселка было больше трех миль.

Звать на помощь было бессмысленно. Даже в безветренный день меня бы не услышали. И, прекрасно зная это, я и не пытался открыть рот.

Я ничего не мог заметить на поверхности моря: ни корабля, ни шлюпа, ни шхуны, ни брига — ни одного судна не виднелось в бухте. Было воскресенье, и суда находились на стоянках. По той же причине и рыбацьи лодки не выходили в море, а все шлюпки для катанья из нашего поселка отправились к знаменитому маяку — в том числе, вероятно, и лодка Гарри Блю.

На севере, востоке, западе и юге не было ни одного паруса. Кругом лежала водная пустыня, и я чувствовал себя заживо погребенным.

Я хорошо запомнил жуткое чувство одиночества, которое охватило меня. Помню, что я прислонился к скале и зарыдал.

К тому же неожиданно вернулись чайки. Может быть, они сердились на меня за то, что я их прогнал: они летали над самой моей головой, испуская оглушительные, резкие крики, как бы намереваясь напасть на меня. Теперь я думаю, что они делали это скорее из любопытства, чем от злобы.

Я обсудил свое положение, но так и не придумал ничего. Мне оставалось только одно — ждать, пока не подойдет помощь извне. Другого выхода не было. Я никак не мог выбраться с островка сам.

Но когда приедут за мной? Ведь только по случайной случайности кто-нибудь с берега вдруг обратит внимание на риф. Впрочем, без подзорной трубы меня все равно оттуда не увидят. Всего один — два лодочника имели подзорные трубы — я это знал, — и одна была у Гарри Блю. Но далеко не каждый день они пользовались этими трубами. И десять шансов против одного, что они не направят их на риф. Зачем им смотреть в этом направлении? Этим путем суда никогда не ходят, а корабли, направляющиеся в бухту, всегда далеко обходят опасный риф. Таким образом, надежда, что меня заметят невооруженным глазом или в трубу, была очень слаба. Но еще слабее была надежда, что меня подберет какое-нибудь судно, раз путь судов не лежит мимо рифа.

Полный таких неутешительных мыслей, я уселся на скалу и стал ждать дальнейших событий.

Я тогда не предвидел возможности умереть с голоду на островке. Я не думал тогда, что дело может принять настолько дурной оборот. Но именно так и могло получиться. Предотвратить беду могло лишь одно обстоятельство: Гарри Блю увидит, что ялик пропал, и начнет искать его.

Конечно, он этого не заметит до наступления темноты: вряд ли он вернется с пассажирами раньше. Однако, когда начнет вечереть, он наверняка отправится домой. Увидев, что лодочка отвязана, он, естественно, подумает, что взял ее я, потому что я единственный из мальчиков и вообще из жителей поселка пользовался этой привилегией. Увидев, что лодки нет, что даже к ночи она не вернулась, Блю пойдет к дяде. Тогда начнется тревога и меня станут искать. В конце концов все это приведет к тому, что меня найдут.

Меня не столько беспокоила мысль о собственной судьбе, сколько страх перед тем, что я наделал. Как я теперь посмотрю Гарри в глаза? Чем я возмещу убыток? Дело серьезное — у меня денег нет, а дядя не станет платить за меня. Обязательно надо возместить лодочнику потерю лодки, но как это сделать? Разве что дядя разрешит мне отработать этот долг Гарри... А я бы работал по целым неделям, пока не окупится стоимость ялика, лишь бы у Гарри нашлось применение моим силам.

Я сидел и высчитывал, во сколько могла обойтись лодочнику утонувшая лодка. Я был целиком поглощен этими мыслями. Мне не приходило в голову, что моя жизнь в опасности. Я знал, что меня ждет голодная и холодная ночь. Я промокну насквозь: прилив целиком покроет камни рифа, и мне всю ночь придется стоять в воде.

Кстати, какова будет глубина воды? Дойдет ли мне до колен?

Я осмотрелся, думая найти какие-нибудь указания об уровне воды. Я знал, что риф полностью покрывается приливом, я это сам видел раньше. Но мне, как и многим прибрежным жителям, казалось, что вода заливают риф только на несколько дюймов.

Сначала я не мог найти ничего такого, что бы указывало на обычную высоту воды, но наконец взгляд мой упал на сигнальный столб. На нем был нанесен уровень приливной волны, он был даже отмечен белым кружком — без сомнения, с целью указать на это морякам. Представьте себе, как я был потрясен, какой ужас я испытал, когда убедился, что уровень воды достигает высоты не меньше шести футов выше основания столба!

Чуть не теряя рассудок, я бросился к столбу. Я прижался к нему вплотную. Увы! Мои глаза не обманули меня: линия приходилась намного выше моей головы. Я с трудом доставал до нее даже кончиками пальцев вытянутой руки.

Меня охватил неопишуемый ужас, когда я понял, что мне угрожало: прилив зальет скалы раньше, чем придет помощь. Волны сомкнутся над моей головой — я буду смыт с рифа и утону в водной пучине!

Глава X

Я ВЗБИРАЮСЬ НА СТОЛБ

Теперь я убедился в том, что моя жизнь в опасности — вернее, что меня ждет неизбежная смерть. Надежда, что меня спасут в тот же день, была с самого начала слаба, теперь она почти вовсе исчезла. Прилив начнется задолго до наступления ночи. Вода быстро достигнет высшей точки, и это будет конец. Даже если меня хватят до вечера — а это, как я уже говорил, было сомнительно, — все равно будет поздно. Прилив ждать не станет.

Смешанное чувство ужаса и отчаяния, охватившее меня, надолго сковало мои движения. Я ничего не сообщал и некоторое время ничего не замечал вокруг себя. Я только оглядывал пустынную морскую ширь, поворачиваясь из стороны в сторону, и беспомощно смотрел на волны. Не было видно ни паруса, ни лодки. Ничто не нарушало однообразия водной пелены, только

белые крылья чаек хлопали вокруг меня. Птицы уже не раздражали меня своим криком, но время от времени то одна, то другая возвращалась и пролетала над моей головой. Они словно спрашивали, что я делаю здесь и почему не покидаю этих мест.

Луч надежды вдруг вывел меня из мрачного отчаяния. Мне снова попался на глаза сигнальный столб, так напугавший меня, но теперь он произвел на меня обратное действие: мне пришло в голову, что он спасет меня.

Вряд ли нужно объяснять, что я решил взобраться на верхушку столба и просидеть там, пока не схлынет прилив. Половина столба была выше отметины — значит, выше самой высокой точки прилива. На верхушке я буду в безопасности.

Весь вопрос был в том, как влезть по столбу, но это казалось нетрудным. Я хорошо лазил по деревьям и, конечно, быстро справлюсь с этим несложным делом.

Открытие нового убежища вселило в меня новые надежды. Нет ничего легче, как забраться наверх. Мне предстояло провести там тяжелую ночь, но опасность миновала. Она была в прошлом — я еще посмеюсь над ней.

Воодушевленный этой уверенностью, я снова приблизился к столбу, чтобы взобраться наверх. Я хотел только попробовать. У меня оставалось еще достаточно времени до начала прилива. Я просто хотел убедиться в том, что в нужную минуту смогу спастись этим путем.

Оказалось, что это довольно трудно, особенно внизу, где столб до высоты первых шести футов был покрыт той же черной скользкой массой, которая покрывала и камни. Я невольно вспомнил скользкие, нарочно смазанные салом столбы, служившие развлечением на праздниках в нашем поселке¹.

Неоднократные попытки ни к чему не привели, пока я не вскарабкался наконец выше отметины. Одолеть

¹ В старину на народных праздниках ставились столбы, вымазанные салом. Тому, кто первый добирался до вершины столба, выдавалась награда.

верхнюю часть столба оказалось легче, и скоро я очутился на верхушке.

Я протянул руку, чтобы ухватиться за верхний край бочонка и влезть на него. Я уже поздравлял себя с находчивостью, как вдруг мысли мои приняли иное направление, и я снова впал в отчаяние.

Мои руки были слишком коротки — они не доставали до верхнего обода бочки. Я мог дотянуться только до середины, в том месте, где бочка расширяется, но не мог ни ухватиться за нее, ни влезть наверх, ни удержаться на месте. Не мог я и оставаться там, где был. Я ослабел и через несколько секунд вынужден был соскользнуть к подножию столба.

Я попробовал еще раз, но без результата. Потом еще раз — снова то же самое. Затея была бессмысленной. Раскидывая руки и сгибая ноги, я никак не мог подняться выше того места, где начиналась бочка, и, протянув руки, доставал только до ее середины. Конечно, я не мог удержаться в таком положении: у меня не хватало опоры, и я вынужден был снова и снова скользить вниз.

Новая тревога охватила меня, когда я сделал это открытие, но на этот раз я не поддался отчаянию. Возможно, что перед лицом приближающейся опасности мой мозг стал работать быстрее. Во всяком случае, я овладел собой и стал думать, что бы мне предпринять.

Будь у меня нож, я мог бы сделать надрезы на столбе и, упираясь в них ногами, подняться повыше. Но ножа у меня не было и делать надрезы было нечем, разве что грызть дерево зубами. Положение становилось чрезвычайно трудным.

Наконец меня осенила блестящая мысль. Что, если патащить камни к основанию столба, навалить их так, чтоб они были выше отметины, и встать на них? Так и нужно сделать. Возле столба уже лежало несколько камней, положенных, как видно, для его устойчивости. Надо прибавить еще, соорудить керн, то есть нечто вроде старинного могильника или пирамиды из камней, и забраться наверх.

Новый план спасения так мне понравился, что я немедленно стал приводить его в исполнение. На рифе было сколько угодно обтесанных водой камней, и я предполагал, что в несколько минут моя насыпь будет готова. Но, немного поработав, я стал понимать, что это дело займет гораздо больше времени, чем я думал. Камни были скользкие, носить их было трудно. Одни были слишком **тяжелы** для меня, а другие, те, что полегче, вросли в песок так основательно, что я не мог их оторвать.

Несмотря на это, я работал изо всех сил. Я знал, что если хватит времени, то я успею построить достаточно высокий **кern**. Больше всего я боялся не успеть.

Приливная волна начинала подниматься. Медленно, но неуклонно она подходила все ближе и ближе, — я это чувствовал!

Я не раз падал, напрягая все силы в этой борьбе. Колени мои были разодраны в кровь острыми камнями. Но я не обращал никакого внимания на трудности, на боль и усталость. Мне угрожала большая опасность — потерять жизнь! И не надо было понукать меня, чтобы я превозмог все препятствия в работе.

Мне удалось довести насыпь до высоты собственно-го роста раньше, чем прилив стал заливать скалы. Но я знал, что этого мало. Еще два фута — и мой **кern** сравняется с отметиной на столбе. Я упорно продолжал работать, не отдыхая ни одной секунды. Работа же становилась все труднее и труднее. Все близлежащие камни пошли в дело, и за новыми приходилось ходить все дальше. Я совершенно изранил себе руки и ноги, и это еще больше мешало работе. Теперь приходилось вкатывать камни на высоту моего роста. Я выбивался из сил. Вдобавок большие куски скалы внезапно срывались с вершины кучи и скатывались, грозя разбить мне ноги.

Наконец после долгого труда — прошло два часа или даже больше — работу пришлось прервать, но насыпь еще далеко не была готова. Излишне, пожалуй, говорить вам, что мне помешало. Да, это был прилив, который, подобравшись к камням, сразу обрушился на

них. Это произошло не так, как на берегу, где прилив наступает постепенно, волна за волной. Здесь волна достигла уровня прибрежных скал и, перекатившись через них, залила остров первым же потоком и сразу на порядочную глубину.

Я не переставал трудиться, пока не залило скалы. Я работал, стоя по колени в воде, склоняясь к ее поверхности, иногда почти погружаясь в нее. Я доставал большие камни и относил их к насыпи. Я работал, а пена была мне в лицо, меня окатывало с головой так, что я боялся захлебнуться. Но я работал, пока глубина и сила волн не выросли до того, что я уже не мог больше стоять на скалах. Тогда, передвигаясь то ползком, то вплавь, я притащил к куче камней последний камень и водрузил его на вершине, затем взобрался туда сам. Я стоял на самой высокой точке своего укрепления, плотно охватив шест сигнального столба правой рукой. С трепещущим сердцем стоял я и глядел на прибывающее море.

Глава XI

ПРИЛИВ

Не могу сказать, что я с уверенностью ждал результатов своей выдумки. Совсем наоборот — я дрожал от страха. Будь у меня больше времени на постройку керна, чтобы сделать его выше волн и достаточно крепким, я был бы спокойнее.

В сигнальном столбе я не сомневался: он был испытан и выдержал уже не одну бурю за много лет. Я боялся за только что построенный керн, за его вышину и прочность. Что касается вышины, то мне удалось поднять насыпь на пять футов — ровно на один фут ниже отметки на столбе.

Таким образом, я должен был стоять на фут в воде, но это меня мало беспокоило в таких трудных обстоятельствах. Не это было причиной моих тяжелых предчувствий. Другая мысль меня волновала: меня беспокоила белая отметка на столбе. Я знал, что она обозна-

чает высшую точку приливной волны, когда море спокойно, совершенно спокойно. Но море не было спокойным. Довольно свежий ветер вздымал волны не меньше фута, а может быть, и двух футов вышиной. Если так, то мое тело окажется на две трети или на три четверти в воде, не считая гребней волн, которые будут меня обдавать с головой.

Но это все было бы ничего. А что, если ветер усилится и перейдет в бурю или просто начнется сильное волнение? Тогда вся моя работа ни к чему. Потому что в бурю мне не раз случалось видеть, как белая пена обдает риф и поднимается на много футов над вершиной сигнального столба.

Да, если разыграется буря, я пропал!

Такое опасение возникало у меня то и дело.

Правда, некоторые обстоятельства мне благоприятствовали. Стоял прекрасный месяц май, утро было чудесное. В другом месяце скорее можно ожидать шторма. Но и в мае бывают штормы. На суше может стоять безоблачная погода, а в это время в море гибнут корабли. Да, наконец, пусть даже и не поднимется ураган — обыкновенное волнение легко смоев меня с моей кучи камней.

Меня тревожило и другое — керн был сделан неплотно. Я и не пытался построить его по-настоящему: для этого не было времени. Камни были навалены друг на друга как попало, и, встав на них, я сразу почувствовал, что это довольно шаткая опора. Что будет, если они не смогут сопротивляться течению, напору прилива и ударам волн? Если так, то, значит, я трудился напрасно. Если они рухнут, то вместе с ними рухну и я и больше не встану!

Неудивительно, что сомнения мои все увеличивались. Я не переставал думать о том, что будет, если такая беда случится, и тщательно оглядывал поверхность бухты — только для того, чтобы еще больше разочароваться.

Долго оставался я в первоначальном положении, крепко обнимая столб, прижавшись к нему, как к самому дорогому другу. И верно, это был мой единствен-

ный друг: если бы не он, я бы не мог соорудить керн. Без столба его мгновенно размыла бы вода, да и я не смог бы удержаться на нем стоя. Если бы я не держался за столб, мне трудно было бы сохранить равновесие.

Я сохранял это положение, почти не двигая ни одним мускулом. Боялся даже переступить с ноги на ногу, чтобы камни не покатались, потому что собрать их во второй раз было невозможно: для этого не оставалось времени. Уровень воды вокруг подножия столба был уже выше моего роста, и мне пришлось бы плавать.

Я все время оглядывался, не двигая при этом корпусом, а лишь поворачивая шею. Я смотрел то вперед, то назад, то по сторонам, не прекращая своих наблюдений, и не меньше полусотни раз подряд убедился в том, что никто не идет мне на помощь. Я следил за уровнем прилива и за большими волнами, которые неслись к рифу и бились о скалы, как будто возвратясь из далекого странствия. Казалось, они разъярены и угрожают мне, и негодуют на то, что я забрался в их приют. Что нужно тут мне, слабому смертному, в их собственном обиталище, в месте, предназначенном для их суровых игр? Мне казалось, что они говорят со мной. У меня началось головокружение — мне чудилось, что я уже сорвался и тону в темном водном пространстве.

Волны поднимались всё выше и выше. Вот они залили верхушку моей насыпи и покрыли ступни, вот они подмывают мне колени... Когда же они остановятся? Когда прекратится прилив?

Еще рано, рано! Вода поднимается все выше, выше! Я стою уже по пояс в соленом потоке, а пена омывает меня, брызжет мне в лицо, окатывает плечи, забирается в рот, в глаза и уши — я задыхаюсь, я тону!.. О боже!

Вода достигла высшей точки и залила меня почти целиком. Я сопротивлялся с отчаянным упорством, крепко прижавшись к сигнальному столбу. Это продолжалось долго, и, если бы все оставалось без изменения, я мог бы удержаться на своем месте до утра. Но пере-

меня приближалась: на меня надвигалась самая большая опасность.

Наступила ночь! И, словно сигнал к моей гибели, ветер, все усиливаясь, стал переходить в бурю. Облака сгущались еще в сумерки, угрожая дождем, и вот он грянул потоками — ветер принес дождь. Волны становились всё круче и несколько раз обдали меня с головой. Это были потоки такой силы, что я с трудом их выдержал, меня едва не сорвало.

Сердце у меня замирало от страха. Если волны превратятся в могучие, бурные валы, я не смогу больше сопротивляться, и меня снесет.

Последняя волна сдвинула меня с места, и мне пришлось переменить положение и утвердиться более прочно. С этой целью я слегка приподнялся на руках, нащупывая ногами более высокую и надежную точку на насыпи, но в этот момент нагрянула новая волна, сорвала мои ноги с насыпи и отнесла их в сторону. Цепляясь руками за столб, я повис на секунду почти в горизонтальном положении. Наконец волна прошла. Я снова попытался достать ногами до камней — именно достать, потому что под моей тяжестью камни стали расползаться у меня под ногами, как будто их неожиданно смыло. Я не мог больше держаться, соскользнул по столбу и вслед за развалившейся кучей камней полетел в воду.

Глава XII

Я ДЕРЖУСЬ НА СТОЛБЕ

К счастью, я выучился плавать, и довольно искусно. В ту минуту это мое достижение оказалось чрезвычайно полезным. Только поэтому я и не утонул. Я немного умел нырять, а не то мне пришлось бы совсем плохо, потому что, погрузившись в воду, я тут же очутился почти на самом дне, среди безобразных черных камней.

Я недолго там оставался и вынырнул на поверхность, как утка. Удерживаясь на волнах, я оглянулся. Я хотел найти сигнальный столб, но это было не так

легко, потому что пена залепляла мне глаза. Словно собака-водолаз, отыскивающая в воде какой-нибудь предмет, вертелся я в волнах, стараясь найти столб. Я с трудом соображал, не понимая, куда он делся, — вода ослепила и оглушила меня.

Наконец я его заметил. Он был от меня уже не так близко, как я предполагал, — на расстоянии многих ярдов, пожалуй не меньше двадцати. Я отчаянно боролся с волнами и ветром. Если бы эта борьба продлилась еще минут десять, меня бы унесло так далеко, что я уже не в состоянии был бы вернуться назад.

Как только я увидел столб, я поплыл к нему, не отдавая себе отчета, зачем это нужно. Просто меня гнал туда инстинкт, мне казалось, что там я найду спасение. Я поступал, как все утопающие: хватался за соломинку. Я утратил последнюю каплю хладнокровия, и при этом меня не покидало сознание того, что, добравшись до столба, я все еще буду далек от безопасности. Я не сомневался, что смогу доплыть до него, — это было в моих силах и возможностях.

Я мог бы легко влезть на столб и добраться до бочки, но не дальше. Влезть на бочку я был не в состоянии, даже под страхом смерти. Я уже сделал несколько попыток и убедился, что мне это не под силу. А я был уверен, что девятигаллонный бочонок достаточно велик, чтобы послужить мне убежищем, где я без труда дождусь конца шторма.

Кроме того, если бы я взобрался наверх до наступления ночи, меня бы, возможно, увидели с берега, и все приключение окончилось бы благополучно. Мне положительно казалось, что, когда я влез в первый раз на столб, меня заметил один — нет, даже несколько человек, праздно бродивших по пляжу; и, вероятно, решив, что я один из мальчуганов, которые нарушили святость воскресного дня, забравшись на риф для пустых забав, они перестали обращать на меня внимание.

Конечно, тогда я не мог влезть на столб: я быстро выдохся. Кроме того, как только мне пришло в голову соорудить насыпь, нельзя уже было терять ни секунды времени.

Эти мысли не приходили мне в голову, пока я плыл, стараясь добраться до столба. Но кое о чем я подумал. Я понял, что не сумею взобраться на бочку. Я стал соображать, что же мне делать, когда доплыву до столба, — это было мне совсем неясно. Буду стараться держаться за столб, как и раньше, но как мне удержаться возле него? Так я и не решил этого вопроса, пока не ухватился за столб.

После долгой борьбы с ветром, приливом и дождем я снова обнял его, как старого друга. Он и был для меня чем-то вроде друга. Если бы не этот славный столб, я пошел бы ко дну.

Достигнув столба, я уже как бы чувствовал себя спасенным. Было нетрудно, держась за него руками, лежать всем остальным туловищем в воде, хотя, конечно, это было довольно утомительно.

Если бы море было спокойно, я бы мог долго оставаться в таком положении, пожалуй до конца прилива, а это было все, что мне требовалось. Но море не было спокойно, и это меняло дело. Правда, на время оно почти утихло и волны стали меньше, чем я и воспользовался, чтобы отдохнуть и отдышаться.

Но это была короткая передышка. Ветер подул снова, полил дождь, и море забушевало опять, еще сильнее, чем раньше. Меня подбросило вверх, почти до самой бочки, и тотчас потащило вниз, к камням, потом завертело волчком вокруг столба, который служил мне как бы стержнем. Я проделывал акробатические упражнения не хуже любого циркача.

Первый натиск волн я выдержал мужественно. Я знал, что борюсь за спасение своей жизни, что бороться необходимо. Но это давало слабое утешение. Я чувствовал, как недалеко от гибели, меня одолевали самые мрачные предчувствия. Самое худшее было еще впереди, и я знал, что еще несколько таких схваток с морем — и силы мои вконец иссякнут.

Что бы такое сделать, чтобы удержаться на месте? Я ломал себе голову над этим в перерыве между двумя валами. Будь у меня веревка, я привязал бы себя к столбу. Но веревка была так же недоступна для меня,

Первый натиск волн я выдержал мужественно.

как лодка или как уютное кресло у камина в доме дяди. Не было смысла и думать о ней. Но в эту минуту словно добрый дух шепнул мне на ухо: если веревки нет, надо ее заменить чем-нибудь!

Вам не терпится узнать, что я придумал? Сейчас услышите.

На мне была надета плисовая куртка — просторная одежда из рубчатого плиса, какую носили дети простых людей, когда я был мальчиком. При жизни матери я носил ее только по будням, а теперь не расставался с ней и в праздники. Не будем умалять достоинства этой куртки. Позже я стал хорошо одеваться, носил платье самого лучшего сукна, какое только могут произвести на свет ткацкие станки западной Англии, но за все свои наряды я не отдал бы кусочка моей старой плисовой куртки. Мне кажется, я имею полное право сказать, что обязан ей жизнью.

Так вот, на куртке был ряд пуговиц — не пышных роговых, костяных, слабеющих... нет! Это были хорошие, крепкие металлические пуговицы размером с шиллинг и с железными «глазками» в середине. На мое счастье, они были крупные и прочные.

Куртка была на мне, и тут мне тоже повезло, потому что ее могло и не быть. Ведь, отправляясь в погоню за лодкой, я сбросил куртку и штаны. Но, вернувшись, я надел снова и то и другое, потому что стало вдруг довольно свежо. Все это произошло весьма кстати, как вы сами сейчас увидите.

Зачем мне понадобилась куртка? Для того, чтобы разорвать ее на полосы и привязать себя к столбу? Нет! Это было бы почти непосильной задачей для человека, затерянного в бушующем море и у которого в распоряжении только одна свободная рука для вязания узлов. Я даже не мог снять куртку, потому что промокшая ткань прилипла к телу, как приклеенная. Я ее и не снял.

Мой план был гораздо лучше: я расстегнул и широко распахнул куртку, плотно прижался грудью к столбу и застегнул куртку на все пуговицы с противоположной стороны столба.

К счастью, куртка была достаточно просторной. Дядя оказал мне неоценимую услугу, заставив меня и по праздникам носить эту широкую, старую плисовую куртку, хотя в то время я думал иначе.

Застегнув все пуговицы, я получил возможность отдохнуть и подумать — это был первый случай за все время.

Теперь меня уже не могло смыть, и мне нечего было бояться. Я мог сорваться с рифа только вместе со столбом. Я стал составной частью столба, как бочка на его верхушке, и даже больше, потому что корабельный канат не мог бы так прочно меня с ним связать, как полы моей крепкой куртки.

Если бы от близости к столбу зависело мое спасение, я мог бы сказать, что уже спасен. Но увы! Опасность еще не миновала. Через некоторое время я увидел, что положение мое улучшилось лишь немногим. Громадный вал пронесся над рифом и окатил меня с головой. Я даже подумал, что устроился еще хуже, чем раньше. Я был так плотно пристегнут к столбу, что не мог взобраться повыше; вот почему мне пришлось выдерживать новое купанье. Волна прошла, я остался на месте, но какой в этом толк? Я скоро задохнусь от таких повторных купаний. Силы меня оставят, я соскользну вниз и утону, — и тогда можно будет сказать, что я умер если не со знаменем, то «с древком в руках».

Глава XIII

ПОДВЕШЕН К СТОЛБУ

Однако я не потерял присутствия духа и стал снова думать, как бы подняться над уровнем волн. Я мог бы это сделать, не расстегивая ни одной пуговицы. Но как мне удержаться наверху? Я очень скоро соскользну вниз. О, если бы здесь была хоть какая-нибудь зарубка, узелок, гвозди! Если бы, наконец, был у меня нож, чтобы сделать надрез! Но узелок, зарубка, гвоздь, нож, надрез — все это было недостижимо...

Нет! Нужно совсем другое. Я вспомнил, что столб суживается кверху, верхушка его стесана со всех сторон и заострена, а на острие надет бочонок, или, вернее сказать, часть верхнего конца столба пропущена в дно бочонка.

Я вспомнил, как выглядит узкая часть столба: там вокруг него есть выступ, нечто вроде кольца, или «воротника». Хватит ли этого небольшого выступа для того, чтобы зацепить за него куртку и помешать ей соскользнуть вниз? Необходимо попытаться это сделать.

Не дожидаясь новой волны, я «атаковал» конец столба. Ничего не вышло — я слетел обратно, внизу меня снова ждали мои горести: меня опять окатило водой.

Вся беда была в том, что я не мог как следует натянуть воротник куртки — мешала голова.

Я полез снова, задумав на этот раз другое. Как только схлынула волна, у меня появилась новая надежда: надо попробовать закрепить наверху не курткой, а чем-нибудь другим.

Но чем же? И это я придумал! Вы сейчас узнаете, что именно. На плечах у меня были помочи — не современные матерчатые подтяжки, а два крепких ремня оленьей кожи. Я и решил повиснуть на них.

Пробовать и соображать не было времени. Я не имел ни малейшего желания находиться внизу — и опять отправился наверх. Куртка помогла мне. Я натянул ее, откинувшись изо всех сил на спину и стиснув ногами столб.

Таким образом я получил возможность оставаться наверху подольше, не испытывая усталости.

Устроившись как следует, я спял помочи. Я действовал с величайшей осторожностью, несмотря на неудобную позу. Я постарался не уронить ни одного из ремней, связав их вместе. Узел я сделал как можно крепче, экономя каждый свободный кусочек ремня. На конце я сделал петлю, предварительно опоясав помочами столб, продвинул эту петлю вверх, пока она не оказалась выше выступа на столбе, и затянул ее. Мне осталось только пропустить ремень через застегнутую

на все пуговицы куртку, опоясать себя свободным концом и завязать его. Я все это сделал довольно быстро и, откинувшись назад, налег на ремень всей своей тяжестью. Я даже убрал ноги и висел с минуту, как повешенный. Если бы какой-нибудь лодман увидел меня в таком положении в свою трубу, он наверняка решил бы, что я самоубийца или что произошло кошмарное преступление.

Я очень устал и наглотался воды. Вряд ли я признавал весь комизм своего положения. Но теперь я мог смеяться над опасностями. Я был спасен от смерти. Это было все равно, что увидеть Гарри Блю с его лодкой на расстоянии десяти ярдов от столба. Пусть буря крепчает, пусть льет дождь, пусть воет ветер, пусть вокруг меня беснуются пенистые гребни! Невзирая ни на что, я останусь здесь, наверху.

Правда, мое положение нельзя было назвать особенно удобным. Я сразу начал соображать, как бы устроиться получше. Ноги у меня затекли, и мне приходилось опускать их и повисать на ремне, что было неприятно и даже опасно. Однако был выход и из этого неудобства, и я скоро нашел его. Я разорвал штаны снизу до колен — кстати, они были сделаны из той же плотной ткани, что и куртка, — и, закрутив жгутом повисшие вниз концы, обвел их вокруг столба и крепко завязал. Это обеспечило покой нижней части моего тела. Таким образом, полувися, полусидя, я провел остаток ночи.

Если я скажу вам, что в свое время начался отлив и снова обнажились скалы, вы решите, что я, конечно, тотчас отвязался от столба и спустился вниз. Нет, я этого не сделал: я больше не доверял этим скалам.

Мне было неудобно, но я оставался на столбе — я боялся, как бы не пришлось еще раз все начать сначала. Вдобавок я знал, что наверху меня скорее заметят, когда настанет утро, и с берега пошлют ко мне на помощь.

И помощь мне была послана, или, вернее, пришла сама собой.

Не успела Аврора позолотить морской горизонт, как я увидел лодку, несущуюся ко мне со всей возможной

скоростью. Когда она подошла поближе, я увидел то, что мне лишь грезилось раньше: на веслах сидел Гарри Блю!

Не стану распространяться о том, как повел себя Гарри, как он смеялся, кричал, размахивал веслом, как бережно и осторожно снял меня со столба и положил в лодку. И когда я рассказал ему всю историю и сообщил, что его ялик пошел ко дну, он не стал сердиться, а только улыбнулся и сказал, что могло быть и хуже. И с того дня ни разу ни один упрек не сорвался с его уст — ни слова о погибшем ялике!

Глава XIV

ЗАВТРА — В ПЕРУ!

Опасное приключение на рифе не оказало на меня никакого действия — я не стал бояться воды. Пожалуй, я еще больше ее полюбил именно за то волнение, которое испытываешь при опасностях.

Вскоре я почувствовал непреодолимое желание увидеть чужие страны, пересечь океан. Каждый раз, когда я глядел на бухту, эта мысль приходила мне в голову. Видя на горизонте белые паруса, я думал, как счастливы должны быть те, которые плывут на этих кораблях. С удовольствием поменялся бы я местом с последним матросом из их экипажа.

Может быть, меня не так бы тянуло в море, если бы домашняя моя жизнь сложилась получше, если бы у меня были добрый отец и любящая мать. Но мой суровый старый дядя мало заботился обо мне. Таким образом, лишенный семейных уз, которые привязывали бы меня к дому, я еще больше стремился в океан. Я очень много работал на ферме, а к такому образу жизни меня совсем не влекло. Нудная работа только разжигала мое стремление отправиться в далекие края, повидать чудесные страны, о которых я читал в книгах и о которых рассказывали матросы, бывшие рыбаки из нашего поселка, приходившие теперь на побывку в родные места.

Они толковали о львах, тиграх, слонах, крокодилах, обезьянах величиной с человека, о змеях, длинных, как якорный канат. Короче говоря, мне надоела тупая, однообразная жизнь, которую я вел дома и которая в моем представлении была возможна только в нашей стране, потому что, судя по рассказам моряков, во всех остальных странах можно было встретить сколько душе угодно диких зверей, заманчивых приключений и всяких невероятных чудес.

Помню одного молодого парня, который прокатился на остров Мэн и вернулся с такими рассказами о своих приключениях среди чернокожих и удавов, что я мучился от зависти к человеку, пережившему такие волнующие истории¹. Я неплохо знал правописание и арифметику, но о географии имел самые смутные представления. Поэтому я толком не разбирался, где находится остров Мэн, но решил при первой возможности съездить туда и поглядеть на чудеса, о которых рассказывал парень.

Хотя это было для меня сложным предприятием, но я не терял надежды, что мне удастся его осуществить. В особых случаях из нашего поселка на остров Мэн ходила шхуна, и я рассчитывал как-нибудь совершить на ней это трудное плавание. Это могло оказаться нелегким делом, но я решил сделать все, что возможно. Я догадался завязать приятельские отношения с некоторыми матросами шхуны и просил их взять меня с собой, когда они пойдут в очередной рейс.

Пока я терпеливо дожидался этой возможности, произошел случай, который заставил меня принять новое решение и окончательно вытеснил из моей головы и шхуну и трехногий остров².

Милях в пяти от нашего поселка, на берегу той же бухты, как вы знаете, находится большой город — настоящий морской порт, куда заходят большие кораб-

¹ Остров Мэн находится в двух часах езды от побережья Англии. Никаких чернокожих и удавов там нет и быть не может.

² На гербе острова Мэн изображены три ноги, соединенные вместе.

ли — крупные трехмачтовые суда, плавающие во все части света с большими грузами.

В один прекрасный день мне посчастливилось отправиться в город вместе с дядиным батраком, который вез на продажу овощи и молоко. Меня послали в качестве помощника присматривать за лошадью, пока он будет заниматься распродажей продуктов.

Наша тележка случайно проезжала мимо пристани, и я получил прекрасную возможность увидеть громадные суда, стоявшие вдоль набережной, и полюбоваться их высокими, стройными мачтами и изящной оснасткой.

Мы остановились около одного корабля, который мне особенно понравился. Он был больше всех соседних судов, и его красиво суживающиеся кверху мачты поднимались на несколько футов выше остальных. Но не величина и изящные пропорции так сильно привлекли мое внимание, хотя я сразу залюбовался имп. Самым интересным для меня было то, что кораблю предстояло скорое отплытие — на следующий день. Я узнал это, прочитав на большой, прикрепленной на видном месте доске следующее объявление:

«И Н К А»

ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПЕРУ

ЗАВТРА

Сердце мое забилося, как перед ужасной опасностью, но истинной причиной этого волнения была безумная мысль, возникшая в моем мозгу тут же, как только я прочел короткую, волнующую надпись.

Почему бы мне не отправиться в Перу завтра?

Почему бы и нет?

Но тут передо мной встали большие препятствия. Их было много, это я хорошо знал. Во-первых, дядюшкин батрак, который находится рядом, обязав привезти меня домой.

Само собой разумеется, нечего и думать просить у него разрешения съездить в Перу.

Во-вторых, надо было, чтобы меня согласились взять с собой моряки. Я был не настолько наивен, чтобы не

подумать о громадной сумме денег, которая понадобится для оплаты длительного путешествия в Перу или в любую другую часть света. А без денег не возьмут на борт и маленького мальчика.

У меня не было денег, даже чтобы заплатить за проезд на пароме. Вот первая трудность, с которой я столкнулся. Как же мне попасть в число пассажиров?..

Мысли мои неслись, как молнии. Не прошло и десяти минут, в течение которых я разглядывал красанец корабль, и такие препятствия, как отсутствие денег на проезд и находившийся тут же работник с фермы, улетучились из моей головы. И с полной уверенностью в своих силах я пришел к заключению, что непременно отправлюсь в Перу завтра.

В какой части света лежит Перу, я знал не больше, чем луна в небе, — даже меньше, потому что с луны в ясные ночи, должно быть, хорошо видно Перу.

В школе я учился только чтению, письму и арифметике. Последнюю я знал неплохо, потому что наш школьный учитель был большой мастер по части счета и очень гордился своими познаниями, которые передавал своим ученикам. Это был главный предмет в школе. Географией же он пренебрегал, почти вовсе не преподавал ее, и я не знал, где находится Перу, хотя и слышал, что есть на свете такая страна.

Матросы, приезжавшие на побывку, рассказывали о Перу, что это жаркая страна и плавание до нее от Англии занимает шесть месяцев. Говорили, что эта страна изобилует чудесными золотonosными жилами, чернокожими, змеями и пальмами.

Этого для меня было достаточно. Именно о такой стране я и мечтал. Словом, решено — я еду в Перу на «Инке»!

Но следовало немедленно продумать план действий: где достать деньги на проезд и как убежать из-под присмотра Джона, правившего тележкой.

Казалось бы, первое представляло собой более трудную задачу, но на самом деле это было вовсе не так уж сложно, — по крайней мере, я тогда так предполагал.

У меня на этот счет были определенные соображения. Я много слышался о мальчиках, которые убегали в море, поступали на корабль юнгами и впоследствии становились умелыми матросами. У меня было впечатление, что в этом нет ничего трудного и что любой мальчик, достаточно рослый и проворный, будет принят на корабль, если только захочет работать.

Я опасался только насчет своего роста, потому что был невысок, даже ниже, чем мне полагалось по возрасту, хотя и отличался крепким сложением и выносливостью. Не раз слышал я попреки и насмешки над тем, как я мал. Я боялся поэтому, что меня, пожалуй, не возьмут в юнги. А я твердо решил напяться на «Инку».

Относительно Джона у меня были серьезные опасения. Сперва я думал просто удрать и предоставить ему возвратиться домой без меня. Но, подумав, решил, что из этого ничего не выйдет. Джон утром вернется сюда с полдюжиной работников, возможно даже с дядей, и меня начнут разыскивать. Весьма вероятно, что они успеют прийти до отплытия «Инки», потому что корабли редко уходят в море рано утром. Глашатай объявит на площади о моем побеге. Они обойдут весь город, вероятно, обыщут судно, найдут меня, отдадут дяде и отвезут домой, где, без всякого сомнения, меня жестоко высекут.

Я слишком хорошо изучил дядюшкин нрав, чтобы представить себе иной конец моего побега. Нет, нет, нельзя, чтобы Джон с тележкой вернулся домой без меня!

Небольшое размышление окончательно убедило меня во всем этом и в то же время помогло составить лучший план. Новым моим решением было отправиться домой вместе с Джоном, а бежать уже прямо из дому.

Стараясь ничем не выдать своих намерений и ни в коем случае не вызвать подозрений Джона, я уселся в тележку и отправился назад в поселок.

Я приехал домой с таким видом, как будто ничего со мной не произошло с тех пор, как утром я выехал в город.

Глава XV

Я УБЕГАЮ ИЗ ДОМУ

Мы приехали на ферму поздно, и весь остаток вечера я старался вести себя так, как будто ничего особенного у меня в мыслях и не было. Родственники и работники фермы и не догадывались о великом плане, таившемся в моей груди, — о плане, при мысли о котором сердце мое сжималось.

Были минуты, когда я начинал жалеть о принятом решении. Когда я глядел на привычные лица домашних — все-таки это была моя семья, другой ведь у меня не было, — когда я представлял себе, что, может быть, я их больше никогда не увижу, когда я думал, что некоторые из них, может быть, будут тосковать обо мне, когда я думал о том, как я их обманываю, строя тайные планы, о которых они ничего не подозревают, — словом, когда такие мысли пробегали у меня в мозгу, я уже почти отказывался от своих намерений.

В минуты таких колебаний я готов был поверить свою тайну кому угодно. И, без сомнения, если бы кто-нибудь посоветовал мне остаться дома, я бы остался тогда, хотя в конце концов, раньше или позже, моя своеобразная натура и любовь к воде все равно снова увлекли бы меня в море.

Вам кажется странным, что я не обратился за советом к старому другу, Гарри Блю? Ах, именно это и следовало бы сделать, если бы Гарри был поблизости, но несколько месяцев назад ему надоело работать лодочником. Он продал свою лодку и поступил рядовым матросом во флот. Если бы Гарри оставался по-прежнему здесь, быть может, меня не так тянуло бы в море. Но с тех пор как он уехал, мне каждый день и час хотелось последовать его примеру. Каждый раз, когда я смотрел на море, меня страшно тянуло уйти в плавание. Чувство это трудно объяснить. Заключение в тюрьме не испытывает такого настойчивого желания выйти на свободу и не глядит через прутья решетки с такой тоской, с какой я глядел на морскую синеву и стремился уйти далеко-далеко, за дальние моря.

У меня не было никого, с кем я мог бы поделиться своей тайной. На ферме жил один молодой работник, которому я доверял. Он мне очень нравился, и, кажется, я тоже пришелся ему по душе. Двадцать раз пытался я рассказать ему о своем плане, но слова застревали у меня в горле. Я не опасался, что он сразу выдаст мой план бегства, но боялся, что он начнет меня отговаривать и, если я все же останусь при своем убеждении, он меня выдаст. Не было смысла поэтому советоваться с ним, и я так ничего ему и не сказал.

Я поуживал и лег спать, как обычно.

Вы думаете, что ночью я встал и бежал из дому? Как бы не так! Я лежал в постели до утра. Спал я очень мало. Мысль о побеге не давала мне заснуть, а когда я забывался сном, то видел большие корабли, волнующееся море, видел, как я лезу на высокую мачту и травлю¹ черные, просмоленные канаты, пока у меня не появляются волдыри на ладонях.

Сначала я предполагал убежать ночью, что легко можно было сделать, не разбудив никого. У нас в поселке не было воров, и двери на ночь закрывались только на задвижку.

Дверь дядиною дома по случаю жаркого, летнего времени и вовсе оставалась открытой настежь. Я мог бы ускользнуть из дому, даже не скрипнув дверью.

Но, несмотря на юный возраст, я обладал способностью рассуждать логично. Я сообразил, что рано утром меня хватятся на ферме и начнут искать. Кто-нибудь из моих преследователей уж наверно доберется до порта и найдет меня там. С таким же успехом я мог бы убежать от Джона, когда мы стояли в гавани. Кроме того, до города пять или шесть миль — я пройду их самое большее за два часа. Я приду слишком рано, люди на судне еще не возьмутся за работу, а капитан будет в постели, и я не сумею поговорить с ним и попроситься добровольцем к нему на службу.

По этим соображениям я остался дома до утра и нетерпеливо ждал заветного часа.

¹ Травить канаты — ослаблять, отпускать понемногу канаты.

Я позавтракал вместе со всеми. Кто-то заметил, что я очень бледен и «не в себе». Джон приписал это тому, что я вчера провел целый день на солнце, и это объяснение удовлетворило всех.

Я боялся получить какое-нибудь задание после завтрака — скажем, править лошадей, от чего нелегко было избавиться. Вместе со мной могли поставить на работу еще кого-нибудь, и мое отсутствие сразу было бы замечено. К счастью, в этот день для меня не нашлось никакой работы и я не получил никаких распоряжений.

Воспользовавшись этим, я взял игрушечный кораблик, который так забавлял меня в часы досуга. У других мальчиков тоже были шлюпы, шхуны и бриги, и мы часто устраивали гонки на пруду в парке. Была суббота, а в субботу в школе не занимались. И я знал, что мальчики отправятся к пруду сейчас же после завтрака, если не раньше. Не было ничего подозрительного в том, что, бережно обняв свой кораблик, я прошел через двор фермы и зашагал по направлению к пруду, где, как я и предполагал, мои товарищи уже занимались своими кораблями, которые носились под всеми парусами.

«Что-то будет, — думал я, — если я им сейчас все расскажу? Какой поднимется шум!»

Мальчики встретили меня радостно. Я был занят на ферме по целым дням, довольно редко с ними виделся и еще реже принимал участие в их играх.

Как только игрушечный флот закончил свой первый рейс через пруд — маленькое состязание, в котором мой шлюп оказался победителем, — я распрощался с товарищами и, взяв кораблик под мышку, зашагал дальше.

Они очень удивились, что я так неожиданно покидаю их, но я нашел какое-то объяснение, которое их вполне удовлетворило.

Я перелез через стену парка и еще раз поглядел издали на друзей моего детства. Слезы выступили у меня на глазах: я знал, что оставляю их навсегда.

Я обогнул крадучись стену и скоро добрался до проезжей дорожки, которая вела в город. Но я не пошел по ней, а пересек ее и углубился в поля на другой стороне

дороги. Я это сделал затем, чтобы попасть под прикрытие леса, который на порядочном расстоянии тянулся вдоль дороги. Я намеревался, пока возможно, идти лесом, зная, что, останься я на дороге, я могу встретить там односельчан, которые расскажут, что видели меня, и направят погоню в нужном направлении. Я не знал, в котором часу уходит «Инка», и это меня сильно беспокоило. Если я приду слишком рано, меня могут еще поймать и вернуть. С другой стороны, явись я слишком поздно, корабль уйдет — и это меня страшило больше, чем перспектива быть высеченным за попытку к бегству.

Именно эта мысль мучила меня все утро и продолжала мучить и дальше, потому что мне и в голову не приходило, что есть еще одна опасность: получить отказ и не быть принятым на корабль. Я даже забыл, что мал ростом. Величие моих замыслов возвысило меня в собственных глазах до размеров взрослого человека.

Я дошел до леса, пробрался через него из конца в конец, и никто меня не заметил. Я не встретил ни лесничего, ни сторожей.

Выйдя из-под защиты деревьев, я пошел полем, но теперь я уже был так далеко от поселка, что мне не грозила опасность встретить знакомых. Я старался не терять из виду море, так как знал, что дорога все время идет вдоль берега, и я шел вдоль дороги.

Наконец вдали показались высокие шпили города — значит, я шел правильно.

Я перебирался через канавы и ручьи, перелезал через изгороди, топтал чужие огороды и в конце концов достиг городских предместий. Не отдохнув, я двинулся дальше и разыскал улицу, которая вела к пристани. За крышами домов виднелись мачты. Сердце мое забилося, когда я поглядел на самую высокую из них, с вымпелом, гордо реявшим по ветру.

Не спуская глаз с вымпела, я торопливо пробежал по широкому сходням, взобрался по трапу¹ и через секунду стоял на палубе «Инки».

¹ Трап — лестница по борту судна.

Глава XVI

«ИНКА» И ЕЕ ЭКИПАЖ

Я подошел к главному люку, где пятеро или шестеро матросов возились около ящиков и бочек. Они грузили судно и с помощью талей¹ спускали ящики и бочки в трюм. На матросах были фуфайки с засученными рукавами и широкие холщовые штаны, выпачканные жиром и смолой. Один из них был в синей куртке и таких же штанах, и я принял его за помощника капитана. Я был глубоко уверен, что капитан такого большого корабля — великий человек и, конечно, одет с ослепительной роскошью.

Человек в синей куртке отдавал распоряжения, которые, как я заметил, не всегда исполнялись беспрекословно. Часто слышались возражения и поднимался гомон — несколько голосов спорили о том, как лучше сделать.

На борту военного корабля дело обстоит совсем по-другому: там приказы офицера исполняются без возражений и замечаний. На торговых судах не так: распоряжения помощника капитана часто принимаются не как приказания, а как советы, и команда выполняет их, как считает нужным. Конечно, это не всегда так, многое зависит от характера помощника. Но на борту «Инки» строгой дисциплины, по-видимому, не было. Крики, визг блоков, грохот ящиков и скрип тачек на сходнях смешивались в одно целое и создавали невероятный шум. Никогда в жизни я не слышал такого шума и несколько минут стоял совершенно оглушенный и растерянный.

Наконец наступило временное затишье: спускали в трюм огромную бочку и бережно устанавливали ее на место.

Один из матросов случайно заметил меня. Он насмешливо прищурился и крикнул:

— Эй, коротышка! Что тебе-то тут нужно? Грузишься на наш корабль, а?

¹ Талы — система блоков для подъема тяжестей.

— Нет, — отозвался другой, — видишь, он сам капитан — у него собственный корабль!

Это замечание относилось к моему суденышку. Я принес его с собой и держал в руках.

— Эй, на пихуне! — заорал третий. — Куда держите?

Грянул взрыв хохота. Теперь уже все заметили мое присутствие и разглядывали меня с оскорбительным любопытством.

Я стоял и молчал, ошеломленный встречей, которую мне устроили эти «морские волки». Тут помощник подошел ко мне и более серьезным тоном спросил, что я делаю на борту.

Я сказал, что хочу увидаться с капитаном. Я был в полной уверенности, что где-то здесь есть капитан и что с ним-то и следует говорить о таком важном деле.

— Увидеться с капитаном? — повторил мой собеседник. — Какое у тебя дело к капитану, мальчуган? Я — помощник. Может быть, этого достаточно?

Секунду я колебался, но затем подумал, что раз передо мной стоит помощник капитана, то лучше сразу же объявить ему о моих намерениях. И я ответил:

— Я хочу быть матросом!

Полагаю, что громче им никогда не приходилось хотать. Поднялся настоящий рев, к которому и помощник присоединился от всего сердца.

Среди оглушительного хохота я услышал несколько весьма унижительных для меня замечаний.

— Гляди, гляди, Билл, — кричал один из них, обращаясь к кому-то в стороне, — гляди, паренек хочет быть матросом! Лопни мои глаза! Ах ты, сморчок в два вершка от горшка, да у тебя силенок не хватит закрепить снасть! Матро-о-ос! Лопни мои глаза!

— А мать твоя знает, куда тебя занесло? — осведомился другой.

— Клянусь, что нет, — ответил за меня третий, — и отец тоже не знает. Ручаюсь, парень сбежал из дому... Ведь ты смылся потихоньку, а, малыш?

— Послушай, мальчуган, — сказал помощник, — вот тебе совет: вернись к своей мамаше, передай почтенной старушке привет от меня и скажи ей, чтобы она

Помощник капитана спросил, что я делаю на борту.

привязала тебя к ножке стула тесемкой от нижней юбки и держала так годиков пять — шесть, пока ты не вырастешь.

Этот совет породил новый взрыв хохота.

Я чувствовал себя униженным всеми этими грубыми шутками и не знал, что ответить. В полной растерянности я выдавил из себя, заикаясь:

— У меня... нет матери...

Суровые лица моряков смягчились. Раздались даже сочувственные замечания, но помощник продолжал все так же насмешливо:

— Ну, тогда отправляйся к отцу и скажи ему, чтобы он задал тебе хорошую трепку.

— У меня нет отца!

— Бедняга, он, значит, сирота! — жалостливо сказал один из матросов.

— Нет отца... — продолжал помощник, который казался мне бесчувственным зверем. — Тогда отправляйся к бабушке, дяде, тетке или куда хочешь, но чтобы тебя здесь не было, а не то я подвешу тебя к мачте и уюшу ремнем. Марш! Понял?

По-видимому, этот зверь не шутил. Смертельно напуганный угрозой, я отступил, повинаясь приказанию.

Я дошел до трапа и собирался уже сойти по сходням, как вдруг увидел человека, который шел навстречу мне с берега. На нем были черный сюртук и касторовая¹ шляпа. Он был похож на купца или другого горожанина, но что-то во взгляде его подсказало мне, что это моряк. У него было обветренное лицо и в глазах выражение, характерное для людей, проводящих жизнь на море. И брюки из синей морской ткани придавали ему совсем не сухопутный вид. Мне пришло в голову, что это и есть капитан.

Я недолго оставался в сомнении. Пройдя трап, незнакомец вошел на палубу, как хозяин. Я услышал, как он на ходу бросал приказания тоном, не допускающим возражений.

¹ К а с т о р — толстый, плотный шерстяной материал, из которого делают дорожные шляпы

Он не остановился на палубе, а решительно направился к шканцам¹.

Мне показалось, что я могу еще добиться своего, если обращусь непосредственно к капитану. Без колебаний я повернулся и последовал за ним.

Мне удалось проскочить мимо помощника и матросов, которые пытались перехватить меня на бегу, и я настиг капитана у самых дверей его каюты.

Я схватил его за полу.

Он удивленно обернулся и спросил, что мне нужно.

В нескольких словах я изложил свою просьбу. Единственным ответом мне был смех. Потом, обернувшись, он крикнул одному из матросов:

— Эй, Уотерс! Возьми карапуза на плечи и доставь на берег. Ха-ха-ха!

Не сказав больше ни слова, он спустился по трапу и исчез.

Объятый глубокой горестью, я почувствовал только, как крепкие руки Уотерса подняли меня, пронесли по слодням, потом по набережной и опустили на мостовую.

— Ну-ну, рыбешка! — сказал мне матрос. — Послушай Джека Уотерса — держись до поры до времени подальше от соленой воды, чтобы акулы тебя не съели!

Помолчав и подумав немного, он спросил:

— Ты сиротка, малыш? Ни отца, ни матери?

— Да, — ответил я.

— Жаль! Я тоже был сиротой. Хорошо, что ты так рано потянулся в море, это чего-нибудь да стоит. Будь я капитан, я бы взял тебя. Но я, понимаешь, только рядовой матрос и ни черта не могу тебе помочь. Но я приду сюда опять, а ты к тому времени, пожалуй, будешь маленько покрупнее. Вот возьми эту штуку на память и вспомни обо мне, когда мы опять ошвартуемся в гавани, и, кто знает, может быть, я выхлопочу тебе койку... А теперь — до свиданья! Иди домой, будь хорошим парнем и оставайся на суше до тех пор, пока не вырастешь.

¹ Шканцы — часть палубы между грот-мачтой и бизань-мачтой, то есть между второй и третьей мачтами.

Проговорив это, добродушный матрос протянул мне свой нож, повернулся и отправился обратно, а я остался один на набережной.

Пораженный таким неожиданно хорошим отношением, я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за фальшбортом¹. Машинально положив нож в карман, я некоторое время стоял, не двигаясь с места.

Глава XVII

НЕ ВЫШЕЛ РОСТОМ!

Размышления мои были не из приятных. Никогда еще в жизни я не был так огорошен. Разлетелись в дым все мои мечты о том, как я буду брать рифы на парусах, как увижу чужие страны. Все мои планы окончательно рухнули.

Я чувствовал себя униженным и опозоренным. Мне казалось, что все прохожие знают, что случилось и в каком жалком положении я нахожусь. На палубе, у борта, я видел ухмыляющиеся лица матросов. Некоторые громко смеялись.

Я не мог этого вынести и без оглядки побежал прочь.

На набережной лежали мешки с товарами, стояли большие бочки и ящики. Они не были собраны вместе, а разбросаны повсюду, и между ними образовались проходы.

Я залез в один из таких проходов, где меня никто не мог увидеть и где я сам не мог видеть никого. Там я почувствовал себя так, как будто избавился от какой-то опасности, — так отрадно убежать от насмешек, даже если их не заслуживаешь.

Среди ящиков был один небольшой, подходящий для сидения. Я уселся на него и стал размышлять.

Что мне делать? Отбросить все мечты о море и вернуться на ферму, к ворчливому, старому дяде?

¹ Ф а л ь ш б о р т — часть борта, выступающая над палубой и образующая перила.

Вы скажете, что это было бы самым разумным и естественным в моем положении. Может быть, вы и правы, но мне такой выход в голову не приходил. Вернее, я решительно отбросил его, как только он пришел мне в голову.

«Нет, — говорил я себе, — я еще не побежден; я не отступлю, как трус. Сделал один шаг — сделаю и второй. Что в том, что меня не хотят брать на это большое, важное судно? В порту стоят другие суда — десятки других! На любом из них мне будут рады. Я перепробую все, прежде чем перемену свое решение».

«Отчего мне отказали? — спрашивал я себя, продолжая свой монолог. — Отчего? Они даже не сказали по какой причине. Ах, да! Маленький рост! Говорили, что мне не закрепить снасть. Я хорошо знаю, что значит закрепить снасть. Конечно, они хотели этим оскорбительным выражением сказать, что я слишком мал, чтобы быть матросом. Но юнгой ведь я могу стать! Я слышал, что бывали юнги и помоложе меня. Интересно, какой у меня рост? Эх, будь у меня плотничья линейка, я бы измерил себя. Как глупо, что я этого не сделал дома! Нельзя ли проделать это сейчас?»

Тут мои размышления прервались, потому что я заметил на одном из ящиков надпись мелом: «4 фута». По-видимому, кто-то обозначил длину ящика, потому что в высоту он не мог иметь четыре фута. Возможно, это была пометка плотника или она была сделана для матросов, чтобы они знали, как грузить ящик. Благодаря этой пометке я за три минуты узнал свой рост с точностью до дюйма.

Я поступил так: лег плашмя на землю пятками к одному краю ящика, а затем выпрямился и пощупал рукой, не соприкасается ли моя макушка с другим концом ящика. Не хватало почти целого дюйма. Напрасно я изо всех сил вытягивал шею — я никак не мог дотянуться до края ящика. Впрочем, это не имело большого значения. Ясно, что раз длина ящика четыре фута, значит, во мне неполных четыре.

Я поднялся на ноги, обескураженный результатом измерения.

Мне никогда не приходило в голову, что я такой маленький. Какой мальчик не считает себя почти мужчиной! Но теперь я убедился в том, что действительно мал ростом. Неудивительно, что Джек Уотерс называл меня рыбешкой, а другие объявили, что я не смогу закрепить снасть.

Уверившись в том, что я настоящий лилипут, я впал в полное уныние и мысли мои приобрели мрачный оттенок. Теперь я знал, что меня не возьмут ни на одно судно. Не бывало еще юнги такого маленького роста. Я таких не видал. Наоборот, мне случалось встречать рослых парней, которые служили в командах бригов и шхун, посещавших нашу гавань, и которых почему-то именовали «юнгами». Нет, дело безнадежное! Придется вернуться домой.

Но я опять уселся на ящик и продолжал раздумывать.

Уже в раннем детстве ум мой был склонен к изобретательству. Скоро у меня зародился новый план, который, казалось, вполне годился, чтобы осуществить мое первоначальное намерение.

Тут мне пришла на помощь память. Я вспомнил истории про мальчиков и взрослых, которые тайком прокрадывались на суда и уходили с ними в море. Когда суда отходили далеко от берега, беглецы покидали свои убежища и продолжали путешествие в качестве матросов.

Воспоминания об этих отважных героях едва успели промелькнуть у меня в мозгу, как я решил последовать их примеру. Я мгновенно принял решение: спрятаться на борту какого-нибудь корабля — ну, скажем, того же корабля, с которого меня выгнали с таким позором. Это был единственный корабль в порту, который готовился к отплытию. Впрочем, по правде сказать, если бы таких кораблей была и дюжина, я все-таки выбрал бы «Ияку».

Вы удивитесь, почему я избрал именно этот корабль, но это легко объяснить. Я был так обижен на моряков, особенно на помощника капитана, за невежливое обращение, что мне захотелось отомстить им.

Я знал, что они не выбросят меня за борт. Если не считать помощника, — все они люди не жестокие. Конечно, они не упустили случая подшутить надо мной, но некоторые из них пожалели меня, когда узнали, что я сирота.

Итак, решено: я отправляюсь в плавание на этом большом корабле — наперекор помощнику, капитану и команде!

Глава XVIII

Я ПРОНИКАЮ НА КОРАБЛЬ

Но как пробраться на корабль? И как укрыться на нем? Вот какие трудности тотчас встали передо мной.

Явиться на палубу только затем, чтобы снова быть изгнанным? Нельзя ли подкупить кого-нибудь из матросов, чтобы они пропустили меня на палубу? Но чем подкупить? У меня совсем не было денег. Мой кораблик и моя одежда — последняя очень плохого качества — вот и все, что мне принадлежало. Я бы отдал кораблик, но минутное раздумье убедило меня в том, что ни один матрос не оценит вещь, которую сам легко может сделать; я считал, что любой матрос, если захочет, без труда смастерит кораблик. Нет, матроса не подкупишь игрушкой, нечего и думать об этом!

Вспомнил! У меня ведь есть ценная вещь — часы. Правда, это обыкновенные, старомодные серебряные часы и стоят они немного, но идут хорошо. Я получил их от моей бедной матери вместе с другими, более ценными, но те присвоил дядя. Старые, дешевые часы мне разрешено было носить, и, по счастью, они как раз оказались у меня в кармане. Нельзя ли таким образом подкупить Уотерса или кого-нибудь из матросов, чтобы они тайком пропустили меня на борт и укрыли, пока судно не выйдет в море?

Я решил попытать счастья.

Пожалуй, главная трудность теперь — увидеть Уотерса или другого матроса так, чтобы остальные не присутствовали, и рассказать ему, что я задумал.

Придется бродить вокруг корабля, пока кто-нибудь из них не выйдет на берег один.

Я надеялся, что в крайнем случае сумею и сам пробраться на судно, особенно вечером, когда матросы окончат работу и уйдут на нижнюю палубу. В таком случае мне даже незачем сговариваться с матросами. В темноте я сумею пройти мимо вахтенных и спрятаться где-нибудь внизу. Я, конечно, без труда найду убежище между бесчисленными ящиками и бочками.

Но сомнения тревожили меня. Будет ли корабль стоять в порту до вечера? И не настигнет ли меня дядя с работниками?

Признаться, первое меня волновало меньше. На судне все так же, как и вчера, красовалось объявление: «Инка» отправляется в Перу завтра». Но когда будет это «завтра»? Во всяком случае, едва ли судно собирается отплыть сегодня, — на набережной еще лежит множество тюков с товарами, несомненно предназначенных для этого корабля. Кроме того, я не раз слышал, что суда дальнего плавания отправляются не очень-то аккуратно.

Я рассудил, что вряд ли корабль уйдет сегодня и что ночью я смогу пробраться на борт.

Была еще другая опасность — быть пойманным и доставленным домой. Но, по зрелом размышлении, это казалось маловероятным. На ферме не хватятся меня до вечера, да и вечером вряд ли станут искать, рассчитывая, что ночью так или иначе я сам вынужден буду вернуться. Значит, с этой стороны нет поводов для опасений.

Я перестал думать о доме и начал готовиться к выполнению своего плана.

Я рассчитывал, что мне придется скрываться на судне не меньше двадцати четырех часов, может быть, больше. Нельзя же столько времени оставаться без еды! Но где запастись едой? Я уже говорил, что у меня совсем не было денег. Я не мог купить еду и не знал, где и как раздобыть деньги.

Тут мне пришла в голову превосходная мысль: продам свой кораблик и на вырученные деньги куплю еду.

Игрушечное судно мне теперь не нужно — отчего не расстаться с ним?

Без дальнейших размышлений я вышел из своего убежища между бочками и отправился по набережной искать покупателя для моего кораблика.

Я скоро нашел его. Это была лавка морских игрушек.

Поторговавшись немного с хозяином, я продал кораблик за шиллинг¹.

По-настоящему мое маленькое суденышко с его оснасткой стоило в пять раз дороже, и при других обстоятельствах я бы с ним не расстался и за такую цену. Но торгош понял, что я нахожусь в затруднительном положении, и воспользовался этим.

Теперь у меня было достаточно денег. Я отправился в другую лавку и на все деньги купил сыру и сухарей, каждого товара на шесть пенсов². Рассовав провизию по карманам, я вернулся на прежнее место между грузами и снова уселся на ящик. Я порядком проголодался, так как обеденный час давно прошел, и накинулся на сыр и сухари, что весьма облегчило мои карманы.

Приближался вечер, и я решил выйти на разведку. Надо было выяснить, в каком месте легче всего взобраться на борт, когда придет время. Матросы могут заметить, что я слоняюсь возле судна, но, конечно, им и в голову не придет, что я делаю это с определенной целью.

А что, если они опять начнут насмехаться надо мной? Тогда я стану отвечать им и, пользуясь этим, высмотрю все, что мне нужно.

Не теряя ни минуты, я начал прогуливаться по набережной с нарочито небрежным видом. Я остановился около носовой части корабля и посмотрел наверх. Палуба опустилась почти до уровня набережной, потому что нагруженное судно сидело теперь гораздо глубже.

¹ Ш и л л и н г — английская монета; 20 шиллингов составляют 1 фунт стерлингов.

² П е н н и (множественное число «пенсы») — мелкая английская монета; 12 пенсов составляют 1 шиллинг.

Но высокий фальшборт закрывал от меня палубу. Я сразу заметил, что нетрудно будет с набережной влезть на него и проникнуть на судно, держась за ванты¹. Я решил, что это будет самый правильный путь. Конечно, надо действовать с большой осторожностью. Если ночь будет не слишком темная и вахтенный матрос меня заметит, все будет кончено: меня примут за вора, схватят и посадят в тюрьму. Но будь что будет — я шел на риск.

На борту все утихло. Не слышно было ни шума, ни голосов. Товары всё еще лежали на набережной — значит, погрузка не кончилась. Но матросы прекратили работу, и я видел, что на трапе и вокруг люка никого нет. Куда они делись?

Исрадучись я поднялся до середины трапа. Передо мной был большой люк и палуба. Не видно было ни синей куртки помощника, ни засаленных фуфасек матросов. По-видимому, вся команда ушла в другую часть корабля.

Я остановился и прислушался. Откуда-то из передней части судна до меня донеслись приглушенные голоса. Я знал, что это голоса матросов, беседующих друг с другом.

Вдруг я увидел человека, который прошел мимо трапа. Он нес большой котел, из которого валил пар. Там, очевидно, находился кофе или какая-нибудь другая горячая пища. Без сомнения, это был ужин для матросов, и нес его кок². Вот почему работа прекратилась и матросы ушли на носовую часть корабля: они готовились ужинать.

Отчасти из любопытства, отчасти побуждаемый новой, только что возникшей у меня мыслью, я поднялся на палубу. Я увидел матросов далеко в передней части судна. Некоторые расположились на брашпиле³, другие — прямо на палубе, держа в руках оловянные

¹ В а н т ы — снасти, которые крепят мачту к боргам.

² К о к — корабельный повар.

³ Б р а ш п и л ь — горизонтальный ворот, употребляемый для подъема якоря.

миски и складные ножи. Меня никто не заметил, никто не смотрел в мою сторону. Все их внимание было сосредоточено на коке и на дымящемся котле.

Я торопливо оглянулся — кругом никого не было. Моя новая мысль приобрела более четкие очертания.

— Сейчас или никогда! — прошептал я и, нагнувшись, без оглядки побежал по палубе к основанию грот-мачты.

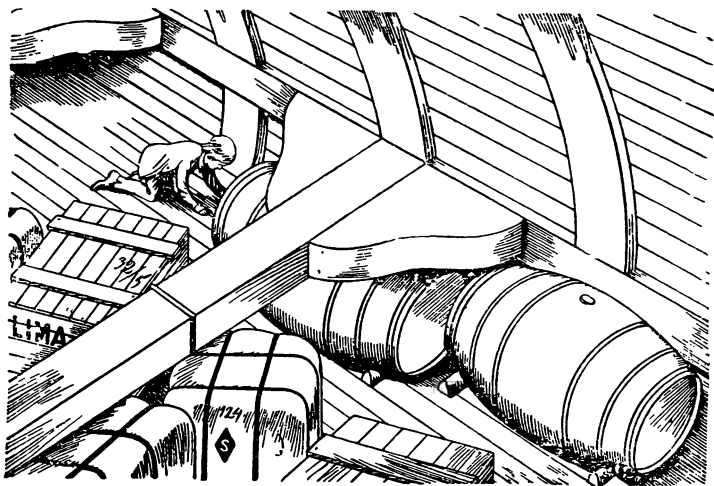
Теперь я находился у самого края открытого люка.

В него-то я и собирался забраться. Лестницы не было, но с талей свисал канат, конец которого уходил вниз, в трюм.

Я потянул канат и удостоверился, что он надежно закреплен наверху. Крепко ухватив его обеими руками, я осторожно спустился вниз.

Счастье, что я не сломал себе шеи, потому что выпустил из рук канат раньше, чем спустился донизу.

Я отделался только сотрясением, упав на дно трюма.

Но я сейчас же вскочил на ноги и, перебравшись через несколько ящиков, еще не расставленных на места, спрятался за бочкой и притаился во мраке и тишине.

УРА! МЫ ОТЧАЛИЛИ!

Спрятавшись за бочкой, я пристроился поудобнее и через пять минут заснул так крепко, что все колокола Кентербери¹ не разбудили бы меня. Последней ночью я мало спал, да и в предыдущую ночь не много — мы с Джовом рано выехали на рынок. Усталость от длительного путешествия пешком и непрерывное в течение целых суток напряжение нервов, только теперь несколько ослабшее, сломили мои силы. Я заснул, как сурок, и спал так долго, что моего сна хватило бы на несколько сурков.

Сам не понимаю, как меня не разбудил шум погрузки: визжали блоки, ящики с грохотом опускались в трюм, но я ничего не слышал.

Проснувшись, я почувствовал, что спал очень долго. «Уже, наверно, глубокая ночь», — подумал я. Меня окружал полный мрак. Раньше в трюм из люка падала полоска света, но теперь она исчезла. Итак, наступила ночь, черная, как смола, что, впрочем, вполне естественно, если сидеть за большущей бочкой, спрятанной в трюме корабля.

«Который теперь час? Должно быть, матросы уже давно пошли спать и сейчас храпят в своих подвесных койках. Скоро ли рассвет?»

Я прислушался. Не нужно было обладать хорошим слухом, чтобы уловить звуки падения больших предметов.

Как видно, на палубе еще шла погрузка. Я слышал голоса матросов, хотя не очень отчетливо. Иногда до меня доносились восклицания, и я разбирал слова: «Налегай!», «Еще давай!» и наконец «Раз-два, взяли!», выкрикиваемые хором.

«Неужели они не прекращают работы даже ночью?»

Впрочем, это не очень меня удивило. Может быть, они хотят воспользоваться приливом или попутным ветром и потому так спешат закончить погрузку.

¹ Кентербери — городок в Англии, славящийся своим старинным собором.

Я продолжал прислушиваться, ожидая, когда прекратится шум, но час шел за часом, а стук и шум не прекращались.

«Какие молодцы! — думал я. — Должно быть, они спешат, хотят отправиться как можно скорее. К утру мы, следовательно, отчалим. Тем лучше для меня — я скорее выберусь из этого неудобного места. Неважная у меня здесь постель, да и есть опять хочется».

Последняя мысль заставила меня вспомнить о сыре и сухарях, и я тотчас накинулся на них. После сна я сильно проголодался и поглощал их с большим аппетитом, хотя это и происходило среди ночи.

Шум погрузки продолжался. «Ого! Они будут работать до утра! Бедняги, работа тяжелая, но, без сомнения, они получают за нее двойную плату». Вдруг шум прекратился и наступила полная тишина. Я не мог слышать ни малейшего шороха наверху.

«Наконец-то они закончили погрузку, — решил я, — и теперь пошли спать. Должно быть, скоро утро, но еще не рассвело, иначе я увидел бы хоть полоску света. Ну что ж, я еще посплю...»

Я снова улегся, как раньше, и попытался заставить себя спать. Прошло около часа, и мне почти удалось заснуть, но тут до меня снова долетел стук ящиков.

«Что такое? Опять работают! Они спали какой-нибудь час. Не стоило и ложиться».

Я прислушался и убедился в том, что матросы и в самом деле работают. В том не было ни малейшего сомнения. Опять стук, шум и визг блоков, как и раньше, но только не такой громкий.

«Странная команда! — думал я. — Работает всю ночь... Наверно, это смена, она пришла сменить первую».

Это было вполне допустимо, и такое объяснение удовлетворило меня. Но больше я не мог заснуть и лежал прислушиваясь.

Они всё продолжали работать. И я слышал шум в течение всей ночи, которая показалась мне самой длинной в моей жизни. Матросы работали, отдыхали часок и вновь принимались за работу, а я не видел никаких признаков рассвета — ни одного светлого луча!

Мне пришло в голову, что, может быть, я дремлю и что эти часы работы на самом деле не часы, а минуты. Но если это только минуты, то у меня разыгрался какой-то совершенно необыкновенный аппетит, потому что за это время я трижды яростно накидывался на провизию, пока почти все мои запасы не оказались исчерпанными.

Наконец шум совершенно прекратился. Несколько часов я ничего не слышал. Кругом царила полная тишина, и я снова заснул.

Проснувшись, я опять услышал шум, но эти звуки были иного рода. Они наполнили меня радостью, потому что я смутно слышал характерное «крик-крик-крик» брашпиля и громыханье большой цепи. И хотя, находясь в глубине трюма, трудно наверняка определить источник шума, я догадывался, что происходило наверху. Поднимали якорь—корабль отправлялся в плавание!

Я с трудом удержался от радостного восклицания. Я боялся, что мой голос могут услышать. И тогда меня, конечно, немедленно выволокут из трюма и отправят на берег. Я сидел тихо, словно мышь, и слушал, как большая цепь с грохотом ползла через клюз¹. Этот резкий звук, неприятный для других ушей, показался мне музыкой.

Ляз и скрежет скоро прекратились, и до меня дошел новый звук. Он походил на шум сильного ветра, но я знал, что это не ветер. Я знал, что это плеск моря вокруг бортов судна. Звук этот доставил мне величайшее наслаждение — я понял, что наш корабль движется!

«Ура! Мы отчалили!»

Глава XX

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Непрерывное движение судна и ясно слышимый звук бурлящей воды убедили меня в том, что мы отшли от пристани и движемся вперед. Я был совершенно

¹ К л ю з — отверстие в борту судна для якорной цепи.

счастлива — опасность вернуться на ферму миновала. Теперь я уже несусь на соленых волнах и через двадцать четыре часа буду далеко от берега, среди просторов Атлантического океана, где никто меня не настигнет и не вернет назад. Удачный исход моего плача опьянял меня.

Странно только, что они вышли в море ночью — ведь еще совсем темно. Но, наверно, у них опытный лодман, который знает все выходы из бухты настолько хорошо, что может вывести судно в открытое море в любое время суток.

Меня несколько озадачивала необыкновенно длинная ночь. В этом было даже что-то таинственное. Я уже начал подозревать, что проспал весь день, а бодрствовал две ночи вместо одной. Что-то здесь, по-видимому, мне приснилось. Впрочем, я был так рад отплытию, что не стал ломать себе голову попусту. Для меня не имело никакого значения, ушли мы в море ночью или днем, лишь бы благополучно выйти в открытый океан. Я улегся и стал ждать желанной минуты, когда смогу выйти на палубу.

Я с нетерпением ждал этой минуты по двум соображениям. Во-первых, потому, что мне очень хотелось пить. Сыр и черствые сухари еще больше увеличили жажду. Я не был голоден, часть провизии у меня еще оставалась, но я бы охотно обменял ее на чашку воды.

Во-вторых, я хотел выйти из своего убежища, потому что кости мои ныли от лежания на голых досках и от скрюченной позы, которую я вынужден был принять из-за недостатка места.

Все суставы у меня так болели, что я едва мог вернуться. А лежать неподвижно было еще хуже. Это укрепило мою уверенность в том, что я проспал весь день, — ведь одна ночь на голых досках все-таки не утомила бы меня так сильно.

Несколько часов подряд я вертелся во все стороны, страдая от жажды и от ломоты в костях.

Неудивительно, что мне хотелось как можно скорее покинуть узенькую нору и выйти на палубу. Но я рас-

судил все же, что следует преодолеть и жажду и боль в теле и остаться на месте.

Я знал, что по портовым правилам полагается выходить из бухты в море, имея лоцмана на борту, и если я сделаю глупость, показавшись на палубе, то меня доставят на берег в лоцманской шлюпке и все мои усилия и страдания пропадут даром.

Предположим даже, что лоцмана на корабле нет, — все равно мы ведь находимся на трассе рыбацких лодок и маленьких каботажных судов¹. Одно из них, идущее в гавань, может подойти к нам, меня сбросят на его палубу, как связку канатов, и доставят на сушу.

Вот почему я решил, что благоразумнее оставаться в своем убежище, несмотря на жажду и боль в суставах.

В течение часа или двух судно легко скользило по воде. Должно быть, погода была тихая и корабль находился еще в пределах бухты. Потом, как я заметил, он начал слегка покачиваться и плеск воды по бокам стал резче и настойчивее. То и дело слышались удары волн о борт и потрескивание шпангоутов².

Но в этих звуках не было ничего неприятного. Как видно, мы выходили из бухты в открытое море, где ветер был свежее, а волны выше и сильнее. «Скоро лоцмана отпустят, — думал я, — и я смогу выйти на палубу».

По правде сказать, я не очень радовался предстоящей встрече с командой корабля — у меня были серьезные опасения на этот счет. Я вспомнил грубого, свирепого помощника и бесшабашных, равнодушных матросов. Они возмутятся, когда узнают, какую штуку я с ними сыграл, и, чего доброго, избьют меня или как-нибудь еще обидят. Я не ждал, что они хорошо ко мне отнесутся, и с удовольствием уклонился бы от такой встречи.

¹ Каботажные суда — суда, следующие из одного порта в другой вдоль берега; обычно бывают небольших размеров.

² Шпангоуты — ребра судна: изогнутые балки, идущие в обе стороны от келя; они служат основанием для накладки бортов.

Но уклониться было невозможно. Я не мог проделать весь рейс, сидя в трюме, то есть провести несколько недель или даже месяцев без еды и питья. Рано или поздно мне придется выйти на палубу и решиться на встречу.

Тревожась при мыслях об этой неизбежной встрече, я начал испытывать страдания уже не нравственного характера. И они были хуже жажды и ломоты в костях. Какая-то новая беда надвигалась на меня. Голова закружилась, на лбу выступил пот. Я почувствовал дурноту, сердце и желудок у меня как будто сжались. В груди и горле появилось такое ощущение, как будто мне вдавили ребра внутрь и легкие утратили способность расширяться и дышать.

Я ощущал тошнотворный запах затхлой воды, которая скопится обычно в глубине трюма, и слышал, как она булькает под настилом, куда натекла за долгий срок.

По всем этим признакам нетрудно было определить, что именно меня беспокоит: это была морская болезнь, и ничего больше. Зная это, я не встревожился. Мне становилось плохо, как всякому, у кого начинается приступ этой странной болезни. Конечно, я чувствовал себя особенно скверно: жажда жгла меня, а воды поблизости не было. Я был убежден, что стакан воды облегчил бы мои страдания: тошнота пройдет, и я свободно вздохну. Я готов был отдать всё за один глоток.

Страх перед лоцманом помогал мне крепиться довольно долго.

Качка становилась все резче, а запах воды в трюме все тошнотворнее. Дурнота и напряжение стали невыносимы.

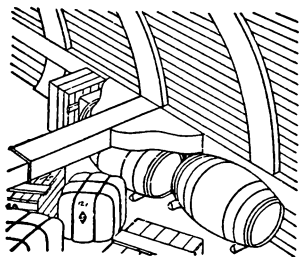
«Наверно, лоцман уже уехал. Во всяком случае, я больше не могу терпеть. Надо выйти на палубу, иначе я умру! О!..»

Я поднялся и начал ощупью пробираться вдоль большой бочки.

Я обогнул ее и дошел до отверстия, через которое влез сюда. Но тут, к величайшему своему изумлению, я обнаружил, что оно закрыто!

Я не верил себе и ощупывал все кругом. вода руками вверх и вниз. Нет сомнений — отверстие заставлено!

Повсюду мои руки натыкались на отвесную стену, которая, насколько я мог судить, представляла собой боковую сторону огромного ящика. Ящик этот стоял как раз в промежутке между бортом корабля и бочкой и был поставлен настолько вплотную, что не осталось ни щелки, в которую я мог бы просунуть палец.

Выход из моего убежища
был загорожен ящиком

Я попытался сдвинуть ящик руками, напряг все силы, потом надавил плечом, но ящик даже не шелохнулся. Это был огромный короб, наполненный тяжелым грузом. Даже силач вряд ли сдвинул бы его с места, а с моими силенками нечего было и думать об этом.

Мне пришлось отказаться от этой попытки. Я двинулся назад вдоль бочки, надеясь выйти с другого конца. Но когда я достиг другого конца, мои надежды рассеялись, как дым. Даже руку нельзя было просунуть между знакомой мне бочкой и такой же соседней, которая заполняла собой все пространство вплоть до шпангоутов! Мышь не проскользнула бы между ними.

Я исследовал верхи обеих бочек, но так же безрезультатно. Там хватило бы места просунуть руку, но не больше. Между верхами округлых стенок бочек и громадным бимсом¹, протянутым наверху поперек трюма, оставалось лишь несколько дюймов — даже при моем маленьком росте я не сумел бы проскользнуть в эту щель.

Предоставляю вашему воображению, что я почувствовал, когда убедился, что я заперт, пленен, замурован между грузами!

¹ Бимс — поперечная балка между бортами.

Глава XXI

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ

Теперь я понял, почему ночь показалась мне такой длинной. Света было достаточно, но он не доходил до меня. Его закрывал большой ящик. Прошел целый день, а я этого не знал. Люди работали днем, а я думал, что это полночь. Не одна, а две ночи и целый день прошли с тех пор, как я спустился в свое убежище. Неудивительно, что я ощущал голод, жажду и боль во всем теле. Короткие перерывы в работе матросов наверху означали завтрак и обед. Длинный перерыв перед тем, как подняли якорь, означал вторую ночь, когда все спали.

Я вспомнил, что заснул сейчас же после того, как забрался в свой тайник. Это было за несколько часов до захода солнца. Я спал крепко и долго — без сомнения, до следующего утра. Вечером погрузка продолжалась, а я ничего не слышал. Находясь в глубоком, беспробудном сне, я не почувствовал, как проход загродили ящиком, да и не одиим.

Теперь мне все было ясно, и самое ясное во всем этом — тот ужасающий факт, что я заперт, как в коробке.

Не сразу я понял весь ужас своего положения. Я знал, что заперт и что никаких моих усилий не хватит для того, чтобы выбраться наружу. Но я не боялся этих трудностей. Сильные матросы, которые поставили эти грузы, могут их и отодвинуть. Мне стоит только крикнуть и тем обратить на себя внимание.

Увы! Мне в голову не приходило, что мои отчаянные вопли вовсе не будут услышаны. Я не подозревал, что люк, через который я опустился на канате в трюм, был теперь плотно закрыт тяжелым щитом, что поверх щита была натянута толстая просмоленная парусина и что все это, вероятно, так и останется до конца путешествия. Если бы люк даже не был закрыт, и то меня не услышали бы. Мой голос затерялся бы среди сотен тюков и ящиков, пропал бы в беспрестанном рокоте волн, плещущих о борта корабля.

Вначале, как вы знаете, я не очень встревожился. Я думал только, что мне придется долго дожидаться глотка воды, в которой я так нуждался. Конечно, потребуется несколько часов работы, чтобы отодвинуть ящики и освободить меня. А пока что мне придется страдать. Вот и все, что меня беспокоило.

И только после того, как я накричался до хрипоты и вдоволь настучался в доски борта каблуками башмаков, так и не дождавшись ответа, — только тогда начал я вполне понимать свое подлинное положение, только тогда начал я оценивать весь его ужас, только тогда понял, что не сумею выйти отсюда, что у меня нет никакой надежды на спасение, — короче говоря, что я заживо погребен!

Я кричал, стонал, вопил.

Кричал я долго, не знаю точно, сколько времени. Я не переставал кричать, пока не ослабел и не выбился из сил.

В перерывах я прислушивался — ответа не было. Только мое собственное эхо прокатывалось по всему трюму. Но ни один человеческий голос извне не отзывался на мои стенания.

Теперь я понял, почему умолкли голоса матросов. Я слышал хор их голосов, когда поднимали якорь, но тогда корабль стоял на месте и вода не плескалась у бортов. Кроме того, как я узнал впоследствии, тогда люки были открыты, а закрыли их уже потом, когда мы вышли в море.

Долго я прислушивался, но до ушей моих не доходили ни слова команды, ни матросская речь. Если до моего слуха не долетали их громкие, густые голоса, то как же им услышать мой голос?

«Они не могут меня услышать! Никогда! Никогда никто не придет ко мне на помощь! Я умру здесь! Я непременно умру здесь!..»

К такому мрачному выводу я пришел, когда окончательно потерял голос и совершенно ослабел. Морская болезнь на время уступила место бурным порывам отчаяния, но затем физическое недомогание вернулось и, соединившись с душевными муками, поглотило меня в

такое страшное состояние, какого я никогда еще не испытывал. Долго я лежал беспомощный в полном оцепенении. Мне хотелось умереть. Я и в самом деле полагал, что умираю. Я серьезно думаю, что в ту минуту рад был ускорить наступление смерти, если бы это было в моей власти. Но я был слишком слаб, чтобы убить себя, даже если бы у меня имелось оружие. Впрочем, оружие-то у меня было, только я забыл о нем в своем смятении.

Вы удивитесь, услышав такое признание — признание в том, что я хотел умереть. Но надо попасть в мое тогдашнее положение, чтобы представить себе весь ужас отчаяния. О, это страшная вещь! Желая вам никогда ее не испытать!

Я был убежден, что умираю, но не умирал. Люди не умирают ни от морской болезни, ни от отчаяния. Не так-то легко расстаться с жизнью.

Правда, я был как полумертвый и некоторое время лежал без сознания.

В таком состоянии оцепенения я пролежал несколько часов подряд.

В конце концов сознание начало возвращаться ко мне, а с ним вернулась и энергия. Странное дело: мне захотелось есть. В этом отношении морская болезнь имеет такую особенность: больные едят охотнее, чем здоровые. Впрочем, желание пить было куда сильнее, чем желание есть, и мучения мои не смягчались надеждой на утоление жажды. Что касается голода, то с ним я кое-как еще мог справиться: у меня в кармане сохранились куски сухарей и немного сыра.

Не стоит рассказывать вам обо всех тяжелых мыслях, которые роились у меня в мозгу. Несколько часов подряд я был жертвой страшного приступа отчаяния. Несколько часов я лежал, или, вернее, метался, в безысходной тоске. Наконец, к моему облегчению, пришел сон.

Я заснул, потому что перед этим долго не спал. И это вместе с упадком сил от долгих страданий перебороло мои муки. Несмотря на все свои бедствия, я забылся сном.

Спал я недолго и не очень крепко. Во сне я переживал всякие опасности и страхи, но не было ничего страшнее действительности, когда я проспнулся.

Я не сразу понял, где нахожусь. Только раскинув руки в стороны, вспомнил, в каком положении оказался: я наткнулся руками на деревянные стены моей темницы. Я едва мог повернуться в ней. Еще одного маленького мальчика, вроде меня, было бы достаточно, чтобы заполнить все пространство, в котором я был заключен.

Еще раз осознав свое ужасное положение, я опять разразился криками. Я вопил и стонал изо всех сил. Я еще не совсем утратил надежду, что матросы услышат меня, — ведь я уже говорил, что не знал ни того, какое количество грузов окружает меня, ни того, что люки нижней палубы плотно закрыты.

Хорошо еще, что я не сразу узнал всю правду. Она могла бы свести меня с ума. Проблески надежды облегчали мои страдания и поддерживали меня, пока я не решился твердо взглянуть в лицо страшной судьбе.

Я продолжал кричать, иногда по несколько минут подряд, иногда отрывисто, но ответа не было, и промежутки между моими воплями становились все дольше и дольше. Наконец я охрип и замолчал.

Несколько часов я лежал опять в оцепенении — то есть оцепенел мой мозг, но, к сожалению, не тело. Наоборот, я был весь во власти ужасных мук. Это были муки жажды, самого гяжелого и изнурительного из всех физических страданий. Никогда я не подозревал, что человек может так мучиться от отсутствия глотка воды. Читая рассказы о путешествиях в пустыне и о потерпевших крушение моряках, умирающих от жажды, я всегда думал, что их страдания преувеличены. Как все английские мальчики, я вырос во влажном климате, в местности, богатой ручейками и источниками и никогда не страдал от жажды. Иногда, забравшись в

поле или на морской берег, где не было воды для питья, я чувствовал неприятную сухость в горле, которую мы называем жаждой, но это мимолетное ощущение вполне исчезало после глотка чистой воды. И даже отрадно было терпеть, зная, что впереди тебя ждет утоление. В таких случаях мы бываем настолько терпеливы, что отказываемся от воды из случайного пруда в поисках чистого колодца или прозрачного ключа.

Но это, однако, еще не жажда, это только первая и самая низшая ее степень — степень, граничащая с удовольствием. Представьте себе, что вокруг вас нет ни колодца, ни ручья, ни пруда, ни канала, ни озера, ни реки — никакой свежей воды на сотни миль, никакой влаги, которая могла бы утолить вашу жажду, — и тогда ваши переживания приобретут новый характер и утратят всякий оттенок приятного.

В сущности, жажда моя была не так уж велика, ведь я оставался без воды сравнительно недолго. Я уверен, что и до того мне случалось по целым дням обходиться без питья, но я не обращал на это никакого внимания, потому что знал, что утолить жажду ничего не стоит в любой момент. Но теперь, когда воды не было, когда ее нельзя было раздобыть, я впервые в своей жизни почувствовал, что жажда — это настоящее мучение.

От голода я не страдал. Провизия, которую я приобрел за кораблик, еще не кончилась. У меня оставалось несколько кусочков сыра и сухарей, но я не решался к ним притронуться. Они лишь увеличили бы жажду. Мое высохшее горло требовало только воды — вода в то время казалась мне самой желанной вещью в мире.

Я был в положении Тантала¹: не видел воды, но слышал ее. До моего слуха все время доносился шум от всплесков воды, бьющей о борта корабля. Я знал, что это морская вода, она соленая и пить ее нельзя, даже если я до нее доберусь. Но все-таки я слышал, как льет-

¹ Т а н т а л — в древнегреческих преданиях преступный царь, брошенный богами в подземное царство; стоя по горло в воде, он не мог напиться и вечно мучился от жажды.

ся вода. И эти звуки раздавались у меня в ушах, как хасмешка над моими страданиями.

Не стоит рассказывать о всех томивших меня мучительных мыслях. Достаточно сказать, что долгие часы я изнывал от жажды, без малейшей надежды избавиться от этой пытки. Я чувствовал, что она может убить меня. Я не знал, скоро ли это случится, но был уверен, что рано или поздно жажда будет причиной моей смерти. Я читал о людях, которые мучились несколько дней, прежде чем умереть от жажды, и пытался вспомнить, сколько дней длилась их агония, но память изменяла мне. Кажется, самое долгое — шесть или семь дней. Такая перспектива была ужасной. Неужели мне суждено терпеть такую пытку шесть или семь дней? Разве я выдержу еще хотя бы один такой день? Нет, это невыносимо! Я надеялся, что смерть придет раньше и избавит меня от лишних мук.

Но почти в ту минуту, когда я уже в отчаянии стал мечтать о скорой смерти, до моего слуха долетел звук, который мгновенно изменил весь ход моих мыслей и заставил забыть ужас моего положения.

О сладостный звук! Он был похож на шепот ангела милосердия.

Глава XXIII

СЛАДОСТНЫЙ ЗВУК

Я лежал, или, вернее, стоял, согнувшись, прислонившись плечом к одному из шпангоутов, который пересекал мою крошечную комнатку сверху донизу, деля ее на две почти равные части. Я принял такое положение просто для разнообразия. С тех пор как я оказался в этом узком помещении, я испробовал множество всяких поз, чтобы не оставаться постоянно в одном и том же положении. Иногда я стоял, иногда сгибался, часто ложился то на один бок, то на другой, временами даже на живот, лицом вниз.

Теперь, чтобы отдохнуть немного, я встал на ноги, хотя и в согнутом положении, потому что потолок мо-

его помещения был ниже моего роста. Мое плечо опиралось о шангоут, голова наклонилась вперед и почти касалась большой бочки, а рука опиралась о ту же бочку.

Ухо мое, конечно, было рядом с ней, оно почти прикикло к ее крепким дубовым клепкам. Через эти самые клепки и донесся до меня звук, который произвел такую внезапную и приятную перемену в моем настроении.

Звук этот можно было определить очень просто: это плескалась вода внутри бочки. Она двигалась из-за качки, да и сама бочка, не слишком устойчиво державшаяся на своем месте, слегка покачивалась.

Первый всплеск воды прозвучал для меня, как музыка. Но я боялся радоваться — мне хотелось еще раз убедиться, что это так.

Я поднял голову, прижался щекой к дубовым клепкам и с волнением прислушался. Ждать пришлось довольно долго, потому что как раз в этот момент судно шло тихо, с едва заметной раскачкой. Я ждал терпеливо — и мое терпение было вознаграждено. Наконец слышалось: буль-буль-буль...

Буль-буль-буль! Нет сомнения, в бочке вода.

Я не мог удержаться от радостного крика. Я чувствовал себя, как утопающий, который неожиданно достиг берега и знает, что спасен.

Эта внезапная перемена подействовала на меня так, что я почти лишился чувств. Я откинулся назад и впал в полубоморочное состояние.

Но оно продолжалось недолго. Новый острый приступ жажды заставил меня перейти к действию. Я снова встал и потянулся к бочке.

Зачем? Ну конечно, для того, чтобы найти втулку, вынуть ее и пить, пить без конца! С какой же другой целью стал бы я приближаться к этой бочке?

Увы, увы! Радость моя померкла, едва родившись. Правда, не сразу. Я обшарил всю выпуклую поверхность бочки, ощущал ее кругом, пересчитал все клепки, тщательно изучил ее дюйм за дюймом, клепку за клепкой. Да, у меня ушло порядочно времени на то, чтобы

убедиться, что втулки на этой стороне бочки нет, — вероятно, она с другой стороны или на верхушке. Но если втулка там, я не смогу до нее дотянуться, и, следовательно, эта втулка для меня все равно что не существует.

Разыскивая втулку, я не забыл и об отверстии для крана. Я знал, что в каждой большой бочке делается еще одно отверстие для крана, которое помещается посередине, в то время как втулка обычно бывает в одном из днищ. Но и этого отверстия я не нашел. Зато я убедился, что с обеих сторон к бочке плотно приставлены ящик и еще одна бочка. Последняя показала мне такой же, как и та, что была передо мной.

Мне пришло в голову, что и в другой бочке может быть вода, и я отправился «на разведку», но смог ощупать только часть второй бочки и наткнулся на гладкие и крепкие дубовые доски, твердые как камень.

Только проделав все это, я понял всю безвыходность моего положения и опять впал в отчаяние. Я мучился еще больше, чем прежде. Я слышал бульканье воды в каких-нибудь двух дюймах от своего рта и... не мог напиться!

Чего бы я не отдал сейчас хоть за одну каплю!

Немного воды на донышке стакана, чтобы промочить пересохшее, воспаленное горло!

Если бы у меня был топор и если бы высота моего убежища позволяла им размахнуться, я разбил бы огромную бочку и яростно стал бы глотать ее содержимое. Но у меня не было ни топора, ни какого-либо другого орудия. И дубовые клепки были так же непреодолимы для меня, как если бы они были сделаны из железа. Доберись я даже до втулки, я все равно не смог бы вынуть затычку пальцами.

В порыве первой радости я и не подумал об этом затруднении.

Я опустил на доски и предался отчаянию, охватившему меня с еще большей силой. Не могу сказать, долго ли это продолжалось, но одно обстоятельство снова пробудило меня к жизни.

БОЧКА ПРОБУРАВЛЕНА

Я лежал на правом боку, подложив руку под голову, и вдруг почувствовал что-то твердое у себя под боком: казалось, выступ доски или какой-то другой жесткий предмет давит мне на бедро. Мне даже стало больно, и я подсунул руку под бедро, чтобы избавиться от этого предмета, и при этом приподнялся всем телом и очень удивился, не найдя ничего на полу, но тут же заметил, что этот твердый предмет находится не на досках, а в кармане моих штанов.

Что у меня там? Я ничего не мог вспомнить и даже думал, что это остатки сухарей. Но ведь сухари я держал в карманах куртки, они не могли попасть в штаны. Я ощупал карман снаружи. Это было что-то очень твердое и длинное. Я никак не мог вспомнить, что у меня есть при себе, кроме сыра и сухарей.

Мне пришлось встать, чтобы засунуть руку в карман. И тут я все понял: твердый продолговатый предмет, который привлек мое внимание, был не что иное, как нож, подаренный мне матросом Уотерсом. Я тогда машинально сунул его в карман и забыл о подарке.

Это открытие не произвело на меня, как я сейчас вспоминаю, никакого особенного впечатления. Я только подумал о славном матросе, который оказался так добр по сравнению с сердитым помощником капитана. Помню, такая же мысль промелькнула у меня и на набережной, когда я получил нож. Вынув нож, я положил его рядом, чтобы он не мешал мне, и снова улегся на бок.

Но не успел я еще по-настоящему устроиться, как вдруг меня осенила идея, заставившая меня подскочить, как будто я лег на раскаленное железо. Но если бы я лег на железо, то подскочил бы от боли, а тут причиной была новая радостная надежда. Ведь этим ножом я могу проделать отверстие в бочке и добраться до воды! Мысль эта показалась мне выполнимой: я не сомневался, что смогу ее осуществить. Добраться до содержимого бочки представлялось мне настолько верным делом, что мое отчаяние мгновенно сменилось надеждой.

Я торопливо пошарил кругом и взял нож. Я не успел как следует рассмотреть его на набережной, когда получил его от друга-матроса. Теперь я изучал нож тщательно, копечно на ощупь, и постарался, насколько мог, определить его прочность и годность для моего замысла.

Это был большой складной карманный нож с ручкой из оленьего рога, с одним-единственным лезвием. Такие ножи матросы носят обычно на шее на шнурке, продев его через специальную дырочку в черенке. Лезвие было прямое, с заостренным концом и по форме напоминало бритву. Как и у бритвы, тупая сторона лезвия была на ощупь очень широкая и прочная, и это было как нельзя кстати — ведь мне нужен был исключительно крепкий клинок, чтобы провертеть дыру в дубовой клепке.

Инструмент, который я держал в руках, как раз подходил для моей цели — он мог послужить не хуже любого долота. Ручка и лезвие были одинаковой длины, а в раскрытом виде нож имел в длину около десяти дюймов.

Я нарочно так подробно описываю этот нож. Он послужил даже большего своими превосходными качествами, ибо только благодаря ему я сейчас жив и могу рассказать о том, какую неоценимую услугу он мне оказал.

Итак, я открыл нож, ощупал лезвие, стараясь с ним освоиться, потом еще несколько раз открыл и закрыл нож, испытывая упругость пружины, и наконец приступил к работе над твердым дубом.

Вас удивляет, что я так медлил. По-вашему, если я так страдал от жажды, мне следовало поскорее пробурить бочку и напиться воды. Правда, искушение было велико, но меня никогда нельзя было назвать безрассудным мальчиком, и сейчас, более чем когда бы то ни было, я чувствовал необходимость соблюдать осторожность. Меня подстерегала смерть — ужасная смерть от жажды, если я не доберусь до содержимого бочки. Если с ножом что-нибудь случится — сломается лезвие или притупится острый конец, — я наверняка умру. Поэтому-то я предварительно изучил свое орудие и убедился в его прочности. Но если бы в эту минуту я подумал о

том, что меня ждет дальше, я, может быть, действовал бы с меньшей осмотрительностью. Ведь если даже я обеспечу себя водой, что станет потом? Я спасусь от жажды. Но голод? Как утолить его? Вода — это не пища. Где взять еду?

Странно сказать, но в то время я не думал о еде. Нестерпимая жажда заставила меня забыть обо всем остальном. Ближайшая опасность — опасность умереть от недостатка воды — вытеснила из моей головы мысли о том, что будет дальше. Меня не страшила возможность умереть от голода.

Я выбрал на бочке место, где клепка была слегка повреждена, — немного пониже середины. Я рассудил, что бочка может быть наполнена только до половины. Необходимо было проделать дыру ниже поверхности воды, потому что в противном случае мне пришлось бы сверлить другую дыру.

Я принялся за работу и через небольшой промежуток времени убедился, что мне удалось углубиться в толстую клепку. Нож вел себя великолепно, и прочный дуб уступал еще более прочной стали прекрасного клинка. Кусочек за кусочком, волокно за волокном дерево отступало перед острым наконечником; стружки я пальцами вынимал из дырки и отбрасывал в сторону, чтобы дать простор клинку.

Я работал больше часа — конечно, в темноте. Я так освоился с темнотой, что у меня исчезло ощущение беспомощности, которое обычно возникает, когда человек погружается в темноту внезапно. У меня, как у слепых, обострилось осязание. Я не страдал от отсутствия света, я даже не замечал его отсутствия, как будто свет был и не очень нужен при такой работе.

Я действовал не так быстро, как плотники с их долотами или бондари со сверлами, но я знал, что подвигаюсь вперед. Углубление становилось все больше и больше. Клепка не могла быть толще дюйма, значит, я скоро ее продырявлю.

Я бы мог сделать это проворнее, если бы меньше думал о последствиях, но я боялся слишком надавливать на лезвие, помня старую поговорку: «Тише

едешь — дальше будешь», и старался осторожно обращаться с драгоценным инструментом.

Прошло больше часа, когда по глубине проделанного отверстия я определил, что работа подходит к концу.

У меня дрожали руки, сердце стучало в груди. Я очень сильно волновался. В голову приходили тревожные мысли, меня томило ужасное сомнение: вода ли это? Я уже и раньше сомневался, но не так сильно, как сейчас, почти перед самым концом работы.

Господи, а что, если это не вода? Вдруг в бочке ром, или бренди¹, или даже вино! Я знал, что все эти напитки не помогут утолить палящую жажду. Это возможно на мгновение, только на мгновение, а потом жажда разгорится еще сильнее. О, если там какой-нибудь спиртной напиток — я пропал! Тогда прощай последняя надежда, мне остается умереть, как часто умирают люди, — в чаду опьянения!

Я был настолько близок к внутренней поверхности клепки, что влага уже просачивалась через дерево в тех местах, где его просверливало острие ножа. Я медлил сделать последнее усилие — я боялся результатов. Но я колебался недолго, меня подгоняли мучения жажды. Я надавил, и последние волокна уступили. В то же мгновение из бочки брызнула холодная упругая струя. Она обожгла руку, в которой я сжимал нож, и сразу наполнила мой рукав. В следующую минуту я привик губами к отверстию и стал с наслаждением глотать — не спиртной напиток, не вино... нет, воду, холодную, вкусную, как влага родника!

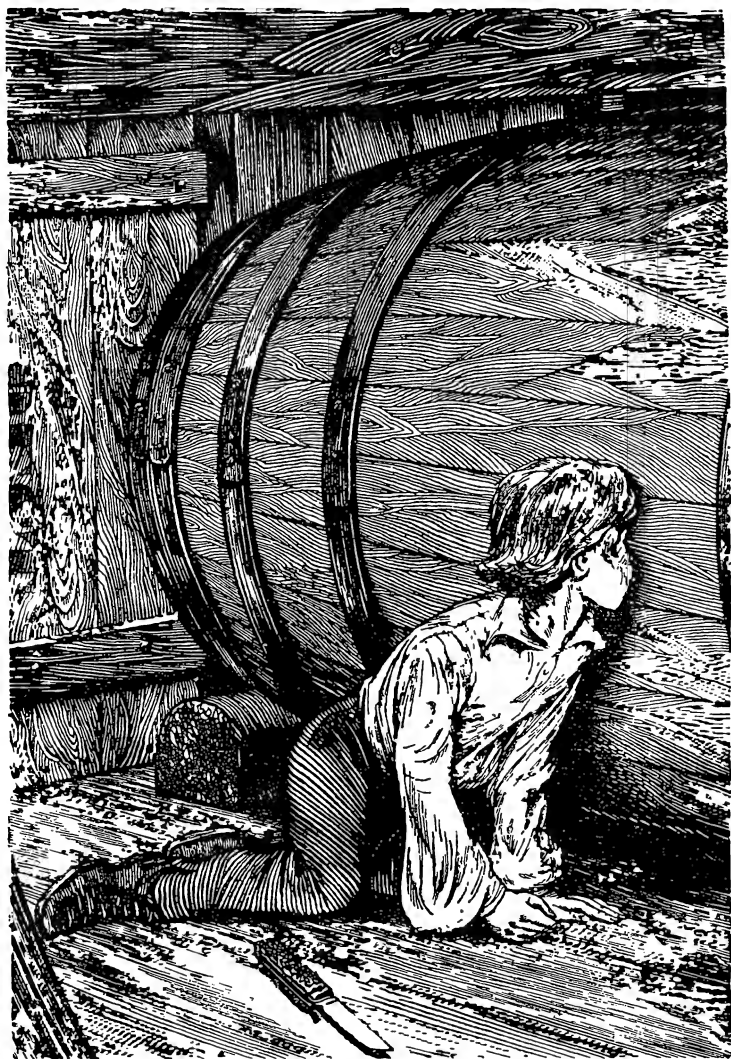
Глава XXV

ВТУЛКА

О, как я пил эту чудесную воду! Мне казалось, что я никогда не напьюсь. Но наконец я выпил досыта, жажда прошла.

Это произошло не сразу — первые жадные глотки не утолили жажды — вернее, утолили только на время.

¹ Бренди — английская водка.

Я припик к отверстию и стал с наслаждением глотать воду.

Мне хотелось еще и еще, и я снова ловил губами бьющую из отверстия струю. И так я пил и пил, пока желание глотать воду не исчезло, и я забыл о приступах жажды, словно ее вовсе и не было.

Даже самое яркое воображение не способно представить мучения жажды! Нужно испытать их самому, чтобы судить о них. Вы можете судить о жестокости этих страданий по тому, что люди, которых мучит жажда, ничем не брезгают, чтобы утолить ее. И все же, как только страдание окончилось, оно исчезает, как сон. Жажда — наиболее легко исцелимое страдание.

Итак, жажда прошла, я подбодрился, но обычная предусмотрительность меня не покинула. Перестав пить, я заткнул дырку указательным пальцем. Инстинкт подсказывал мне, что нельзя бессмысленно тратить драгоценную влагу, и я ему повиновался. Но скоро мой палец устал играть роль втулки, и я стал разыскивать что-нибудь другое. Я обшарил все кругом, но не мог раздобыть ничего подходящего, действуя только правой рукой, — левой я зажимал отверстие и боялся сдвинуться с места, чтобы тонкая струйка не превратилась, чего доброго, в поток.

Мне вспомнился сыр, и я достал из кармана все, что там оставалось. Но сыр был слишком мягок для такой цели и раскрошился, когда я попробовал заткнуть им отверстие. Его просто вырвало у меня из рук напором водяной струи. Сухари тоже никуда не годились. Что делать?

Ответ пришел сразу: я могу заткнуть дыру куском материи от куртки. Грубый материал будет как раз кстати.

Не теряя времени, я отрезал ножом лоскут от полы и лезвием просунул его в дыру. Но ведь скоро он промокнет! Это затычка временная — я ее сделал только для того, чтобы пошарить кругом и раздобыть что-нибудь получше.

Опять я стал раздумывать. Излишне говорить, что размышления вновь повергли меня в отчаяние. К чему я избегал смерти от жажды? Для того, чтобы продлить мучения? Еще несколько часов — и я умру голодной

смертью. Выхода нет. Мой небольшой запас пищи съеден. Два сухаря и горсть крошек сыра — вот все, что осталось. Я смогу поесть еще раз — это будет не очень сытная еда, и потом... о, потом голод, страшный голод, слабость, бессилие, изнеможение — смерть!

Избавившись от жажды, я почувствовал, как воскресают мои прежние страхи. Небольшой прилив бодрости был только последствием избавления от физической муки и продолжался лишь до тех пор, пока я снова не обрел способности спокойно мыслить. Бодрость покинула меня уже через несколько минут, и опять вернулось опасение умереть голодной смертью. Неправильно даже называть это опасением — это была определенная уверенность. Пятиминутного размышления было достаточно для того, чтобы убедиться в том, что смерть неминуема. Это было так же ясно, как то, что пока я еще жив. Не было никакой надежды ни выйти из этой тюрьмы, ни раздобыть пищу.

Да, я умру от голода, у меня нет иного выхода — разве что смерть от собственной руки. У меня были для этого средства, но, странное дело, безумие, которое раньше толкало меня на такой поступок, теперь прошло. Я раздумывал о смерти со спокойствием, которое меня самого удивляло.

Я мог умереть тремя доступными мне способами — от жажды, от голода и покончить самоубийством. Вероятно, вы удивитесь, когда узнаете, что я стал выбирать из этих трех способов наименее мучительный.

Я действительно сосредоточил на этом все свои мысли, как только пришел к твердому убеждению, что мне не избежать смерти. Не удивляйтесь. Станьте на мое место — и вы увидите, что такие мысли были вполне естественны.

Первый способ я сразу отбросил, ибо он был не самый легкий. Я уже его испробовал, и для меня было очевидно, что трудно найти более мучительное средство закончить свое существование. Я колебался между двумя остальными. Некоторое время я спокойно взвешивал, какой из них лучше. К сожалению, я был воспитан почти как язычник: в те времена я даже не знал, что

лишить себя жизни — это великий грех. Меня занимало только одно: какой из двух способов умереть окажется наименее болезненным.

Я долго сидел и хладнокровно, спокойно раздумывал обо всем этом. Какой-то внутренний голос шептал мне, что нехорошо отказываться от дарованной мне жизни, даже если это может избавить меня от длительных мучений.

И я внял этому голосу. Собрав все свое мужество, я решил ждать той минуты, когда сам собой придет конец моим несчастьям.

Глава XXVI

ЯЩИК С ГАЛЕТАМИ

Итак, я твердо решил, что не стану накладывать на себя руки. Я решил жить столько, сколько будет возможно. Хотя двумя сухарями нельзя было насытиться и один раз, я решил разделить их на четыре части, а промежутки между едой увеличить, чтобы насколько возможно дольше обходиться без пищи.

Желание продлить свое существование росло во мне с той минуты, как я избавился от мук жажды, и сейчас оно стало особенно сильно. Правда, у меня было какое-то предчувствие, что я выживу, что я не погибну от голода, и это предчувствие, хотя и очень слабое, возникшее лишь время от времени, все же поддерживало во мне искорку надежды.

Затрудняюсь объяснить, как могла возникнуть надежда при таком безвыходном положении. Но я вспомнил, что несколько часов назад возможность добыть воду тоже представлялась мне безнадежной, а теперь у меня было столько воды, что я мог бы утопиться в ней. Смешно, что эта мысль пришла мне в голову — утопиться!

Несколько минут назад, выбирая самый легкий способ смерти, я и об этом подумал. Я слышал, что это самый лучший способ покончить с собой. Собственно говоря, его я уже испробовал.

Когда Гарри Блю спас меня, я ведь утонул — то есть уже потерял сознание, и если бы пошел на дно, то на этом все бы и кончилось. Я уже знал, что утонуть не так страшно, и серьезно подумывал, не броситься ли мне в большую бочку и таким образом положить конец своим бедствиям. Это было в минуты отчаяния, когда я всерьез думал, как бы покончить с собой поскорее, но эти минуты проходили, и я опять чувствовал непреодолимое желание жить и жить! У меня вдруг появилось неопределенное предчувствие, что я как-то спасусь, что я все-таки выйду из своей страшной тюрьмы.

Я съел полсухаря и запил его водой, потому что мне опять захотелось пить, хотя я уже больше не испытывал сильной жажды. Я заткнул дыру в бочке и снова уселся на пол.

Мне не хотелось ничего делать. Я не надеялся, что мое положение хотя сколько-нибудь изменится. Что оставалось предпринять? Единственной надеждой — если это можно назвать надеждой — была возможность поворота судьбы, случай. Но я не представлял себе, каким образом обернется моя судьба, что поможет мне сохранить жизнь.

Трудно было переносить эти долгие часы мрака и тишины. Только иногда шевелилось во мне предчувствие, о котором я говорил раньше, но все остальное время я находился в мрачном состоянии.

Вероятно, прошло часов двенадцать, прежде чем я съел вторую порцию сухарей. Я сопротивлялся сколько мог, но вынужден был отступить перед голодом. Крошечный кусочек сухаря не насытил меня. Он только сделал мой аппетит еще более острым и настойчивым. Я выпил много воды, но влага, наполнившая желудок, не могла прекратить голод.

Часов через шесть я опять поел — еще полсухаря. Больше я не мог терпеть, но, проглотив крошечную порцию, даже не почувствовал, что ел. Я был голоден, как и прежде!

Следующий перерыв занял что-то около трех часов. Мужественное решение растянуть четыре порции на

несколько дней оказалось бессмысленным. Дня не прошло, а все сухари исчезли.

Что же дальше? Что есть? Я подумал о своих башмаках. Я читал о людях, которые поддерживали себя тем, что жевали сапоги, пояса, гетры, сумки и седла, — одним словом, все, что делается из кожи. Кожа — органическое вещество и даже после дубления сохраняет в себе небольшое количество питательных элементов. Поэтому я и подумал о башмаках.

Я наклонился, чтобы развязать их, но в этот момент что-то холодное ударило меня по затылку. Это была струя воды. Тряпку вышибло из дыры — из бочки текла вода и лилась мне на шею. Неожиданное холодное прикосновение к коже заставило меня подскочить в изумлении.

Конечно, я перестал удивляться, когда сообразил, в чем дело.

Я заткнул отверстие пальцем, пошарил кругом, нашел тряпку и снова заткнул бочку.

Это повторялось не раз, и я потерял много воды зря. Тряпка промокла и легко поддавалась напору воды. Если я засну, большая часть воды утечет. Надо найти затычку получше.

С этой мыслью я приступил к работе. Я обыскал весь пол моей каморки в надежде наткнуться на пучок соломы, но ничего не нашел.

С помощью ножа я попытался отщепить планку от шпангоута, но крепкий крашеный дуб был очень тверд, и я долго не мог отделить достаточно большой кусок дерева. Под конец я, может быть, и добился бы своего, но тут мне пришлось в голову взяться за ящик, сколоченный из обыкновенных еловых досок. От него легче отделить щепку, чем от твердого дуба, и, кроме того, мягкое еловое дерево гораздо больше годится для затычек, чем дуб.

Я стал ощупывать ящик в поисках места, откуда лучше отколоть щепку.

Я нашел наверху уголок, в котором боковая доска несколько выдавалась над крышкой, всадил лезвие в щель и начал действовать, прижимая его книзу и ра-

ботая им одновременно как долотом и как клином. Через несколько секунд я уже убедился, что боковая доска держится плохо. Вероятно, в момент погрузки гвозди были вырваны от толчков и ударов. Во всяком случае, доска держалась настолько слабо, что качалась у меня под пальцами.

Я вынул лезвие. Не имело смысла работать ножом, когда можно было легко оторвать планку руками. Я подсунул нож под угол доски, ухватился за нее рукой и дернул изо всех сил.

Она поддалась моему нажиму. Затрещали и полетели гвозди. И тут я услышал новый звук, который заставил меня отпрянуть и прислушаться внимательнее. Что-то твердое сыпалось из ящика и со стуком падало на пол.

Интересно было узнать, что это такое. Я наклонился, протянул руки вниз и ухватил два каких-то кусочка одинаковой формы и твердости. И когда я ощупал их пальцами, я не мог удержаться от радостного крика.

Я уже говорил, что осознание у меня обострилось, как у слепого, но если бы оно и не обострилось, я и то мог бы сказать в эту минуту, что за два круглых, плоских предмета находятся у меня в пальцах. Здесь нельзя было ошибиться в ощущениях. Это были *галеты!*

Глава XXVII

БОЧОНОК С БРЕНДИ

Да, это были галеты величиной с блюдце и толщиной в полдюйма — гладкие, круглые, темно-коричневого цвета. Я так уверенно определил цвет, потому что знал, что это настоящие морские галеты. Их называют «матросскими», в отличие от белых «капитанских» галет, которые, по-моему, уступают первым по вкусу и по питательности.

До чего вкусными показались они мне! Не успел я достать их, как сразу откусил большой кусок — какая чудесная еда! — и сразу уничтожил всю галету, а за ней другую, третью, четвертую, пятую... Кажется,

я съел больше, но не считал, потому что голод не давал мне остановиться. Конечно, я запивал их, неоднократно возвращаясь к бочке с водой.

За всю жизнь не запомню более вкусной еды, чем эти галеты с водой. Дело было не только в удовольствии от наполнения голодного желудка — хотя это само по себе, как все знают, уже представляет собой удовольствие, — не только в приятном сознании того, что я открыл еду, — дело было в сладостном ощущении, что спасена жизнь, с которой за минуту до этого я готовился расстаться. С таким количеством провизии я мог жить, несмотря на мрак заточения, недели и месяцы, пока путешествие не закончится и трюм не освободят от груза.

Я проверил свои запасы и еще раз убедился в том, что спасен.

Драгоценные галеты пересыпались у меня под пальцами и, ударяясь друг о друга, постукивали, как кастаньеты.

Этот стук был для меня музыкой. Я погружал руки глубоко в ящик и с удовольствием перебирал пальцами его богатое содержимое, как скряга, перебирающий золотые монеты.

Казалось, я никогда не устану рыться в галетах, определять на ощупь, насколько они толсты и велики, вынимать их из ящика и класть обратно, перемешивать их так и этак. Я играл ими, как ребенок играет барабаном, мячиком, волчком и цветными шариками, перекатывая их из стороны в сторону. Много времени прошло, пока эта детская игра мне надоела.

Наверняка я занимался этим не меньше часа, пока не улеглось волнение, вызванное этим новым радостным открытием, и я вновь смог действовать и рассуждать спокойно.

Трудно описать, что испытывает человек, внезапно вырванный из объятий смерти. Избежать опасности — совсем другое дело, потому что в редких случаях в опасности отсутствует хотя бы маленькая надежда на благополучный исход. Но здесь, после того как смерть казалась неизбежной, переход от отчаяния к радости,

к безбрежному счастью бывает так резок, что доводит до потрясения. Люди иногда умирают или сходят с ума от счастья.

Но я не умер, не сошел с ума, хотя, глядя со стороны на мое поведение, после того как я вскрыл ящик с галетами, можно было предположить, что я сумасшедший.

Первое, что привело меня в чувство, было открытие, что вода бьет из бочки сильной струей. Отверстие оказалось открытым. Это сильно огорчило меня, даже внушило ужас. Я не знал, давно ли уходит вода, — шум морских волн заглушал все другие звуки, а тем временем вода, возможно, лилась на пол и уходила под доски. Может быть, это началось с тех пор, как я в последний раз пил. Не помню, заткнул ли я тогда отверстие тряпкой, — уж очень я волновался. Вероятно, потеряно попусту уже порядочно воды. Меня снова охватило беспокойство.

Еще час назад я не очень испугался бы такой потери. Я был уверен, что воды хватит на все время, пока не иссякнет пища, то есть пока я буду жив. Но теперь я думал по-другому: теперь сроки моей жизни удлинились. Возможно, мне придется пить из этой бочки несколько месяцев и при этом оставаться замурованным. Каждая капля жидкости будет дорога. Если случится, что вода иссякнет до того, как корабль войдет в порт, то мне снова будет угрожать смерть от жажды. Понятно, почему я так испугался, увидев, что вода вытекает. Я моментально заткнул отверстие пальцем, затем тряпкой. Потом я снова взялся за изготовление настоящей деревянной втулки.

Без особого труда я отколол от крышки ящика подходящую щепку. Мягкий материал поддался острому лезвию моего ножа и скоро превратился в коническую втулку, которая точно подошла к размерам отверстия.

Славный моряк! Как я благословлял тебя за твой подарок!

Я бранил себя за небрежность и жалел, что пробил отверстие так низко. В свое время, однако, это было по-

нятно: я заботился только о том, как бы скорее утолить жажду.

Хорошо, что я вовремя заметил этот фонтан воды. Если бы бочка опорожнилась до уровня отверстия, остатка хватило бы на неделю, не больше.

Как ни старался я установить размеры утечки, я ничего не мог придумать. Я стучал по бочке ножом, думая догадаться по звуку, много ли осталось воды. Но потрескивание шпангоутов и шум волн сильно мешали мне. Звук был гулкий, а это означало большую потерю. Такое предположение было далеко не из приятных. Чувство тревоги все росло. К счастью, отверстие было маленькое, не больше пальца, которым я его затыкал. Только за большой промежуток времени при такой тоненькой струе могло уйти много воды. Я тщетно старался припомнить, когда в последний раз пил, но напрасно.

Долго я раздумывал, изобретая метод, которым легче всего можно определить оставшееся в бочке количество воды. Я слышал, что пивовары, бондари и таможенные надзиратели в доках определяют количество жидкости в бочке, не прибегая к измерениям, но не знал, как это делается, и очень жалел об этом.

У меня был план, и план неплохой, но не было подходящего инструмента. Я знал, что уровень воды в бочке можно определить, если ввести в нее трубку или кишку.

Будь у меня хоть какой-нибудь шланг, я бы вставил его в отверстие и таким образом определил высоту воды в бочке.

Но где достать шланг или кишку? Конечно, я не мог раздобыть ничего подобного, и от этой идеи пришлось отказаться.

Тут я придумал новый план и немедленно приступил к его осуществлению. Я даже удивился, как не додумался до него раньше, — до того он был прост. Следовало ни больше ни меньше, как проделать другую дыру повыше, потом еще одну... и так далее, пока вода не перестанет течь. Самая верхняя дыра покажет мне уровень жидкости. Таким образом я узнаю то, что мне нужно.

Если первая дыра придется слишком низко, я заткну ее втулкой и с остальными буду поступать так же.

Конечно, предстояло основательно поработать, но другого выхода не было. Кстати, работа меня развлекает, и я не буду тосковать, сидя без дела в темноте. Я уже готов был приступить к работе, когда мне пришлось в голову просверлить сначала отверстие в другой бочке, стоявшей в конце моей крошечной каморки. Если и вторая тоже окажется с водой, то я могу успокоиться — двух таких бочек хватит на самое длинное путешествие.

Без промедления я повернулся ко второй бочке и стал просверливать в ней отверстие. Я не волновался, как раньше, потому что жизнь моя не так уж зависела от результата этой работы. И все же я был сильно разочарован, когда из нового отверстия брызнула не вода, а чистейшее бренди.

Снова я вернулся к первой бочке. Теперь мне необходимо было определить, сколько в ней воды, потому что от этого зависело мое дальнейшее существование.

Нащупав клепку в середине бочки, я поступил так же, как в первый раз. Через час или около того последний тонкий слой дерева начал подаваться под кончиком моего ножа. Я волновался сильно, но все-таки не так, как в первый раз. Тогда это было делом жизни и смерти, притом немедленной смерти. Теперь непосредственной опасности не было, но все же будущее оставалось туманным. Я не мог не нервничать, не мог и удержаться от радостного восклицания, когда по лезвию ножа полилась струйка воды. Я закупорил дырочку и стал сверлить следующую клепку, повыше.

И эта клепка подалась через некоторое время, и я был вознагражден за терпеливый труд тем, что пальцы мои снова стали мокрыми.

Еще выше — тот же результат.

Еще выше — здесь уже не было воды. Не важно: последняя дырка была на самом верху бочки. В предыдущей дырочке еще была вода, следовательно, уровень ее находился между двумя последними дырками. Зна-

чит, бочка паполнена больше чем на три четверти. Слава богу! Этого хватит на несколько месяцев.

Вполне удовлетворенный этим результатом, я уселся и съел галету с таким удовольствием, словно это были черепаховый суп и оленье жаркое за столом у лорд-мэра.

Глава XXVIII

ПЕРЕХОЖУ НА СТРОГИЙ РАЦИОН

Я был всем доволен, и ничто теперь не причиняло мне беспокойства. Перспектива просидеть шесть месяцев взаперти, может быть, была бы неприятна при других обстоятельствах, но теперь, испытав ужасный страх мучительной смерти, я относился к ней спокойно. Я решил терпеливо перенести свое долгое заключение.

Шесть месяцев предстояло мне провести в унылой тюрьме, шесть месяцев — никак не меньше! Вряд ли меня освободят раньше, чем через полгода. Долгий срок — долгий и трудный даже для пленного или преступника, трудный даже в светлой комнате с постелью, очагом и хорошо приготовленной пищей, в ежедневной беседе с людьми, когда постоянно слышишь звуки человеческих голосов. Даже при всех этих преимуществах находиться взаперти шесть месяцев — тяжелое испытание!

Насколько же мучительнее мое заключение — в узкой норе, где я не могу ни стоять в полный рост, ни лежать вытянувшись, где нет ни подстилки, ни огня, ни света, где я дышу затхлым воздухом, валяюсь на жестких дубовых досках, питаюсь хлебом и водой — самой грубой пищей, которую только способен есть человек! И так без малейших перемен, не слыша ничего, кроме беспрестанного поскрипывания шпангоутов и монотонного плеска океанской волны, — шесть месяцев такого существования не могли, конечно, быть радостной перспективой, способной утешить человека.

Но я не унывал. Я был так рад избавлению от смерти, что не заботился о том, как буду жить в ближайшее

время, хотя и предвидел, как измучит меня тягостное заточение.

Я был преисполнен радости и веры в будущее. Не то чтобы я был счастлив, — нет, просто меня радовало количество имевшихся у меня средств к существованию. Однако я решил точно измерить свои запасы пищи и питья, чтобы определить, хватит ли их до конца путешествия. Надо было сделать это безотлагательно.

До сих пор у меня не было никаких опасений на этот счет. Такой большой ящик с галетами и такой неиссякаемый источник воды — да я их никогда не истреблю! Так я думал сначала, но, немного поразмыслив, стал сомневаться. Капля долбит камень, и самая большая цистерна с водой может истощиться за длительный промежуток времени. А шесть месяцев — это долгий срок: почти двести дней. Очень долгий срок!

Чтобы положить конец всем сомнениям, я решил, как сказано выше, измерить запасы еды и питья. Это явно было благоразумным поступком. Если еды и питья вдоволь, я больше не стану сомневаться, а если, наоборот, окажется, что их не так уж много, то надо будет принять единственную возможную меру предосторожности и перейти на сокращенный рацион.

Когда я вспоминаю теперь все эти события, я поражаюсь, насколько благоразумен я был в столь раннем возрасте. Удивительно, как осторожно и предусмотрительно может вести себя ребенок, когда его поступками руководит инстинкт самосохранения.

Я немедленно приступил к расчетам. Я положил на путешествие шесть месяцев, то есть сто восемьдесят три дня. Неделью, которая прошла с момента отплытия, я не принимал во внимание, так как боялся преуменьшить истинный срок плавания. Но мог ли я быть уверенным, что за эти шесть месяцев корабль придет в порт и будет разгружен? Мог ли я быть уверен относительно этих ста восьмидесяти трех дней?

Нет, не мог. Я далеко не был уверен в этом. Я знал, что обычно путешествие в Перу занимает шесть меся-

цев, но не знал, составляют ли эти шесть месяцев среднюю продолжительность плавания или это кратчайший срок. Ведь могут быть задержки в плавании из-за штилей в тропических широтах, из-за бурь вблизи мыса Горн, знаменитого среди моряков неустойчивостью своих ветров; могут встретиться и другие препятствия, и тогда путешествие продлится дольше ожидаемого срока.

Полный таких опасений, я начал изучать свои запасы. Было нетрудно определить, на сколько мне хватит нищи: для этого стоило лишь пересчитать галеты и установить их количество. Судя по их величине, мне достаточно было двух штук в день, хотя, конечно, от этого не растолстеешь. Даже одной в день, даже меньше одной хватит, чтобы поддержать жизнь. Я решил есть как можно меньше.

Скоро я узнал и точное количество галет. Ящик, по моим подсчетам, имел около ярда в длину и два фута в ширину, а в высоту — около одного фута. Это был неглубокий ящик, поставленный боком. Зная точные размеры ящика, я мог бы подсчитать галеты, не вынимая их оттуда. Каждая из них была диаметром немного меньше шести дюймов, а толщиной в среднем в три четверти дюйма. Таким образом, в ящике должно было находиться ровно тридцать две дюжины галет.

Но, в сущности, перебрать галеты поштучно было для меня не работой, а развлечением. Я вынул их из ящика и разложил дюжинами. Там действительно оказалось тридцать две дюжины, но восемью штук не хватало. Однако я легко догадался, куда делись эти восемь штук.

Тридцать две дюжины — это триста восемьдесят четыре галеты. Я съел восемь, значит, осталось ровно триста семьдесят шесть. Считая по две штуки в день, этого хватит на сто восемьдесят восемь дней. Правда, сто восемьдесят восемь дней — это больше, чем шесть месяцев, но я не был уверен, что мы проплываем именно шесть месяцев, и поэтому пришел к выводу, что надо перейти на сокращенный рацион и съедать меньше двух галет в день.

А что, если за этим ящиком стоит еще один ящик с галетами? Это обеспечило бы меня провизией на самый большой срок. Что, если так? Почему бы и нет? Вполне может быть! При нагрузке судна считаются не с сортом товаров, но исключительно с их весом и формой упаковки, а потому самые разнородные предметы оказываются рядом благодаря размерам ящика, тюка или бочки, в которую они заключены.

Я знал об этом, но отчего не предположить, что два совершенно одинаковых ящика галет стоят рядом?

Но как убедиться в этом? Я не мог пробраться за ящик, даже пустой.

Я уже говорил, что он плотно закупорил то небольшое отверстие, через которое я пролез в трюм. Я не мог ни взобраться на ящик, ни подлезть под него. «Вот что, — воскликнул я, неожиданно сообразив: — я пролезу через него!»

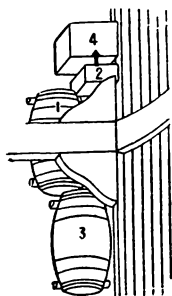
Это было вполне выполнимо. Доска, которую я оторвал и которая составляла часть крышки, оставила дыру — я мог свободно пролезть в нее.

Верх ящика был обращен как раз ко мне, и, всунув в него голову и плечи, я могу пробить отверстие в его дне. И тогда я увижу, стоит ли там второй ящик с галетами.

Я не стал медлить с приведением своего плана в исполнение: расширил отверстие, пролез в него и пустил в ход нож. Мягкое дерево легко уступало клинку, но, поработав немного, я сообразил, что следует действовать совсем по-другому. Дело в том, что доски днища держались только на гвоздях. Несколькими ударами молотка можно было вышибить их без труда. У меня не было молотка, но я заменил его не менее крепким орудием — каблуками. Я лег на спину и стал так колотить ногами по днищу, что одна из досок отошла, хотя и не совсем — ее держало что-то твердое, стоящее позади ящика.

Затем я вернулся в прежнее положение и проверил то, что сделал. Да, я сорвал доску с гвоздей, но она еще держалась и мешала мне узнать, что находится за ней.

Я напряг все силы, надавил на нее и рванул в сторону, а потом вниз, пока не открылось отверстие, достаточное, чтобы просунуть руки. Да, там стоял ящик — большой, грубо сколоченный, похожий на тот, через который я только что пробрался. Но надо было еще определить его содержимое. Снова собрал я все силы и привел доску в горизонтальное положение так, чтобы она больше не мешала мне. Другой ящик отстоял от первого не больше, чем на два дюйма. Я устремился к нему со своим ножом и скоро пробил ящик.

Вид на мое убежище сверху: 1 — бочка с водой; 2 — бочка с бренди; за ящиком с галетами (2) — ящик с сукном (4).

Увы! Надежда найти галеты разлетелась, как дым. В ящике лежала какая-то шерстяная ткань — не то сукно, не то одеяла, — притом так плотно упакованная, что твердостью напоминала кусок дерева. Там не было галет, и мне оставалось довольствоваться сокращенным пайком и по возможности растягивать дольше тот запас, который был в моем распоряжении.

Глава XXIX

ЕМКОСТЬ БОЧКИ

Следующим моим делом было уложить галеты обратно в ящик — вне ящика они создавали большое неудобство, занимая больше половины всего помещения. У меня едва хватало места, чтобы повернуться, поэтому я поспешил положить все галеты на прежнее место. Мне пришлось сложить их правильными рядами, но не горизонтально, как они лежали раньше, а вертикально, потому что ящик теперь стоял на боку, и я придал галетам такое положение, в какое их укладывают в пекарнях. Конечно, это не имело особого значения, потому что они занимали столько же места, лежали они плоско или стояли на ребре. В этом я убедился, когда

И лег на спину и стал колотить ногами по днищу.

уложил тридцать одну дюжину и четыре штуки. Ящик был снова полон, и еще оставалось небольшое пустое пространство в углу; этого пространства хватило бы ровно на восемь съеденных мною галет.

Теперь я точно знал, сколько провизии лежит у меня в «кладовой». При норме около двух галет в день я смогу продержаться немного более шести месяцев. Это будет не слишком роскошная жизнь, но я решил съесть даже меньше — у меня не было уверенности в том, что моп лишения не продлится больше шести месяцев. Я твердо решил, что ограничусь в любом случае двумя штуками в день, а в те дни, когда мне легче будет переносить голод, я буду экономить по четверти, или по половине, или даже по целой галете. При такой экономии я смогу протянуть гораздо дольше.

Решив таким образом вопрос о пище, следовало выяснить, сколько воды могу я выпивать в день. Сначала мне это казалось непосильной задачей. Каким способом измерить остаток воды в бочке? Это была старая винная бочка — такие употребляются на судах для перевозки пресной воды для команды, — но я ведь не знал, какую жидкость она содержала раньше, и поэтому не мог определить на глаз емкость бочки. Зная я емкость, я мог бы приблизительно определить, сколько я выпил и сколько еще осталось. Особая точность здесь не требовалась.

Я хорошо помнил «таблицу мер жидкостей», и недаром это была самая трудная из таблиц для заучивания наизусть. Немало я получил в школе розог, пока научился повторять ее с начала до конца. Наконец я вытвердил ее так, что мог произнести всю без запинки...

Я знал, что винные бочки бывают самых различных размеров, смотря по сорту вина, которое в них налито. Я знал, что спиртные напитки — бренди, виски, ром, джин, а также вина — херес, портвейн, мадера, канарское, малага и другие сорта — перевозятся в бочках разной емкости, но обычно винная бочка содержит около сотни галлонов. Я даже вспомнил, сколько галлонов обычно полагается на каждый сорт, так как наш школьный учитель, великий любитель статистики, очень по-

дробно обучал нас мерам жидкостей. Если бы я только знал, какое вино раньше возили в этой бочке, я бы ментально сказал, сколько она вмещает. Мне показалось, что от бочки пахнет хересом.

Я вынул затычку и попробовал воду на вкус. Раньше я и не думал разбираться в ее вкусе. Как будто это херес, но может быть и мадера, а тут уж разница в несколько галлонов — очень важный момент при подсчете. Нет, я не мог положиться на собственное суждение и сделать его основой для подсчета. Надо было придумать что-нибудь другое.

К счастью, наш школьный учитель обучил нас еще и другим правилам измерения емкости.

Я всегда удивлялся тому, что в школах простые, но полезные научные факты остаются в стороне, в то время как бедным мальчикам вколачивают в головы бесполезные и нелепые стишки. Без всякого колебания скажу, что обыкновенные таблицы мер, которые можно выучить за неделю, имеют гораздо большую ценность для человека — даже для всего человечества, — чем отличное знание мертвых языков. Греческий и латынь — вот истинные преграды для развития наук!

Итак, я уже сказал, что наш старый учитель передал нам некоторые сведения, касающиеся измерений, и, к счастью, они остались у меня в памяти.

Я знал объем куба, параллелепипеда, пирамиды, шара, цилиндра и конуса — последнее было мне теперь нужнее всего.

Я знал, что бочка — это два конуса, то есть два конуса, усеченных параллельно основаниям, которые расположены одно против другого. Зная, как измерить обыкновенный конус, я, конечно, знал, как измерить и усеченный.

Чтобы вычислить емкость бочки, нужно знать ее высоту (или половину высоты), длину окружности ее основания и длину окружности самой широкой части. Зная все это, я мог сказать, сколько в нее войдет воды, — другими словами, я мог сосчитать, сколько она содержит кубических дюймов жидкости. Узнав эту цифру, мне оставалось разделить ее на шестьдесят девять

с чем-то и получить число кварт¹, а затем простым делением на четыре превратить кварталы в галлоны, если мне понадобится вычислить емкость в галлонах.

Значит, необходимо найти три основные величины, и тогда я сумею определить емкость бочки. Но в этом-то и заключалась вся трудность. Как найти эти три величины?

Я мог бы еще определить высоту, потому что это было для меня достижимо. Но как определить окружность в середине и по краям? Я не мог ни перебраться через верх бочки, ни подлезть под нее. И то и другое было для меня недоступно. Кроме того, передо мной была еще одна трудность: мне нечем было мерить — ни линейки, ни шнура, то есть никакого инструмента, которым можно было бы определить количество футов или дюймов. Так что, если бы я даже мог обойти вокруг бочки, все равно я оказался бы в затруднении.

Однако я решил не сдаваться, пока не придумаю чего-нибудь. Это занятие поможет мне развлечься. И, кроме того, как я уже говорил, это было делом первейшей важности. К тому же старик учитель внушал нам, что настойчивость часто приводит к успеху там, где успех кажется невозможным. Вспоминая его наставления, я принял решение не отступать, пока не иссякнут последние силы.

Поэтому я продолжал упорствовать и, скорее чем можно рассказать об этом, открыл способ измерить бочку.

Г л а в а XXX

ЕДИНИЦА МЕРЫ

Прежде всего мне необходимо было узнать длину диаметра, проходящего через центр бочки, и скоро я нашел способ измерить его. Для этого мне требовались лишь жердочка или палка достаточной длины, чтобы ее можно было ввести в бочку в самом широком месте. Мне

¹ К в а р т а — мера жидкости, равная 1,13 литра.

было ясно, что, вставив такую палку в дыру с одной стороны бочки и доведя ее до противоположной стенки — в точке, диаметрально противоположной этой дыре, я получу точный диаметр серединной части бочки: та часть палки, которая пройдет от стенки до стенки, и будет диаметром. Найдя диаметр, я помножу его на три — и получу окружность. В данном случае мне нужен был именно диаметр, а не окружность. Конечно, при обыкновенных условиях, когда бочка закупорена, легче измерить ее окружность в самом широком месте, чем найти диаметр. Вообще же годится любой способ: можно затем либо разделить окружность на три, либо умножить на три диаметр — результат для большинства практических целей будет один и тот же, хотя математически это не совсем точно.

По чистой случайности одно из просверленных мною отверстий находилось как раз на середине бочки.

Но где найти палку, спросите вы, где найти это оружие для измерения?

Доска от ящика для галет — вот вполне подходящий материал, из которого можно соорудить палку. Я это сразу сообразил и немедленно принялся за дело.

Доска имела в длину немного больше двух футов, и ее не хватило бы, чтобы просунуть через бочку, которая на ощупь была шириной в четыре или пять футов. Но небольшого ухищрения оказалось достаточно, чтобы преодолеть это препятствие. Надо отколоть три планочки и соединить их концы — получится палка достаточной длины.

Так я и сделал. К счастью, доска легко раскалывалась вдоль волокна. Я строгал осторожно, стараясь сделать палку не слишком толстой и не слишком тонкой.

Мне удалось сделать три планки нужной толщины. Я обрезал концы наискось, обстрогал планки и подогнал их друг к другу, чтобы их можно было соединить.

Теперь надо было найти два шнурка, а это было самым легким делом в мире. У меня на ногах красовались башмаки, зашнурованные до самой лодыжки полосками телячьей кожи, каждая в ярд длинной. Я выдернул их из дырочек и связал ими планки. Теперь у меня в

руках была палка длиной в пять футов — достаточно длинная, чтобы пройти насквозь через самую широкую часть бочки, и достаточно тонкая, чтобы пролезть через отверстие. Я немного расширил и его.

«Прекрасно! — думал я. — Сейчас мы и определим диаметр». Я поднялся на ноги. Трудно описать разочарование, которое я испытал, убедившись в том, что первая из моих операций, казавшаяся самой простой, не может быть выполнена. Я сразу же увидел, что это невозможно. Не потому, что дыра была слишком мала, и не потому, что палка была слишком широка. Тут я не сделал никакой ошибки — я ошибся в пространстве, на котором мне предстояло действовать. В длину моя кабина имела около шести футов, но в ширину меньше двух, а на уровне отверстия, в которое я собирался вложить палку, — еще меньше. Таким образом, всунуть линейку в отверстие было невозможно, разве что согнув ее так, что она наверно бы сломалась, потому что сухое дерево треснуло бы, как чубук глиняной трубки.

Я очень пожалел, что не подумал об этом раньше, но еще больше я жалел о том, что придется оставить мысль измерить бочку. Однако дальнейшие размышления натолкнули меня на новый план. Это доказывает, что не следует делать заключения слишком поспешно. Я открыл способ ввести в бочку палку не только не ломая, но и не сгибая ее.

Следовало развязать палку и вводить ее в бочку по частям: сначала ввести первую планку, потом привязать к ней вторую и двигать дальше, пока снаружи останется только кончик, а тогда привязать третью таким же образом.

Как будто здесь нет ничего трудного, и это так и оказалось, ибо через пять минут я осуществил свое намерение — только несколько дюймов палки осталось снаружи.

Осторожно держа в руке кончик палки, я стал подталкивать ее вперед, пока не почувствовал, что противоположный конец уперся в стенку бочки как раз напротив отверстия. Тогда я сделал на линейке зарубку ножом. Сбросив с общей длины толщину стенки, я по-

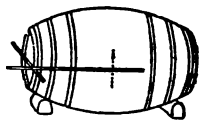
лучу точный диаметр бочки. Затем так же осторожно я вынул из бочки по частям всю палку, тщательно замечая места, где планки были связаны, чтобы потом связать их снова в том же месте. Здесь нужна была особая точность, потому что ошибка в какую-нибудь четверть дюйма в диаметре могла повлечь за собой разницу во много галлонов в определении емкости сосуда. Поэтому мне следовало быть весьма аккуратным в цифрах.

Теперь у меня был диаметр конуса у основания, то есть диаметр самой широкой части бочки. Оставалось определить диаметр усеченной вершины конуса, или основания бочки. Это представляло меньше трудностей — просто никаких! Я закончил измерение в несколько секунд: просунул палку вдоль днища бочки, пока она не уперлась в край.

Надо было еще определить длину бочки. Казалось бы, ничего нет проще, а мне пришлось помучиться, пока я определил ее с достаточной точностью. Вы скажете, что для этого стоило лишь приложить палку параллельно бочке и сделать зарубку точно на уровне концов бочки. Вы забываете, что это было бы легко при дневном свете, а ведь кругом была темнота. Я не мог быть вполне уверен, что палка у меня проходит прямо, а не косо. Ошибиться даже на дюйм — а я мог ошибиться и на несколько дюймов, — значило спутать все расчеты и сделать их бесполезными. Озадаченный, я прекратил измерение и некоторое время бездействовал.

Надо прежде всего сделать еще одну палку из двух планок от ящика. Так я и поступил.

Затем я проделал следующее: старую палку просунул вдоль дна бочки так, что она оперлась на выступавшие над ним закраины. Таким образом, палка оказалась строго параллельна плоскости днища, и с моей стороны конец палки выступал приблизительно на фут. Вторую палку я направил вдоль бока бочки под прямым углом к первой и прижал ее к самой широкой части бочки. Теперь я мог отметить

Как я измерял
длину бочки.

на второй палке то место, где она касалась самой широкой части бочки. Ясно, что это и была половина длины бочки, а две половины всегда составляют целое. Ошибки быть не может, так как прямой угол я установил весьма тщательно.

Теперь у меня были все данные. Оставалось сделать вывод.

Глава XXXI

«QUOD ERAT FACIENDUM»¹

Найти кубическое содержание бочки и перевести его потом в меры емкости — в галлоны и кварты, — в сущности, не представляло никакого труда и требовало только несложных арифметических вычислений. Я был достаточно образованным математиком, чтобы произвести эти вычисления без пера, бумаги, грифельной доски или карандаша. Впрочем, если бы у меня и было все это, я все равно не смог бы писать в темноте. Я хорошо умел считать в уме и мог складывать и вычитать, умножать и делить ряды цифр без помощи пера и карандаша.

Я сказал, что определить содержимое бочки в кубических футах и дюймах простым вычислением не представляло труда. Но прежде чем подсчитывать, предстояло разрешить еще один важный вопрос. Мои измерения диаметров и высоты не были выражены в футах и дюймах. Я измерил бочку просто кусками дерева и отметил расстояние зарубками. Ведь я не знал, сколько мои зарубки обозначают футов и дюймов. Можно было прикинуть в уме, но от этого пользы мало: у меня все-таки не будет данных, пока я не измерю обе палки.

Казалось бы, тут я столкнулся с действительно непреодолимым препятствием. Принимая во внимание, что у меня нечем было мерить — ни линейки с делениями, ни складного фута, никакой шкалы для измерения, —

¹ «Quod erat faciendum» (лат.) — «Что и требовалось сделать». В старинных учебниках математики обычная фраза, стоявшая в конце решения задачи.

вы очень просто заключите, что мне пришлось отказаться от этой задачи. Если взять за основу длину палки, я не получу никаких сведений о том, что меня интересует. Для того чтобы найти содержание бочки в кубических мерах и в мерах жидких тел, я должен сначала узнать наименьший и наибольший диаметры и высоту, выраженные в общепринятых мерах длины, то есть в футах и дюймах или в любых делениях линейки.

Как же, спрашиваю я, узнать мне фута и дюймы, когда у меня нет никакой линейки? Никакой! И я не могу сделать ее, ибо для этого нужна другая линейка, с делениями. И, уж конечно, я не могу прикидывать длину в футах и дюймах на глаз. Что же делать?

«Очевидно, ничего, — скажете вы. — Невозможное остается невозможным».

Но я рассудил иначе.

Я уже раньше предвидел эту трудность и поразмыслил о том, как мне ее преодолеть. Все это было заранее продумано. Я уже знал, что могу измерить мои палки с точностью до одного дюйма.

Как же именно?

А вот как.

Я сказал, что у меня не было чем мерить, и это правда, если понимать мои слова буквально. Но я, я сам был тем, чем следовало мерить, — я сам был единицей измерения! Если помните, я еще на пристани измерил свой рост и установил, что во мне почти полных четыре фута. До чего кстати пришлось это измерение!

Теперь, зная, что во мне четыре фута, я могу отметить эту длину на палке, и таким образом у меня окажется четырехфутовая мера.

Я сделал это без промедления. Дело оказалось простым и легким. Я лег на пол, уперся ногами в один из шпангоутов и поместил жердь между ногами. Потом вытянулся во весь рост, стараясь, чтобы палка лежала параллельно оси моего тела и касалась середины лба. Я тщательно нащупал пальцами ту точку на палке, которая приходилась напротив моей макушки, и потом сделал там зарубку ножом. Теперь в моем распоряжении была линейка длиной в четыре фута.

Но самое сложное было еще впереди. С четырехфутовой линейкой я ненамного приблизился к своей цели. Я мог теперь измерить диаметры, но этого было недостаточно. Требовалось измерить их абсолютно точно. Я должен был определить их в дюймах, даже в долях дюйма, потому что, как я уже сказал раньше, ошибка при вычислении хотя бы на полдюйма привела бы к разнице в несколько галлонов. Как же разделить четырехфуттовую палку на дюймы и нанести на нее эти дюймы? Как это сделать?

Казалось бы, чего проще! Половина моего роста, который я уже отметил, даст два фута; еще половина даст один фут. Сделав снова зарубку на половине, я получу меру в шесть дюймов. Потом я могу и этот отрезок разделить на три дюйма, а если понадобится еще меньшая мера, то разделить три дюйма на три части и получить **искомый** минимум — один дюйм.

Да, все это просто в теории, но как осуществить это на практике, на обыкновенной палке, в крошечной тьме? Как найти половину от четырех футов? А ее надо определить точно и потом делить и делить — вплоть до дюйма.

Сознаюсь, что я несколько минут сидел и думал, совершенно озадаченный.

Впрочем, это продолжалось недолго; скоро я нашел способ преодолеть и это препятствие. Ремешки от башмаков — вот что послужит мне линейкой!

Лучшего нельзя было и придумать. Это были полоски отличной сыромятной телячьей кожи — ими можно было мерить с точностью до восьмой части дюйма, не хуже чем линейкой из самшита или слоновой кости.

Одного ремешка мне не хватило бы — я взял оба и связал их прочным, тугим узлом. Получилась полоска кожи длиной больше четырех футов. Приложив ее к палке, я обрезал излишек, чтобы в ремешке стало ровно четыре фута. Я проверил длину ремешка несколько раз по палке, натягивая его изо всех сил, чтобы не получилось никаких перегибов и узлов.

Малейшая ошибка лишила бы точности всю мою будущую шкалу, хотя вообще легче разделить четыре фу-

та на дюймы, чем, наоборот, сложить из дюймов четырехфутовую линейку. В первом случае при каждом делении ошибка уменьшается, а во втором непрерывно увеличивается.

Убедившись, что мера взята точно, я соединил концы ремешка вместе, придавил их пальцами и сложил на середине. Затем тщательно разрезал ремешок ножом и таким образом разделил его на две половины, каждая по два фута. Ту половину, где был узел, я отбросил, а оставшуюся половину опять разделил и разрезал на две части. Теперь у меня было два куска, каждый по одному футу.

Один из этих кусков я сложил втрое, придавил и разрезал. Это была очень тонкая операция, и тут потребовалась вся ловкость моих пальцев, потому что легче было разделить ремешок на две части, чем на три. Я порядочно провозился, пока наконец не достиг желаемого.

Моей целью было нарезать куски по четыре дюйма каждый, чтобы потом, сложив четырехдюймовый отрезок дважды, получить один дюйм.

Так я и сделал.

Для проверки я разрезал нетронутую половину ремешка на кусочки по дюйму и сравнил их с ранее сделанными.

Я с радостью убедился в том, что первые точно соответствуют вторым. Разницы не было и на волосок!

Теперь у меня была точная мера, которую следовало нанести на палку. У меня были куски длиной в один фут, в четыре дюйма, в два дюйма и в один дюйм. С их помощью я нанес деления на палке, превратив ее в нечто подобное измерительному прибору торговца тканями.

Все это заняло порядочно времени, так как я работал весьма тщательно и осторожно. Но терпение мое вознаградилось: теперь в моем распоряжении была единица меры, на которую я мог положиться, проводя вычисление, от которого зависела моя жизнь или смерть.

Я больше не медлил с вычислением. Диаметры были высчитаны в футах и дюймах, и я взял их среднюю

арифметическую. Эту цифру я перевел в квадратные меры обычным способом (умножил на восемь и разделил на десять). Это дало мне площадь основания цилиндра, равную площади основания усеченного конуса той же высоты. Результат я умножил на длину бочки — и получил ее емкость в кубических дюймах.

Разделив последнюю цифру на шестьдесят девять, я получил количество кварт, а потом галлонов.

Так я установил, что бочка вмещала немного больше сотни галлонов.

Глава XXXII

УЖАСЫ МРАКА

Результат моих вычислений оказался более чем удовлетворительным. Восьмидесяти галлонов воды, считая по полгаллона в день, хватит на сто шестьдесят дней, а если считать по кварте в день, то на триста двадцать — почти на целый год! Я мог вполне обойтись одной квартой в день — да ведь не могло же плавание продолжаться триста двадцать дней! Корабль мог обойти за меньший срок вокруг света, как мне говорили. Хорошо, что я это вспомнил, — теперь я совершенно перестал тревожиться относительно питья. Но все же я решил пить не больше кварты в день и уже не беспокоиться, что мне не хватит воды.

Большей опасностью был недостаток пищи, но, в общем, это меня мало пугало, так как я твердо решил соблюдать самую жесткую экономию. Итак, всякое беспокойство в отношении пищи и питья у меня исчезло. Ясно, что я не умру ни от жажды, ни от голода.

В таком настроении я находился несколько дней и, несмотря на скуку заточения, в котором каждый час казался целым днем, постепенно приспособился к новому образу жизни. Часто, чтобы убить время, я считал минуты и секунды, занимаясь этим странным делом по нескольку часов подряд.

У меня были с собой часы, подаренные матерью, и я любовно прислушивался к их бодрому тиканью. Мне

казалось, что у них особенно громкий ход в моей тюрьме, да это и было так — звук усиливался, отражаясь от деревянных стен, ящиков и бочек. Я бережно заводил часы, боясь, как бы они случайно не остановились и не сбили меня со счета.

Я не очень интересовался тем, который час. В этом не было смысла. Я даже не думал о том, день сейчас или ночь. Все равно яркое солнце не могло послать ни лучика, чтобы рассеять мрак моей темницы. Впрочем, я все же знал, когда наступает ночь. Вы удивитесь, конечно, как мог я это знать, — я ведь не считал времени в продолжение первых ста часов с тех пор, как попал на корабль, и в полном мраке, окружавшем меня, невозможно было отличить день от ночи.

Однако я нашел способ — и вот в чем он заключался. Всю жизнь я ложился спать в определенный час, а именно в десять часов вечера, и вставал ровно в шесть утра. Таково было правило в доме моего отца и в доме моего дяди — особенно в последнем. Естественно, что, когда наступало десять часов, меня сразу начинало клонить ко сну. Привычка была так сильна, что не изменяла мне и в этой новой для меня обстановке. И когда мне хотелось спать, я заключал, что, должно быть, уже десять часов вечера. Я установил, что сплю около восьми часов и в шесть утра просыпаюсь. Таким образом мне удалось урегулировать часы. Я был уверен, что таким же способом я сумею отсчитывать сутки, но потом мне пришло в голову, что привычки мои могут измениться, и я стал аккуратно следить за часами¹. Я заводил их дважды в сутки — перед сном и при вставании утром — и не боялся, что они внезапно остановятся.

Я был рад, что могу отличить ночь ото дня, но, по существу, их смена немного или даже вовсе ничего для меня не означала. Важно было, однако, знать, когда кончаются сутки, ибо только так я мог следить за путешествием. Я внимательно считал часы, и, когда ча-

¹ Старинные часы делались с крышкой, но без стекла. Таким образом, в темноте легко можно было нащупать стрелки пальцами.

совая стрелка дважды обегала циферблат, делал зарубку на палочке. Мой календарь велся с большой аккуратностью. Я сомневался только в первых днях после отплытия, когда не следил за временем. Я определил количество этих дней наугад как четыре. Впоследствии оказалось, что я не ошибся.

Так проводил я недели, дни, часы — долгие, скучные часы во мраке. Я был в подавленном состоянии духа, иногда совсем опускал голову, но никогда не отчаивался.

Странно сказать, сильнее всего я страдал теперь от отсутствия света. Сначала мне причиняло большие муки мое согнутое положение и необходимость спать на жестких дубовых досках, но потом я привык. Кроме того, я придумал, как сделать свое ложе помягче. Я уже говорил, что в ящике, который находился за моим продовольственным складом, лежало сукно, плотно скатанное в рулоны, в том виде, как оно выходит с фабрики. Я сразу сообразил, как устроиться поудобнее, и немедленно привел свою мысль в исполнение. Я убрал галеты, увеличил отверстие, которое ранее проделал в обоих ящиках, и с трудом выдернул штуку материи. Дальше работа пошла легче, и через два часа я изготовил себе ковер и мягкое ложе, тем более драгоценное, что оно было сделано из лучшего сорта материи. Я взял столько, сколько понадобилось, чтобы вовсе не чувствовать под собой дубовых досок. Затем я убрал галеты в ящик, иначе они загромождали помещение.

Расстелив свою дорогостоящую постель, я растянулся на ней и почувствовал себя гораздо уютнее, чем раньше.

Но с каждой минутой я все больше мечтал о свете. Трудно описать, что испытываешь в полной темноте! Только теперь я понял, почему подземная темница всегда считалась самым страшным наказанием для узника. Неудивительно, что люди становились седыми и самые чувства изменяли им при таких обстоятельствах, — ибо в самом деле темнота так невыносима, как будто свет является основой нашего существования.

Мне казалось, что, будь я заключен в светлом помещении, время прошло бы вдвое скорее. Казалось, темнота увеличивает каждый час вдвое и как будто что-то материальное удерживает колесики моих часов и движение времени. Бесформенный мрак! Мне казалось, что я страдаю только от него и что проблеск света меня мгновенно бы вылечил. Иногда мне вспоминалось, как я лежал больной, без сна, считая долгие, мрачные часы ночи и нетерпеливо дожидаясь утра.

Так медленно и совсем не весело шло время.

Глава XXXIII

БУРЯ

Больше недели провел я в этом томительном однообразии. Единственный звук, который достигал моих ушей, был шум волн надо мной. Именно надо мной — потому что я знал, что нахожусь в глубине, ниже уровня воды. Изредка я различал другие звуки: глухой шум тяжелых предметов, передвигаемых по палубе. Несомненно, там что-то действительно передвигали. Иногда мне казалось, что я слышу звон колокола, зовущий людей на вахту, но в этом я не был уверен. Во всяком случае, звук казался таким далеким и неотчетливым, что я не мог определенно сказать, действительно ли это колокол. И слышал я этот звук только в самую тихую погоду.

Я прекрасно знал, какова погода снаружи. Я мог отличить небольшой ветер от свежего ветра и от бури, знал, когда они возникли и когда кончились, — совсем так, словно находился на палубе. Качка корабля, скрип его корпуса говорили мне о силе ветра и о том, какова погода — плохая или хорошая.

На шестой день — то есть на десятый с момента отплытия, но шестой по моему календарю — началась настоящая буря. Она продолжалась два дня и ночь. Вероятно, это был необычайно сильный шторм — он сотрясал крепления судна так, как будто собирался

разнести их вдребезги. Временами я думал, что большой корабль действительно разлетится на куски. Огромные ящики и бочки со страшным треском колотились друг о друга и о стенки трюма. В промежутках было ясно слышно, как могучие валы обрушивались на корабль с таким ужасным грохотом, как будто по обшивке изо всех сил били тяжелым молотом или тараном.

Я не сомневался, что судно, того и гляди, пойдет ко дну. Можете себе представить, что я испытывал тогда! Нечего и говорить, как мне было страшно. Когда я думал о том, что корабль может опуститься на дно, а я, запертый в своей коробке, не имею возможности ни выплыть на поверхность, ни вообще пошевелиться, меня сковывал еще больший страх. Я уверен, что не так боялся бы бури, если бы находился на палубе.

К довершению бед, у меня снова начались приступы морской болезни — так всегда бывает с теми, кто впервые плавают по морю. Бурная погода сразу вызывает тошноту и слабость, и с той же силой, с какой она возникает обычно в первые двадцать четыре часа путешествия.

Это очень легко объяснить — качка корабля во время бури усиливается.

Почти сорок часов продолжалась буря, пока море не успокоилось. Я понял, что шторм миновал, — я больше не слышал гула волн, которым обычно сопровождается движение корабля по бурному морю. Но, несмотря на то что ветер прекратился, корабль все еще качался, балки скрипели, ящики и бочки двигались и ударялись друг о друга так же, как и раньше. Причиной этому была зыбь, которая постоянно следует за сильным штормом и которая не менее опасна для корабля, чем буря. Иногда при сильной зыби ломаются мачты и корабль валится набок — катастрофа, которой моряки очень боятся.

Зыбь постепенно стихла, а через двадцать четыре часа прекратилась совершенно.

Корабль скользил как будто еще более плавно, чем прежде. Тошнота моя также стала утихать, я почув-

ствовал себя лучше и даже веселее. Но так как страх заставил меня бодрствовать все время, пока бушевала буря, да и болезнь не оставляла меня во все время свирепой качки, то теперь я был совершенно измучен и, как только все успокоилось, заснул глубоким сном.

Сны мои были почти так же мучительны, как явь. Мне снилось то, чего я боялся несколько часов назад: будто я тону именно так, как предполагал, — заключенный в трюме, без возможности выплыть. Больше того, мне снилось, что я уже утонул и лежу на дне моря, что я мертв, но при этом не потерял сознания. Наоборот, я все вижу и чувствую и, между прочим, замечаю отвратительных зеленых чудовищ, крабов или омаров, ползущих ко мне, чтобы ухватить меня своими громадными клешнями и растерзать мое тело.

Один из них привлек мое особое внимание — самый большой и страшный из всех.

Он ближе всех ко мне.

С каждой секундой он все приближается и приближается, и мне кажется, что он уже добрался до моей руки и взбирается по ней.

Я ощущаю холодное прикосновение чудовища, его неуклюжие клешни уже на моих пальцах, но я не могу пошевелить ни рукой, ни пальцем, чтобы сбросить его.

Вот краб вскарабкался на запястье, ползет по руке, которую я во сне откинул далеко от себя. Он, кажется, собирается вцепиться мне в лицо или горло. Я это чувствую по настойчивости, с которой он продвигается вперед, но, несмотря на весь свой ужас, ничего не могу сделать, чтобы отбросить чудовище. Я не могу пошевелить ни кистью, ни рукой, я не могу двинуть ни одним мускулом своего тела. Ведь я же утонул, я мертв! Ой! Краб у меня на груди, на горле... он сейчас вопьется в меня... ах!..

Я проснулся с воплем и выпрямился. Я бы вскочил на ноги, если бы для этого хватило места. Но места не было.

Ударившись головой о дубовую балку, я пришел в себя.

Несмотря на то что все это было во сне и никакой краб не мог взобраться по моей руке, несмотря на то что я проснулся и знал, что это лишь сон, — я не мог отделаться от впечатления, что по мне действительно прополз краб или какое-то другое существо. Я все еще ощущал легкое жжение на руке и на груди — и та и другая были открыты, — жжение, которое мог бы произвести зверек с когтистыми лапками. И я не мог отбросить мысль, что все же здесь кто-то был.

Я был так убежден в этом, что, проснувшись, машинально протянул руку и стал ощупывать свое ложе, надеясь поймать какое-нибудь живое существо.

Спросонья я все еще думал, что это краб, но, придя в себя, понял нелепость такой догадки — здесь ведь не могло быть краба. Впрочем, почему же нет? Краб мог жить в трюме корабля — его занесли на борт случайно вместе с балластом, а может быть, его затащил сюда кто-нибудь из матросов для забавы. Потом его бросили на произвол судьбы, и он скрылся в многочисленных уголках и щелях, которых достаточно среди трюмных балок. Пищу он мог найти в трюмной воде, в мусоре, а может быть, крабы, как хамелеоны, могут питаться воздухом?¹

Я размышлял так только несколько минут, после того как проснулся, но, поразмыслив, отбросил эти предположения. Крабов я мог видеть только во сне. Если бы не сон, я бы и не подумал об этих существах. Конечно, здесь нет никакого краба, иначе я поймал бы его: ведь я ощупал каждый дюйм постели и ничего не нашел. В мою каморку вели только две щели, через которые крупный краб мог бы пролезть или скрыться, но я сразу же проверил эти щели, как только проснулся. Такой медлительный путешественник, как краб, не мог бы убежать через них в столь короткий промежу-

¹ По старинному поверью, хамелеоны питаются воздухом; на самом деле они питаются насекомыми.

ток времени. Нет, здесь не могло быть краба. И все-таки здесь кто-то был, ибо кто-то карабкался по мне. Я был в этом уверен.

Некоторое время я еще раздумывал над своим сном, но скоро неприятное ощущение исчезло. Ничего удивительного, что мне приснилось именно то, о чем я все время думал, пока бушевала буря.

Ощупав часы, я увидел, что спал очень долго — мой сон продолжался около шестнадцати часов! Это произошло потому, что я бодрствовал все время, пока длилась буря, да тут еще причиной была морская болезнь.

Я испытывал сильный голод и не мог удержаться от искушения съесть больше, чем мне полагалось. Я уничтожил целых четыре галеты. Мне говорили, что морская болезнь порождает сильный аппетит, и я теперь убедился, что это правда. Я готов был сразу уничтожить весь свой запас. Съеденные мною четыре галеты насытили меня лишь отчасти. Только боязнь остаться без пищи удержала меня от соблазна съесть в три раза больше.

Меня одолевала также жажда, и я выпил гораздо больше полагающейся порции. Но водой я не так дорожил, рассчитывая, что мне с избытком хватит питья до конца путешествия. Одно только меня беспокоило: когда я пил воду, я очень много разбрызгивал и проливал. У меня не было никакого сосуда — я пил прямо из отверстия в бочке. К тому же это было неудобно. Я вынимал затычку, и сильная струя била мне прямо в рот. Но я не мог пить без конца, нужно было перевести дыхание, а в это время вода обливала лицо, платье, заливала всю каморку и уходила попусту, пока я всовывал затычку обратно.

Если бы у меня был сосуд, в который я мог бы налить воду, — чашка или что-нибудь в этом роде!

Сначала я подумал о башмаках, которые были не нужны. Но подобное применение обуви мне претило.

До того как я просверлил бочку, я не колеблясь напился бы из башмаков или из любого сосуда, но сейчас, когда воды имелось вдоволь, дело обстояло иначе. Может, все же вымыть начисто один из башмаков для

этой цели? Лучше, конечно, потратить немного воды на мытье башмака, чем терять большое количество воды при каждом питье.

Я уже собирался привести этот план в исполнение, когда лучшая мысль пришла мне в голову — сделать чашку из куска сукна. Я заметил, что материя была непромокаемая, — по крайней мере, брызгавшая на мою постель из бочки вода не проходила насквозь: мне всегда приходилось стряхивать брызги с материи. Поэтому кусок ее, свернутый в виде чашки, вполне пригодится для моей цели. И я решил сделать такой сосуд.

Нужно было отрезать широкий кусок ножом и свернуть его в несколько слоев в виде воронки. Узкий конец я связал куском ремешка от башмаков — и у меня получилась чашка для питья, которая служила мне, как если бы она была из фарфора или стекла. Теперь я мог пить спокойно, не теряя ни капли драгоценной влаги, от которой зависела моя жизнь.

Глава XXXV

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

За завтраком я съел так много, что решил в этот день больше не есть, но, проголодавшись, не смог выполнить свое благое намерение. Около полудня я не выдержал, сунул руку в ящик и вытащил оттуда галету. Я решил, однако, съесть на обед только половину, а другую оставить на ужин. Поэтому я разделил галету на две части: одну отложил, а вторую съел и запил водой.

Вам, может быть, кажется странным, что мне ни разу не пришла в голову мысль прибавить к воде несколько капель бренди. Ведь я мог пить его сколько угодно: здесь его было не меньше ста галлонов. Но для меня в этом не было никакого прока. С таким же успехом бочонок мог быть наполнен серной кислотой. Я не касался бренди, во-первых, потому, что не любил его; во-вторых, потому, что мне от него становилось плохо и

начинало тошнить — вероятно, это было бренди самого низкого сорта, предназначенное не для продажи, а для раздачи матросам (с кораблями часто отправляют самое плохое бренди и ром для команды); в-третьих, потому, что я уже пробовал это бренди: я выпил около рюмки и моментально почувствовал сильнейшую жажду. Мне пришлось выпить почти полгаллона воды, чтобы утолить ее, и я решил в будущем воздержаться от алкоголя — я хотел сохранить побольше воды.

По моим часам уже наступало время ложиться спать. Я решил съесть вторую половину галеты, оставленную на ужин, и после этого «отправиться на покой».

Приготовления ко сну заключались в том, что я менял положение на шерстяной подстилке и натягивал на себя один — два слоя материи, чтобы не заоченеть ночью.

Всю первую неделю после отплытия я сильно зяб. Я не страдал от холода с тех пор, как нашел сукно, — я закутывался в него с головой. Однако с некоторого времени ночи становились всё теплее. После бури я вовсе перестал покрываться материей: ночью было так же тепло, как днем.

Сначала меня удивляла эта быстрая перемена в состоянии атмосферы, но, поразмыслив немного, я оказался в состоянии удовлетворительно объяснить это явление. «Без сомнения, — думал я, — мы все время плывем на юг и входим теперь в жаркие широты тропической зоны».

Я не совсем понимал, что это означает, но слышал, что тропическая зона — или просто «тропики» — лежит к югу от Англии, что там гораздо жарче, чем в самую жаркую летнюю погоду в Англии. Я знал, что Перу расположено в Южном полушарии и что нам надо пересечь экватор, чтобы попасть туда.

Это было хорошим объяснением того, почему так потеплело. Корабль шел уже около двух недель. Считая, что он делает по двести миль в день (а корабли, как я знал, часто делают и больше), он должен был уже далеко уйти от Англии, и климат, конечно, изменился.

В этих размышлениях я провел всю вторую половину дня и весь вечер и в десять часов решил, как уже говорил раньше, съесть вторую половину галеты и отправиться спать.

Сначала я выпил чашку воды, чтобы не есть всухомятку, потом протянул руку за сухарем. Я точно знал, где он лежит, потому что, поместив рулон сукна у шпангоута, я устроил себе нечто вроде полки, где держал нож, чашку и деревянный календарь. Я положил туда половину галеты и, конечно, мог найти это место рукой в темноте так же легко, как и при свете. Я так хорошо изучил каждый уголок и каждую щелку своего убежища, что мог в темноте безошибочно определить любое место размером с монету в пять шиллингов.

Я протянул руку, чтобы достать драгоценный кусочек. Вообразите мое удивление, когда, ощупав место, где полагалось лежать галете, я убедился в том, что ее там нет!

Сначала мне показалось, что я ошибся. Может быть, я положил оставшуюся половину галеты не на обычное место на полке? Тогда, конечно, ее там не может быть.

Чашку с водой я держал в руке, нож был на месте, а также палочка с зарубками и кусочки ремешков, которыми я мерил бочку, но половина галеты исчезла!

Куда же я мог ее положить? Кажется, больше некуда. Для верности я ощупал весь пол моей камеры, все складки и изгибы материи и даже карманы куртки и штанов. Я пошарил и в башмаках — не имея в них никакой нужды, я снял их, и они валялись в углу. Я не оставил не обследованным ни одного дюйма в помещении, обшарив все тщательнейшим образом, но так и не нашел половинки галеты!

Я искал ее так усердно не потому, что это была ценная вещь, но исчезновение ее с полки было странно, настолько странно, что над этим стоило призадуматься.

Может быть, я съел ее?

Предположим, что так. Может быть, в припадке рассеянности я взял галету, стал ее грызть и уничтожил, не отдавая себе отчета в том, что делаю. Во всяком

случае, у меня не осталось никаких воспоминаний о еде, с тех пор как я съел первую половинку. А если я все же проглотил и вторую, она не принесла мне пользы: я не чувствовал сытости, и мой желудок ничего не выиграл — я был голоден, как будто не прикасался к пище весь день.

Я отчетливо помнил, что положил кусок галеты рядом с ножом и чашкой. Почему он переменил место, если я его не брал оттуда? Я не мог случайно задеть его и сбросить вниз, потому что не делал никаких движений в том направлении. Но где-то он есть? Он не мог завалиться в щель под бочкой, потому что щель плотно забита материей. Я это сделал, чтобы выровнять поверхность, на которой лежал.

Так я и не нашел пропавшую галету. Она исчезла — либо в моем собственном горле, либо еще как-нибудь. Но если я съел ее, то жаль, что сделал это бессознательно, потому что не получил никакого удовольствия от еды.

Долго я колебался, взять ли мне другую галету из ящика или отправиться спать без ужина. Страх перед будущим заставил меня воздержаться от еды. Итак, я выпил холодной воды, положил чашку на полку и устроился на ночь.

Глава XXXVI

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ПРИШЕЛЕЦ

Я долго не спал и лежал, думая о таинственном исчезновении половины галеты. Я говорю: «таинственным», потому что в глубине души был убежден, что не ел ее, что она исчезла другим путем. Но каким именно, я не мог даже представить себе, ибо я был совершенно один. Я был единственным живым существом в трюме, и больше никому было дотронуться до еды. И вдруг я вспомнил свой сон о крабе! Может статься, это все-таки был краб? Конечно, утонул я во сне, но остальное могло быть и явью и по мне, может быть, в самом деле прополз краб? Неужели он съел галету? Я знал, что кра-

бы обычно не едят хлеба. Но запертый в корабельном трюме, изголодавшийся краб мог съесть и галету. В конце концов, может, это действительно был краб?

То ли от этих мыслей, то ли из-за голодного урчания в желудке я не спал несколько часов. Наконец я заснул, вернее — погрузился в дремоту, и каждые две — три минуты просыпался снова.

В один из таких промежутков мне показалось, что я слышу необычный шум. Корабль шел плавно, и я сразу отличил этот звук от мягкого плеска волн. Кстати, в последнее время волны плескались настолько тихо, что стук моих часов перекрывал их.

Новый звук, привлечший мое внимание, походил на легкое царапанье. Он доносился из угла, в котором валялись ненужные мне башмаки. Что-то скреблось у меня в башмаках!

«Ну, это и есть краб!» — сказал я самому себе. Сон окончательно покинул меня. Я лежал, настороженно прислушиваясь и готовясь схватить рукой вора, ибо теперь был уже уверен в том, что краб или не краб, но существо, которое скреблось у меня в башмаках, и есть похититель моего ужина.

Я опять услышал царапанье. Да, конечно, это в башмаках.

Я приподнялся медленно и тихо, так, чтобы схватить башмак одним движением, и в этом положении стал ждать, когда звук повторится.

Я прождал порядочное время, но ничего не услышал. Тогда я ощупал башмаки и все пространство вокруг них — ничего! Казалось, башмаки лежат точно так, как я их сам положил. Я обследовал весь пол моей каморки, но с тем же результатом. Здесь решительно ничто не переменялось.

Я был в полном недоумении и довольно долго лежал прислушиваясь, но таинственный шум не повторялся. Сон постепенно овладевал мной, и я снова задремал, ежеминутно просыпаясь.

Вдруг раздался снова тот же звук. Я опять насторожился. Несомненно, кто-то скребется в башмаках. Но как только я бросился к ним, звук мгновенно пре-

кратился, словно я напугал того, кто в них царапался. И опять я шарил везде и ничего не мог найти!

«Ага! — бормотал я. — Теперь я знаю, кто это! Во-все не краб — краб не сумел бы так быстро выскочить из башмака. Это мышь. Только и всего». Странно, что я не подумал об этом раньше! Приди это сразу мне в голову, я бы не беспокоился. Это всего-навсего мышь. Если бы не сон, я и не подумал бы о крабе.

Я снова улегся с намерением заснуть и больше не тревожиться о мыши.

Не успел я лечь, как царапанье в углу возобновилось, и я подумал, что мышь, чего доброго, основательно испортит башмаки. Хотя здесь они были мне вовсе не нужны, я все-таки не мог допустить, чтобы их сгрызла мышь. Поднявшись, я рванулся вперед, чтобы схватить ее.

Снова никакого результата.

Я даже не дотронулся до зверька, но мне показалось, что я слышу, как он удирает в щель между бочкой с бренди и бортом корабля.

Взяв в руки башмаки, я с огорчением убедился, что передок одного из них совершенно съеден. Странно, что мышь могла так много уничтожить, да еще в такой короткий срок! Ведь я совсем недавно держал в руках эти башмаки. Может быть, здесь действовали несколько мышей? Похоже на то.

Чтобы спасти обувь от окончательной гибели и избавить себя от новых волнений, я взял башмаки из угла, положил их рядом с собой и накрыл сверху сло-ем материи. Сделав это, я опять улегся спать.

Я дремал недолго и снова проснулся, на этот раз от явного ощущения, что по мне что-то ползет. Мне почудилось, что какое-то существо очень быстро пронеслось у меня по ногам.

Теперь сон меня уже совершенно покинул. Однако я не шевелился, а лежал и ждал, не повторится ли это снова.

«Конечно, — решил я, — это и есть мышь, и теперь она бежит кругом в поисках башмаков». Мне начинало надоедать это вторжение. Гнаться за мышью не было

никакого смысла, потому что она убежит в щель, как только я пошевелюсь. Я решил лежать спокойно, дожидаться, пока она взберется на меня, и тогда схватить ее. Я не хотел убивать это маленькое существо, а намеревался только хорошенько прижать его или оторвать за ухо, чтобы оно не беспокоило меня больше.

Мне пришлось долго лежать, ничего не слыша и не чувствуя. Наконец мое терпение было вознаграждено. По слабому движению в складках материи, заменявшей мне одеяло, я убедился, что по ней что-то бегают, и мне показалось даже, что я различаю топание маленьких лапок. Вот снова зашевелилась материя, и я ясно почувствовал, что какое-то существо взбирается по моей лодыжке и поднимается к бедру. Оно казалось слишком тяжелым для мыши, но у меня не было времени размышлять об этом — надо было его хватать сейчас же!

Я протянул руку, растопылив пальцы, но... о ужас!..

Вместо нежной, маленькой мышки рука моя сжала туловище животного ростом почти с котенка! Сомнений быть не могло — это была огромная, страшная крыса!

Глава XXXVII

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРЫСАХ

Безобразное животное сразу проявило себя. Лишь только мои пальцы коснулись его гладкой шерсти, я почувствовал, что это крыса, — почувствовал дважды, ибо, прежде чем успел отдернуть руку, так безрассудно протянутую к ней, ее острые зубы глубоко прокусили мне большой палец. В то же мгновение в ушах у меня прозвучал угрожающий визг.

Я поскорее отнял руку и отскочил в самый дальний конец каморки, как можно дальше от моего неприятного гостя, и там скорчился, дожидаясь, когда уйдет отвратительное животное.

Все затихло, и я решил, что крыса скрылась в другую часть корабля. Наверно, она испугалась не меньше меня. Хотя вряд ли. Из нас двоих я был, конечно, напу-

ган больше. Это доказывалось уже тем, что она сохранила достаточно сообразительности, чтобы укусить меня за палец, перед тем как пуститься в бегство, в то время как я потерял всякое присутствие духа.

Из этой короткой встречи мой противник вышел победителем, потому что, испугав меня, нанес мне вдобавок тяжелую и болезненную рану. Палец мой кровоточил. Я чувствовал, что кровь струится по всей руке так, что слипаются кончики пальцев.

Я бы мог отнестись к этому с полным спокойствием: что такое, в конце концов, укус крысы? Но дело было не только в этом. Меня тревожил вопрос: ушел ли мой враг совсем или он неподалеку и может еще вернуться?

Мысль, что крыса может вернуться — да еще осмелевшая, оставшаяся без наказания, — наполняла меня беспокойством.

Вы удивляетесь? Но я всю жизнь испытывал отвращение к крысам, даже, правду сказать, страх перед ними. В детстве это отвращение было у меня особенно сильно, но и позже, хотя мне впоследствии пришлось встречаться и сражаться с более опасными животными, ли одно из них не внушало мне такого страха, как обыкновенная вездесущая крыса. Страх здесь смешивается с отвращением, и неспроста, потому что я знаю множество достоверных случаев, когда крысы нападали на людей — и не только на детей, но и на взрослых мужчин, особенно на раненых и больных. Люди погибали от крысиных укусов, и эти отталкивающие всеядные животные пожирали потом трупы.

Мне много приходилось слышать таких историй в детстве — естественно, что в тот момент я вспомнил о них. Воспоминания эти пагнали на меня страх, граничащий с ужасом. А эта крыса оказалась одной из самых крупных, каких я когда-либо встречал. Она была так велика, что я поначалу с трудом мог поверить, что это крыса. На ощупь она была ростом с молодую кошку. Немного успокоившись, я замотал большой палец тряпичей, оторванной от рубашки. За пять минут боль в пальце стала ужасной — ведь крысиный укус почти так же ядовит, как укус скорпиона, — и хотя рана бы-

ла не так уж велика, я знал, что она причинит мне сильные страдания.

Нечего говорить, что последние остатки сна у меня исчезли надолго. По существу, я не спал до утра, а потом каждую минуту просыпался от кошмарных сновидений. Мне снилось, что не то крыса, не то краб хватает меня за горло...

Долго я лежал и прислушивался, не вернется ли зверь, но до конца ночи не заметил ни малейших следов его присутствия.

Должно быть, я основательно помял крысу, ибо накинулся на нее со всей силой, — и это напугало ее так, что она не осмелилась явиться снова. Я утешал себя этой надеждой, в противном случае мне бы долго не удалось заснуть.

Конечно, теперь я понял, куда делась половина галеты и кто привел в негодность мои башмаки. Их не мог так испортить более слабый сородич крысы — мышь. Крыса, значит, уже давно бегала вокруг меня, а я ее и не замечал.

В течение многих часов, которые я пролежал прислушиваясь, перед тем как заснуть, одна мысль занимала мой мозг: что делать, если крыса вернется? Как ее уничтожить или, по крайней мере, как избавиться от непрошенного гостя? Я отдал бы в то время год жизни за стальной или вообще за любой капкан, которым можно поймать крысу. Но раздобыть такой капкан было невозможно, и я стал изобретать другой способ избавиться от неприятного соседа. Я имел полное право называть крысу соседом, потому что знал, что жилище ее недалеко и что в эту минуту она возится где-то на расстоянии трех футов от моего лица — скорее всего, под ящиком с галетами или под бочкой с бренди.

Долго я напрягал мозг, но не мог придумать, как бы изловить крысу, не подвергая себя опасности. Конечно, если она приблизится ко мне, можно схватить ее руками, как я это сделал раньше. Но у меня не было охоты повторять уже проделанный опыт. Я знал, через какую щель она проникает ко мне, — через промежуток между двумя бочками: с водой и с бренди.

Я предполагал, что если она вернется, то прежним путем. Что, если все отверстия, кроме одного, заткнуть кусками материи, потом впустить крысу и сразу же отрезать ей отступление, заткнув и последнее отверстие? Таким образом, она окажется в западне. Но я и сам попаду в нелепое положение. Я тоже окажусь в западне, и при этом враг вовсе не будет уничтожен, пока я не покончу с ним в рукопашной схватке. Конечно, я смогу победить и убить крысу: все-таки я сильнее и в состоянии задушить ее руками, но при этом, конечно, получу порядочное количество серьезных укусов, а с меня и одного уже было достаточно, чтобы не желать подобного поединка.

Как обойтись без капкана? Наступило уже утро, когда, усталый от планов и предположений, я впал в полудремотное состояние, так ничего и не придумав, как избавиться от проклятой твари, причинившей мне столько беспокойства и тревоги.

Глава XXXVIII ВСЁ ЗА КРЫСОЛОВКУ!

Несколько часов я либо дремал, либо спал урывками, но потом проснулся и уже больше не мог спать, вспоминая о большой крысе. Да и боли в пальце было достаточно, чтобы разбудить меня. Не только большой палец, но и вся рука опухла и сильно болела. У меня не было никаких лекарств — оставалось только терпеть. Я знал, что воспаление скоро пройдет и мне станет легче, и крепился изо всех сил. Но малые беды отступают перед большими. Так было и со мной. Страх перед возвращением крысы беспокоил меня гораздо больше, чем рана. Все мое внимание было поглощено крысой, и я почти забывал о боли в пальце.

Не успел я проснуться, как мысли мои снова обратились к тому, чтобы так или иначе поймать моего мучителя. Я был уверен в том, что крыса вернется, потому что замечал новые следы ее присутствия. Погода все еще была тихая, и я отчетливо слышал случай-

ные звуки — что-то вроде топота маленьких лапок по крышке пустого ящика. Раза два до меня донесся короткий, резкий звук, похожий на треск сверчка, — характерный писк крысы. Нет ничего противнее крысиного писка, а в тот момент он казался мне вдвойне противным. Вы смеетесь над моими ребячьими страхами, но я ничего не мог поделать с собой. Я не мог побороть неприятное предчувствие, что соседство крысы угрожает моей жизни, и, как вы потом убедитесь, мое предчувствие почти оправдалось.

Я боялся, что крыса нападет на меня, когда я буду спать. Пока я бодрствую, она мне не страшна. Она может меня укусить, как это уже случилось, но в этом большой беды нет: я как-нибудь уничтожу ее. Но что, если я засну крепко и это гнусное существо вопьется мне зубами в горло? Вот что заставляло меня мучиться! Я не могу спокойно заснуть, пока крыса не будет уничтожена, поэтому необходимо ее уничтожить поскорее.

Сколько ни думал, я не мог придумать ничего другого, как поймать ее руками и задушить. Для этого надо схватить крысу так, чтобы пальцы прились как раз вокруг ее горла. Тогда она не сможет вонзить мне зубы в руку, а остальное уже будет просто. Но в этом и заключалась главная трудность. Ведь хватать крысу придется в темноте, наугад, и она, конечно, воспользуется преимуществом своего положения. Больше того, палец мой в таком состоянии, что я вряд ли смогу удержать крысу рукой — раненый палец был на правой руке, — а не то что задушить ее насмерть. Я соображал, как мне защитить пальцы от ее зубов. Хорошо, если бы у меня была пара толстых перчаток!

Но их не было, и думать о них было напрасно...

Нет, не напрасно! Мысль о перчатках навела меня на новую идею — заменить их чем-нибудь другим. И это «другое» у меня имелось — мои башмаки. Надо всунуть кисти рук в башмаки и, предохранив себя таким способом от острых зубов крысы, давить ее между подошвами, пока она не испустит дух. Прекрасная идея! Я немедленно приступил к ее осуществлению.

Положив башмаки наготове, я притаился возле щели, через которую могла войти крыса. Все другие отверстия я тщательно заткнул и твердо решил, пропустив крысу внутрь моей каморки, заткнуть курткой и последнюю щель. Таким образом крыса окажется в моей власти. Тогда мне останется только надеть «перчатки» и приняться за дело.

Казалось, что или крыса сознательно поспешила принять мой вызов, или сама судьба обратилась против нее.

Только что я привел в порядок свой дом для «приема гостя», как топот лапок по материи и легкий писк дали мне знать, что крыса прошла через щель и уже находится внутри. Я хорошо слышал, как она бежит кругом, пока забивал отверстие курткой. Раза два она пробежала у меня по ногам. Но я не обращал внимания на ее движения, пока не сделал все, чтобы отрезать ей отступление. Затем я всунул руки в башмаки и начал разыскивать врага.

Я так хорошо изучил все места в моей каморке и так точно знал каждый уголок, что мне не пришлось долго искать. Я поступал так: поднимал башмаки и опускал их снова, ударяя каждый раз по другому месту. Если удастся захватить хотя бы часть тела крысы, я смогу удержать ее и потом сдавить обоими башмаками. Останется только жать изо всех сил. Таково было мое намерение, но, несмотря на всю мою изобретательность, мне не удалось его осуществить. Дело кончилось совсем по-другому.

Я действительно придавил зверька одним башмаком, но мягкая материя, на которой все это происходило, подалась под нажимом, прогнулась, и крыса, визжа, тут же выскользнула. В следующее мгновение я почувствовал, как она карабкается мне на ногу и забирается под штанину.

Дрожь ужаса пробежала по моему телу, но я уже был разгорячен поединком и, отбросив башмаки, которые больше не были нужны, ухватил крысу в тот момент, когда она подобралась к моему колену. Я держал ее крепко, хотя она сопротивлялась с поистине удиви-

тельной силой и ее громкий визг страшно было слышать.

Я сжимал ее изо всех сил, даже не чувствуя боли в большом пальце. Материя штанины предохраняла от укусов мои пальцы, но я не обошелся без ран, потому что мерзкое животное впилося мне в тело и сжимало зубы до тех пор, пока в состоянии было двигаться. Только когда мне удалось схватить крысу за горло и задуть на смерть, зубы ее разжались, и я понял, что прикончил врага.

Я отпустил тело крысы и вытряхнул его из штанов, безжизненное и неподвижное. Вынув куртку из отверстия, я выбросил мертвую крысу туда, откуда она пришла.

Я почувствовал громадное облегчение. Теперь, когда я был уверен, что «госпожа крыса» больше не станет меня беспокоить, я улегся спать, решив отоспаться за все время, которое потерял ночью.

Глава XXXIX

ВРАЖЕСКАЯ СТАЯ

Моя уверенность в безопасности оказалась ошибочной. Не проспал я и четверти часа, как вдруг проснулся оттого, что мне показалось, будто что-то пробежало у меня по груди. Другая крыса? Во всяком случае, нечто весьма на нее похожее.

Несколько минут я лежал без движения и внимательно прислушивался. Но ничего не было слышно. Неужели мне приснилось, что кто-то по мне бежит? Нет! Только я подумал об этом, как снова услышал топот маленьких лапок по мягкой материи.

И верно: я тут же почувствовал эти лапки у себя на бедре.

Стремительно приподнявшись, я протянул руку. Ужас снова объял меня — я притронулся к огромной крысе, которая тут же отпрыгнула. Я слышал, как она пробирается в щель между бочками.

Но это не могла быть та крыса, которую я только что выбросил. Нет! Кошка может ожить после того, как ее уже считаешь мертвой, но я никогда не слышал, чтобы крысы обладали такой необыкновенной живучестью. Я был уверен, что убил крысу. Когда я выбрасывал ее, она была несомненно трупом. Конечно, это другая крыса!

Но, несмотря на всю нелепость такого предположения, я сквозь сон продолжал думать, что это та же самая крыса и она пришла мстить. Однако, проснувшись окончательно, я отбросил эту мысль. Нет, это не та крыса. Скорее всего, это ее подружка, размерами не уступающая первой, как я это заметил, когда притронулся к ней. Ну да, это самка, и она разыскивает самца, которого я убил. Но она проникла ко мне через ту же щель и, значит, видела мертвую крысу. Не собирается ли она отомстить за смерть супруга?

Сна опять как не бывало. Как мог я уснуть, зная, что рядом разгуливает отвратительное животное, которое пришло, быть может, с намерением напасть на меня!

При всей усталости я не мог позволить себе лечь спать, пока не разделаюсь с новым врагом.

Я был уверен, что крыса скоро вернется. Ведь я только дотронулся до нее, не причинив ей никакого вреда. Разумеется, она придет обратно.

Убеденный в этом, я занял прежнее положение около щели, держа куртку в руках. Приложив ухо к отверстию, я стал внимательно слушать.

Через несколько минут я вполне ясно услышал писк крысы снаружи и еще какие-то непонятные мне звуки.

Мне пришло в голову, что это какая-нибудь доска трется о пустой ящик,— такое маленькое животное едва ли могло само произвести столько шума. Шум продолжался, и я уже решил было, что крыса вошла в мою камеру, хотя звуки все-таки доносились снаружи. Значит, животное еще не внутри...

Еще раз мне показалось, что крыса прошла мимо меня, но я снова услышал писк снаружи. Опять и опять

Я свесил куртку и

мне все чудилось, что я не один в камере, но все же я не решался заткнуть щель, боясь ошибки.

Наконец резкий писк раздался справа от меня, определенно внутри помещения. Я немедленно плотно заткнул курткой отверстие.

Я стал искать крысу, из осторожности предварительно засунув руки в башмаки. Я принял еще другую меру предосторожности ради собственной безопасности: привязал обе штанины к лодыжкам, чтобы крыса не поступила так, как ее предшественница.

Приготовившись, я стал исследовать пространство вокруг себя.

У меня не было ни малейшего желания встречаться с крысой, но я твердо решил избавиться от доуки и поспать хоть немного без помех. А это возможно только в том случае, если я убью крысу так же, как убил ее говарипца.

Итак, я снова взялся за дело. Но какой ужас! Представьте себе мой безумный страх, когда я обнару-

принялся хлопать ею по полу.

жил, что вместо одной крысы у меня в помещении находится целая стая этих омерзительных существ! Тут не одна крыса, а около десятка! Они кишели повсюду, и я не мог опустить башмак, чтобы не ударить по одной из них. Они бегали вокруг меня, проносились по ногам, прыгали на руки, испуская свирепый писк, как бы угрожая мне!

По правде сказать, я был напуган почти до обморока. Я уже не думал о том, чтобы их убить. Я толком не знал даже, что делаю. Помню, что у меня хватило присутствия духа схватить куртку и **вытащить** ее из отверстия. Я принялся хлопать ею по полу вокруг себя, крича изо всех сил.

Мои крики и отчаянные движения произвели нужный эффект.

Я слышал, как крысы отступают в щель. И когда через несколько минут я ощупал руками пол моего убежища, я с радостью убедился, что оно пусто и все крысы ушли.

Глава XL

НОРВЕЖСКАЯ КРЫСА

Если одна крыса могла причинить мне столько мучений, то можете себе представить, как приятно сознавать, что их здесь, по соседству, целая армия! Их, вероятно, было гораздо больше, чем то количество, которое я только что обратил в бегство, потому что, затыкая курткой отверстие, я слышал писк и шорох снаружи. Наверняка здесь были десятки крыс. Я знал, что эти вредители кишат на многих кораблях, находя себе надежное убежище в многочисленных щелях между балками трюма. Я слышал также, что корабельные крысы самые свирепые. Попуждаемые голодом, они часто не останавливаются и перед тем, чтобы напасть на живые существа, не боясь даже кошек и собак. Они наносят большие повреждения грузам и причиняют много беспокойства на судах, особенно если корабль недостаточно хорошо осмотрен, заделан и очищен перед погрузкой и отправлением в рейс. Эти судовые крысы известны под именем «норвежских крыс», так как существует поверье, что они явились в Англию впервые на норвежских судах. Норвегия их родина¹ или другая страна, это не имеет большого значения, потому что они распространены по всему земному шару. Я полагаю, что в любой части земли, где когда-либо приставали корабли, обязательно есть и норвежские крысы. Если они действительно вышли из Норвегии, то они хорошо приспособились ко всем климатам, потому что особенно изобилуют и процветают в тропиках Америки. Портовые города Вест-Индии и континенты Северной и Южной Америки кишат ими. В некоторых местах они причиняют такой вред, что городские власти назначили специальную «крысиную» премию за их уничтожение. Но, несмотря на это, они продолжают существовать в неизмеримых количествах, и деревянные причалы американских портов являются для них настоящими «тихими пристанями».

¹ Так называемая «норвежская крыса» на самом деле происходит не из Норвегии, а из Юго-Восточной Азии.

Норвежские крысы, в общем, не очень велики. Крупные экземпляры встречаются среди них в виде исключения. Дело тут не в размерах, а в свирепости и вредности, а также в огромной плодовитости, которая делает их необыкновенно многочисленными и опасными. Замечено, что в тех местах, где они появляются, в течение нескольких лет исчезают все другие виды крыс; предполагают, что норвежские крысы уничтожают своих более слабых собратьев. Они не боятся и ласок. Если они уступают последним в силе, зато превосходят их в количестве, — в жарких странах они превосходят своих врагов в отношении ста к одному. Даже кошки их боятся. Во многих странах кошка уклонится от встречи с норвежской крысой, предпочитая в качестве добычи жертву менее свирепого нрава. Даже большие собаки, кроме породы крысоловов, считают благоразумным избегать их.

У норвежских крыс есть странная особенность: они как будто чувствуют, когда сила на их стороне. Когда их мало и им угрожает опасность быть уничтоженными, они ведут себя смирно; но в тех странах, где им удалось расплодиться, они наглей от безнаказанности и не боятся даже присутствия человека. В морских портах тропических стран они почти не прячутся, и в лунные ночи огромные стада крыс совершенно спокойно бегают повсюду, даже не уставляя свернуть в сторону, чтобы уступить дорогу прохожему. В лучшем случае они чуть посторонятся, чтобы затем прошмыгнуть у самых ваших каблуков. Вот каковы норвежские крысы!

Всего этого я не знал, когда начались мои приключения с крысами на корабле «Инка». Но и того, что я слышал от матросов, было совершенно достаточно, чтобы я чувствовал себя очень тревожно в присутствии такого большого количества этих опасных животных. Прогнав их из своей каморки, я отнюдь не успокоился. Я почти наверное знал, что они вернуться и, возможно, в еще большем количестве. Они будут всё больше страдать от голода и, следовательно, будут становиться всё свирепее и наглее, пока не осмелеют настолько, что на-

падут на меня. По-видимому, они не очень меня испугались. Хотя я и прогнал их криками, но они скреблись и пищали где-то по соседству. Что, если они уже голодны и замышляют новую атаку на меня? Судя по тому, что я о них слышал, в этом не было ничего невероятного.

Не стоит, пожалуй, и говорить, что одно представление о такой возможности вселяло в меня тревогу. Мысль, что я буду убит и растерзан этими ужасными существами, внушала мне еще больший страх, чем тот, когда я думал, что утону. Собственно говоря, я предпочел бы утонуть, чем умереть таким образом. Когда я на секунду представил себе, что меня ждет такая судьба, кровь похолодела в моих венах и волосы, казалось, зашевелились на голове.

Не зная, что предпринять, я несколько минут сидел — вернее, стоял на коленях, ибо не поднялся с колен с тех пор, как защищался от крыс, размахивая курткой. Мне все еще казалось, что у крыс не хватит смелости приблизиться ко мне, пока я на ногах и могу защищаться. Но что будет, когда я лягу спать? Они, конечно, осмелеют, и, когда им удастся запустить зубы мне в тело, они уподобятся тиграм, которые, отведав крови, не успокоятся, пока не уничтожат свою жертву. Нет, я не должен спать!

Но и вечно бодрствовать я тоже не в состоянии. В конце концов сон одолеет меня, и я не смогу ему противиться. Чем больше я буду бороться с ним, тем крепче я буду спать потом. И наконец я впаду в такое глубокое забытие, от которого, может быть, никогда не проснусь. Это будет страшный кошмар, который лишит меня способности двигаться и сделает легкой добычей для окружающих меня прожорливых чудовищ.

Некоторое время я мучился этими опасениями, но скоро меня осенила новая идея, и я несколько воспрянул духом. Надо снова заткнуть курткой щель, через которую проникали крысы. Так я надолго от них избавлюсь.

Это был очень простой способ преодолеть трудность. Без сомнения, он пришел бы мне в голову и раньше, но тогда я думал, что крыс всего две, и с ними я рассчита-

тывал справиться по-другому. Теперь, однако, положение изменилось. Уничтожить всех крыс в трюме корабля — слишком сложная задача, это было просто невозможно. И я перестал об этом думать. Лучшим был мой последний план: закрыть главное отверстие и все другие, через которые может пролезть крыса, и таким путем обезопасить себя от вторжения врага.

Не медля ни минуты, я законопатил щель курткой. Удивляясь, как я не подумал об этом раньше, я улегся в полной уверенности, что теперь могу спать спокойно и сколько захочется.

Глава XLI

СОН И ЯВЬ

Я так устал от страхов и бессонницы, что едва опустился на свою постель, как перенесся в страну снов. Вернее, не в страну, а в море снов, потому что мне опять приснилось море. И, как и раньше, я лежал на дне, окруженный чудовищами, похожими на крабов, которые готовились меня проглотить.

Мало-помалу эти чудовища превращались в крыс. И тогда мой сон стал походить на явь. Мне снилось, что крысы собрались вокруг меня в огромном количестве и угрожают мне со всех сторон. У меня ничего нет для защиты, кроме куртки, и я размахиваю ею изо всех сил. А они становятся все смелее и смелее, видя, как мало ущерба я причиняю им этим оружием. Одна огромная крыса, больше всех остальных, ведет их в атаку. Это не настоящая крыса, а призрак той, которую я убил.

Таково было сновидение...

Я долго не подпускаю к себе противника. Но вот силы оставляют меня. Если не придет помощь, крысы одолеют. Я оглядываюсь, громко зову на помощь, но никто меня не слышит.

Враги заметили наконец, что силы мои иссякают. По знаку своего вожака они бросились на меня одно-

пременно. Они напали на меня спереди, сзади, с боков, и, хотя я сыпал удары во все стороны в последнем, отчаянном усилии, все это было беспечно. Я отбрасывал их дюжинами, швырял их одна на другую, но на смену упавшим приходили новые.

Больше я не мог сражаться. Сопротивление было напрасно. Они уже карабкались по моим ногам, по бокам, по спине. Они повисали на мне, как пчелиные рои виснут на ветках. И когда они уже собирались растерзать меня, я не выдержал их веса и тяжело упал на землю.

Это спасло меня: как только я коснулся пола, крысы отскочили и убегали стремглав, словно испугались того, что им удалось сделать.

Меня приятно удивила такая развязка. Сначала я не мог объяснить себе, в чем дело, но скоро мысли мои прояснились, и я очень обрадовался, когда убедился в том, что все эти ужасы — только сон.

Впрочем, тут же мое настроение изменилось, и радость мгновенно исчезла. Не все здесь было сном. Крысы были на мне, и в этот момент они находились в моей камере. Я слышал, как они носятся кругом. Я слышал их отвратительный визг. Я еще не успел приподняться, как одна из них пробежала по моему лицу.

Это было для меня новым источником ужаса. Как они проникли сюда? Уже сама таинственность этого нового вторжения потрясла меня. Как они пролезли? Неужели вытолкнули куртку из щели? Я машинально ее ощущал. Нет, куртка на месте, в том виде, как я ее оставил. Я достал куртку и снова пустил ее в ход, чтобы прогнать страшных грызунов. Опять я кричал и хлопал курткой по полу, и опять крысы ушли, но теперь я был в невероятном страхе, потому что не мог объяснить, как они добрались до меня, несмотря на все мои предосторожности.

Долгое время я сидел в глубоком унынии, пока не сообразил наконец, в чем дело: они прошли не через ту щель, которую я заткнул курткой, а через другое отверстие, забитое материей. Кусок материи был слишком мал — крысы вытащили его зубами.

Вот каким образом они прорвались! Но моя тревога от этого не уменьшилась. Наоборот, она возросла. Зачем эти существа так упорно возвращаются снова и снова? Почему мое убежище привлекает их больше, чем другие части корабля? Что им нужно? Загрызть и съесть меня?

Я не мог найти иную причину, чтобы объяснить их нападение.

Страх перед тем, что меня могут загрызть крысы, вызвал у меня прилив энергии. По часам я узнал, что проспал не больше часа, но не мог снова заснуть, пока полностью не обеспечу себе безопасность. Я решил привести мою крепость в порядок, более пригодный для обороны.

Я вынул куски материи из всех щелей и дыр и заново тщательно закупорил все лазейки. Я пошел даже на то, чтобы вынуть из ящика все галеты и достать два или три новых рулона материи для затычек. Потом уложил галеты на место и заткнул все отверстия.

Мне пришлось потрудиться возле ящика, потому что около него было много всевозможных щелей. Я вышел из затруднения при помощи большого рулона материи, поставив его стоймя и закрыв им все свободное пространство. На этой стороне теперь все было закрыто. Рулон стоял так плотно, что никакое живое существо не могло его обойти. Единственный недостаток этого укрепления был в том, что оно затрудняло мне доступ к галетам, потому что материя закрыла отверстие ящика. Но я подумал об этом заранее и сделал внутри камеры запас галет на неделю, на две. Когда я съем их, я могу отодвинуть рулон и, прежде чем крысы успеют добраться до щели, сделать запас еще на неделю.

Полных два часа ушло на то, чтобы закончить все эти приготовления. Я работал с большой тщательностью, стараясь сделать стены моей крепости прочнее. Это не была игра: от этого зависела моя жизнь.

Проделав все самым аккуратным образом, я улегся спать.

Теперь я был уверен в том, что высплюсь по-настоящему.

Глава XLII

ГЛУБОКИЙ СОН

Я не ошибся — я спал двенадцать часов подряд. Хотя не без кошмаров: мне опять снились ужасные сражения с крабами и крысами. Мой сон не освежил меня, несмотря на его длительность, как будто я и в самом деле сражался со своими страшными врагами. Но приятно было, проснувшись, убедиться в том, что незванные гости не возвращались и в моих укреплениях не появилось ни одной бреши. Я ощупал и нашел все на прежнем месте.

Несколько дней я прожил сравнительно спокойно. Я не боялся крыс, хотя знал, что они неподалеку. Когда погода была тихая — а она долго не менялась, — я слышал возню животных снаружи, слышал, как они что-то там делали, носились между ящиками с грузами, иногда выпускали омерзительные вопли, словно сражались друг с другом. Но их голоса больше не пугали меня, ибо я знал твердо, что крысы не могут ко мне попасть. Если мне случалось на время передвинуть один из рулонов материи, защищавших мое убежище, я немедленно ставил его обратно, прежде чем хотя бы одна крыса успевала заметить, что отверстие открыто.

Мне было очень неудобно в таком заточении. Погода стояла необыкновенно жаркая. Ни малейшее движение ветерка не доходило до меня, и воздух в моем помещении не освежался. Я чувствовал себя как внутри печки. Весьма возможно, что мы пересекали экватор или, во всяком случае, находились в тропических широтах — вот откуда такое спокойствие в атмосфере, потому что в этих широтах бури бывают реже, чем в так называемых умеренных зонах. Только раз мы попали в бурю, которая продолжалась весь день и ночь. Как всегда, началась сильная качка. Корабль качало так, как будто он собирался перевернуться вверх дном.

На этот раз я не заболел морской болезнью, но мне не за что было держаться, и я катался по полу, то ударяясь лбом о бочку, то сваливаясь в сторону, пока мое тело не оказалось избитым, словно после града палоч-

ных ударов. Колебание судна заставляло бочки и ящики немного сдвигаться с места, и от этого затычки из материи ослабевали и вываливались.

Все еще боясь крысиного нашествия, я то и дело затыкал лазейки.

В общем, это занятие все-таки было приятнее, чем безделье. Оно помогало мне проводить время, и два дня бури и волнения на море показались мне короче двух обычных дней. Самыми горькими часами моего заключения были те, в которые я был предоставлен самому себе и своим мыслям. Часами я лежал на месте без движения, иногда даже без единой мысли в голове. И, лежа во мраке, одиночестве и тоске, я боялся, что разум оставит меня.

Так прошло больше двух недель — я знал это по зарубкам на палочке. Эти недели казались месяцами, даже годами — так медленно тянулось время! В промежутках между бурями кругом меня царил однообразное спокойствие, не происходило ничего такого, что можно было бы отметить и запомнить. Все время я строго придерживался установленного мной пайка. Несмотря на то что мне часто приходилось голодать так, что я мог бы съесть недельную порцию за один раз, я все-таки не выходил за пределы установленного рациона. Часто это стоило больших усилий. Скрепя сердце я откладывал в сторону для следующей еды полгалеты, которая словно прилипала к моим пальцам, когда я клал ее на полочку. Но, в общем, я мог поздравить себя: за исключением того дня, когда я съел за один раз четыре галеты, я не нарушил расписания и мужественно подавлял разгоревшийся аппетит.

От жажды я вовсе не страдал. Никаких трудностей с водой у меня не было. Установленного количества воды хватало даже с избытком. Иногда я пил меньше, чем полагалось, и всегда мог выпить столько, сколько хотелось.

Скоро запас галет, отложенных мной, подошел к концу. Это меня обрадовало. Значит, дни идут — прошло две недели с тех пор, как я пересчитал галеты и определил необходимое на данный срок количество.

Итак, пришло время отправиться в «кладовую» и взять оттуда новый запас.

И тут у меня появилось странное опасение. Оно возникло внезапно, как будто в сердце вдруг кольнула стрела. Это было предчувствие большого несчастья, вернее — не предчувствие, а страх, порожденный тем, что я заметил в последнюю минуту. Я все время слышал снаружи шум, который приписывал моим соседям — крысам. Он доносился до меня часто, почти постоянно, и я привык к нему, но сейчас звук напугал меня — он шел с той стороны, где стоял ящик с галетами.

Дрожащими руками я сдвинул с места рулон и погрузил руки в ящик. Милосердный боже! *Ящик был пуст!*

Нет, не пуст. Запустив руку поглубже, я нащупал в нем нечто мягкое, скользкое... крыса! Животное отскочило в сторону, как только почувствовало мое прикосновение, и так же мгновенно я убрал руку. Машинально я начал снова шарить в ящике — и наткнулся на другую крысу! И еще, еще!.. Казалось, половина ящика набита ими — одна вплотную к другой. Они разбегались кто куда, некоторые, высочив из отверстий, даже прыгали мне на грудь, остальные бросались на стенки ящика, испуская пронзительные крики.

Вскоре я разогнал их. Но — увы! — когда они скрылись и я стал обследовать свои запасы, то увидел, к своему отчаянию, что почти все галеты исчезли. В ящике не оставалось ничего, кроме кучи крошек на дне. Эти остатки крысы и поедали в ту минуту, когда я их спугнул.

Это было страшное несчастье. Я был так подавлен своим открытием, что долгое время не мог прийти в себя.

Я легко мог представить себе, что произойдет дальше. Мои продукты исчезли — голодная смерть глядела мне в лицо. Да, нет сомнений, смерть от голода неминуема! Жалкими крохами, которые оставили мне мерзкие грабители — они бы доели все через час, не спугни я их, — нельзя было продержаться больше недели. И тогда... Что тогда? Голод, голодная смерть!

Выхода не было. Так я рассудил. Да и на что мог я рассчитывать?

Я чувствовал себя совершенно уничтоженным — настолько, что не принял никаких мер к тому, чтобы защитить ящик от дальнейших вторжений крыс. Я был уверен, что все равно мне придется отступить перед этим несчастьем — умереть от голода. Не было никакого смысла противиться судьбе. Лучше уж умереть сразу, чем через неделю. Жить еще несколько дней, зная, что тебя ожидает смерть, — ужасно, мучительно! Ожидание хуже самой смерти. И ко мне вернулись прежние мысли о самоубийстве.

Но только на минуту. Я вспомнил, что однажды стоял на пороге самоубийства, но чудесным образом избежал его. Снова луч надежды осветил мне будущее. Правда, надежда эта ни на чем не основывалась, но ее было достаточно для того, чтобы вдохнуть в меня новую энергию и спасти от полного отчаяния. Кстати, присутствие крыс тоже побуждало меня к действию. Они находились тут же, рядом, и угрожали снова забраться в ящик и уничтожить последние остатки моей еды. Теперь я мог избавиться от них, только действуя самым энергичным образом.

Крысы проникли в ящик не через то отверстие, через которое проникал в него я сам: оно было закрыто рулоном — и там они пройти не могли. Они вошли с противоположной стороны, через ящик с материей. Им удалось это сделать потому, что я сам снял одну из боковых досок этого ящика. Это произошло недавно — ведь им надо было прогрызть заднюю стенку, на что потребовалось бы, конечно, немало времени. Иначе они давно бы уже проникли внутрь и не оставили бы ни кусочка. Они, несомненно, и прошлые разы пробирались в мою каморку именно из-за этого ящика с галетами — здесь пролегал самый короткий путь к нему.

Я очень сожалел, что вовремя не подумал о сохранности моей кладовой. Собственно говоря, я думал об этом, но мне не приходило в голову, что крысы могут проникнуть в ящик сзади, а спереди его плотно прикрывал рулон материи.

Увы! Теперь уже поздно, сожаления ни к чему! И, повинуясь инстинкту, который заставляет нас бороться за жизнь до последней возможности, я перенес остатки галет из ящика на полочку внутри моего убежища. Затем, забаррикадившись снова, я улегся на постель и стал думать о положении, которое казалось мне мрачнее, чем когда бы то ни было.

Глава XLIII

В ПОИСКАХ ВТОРОГО ЯЩИКА С ГАЛЕТАМИ

Долгое время размышлял я над своими делами, и ничего утешительного не приходило мне в голову. Я был в таком подавленном состоянии духа, что даже не пытался сосчитать количество оставшихся у меня галет — вернее, крошек. По величине этой небольшой кучки я примерно определил, что могу поддержать свое существование, исходя из самого маленького пайка, около десяти дней, не больше. Итак, мне осталось жить десять дней, в лучшем случае — две недели, а в конце этих двух недель умереть, причем я уже знал, что это будет медленная и мучительная смерть. Мне уже были ведомы муки голода, и я страшился испытать их вторично. Но избежать такого жребия не было надежды. В ту минуту, во всяком случае, я считал себя обреченным.

Я был так потрясен своим открытием, что долгое время не мог прийти в себя. Я был подавлен, малодушие овладело мной, мозг был словно парализован. И когда я пытался думать, мысли мои блуждали и возвращались снова и снова к моей страшной участи.

Потом я опомнился и вновь обрел способность обсудить обстоятельства, в которых очутился. Снова появилась надежда, правда настолько неопределенная и необоснованная, что ее следовало бы назвать «призраком надежды». Мне пришла в голову чрезвычайно простая мысль: если я нашел один ящик с галетами, отчего бы не поискать второй? Если он не находится рядом с первым, он может оказаться неподалеку. Я уже говорил,

что при погрузке судна грузы размещаются по-разному: не по сортам товара, а по объему и форме упаковки, чтобы они соответствовали друг другу и форме трюма. Я уже в этом сам убедился, потому что вокруг меня рядом стояли самые разнообразные товары: галеты, мануфактура, бренди и бочка с водой. Хотя непосредственно рядом с ящиком с галетами не стоял другой такой же ящик, но он мог быть неподалеку. Может быть, с другой стороны ящика с сукном или в ином месте, куда я сумею проликнуть.

Энергия вернулась ко мне, и я стал размышлять, как мне найти другой ящик с галетами.

План тотчас был выработан. Способ был только один — воспользоваться ножом. Мне пришлось в голову проложить ножом дорогу через бочки, ящики и тюки, заграждавшие путь к галетам. И чем больше я думал об этом, тем более выполнимой казалась мне эта идея. То, что нам кажется трудным или невыполнимым при обычных обстоятельствах, становится легким, когда нам угрожает смертельная опасность и когда мы знаем, что таким путем сможем спасти жизнь. Самые тяжелые лишения и величайшие трудности становятся легкими затруднениями, когда дело идет о жизни и смерти!

Именно с этой точки зрения я вынужден был смотреть на подвиг, который мне предстояло совершить, и не очень заботился о времени и труде, только бы это дало мне возможность спастись от страшной голодной смерти.

Итак, я решил проложить с помощью ножа дорогу через груды товаров в надежде найти ящик, содержащий пищу. Если меня ждет успех, я буду жить; если нет — я умру. И еще одна мысль толкала меня к действию: лучше провести остаток жизни в надежде, чем уступить отчаянию и сидеть сложа руки. Провести две недели в ожидании смерти в тысячу раз хуже, чем сама смерть.

Лучше продолжать борьбу, питая надежду новыми усилиями. Самый труд сократит время и отвлечет меня от мрачных мыслей о безрадостной судьбе.

Так думал я, и новый прилив энергии сменил во мне прежний упадок сил.

Я стоял на коленях, с ножом в руке, полный решимости и готовый на всё. Как оценил я в ту минуту счастье обладать этим куском стали! Я бы не обменял его на целый корабль, наполненный чистым золотом!

Прежде всего надо было пробиться через ящик с материей и исследовать то, что находилось за ним. Ящик с галетами был теперь пуст, и я пролез через него без труда. Вы помните, мне уже приходилось это делать — тогда, когда я набрел на сукно. Значит, дорога была знакома. Но для того чтобы пробраться через ящик с сукном, необходимо выбросить оттуда несколько рулонов и очистить дорогу к следующему ящику. Следовательно, сначала нож мне не нужен. Отложив его в сторону, в такое место, где я мог легко достать до него рукой, я просунул голову и влез в пустой ящик. В следующую минуту я уже выдергивал и вытаскивал тугие рулоны сукна, напрягая все силы и энергию, чтобы сдвинуть их с места.

Глава XLIV

Я ЗАЩИЩАЮ КРОШКИ

Работа стоила времени и труда, и гораздо больше, чем вам кажется. Дело в том, что материю упаковывали так, чтобы сэкономить место, и рулоны были прижаты друг к другу настолько плотно, как будто они вышли из-под парового пресса. Те рулоны, которые находились напротив сделанного мной отверстия, вынуть не составляло труда, но с прочими возни было больше. Мне пришлось пустить в ход всю свою силу, чтобы сдвинуть их с места. Когда первые были вынуты, работать стало легче. Некоторые рулоны оказались крупнее других — это было более грубое сукно. Они были настолько велики, что не пролезали через проделанные мной отверстия в ящике с материей и в ящике с галетами. Что мне оставалось делать с ними? Расширить отверстия — значит приложить очень много труда. Оба ящика распо-

жены так, что оторвать от них лишнюю доску невозможно. Можно расширить дыру ножом, но это трудно.

Тут я придумал план, который тогда показался мне превосходным, хотя впоследствии оказалось, что я сделал ошибку. Я разрезал завязки на каждом рулоне и стал разматывать рулоны постепенно. Я вытаскивал из дыры материю, пока рулон не становился достаточно тонким, чтобы пройти через отверстие. Таким способом я освободил весь ящик, хотя работа заняла несколько часов.

Работа моя была прервана очень серьезным обстоятельством: вернувшись к себе на место с первым вынутым из ящика рулоном материи, я с ужасом обнаружил, что помещение занято двумя десятками других жильцов: опять крысы!

Кусок материи выпал у меня из рук. Я ринулся на крыс и разогнал их. Я сразу понял, что часть запасов моего жалкого продуктового склада сожрана или унесена. Впрочем, они уничтожили не очень много. К счастью, я отсутствовал недолго. Задержись я еще минут на двадцать, эти разбойники подобрали бы всё, не оставив мне ни крошки.

Последствия могли оказаться для меня роковыми. Браня себя за собственную небрежность, я решил в будущем быть более осторожным.

Я расстелил большой кусок материи, насыпал на него крошки, затем свернул его кульком и завязал как можно крепче полоской той же материи. Я полагал, что теперь все будет в сохранности. Положив кулек в угол, я снова приступил к работе.

Ползая на коленях то с пустыми руками, то нагруженный материей, я походил на муравья, бегающего по своей дорожке и делающего запас на зиму. В течение нескольких часов я не уступал муравьям в усердии и деловитости. Погода по-прежнему стояла тихая, но стало еще жарче и пот катил с меня градом. Я вынужден был оторвать кусок материи, чтобы вытирать лоб и лицо. Порой мне казалось, что я задохнусь от жары. Но, однако, я работал и работал не переставая. Мне и в голову не приходило сделать передышку.

Крысы все время напоминали о своем присутствии. Они кишели около меня в щелях между ящиками и бочками, где у них были свои пути и тропы. Я встречал их и в проделанном мной туннеле. Они то пересекали мне дорогу, то наскакивали на меня, то метались позади и перебежали по ногам. Как это ни странно, но теперь я боялся их меньше, чем раньше. Это объяснялось тем, что я понял, что крыс привлекал ящик с галетами, а вовсе не я сам. Прежде у меня было впечатление, что они собираются на меня напасть, но теперь я думал, что разгадал их намерения, и у меня было меньше опасений, что они перейдут в атаку. Пока я бодрствую, они не страшны. Но я никогда не ложился спать, не приняв мер предосторожности на случай их нападения, и намеревался поступать так и впредь.

Была еще и другая причина, по которой я уже не так боялся крыс. Положение мое ухудшилось настолько, что необходимо было действовать, и все меньшие опасности померкли перед главной — опасностью голодной смерти.

Разгрузив наконец ящик с материей, я позволил себе немного отдохнуть и подкрепиться горстью крошек и чашкой воды. Работая над разгрузкой ящика, я не отрывался даже для того, чтобы глотнуть воды, и сейчас готов был выпить полгаллона. Я был уверен, что воды мне хватит надолго, и потому выпил сколько хотелось. Вероятно, когда я наконец оторвался от бочки, уровень воды в ней сильно понизился. Драгоценная влага казалась слаще меда — я чувствовал себя снова полным сил и бодрости.

Теперь я обратился к своим продовольственным запасам, но крик ужаса вырвался из моих уст, когда я ощупал кулек.

Снова крысы! Да, к своему изумлению, я обнаружил, что неутомимые грабители опять побывали здесь, прогрызли дыру в материи и уничтожили еще часть моего скудного запаса. Пропало не меньше фунта¹ драгоценных крошек, и все это произошло недавно,

¹ Английский фунт равен 453,5 грамма.

потому что несколькими минутами раньше я случайно передвигал кулек и там все было в порядке.

Это новое несчастье вызвало у меня и раздражение, и новые страдания. Нельзя было ни на минуту отойти от галет, не рискуя лишиться всего до последней крошки.

Я лишился уже половины запаса, вынутого из ящика. Я рассчитывал, что мне хватит его на десять — двенадцать дней, считая мелкое крошево, которое я тщательно собрал с досок. Но теперь, внимательно исследовав остатки, я увидел, что их едва хватит на неделю.

Такое открытие усугубило мрачность моего положения. Но я не впал в отчаяние. Я решил продолжать работу, как будто никакого несчастья не случилось. Уменьшение запасов только прибавило мне энергии и упорства.

Оставался единственный способ сохранить крошки — взять с собой кулек и постоянно держать при себе. Конечно, можно было завернуть крошки в несколько слоев материи, но я был убежден, что паразиты прогрызут дыру даже в железном ящике.

Для большей надежности я заткнул дыру, проеденную крысами, и снова влез в ящик, захватив с собой кулек с крошками. Я был готов защищать его против любого, кто на него покусится.

Я поместил его между колен, взялся за нож и принялся проделывать ход в задней стенке ящика из-под сукна.

Глава XLV

СНОВА УКУС

Стараясь поменьше пускать в дело нож, я сначала попытался оторвать доски руками. Уверившись в том, что я не могу их сдвинуть с места, я лег на спину и попробовал выломать их ногами. Я даже надел башмаки, думая, что мне удастся вышибить доски. Но сколько я ни колотил ногами, ничего не получилось! Доски были хорошо забиты гвоздями, и, как я впослед-

ствии убедился, ящик был стянут железными скрепами, которые выдержали бы и более серьезные усилия. Тогда я стал работать ножом.

Я намеревался прорезать поперек одну из досок поближе к краю, а потом подвести под нее руку и оторвать, как бы прочно ни была она укреплена с другого конца.

Дерево было не слишком твердое — обыкновенная ель, и я легко прорезал бы доски даже самым простым ножом, если бы сам находился выше, а ящик стоял прямо передо мной. Но вместо этого приходилось действовать в согнутом положении, весьма неудобном и утомительном. Больше того, рука моя все еще болела от крысиного укуса, ранка не закрылась. Возможно, что вечное беспокойство, тревога, бессонница, лихорадочное состояние мешали излечению раны. К сожалению, ранена была правая рука, а левой я не умел действовать ножом. Я временами пробовал переложить нож в левую руку, чтобы правая отдохнула, но ничего не получалось. Поэтому я потратил несколько часов на то, чтобы прорезать доску в девять дюймов длины и толщиной в один дюйм. Под конец я все-таки справился. Улегшись еще раз на спину и нажав на доску каблуками, я с удовольствием убедился, что она поддается.

Однако что-то позади ящика — другой ящик или бочка — мешало до конца выломать доску. Промежуток был не больше двух или трех дюймов, и пришлось дергать, трясти, нажимать вверх, вниз, вперед, назад, пока не расшатались железные скрепы и доска не отделилась от ящика.

Просунув руку в щель, я сразу определил, что находилось за ящиком: там помещался другой ящик, и — увы! — такой же, как тот, который я опустошил. То же дерево на ощупь, — я уже говорил, что мое осязание обострилось до чрезвычайности.

Это открытие сильно опечалило меня. Я был разочарован. Но все же я решил удостовериться окончательно и стал вынимать доску из второго ящика, так же как раньше из первого: сделал поперечный надрез, потянул доску к себе... Работы здесь было больше, чем

с первым ящиком, потому что добраться до него оказалось труднее. Кроме того, прежде чем взломать второй ящик, мне пришлось расширить отверстие в первом, иначе я не мог бы достать до того места, где ящики примыкали друг к другу. Расширить отверстие было нетрудно: мягкая доска поддавалась лезвию ножа.

Над вторым ящиком я трудился угрюмо, безрадостно — это была безнадежная работа. Я бы мог и вовсе оставить ее, ибо лезвие ножа уже не раз приходило в соприкосновение с чем-то мягким, рыхлым внутри ящика — это была ткань. Я мог бы бросить работу, но какое-то любопытство заставляло меня механически продолжать ее — то любопытство, которое трудно удовлетворить, пока полностью не дойдешь до самого конца. Побуждаемый этим чувством, я машинально рубил ножом, пока не выполнил свою задачу до конца.

Результат был именно тот, которого я ожидал, — в ящике лежала материя!..

Нож выскальзнул у меня из рук. Побежденный усталостью, подавленный горем, я упал навзничь, потеряв сознание.

Это беспамятное, отчаянное состояние продолжалось некоторое время — я не заметил, сколько именно. Но в конце концов я был разбужен острой болью в среднем пальце, внезапной болью, словно меня укололи иглой или резнули лезвием ножа.

Еще не совсем придя в себя, я вскочил, думая, что наткнулся на нож; я вспомнил, что бросил его открытым где-то рядом с собой. Через секунду или две я понял, однако, что не нож причинил мне боль. Рана была нанесена не холодной сталью, а ядовитыми зубами живого существа. Меня укусила крыса!

Равнодушие и вялость мгновенно рассеялись и сменились сильнейшим страхом. Теперь, более чем когда бы то ни было, я убедился, что гнусные животные угрожают моей жизни. Это было первое их нападение без всякого повода с моей стороны. Хотя раньше резкие движения и громкие крики прогоняли крыс, но я чувствовал, что со временем они осмелеют и перестанут обращать внимание на неопасный для них шум. Я слыш-

ком долго пугал их, ни разу не заставив почувствовать, что они могут быть наказаны.

Ясно, что я не мог улежся спать и оказаться совершенно незащищенным, если на меня нападут крысы. Хотя надежды на избавление, к сожалению, сильно уменьшились и, вероятно, меня ждала голодная смерть, все-таки я предпочитал умереть от голода, чем быть съеденным крысами. Самая мысль о подобной смерти наполняла меня ужасом и заставляла употребить всю энергию на избавление от такого конца.

Я очень устал и нуждался в отдыхе. Пустой ящик был достаточно велик для того, чтобы лечь спать в нем, вытянувшись в полный рост. Но я решил, что в старом убежище мне легче будет бороться с крысами, и, захватив нож и кулек с крошками, снова устроился за бочкой.

Теперь размеры моей клетушки уменьшились, потому что она была завалена материей, выброшенной из ящика. В сущности, в ней как раз хватало места только для моего тела, так что это было скорее гнездо, чем помещение.

Я был хорошо защищен в этом гнезде рулонами материи, наваленными около бочонка с бренди. Оставалось только завалить другой конец, как это было раньше. Я так и сделал. И тогда, съев свой тощий ужин и запив его многочисленными глотками воды, я дал наконец отдых душе и телу, в чем давно уже так нуждался.

Глава XLVI

ТЮК С ПОЛОТНОМ

Мой сон не был ни сладким, ни глубоким. К мыслям о мрачном будущем прибавились еще мучения от жары — еще худшие, чем раньше, потому что все отверстия теперь были забиты. Ни малейшее движение воздуха, которое могло бы освежить меня, не достигало моей тюрьмы, и я чувствовал себя как в раскаленной печи. Но все-таки я поспал немного, и это «немного» было все, чем я вынужден был довольствоваться.

Проснувшись, я принялся за еду — за свой «завтрак». Конечно, это был самый легкий из всех завтраков на свете, и вряд ли он заслужил такое название. Я опять выпил много воды, потому что меня трепала лихорадка и болела голова, как будто готова была расколоться.

Однако все это не помешало мне снова приняться за работу. Если в двух ящиках лежит мануфактура, это еще не значит, что таков и остальной груз. Я решил продолжать розыски. Следовало произвести разведку и в другом направлении и делать туннель не через боковую доску, а через конец ящика, чтобы проложить путь не вбок, по борту судна, а прямо, где у меня могли открыться большие возможности.

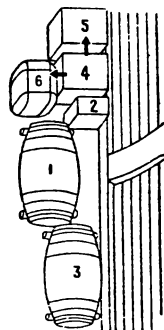
Захватив с собой кулек с крошками, я приступил к работе с новой надеждой, и после долгого, упорного труда, особенно мучительного из-за ранки в пальце и согнутого положения, мне удалось взломать заднюю стенку ящика.

Там лежало что-то мягкое. Это меня несколько обнадежило. Во всяком случае, это было не сукно, но что именно, я не мог сообразить, пока совершенно не оторвал доску. Я осторожно просунул руки в отверстие и дрожащими пальцами стал щупать новый, неведомый предмет. На ощупь он казался холстом. Но это только упаковка. А что внутри?

Я не мог определить, что это такое, пока не взял нож и не разрезал холщовую оболочку. Тут, к моему разочарованию, я распознал, что лежит в ящике.

Это было полотно — тюк прекрасного полотна, скатанный в рулоны, как и сукно. Но эти рулоны были так плотно спрессованы, что, приложив все усилия, я не мог выдернуть ни одного из них.

Это открытие опечалило меня еще больше, чем если бы я обнаружил сукно. Сукно я бы постепенно вынул

В поисках галет я проник во второй ящик с сукном (5) и наткнулся на тюк (6) с полотном. (Вид сверху: 1 — бочка с водой; 2 — ящик с галетами; 3 — бочка с бренди; 4 — первый ящик с сукном.)

и продолжал дальше свою работу. Но с полотном я ничего не мог сделать, ибо после нескольких попыток выяснилось, что я не в состоянии сдвинуть с места ни один рулон. Алмазная стена вряд ли оказала больше сопротивления лезвию моего ножа, чем эта масса полотна. Для того чтобы его прорезать насквозь, понадобилось бы работать неделю. У меня не хватит пищи, чтобы прожить, пока я достигну другой стороны ящика. Но я и не думал об этом. Это было явно невозможно, и я бросил эту затею, даже не задумываясь над ней.

Некоторое время я бездействовал, соображая, что предпринять дальше. Но я недолго оставался без дела. Время было слишком дорого. Только энергичная деятельность могла спасти меня. Побуждаемый этой мыслью, я снова приступил к работе.

Мой новый план был прост — опустошить второй ящик, прорезать его противоположную сторону и посмотреть, что находится за ним. Так как ящик был уже взломан, надо было вынуть из него материя.

Так же как и в первом ящике с мануфактурой, я почувствовал, что толстые рулоны не проходят через сделанное мной отверстие. И, не желая мучиться и расширять отверстие в досках, я прибегнул к прежнему способу — разрезать завязки, разворачивать рулоны и вытаскивать материю ярд за ярдом. Я думал, что так будет легче, но — увы! — это привело к таким последствиям, которые причинили мне много бед.

Я быстро продвигался и уже очистил достаточное пространство для работы внутри ящика, когда мне внезапно пришлось остановиться, потому что позади не было места для материи.

Все свободное место — моя каморка, ящик из-под галет и еще один ящик — было полно мануфактурой, которую я вытаскивал, продвигаясь вперед. Не оставалось ни одного свободного фута, где можно было положить хотя бы один рулон ткани!

Я не сразу испугался, потому что не представлял себе, какие это может повлечь за собой последствия. Но когда я хорошенько поразмыслил, то увидел, что стою перед очень опасной проблемой.

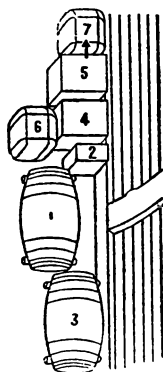
Очевидно, я не смогу продолжать работу, пока не избавлюсь от образовавшейся лавины материи, виной чему я был сам. И как от нее избавиться? Ни сжечь, ни уничтожить материю каким-либо иным путем нельзя; я не могу уменьшить ее в объеме, потому что уже умял ее изо всех сил. Что же мне теперь с ней делать?

Теперь я понял, как безрассудно было разматывать рулоны. Это и явилось причиной увеличения их объема. Вернуть их в прежнее состояние уже не представлялось возможным. Материя была разбросана в полном беспорядке, и не было места, чтобы ее свернуть, — в тесном помещении и при моем вынужденном положении тела я почти не мог двигаться. Но если бы даже и нашлось место, я все равно не смог бы довести материю хотя бы отчасти до ее прежнего объема, потому что толстый материал при всей своей эластичности потребовал бы большого винтового пресса, чтобы принять прежний вид. Я ужасно огорчился. Мало сказать: огорчился — я готов был снова впасть в отчаяние.

Но нет, я не позволю отчаянию овладеть мной! Кое-как опростав место для последних одного — двух рулонов, я сумею проделать отверстие в противоположной стенке ящика. У меня еще есть надежда. Если там окажется другой ящик с сукном или тюк с полотном, у меня хватит времени предаться отчаянию.

Трудно сломить надежду в человеческом сердце. Так было и со мной. Пока есть жизнь — есть и надежда. Воодушевленный этой мудрой пословицей, я снова взялся за дело. Скоро мне удалось убрать еще два рулона. Это позволило проникнуть внутрь уже почти пустого ящика и пустить в ход нож.

Мне удалось вышибить обе части доски и сделать отверстие, достаточное для моей цели, а она заключалась только в том, чтобы получилась щель, через которую можно просунуть руку. Увы, меня ждало самое

Еще один тюк с
полотном! (7)

печальное разочарование: еще один тюк с полотном! Я был обессилен, мне стало дурно, и я бы упал, если бы было куда упасть, — я остался как был, лежа лицом вниз, ослабевший и телом и душой.

Глава XLVII

EXCELSIOR¹

Прошло много времени, прежде чем я снова собрался с духом и приподнялся. Если бы не голод, я бы еще долго оставался в состоянии полного оцепенения. Но природа взяла свое. Я хотел съесть свои крошки лежа, однако жажда заставила меня вернуться на старое место. Мне было все равно, где спать, потому что я мог скрыться от крыс в любом из ящиков. Но надо было находиться поблизости от бочки с водой, — вот почему я предпочел старое место.

Нелегко мне было вернуться туда. Пришлось поднять и отбросить назад много рулонов материи. Класть их надо было бережно, не то, вернувшись в свое убежище, я не смог бы расчистить для себя достаточно места.

Все же мне удалось осуществить свое намерение. Поев и утолив лихорадочную жажду, я свалился на массу материи и моментально заснул. Я принял обычные меры предосторожности, накрепко закрыв ворота своей крепости, и сон мой не был нарушен крысами.

Утром, или, вернее сказать, в тот час, когда я проснулся, я снова поел и попил. Не знаю, было ли это утро, потому что я два раза забывал завести часы и уже не отличал день от ночи. И так как я спал теперь нерегулярно, то и по сну не мог определить время суток. Еды не хватило, чтобы утолить голод. Да и всего моего запаса пищи не хватило бы, чтобы полностью насытиться; немалых трудов стоило мне удержаться от того, чтобы не уничтожить весь запас. Потребовалась вся моя решимость, чтобы сдержаться. Решимость эта

¹ Эксельсиор (лат.) — все выше.

поддерживалась ясным сознанием того, что мне придется есть в последний раз. Воздержание объяснялось простым страхом голодной смерти.

Позавтракав как можно экономнее и наполнив же-лудок водой вместо пищи, я опять углубился во второй ящик с материей, так как решил продолжать розыски, пока силы не изменят мне. Не много у меня их оставалось. Я понимал, что съеденного едва хватит, чтобы поддержать жизнь. Я чувствовал, что слабею. Ребра у меня обозначились, как у скелета, и я с трудом поворачивал тяжелые рулоны материи.

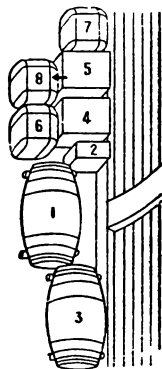
Один конец каждого ящика, как я уже говорил, был обращен к борту корабля. Конечно, не имело никакого смысла делать туннели в этом направлении. Но конец второго ящика, обращенного внутрь трюма, я еще не испробовал. Теперь я за него взялся.

Не стану описывать подробности этой работы. Она была похожа на то, что я делал и раньше, и заняла несколько часов. И в результате меня опять подстерегло горькое разочарование. Еще один тюк с полотном! Я не мог больше продвигаться в этом направлении. И вообще продвигаться больше некуда!

Я был окружен ящиками с сукном и тюками с полотном. Я не мог пройти сквозь них. Я не мог перескочить через них. Нечего было и пытаться.

Таков был грустный вывод, к которому я пришел. Снова мною начало овладевать безнадежное отчаяние.

К счастью, это недолго продолжалось, ибо мне пришли в голову мысли, которые побудили меня к дальнейшим действиям. На помощь пришла память. Я вспомнил, что когда-то читал книгу, в которой очень хорошо описывалось, как мальчик отважно борется с трудностями и не поддается отчаянию, как смелостью и настойчивостью преодолевает препятствия и добивается наконец успеха. Я вспомнил также, что

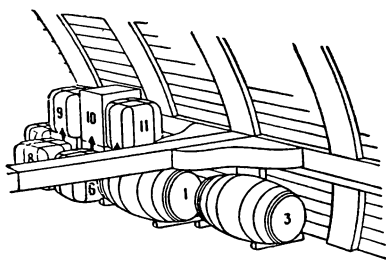

Со всех сторон тюки с полотном: сбоку от второго ящика с сукном (5) оказалось также полотно (8).

этот мальчик сделал своим девизом латинское слово «экспельсиор», что значит «всё выше» или «всё вверх».

Вспоминая, как боролся мальчик и как ему удалось победить трудности — а некоторые из них были так же велики, как и мои, — я решил сделать еще одно новое усилие.

Думаю, что именно странное слово «экспельсиор» зародило во мне эту мысль, потому что я перевел слово буквально. «Все вверх, — повторял я, — надо искать наверху. Почему до сих пор это не пришло мне в голову? И в том направлении может быть пища, так же как

Я устремился вверх, но над вторым ящиком с сукном встретил опять тую с полотном (9): такой же тую (11) полностью закрывал ящик с галетами, а над первым ящиком с сукном я обнаружил третий ящик с сукном (10).

в любом другом». Да выбора почти и не было, потому что другие направления я уже испробовал. Итак, я решил искать наверху.

В следующую минуту я уже лежал на спине, с ножом в руках. Я подпер себя несколькими рулонами материи, чтобы удобнее было работать, и, ощупав одну из досок верхней крышки ящика из-под

полотна, начал резать ее поперек.

После многих усилий доска поддавалась. Я рванул ее вниз. О господи! Неужели все мои надежды должны рушиться?

Увы! Это было именно так. Плотный, грубый холст, а за ним тяжелая, холодная масса полотна — вот все, что я опять нашел.

Теперь оставалась только верхняя часть первого ящика из-под сукна и крышка ящика с галетами. Надо надрать последнее усилие... Над первым ящиком находился еще ящик с сукном, а верхушку второго полностью закрывал тую с полотном.

— Милосердный боже, неужели я погиб?!

Вот все, что я мог сказать, и впал в полное забытие.

Я заснул от усталости и длительного напряжения сил. Проснувшись, я почувствовал себя гораздо бодрее. Странно, что мне стало веселее и я не так отчаивался, как раньше. Казалось, меня поддерживала какая-то сверхъестественная сила — ведь обстоятельства насколько не изменились, то есть не изменились к лучшему, и никакой новой надежды или плана у меня не возникло.

Было ясно, что мне не удастся проникнуть за ящики с сукном и полотном, — у меня ведь не было места, куда выкладывать из них материю. Поэтому я перестал и думать о них.

Но существовали еще два направления: одно — прямо, другое — налево, то есть к носу корабля.

Впереди стояла большая бочка с водой, и, конечно, через нее никак нельзя было пробраться. Пришлось бы выпустить всю воду. Одно время я думал, что можно проделать отверстие выше уровня воды, влезть в бочку, просверлить второе отверстие и пролезть через него. Я знал, что в бочке воды не больше чем наполовину, потому что в последнее время из-за жары я, не стесняя себя, пил много воды. Но я боялся, что из-за этого большого отверстия я могу потерять всю воду за одну ночь. Вдруг налетит внезапный шквал, какие уже бывали не раз, и корабль начнет качаться. При этом валкое судно накренился набок, что уже с ним случалось, бочка перевернется, и вода из нее выльется — драгоценная влага, мой лучший друг, без которого я бы давно погиб.

Я подумал и решил не трогать бочку. Оставалась еще другая и более легкая возможность продвигаться — через бочонок с бренди.

Этот бочонок лежал, повернутый ко мне кондом, и, как я уже говорил, замыкал вход ко мне с левой стороны. Его верхушка, или днище, приходилась как раз рядом со стенкой бочки с водой. Но бочонок лежал так близко к борту корабля, что за ним вряд ли оставалось

пустое место. Именно поэтому почти половина его диаметра была скрыта за бочкой с водой, а другая половина образовала естественную стену моего убежища.

Вот через эту-то свободную половину бочонка я и решил прокладывать дорогу, а потом, забравшись в бочонок, просверлить вторую дыру, которая откроет мне путь через его противоположную сторону.

Может быть, за бочонком с бренди найдется пища, которая сохранит мне жизнь? Предположение не было основано ни на чем, но я молился за успех.

Плотное дубовое дерево, из которого были сделаны клепки бочонка, уступало ножу куда хуже, чем мягкая ель ящиков. Однако начало было положено уже раньше — я ведь когда-то проделал дырку в этом месте. Я ввел в нее нож и трудился, пока не прорезал одну из досок днища поперек. Тогда я надел башмаки, лег на спину и стал изо всех сил бить по днищу каблуками, стуча, как механический молот. Дело было нелегкое: дубовая доска, крепко стиснутая соседними досками, сопротивлялась долго. Но я настойчиво продолжал колотить по доске — крепления наконец ослабли, и я почувствовал, что дерево поддается. Еще несколько сильных ударов довершили дело, и доска провалилась внутрь.

Немедленно меня окатил с ног до головы мощный поток вина. Оно било не струей, а именно потоком! Прежде чем я успел вскочить на ноги, меня затопило бренди, и я испугался, что утону в нем. Каморка сразу наполнилась. И только потому, что я прижал голову к верхним балкам трюма, бренди не залило мне рот, не то я захлебнулся бы. Оно все же попало мне в горло и глаза — я ослеп и оглох. Только спустя некоторое время мне удалось избавиться от приступа чихания и кашля.

Я вовсе не был склонен веселиться по этому поводу, но я почему-то вспомнил о герцоге Кларенсе, который когда-то выбрал странный род смерти: он пожелал, чтобы его утопили в бочке с мальвазией¹.

¹ Мальвазия — сорт ликерного вина. Герцог Кларенс, брат английского короля Эдуарда IV, по преданию, был утоплен в бочке с мальвазией. На самом деле он был тайно казнен в 1478 году.

Меня окатил мощный поток бренди.

Впрочем, наводнение кончилось так же быстро, как началось. Под полом было достаточно места, и в несколько секунд вино ушло вниз, растворилось в трюмной воде, оставшись там до конца путешествия. Только платье мое промокло, да в воздухе остался сильный запах алкоголя, из-за которого трудно было дышать.

Нос корабля в ту минуту как раз поднимался на волну — бочонок накренился, и это движение в десять минут опорожнило его до единой капли.

Я не стал больше дожидаться.

Отверстие, которое я проделал, было достаточно, чтобы влезть туда, и, кончив чихать и кашлять, я залез внутрь бочонка.

Первым делом я постарался нащупать втулку: я считал, что от нее легче будет начинать резать клепки.

Я легко нашел ее. К счастью, она была не наверху, а сбоку, на подходящей высоте.

Я закрыл нож и стал бить по втулке черенком. После нескольких ударов я вышиб ее наружу и принялся резать клепку.

Не сделал я и дюжины надрезов, как почувствовал, что силы мои удивительно возросли. Раньше я чувствовал сильную слабость, а теперь готов был рвать дубовые клепки голыми руками. Настроение вдруг поднялось, как будто я занимался не серьезным делом, а игрой, исход которой не имел особого значения. Кажется, я пасвистывал и, возможно, даже пел. Я совершенно забыл, что нахожусь в смертельной опасности, и мне казалось, что все минувшие страхи просто плод моего воображения: то ли я их придумал, то ли видел во сне.

Тут меня внезапно охватила мучительная жажда, и, мне помнится, я барахтался в бочонке, стараясь вылезть наружу, чтобы выпить воды.

Кажется, я действительно вылез, но не уверен, пил ли я воду. Вообще с этого момента я ничего не помню, потому что неожиданно впал в бессознательное состояние.

НОВАЯ ОПАСНОСТЬ

Я оставался без сознания несколько часов, и мне даже не снились, как всегда, мучительные сны. Я не спал, но чувствовал себя так, как будто меня бросили с земли в бесконечное пространство и я быстро лечу вперед или падаю с большой высоты и не могу ни до чего долететь. Это было пренеприятное ощущение — скорее всего, чувство ужаса.

К счастью, оно продолжалось недолго. Когда я попытался приподняться, ощущения мои стали не так мучительны и наконец прошли совсем. Но теперь меня тошнило и голова раскалывалась от боли. Неужели опять морская болезнь? Нет, не может быть! Я больше не страдал морской болезнью. Даже бури я переносил довольно легко, да на море и не было никакого волнения. Дул ветер, но не сильный, и корабль шел спокойно.

Неужели это неожиданный и жестокий приступ лихорадки? Или я упал в обморок от истощения? Нет, у меня уже бывало и то и другое, но новое ощущение не было похоже на прежние.

Я терялся в догадках. Впрочем, скоро мысли мои прояснились, все стало понятно: я был пьян!

Да, я был в состоянии опьянения, хотя ни вина, ни водки не пробовал — ни глотка. Я очень не любил их. Хотя здесь полно бренди — вернее, было полно, потому что оно все ушло под пол, — и я мог утонуть в нем, но я не выпил ни капли. Правда, мне в рот могла попасть капелька или крошечный глоток, когда меня окатило потоком из бочонка. Но от такого количества нельзя опьянеть, даже если бы это был крепкий спиртной напиток. Невозможно! Я опьянел не от этого. От чего же? Ведь от чего-то я стал пьян! Хотя это случилось со мной первый раз в жизни, но я знал, что у меня были все признаки опьянения.

Продолжая размышлять, то есть становиться трезвее, я начал понимать, в чем тут загадка, и наконец раскрыл причину своего опьянения. Не бренди, а пары бренди — вот причина, и ничего более!

Прежде чем влезть в бочонок, я уже ощущал какую-то перемену в своих чувствах, ибо пары спиртного напитка еще снаружи заставили меня чихать. Но это было еще ничего по сравнению с испарениями, которые я вдыхал внутри бочонка. Поначалу я едва мог дышать, но постепенно привык и даже начал находить в них что-то приятное.

Неудивительно, что я сразу приободрился и повеселел.

Продолжая обсуждать происшествие, я вспомнил, что выбрался из бочонка, что жажда заставила меня вылезть. Как хорошо, что я последовал зову жажды! Если бы я остался в бочонке, последствия могли бы стать для меня гибельными. Каков бы ни был исход, он был бы для меня роковым. Скорее всего, я бы остался пьяным — как мог я протрезветь там? Мне становилось бы все хуже и хуже, пока... пока я не умер бы! Кто знает? Простая случайность спасла мне жизнь.

Утолил я жажду раньше или нет, во всяком случае, теперь мне так хотелось пить, что, казалось, я смогу выпить всю бочку до дна. Я немедленно нащупал и наполнил водой свою чашку и не отрывался от нее, пока не выпил чуть не полгаллона.

Мне стало значительно лучше, мозги прояснились, словно промылись водой. Придя в себя, я снова вернулся к размышлениям об опасностях, которые меня окружали.

Прежде всего я подумал о том, как мне продолжить работу, которую я так внезапно прервал. Мне казалось, что я не в состоянии буду взяться за нее снова. Что, если со мной опять произойдет то же самое, если я потеряю способность соображать и не смогу совладать с собой, чтобы выбраться из бочонка?

Быть может, надо работать, пока я не почувствую, что снова пьянею, и тогда поспешно вылезть обратно? А если я не успею и опьянение придет внезапно? Сколько я пробыл в бочонке до того, как со мной случилась эта история, я не мог припомнить. Но я отлично помнил, как это состояние овладело мной, — плавно, мягко, словно окутывая меня прекрасным сновидением, как

я перестал думать о последствиях и забыл даже о всех опасностях, угрожавших мне.

Что, если все это повторится и тот же спектакль разыграется заново, только без одного эпизода: жажда не заставит меня покинуть бочонок. Что тогда будет? Я не мог никак ответить на этот вопрос. Опасения, что все повторится сначала, были так сильны, что я боялся снова влезть в бочонок.

Впрочем, выхода не было. Я должен сделать это или умереть, не двигаясь с места. «Если уж моя судьба — умереть, — думал я, — так лучше умереть от опьянения». Теперь я убеждался на опыте, что такая смерть безболезненна.

Подобные рассуждения прибавили мне мужества — все равно у меня не было выбора и я не мог избрать другой план. Я влез обратно в бочонок.

Глава L

ГДЕ МОЙ НОЖ?

Вернувшись в бочонок, я стал ощупью искать свой нож. Я не запомнил, куда его положил. Искал я его снаружи, но безуспешно и решил, что он остался в бочонке. Я очень удивился тому, что не могу его нащупать, хотя обшарил пальцами всю внутреннюю сторону бочонка.

Я начал беспокоиться. Если нож пропал, то все мои надежды на спасение рухнули. Без ножа я не смогу никуда пробиться и должен буду лежать без дела и ждать, пока свершится моя судьба. Куда мог деться нож? Неужели его утащили крысы?

Я собирался было еще раз вылезть наружу, когда мне пришлось в голову ощупать отверстие, над которым я работал, когда в последний раз держал в руках нож. Может быть, он там? К величайшей моей радости, он там и был — он торчал в клепке, которую я собирался разрезать.

Я тут же взялся за работу и принялся расширять отверстие. Но лезвие ножа от долгого употребления

иступилось, и резать крепкий дуб было все равно, что долбить камень. Я работал четверть часа и за это время не сделал надреза глубиной и в восьмую дюйма. Я начал терять надежду проделать дыру в клепке.

У меня снова появилось странное ощущение в голове, хотя я мог еще оставаться на месте некоторое время, — таково обычно действие опьянения. Но я обещал самому себе, что при малейшем его признаке уйду из опасного места. К счастью, у меня хватило решимости выполнить обещание, и я вовремя выбрался к бочке с водой.

Я сделал это очень своевременно. Останься я в бочонке с бренди еще десять минут, я бы, конечно, потерял сознание: я опять начал чувствовать опьянение.

Но когда действие алкоголя прекратилось, я почувствовал себя еще несчастнее, чем раньше: я понял, что из-за этого препятствия рушатся последние надежды. Я убедился, что могу работать, только делая перерывы, но приходилось работать подолгу: с тупым лезвием я немногого мог добиться. Пройдет несколько дней, прежде чем я прорублю стенку бочонка. А я не мог ждать нескольких дней. Запас крошек уменьшался катастрофически. В сущности, у меня оставалась одна горсть крошек. Я и трех дней не проживу! Шансы спастись становились всё меньше, и я снова был близок к полному отчаянию. Если бы я знал наверно, что за бочонком меня встретит новый запас пищи, я бы работал с большей настойчивостью и энергией. Но это было сомнительно. Десять шансов против одного, что я не найду ни ящика с галетами, ни вообще чего-нибудь съедобного.

Единственный выигрыш от того, что я взломал бочонок с бренди, был выигрыш в пространстве.

Если я проберусь дальше, за бочонок, и там не найдется пищи, то я смогу перенести какой-нибудь предмет внутрь бочонка и очистить себе дорогу для дальнейших поисков.

Дело принимало новый оборот. Но тут еще лучшая идея озарила мой мозг и придала моим мыслям радостный оттенок. Вот что я придумал: если я легко прокла-

дываю дорогу от ящика к ящику, почему бы не проложить ход наверх и не добраться до палубы?

Мысль эта меня поразила. До сих пор она, как ни странно, ни разу не приходила мне в голову. Я объясняю это подавленным состоянием, в котором долго находился и при котором такая попытка показалась бы невозможной.

Правда, наверху огромное количество ящиков, один на другом. Они заполняют весь трюм, на дне которого я нахожусь. Я вспомнил и то, что в свое время так меня удивило: что погрузка шла необыкновенно долго — она продолжалась два дня и две ночи. Теперь все понятно. Весь огромный груз должен быть надо мной. Если считать, что там около десятка ярусов и что я могу в день пройти только через один ярус, то это составит десять дней работы — и я окажусь под палубой!

Эта отрадная мысль была бы совсем хороша, приди она мне в голову раньше, но теперь она сопровождалась величайшими сожалениями. Не слишком ли поздно я додумался, как спастись? Не глупо ли вел себя до сих пор? Будь у меня ящик с галетами, я бы легко мог привести этот план в исполнение, но теперь... увы, остались жалкие крошки! Нет, план был безнадежный.

Но все-таки я не мог отказаться от прекрасной надежды завоевать себе жизнь и свободу. Я отбросил все печальные сомнения и стал обдумывать дальнейшее положение.

Самое главное было выиграть время, и это беспокоило меня больше всего. Я боялся, что, прежде чем проделаю отверстие на другом конце бочонка, пища у меня кончится и силы оставят меня. Возможно, что я умру в самом разгаре работы.

Я погрузился в глубокое раздумье. И вдруг еще одна новая мысль зародилась у меня в голове. Это была очень неплохая мысль, хотя она может показаться ужасной тому, кто не голодал. Голод и страх смерти делают человека неприхотливым, а желудок уступчивым.

Я перестал быть разборчивым и не привередничал с едой. В сущности, я готов был съесть все, что годится в пищу. А теперь расскажу вам, что я придумал.

Глава LI

КРЫСОЛОВКА

Я уже давно не упоминал о крысах. Но не думайте, что они ушли и оставили меня в покое! Нет, они шныряли вокруг меня все так же проворно и суетливо. Нельзя было вести себя наглее! Они только не нападали на меня, но не замедлили бы напасть, если бы я не остерегался.

Что бы я ни делал, я прежде всего заботился о том, чтобы отгородиться от них стенами, построенными из рулонов материи. Только таким образом я держал их в отдалении. Переходя с места на место, я то и дело слышал их рядом и натыкался на них; два или три раза они меня кусали. Только моя исключительная бдительность и осторожность удерживали их от нападения.

По этому отступлению вы, конечно, догадаетесь, к чему я веду разговор, и поймете, что за мысль овладела мной. Мне пришло в голову, что, вместо того чтобы позволить крысам съесть себя, лучше я съем их сам. Да, вот к какому выводу привели меня размышления!

Мне вовсе не было противно думать о такой пище — и вам бы не было противно, если бы вы оказались в моем положении. Наоборот, я был очень доволен, что дошел до такой мысли, потому что с ее помощью мог осуществить свой план: добраться до палубы — другими словами, спасти свою жизнь. Больше того, я чувствовал себя уже спасенным. Оставалось только осуществить свое намерение.

Я знал, что крыс в трюме много; раньше количество их меня пугало, но теперь я относился к этому иначе. Во всяком случае, их достаточно, чтобы обеспечить мне провиант надолго. Вопрос был только в том, как их поймать.

Конечно, смело хватать их руками и душить, пока они не издохнут. Я уже пытался их ловить, но без успеха. Как вы знаете, я убил одну единственным способом, который имелся в моем распоряжении, и тем же способом я мог убить еще одну или двух, но это было все равно что ничего. Предположим, что я убью двух крыс,

остальные станут меня бояться и уйдут далеко в трюм. Следовало придумать, как их поймать побольше сразу и сделать запас пищи на десять — двенадцать дней. За это время я могу ведь наткнуться и на более подходящую пищу. Это будет умнее, да и надежнее. И я стал придумывать способ убить одним ударом несколько крыс.

Нужда порождает изобретения. Полагаю, что именно нужде, а не своему таланту я обязан тем, что придумал крысоловку. Это было простейшее приспособление, но я был уверен, что оно вполне подойдет. Следовало сделать большой мешок из сукна, что было очень легко: отрезать кусок материи надлежащей длины, сложить его и прошить бечевкой. Бечевки у меня было много, потому что рулоны материи были связаны крепким шпагатом, куски которого валялись рядом. Нож послужит мне вместо иголки, и при помощи этого же инструмента я протяну вокруг отверстия мешка кусок шпагата, чтобы затянуть мешок, когда попадет крыса.

Так я и сделал. Меньше чем через час у меня был мешок с веревкой вокруг отверстия — крысоловка была готова к употреблению.

Глава LII

ОДНИМ УДАРОМ

Я приступил к выполнению своего намерения. Я тщательно все продумал, приготовляя мешок. Теперь оставалось «поставить западню».

Сначала я убрал груды сукна, чтобы очистить место. Тут мне помог пустой бочонок из-под бренди — я наполнил его материей.

Я заткнул все щели и дыры, оставив только одну, самую большую, которой крысы обычно пользовались для посещений.

Перед этим отверстием я разложил мешок так, чтобы он покрыл его целиком, остальную часть мешка я растянул на палочках, которые сделал специально для этого,

придав им надлежащую длину. Встав на колени у самого отверстия мешка, я растянул его пошире, а веревку взял в руки, держа ее наготове. В таком положении я стал ждать появления крыс.

Я был уверен, что они войдут в мешок, потому что положил в него приманку. Приманка состояла из нескольких крошек — это были последние из моего запаса. Как говорят моряки, я «поставил на карту последний грош». Я рисковал всем. Если крысы съедят крошки и убегут, у меня не останется больше никакой пищи.

Я знал, что грызуны не замедлят явиться, сомневался только, будет ли хороший «улов». Я боялся, что они начнут прибегать по одной и растащат всю приманку. Поэтому я истолок крошки в настоящий порошок. Я рассчитывал, что первые посетители задержатся и в мешок постепенно набьется множество крыс. Тогда я закрою им обратный путь, затянув веревку.

Мне повезло. Не больше минуты пришлось мне стоять на коленях: я услышал снаружи топот маленьких лапок и повизгиванье пронзительных голосов. В следующий момент мешок зашевелился у меня под руками — мои жертвы наполнили его. Толчки становились все более резкими, и я убедился в том, что крыс становится все больше и каждая старается пробиться к хлебному порошку. Они толкались, взбирались друг на друга и ссорились, яростно пища.

Настала решающая минута — я потянул веревку. В следующее мгновение я плотно затянул ее, и отверстие мешка наглухо закрылось.

Ни одна крыса не вышла обратно. Я с удовольствием установил, что мешок до половины заполнен этими свирепыми существами.

Однако я не мог терять времени на возню с ними.

Часть пола в моем помещении была совершенно ровная и прочная, это были твердые дубовые доски корабля. Я положил туда мешок с крысами, накрыл его доской и влез наверх, изо всех сил действуя коленями и придавливая крыс своей собственной тяжестью.

Крысы толкались, царапались, барахтались, кусались, и я слышал их вопли в мешке. Я не обращал на

них никакого внимания и продолжал давить крыс, пока подо мной не прекратилось движение и не наступило полное молчание.

Затем я открыл мешок и ознакомился с его содержанием. Я был вознагражден за массовое истребление своих врагов. В «крысоловке» находилось множество крыс, и все они были убиты!

Я пересчитывал их с большой осторожностью, вынимая одну за другой из мешка. Их было десять!

— Ага, — воскликнул я, обращаясь к крысам, — наконец-то я поймал вас, негодные твари! Это вам за то, что вы мучили меня! Если бы вы оставили меня в покое, вы избежали бы своей злой судьбы. Но вы не оставили мне никакого выбора. Вы сожрали мои галеты, и, для того чтобы спастись от голодной смерти, я вынужден есть вас!

Окончив свое обращение, я начал сдирать шкурку с одной из крыс.

Если вы думаете, что я чувствовал какую-нибудь брезгливость, то глубоко ошибаетесь. Да, голод сделал меня неразборчивым!

Я был так голоден, что не постарался даже как следует содрать шкурку. Через пять минут крыса была съедена.

Глава LIII

КРУГОМ!

Дела мои теперь решительно изменились к лучшему. Продовольственный склад наполнился пищей, которой хватит по меньшей мере на десять дней, потому что я принял решение съедать по одной крысе в день. Теперь я мог надеяться на выполнение своей задачи — задачи, которая до сих пор казалась мне невыполнимой, — положить дорожку к палубе.

«Если я буду съедать по крысе в день, — думал я, — то не только спасусь от смерти, но восстановлю свои силы. Регулярно работая десять дней подряд, я достигну верхнего яруса груза, наполняющего трюм. Может быть,

даже скорее! Чем скорее, тем лучше; но за десять дней я наверняка доберусь до верха, даже если между мной и палубой лежит десять этажей ящиков».

Таковы были новые надежды, воодушевлявшие меня после удачной охоты на крыс. Снова ко мне вернулись уверенность и хладнокровие, которых я уже давно не ведал.

Только одно обстоятельство смущало меня — бочонок из-под бренди. Теперь я уже не боялся, что работа в нем займет слишком много времени, ибо времени у меня было достаточно. Но я все еще опасался испарений алкоголя, которые внутри бочонка были всё так же крепки. Я опасался, что снова потеряю сознание, несмотря на мое решение быть настороже и не оставаться слишком долго в бочонке. Ведь когда я вторично влез туда, я едва успел выбраться обратно!

Все-таки я решил сопротивляться изо всех сил действию резкого запаха, царившего внутри бочонка, и отступить в ту минуту, когда почувствую, что больше не могу ему противостоять.

Хотя мне уже не приходилось так дорожить временем, как раньше, я не собирался тратить его попусту. Запив свой обед большим количеством воды из бочки, я вооружился ножом и направился к пустому бочонку, чтобы снова попытаться расширить отверстие.

Да, ведь бочонок полон материи! Увлечшись охотой на «дармоедов», я забыл, что засунул в пустой бочонок всю материю.

«Конечно, — думал я, — надо снова освободить бочонок, а то мне не хватит места для работы». Я отложил нож и стал вытаскивать рулоны.

За этим делом мне пришли в голову новые вопросы:

«Зачем я вытаскиваю материю из бочонка? Пусть она лежит там, где лежала. Зачем мне вообще нужен этот бочонок?»

Действительно, теперь незачем пробиваться в этом направлении. Раньше это имело смысл — там могла оказаться пища. Но теперь, для моего нового предприятия, вовсе не нужно было пролезать сквозь этот бочонок. Наоборот, это был самый неправильный путь.

Он ведь не вел к палубному люку, а мне нужно было именно туда прокладывать туннель. Я точно знал, где находится люк, потому что помнил, каким путем шел от люка к бочке с водой, когда впервые спустился в трюм.

Я тогда сразу повернул направо и по прямой линии пролез к бочке. Все эти подробности я отчетливо помнил и был уверен, что нахожусь где-то около середины корабля, в той стороне, которую моряки называют «штир-борт»¹. Идти через бочонок — значит уклоняться от главного люка, через который я попал сюда. Мало того, длительная работа над дубовой клепкой может привести к тому, что я задохнусь в испарениях алкоголя. Гораздо легче пробиться через еловые ящики, чем через дубовую бочку; да я уже и начал пробиваться в том направлении, то есть вправо. Обсудив все, включая опасности и трудности, я пришел к выводу, что через бочонок продвигаться не следует. И я повернул направо.

Перед тем как взяться за ящики, я снова уложил материю в бочонок. Я укладывал ее аккуратнейшим образом, рулон за рулоном, и придавливал, сколько у меня хватало сил.

Я догадался также спрятать убитых крыс в мешок и затянуть веревку. Ведь не все корабельные крысы были уничтожены, и я боялся, что собратья этих мерзких созданий могут возыметь намерение съесть своих товарищей. Я слышал, что у этих отвратительных животных бывают и такие повадки, и решил уберечь свой улов.

Когда все было сделано, я выпил чашку воды и забрался в один из пустых ящиков.

Глава LIV

ДОГАДКИ

Я находился в ящике из-под сукна, который стоял рядом с ящиком из-под галет. Я выбрал первый ящик отправной точкой для моего туннеля.

¹ Штирборт — правая сторона корабля, правый борт.

Вы думаете, что, забравшись в него, я сразу приступил к работе? Нет! Я довольно долго лежал не шевелясь. Но я не бездействовал, а усиленно думал.

План, который я только что составил, пробудил во мне новую энергию. Надежда на спасение овладела мной сейчас так сильно, как никогда с самого начала моего заточения. Перспективы открывались превосходные. Обнаружив в свое время бочку с водой и ящик с галетами, я испытал, правда, огромную радость — я убедился в том, что мне хватит пищи и питья до конца путешествия. Но впереди было тюремное заключение — мне предстояло претерпеть месяцы молчания и мрачного одиночества!

Теперь все шло по-другому. Если судьба мне улыбнется, то через несколько дней я увижу сияющее небо, вдохну в себя чистый воздух, увижу лица людей и услышу сладчайшие из всех звуков — голоса моих собратьев.

Я чувствовал себя как путник, который после долгого странствования по пустыне видит на горизонте признаки жизни цивилизованных людей: темные очертания деревьев, голубой дымок, поднимающийся над дальним очагом... Все это порождает в нем надежду, что скоро он вернется в среду своих товарищей.

Такая надежда была и у меня. С каждой минутой она становилась все сильнее и превращалась в уверенность.

Именно эта уверенность, может быть, и удерживала меня от слишком поспешного выполнения плана. Дело было слишком серьезно, чтобы относиться к нему легкомысленно и осуществлять его поспешно и небрежно. Могли возникнуть непредвиденные обстоятельства, из-за пустого случая все могло провалиться.

Чтобы избежать этого, я решил действовать с величайшей осторожностью и, перед тем как приступить к делу, обдумать всё самым тщательным образом.

Одно было ясно — моя задача была совсем не легка. Я уже говорил, что находился на дне трюма, а я прекрасно знал, каким глубоким может быть трюм на большом корабле. Я вспомнил, что скользил по канату очень

долго, пока добрался донизу. И когда после этого взглянул наверх, то увидел отверстие люка высоко над собой. Если все это пространство загружено товарами — а это, без сомнения, так и есть, — то предстоит проделать длинный туннель.

Кроме того, я буду прокладывать себе дорогу не только вверх, но и по направлению к люку, то есть придется пройти и половину ширины судна. Последнее меня не очень беспокоило, я знал, что все равно не удастся двигаться по прямой линии, потому что на пути непременно будут встречаться различные грузы. Придется обходить тюки с полотном или другими твердыми предметами такого рода. И каждый раз надо будет решать, двигаться вверх или в горизонтальном направлении, то есть выбирать то, что полегче.

Таким образом, я буду как бы подниматься по ступенькам, все время направляясь к люку.

Однако ни число ящиков, ни расстояние до палубы не беспокоило меня так сильно, как характер товаров, заключающихся в этих ящиках. Вот мысль, которая занимала меня больше всего, потому что трудности могут увеличиться или уменьшиться в зависимости от того, какие материалы придется убирать с пути. Некоторые товары, будучи распакованы, увеличиваются в объеме, и, если я не сумею их уплотнить, мне будет угрожать недостаток пространства для работы. В сущности, это было худшее из моих опасений. Я уже раз испытал, что это за несчастье, и если бы не удача с бочонком изпод бренди, то все мои вынешние планы оказались бы невыполнимыми.

Больше всего я боялся полотна. Оно «непроходимо», а если его вынимать кусками, то сложить обратно почти невозможно. Оставалось надеяться, что среди груза немного этой прекрасной и полезной ткани.

Я передумал о множестве вещей, которые могли находиться в большом деревянном хранилище «Инки». Я даже старался припомнить, что за страна Перу и какие товары туда возят из Англии, но так ничего и не вспомнил — я ведь был полным невеждой в области экономической географии. Одно было ясно: я мог встре-

тить на своем пути любые товары, производимые в наших крупных промышленных городах. Около получаса я провел в размышлениях такого рода и убедился в их полной бесполезности. В лучшем случае это догадки. Нельзя определить, «какой металл находится в земле, пока его не тронешь ломом».

Пора было приступить к работе. Отбросив всякие рассуждения и домыслы, я начал осуществлять свою задачу.

Глава LV

Я МОГУ СТОЯТЬ ВО ВЕСЬ РОСТ!

Вы, конечно, помните, что при моей первой экспедиции в ящики с материей, когда я надеялся найти галеты или что-нибудь съестное, я обследовал и те грузы, которые их окружали, и те, которые были размещены над ними. Вы помните также, что сбоку от первого ящика, ближе к главному люку, я нашел тюк с полотном; над этим ящиком был еще один такой же ящик с материей. В последнем ящике я уже проделал отверстие, поэтому мог считать, что путь вверх мной начат. Опустошив верхний ящик, я поднимаюсь на одну ступень в нужном направлении. Я уже раньше пробил одну сторону первого ящика и прилегающую к нему сторону второго, — значит, время и труд, ушедшие на это дело, не потеряны напрасно. Теперь оставалось только вытащить рулоны материи из верхнего ящика и сложить их позади.

Задача была не из легких. Мне снова пришлось пройти через те трудности, что и раньше. Трудно было отделить рулоны друг от друга и стащить их с мест, где они были тщательно уложены. Однако я справился с ними. Я вынимал их по одному и относил — вернее, оттаскивал — в самый дальний угол моего помещения, возле бочонка из-под бренди. Там я их приводил в порядок, не как-нибудь, небрежно, а с величайшим старанием, чтобы они занимали поменьше места и не оставалось пустых углов между ними и балками трюма — углов, в которых могли притаиться крысы.

Впрочем, я об этом теперь не очень-то беспокоился. Я больше не думал о крысах. Я знал, что они находятся где-то по соседству, но мой последний кровавый «набег» нагнал на них страху. Отчаянные вопли крыс, попавших в мою ловушку, разнеслись по всему трюму и послужили хорошим предупреждением для остальных. Без сомнения, то, что они слышали, сильно напугало их. Убедившись, что я опасный сосед, они уступили мне господство над трюмом на весь остаток путешествия.

Поэтому не боязнь крысиного нашествия заставила меня закупорить все лазейки, а просто экономия пространства, потому что, как я уже говорил, именно этот вопрос внушал мне самые большие опасения.

Итак, работая усиленно и осторожно, я очистил наконец верхний ящик и сложил его содержимое позади себя. Теперь я был вполне уверен, что сохранил максимум ценнейшего для меня пространства.

Результат работы меня приободрил, и я пришел в прекрасное настроение, какого у меня уже давно не было. С веселым сердцем поднялся я в верхний ящик — в тот, который только что опорожнил, — и, положив доску поперек отверстия на дне, сел на нее, свесив ноги. В таком новом для меня положении я мог сидеть выпрямившись, отчего испытывал величайшее удовольствие. Я долго находился в помещении высотой немного более трех футов — а во мне было роста четыре фута — и вынужден был стоять наклонившись или сидеть, согнув колени и упрятав в них подбородок. Это небольшие неудобства, когда их испытываешь недолго, но когда они затягиваются, начинаешь утомляться и чувствуешь боль во всем теле. Поэтому возможность сидеть, выпрямив спину и вытянув ноги, была для меня не только отдыхом, но и роскошью. Больше того, я мог даже стоять во весь рост, потому что проломленные ящики соединялись между собой и от дна одного до крышки другого было полных шесть футов.

Я недолго оставался в сидячем положении. Я встал во весь рост и сразу заметил, как приятно так отдыхать. Обычно люди отдыхают сидя, я же делал это стоя. И в этом нет ничего странного, если вспомнить, сколько

долгих дней и ночей я провел сидя или стоя на коленях. Я был счастлив занять то гордое положение, которое отличает человека от других существ. Я чувствовал, что возможность стоять во весь рост — это подлинное наслаждение, и довольно долго оставался в этом положении, не шевеля ни одним мускулом.

Но я не терял времени даром. Мозг мой, как всегда, работал. Я думал о том, какое избрать направление для туннеля: прямо вверх, через крышку вновь очищенного ящика, или через тот его конец, который находился в стороне люка? Мне приходилось выбирать между горизонтальным и вертикальным направлением. Каждое имело свои преимущества — преимущества, которые противоречили друг другу. Взвесить все это и окончательно определить, в каком направлении мне продвигаться, было так существенно, что прошло порядочно времени, прежде чем я мог сделать заключение и определить, каковы будут мои дальнейшие планы.

Глава LVI

ОЧЕРТАНИЯ КОРАБЛЯ

Было одно соображение, по которому мне следовало продвигаться вверх, через крышку ящика. Избрав это направление, я скорее достигну верхнего яруса груза; там я могу отыскать свободное пространство между грузом и палубой и пройти к люку. Туннель будет меньше, ибо вертикальная линия короче, чем диагональная, направленная прямо к люку. В сущности, каждый фут, пройденный по горизонтали, можно считать не пройденным вовсе, потому что после этого все равно нужно будет еще подниматься по вертикали.

Весьма возможно, что между грузом и бимсами, на которых лежит палуба, есть пустое пространство. Рассчитывая на это, я намеревался двигаться по горизонтали только в том случае, если меня вынудит к этому какое-нибудь препятствие, которого я не сумею одолеть. Но все-таки я решил начать работу именно по

Я мог встать во весь рост.

горизонтали по трем причинам. Во-первых, доски боковой стенки ящика почти совсем отошли, и их легко было выломать. Во-вторых, просунув нож через крышку, я нащупал мягкий, но упругий материал, очень похожий на ужасные тюки, которые уже раньше мешали мне и которые я всячески проклинал.

Я совал нож в трещину в разных местах и везде наткался на что-то, явно напоминающее тюк с полотном. Я попробовал конец ящика — там клинку сопротивлялось дерево. Это, видимо, была ель, из которой были сделаны и другие ящики. Но будь это даже самое твердое дерево, я бы сладил с ним скорее, чем с полотном. Уже этого было достаточно, для того чтобы выбрать горизонтальное направление.

Но у меня имелось еще и третье соображение.

Это третье соображение нелегко понять тому, кто незнаком с устройством трюмов на кораблях, то есть на кораблях того времени, а это было много лет назад. Для кораблей, построенных иначе, — в частности, для тех, которые мы научились строить у американцев, — это соображение неприменимо.

Для того чтобы вы могли понять все это, придется пуститься в подробности. Но в то же время, уклонившись немного от нити повествования, я надеюсь, мои юные друзья, преподать вам урок политической мудрости, который может быть полезен и вам, и вашей стране, когда вы вырастаете и сумеете им воспользоваться.

Я являюсь сторонником теории, или, вернее сказать, я уже давно осознал тот факт (потому что здесь нет никакой теории), что изучение того, что обычно называют «политическими науками», есть самое важное из всего, что когда-либо занимало внимание людей. Эта область охватывает все сферы жизни и оказывает влияние на всю общественную жизнь. Любое из искусств, наук и ремесел связано с нею, и от нее зависит их успех или неудача. Даже сама мораль есть не более как производное от политического устройства, и преступление есть следствие плохой организации общества. Политическое устройство страны есть основная причина ее благосостояния или нищеты. Никогда еще правительство

не делало ничего, хотя бы похожего на справедливость. Отсюда — нет такого народа, который был бы когда-нибудь счастлив! Бедность, нищета, преступление, вырождение — вот судьба большинства во всех странах!

Итак, как я уже сказал, законодательство страны — другими словами, ее политическое состояние — распространяется на всё. Сюда относится и корабль, на котором мы плывем, и повозка, в которой мы едем, и орудия нашего труда, и утварь, которой мы пользуемся в наших жилищах, и даже удобства самих жилищ. Но еще важнее то, что они влияют на нас самих — на наши тела и склонности наших душ. Росчерк пера деспота или глупое постановление парламента, которые, как кажется, не имеют личного отношения к кому бы то ни было, на самом деле могут оказать косвенное и невидимое влияние, которое в течение жизни одного поколения делает народ безнравственным и подлым.

Я бы мог доказать то, что я заявляю, с математической точностью, но у меня нет на это времени. Хватит того, что я приведу вам один пример. Вот послушайте!

Много лет назад британский парламента утвердил закон об обложении налогом судов, пбо и суда, как и все остальное, должны платить за право существования. Возник вопрос, как распределить этот налог. Вряд ли было бы справедливо заставить владельца маленькой шхуны платить такие же громадные суммы, какие должен вносить владелец большого корабля в две тысячи тонн. Это уничтожило бы все прибыли мелкого судовладельца и разорило бы его вконец. Как же можно было выйти из этого затруднения? Нашлось разумное решение: брать налог с каждого судна в зависимости от его тоннажа.

Это предложение было принято. Но возникла другая трудность: как раскладывать налог? Ведь следует брать налог с объема корабля, а тоннаж — это вес, а не объем. Как же преодолеть эту новую трудность? Пришлось просто установить какую-то единицу объема, которая соответствует тонне веса, и потом уже измерить, сколько таких единиц вмещается в корабль. В сущности, дело свелось к измерению корабля, а не к весу.

Тогда решили мерить корабли определенным образом, чтобы установить их сравнительную величину. Это было очень точно подсчитано путем установления длины их киля, ширины бимсов и глубины трюма. Перемножив все это, мы получим сравнительную величину судов, если эти суда правильно построены.

Таким образом, был установлен закон, вполне подходящий для взимания налога, и вы, вероятно, подумаете (если вы не глубокий мыслитель), что этот закон никак не мог оказать дурное действие, разве только для тех, кто вынужден был платить налог.

Нет, дело обстоит иначе. Этот простой, с виду невинный закон причинил человеческому роду больше зла, расточил больше времени, отнял у него больше жизней и поглотил больше богатств, чем потребовалось бы на то, чтобы выкупить на свободу всех рабов, имеющих сейчас в мире.

Как это могло произойти? Не сомневаюсь, что вы спросите об этом с удивлением.

Это произошло просто потому, что не только остановился всякий прогресс и усовершенствования в области судостроения — а это одно из самых важных искусств, которыми владеет человек, — оно было отброшено назад на сотни лет. А беда приключилась вот как: владелец нового корабля, не имея никакой возможности обойти тяжелый налог, старался уменьшить его насколько возможно, ибо такие печестные приемы являются постоянным и естественным результатом переобременения налогами. И вот владелец отправляется к судостроителю. Он приказывает построить корабль с такими-то и такими-то размерами киля, бимсов и глубины трюма — другими словами, с таким тоннажем, который соответствует определенному уровню налога. Но он не останавливается на этом. Он требует от строителя, чтобы тот, по возможности, построил судно такого объема, который на треть превысил бы законный тоннаж, с которого уплачивается налог. Это облегчит ему выплату налога и поможет обмануть правительство, наложившее такую тяжелую дань на его предприятия.

Можно ли построить корабль, который ему нужен? Вполне! И судостроитель знает, как это сделать. Для этого нужно круто выгнуть носовую часть судна, сделать его сильно выпуклым по бортам, расширить корму и, в общем, придать ему такую нелепую форму, что оно будет двигаться медленно и станет могилой для многих злополучных моряков. Да, строитель не только знает, как это сделать, — повинаясь воле судовладельца, он строил подобные суда так долго, что сам уверился, будто эта неуклюжая конструкция есть правильно построенный корабль, и теперь уже не хочет и не может построить судно по-другому. Еще более грустно, что эта неповоротливая форма корабля так запечатлелась у него в мыслях, так засела в голове, что, когда глупый закон будет отменен, понадобятся долгие годы, чтобы заставить его отказаться от хитрости и обмана. В сущности, надо дожидаться, чтобы подросло новое поколение судостроителей, и тогда у нас начнут строить суда правильной и удобной формы...

Теперь вы поймете, что я имею в виду, когда утверждаю, что политические науки есть самое важное из всего, что должно занимать внимание людей.

Глава LVII

СЕРЬЕЗНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Добрый корабль «Инка», как и многие другие, был построен по приказу владельца-купца. Он имел «выпяченную грудь» и по бокам выдавался таким образом, что трюм его был шире бимсов. А если вы посмотрите вверх со дна трюма, то увидите, что его бока изгибаются и сходятся над вашей головой, как крыша. Я знал, что «Инка» построен именно так, потому что все торговые суда строились по одному образцу, а я перевидал немало кораблей, заходивших к нам в бухту.

Я уже говорил, что, проверяя кончиком ножа содержимое груза, который находился над опустошенным мной ящиком, я нащупал что-то мягкое, похожее на

полотно. Потом я обнаружил, что тюк с полотном занимает только часть крышки верхнего ящика; около фута оставалось свободным с той стороны, где ящик прилегал к корпусу корабля. Я в двух местах просовывал кончик ножа сквозь щели, и оба раза он не встречал препятствий. Я решил, что там ничего нет и около фута пространства за тюком вовсе не заполнено.

Это легко объяснить. Тюк лежал на двух ящиках с материей и находился как раз в том месте, где борт корабля начинал загигаться внутрь; сверху он упирался в балки трюма, а нижний его угол, очевидно, отходил от обшивки примерно на фут. Так получился пустой треугольник, который годился только для мелких грузов.

Я рассудил, что, если идти вверх по прямой линии, в конце концов упрусь в борт корабля, который загигается все больше по мере приближения к палубе, и мне придется на пути встретить множество препятствий — мелких грузов, с которыми труднее справиться, чем с большими ящиками. Эти соображения, как и те, о которых я уже говорил выше, заставили меня окончательно принять решение сделать свой следующий шаг по горизонту.

Хорошенько отдохнув, я всунул руки в верхний ящик и, подтянувшись повыше, принялся за работу.

Я очень обрадовался, очутившись в этом верхнем ящике. Я оказался как бы во втором ярусе, на расстоянии шести футов от дна трюма. Я уже пробрался на три фута вверх — значит, на три фута ближе к палубе, к небу, к людям, к свободе!

Внимательно оглядев стенку ящика, в которой собирался проделать дыру, я, к полному своему удовольствию, увидел, что она держится очень плохо. Просунув нож сквозь щель, я убедился вдобавок, что соседний ящик отстоит на несколько дюймов, потому что едва мог достать его кончиком лезвия. Это было явное преимущество. Достаточно нанести сильный удар или сделать толчок — и доска выпадет из ящика наружу.

Так я и сделал: надев ботинки, лег на спину и стал выбивать дробь каблуками.

Раздался скрежет, гвозди подались; еще толчок — доска вылетела и провалилась в промежуток между ящиками, куда я не мог достать.

Я немедленно просунул руки в новое отверстие, пытаясь определить, что там лежит дальше. Но хотя я нащупал шершавые доски ящика, я не в состоянии был понять, что там за груз.

Я вышиб вторую доску, потом третью, то есть последнюю, — и одна из сторон ящика оказалась открытой.

Это давало мне возможность хорошо обследовать то, что стояло дальше, и я стал продолжать свои розыски. Но, к моему удивлению, я увидел, что шершавая деревянная поверхность тянется во все стороны на большое расстояние. Она поднималась, как стена, вверх и уходила в стороны так далеко, что, как я ни вытягивал руки, я не мог достать до края или до угла.

Видимо, это был ящик иной формы и величины, чем те, которые мне встречались до сих пор, по я не имел ни малейшего представления о том, что в нем содержится. В нем не могло быть шерстяной материи, а то он был бы похож на другие ящики. Не могло в нем быть и полотна — последнее меня даже утешало.

Чтобы узнать, что это такое, я просунул клинок в щели крепкой сосновой доски. Там было что-то вроде бумаги. Но это была только упаковка, потому что дальше клинок наткнулся на нечто твердое и гладкое, как мрамор. Нажав посильнее, я почувствовал, что это, однако, не камень, а дерево, но очень твердое и к тому же с хорошо отполированной поверхностью. Я ударил ножом, и в ответ послышалось странное эхо, какой-то долгий звенящий звук, но я так и не мог понять, в чем тут дело. Оставалось только взломать ящик, и тогда я, может быть, получше ознакомлюсь с его содержимым.

Я поступил так же, как раньше: выбрал одну из стенок большого ящика и стал резать ее ножом посередине. Она оказалась шириной дюймов в двенадцать, и работа заняла много часов. Нож мой сильно затупился, и работать стало труднее.

Наконец я справился и с этой доской. Отложив нож, я принялся отгибать отрезанный конец. Пространство

между двумя ящиками позволило распатать доску настолько, что гвозди на ее концах вылетели и сама доска под конец упала вниз.

Так же я поступил и со второй ее половиной. Теперь в большом ящике открылось отверстие, достаточное, чтобы исследовать его содержимое.

По твердой и гладкой поверхности какого-то предмета были разостланы листы бумаги. Я вытащил бумагу, очистил эту поверхность и провел по ней пальцами. Это было дерсво, настолько гладко отполированное, что поверхность его казалась стеклянной. На ощупь она походила на поверхность стола из красного дерева. Я бы так и остался при убеждении, что это стол, но, когда я постучал по нему суставами пальцев, снова раздался тот же звенящий гул. Я ударил посильнее — и получил в ответ долгий вибрирующий музыкальный звук, напоминающий эолову арфу. Теперь я понял, что большой предмет — это фортепиано. Я уже был знаком с этим инструментом. Он стоял в углу нашей маленькой гостиной, и моя мать извлекала из него прекрасные звуки. Да, предмет с гладкой поверхностью, загородивший мне дорогу, был не что иное, как фортепиано.

Глава LVIII

В ОБХОД ФОРТЕПИАНО

Я убедился в этом без особого удовольствия. Без сомнения, фортепиано на пути моего продвижения представляло серьезное препятствие, если не полную преграду. Очевидно, это было большое фортепиано, намного больше того, которое стояло в гостиной в домике моей матери. Фортепиано стояло на боку, а крышка его была обращена ко мне; и по резонансу в ответ на мои удары я сразу определил, что оно сделано из красного дерева толщиной в дюйм, а то и больше. Притом дерево было цельное, так как на всем протяжении я не нашел ни одной щелки, чтобы проделать в нем дыру. Надо было прямо резать его и сверлить.

Даже если бы это была простая ель, мне пришлось бы основательно потрудиться с таким инструментом, какой у меня был в руках, а тут передо мной было красное дерево, очень прочное благодаря полировке и лаку.

Но предположим, что удастся проделать дыру в крышке фортепиано — труд тяжелый и утомительный, но возможный, — что тогда? Придется вынуть все его внутреннее устройство. Я очень мало разбирался в механизме таких инструментов. Я припоминал только множество кусочков из белой и черной слоновой кости и огромное количество крепких металлических струн. И какие-то планки, которые располагались то продольно, то поперечно, да еще педали — трудно будет все это разобрать и вынуть. Кроме того, имеются корпус из твердого красного дерева и стенка ящика на другой стороне, в которой надо проделать отверстие, чтобы вылезть наружу.

Но были и другие трудности. Если даже мне удастся разобрать внутренние части инструмента, вытащить их и сложить позади себя, найдется ли внутри фортепиано достаточно места, чтобы я смог просверлить его противоположную стенку и стенку ящика и дальше проделать себе вход в следующий ящик? Это было сомнительно.

Нет, впрочем, сомнений не было: ясно, что я этого не смогу сделать.

Трудность этого предприятия омрачила меня. Чем больше я о нем думал, тем меньше хотелось мне браться за него.

Наконец, подумав хорошенько, я отбросил эту мысль. Вместо того чтобы идти напролом через стену из красного дерева, я решил пуститься в обход.

Необходимость принять это решение немало меня опечалила — я потерял ведь полдня в работе над ящиком. И все это оказалось напрасным. Но делать было нечего. Не было времени на пустые сожаления. И, как генерал, осаждающий крепость, я решил начать с разведки, чтобы найти лучший путь для «охвата крепости с флангов».

Я был по-прежнему уверен, что надо мной находятся тюки с полотном, и это убеждение отбило у меня всякую охоту к работе в этом направлении. Оставалось выбирать между правой и левой стороной.

Я знал, что прокладка этих путей не даст никаких особенных преимуществ. Она ни на дюйм не приблизит меня к желанной цели. Когда я сделаю следующий шаг, я все равно буду только во «втором ярусе». Это было невесело — новая потеря времени и сил! Но я так боялся ужасного тюка с полотном!

Однако у меня теперь было одно преимущество: взломав боковую стенку ящика с материей, я обнаружил, как вы уже знаете, порядочное расстояние между ним и деревянной упаковкой фортепиано. Теперь я запущу туда руку по самый локоть и прощупаю соседние грузы.

Так я и сделал. С каждой стороны было по ящику. И каждый из них, как я заключил, был похож на тот, в котором я находился, — значит, это были ящики с материей. Отлично! Я так хорошо научился взламывать и опустошать тару этого рода, что считал такую работу пустяком. Я хотел бы, чтобы весь груз в трюме состоял из этого товара, создавшего славу западной Англии.

Размышляя так и ощупывая в то же время края ящиков, я случайно поднял руку, чтобы проверить, насколько тюк с полотном выдается над краем ящика. К моему удивлению, я увидел, что он не выдается вовсе! Я сказал «к моему удивлению», потому что при-вык, что тюки с полотном были примерно тех же размеров, что и ящики. Этот тюк был несколько сдвинут к стенке трюма и, следовательно, должен был торчать с другой стороны. Но он не торчал — ни на один дюйм. «Значит, — подумал я, — этот тюк меньше, чем другие».

Я решил обследовать тюк более тщательно. С помощью пальцев и лезвия ножа я убедился, что это вовсе не тюк, а деревянный ящичек. Он был покрыт сверху чем-то мягким, вроде войлока, — вот почему я ошибся.

Снова у меня возникла надежда проложить ход прямо вверх, по вертикали. Я быстро удалил войлочную упаковку и потом поступил с этим ящиком так же, как с другими.

Конечно, я больше не думал о кружных путях с правой или левой стороны — я сразу переменял планы и решил двигаться прямо вверх.

Не стану описывать, как я пробил себе дорогу в ящик, покрытый войлоком. Я прорезал и сорвал одну из досок на крышке ящика из-под материи. Около меня было свободное место, образованное выгибом борта, и мне было легко действовать клинком среди досок.

Вслед за первой доской последовала вторая, что далось без особого труда. И вот передо мной дно обернутого ящика. Я сорвал войлок и очистил дерево — это была обыкновенная ель.

Я недолго раздумывал.

Поскольку ящик лежал на расстоянии двенадцати дюймов от балок корабля, один из его углов был почти рядом со мной. Проведя рукой по нему, я нащупал шляпки гвоздей. Их было немного, и, казалось, они не слишком плотно заколочены. Я очень обрадовался, заметив, что здесь нет никаких железных скреп. Надо будет, пожалуй, вскрыть одну из досок, действуя ножом как рычагом, и это избавит меня от долгого, утомительного просверливания.

В ту минуту мне это казалось удачей, и я поздравлял себя с успехом. Увы! В действительности это было причиной большого несчастья, которое через пять минут бросило меня в бездну величайшего отчаяния и горя.

В нескольких словах объясню, что произошло.

Я подсунил лезвие ножа под доску. Я не думал взламывать ящик таким образом, я только хотел попробовать, насколько сильно доска будет сопротивляться, чтобы найти подходящий рычаг.

На свою беду, я слишком надавил на стальное лезвие — короткий, сухой звук потряс меня сильнее выстрела... нож сломался!

СЛОМАННОЕ ЛЕЗВИЕ

Да, лезвие сломалось и застряло между досками. Черенок остался у меня в руке. Я ощупал его большим пальцем — лезвие отломилось до самой пружины, так что в рукоятке осталось не больше десятой части дюйма.

Трудно описать, как огорчило меня это событие. Это было самое яжкое несчастье: что мне было делать без ножа?!

Я был теперь совершенно беспомощен. Я не мог продолжать прокладку туннеля — я должен забыть о попытке, на которую возлагал столько надежд. Другими словами, я должен был отбросить все планы дальнейшего продвижения и предаться ожидающей меня горестной судьбе.

Еще за минуту до этого я был полон уверенности, что смогу успешно продвигаться вперед, и радовался своим успехам. Неожиданное несчастье уничтожило все и бросило меня опять в мрачную бездну отчаяния.

Я долго колебался, не мог сосредоточиться... Что делать? Я не мог продолжать работу: у меня не было для этого никакого орудия.

Мысли мои блуждали. Я снова и снова водил большим пальцем по рукоятке ножа, нащупывая короткий кусок сломанного лезвия — вернее, только толстой его части, потому что лезвие, в сущности, отсутствовало целиком. Я делал это машинально, словно желая убедиться окончательно в том, что оно сломалось. Несчастье было внезапно — я с трудом мог поверить, что оно действительно произошло. Я был ошеломлен и несколько минут находился в состоянии полной растерянности.

Когда первое потрясение прошло, самообладание постепенно возвратилось ко мне. Убедившись наконец в реальности печального события, я стал соображать, нельзя ли что-нибудь сделать сломанным ножом.

Мне пришли в голову слова одного великого поэта, слышанные еще в школе: «Уж лучше сломанным оружием сражаться, чем голыми руками». Теперь я

Нож сломался...

применил к себе это мудрое изречение. Я решил, что надо обследовать лезвие. Черенок был у меня в руке, но клинок все еще торчал в углу ящика, в том месте, где он сломался.

Я вынул его и провел по нему пальцем. Он был цел, но — увы! — что делать с ним без рукоятки?

Я взял лезвие за толстый конец и попробовал, нельзя ли им резать без рукоятки. Оказалось, что можно, но с большим трудом. Лезвие, к счастью, было хорошее, очень длинное. Кое-что можно еще им сделать, если обернуть толстый конец тряпкой. Но работать им долго нельзя: это будет мучительный и долгий труд!

О том, чтобы вставить лезвие обратно в рукоятку, не могло быть и речи. Сначала я было подумал об этом, но потом понял, что тут есть затруднение, которое мне не преодолеть, — я ведь не мог соединить вновь лезвие с пружиной.

Если удалить пружину, черенок послужил бы еще в качестве рукоятки. Отломившийся конец лезвия можно легко вставить в щель черенка. У меня сколько угодно бечевки, и я мог бы крепко привязать лезвие. Но я не мог вытащить хорошо заклепанный зажим и ничего не мог сделать с пружиной.

Рукоятка теперь была мне нужна не больше, чем любой обыкновенный кусок дерева, — даже меньше, ибо как раз тут-то мне пришло в голову, что простой кусок дерева может быть полезнее. Если я найду подходящий кусок, то смогу сделать рукоятку для лезвия и резать ящики этим самодельным ножом.

Пужда подогнала мою изобретательность. Я быстро осуществил свое намерение и через час или около того держал в руке нож с новой рукояткой. Она была немного грубовата, но годилась для моей цели не хуже старой. И я снова успокоился и повеселел.

Я сделал новый черенок следующим образом: раздобыв отрезок толстой доски, я сначала обстрогал его и придал ему нужный размер и форму. Мне удалось сделать это лезвием: оно подходило для такой легкой работы, хотя и было лишено рукоятки. Потом я ухитрился расщепить дерево на глубину в два дюйма и вставил в

трещину сломанный конец лезвия. Следующей моей мыслью было обмотать трещину веревкой, но я сообразил, что из этого ничего не выйдет. При работе лезвием веревка ослабнет и развяжется. К тому же, когда я начну водить ножом то в одну, то в другую сторону, бечевка расшатает и самое лезвие. Оно выпадет, может быть, завалится между ящиками, и я его потеряю. Такое происшествие могло бы оказаться роковым для всех моих планов. Нет, рисковать нельзя.

Что бы такое найти, чтобы укрепить клинок в расщелине более прочно? Если бы у меня был один или два ярда проволоки! Но проволоки нигде не было... Как нигде? А фортепиано! Струны! Ведь они-то из проволоки!

Сумей я влезть в фортепиано, я бы немедленно похитил у него одну из струн. Но как до них добраться? Об этом затруднении я не подумал заранее и теперь не знал, как быть. Конечно, с таким ножом, какой был сейчас у меня в руках, проложить себе дорогу через фортепиано невозможно, и мне пришлось оставить эту идею.

Но я тут же вспомнил о другом — о железных скрепах от ящиков. А их у меня было сколько угодно. Вот самая подходящая вещь! Они пригодятся не хуже, чем проволока. Эти гибкие, тонкие полоски, обернутые вокруг черенка и тыльной части лезвия, превосходно будут держать его на месте и не позволят ему болтаться. Поверх всего я намотаю еще и веревку. Она не даст полоскам разойтись, и у меня будет настоящая рукоятка.

Сказано — сделано. Я поискал и нашел скрепу, тщательно обернул ее вокруг черенка и лезвия — и, затянув все это веревкой, получил нож. Конечно, клинок стал короче, но все-таки он был достаточно длинен и мог прорезать самую толстую доску, какая встретится на моем пути. Я совершенно успокоился.

В этот день я работал по крайней мере часов двадцать. Я был в совершенном изнеможении — мне уже давно следовало отдохнуть. Но после того как сломался нож, я не мог думать об отдыхе. Было бы бессмысленно

пытаться заснуть: мое горе все равно бы этого не позволило.

Новый нож, однако, помог мне восстановить прежнюю уверенность в будущем, и я больше не мог сопротивляться сильному желанию отдохнуть. Я очень нуждался в этом и духом и телом.

Вряд ли нужно прибавлять, что голод заставил меня снова обратиться к моему жалкому пищевому складу. Вам покажется странным — да мне и самому теперь так кажется, — что я не испытывал никакого отвращения к такой пище. Наоборот, я съел свой «крысиный ужин» с таким же удовольствием, с каким теперь ем самое утонченное блюдо!

Глава LX

ТРЕУГОЛЬНАЯ КАМЕРА

Я провел ночь, или, вернее сказать, часы отдыха, в своем старом помещении — за бочкой с водой.

Я больше уже не знал, да и не интересовался, когда день и когда ночь. В этот раз я хорошо выспался и проснулся освеженным и окрепшим. Без всякого сомнения, тут мне помогла и новая пища. Как ни отвратительна была она, все же она была полезна для голодного желудка.

Я позавтракал сразу же, как только проснулся. После завтрака я отправился в свою «галерею» и влез в пустой ящик, где провел накануне почти целые сутки.

Забравшись туда, я не без сожаления подумал, как мало мне удалось сделать за двадцать часов! Но меня поддерживала надежда, тайная мысль, что на этот раз мне больше повезет.

Я намеревался продолжать работу, которая была прервана поломкой ножа. Я уже давно заметил, что доски прибиты не очень крепко. Их можно было выломать каким-нибудь подходящим орудием, пожалуй даже палкой.

Теперь я ни за что больше не стал бы употреблять для этого нож. Больше чем когда бы то ни было я

оценил сейчас это драгоценное оружие. Я прекрасно понимал, что моя жизнь зависит от его сохранности.

«Ах, если бы у меня был кусок крепкого дерева!» — думал я. Я вспомнил, что, вышибая дно у бочонка с брэнди, я выбил доски довольно больших размеров. Может быть, они пригодятся?

С этой мыслью я поспешил туда, где они лежали.

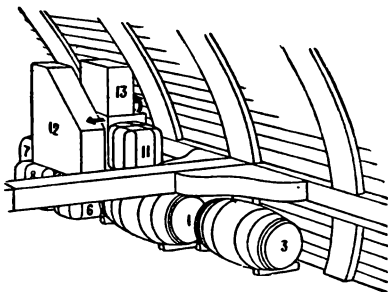
Сбросив несколько кусков материи, я нашел то, что искал. Порывшись, я выбрал дощечку, подходящую для моей цели. Затем я вернулся к ящику и изготовил подобие маленького лома. Действуя ножом, я придал дощечке форму клина. Клин я потом засунул под доску и загнал как можно глубже куском доски.

Когда клин зашел достаточно глубоко, я ухватился за свободный конец и, нажимая на него, вскоре с удовлетворением услышал, как с треском вылетают гвозди. Тут я стал действовать просто пальцами, и доска со скрежетом выпала из дна ящика.

Соседнюю доску я сорвал уже легче. Теперь образовалось отверстие, достаточное для того, чтобы извлечь из ящика любое содержимое.

Там были продолговатые пакеты, формой напоминавшие штуки сукна или полотна, но гораздо более легкие и упругие. Да и достать их было проще, потому что не надо было срывать с них обертку.

Они не вызвали во мне большого любопытства: я уже сразу мог сказать, что тут нет ничего съестного. Может статься, я не узнал бы о них ничего и до сего дня, если бы обертка одного из пакетов не прорвалась случайно. Я нащупал какой-то мягкий, гладкий, скользкий материал и понял, что у меня в руках превосходный бархат.

Сбоку третьего ящика с сукном на втором этаже оказалось фортепиано (12); сверху, на третьем этаже. — ящик с бархатом (13)

Я быстро вынул содержимое ящика и бережно сложил пакеты позади себя. Затем я поднялся в пустой ящик. Еще одним ярусом ближе к свободе!

Этот большой шаг вперед не занял и двух часов. Такой успех был прекрасным предзнаменованием. День хорошо начался. Я решил не терять ни минуты времени, раз уж судьба ко мне так благосклонна.

Я спустился вниз, напился вволю воды, вернулся в бывшее вместилище бархата и снова занялся разведкой. Так же как и предыдущий, этот ящик упирался концом в фортепиано, который легко было вышибить. Я не стал медлить, вытянул ноги и принялся выбивать свою обычную дробь каблуками.

На этот раз дело пошло не так скоро. У меня не было достаточного простора, потому что ящик с бархатом был меньше, чем ящик с материей, но наконец я добился своего: обе концевые доски вылетели и провалились в промежутки между грузами.

Я встал на колени и предпринял новую разведку. Я ожидал, или, вернее, боялся, что крышка от ящика с фортепиано занимает сплошной стеной всю открытую мной поверхность. Действительно, огромный ящик был тут как тут — я тотчас нащупал его рукой. Но я едва удержался от радостного восклицания, поняв, что он занимает всего половину пространства напротив отверстия и что рядом имеется обширное пустое место — его хватило бы еще для одного ящика с бархатом!

Это был приятный сюрприз, и я сразу оценил свою неожиданную удачу. Порядочный кусок туннеля был уже готов и открыт для меня.

Я выставил руку, поднял ее — новая радость: пустота распространяется вверх на десять — двенадцать дюймов, до самой верхушки ящика с фортепиано! То же самое внизу, у моих колен. Там образовался острый угол, ибо, как я уже отмечал, эта маленькая камера была не четырехугольная, а треугольная с вершиной, обращенной вниз. Это объяснялось формой старинного фортепиано, напоминавшей большой параллелепипед, у которого один угол был как бы спилен. Фортепиано стояло боком, на более широкой своей стороне, и как

раз здесь и находилось то место, которое должен был занимать этот отсутствующий угол.

По всей видимости, треугольная форма этой выемки сделала ее неудобной для грузов, потому ее и не заполнили.

«Тем лучше», — подумал я и высунул руки во всю длину, с целью произвести более тщательное исследование.

Глава LXI

ЯЩИК С МОДНЫМИ ТОВАРАМИ

Это заняло немного времени. Я очень скоро заметил, что с другой стороны пустой камеры стоит объемистый ящик и такой же ящик заграждает ее справа. Слева же идет по диагонали край ящика с фортепиано, в ширину около двадцати дюймов, или двух футов.

Но я очень мало беспокоился насчет правой, левой или задней стороны. Я больше всего интересовался толком маленькой камеры, ибо намеревался, если удастся, продолжать свой туннель именно вверх.

Я понимал, что сильно продвинулся в горизонтальном направлении, потому что главное для меня преимущество этой пустой камеры заключалось в том, что она дала мне возможность продвинуться по горизонтали на всю толщину фортепиано — около двух футов, — не считая того, что я продвинулся еще и вверх. Я не желал идти ни вперед, ни направо, ни налево, разве что какое-нибудь препятствие встанет на моем пути. «Все выше!» — вот было главной моей мыслью. «Эксцельсиор!» Еще два или три яруса, а может быть, и меньше, — и, если не возникнет препятствий, я буду свободен! Сердце мое радостно билось, когда я думал об этом.

Не без волнения протянул я руку к потолку пустой камеры. Пальцы мои задрожали, когда наткнулись на хорошо знакомый мне холст. Я непроизвольно отдернул руку.

Боже мой! Опять этот проклятый материал — тюк с полотном!

Однако я не был в этом вполне убежден. Я вспомнил, что раз уже ошибся таким образом. Надо еще раз проверить.

Я сжал кулак и сильно постучал по нижней части тюка. О, мне ответил очень приятный звук! Нет, это не тук с полотном, а ящик, завернутый, как и многие другие, в несколько слоев грубого, дешевого холста. Это и не сукно, потому что ящики с сукном отвечали на стук глухо, а этот давал гулкий отзвук, словно был пустой.

Странно.. Он не мог быть пустым, иначе зачем он здесь? А если он не пустой, то что в нем?

Я стал молотить по нему черенком ножа — опять тот же гулкий звук!

«Ну что ж, — подумал я, — если он пустой, то тем лучше, а если нет, то в нем что-то легкое, от чего просто будет избавиться. Отлично!»

Рассудив так, я решил не тратить больше времени на догадки, но ознакомиться с содержимым нового ящика, проложив в него дорогу. Я мгновенно сорвал холст; прикрывавший дно.

Я почувствовал, что мне неудобно стоять. Треугольное пространство резко суживалось книзу, и мне трудно было держаться на ногах. Но я вышел из затруднения, наполнив острый угол кусками сукна и бархата, которые были у меня под рукой. Тогда стало легче работать.

Не стоит подробно описывать способ, которым я вскрывал ящик. Я сделал это как обычно. Один раз пришлось разрезать доску — и новый нож вел себя прекрасно. Я вынул разрезанные доски.

Я был весьма удивлен, когда проник в ящик и ознакомился с его содержимым. Некоторое время я не мог понять на ощупь, что это за вещи, но, когда отделил один предмет от других и провел по нему пальцами, я наконец понял — это были шляпы!

Да, дамские шляпы — отделанные кружевами и украшенные перьями, цветами и лентами.

Если бы я знал тогда, как одеваются жители Перу, я удивился бы еще больше, найдя такой странный товар среди груза. Разве можно увидеть шляпу на

прекрасной голове перуанской дамы! Но я об этом ничего не знал и просто удивился тому обстоятельству, что такой предмет входит в груз большого корабля.

Впоследствии, однако, мне объяснили, в чем дело: в южноамериканских городах живут англичанки и француженки — жены и сестры английских и французских купцов и официальных представителей, которые находятся там постоянно. И, несмотря на огромное расстояние, отделяющее их от родины, они упорно стараются следовать модам Лондона и Парижа, хотя над этими нелепыми головными уборами смеются их прекрасные сестры из Испанской Америки.

Вот для кого, следовательно, предназначалась коробка со шляпами.

Мне очень жаль, но я должен признаться, что на этот сезон их ожидания оказались обманутыми. Шляпы не дошли до них, а если и дошли, то в таком состоянии, что не способны были украсить кого бы то ни было. Рука моя была немилосердна, добираясь до ящика, — я мял и кромсал их, пока все шляпы не были затиснуты в угол и спрессованы так плотно, что заняли десятую часть того пространства, которое занимали раньше.

Не сомневаюсь, что множество проклятий сыпалось впоследствии на мою несчастную голову. Единственное, что я мог возразить, — это сказать правду. Дело шло о жизни и смерти — я не мог заботиться о шляпах. Ряд ли это могло послужить оправданием в тех домах, где ожидали прибытия этих шляп. Впрочем, об этом я никогда ничего не узнал. Я только могу прибавить, что впоследствии, много позже, чтобы успокоить собственную совесть, я возместил убыток заокеанскому торговцу модными товарами.

Глава LXII

ЧУТЬ НЕ ЗАДОХНУЛСЯ

Покончив со шляпами, я немедленно вскарабкался в пустой ящик. Надо было, по возможности, снять всю крышку или хотя бы часть ее. Сначала я попытался

выяснить, что находится наверху, и для этого избрал тот же план действий, которому следовал и раньше. — просунул лезвие ножа в щель. К сожалению, лезвие было теперь короче и не так уже годилось для этой цели, но все-таки его длины хватало для того, чтобы просунуть его через дюймовую доску, да еще на два дюйма дальше и определить, мягкое или жесткое препятствие заграждает мне путь.

Итак, находясь внутри ящика из-под шляп, я просунул лезвие через крышку. Груз, который лежал над мной, состоял из чего-то мягкого и поддающегося клинку. Помню, что там была холщовая оболочка, и, погружая в нее нож по самую рукоятку, я не встретил ничего похожего на дерево, ничего напоминающего доски ящика.

Но я также знал, что это не полотно, потому что лезвие проникало туда, как в масло, а этого не случилось бы, если бы там был тук с полотном. Раз так, я успокоился. Остальное меня не смущало.

Я пробовал в нескольких местах — по всей крышке, — и везде лезвие погружалось до самого черенка почти без всякого усилия с моей стороны. Груз состоял из чего-то нового, чего я до сих пор не встречал и о чем не догадывался.

Этот груз, как мне казалось, не станет серьезным препятствием на пути моего продвижения.

В прекрасном настроении я взялся за работу и принялся выдергивать доску из крышки, на которой этот груз лежал.

Снова пришлось заняться скучной и долгой работой — резать доску ножом. Эта работа занимала у меня больше времени и требовала больше сил, чем все остальное, вместе взятое. Но она была абсолютно необходима, так как у меня не было другого способа проложить туннель вверх через ящики. На каждый из них давил своим весом следующий верхний груз, и выломать доски, прижатые сверху тяжестью, было невозможно. Я мог удалить их, только разрезав поперек.

Крышку ящика из-под шляп мне удалось вскрыть без особого труда. Она была из тонких еловых досок,

и за половину или три четверти часа я разделил надвое среднюю доску из трех, ибо крышка состояла из трех досок. Разрезанные куски я легко отогнул вниз и вынул их.

Я оторвал кусок холщовой оболочки, и рука моя достигла неизвестного груза, который покоился на ящике. Я сразу узнал, что это такое. Еще в дядином амбаре я научился узнавать на ощупь мешки. Да, это был мешок.

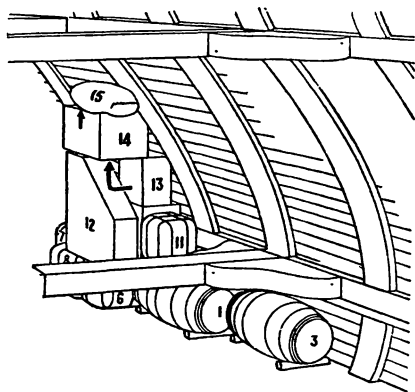
Он был чем-то наполнен, но чем? Пшеницей, ячменем, овсом? Нет, зерна там не было—там было что-то более мягкое и нежное. Неужели мешок с мукой?

Скоро я убедился в этом. Клинок мой вошел в мешок и проделал дыру величиной с кулак. Мне даже не пришлось всовывать руку в мешок, потому что прямо на мою ладонь посыпался сверху мягкий порошок и заполнил всю мгновенно. Сжав пальцы, я набрал целую пригоршню муки. Я поднес руку ко рту и убедился окончательно, что это так: передо мной был мешок с мукой.

Это было поистине радостное открытие. Пища, которой хватит на несколько месяцев! Теперь я не умру с голоду, и больше мне не надо будет есть крыс. Нет! С мукой и водой я буду жить, как принц. Что в том, что она сырая? Зато она вкусна, питательна, полезна для здоровья.

«Слава богу! Теперь я спасен!»

Вот какие слова вырвались у меня, когда я полностью оценил все значение моего открытия.

На четвертом этаже находился ящик с дамскими шляпами (14), а над ним, на пятом, — мешок муки (15).

Я работал уже много часов и нуждался в отдыхе. Кроме того, я был голоден и не мог удержаться от соблазна наесться вдоволь нового блюда. Наполнив карманы мукой, я вернулся в старое логовище за бочкой с водой. Предварительно я на всякий случай заткнул холстом дыру, проделанную мной в мешке, и только тогда стал спускаться вниз. Я швырнул свой мешок с крысами в первый попавшийся угол, надеясь, что больше не придется иметь с ними дело. Замешав порядочное количество муки водой, я съел тесто с таким наслаждением, как будто это был лучший из английских пудингов.

Несколько часов крепкого сна освежили меня. Проснувшись, я снова поел теста и стал подниматься в мою сильно продвинувшуюся вверх галерею.

Пробираясь через второй ярус, я с удивлением заметил что-то мягкое, похожее на порошок или пыль, покрывавшее все горизонтально положенные доски. В пустой камере около фортепиано вся нижняя часть этого пространства была заполнена той же пылью, и, вступив туда, я погрузился в нее до лодыжек. Я заметил, что на голову и плечи мне падает настоящий ливень из пыли. Когда я беспечно поднял лицо кверху, этот ливень обрушился в рот и в глаза, и я начал немилосердно чихать и кашлять.

Я испугался, что задохнусь, и первым моим движением было обратиться в бегство и спрятаться за бочкой с водой. Но незачем было уходить так далеко, достаточно было отступить к ящику из-под галет. Я недолго раздумывал над объяснением этого странного явления. Это не пыль, а мука! Корабль качнулся, холщовая затычка выпала из мешка, и мука стала высыпаться в дыру.

Мысль о том, что я останусь без муки, заставила меня похолодеть. Значит, я вынужден буду снова питаться крысами! Надо немедленно заделать дыру в мешке, чтобы сохранить хоть часть муки.

Несмотря на боязнь задохнуться, я понимал, что необходимо действовать, и, закрыв глаза и рот, ринулся к пустому ящику из-под шляп.

Повсюду в ящике лежала мука, но она больше не сыпалась. Она перестала высыпаться из мешка по самой простой причине: она вся уже высыпалась. Мешок опустел!

Я счел бы это происшествие великим для себя бедствием, если бы не обнаружил, что мука не целиком потеряна. Порядочная доля просыпалась, конечно, в щели и попала на дно трюма, но большое количество — достаточное для моих нужд — осталось на кусках материи, которые я заложил на дно треугольной камеры, да и в других местах, куда я мог проникнуть, когда мне заблагорассудится.

Впрочем, это оказалось несущественным, потому что в следующий момент я сделал открытие, которое окончательно вытеснило у меня из головы все мысли о муке и вообще о пище, о воде и всем прочем.

Я протянул руку, чтобы убедиться в том, что мешок пуст. Как будто так. Почему же не вытащить его через отверстие и убрать с дороги? Почему бы нет? Я выхватил мешок и бросил его вниз.

Потом я высунул голову из ящика в том месте, где раньше был мешок.

Боже праведный! Что я вижу? Свет! Свет! Свет!

Г л а в а L X I I I

СВЕТ И ЖИЗНЬ

Да, глаза мои любовались светом, исходившим с неба, и сердце мое наполнилось ликованием. Не могу описать свое счастье. От страха не осталось и следа. Исчезли малейшие опасения. Я спасен!

Это была всего лишь небольшая полоска света — просто лучик. И он пробивался через щель между двумя досками. Он проходил надо мной, но не вертикально, а скорее по диагонали, примерно в восьми или десяти футах от меня.

Я знал, что свет не мог проникнуть через палубу: между досками корабельной палубы не бывает щелей.

Свет шел от люка — должно быть, отогнулся покрывающий крышку люка брезент.

Никогда я не видел ничего радостнее этого тоненького лучика, сиявшего надо мной подобно метеору! Ни одна звезда на синем небе не казалась мне прежде такой блестящей и красивой! Этот свет был похож на глаз доброго ангела, который улыбался мне и приветствовал мое возвращение к жизни.

Я недолго оставался внутри ящика из-под шляп. Я знал, что работа моя приходит к концу, что мои надежды близки к осуществлению, и у меня не было ни малейшего желания откладывать свое освобождение. Чем ближе была цель, тем с большим нетерпением я к ней стремился. Поэтому без промедления я стал расширять отверстие в крышке ящика.

Свет, который я видел, убедил меня в очень важной истине — в том, что я нахожусь на верху груза. Раз я вижу луч, идущий по диагонали, следовательно, между мной и ним ничего нет и, значит, здесь пустое пространство. Такая пустота могла существовать только над грузом.

Вскоре я в этом убедился. Чтобы проделать отверстие, достаточно широкое для моего тела, хватило и двадцати минут. И, едва закончив эту работу, я скользнул в дыру и, изогнувшись, вылез на верхушку ящика.

Я поднял руки над головой, развел их в стороны. Позади себя я нащупал ящики, тюки и мешки, которые громоздились еще выше, но впереди был только воздух.

Несколько минут я сидел, свесив ноги, на крышке ящика, в том месте, где вылез наружу. Я не рискнул даже сделать шаг, чтобы не упасть в пустоту. Я глядел на прекрасный луч, похожий на огонь маяка. Теперь он сиял еще ближе.

Постепенно глаза мои привыкли к свету. И хотя расщелина пропускала всего несколько слабых полосок света, я начал различать ближайшие предметы. Я заметил, что пустота вокруг меня не простиралась далеко. Я находился на дне небольшой выемки в виде

Несколько минут я сидел на крышке ящика.

неправильной дуги. Это было что-то вроде амфитеатра, окруженного со всех сторон громадными ящиками с товарами.

В сущности, это было пространство, оставшееся под люком после погрузки. Кругом стояли пустые бочки, лежали мешки, в которых, вероятно, находились продукты — очевидно, провизия для команды, — расположенные так, чтобы их легко было доставать по мере надобности.

Мой туннель кончился на одной из сторон этого углубления, и я несомненно находился под крышкой люка.

Оставалось только сделать один — два шага, постучать в доски над головой и позвать команду на помощь.

И хотя достаточно было одного удара или крика, чтобы освободиться из темноты, прошло много времени, прежде чем я решился постучать или крикнуть.

Пожалуй, не стоит объяснять вам причину моей нерешительности и колебаний. Подумайте только о том, что оставалось позади меня, — о том ущербе и разрушениях, которые я причинил грузу, об убытках, может быть, на сотни фунтов! Подумайте о том, что у меня не было никакой возможности вернуть или заплатить хотя бы малейшую часть стоимости этих товаров, — подумайте обо всем этом, и вы поймете, почему я так долго сидел на ящике из-под шляп.

Меня сковал страх. Я боялся развязки этой драмы во мраке — неудивительно, что я не торопился довести ее до конца.

Что скажу я суровому, возмущенному капитану? Как перенесу яростный гнев свирепого помощника? Как выдержу их взгляды, слова, упреки, может быть, даже побои?.. А вдруг они выбросят меня в море?

Холод ужаса пробежал у меня по жилам, когда я подумал о возможности такого исхода. Состояние духа моего резко изменилось. За минуту перед тем мерцающий луч света наполнял мою душу радостью, а теперь я сидел и глядел на него, и сердце у меня сжималось от страха и смятения.

ИЗУМЛЕНИЕ КОМАНДЫ

Я стал думать, как бы возместить убытки, но мои размышления были и глупы и горьки. У меня ничего не было — разве только старые часы. Ха-ха-ха! Их вряд ли хватит даже на то, чтобы оплатить ящик с галетами!

Впрочем, нет! У меня была еще одна вещь, и ее я сохранил до сих пор. Она была для меня гораздо дороже, чем часы, даже чем тысяча часов. Но эта вещь, так высоко мной ценимая, не стоила и шести пенсов. Вы догадываетесь, о чем я говорю? Конечно, догадываетесь, и вы правы: я говорю о моем дорогом ноже!

Дядюшка, конечно, ничего для меня не сделает. Он позволял мне жить в своем доме только по необходимости, а не из чувства ответственности за ребенка. Он ни в коей мере не обязан расплачиваться за причиненные мной убытки, да я и сам ни на минуту не допускал такой мысли.

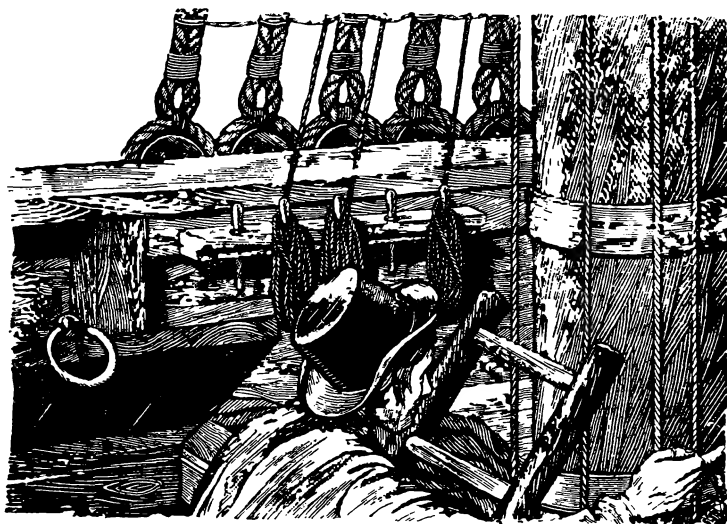
У меня была маленькая надежда, одно соображение, которое казалось мне сравнительно разумным: я предложу капитану свои услуги на долгий срок. Я стану работать у него юнгой, вестовым, слугой — чем угодно! — лишь бы отработать свой долг.

Если он меня примет (а что ему еще делать со мной, разве действительно швырнуть за борт!), тогда все уладится. Эта мысль меня ободрила. Как только я увижу капитана, сейчас же предложу ему свои услуги.

В этот момент надо мной раздался громкий топот. Похоже было, что множество людей тяжело расхаживают взад и вперед по палубе. Звуки доносились с обеих сторон люка и кругом по всей палубе.

Потом я услышал голоса — человеческие голоса! Как приятно было их слышать!.. Сначала я слышал только возгласы и отдельные слова, затем все смешалось в нестройный хор. Голоса были грубые, но какой прекрасной, музыкальной казалась мне рабочая, матросская песня!

Она наполнила меня уверенностью и смелостью. Я больше не мог терпеть свое заточение! Как только

На меня смотрели с жалостью, и

песня кончилась, я прыгнул к люку и деревянной рукояткой ножа начал громко стучать в доски над головой.

Я прислушался — мой стук услышали. Наверху шел какой-то разговор, я различал удивленные восклицания. Но хотя разговор не умолкал и к нему присоединялись всё новые голоса, никто не пытался открыть люк.

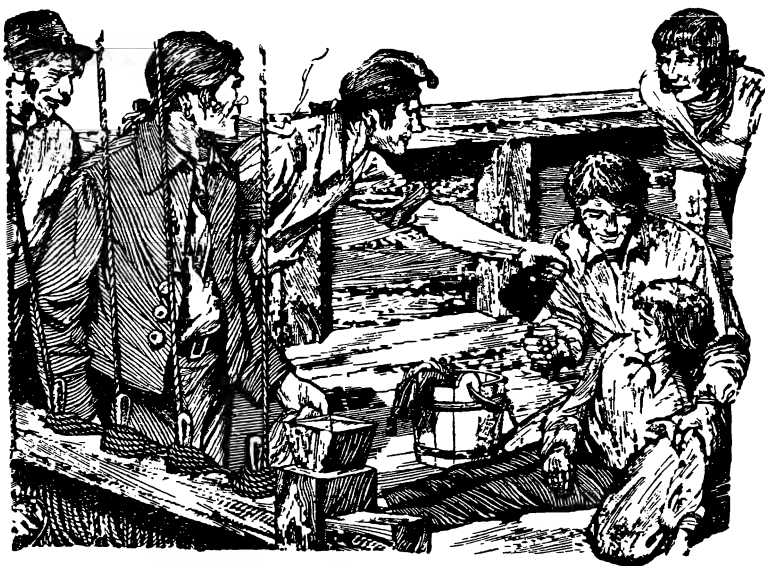
Я постучал громче, начал кричать, но голос мой был тонок и слаб, как голос младенца. И я сомневался, услышат ли его наверху.

Снова раздался хор удивленных восклицаний. Голосов было много, и я решил, что вся команда собралась вокруг люка.

Я постучал в третий раз для верности и замер в беспокойном и молчаливом ожидании.

Я услышал, как что-то зашуршало над люком, — снимали брезент. И как только его сняли, свет брызнул в расщелины между досками.

В следующий момент надо мной внезапно открылось небо: поток света ударил мне в лицо и почти ослепил

я слышал сочувственные замечания.

меня. Больше того, этот поток света вызвал у меня слабость, и я свалился назад, на ящики. Я не сразу потерял сознание, но постепенно впал в обморочное состояние, испытывая какое-то странное чувство ошеломления.

Когда люк открылся, я заметил вокруг него грубые лица — человеческие головы, склонившиеся над отверстием. Они разом отшатнулись с выражением величайшего ужаса. Я услышал восклицания, в которых чувствовался тот же ужас. Но тут звуки постепенно замерли в моих ушах, свет погас... и я окончательно потерял сознание, словно умер.

Конечно, это был только обморок. Я не слышал и не чувствовал, что происходит вокруг меня. Я не видел, как эти грубые лица снова появились над краем люка и осмотрели меня с тревогой. Я не видел, как один из них, набравшись храбрости, полез вниз и спустился па груз, за ним — другой, третий... и все они склонились надо мной. И тут снова последовал взрыв восклицаний, посыпались догадки. Я не слышал, как они бережно

брали меня на руки, щупали пульс и прикладывали свои грубые ручки к моему сердцу, проверяя, есть ли еще в нем биение жизни. Не слышал я, как рослый матрос взял меня на руки и прижал к себе, а потом, когда принесли и спустили в люк короткую лесенку, вынес из трюма и осторожно положил на шканцы. Я ничего не слышал, не видел, не чувствовал, пока холодная вода, которой плеснули мне в лицо, не пробудила меня от забытья и не вернула к жизни.

Глава LXV

РАЗВЯЗКА

Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу на палубе. Вокруг меня собралась толпа — куда ни кину взгляд, везде человеческие лица. Лица были грубые, но я не видел на них никакой неприязни. Наоборот, на меня смотрели с жалостью, и я слышал сочувственные замечания.

Это были матросы — вокруг меня стояла вся команда. Один из них, наклонясь надо мной, вливал мне в рот воду и клал на лоб мокрую тряпку. Я узнал его с первого взгляда. Это был Уотерс — тот самый, который высадил меня на берег и подарил мне драгоценный нож. Он и не догадывался в то время, какую службу сослужит мне его подарок.

— Уотерс, — сказал я, — вы меня помните?..

В ответ на мои слова он издал несколько характерных матросских восклицаний.

— Лопни мои шпангоуты! — услышал я. — Лопни мои шпангоуты, если это не тот сморчок, который все приставал к нам в порту!

— Который набивался с нами в море! — вскричали другие.

— Тот самый, убей меня бог!

— Да, — ответил я, — тот самый и есть.

Новый взрыв восклицаний. И вдруг наступила тишина.

— Где капитан?.. — спросил я. — Уотерс, отведите меня к капитану!

— Капитан тебе нужен? Да вот он, паренек, — добродушно ответил дюжий матрос, раздвигая руками толпу, которая меня окружала.

Я посмотрел туда и увидел того хорошо одетого человека, в котором с самого начала узнал капитана. Он стоял в нескольких шагах от меня, у двери в каюту. Я поглядел на его лицо. Выражение лица было суровое, но я не испугался. Мне казалось, что взгляд его смягчился.

Я колебался некоторое время, но потом, собрав всю свою энергию, поднялся на ноги, шатаясь бросился вперед и опустился перед ним на колени.

— О сэр! — воскликнул я. — Мне нет прощения!

Не помню точно, как я выразился. Но это было все, что я мог сказать.

Я больше не глядел ему в лицо. Я смотрел на палубу и ждал ответа.

— Встань, паренек, и пойдем! — сказал он мягко. — Встань, и пойдем в каюту!

Его рука легла на мою. Он поднял меня и увел. Сам капитан шел рядом со мной и поддерживал меня, потому что я шатался! Было непохоже, что он собирается бросить меня на съедение акулам. Смел ли я надеяться, что все кончится так благополучно?

В каюте я заметил свое отражение в зеркале. Я не узнал себя. Я был весь белый, словно меня вымазали известью, — тут я вспомнил про муку. Можно было разобрать только лицо, но и лицо было белое-белое, изнуренное, костлявое, как у скелета. Страдания и голодовка совершенно истощили меня.

Капитан усадил меня на кушетку, позвал слугу и приказал принести стакан портвейна. Он не проронил ни слова, пока я пил, а затем, устремив на меня взгляд, в котором не было ни тени суровости, сказал:

— Ну, паренек, теперь расскажи мне обо всем!

Это была длинная история, но я рассказал все с начала до конца. Я ничего не утаил: ни повода, по которому я убежал из дому, ни одной подробности об ущербе,

который я причинил грузу. Впрочем, он уже знал об этом, потому что половина команды успела побывать в моем логовище за бочкой с водой и во всем удостоверилась сама.

Описав все самым тщательным образом, я изложил ему свое предложение и с тревогой в сердце стал ждать ответа. Но мое беспокойство скоро исчезло.

— Храбрый парень! — воскликнул он, вставая и направляясь к двери. — Ты хочешь быть матросом? Ты заслуживаешь этой чести. И в память о твоём благородном отце, которого я знал, ты *будешь* матросом!.. Эй, Уотерс, — продолжал он, обращаясь к рослому морскому волку, который ожидал снаружи, — возьми этого паренька и приодень его как полагается! Как только он окрепнет, научи его обращаться со снастью!

* * * * *

И Уотерс научил меня обращаться со снастями — я изучил каждую из них наилучшим образом. Несколько лет подряд он был моим сотоварищем под командой доброго капитана, пока я не перестал быть просто «морским волчком» и не был внесен в списки матросов «Инки» как «матрос первой статьи».

Но я не остановился на этом. «Эксцельсиор!» — вот что стало моим девизом.

С помощью великодушного капитана я стал впоследствии третьим помощником, затем вторым, потом первым и наконец капитаном!

Со временем я поднялся еще выше и сделался капитаном собственного судна. Это было величайшей целью моей жизни. Теперь я мог уходить в море и возвращаться, когда мне заблагорассудится, бороздить необъятный океан в любых направлениях и плыть в любую часть света.

Одним из моих первых и самых удачных рейсов — уже на собственном корабле — был рейс в Перу. Помню, что я взял с собой ящик со шляпами для английских и французских дам, живущих в Кальяо и Лиме. На этот раз шляпы дошли в целости, но не думаю, что

они понравились прекрасным креолкам, которых они должны были пленить.

За продавленные шляпы давно было выплачено, так же как и за пролитый бренди и весь ущерб, причиненный сукну и бархату. В сущности, сумма была не так уж велика. И владельцы, оказавшиеся великодушными людьми, приняв во внимание обстоятельства, проявили снисходительность в переговорах с капитаном, а он, в свою очередь, постарался облегчить мне условия платежа. За несколько лет я выплатил всё, или, как мы, моряки, говорим, «обрасопил реи»¹.

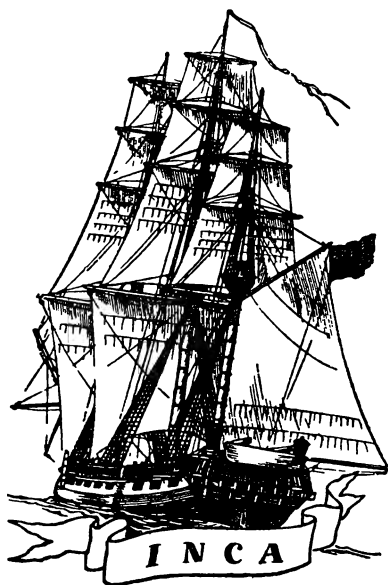
А теперь, мои юные друзья, мне остается добавить, что, прохажив по морям долгие годы и скопив при помощи искусных торговых операций и разумной бережливости достаточные средства, чтобы обеспечить остаток своих дней, я начал уставать от океанских валов и штормов, и меня потянуло к спокойной жизни на суше. С каждым годом тяга эта все усиливалась, так что я больше не смог сопротивляться и решил уступить ей и бросить якорь где-нибудь у берега.

С этой целью я продал свой корабль и корабельные запасы и вернулся в прелестный поселок, где, как вы знаете, я родился и где намереваюсь умереть.

А теперь прощайте! Мой рассказ окончен.

¹ «Обрасопить реи» (морской термин) — установить реи под прямым углом в отношении киля и мачты; в переносном смысле — «уладить дела», «привести дела в порядок».

Содержание

ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ

Глава I. Страна Цветов	9
Глава II. Плантация индиго	12
Глава III. Два Джека	17
Глава IV. Флоридский колодец	20
Глава V. Мулат и его спутник	24
Глава VI. Аллигатор	26
Глава VII. Черепаший садок	29
Глава VIII. Королевские коршуны	36
Глава IX. Купанье	41
Глава X. Метис	46
Глава XI. Охота	50
Глава XII. Суровый приговор	55
Глава XIII. Погоня	60
Глава XIV. Мсть Ринггольда	66
Глава XV. Маюми	70
Глава XVI. Остров	76
Глава XVII. Уэст-Пойнт	84
Глава XVIII. Семинолы	89
Глава XIX. Индейский герой	96
Глава XX. Правосудие на границе	100
Глава XXI. Рабы-индейцы	105
Глава XXII. Хитрая проделка	109
Глава XXIII. О чем я думал по дороге	113
Глава XXIV. Странное явление	116
Глава XXV. Кто стрелял?	121

<i>Глава XXVI.</i>	Пограничный форт	124
<i>Глава XXVII.</i>	Совет	130
<i>Глава XXVIII.</i>	Восходящее Солнце	138
<i>Глава XXIX.</i>	Ультиматум	142
<i>Глава XXX.</i>	Разговор за столом	148
<i>Глава XXXI.</i>	Вожди-изменники	154
<i>Глава XXXII.</i>	Тени на воде	161
<i>Глава XXXIII.</i>	Хадж-Ева	165
<i>Глава XXXIV.</i>	Дьявольский заговор	173
<i>Глава XXXV.</i>	Свет после тьмы	177
<i>Глава XXXVI.</i>	Нужен верный друг!	182
<i>Глава XXXVII.</i>	Последнее совещание	185
<i>Глава XXXVIII.</i>	Низложение вождей	189
<i>Глава XXXIX.</i>	Подпись Оцеолы	195
<i>Глава XL.</i>	Забияка Галлахер	201
<i>Глава XLI.</i>	Повод к дуэли	204
<i>Глава XLII.</i>	Вызов на дуэль	208
<i>Глава XLIII.</i>	Свидание	212
<i>Глава XLIV.</i>	Все стало ясно	217
<i>Глава XLV.</i>	Две дуэли в один день	222
<i>Глава XLVI.</i>	Молчаливое признание	227
<i>Глава XLVII.</i>	Пленник	231
<i>Глава XLVIII.</i>	Военный клич	234
<i>Глава XLIX.</i>	Война	239
<i>Глава L.</i>	Погоня за странным всадником	242
<i>Глава LI.</i>	Кто был всадник?	246
<i>Глава LII.</i>	Холодная вежливость	250
<i>Глава LIII.</i>	Настроение сестры	254
<i>Глава LIV.</i>	Откровенный разговор	257
<i>Глава LV.</i>	Добровольцы	261
<i>Глава LVI.</i>	Таинственные перемены	264
<i>Глава LVII.</i>	Кто открыл мне тайну	267
<i>Глава LVIII.</i>	Старый Хикмэн	271
<i>Глава LIX.</i>	Спешный гонец	275
<i>Глава LX.</i>	Дар влюбленного	278
<i>Глава LXI.</i>	Поход	285
<i>Глава LXII.</i>	Удар по голове	288
<i>Глава LXIII.</i>	Возмездие индейца	292
<i>Глава LXIV.</i>	Неудавшийся банкет	298
<i>Глава LXV.</i>	Разгром Дэйда	302

<i>Глава LXVI.</i>	Поле битвы	305
<i>Глава LXVII.</i>	Битва при Уитлакутчи	308
<i>Глава LXVIII.</i>	Победа, закончившаяся отступлением	315
<i>Глава LXIX.</i>	Еще одно сражение на болоте	318
<i>Глава LXX.</i>	Переговоры	321
<i>Глава LXXI.</i>	Таинственное исчезновение армии	325
<i>Глава LXXII.</i>	Что случилось с Черным Джеком	329
<i>Глава LXXIII.</i>	Страшное зрелище	331
<i>Глава LXXIV.</i>	Погоня по следу	335
<i>Глава LXXV.</i>	Боевая тревога	338
<i>Глава LXXVI.</i>	Ложная тревога	341
<i>Глава LXXVII.</i>	След теряется	343
<i>Глава LXXVIII.</i>	Через саванну	347
<i>Глава LXXIX.</i>	В лесной темноте	349
<i>Глава LXXX.</i>	Сигнальные выстрелы	352
<i>Глава LXXXI.</i>	Опустевший лагерь	357
<i>Глава LXXXII.</i>	Мертвый лес	358
<i>Глава LXXXIII.</i>	Бой в кольце врагов	362
<i>Глава LXXXIV.</i>	Смертельный выстрел Джека	366
<i>Глава LXXXV.</i>	Скудный обед	369
<i>Глава LXXXVI.</i>	Пуля в спину	373
<i>Глава LXXXVII.</i>	Суд среди пламени	377
<i>Глава LXXXVIII.</i>	Быстрая расправа	379
<i>Глава LXXXIX.</i>	Неожиданный враг	383
<i>Глава XC.</i>	Столкновение в темноте	387
<i>Глава XCI.</i>	Три черных пера	392
<i>Глава XCII.</i>	Закопаны и сожжены	395
<i>Глава XCIII.</i>	Демоны или ангелы	401
<i>Глава XCIV.</i>	Смерть Аренса Ринггольда	405
<i>Глава XCV.</i>	Предвестие смерти	412
<i>Глава XCVI.</i>	Судьба Оцеолы. Заключение	415
<i>Р. Самарин.</i>	Послесловие к роману «Оцеола, вождь семинолов»	422

МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

<i>Глава I.</i>	Мои юные слушатели	433
<i>Глава II.</i>	Спасенный лебедем	437
<i>Глава III.</i>	Подводное течение	442

<i>Глава IV.</i>	Ялик	447
<i>Глава V.</i>	Островок	451
<i>Глава VI.</i>	Чайки	455
<i>Глава VII.</i>	Поиски морского ежа	459
<i>Глава VIII.</i>	Ялик уплыл	462
<i>Глава IX.</i>	Сигнальный столб	466
<i>Глава X.</i>	Я взбираюсь на столб	469
<i>Глава XI.</i>	Прилив	473
<i>Глава XII.</i>	Я держусь на столбе	476
<i>Глава XIII.</i>	Подвешен к столбу	481
<i>Глава XIV.</i>	Завтра — в Перу!	484
<i>Глава XV.</i>	Я убегаю из дому	489
<i>Глава XVI.</i>	«Инка» и ее экипаж	493
<i>Глава XVII.</i>	Не вышел ростом!	498
<i>Глава XVIII.</i>	Я проникаю на корабль	501
<i>Глава XIX.</i>	Ура! Мы отчалили!	506
<i>Глава XX.</i>	Морская болезнь	508
<i>Глава XXI.</i>	Заживо погребенный	513
<i>Глава XXII.</i>	Жажда	516
<i>Глава XXIII.</i>	Сладостный звук	518
<i>Глава XXIV.</i>	Бочка пробуравлена	521
<i>Глава XXV.</i>	Втулка	524
<i>Глава XXVI.</i>	Ящик с галетами	528
<i>Глава XXVII.</i>	Бочонок с бренди	531
<i>Глава XXVIII.</i>	Перехожу на строгий рацион	536
<i>Глава XXIX.</i>	Емкость бочки	540
<i>Глава XXX.</i>	Единица меры	544
<i>Глава XXXI.</i>	«Quod erat faciendum» *	548
<i>Глава XXXII.</i>	Ужасы мрака	552
<i>Глава XXXIII.</i>	Гурия	555
<i>Глава XXXIV.</i>	Новая чашка	558
<i>Глава XXXV.</i>	Таинственное исчезновение	560
<i>Глава XXXVI.</i>	Отвратительный пришелец	563
<i>Глава XXXVII.</i>	Размышления о крысах	566
<i>Глава XXXVIII.</i>	Всё за крысоловку!	569
<i>Глава XXXIX.</i>	Вражеская стая	572
<i>Глава XL.</i>	Норвежская крыса	576
<i>Глава XLI.</i>	Сон и явь	579
<i>Глава XLII.</i>	Глубокий сон	582

<i>Глава XLIII.</i>	В поисках второго ящика с галетами	586
<i>Глава XLIV.</i>	Я защищаю крошки	588
<i>Глава XLV.</i>	Снова укус	591
<i>Глава XLVI.</i>	Тюк с полотном	594
<i>Глава XLVII.</i>	Excelsior	598
<i>Глава XLVIII.</i>	Поток бренди	601
<i>Глава XLIX.</i>	Новая опасность	605
<i>Глава L.</i>	Где мой нож?	607
<i>Глава LI.</i>	Крысоловка	610
<i>Глава LII.</i>	Одним ударом	611
<i>Глава LIII.</i>	Кругом!	613
<i>Глава LIV.</i>	Догадки	615
<i>Глава LV.</i>	Я могу стоять во весь рост!	618
<i>Глава LVI.</i>	Очертания корабля	620
<i>Глава LVII.</i>	Серьезное препятствие	625
<i>Глава LVIII.</i>	В обход фортепиано	628
<i>Глава LIX.</i>	Сломанное лезвие	632
<i>Глава LX.</i>	Треугольная камера	636
<i>Глава LXI.</i>	Ящик с модными товарами	639
<i>Глава LXII.</i>	Чуть не задохнулся	641
<i>Глава LXIII.</i>	Свет и жизнь	645
<i>Глава LXIV.</i>	Изумление команды	649
<i>Глава LXV.</i>	Развязка	652

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ
«ОЩЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ»
И. Кускова

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ
«МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК»
В Доброклонского

ПЕРЕПЛЕТ, ФОРЗАЦ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
КАРТЫ, БУКВИЦЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ
С. Пожарского

* * * * *

СХЕМЫ ДЛЯ КАРТ СОСТАВЛЕНЫ
Е Труновым

ФРОНТИСПИСЫ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
И КАРТЫ НАГРАВИРОВАНЫ
М Беловым, С. Латохиным и В. Лопялло

* * * * *

ОБЩИЙ МАКЕТ ИЗДАНИЯ
В. Пахомова

МАЙН РИД
Собрание сочинений, том II
ОЦЕОЛА, ВОЖДЬ СЕМИНОЛОВ
МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

• • • • •

Ответственный редактор *О. А. Лаврова.*
Художественный редактор *В. В. Пахомов.*
Технический редактор *Н. П. Самохвалова.*
Корректоры
Е. И. Балабан и Е. Н. Грушковская

• • • • •

Сдано в набор 29/VIII 1956 г. Подписано
к печати 24/XII 1956 г. Формат 84 × 108¹/₃₂ —
415 печ. л. = 33,89 усл. печ. л. (31,01 уч.-
изд. л.). Тираж 300 000 экз. Цена 15 руб.
Заказ № 1154
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

• • • • •

Фабрика детской книги Детгиза, Москва,
Сущевский вал, 49.

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

с
МАЙН РИД

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

ТОМ ПЕРВЫЙ

Белый вождь.

Квартеронка.

ТОМ ВТОРОЙ

Одеола, вождь семнолов.

Морской волчонок.

ТОМ ТРЕТИЙ

Охотники за растениями.

Ползуны по скалам.

Затерянные в океане.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Дети лесов.

Юные охотники.

Охотники за жирафами.

ТОМ ПЯТЫЙ

Белая перчатка.

В делях Борнео

ТОМ ШЕСТОЙ

Всадник без головы

Мароны.

*Все издания намечено осуществить
в 1956—1958 годах.*

